

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2024. № 508. Ноябрь

• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ

• ФИЛОЛОГИЯ

• ФИЛОСОФИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ПРАВО

• SOCIOLOGY

AND POLITICAL SCIENCE

• PHILOLOGY

• PHILOSOPHY

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 508. November

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ливенцова Е.Ю., Басина П.А., Александрова Ю.К., Гойко В.Л., Дунбинский И.А. Репрезентация семейных ценностей студенческой молодежью в университетских сообществах социальной сети «ВКонтакте»	5
Саркисова А.Ю., Дунаева Д.О., Петров Е.Ю., Мягков М.Г. Проваксерские и антиваксерские онлайн-сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: сравнительный анализ сетевых характеристик	15
Лавров И.А., Крыштановская О.В. Государство и общество: взгляд на героев и доблести	28
Рахманов А.Б. Беспилотник Минервы над царством Марса: специальная военная операция России на Украине как вооруженный конфликт (философско-социологический анализ)	37

ФИЛОЛОГИЯ

Анисимов И.В., Макеев М.И., Трищенко Н.Д. Основные характеристики публикационной активности российских исследователей медиа и коммуникации в 2017–2021 гг. в изданиях, индексируемых Web of Science	47
Валиева М.Р., Бускунбаева Л.А. Кодовые переключения и русизмы в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка	56
Колмогорова А.В., Колмогорова П.А., Куликова Е.Р. Через годы, через расстояния...: динамика эмоциональной тональности и ключевых тем в текстах песен о Великой Отечественной войне с 1965 по 1990 г. (на материале корпуса советских песен)	65
Радионова А.В. Поэтико-философская концепция собирания существования у Б. Пастернака и С. Кьеркегора	77
Тимофеева М.К., Кононенко И.С., Шестаков В.К., Зоркальцев А.В. Анализ возможностей использования разметки на основе теории риторических структур для уточнения аргументативной разметки	86
Чапля В.В. Пространственный компонент концепта <i>Россия</i> в учебниках по русскому языку как иностранному российских и китайских авторов	99

ФИЛОСОФИЯ

Гиренок Ф.И. О природе художественной реальности	108
Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.) Новый материализм: поворот к нечеловеческому и деантропологизация мира	114
Корольков М.Д. Сравнительный анализ и опыт конструирования онтологий техники/технологии	121

ИСТОРИЯ

Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Академик Жозеф Николас Делиль в кругу петербургских католиков и земляков	132
Васильев Д.В. Организация управления Мургабским государевым имением	139
Баранова С.И. Проблемы изучения кирпичного производства Восточной Европы и Сибири	152
Кукса А.Н. Реальное и классическое знание в учебных заведениях Белоруссии в конце XVIII – второй половине XIX в.	160
Милованова А.П. Проблемы изучения орнамента на позднесредневековой керамике и его значение в культуре нарымских селькупов	170

CONTENTS

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Liventsova E.Yu., Basina P.A., Aleksandrova Yu.K., Goiko V.L., Dunbinsky I.A. Representation of family values by students in university communities of the social network VKontakte	5
Sarkisova A.Yu., Dunaeva D.O., Petrov E.Yu., Myagkov M.G. Pro-vaxxer and anti-vaxxer online communities on the social network VKontakte: A comparative analysis of network characteristics	15
Lavrov I.A., Kryshtanovskaya O.V. State and society: A view on heroes and valor	28
Rakhmanov A.B. Minerva's drone over the kingdom of Mars: Russia's special military operation in Ukraine as an armed conflict (philosophical and sociological aspects)	37

PHILOLOGY

Anisimov I.V., Makeenko M.I., Trishchenko N.D. Main characteristics of publication activity of Russian researchers in media and communication from 2017 to 2021 in journals indexed by the Web of Science	47
Valieva M.R., Buskunbaeva L.A. Code-switching in the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language	56
Kolmogorova A.V., Kolmogorova P.A., Kulikova E.R. Through years, through distances...: Dynamics of emotional tone and key themes in the lyrics of songs about the Great Patriotic War from 1965 to 1990 (based on the corpus of Soviet songs)	65
Radionova A.V. The poetic-philosophical concept of collective existence in Boris Pasternak and Søren Kierkegaard	77
Timofeeva M.K., Kononenko I.S., Shestakov V.K., Zorkaltsev A.V. Analysis of the possibilities of using annotation based on the rhetorical structure theory for refining argumentative annotations	86
Chaplia V.V. The spatial component of the concept of Russia in textbooks on Russian as a foreign language by Russian and Chinese authors	99

PHILOSOPHY

Girenok F.I. About the nature of artistic reality	108
Martin-Ioganson E. New materialism: Turn to the non-human and de-anthropologisation of the world	114
Korolkov M.D. Comparative analysis of and experience in designing ontologies of technology	121

HISTORY

Andreev A.N., Andreeva Yu.S. Academician Joseph-Nicolas De L'Isle among Petersburg Catholics and fellow countrymen	132
Vasilyev D.V. Administration of the Murghab Sovereign's Estate	139
Baranova S.I. Problems of studying brick production in Eastern Europe and Siberia	152
Kuksa A.N. Real and classical knowledge in educational institutions of Belarus in the late 18th – second half of the 19th centuries	160
Milovanova A.P. Problems of studying ornament on late medieval ceramics and its significance in the culture of Narym Selkups	170

Мыльникова Л.Н., Цзиньшань Му, Киреев С.М., Дашковский П.К., Грушин С.П., Тишкин А.А. Качество обжига керамики раннего железного века (по материалам пазырыкской, саргатской, кулайской культур)	177	Myl'nikova L.N., Mu Jinshan, Kireev S.M., Dashkovskiy P.K., Grushin S.P., Tishkin A.A. Quality of the Early Iron Age ceramics firing. (based on materials of the Pazyryk, Sargat, Kulai cultures)	177
Проскурякова М.А. Обсуждение проекта Конституции 1936 года в приангарской деревне	186	Proskuryakova M.A. Discussion of the draft Constitution of 1936 in the Angara village	186

ПЕДАГОГИКА

Аликина Е.В., Мальцев Д.В. Цифровой методический конструктор для педагогического дизайна интегративной магистратуры по лингвистике и переводу	194	Alikina E.V., Maltsev D.V. Digital didactic constructor for pedagogical design of an integrative master's programme in linguistics and translation	194
Аскаров А.Д., Галимов А.М., Жиенбаева Н.Б. Нечетко-логический подход к оценке деятельности организаций высшего образования	202	Askarov A.D., Galimov A.M. Zhiyenbayeva N.B. Fuzzy logic approach to assessing the activities of higher education organizations	202
Вардanian Ю.В., Вардanian Л.В., Рябова Н.В., Шукшина Т.И. Педагогические подходы к регламентации допуска искусственного интеллекта в образовании	211	Vardanyan Yu.V., Vardanyan L.V., Ryabova N.V., Shukshina T.I. Pedagogical approaches to regulating the use of artificial intelligence in education	211
Савченко И.А., Сахарова А.В., Золотарев М.И. Иноязычные коммуникативные практики в образовательной городской экосреде: мониторинг дискурсивных барьеров	221	Savchenko I.A., Sakharova A.V., Zolotarev M.I. Foreign language communication practices in the educational urban environment: Monitoring discursive barriers	221

ПРАВО

Ахмедшин Р.Л., Ведерников Н.Т. Еще раз о методологических началах криминалистической тактики	232	Akhmedshin R.L. Vedernikov N.T. Revisiting the methodological principles of forensic tactics	232
Барамидзе Д.Д. Эколого-правовой режим Российской Арктики	239	Baramidze D.D. The ecological and legal regime of the Russian Arctic	239
Корнеев С.А. Уголовно-правовые последствия неуплаты судебного штрафа	250	Korneev S.A. Criminal legal consequences of non-payment of a court fine	250
Никурадзе Н.О. К вопросу об оценке «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве в контексте российского и зарубежного опыта	258	Nikuradze N.O. On assessing "electronic evidence" in criminal proceedings in the context of Russian and foreign experience	258
Шепель Т.В. Современное состояние российского деликтного права и перспективы его развития	270	Shepel T.V. The current state of Russian tort law and prospects for its development	270

PEDAGOGICS

LAW

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.725
doi: 10.17223/15617793/508/1

Репрезентация семейных ценностей студенческой молодежью в университетских сообществах социальной сети «ВКонтакте»

Евгения Юрьевна Ливенцова¹, Полина Александровна Басина², Юлия Константиновна Александрова³,
Вячеслав Леонидович Гойко⁴, Илья Александрович Дунбинский⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ evg.liv@mail.ru

² basina@data.tsu.ru

³ jalexandrova@data.tsu.ru

⁴ goiko@data.tsu.ru

⁵ dunbinskiy@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению ценностных ориентаций студенческой молодежи, в частности выявлению повестки университетов в отношении ценности семьи и репрезентации семейных ценностей студентами в университетских сообществах и цифровых профилях. В качестве выборочной совокупности проанализированы цифровые профили 7 480 925 пользователей социальной сети «ВКонтакте». Проведен анализ контента 9 239 сообществ 674 российских вузов, которые охватывают 145 городов.

Ключевые слова: ценности, ценность семьи, студенты, большие данные, анализ данных, цифровые следы

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2023-0015.

Для цитирования: Ливенцова Е.Ю., Басина П.А., Александрова Ю.К., Гойко В.Л., Дунбинский И.А. Репрезентация семейных ценностей студенческой молодежью в университетских сообществах социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 5–14. doi: 10.17223/15617793/508/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/1

Representation of family values by students in university communities of the social network VKontakte

Evgenia Yu. Liventsova¹, Polina A. Basina², Yulia K. Aleksandrova³, Vyacheslav L. Goiko⁴,
Ilya A. Dunbinskiy⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ evg.liv@mail.ru

² basina@data.tsu.ru

³ jalexandrova@data.tsu.ru

⁴ goiko@data.tsu.ru

⁵ dunbinskiy@mail.ru

Abstract. In the period of increasing state measures to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values among young people, modern universities play a special role in shaping the value orientations of student youth. The spiritual and moral agenda that universities broadcast to students, including through social networks, is becoming significant. The study aimed to identify the universities' current agenda regarding the formation of family values, analyze users' reaction to this agenda and study the student youth's attitudes to family values. To obtain representative data, university communities of Russian universities on the VKontakte social network were selected as sources for quantitative and qualitative analysis. The data were obtained from 9,239 communities of 674 Russian universities, which cover 145 cities. The data were downloaded in August 2023 for one academic year – from September 2022 to July 2023. The first step of the study analyzed the open digital profiles of 7,480,925 VKontakte users who are subscribers to official and unofficial university communities. A hierarchy of value orientations of student youth was identified. For women, the value of family is in the first place, and for men, the value of self-development. The second step of the study examined the university agenda regarding family values broadcast to student youth. For this, 3,235 posts published in

university communities were analyzed. The analysis showed that at present the university agenda regarding the broadcast of family values is quite uniform: publications are mainly timed to coincide with the preparation for the celebration of events officially adopted in Russia. As part of the third step, reactions (likes, reposts, comments) to the posts were analyzed. The comments were structured by topic: "The role and relationship of men and women", "Relationships between parents and children", "Family ties", etc. The analysis of comments from subscribers to university communities on the agenda offered by universities revealed some positive and destructive trends regarding the topic "family and parenthood". Positive trends include the fact that young people define family as a special value in life, value family ties and family traditions, and respect the older generation. At the same time, student youth have a vague idea of the concepts "modern man" and "modern woman". In addition, there is a tendency to postpone starting a family and parenthood until a later date. It seems important for universities to develop a "brand" of family and family life. It is possible to create separate information resources within universities or separate communities in social networks that accumulate information about family life.

Keywords: values, family value, students, big data, data analysis, digital footprints

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2023-0015.

For citation: Liventsova, E.Yu., Basina, P.A., Aleksandrova, Yu.K., Goiko, V.L. & Dunbinsky, I.A. (2024) Representation of family values by students in university communities of the social network VKontakte. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/1

Введение

Ценности человека, являясь базовыми составляющими структуры личности, оказывают непосредственное влияние на структуру его деятельности, межличностные отношения. Ценности проявляются в конкретном человеке через ценностные ориентации – установки личности на ценности, включающие три компонента: когнитивный компонент установок – совокупность знаний, суждений, представлений о ценности; эмотивный компонент – чувства и эмоциональные оценки ценности; поведенческий компонент – действия, направленные на реализацию ценности. В свою очередь, на формирование структуры ценностных ориентаций личности оказывает влияние множество факторов: культурная среда и традиции, социально-политическая и социально-экономическая обстановка [1], локальная социальная среда, личностные свойства и особенности [2, 3]. В последнее время исследователи указывают на весомую роль социальных сетей и цифровых медиа в формировании ценностных ориентиров и норм поведения у пользователей разных возрастных групп [4, 5]. Согласно теории культивирования, все, чем наполнены цифровые медиа, в частности социальные сети, формирует мышление, установки и ценности пользователей, влияет на решения ее аудитории [6]. Посредством взаимодействия и дискуссионных практик пользователи формируют, перестраивают, дополняют, переосмысливают представление о себе и мире, осмысленно или бессознательно осваивая новые для себя практики самоосуществления и самопредъявления [7]. Таким образом, тот или иной ценностный выбор делается молодыми людьми хоть и самостоятельно, но зачастую автоматически, повторяя общераспространенные модели поведения.

В настоящее время, когда активно наращиваются государственные меры по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей среди молодежи [8], современные университеты становятся значимым фактором «мягкой силы»

и играют особую роль в формировании мнений, установок и ценностей студенческой молодежи. В связи с этим особо значимой становится та духовно-нравственная повестка, которую транслируют университеты своим студентам, в том числе с помощью цифровых медиа и социальных сетей.

Актуальность и обзор литературы

Значимые исследования последних лет демонстрируют, что ключевым трендом в трансформации ценностного самоопределения студенческой молодежи становится переход от индивидуалистских ценностей к коллективным, большая ориентация на консервативные ценности [9]. Отмечается, что при высокой значимости ценностей самоутверждения (что, согласно Р. Инглхарту, характеризует постматериализм) не менее выражены и ценности сохранения. Наиболее значимой ценностью для студенческой молодежи по-прежнему остается семья [10]. Так, например, в аналитическом докладе результатов международных и российских исследований группы «ЦИРКОН», посвященном ценностным ориентациям современной молодежи, приводится обзор результатов сравнительного Всемирного исследования ценностей (WVS) шестой (2010–2014 гг.) и седьмой (2017–2020 гг.) волн и отмечается, что семья занимает первое место в иерархии ценностных ориентаций. Но вместе с тем примечательно, что в брачно-репродуктивном поведении молодых россиян сохраняются негативные тенденции: растет число незарегистрированных партнерств, снижается уровень брачности, растут установки на бездетность и пр. [11]. Многочисленные современные российские исследования обращают внимание на то, что современным молодым поколением семья воспринимается как особая сфера личной безопасности, которая способна обеспечивать базовые потребительские запросы [11]. Зачастую в представлениях молодых людей семья чаще ассоциируется с «отчим домом», а не

с собственной семьей. Таким образом, изучение различных концептов семьи и их трансформаций становится предметом современных исследований.

В настоящее время довольно подробно представлены возможности и ограничения методов цифровой социологии в социальных исследованиях, в том числе в изучении ценностных ориентаций [12, 13]. Неоспорим тот факт, что для современной молодежи цифровое пространство является частью объективной реальности [14], поэтому информация, получаемая из социальных сетей, является достаточно достоверной.

Исследования цифровых следов пользователей представляют значимую ценность и актуальность, поскольку позволяют «считывать» искренние реакции на те или иные события, «улавливать» настроения, выявлять ценностные установки. За последние годы увеличилось число работ российских авторов, в которых содержатся результаты анализа больших данных и цифровых следов пользователей, направленных на выявление ценностных ориентаций молодежи, их ранжирования, а также попытка выявления и измерения такой традиционной, терминальной ценности, как семья. Так, например, Е.В. Бродовская и др. проанализировали данные сразу с трех платформ: ВКонтакте, Facebook и Twitter и, выстроив иерархию ценностных ориентаций молодежи, определили, что ценность «семьи и детей» находится на первом месте в иерархии ценностей молодежи. На втором и третьем месте располагаются ценности «развлечения и отдыха» и «саморазвития» [15]. Изучая ценностные ориентации молодежи г. Екатеринбурга с помощью цифровых профилей, Л.Д. Забокрицкая и др. пришли к выводу, что существует гендерная разница в ценностных ориентациях пользователей: ценности женщин ориентированы больше на семью, а мужчин – на развитие [16]. В рамках исследования Н.О. Автаевой, изучавшей просемейные блоги, был получен вывод о распространении гендерной нейтрализации семейных ролей и практик [17].

Исследовательским коллективом под руководством И.Е. Калахиной широко использованы возможности сбора больших данных в отношении изучения демографических ценностей. Авторами были изучены родительские группы и группы чилдфри и найдена зависимость между принадлежностью к группам пронаталистов или антинаталистов и ценностными установками по поводу жизненных приоритетов (семья или досуг и саморазвитие) [18]. В другом исследовании авторы анализировали отношение пользователей к рождению детей и абортam. Получен значимый вывод о том, что чем больше позитивных оценок в теме «индивидуализм», тем больше обоснуется положительная позиция по бездетности. Как отмечают авторы, паттерн «многодетность» редко обсуждается пользователями, а паттерн «бездетность» – активно и имеет позитивную тональность [19].

Вышеуказанные исследования охватывают широкие категории молодежи, тем самым представляя особую актуальность и ценность. Вместе с тем требует более детального изучения категория студенческой молодежи, которая, как отмечается исследователями, является несколько «недооцененной и маргинальной группой», несмотря на «полноценную фертильность, высокую мобильность и коммуникативную активность» [20].

Именно в период студенчества растет потребность в социальном взаимодействии, укреплении связей с различными социальными группами, выстраивании глубоких межличностных отношений. При этом, как справедливо отмечается исследователями, «студенческая молодежь, с одной стороны, – пассивный объект воспитательной и образовательной заботы государства, а с другой – группа, способная принимать ответственные решения и полноправно участвовать в жизни общества. И такая социально-психологическая двойственность оказывает влияние на формирование готовности студентов к семейной жизни» [21. С. 31].

Несмотря на возрастающий исследовательский интерес к процессу трансформации семейных ценностей у молодежи, особенно в цифровой среде, наблюдается дефицит исследований, посвященных изучению специфики репрезентации семейных ценностей именно студенческой молодежью как особой социально-демографической группы.

Целью данного исследования является, с одной стороны, выявление актуальной повестки университетов в отношении формирования семейных ценностей, а с другой – анализ реакции пользователей на данную повестку и изучение аттитудов студенческой молодежи к семейным ценностям.

Методы и источники данных

На сегодняшний день для современной молодежи одним из основных способов коммуникации и получения информации являются социальные медиа, в частности социальные сети. Студенты через социальные сети узнают полезную информацию о жизни и событиях университета, а также сами являются создателями контента через обсуждения в комментариях и создание личных публикаций в неофициальных сообществах («подслушано», «признавайки», «нетипичный университет» и пр.). Согласно исследованию ВЦИОМ, социальные сети и мессенджеры прочно вошли в жизнь студенческой молодежи, предоставляя функциональные возможности для развлечений, учебы и отдыха. Среди молодежи 18–24 лет доля ежедневных пользователей близка к абсолютной – 92% [22].

В качестве источника данных данного исследования была выбрана социальная сеть «ВКонтакте». Выбор обусловлен несколькими факторами. Во-первых, популярностью «ВКонтакте» среди аудитории, что ежегодно подтверждается различными исследованиями [22]. Во-вторых, широкими возможностями социальной сети: открытый API; детализация данных во времени; пользовательская активность – выражение личных мнений и реакций (лайки, комментарии, репосты), которые не ограничены заданными рамками исследователя. В качестве недостатков исследователи обращают внимание на технические трудности при получении данных, смещение выборки, специфику текстовых материалов, опубликованных в сети [23], искажение пользователями данных о себе, устаревание данных профилей ввиду их долгого необновления.

Для реализации цели исследования и получения репрезентативных данных в качестве источников количественного и качественного анализа были выбраны университетские сообщества российских вузов. В настоящее время у большинства российских университетов в социальной сети «ВКонтакте» есть паблики/группы (сообщества) для общения, размещения информации для студентов, абитуриентов и сотрудников. Основная масса подписчиков данных сообществ – это студенты. В рамках данного исследования проведен анализ контента сообществ российских университетов. В ходе работы были собраны данные из 9 239 сообществ у 674 российских вузов, которые охватывают 145 городов.

Университетские сообщества бывают двух типов по своей организации: официальные, т.е. те, что созданы администрацией или подразделениями университета, а также неофициальные – созданные студентами, выпускниками. Доля обнаруженных официальных сообществ составляет 53% (4 937), неофициальных – 47% (4 302). Выгрузка данных производилась в августе 2023 г. за один академический год – с сентября 2022 г. по июль 2023 г. – с помощью открытого API «ВКонтакте». Программное обеспечение для сбора данных реализовано на Python, имеет ряд модулей, в частности, для работы с API ВК, записи результатов в хранилище и обеспечения параллелизма при выгрузке. Для хранения выгрузок используется СУБД PostgreSQL. Из сообществ было выгружено более 2 млн постов и более 3 млн комментариев. Данные были проанализированы с использованием платформы PolyAnalyst, разработанной компанией Megaruter.

Перед анализом текстового контента была проведена предобработка данных, включающая: удаление нерелевантных символов и знаков, электронных адресов, html-разметки, нечитаемых слов (например, «gkjeoghju»); проверку орфографии; удаление дубликатов. Далее очищенные данные были разделены на тематики с использованием кластеризации текстов с помощью метода ВЛСА. Бала определена их эмоциональная тональность.

В рамках настоящего исследования первый шаг был связан с анализом иерархии ценностных ориентаций студенческой молодежи и выделением наиболее значимых ценностей. Для этого были проанализированы открытые цифровые профили 7 480 925 пользователей социальной сети «ВКонтакте», которые являются подписчиками официальных и неофициальных университетских сообществ.

В рамках второго шага была изучена повестка университетских сообществ в отношении формирования семейных ценностей у студентов.

В рамках третьего шага были проанализированы реакции (лайки, репосты, комментарии) к постам с целью изучения эффективности транслируемого контента и исследования отношения студенческой молодежи к семейным ценностям.

Результаты анализа представлены в виде дашбордов, созданных с использованием платформы PolyAnalyst: <http://opendata.university/dashboard>

Результаты

В рамках первого шага исследования были проанализированы цифровые профили 7 480 925 подписчиков студенческих сообществ 674 российских вузов, которые охватывают 145 городов. Наиболее широко представлены аккаунты пользователей в возрасте от 20 до 29 лет. Общее число аккаунтов женского пола – 4 675 779, мужского пола – 2 803 588.

Цифровой профиль пользователя позволяет узнать не только его демографические характеристики, но и иные, отражающие в той или иной степени жизненные интересы и ценности. Одним из значимых показателей профиля пользователя является пункт «Главное в жизни». Данный показатель предлагает наличие закрытого перечня вариантов ответов с возможностью выбора лишь одного ответа. Таким образом, данный показатель позволил достаточно точно определить иерархию жизненных установок и ценностных ориентаций пользователей (табл. 1).

Таблица 1
«Главное в жизни», общий процент ответов подписчиков студенческих сообществ российских вузов

Вариант ответа	Процент подписчиков официальных и неофициальных сообществ, женщины	Процент подписчиков официальных и неофициальных сообществ, мужчины
Семья и дети	41,97	31,10
Саморазвитие	35,73	32,08
Совершенствование мира	7,46	12,19
Развлечения и отдых	2,94	7,96
Карьера и деньги	3,99	6,62
Красота и искусство	6,32	3,85
Наука и исследования	1,59	3,96
Слава и влияние		2,23

Самыми популярными ответами среди подписчиков университетских сообществ «ВКонтакте» стали варианты «семья и дети» (среди женщин) и «саморазвитие» (среди мужчин). Ценность «семьи детей» у подписчиков мужского пола располагается на втором месте в иерархии ценностных ориентаций. На третьем месте (и у мужчин и у женщин) такой показатель, как «совершенствование мира».

В рамках второго шага исследования изучалась повестка университетов в отношении семейных ценностей, транслируемая студенческой молодежи. Для этого было проанализировано 3 235 постов, публикуемых в университетских сообществах. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что в настоящее время повестка университетов в отношении трансляции семейных ценностей довольно однообразна: в основном публикации приурочены к подготовке к празднованию официально принятых в России событий: День защиты детей, День матери, День отца, День пожилого человека, День семьи, любви и верности, новогодние праздники (табл. 2).

Наибольшее количество постов по семейной тематике публикуется в период празднования таких мероприятий, как «День матери» и «Новый год». Примечательно, но чем «старше» праздник, тем больше информационных сообщений (например, «День матери» – 3 076, а «День

отца» – 177). Реакция на данный контент достаточно активная, однако чаще студенты ставят «лайки» и делают репосты, нежели оставляют содержательные комментарии (табл. 3).

Таблица 3

Суммы «лайков», «репостов» и «комментариев» по тематикам постов, публикуемых в университетских сообществах

Тематика постов	Сумма «комментариев» к постам	Сумма «лайков» к постам	Сумма «репостов» к постам
Новогодние праздники	2 038	37 679	7 034
День матери	3 076	65 495	7 372
День защиты детей	1 084	18 103	2 394
День семьи, любви и верности	550	15 152	1 565
День отца	177	6 822	1 023
День пожилого человека	187	5 584	1 290
Общий итог	7 112	148 835	20 678

Таблица 2
Сводная таблица по тематикам постов, публикуемых в официальных и неофициальных университетских сообществах

Тематика постов	Количество постов, публикуемых в неофициальных сообществах ВК	Количество постов, публикуемых в официальных сообществах ВК	Общее количество постов
День матери	416	850	1 266
Новогодние праздники	287	575	862
День защиты детей	171	276	447
День семьи, любви и верности	122	233	355
День отца	47	118	165
День пожилого человека	48	92	140
Общий итог	1 091	2 144	3 235

Наибольшее количество постов, связанных с семейной тематикой, публикуются в Центральном, Приволжском, Сибирском и Уральском федеральных округах. В официальных университетских сообществах посты публикуются практически в 2 раза чаще (табл. 4).

Таблица 4

Количество постов, публикуемых в официальных и неофициальных университетских сообществах (по федеральным округам)

Наименование ФО	Количество постов, публикуемых в неофициальных сообществах ВК	Количество постов, публикуемых в официальных сообществах ВК	Общее количество постов
Центральный	353	695	1 048
Приволжский	200	431	631
Сибирский	160	302	462
Уральский	155	218	373
Северо-Западный	92	215	307
Южный	86	192	278
Северо-Кавказский	22	73	95
Дальневосточный	21	14	35
Крымский	2	4	6
Общий итог	1 091	2 144	3 235

Среди общего количества постов 2 505 имеют позитивную тональность, 686 – негативную и 44 – нейтральную (табл. 5).

В рамках третьего шага были проанализированы реакции (лайки, репосты, комментарии) к постам с целью

анализа эффективности транслируемого контента и исследования специфики репрезентации семейных ценностей студенческой молодежью. Так, общий пул комментариев к постам был структурирован по тематикам. Определена иерархия обсуждаемых тем (табл. 6).

Таблица 5

Посты, публикуемые в университетских сообществах (распределение по тональности)

Наименование ФО	Количество постов, публикуемых в официальных и неофициальных университетских сообществах			Общий итог
	Негативная тональность постов	Нейтральная тональность постов	Позитивная тональность постов	
Центральный	16	240	792	1 048
Приволжский	8	104	519	631
Сибирский	5	94	363	462
Уральский	1	74	298	373
Северо-Западный	8	76	223	307
Южный	4	67	207	278
Северо-Кавказский		19	76	95
Дальневосточный	2	12	21	35
Крымский			6	6
Общий итог	44	686	2 505	3 235

Таблица 6

Тематики комментариев к постам в университетских сообществах (в разрезе официальных и неофициальных сообществ)

Тематика комментариев к постам	Неофициальные сообщества	Официальные сообщества	Общий итог
Восприятие университета как семьи	743	1 063	1 806
Роль и отношения мужчины и женщины, брак и семья	823	323	1 146
Материнство и отцовство, отношение к детям (родительство)	552	407	959
Взаимоотношения родителей и детей	291	222	513
Родственные связи	260	97	357

Финансовые и имущественные вопросы в семье	278	34	312
Праздники в кругу семьи	65	139	204
Тематика комментариев к постам	Неофициальные сообщества	Официальные сообщества	Общий итог
Взаимоотношения родителей и детей (со стороны детей)	52	106	158
Старшее поколение	80	68	148
Родительство (общая категория)	10	9	19
День ребенка		6	6
День семьи, любви и верности		2	2
День защиты детей		1	1
Общий итог	3 154	2 477	5 631

Примечательно, что наиболее частыми являются комментарии, связанные с тематикой «Восприятие университета как семьи». Целью таких комментариев, очевидно, является усиление организационной культуры в студенческой среде вузов. Полагаем, что такое позитивное восприятие университета играет важную роль в создании благоприятных условий для подготовки будущих специалистов. Однако данная тема

напрямую не связана с аттитюдами современного студенчества к институту семьи.

Далее активно комментируются такие темы, как «Роль и отношения мужчины и женщины, брак и семья» и «Материнство и отцовство, отношение к детям (родительство)». В целом комментарии к постам имеют позитивную или нейтральную эмоциональную тональность (табл. 7).

Таблица 7

Комментарии, публикуемые в университетских сообществах (распределение по тональности)

Тематика комментариев к постам	Негативная тональность	Нейтральная тональность	Позитивная тональность	Общий итог
Восприятие университета как семьи	50	502	1 254	1 806
Роль и отношения мужчины и женщины, брак и семья	76	772	298	1 146
Материнство и отцовство, отношение к детям (родительство)	85	561	313	959
Взаимоотношения родителей и детей	43	296	174	513
Родственные связи	21	239	97	357
Финансовые и имущественные вопросы в семье	22	237	53	312
Праздники в кругу семьи	5	87	112	204
Взаимоотношения родителей и детей (со стороны детей)	3	31	124	158
Старшее поколение	7	98	43	148
Родительство (общая категория)	2	4	13	19
День ребенка	1	2	3	6
День семьи, любви и верности		1	1	2
День защиты детей		1		1
Общий итог	315	2 831	2 485	5 631

Наибольшее количество комментариев публикуется в группах университетских сообществ Центрального ФО, Сибирского, Приволжского и Северо-Западного ФО. Комментарии с негативной тональностью в целом не распространены, при этом количество позитивно и нейтрально эмоционально окрашенных комментариев примерно равное (табл. 8).

Таким образом, полученные данные позволили выявить иерархию ценностных ориентаций студенческой молодежи, тематически структурировать повестку университетов в отношении семейных ценностей, транслируемую студенческой молодежи, и проанализировать реакции (лайки, репосты, комментарии) студенческой молодежи на данную повестку.

Таблица 8

Комментарии, публикуемые в официальных и неофициальных университетских сообществах (распределение по ФО и по тональности сообщений)

Федеральный округ	Негативная тональность	Нейтральная тональность	Позитивная тональность	Общий итог
Центральный	188	1 639	1 020	2 847
Сибирский	35	291	344	670
Приволжский	22	251	388	661
Северо-Западный	30	264	221	515
Южный	11	154	260	425
Уральский	15	133	154	302
Северо-Кавказский	3	40	67	110
Дальневосточный	11	54	29	94
Крымский		5	2	7
Общий итог	315	2 831	2 485	5 631

Обсуждение результатов

В рамках первого шага исследования было определено, что для молодых людей, являющихся подписчиками университетских сообществ, ценность семьи является лидирующей в общей иерархии ценностей,

предлагаемой социальной сетью «ВКонтакте». Показатель «Семья и дети» чаще выбирали женщины (46,26% женщин от общего числа подписчиц официальных сообществ и 46,15% женщин от общего числа подписчиц неофициальных сообществ). В общей структуре у женщин на первом месте – ценность «семьи и детей», а у мужчин –

ценность «саморазвития». Однако и среди женщин такой показатель, как «саморазвитие», является популярным (второе место в иерархии).

Полагаем, что многочисленный выбор пункта «Саморазвитие» во многом объясняется тем, что в период с 19 до 24 лет молодые люди совершают выбор высшего учебного заведения и проходят через систему высшего образования. В этом же возрасте, начинается совмещение учебы с первой работой, поиск «себя» в профессиональном плане. Период 25–35 лет также характеризуется продолжением построения карьеры. Однако важно отметить, что молодые люди из предложенного списка выбирают именно категорию «саморазвитие», а не «карьера и деньги», вероятно понимая данный процесс как постоянный личностный рост, развитие своих способностей, повышение самоэффективности.

В рамках второго шага исследования удалось выявить, что публикации, связанные с семейной тематикой, появляются в университетских сообществах в основном лишь в период подготовки к празднованию мероприятий, которые являются официально установленными в России, таким как День матери (39,13% постов), Новый год (26,65%), День защиты детей (13,82%), День семьи, любви и верности (10,97%), День отца (5,10%), День пожилого человека (4,33%). Целью таких публикаций, очевидно, является усиление социально-психологического эффекта общности с родительской семьей, укрепление роли преемственности поколений. Данные публикации чаще всего имеют характер некоторого «призыва» вспомнить о своей родительской семье, провести время с семьей, поблагодарить старшее поколение и пр.:

– «Дорогие друзья, мы с радостью сообщаем вам, что начинается, уже ставшая традиционной акция “Нечаянная радость”! <...> к сожалению, есть люди, которых некому поздравить, некому поделиться радостью этих зимних дней... И вот такие люди, замечательные бабушки и дедушки, живут в домах престарелых по всей России. Мы с вами в силах подарить им тепло, написать им письмо или подписать открытку на Новый год...»;

– «Так или иначе для дочери отец – это первый и самый главный мужчина в её жизни. Любовь отца сильно отличается от материнской любви. Папа может не так ярко и открыто проявлять свои чувства и эмоции, но он всегда придет на защиту, встанет рядом и будет опорой. Да, у некоторых бывает все абсолютно иначе, что огорчает. Мой папа – мой друг. Всегда был и будет» и др.

Отклик студенческой молодежи на подобные призывы, как правило, достаточно «живой» и позитивно направленный. Молодежь активно обсуждает содержание мероприятий и свою готовность принять участие, делится информацией с друзьями. Вместе с тем в повестке публикаций практически не содержится призывов к молодежи о том, чтобы задуматься над образом собственной семьи, «помечтать» о семье, поделиться «историей любви/семьи» и пр. Крайне редко встречаются сообщения, опубликованные в рамках текущей жизнедеятельности университета, в которых транслируют позитивные примеры семейных взаимоотношений, сложившихся в стенах университета:

– Центр культуры – это семья. Ты много раз слышал «Центр культуры – это семья» и не воспринимал фразу серьезно. Но сегодня докажем, что мы говорили правду!

Руководитель Центра культуры – и руководитель студии КВН – теперь официально муж и жена и др.

Примечательно, что, несмотря на прагматичность взглядов современного молодого поколения и желания быть материально благополучным для организации семьи и оптимального процесса воспитания детей, в повестке вузов практически не звучат сообщения, в которых бы подробно представлялись разного рода возможности для молодых людей, желающих создать семью в период студенчества. Редкими являются сообщения о государственных программах поддержки молодых и студенческих семей, программах помощи внутри университетов, программах содействия занятости и определенной рекламе гибких форм занятости для женщин в декретном отпуске и пр. Таким образом, сложное материальное положение, жилищные проблемы, начальный этап становления профессиональной карьеры – все это факторы, из-за которых создание семьи и деторождение откладываются на более поздний срок. При этом в повестке университетов никак не отражена тема «отложенного родительства» и его последствий. Несмотря на значимую фертильность студенческой молодежи, информация об ограничениях репродукции человека с возрастом практически не доносится.

В рамках третьего шага исследования в результате анализа реакции подписчиков университетских сообществ на ту повестку (в разрезе разных типов сообществ: официальных и неофициальных) относительно семейных ценностей, которую предлагают вузы, удалось выявить некоторые позитивные и деструктивные тенденции относительно темы «семьи и родительства».

Так, к позитивным тенденциям можно отнести то, что молодые люди определяют семью в качестве особой ценности в жизни, действительно глубоко ценят родительскую семью, часто и с удовольствием делятся позитивным опытом пребывания в собственной семье. Студенты благодарны родителям за свое воспитание, испытывают теплые, радостные чувства, ведя речь о семье, отмечая, что семья дает ощущение спокойствия, поддержки, общности с другими:

– «Семья... Для каждого из нас, без сомнения, это что-то свое и родное. Для меня моя семья – это опора, поддержка в трудные минуты, забота и люди которые помогают мне двигаться вперед»;

– «Мама считается любимым человеком? Сегодня с ней весь день дома, “вкусняшки” готовим!»; «Навещаю маму. Навела ей чистоту перед праздниками, привезла угощений. Научила её смотреть кино по интернету...»;

– «Милая мамочка, спасибо тебе за проделанную работу, за ту заботу которую ты даришь всей семье» и др.

Молодые люди высоко ценят семейные традиции, стремятся отмечать праздники в кругу семьи:

– «Провела праздники в кругу семьи и друзей, также готовилась к предстоящей сессии»;

– «Люблю зиму за ощущение приближающегося Нового Года, теплых семейных вечеров, обилие поздравлений и подарков, возможность больше видеться и общаться с теми, кого так сильно люблю!!» и пр.

Студенческая молодежь осознает ценность старшего поколения в их жизни, с уважением относится к преемственности поколений:

– «Очень много в него вложила бабушка, благодаря ей он пришел на этот факультет. Спасибо, что всегда присоединяетесь к мероприятиям и дарите свое тепло бабушкам и дедушкам! так чудесно, что для старшего поколения создают условия!»;

– «...у меня тоже: бабушка с дедушкой закончили МАИ в 1936 г., мама с папой в 1973 г. и мы с мужем в 1998 г. Это очень здорово, что мы, студенты, можем сделать что-то хорошее для более старшего поколения. Я уважаю старшее поколение, они нас воспитали и подняли. Спасибо за то, что и вы уважаете».

Наряду с вышеуказанными позитивными тенденциями отдельные комментарии могут свидетельствовать о деструктивных тенденциях, связанных с формированием у молодых людей ценности семьи и родительства. В целом в неофициальных сообществах комментарии более «живые», язык представления мнений более раскрепощенный, часто встречаются эмоциональные выражения, ненормативная лексика, юмор, сарказм. Так, например, некоторые комментарии позволяют выделить тенденцию откладывания создания семьи и родительства на более поздний срок. Несмотря на огромную любовь к собственным родительским семьям, студенты в основной массе не видят возможности для создания собственных семей в период студенчества или сразу после:

– «Главная мысль моего изначального комментария к обсуждению – поступил в “универ” – посвети свое время универу, а не родительству, иначе ни одна из двух важных миссий не выйдет полноценной. На мой взгляд, заключить брак – значит взять на себя ответственность за отношения, построить планы, и в будущем, возможно, родить детей. Зачем это делать – заметим, осознанно, – во время получения образования – мне непонятно!»;

– «Безусловно, многие уже женятся в таком возрасте, но сейчас не средневековье, люди всё чаще откладывают женитьбу, или живут в гражданском браке, все, кого я знаю, хотят сначала на ноги встать крепко и лишь потом заводить семью» и пр.

В целом отношение к рождению детей среди подписчиков университетских сообществ позитивное, но вместе с тем наблюдается, что репродуктивный потенциал молодых людей не может быть реализован сразу после окончания обучения ввиду ограниченности материальных ресурсов и нерешенности жилищных вопросов. Подписчики связывают свое нежелание рано вступать в брак с низким материальным положением, отсутствием социально-профессиональной зрелости или отсутствием социально-психологической зрелости:

– «В 23 года? Слишком рано же! В этом возрасте женятся только те, кому родители могут оплатить учебу и проживание в Лондонской школе экономики. По крайней мере, у моих однокурсников так было» и др.

В качестве отдельной деструктивной тенденции можно выделить довольно размытое представление юношей и девушек о концептах «современный мужчина» и «современная женщина».

Формально и содержательно представления о современных мужчинах и женщинах дифференцированы в зависимости от места обучения / региона проживания.

Однако анализ общего формата и содержания некоторых комментариев позволил выявить некоторые схожие тенденции. Так, прослеживается некоторая несогласованность ролевых ожиданий. В социальной сети имеют место пренебрежительные и даже оскорбительные высказывания противоположного пола друг о друге:

– «Зачем тебе здесь жену искать. У них тут требования завышенные <...>. Обождешься, поставят на алименты, учитывая, что тут система матриархальная, и все, будешь рабствовать и платить алименты 18 лет. Зачем оно тебе надо. Учись, работай, копи деньги, но с этими дамами свою жизнь не связывай»;

– «Кому вообще нужны парни, которые планируют свидания и оплачивают кино с кафе, если можно попросить родителей или заработать самой, а вместо свиданий с чужими людьми из других семей провести время с сестрой из своей семьи: в своей семье есть о чем поговорить хотя бы, есть что обсудить?!»;

– «В первую очередь нужно каким-то образом привить мужчинам чувство ответственности. 90% современных мужчин, мягко говоря, не вижу в роли главы семьи. При этом многие женщины по-прежнему хотят иметь крепкое, надежное мужское плечо, а женская доминация и воспитание детей одинокими матерями – явление по большей части вынужденное».

В целом подписчиков объединяет убежденность в заметных трансформациях гендерных ролей современных мужчин и женщин. Отмечается, что и мужчины и женщины в настоящее время имеют равные права и возможности для саморазвития, профессионального становления и карьеры.

Заключение

На сегодняшний день неоспоримым фактом является широкая представленность молодежи в социальных сетях. Подписчики университетских сообществ – это широкая аудитория молодых людей (абитуриенты, студенты, выпускники), которые всегда будут обращены к той информационной повестке, которую предлагает вуз. В свою очередь, вузы активно принимают участие в воспитании молодого поколения и выступают трансляторами традиционных духовно-нравственных ценностей молодежи. В связи с этим, представляется, что и информационная компания университетских сообществ должна проводиться в соответствии с возложенными на вузы задачами.

Проведенный анализ публикаций в университетских сообществах продемонстрировал достаточно формальный подход вузов к формированию информационной повестки относительно темы «семья и родительство». Наиболее часто она звучит в рамках подготовки к праздничным мероприятиям и, несмотря на «живой» отклик молодежи на подобные сообщения (большое количество позитивных комментариев, лайки и репосты), анализ неофициального дискурса в сообществах позволяет вести речь о том, что студентов волнуют разные темы, связанные с ценностью семьи и родительства. Представляется, что в рамках подготовки информационных сообщений было бы полезно уделить внимание таким темам, как «роль семьи в обществе», «формирование здоровых отношений между мужчиной и женщиной», «сочетание

семейных и внесемейных ролей», «счастливое родительство и воспитание детей» и пр., а также поиску баланса между выполнением семейных обязательств и решением профессиональных задач после окончания обучения. Также представляется значимым и эффективным в рамках информационной повестки уделить внимание экономическим проблемам, с которыми может столкнуться молодая семья, и способами их эффективного

преодоления. Важно развивать сам «бренд» семьи и семейной жизни. Возможно, что создание отдельных тематических информационных ресурсов внутри вузов решило бы эту задачу. Представленные открытые данные позволяют региональным вузам проанализировать собственную информационную воспитательную повестку относительно ценности «семьи и родительства» и, возможно, ее скорректировать.

Список источников

1. Alaminos-Fernández P., Alaminos Fernández A., Alaminos A. Schwartz: The Value Structure in Forty European Societies. An exploratory approach based on Shalom Schwartz's theory // *Obets Open Science: University of Alicante*. 2023. P. 1–120. doi: 10.13140/RG.2.2.19517.03046
2. A.K. Düring, et al. Cross-cultural evidence of value structures and priorities in childhood // *British Journal of Psychology*. 2015. Vol. 106(4). P. 675–699. doi: 10.1111/bjop.12116
3. Düring A.K. Measuring children's values from around the world: Cross-cultural adaptations of the Picture-Based Value Survey for Children (PBVS-C) // *Studia Psychologica: Theoria Et Praxis*. 2018. Vol. 18 (1). P. 49–59. doi: 10.21697/sp.2018.18.1.03
4. Kennedy M. 'If the rise of the TikTok dance and e-girl aesthetic has taught us anything, it's that teenage girls rule the internet right now': TikTok celebrity, girls and the Coronavirus crisis // *European Journal of Cultural Studies*. 2020. Vol. 23(6). P. 1069–1076. doi: 10.1177/1367549420945341
5. Manago A.M. et al. Facebook involvement, objectified body consciousness, body shame, and sexual assertiveness in college women and men // *Sex Roles*. 2015. Vol. 72(1-2). P. 1–14. doi: 10.1007/s11199-014-0441
6. Donald L. Diefenbach Cultivation Theory // *The International Encyclopedia of Health Communication* / E.Y. Ho, C.L. Bylund, J.C.M. Van Weert (Eds.). Hoboken: Wiley & Sons, 2022. P. 1–4. doi: 10.1002/9781119678816.ieh0656
7. Gorchakova O.Y., Liventsova E.Yu., Fakhretdinova A.P. The capacity of blogosphere in the framework of constructing the image of the future among youth // *Perspectives of Science and Education*. 2023. № 2 (62). P. 624–640. URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/2023-2/23-02/> (дата обращения: 17.01.2024).
8. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.09.2024).
9. Микляева А.В., Проект Ю.Л., Хороших В.В. Мета-аналитическое исследование ценностного самоопределения российского студенчества на различных этапах информатизации общества // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23, № 4. С. 958–975. doi: 10.21603/2078-8975-2021-23-4-958-975
10. Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Викторovich Б.И. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2021. Т. 21, № 1. С. 97–109.
11. Ценностные ориентации современной молодежи. Аналитический обзор результатов международных и российских исследований // *Циркон*. 2021. 60 с. URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).
12. Дудина В.И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // *Социологические исследования*. 2016. № 9. С. 21–30.
13. Богданов М.Б., Смирнов И.Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 1. С. 304–328.
14. Rogers R. *Doing Digital Methods*. London : Sag, 2019.
15. Brodovskaya E.V., Vakhromeeva A.V., Ivanov I.S., Kazachenko S.A. Representation of value orientations of Russian youth in social media: cyber-metric analysis // *Education Transformation Issues*. 2014. № 1. P. 141–152.
16. Забокрицкая Л.Д., Хлебников Н.А., Орешкина Т.А., Комоцкий Е.И. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 2. С. 148–167. doi: 10.14515/monitoring.2020.2.692
17. Автаева Н.О. Популяризация ценностей семьи и родительства в блогосфере // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2021. № 3 (41). С. 77–85. doi: 10.47475/2070-0695-2021-10309
18. Калабихина И.Е., Казбекова З.Г., Банин Е.П., Клименко Г.А. Демографические ценности и социально-демографический портрет пользователей ВКонтакте: есть ли связь? // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2023. № 3. С. 157–180. doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8
19. Калабихина И.Е., Лукашевич Н.В., Банин Е.П., Алибаева К.В. Автоматический анализ репродуктивных ценностей пользователей сети ВКонтакте // *Интеллектуальные системы. Теория и приложения*. 2022. № 26:1. С. 190–195. URL: <http://intsysjournal.org/pdfs/26-1/4-4-KalabihinaLukashevich.pdf>
20. Стрелец И.Э., Мухоморов Д.С., Маркова Ю.С. Отстраивание семейных ценностей и норм в студенческой среде как залог предотвращения аксиологического кризиса в обществе // *Социальные и гуманитарные знания*. 2024. Т. 10, № 2. С. 164–175.
21. Орлова И.Н. Социально-психологические особенности современной студенческой молодежи // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология*. 2008. № 4. С. 26–33.
22. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // *ВЦИОМ*. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 10.09.2024).
23. Shchekotin E.V., Kovarzh G.Yu., Goiko V.L., Petrov E.Yu., Bakulin V.V. Assessment of the quality of life of the population of the regions of the Russian Federation based on digital data: methodological aspects // *Vectors of well-being: economy and society*. 2020. Vol. № 3 (38). P. 138–156.

References

1. Alaminos-Fernández P., Alaminos Fernández A. & Alaminos, A. (2023) *Schwartz: The value structure in forty European societies. An exploratory approach based on Shalom Schwartz's theory*. Obets Open Science: University of Alicante, pp. 1–120. doi:10.13140/RG.2.2.19517.03046
2. Düring, A.K. et al. (2015) Cross-cultural evidence of value structures and priorities in childhood. *British Journal of Psychology*. 106 (4). pp. 675–699. doi:10.1111/bjop.12116
3. Düring, A.K. (2018) Measuring children's values from around the world: Cross-cultural adaptations of the Picture-Based Value Survey for Children (PBVS-C). *Studia Psychologica: Theoria Et Praxis*. 18 (1). pp. 49–59. doi:10.21697/sp.2018.18.1.03
4. Kennedy, M. (2020) 'If the rise of the TikTok dance and e-girl aesthetic has taught us anything, it's that teenage girls rule the internet right now': TikTok celebrity, girls and the Coronavirus crisis. *European Journal of Cultural Studies*. 23 (6). pp. 1069–1076. doi:10.1177/1367549420945341
5. Manago, A.M. et al. (2015) Facebook involvement, objectified body consciousness, body shame, and sexual assertiveness in college women and men. *Sex Roles*. 72 (1–2). pp. 1–14. doi:10.1007/s11199-014-0441
6. Diefenbach, D.L. (2022) Cultivation theory. In: Ho, E.Y. et al. (eds) *The international encyclopedia of health communication*. Hoboken: Wiley & Sons. pp. 1–4. doi:10.1002/9781119678816.ieh0656
7. Gorchakova, O.Y., Liventsova, E.Yu. & Fakhretdinova, A.P. (2023) The capacity of blogosphere in the framework of constructing the image of the future among youth. *Perspectives of Science and Education*. 2 (62). pp. 624–640. [Online] Available from: <https://pnojurnal.wordpress.com/2023-2/23-02/> (Accessed: 17.01.2024).

8. Prezident Rossii [President of Russia]. (2022) *Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022, "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Accessed: 10.09.2024). (In Russian).
9. Miklyaeva, A.V., Proekt, Yu.L. & Khoroshikh, V.V. (2021) Meta-analytical study of value self-determination of Russian students at different stages of society's informatization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23 (4). pp. 958–975. (In Russian). doi:10.21603/2078-8975-2021-23-4-958-975
10. Ryazantsev, I.P., Podlesnaya, M.A. & Viktorovich, B.I. (2021) Universalizm tsennostey studentcheskoy molodezhi i razvitiye rossiyskogo obshchestva [Universalism of student youth values and the development of Russian society]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 21 (1). pp. 97–109.
11. Zirkon. (2021) *Tsennostnyye orientatsii sovremennoy molodezhi. Analiticheskiy obzor rezul'tatov mezhdunarodnykh i rossiyskikh issledovaniy* [Value orientations of modern youth: An analytical review of the results of international and Russian studies]. [Online] Available from: <https://www.zirkon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (Accessed: 10.09.2024).
12. Dudina, V.I. (2016) Tsifrovyye dannyye – potentsial razvitiya sotsiologicheskogo znaniya [Digital data as a potential for the development of sociological knowledge]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 9. pp. 21–30.
13. Bogdanov, M.B. & Smirnov, I.B. (2021) Vozmozhnosti i ogranicheniya tsifrovyykh sledov i metodov mashinnogo obucheniya v sotsiologii [Opportunities and limitations of digital traces and machine learning methods in sociology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 1. pp. 304–328.
14. Rogers, R. (2019) *Doing digital methods*. London: Sag.
15. Brodovskaya, E.V., Vakhromeeva, A.V., Ivanov, I.S. & Kazachenko, S.A. (2014) Representation of value orientations of Russian youth in social media: Cybermetric analysis. *Education Transformation Issues*. 1. pp. 141–152.
16. Zabokritskaya, L.D., Khlebnikov, N.A., Oreshkina, T.A. & Komotskiy, E.I. (2020) Opportunities for studying youth values through VKontakte social network profiles. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2. pp. 148–167. (In Russian). doi:10.14515/monitoring.2020.2.692
17. Avtaeva, N.O. (2021) Popularization of family and parenting values in the blogosphere. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya*. 3 (41). pp. 77–85. (In Russian). doi:10.47475/2070-0695-2021-10309
18. Kalabikhina, I.E., Kazbekova, Z.G., Banin, E.P. & Klimenko, G.A. (2023) Demographic values and socio-demographic profile of VKontakte users: Is there a connection? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. 3. pp. 157–180. (In Russian). doi:10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8
19. Kalabikhina, I.E., Lukashevich, N.V., Banin, E.P. & Alibaeva, K.V. (2022) Avtomaticheskii analiz reproduktivnykh tsennostey pol'zovateley seti VKontakte [Automatic analysis of reproductive values of VKontakte users]. *Intelktual'nyye sistemy. Teoriya i prilozheniya*. 26 (1). pp. 190–195. [Online] Available from: <http://intsysjournal.org/pdfs/26-1/4-4-KalabikhinaLukashevich.pdf>
20. Strelets, I.Ye., Mukhortov, D.S. & Markova, Yu.S. (2024) Ostraivaniye semeynykh tsennostey i norm v studentcheskoy srede kak zalozhnik predotvrashcheniya aksiologicheskogo krizisa v obshchestve [Building family values and norms among students as a guarantee of preventing an axiological crisis in society]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya*. 10 (2). pp. 164–175.
21. Orlova, I.N. (2008) Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti sovremennoy studentcheskoy molodezhi [Socio-psychological characteristics of modern student youth]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 4. pp. 26–33.
22. WCIOM. (2023) *Sotsial'nyye seti i messendzhery: vovlechenost' i predpochteniya* [Social networks and messengers: Engagement and preferences]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechenost-i-predpochteniya> (Accessed: 10.09.2024).
23. Shchekotin, E.V., Kovarzh, G.Yu., Goiko, V.L., Petrov, E.Yu. & Bakulin, V.V. (2020) Assessment of the quality of life of the population of the regions of the Russian Federation based on digital data: Methodological aspects. *Vectors of Well-Being: Economy and Society*. 3 (38). pp. 138–156.

Информация об авторах:

Ливенцова Е.Ю. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: evg.liv@mail.ru

Басина П.А. – ассистент кафедры социологии, аналитик научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: basina@data.tsu.ru

Александрова Ю.К. – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

Гойко В.Л. – зав. научно-исследовательской лабораторией прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: goiko@data.tsu.ru

Дунбинский И.А. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.Yu. Liventsova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evg.liv@mail.ru

P.A. Basina, teaching assistant, analyst, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: basina@data.tsu.ru

Yu.K. Aleksandrova, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

V.L. Goiko, head of the Research Laboratory for Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: goiko@data.tsu.ru

I.A. Dunbinskiy, Cand. Sci. (History), senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.10.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 02.10.2024;
approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 316.472.45 + 316.653
doi: 10.17223/15617793/508/2

Проваксерские и антиваксерские онлайн-сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: сравнительный анализ сетевых характеристик

Анна Юрьевна Саркисова¹, Дарья Олеговна Дунаева², Евгений Юрьевич Петров³,
Михаил Георгиевич Мягков⁴

^{1, 2, 4} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ ovanju@gmail.com

² ddo@data.tsu.ru

³ petrov@data.tsu.ru

⁴ myagkov@skoltech.ru

Аннотация. Рассмотрена сеть онлайн-сообществ «ВКонтакте», активно публикующих контент по тематике вакцинации от COVID-19 в период с 01.01.2020 по 01.03.2023. Цель исследования – сравнить сетевые характеристики сообществ, декларирующих проваксерские и антиваксерские настроения. Антиваксеры обнаружили большую степень самоидентификации. Выявлено, что антиваксерские сообщества в сети имеют преимущество перед проваксерскими по всем сетевым критериям: общему количеству, степени сплоченности, разным метрикам лидерства.

Ключевые слова: онлайн-сообщество, социальные сети, социально-сетевой анализ, нарратив, вакцинация, антиваксеры, COVID-19, теория рисков, большие данные

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект 23-28-01025 «Исследование нарративов в социальных медиа с применением технологии анализа больших данных (на примере нарративов о вакцинации от COVID-19)».

Для цитирования: Саркисова А.Ю., Дунаева Д.О., Петров Е.Ю., Мягков М.Г. Проваксерские и антиваксерские онлайн-сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: сравнительный анализ сетевых характеристик // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 15–27. doi: 10.17223/15617793/508/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/2

Pro-vaxxer and anti-vaxxer online communities on the social network VKontakte: A comparative analysis of network characteristics

Anna Yu. Sarkisova¹, Daria O. Dunaeva², Evgeny Yu. Petrov³, Mikhail G. Myagkov⁴

^{1, 2, 4} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ovanju@gmail.com

² ddo@data.tsu.ru

³ petrov@data.tsu.ru

⁴ myagkov@skoltech.ru

Abstract. The article examines the VKontakte online communities that actively publish content on the topic of vaccination against SARS-CoV-2 in the period from 01/01/2020 to 03/01/2023. The node in the network is the community; the edge is the fact of having common subscribers. The full network contains 485 nodes, 2488 edges, 5 dyads, 19 isolates, an average of 10 common subscribers, 5 large clusters. The aim of the article is to compare the network characteristics of communities that declare pro-vaxxer and anti-vaxxer sentiments. The main research method is social network analysis. Anti-vaxxers found a greater degree of self-identification. Anti-vaxxer communities online have an advantage over pro-vaxxer communities in all network criteria: total number, degree of cohesion, various leadership metrics. According to the Degree Centrality metric, which characterizes the valence of the vertex of the graph, almost all large nodes are anti-vaxxer, that is, they have the largest number of common subscribers with other communities. The Betweenness Centrality metric defines the bridge communities that ensure the viability of the network. They connect different clusters in the network, that is, they provide access to adjacent clusters. Among the leaders are 6 anti-vaxxer, 1 pro-vaxxer and 1 neutral communities. The Eigenvector Centrality metric shows which communities have connections to the strongest communities (those with the most connections). According to this criterion, the leaders were 7 anti-vaxxer and 3 pro-vaxxer communities. Anti-vaxxers also form more cohesive clusters than supporters. The network of anti-vaxxer communities is much denser. Pro-vaxxer communities are more fragmented and disconnected:

there is no intensive overlap between audiences. The results of the study are also interpreted in the context of the prospect theory of D. Kahneman and A. Tversky, which explains the patterns of behavior of actors when making decisions related to risks. In a situation where no one can give guarantees, people choose a risky option that leaves hope of avoiding losses. In a situation of fear both before the new SARS-CoV-2 infection and before the new vaccine against it, the decision not to get vaccinated means a chance not to lose anything. The large weight of anti-vaxxers in the network is explained, on the one hand, by the typical behavior of people in a situation of threat of "losses" in the context of risk theory. The unity of anti-vaxxers is also a consequence of the pattern that a situation where serious losses are possible can be exploited. In contrast to the more relaxed behavior in the network of communities that are in tune with the grand narrative, anti-vaxxer communities strive for activity, consolidation and visibility in the information field. Another factor is that conspiracy theorists are more likely to focus on information that confirms their position and opinion (confirmation bias), which can lead to the emergence of echo chambers.

Keywords: online community, social networks, Social Network Analysis, narrative, vaccination, anti-vaxxers, SARS-CoV-2, risk theory, big data

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01025.

For citation: Sarkisova, A.Yu., Dunaeva, D.O., Petrov, E.Yu. & Myagkov, M.G. (2024) Pro-vaxxer and anti-vaxxer online communities on the social network VKontakte: A comparative analysis of network characteristics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 15–27. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/2

Введение

В социальных сетях, играющих сегодня первостепенную роль в формировании и вирусном распространении устойчивых нарративов об актуальных политических, экономических, социальных и культурных процессах, важным источником и каналом мнений выступает онлайн-сообщество.

Сообщества формируются по разным критериям: административно-территориальному (например, многочисленные городские), профессиональному (сообщества врачей), бывают сообщества по интересам (рыбалка, фильмы, кулинария) или сообщества единомышленников (противники аборт) и др. Вступление актора в сообщество мотивировано потребностями принадлежать группе и общаться с единомышленниками, запрашивать и получать информацию, получать поддержку и выражать солидарность.

Одновременно онлайн-площадки выступают платформой для обсуждения общественно значимых вопросов, привлечения к ним внимания, содействия самоорганизации людей, являясь инструментом формирования общественного мнения и ресурсом распространения информации, лоббирования нарративов.

В этом контексте особую актуальность приобретает исследование целостной системы интернет-сообществ, объединенных общим признаком. Технологии анализа больших данных сегодня позволяют получать и исследовать «вид сверху»: выделить кластеры сообществ и проанализировать закономерности их формирования, определить сообщества-лидеры, проследить особенности распространения информации. Сетевые сообщества становятся объектом исследования, например, в работах [1–6].

Одной из злободневных проблем, связанных с распространением мнений в онлайн-сообществах социальных сетей, является плохо контролируемый поток медицинской дезинформации. Исследователи отмечают массовое снижение доверия к экспертному (медицинскому) знанию и повышение значимости совместного принятия решений с опорой на «объединяющую силу Интернета», который «помещает тщательно

изученные доказательства рядом с мнениями крестоносцев, критиков и сторонников теории заговора, потенциально ослабляя сообщения квалифицированных экспертов» [7. С. 3779] (см. также: [8]).

Яркий пример следствия в данном контексте – проблема недоверия населения разных стран к вакцинам. Фиксируется, что «недоверие к вакцинам распространяется через современное движение антиваксеров, в результате чего нерешительность в отношении вакцин вызывает глобальное снижение иммунизации» [9. С. 4867]. Как замечает А. Ката, сочетание множества факторов – удобство поиска в Интернете, обильная дезинформация, представленная в Интернете, влияние других средств массовой информации на показатели вакцинации, трудности с оценкой достоверности источника, воздействие минут просмотра негативного веб-сайта на психологическое восприятие риска и недоверие к властям – логичным образом приводит к тому, что информация о вакцинации с веб-сайтов и других источников в социальных сетях определенным образом влияет на решения о вакцинации [7. С. 3780]. Дж. Ши с соавторами, отмечая давнюю историю антипрививочных общественных движений, обращают внимание на то, что «в то время как первые активисты против прививок распространяли брошюры и организовывали митинги, противники прививок XXI века имеют доступ к Facebook, Twitter и другим платформам социальных сетей, чтобы распространять свои взгляды по всему миру» [10]. Б. Монстед и С. Леманн фиксируют: «Нерешительность в отношении вакцин в настоящее время признана ВОЗ серьезной угрозой для глобального здравоохранения. В последнее время, особенно во время пандемии COVID-19, растет интерес к роли социальных сетей в распространении ложной информации и маргинальных нарративов о вакцинации» [11]. Н. Смит и Т. Грэхэм констатируют важность научного изучения социальных сетей в данном аспекте: «Поскольку большая часть коммуникации и организации против вакцинации происходит в Интернете, общедоступные сайты социальных сетей, такие как Facebook и Twitter, предоставляют богатые источники информации о динамике, характеристиках дискурса и сетевых изменениях движения противодействия вакцинации, сделав

социальные сети важным объектом для дальнейшего научного анализа» [12. Р. 1311]. Многократно отмеченные в зарубежных источниках тенденции в полной мере относятся к России: «Общественная дискуссия о вакцинации в России носит бурный и противоречивый характер, особенно в случае с COVID-19. В условиях широкого распространения мифов, ложной информации и риторики, противоречащей аргументации научного сообщества, социальные сети стали местом столкновения мнений о вакцинации» [13. Р. 1].

В данной статье представлены результаты сетевого анализа онлайн-сообществ социальной сети «ВКонтакте», активно публикующих контент, посвященный вакцинации от COVID-19, в период пандемии (01.01.2020–01.03.2023). Искомая тема в России, как и за рубежом, характеризуется резкой поляризацией мнений.

Цель статьи – сравнить место проваксерских, антиваксерских и нейтральных по отношению к вакцинации сообществ в социальной сети. Результаты позволяют уточнить некоторые особенности поведения проваксеров и антиваксеров в цифровом пространстве.

Материал и методы

Источник данных. Материалом исследования выбрана наиболее популярная российская социальная сеть «ВКонтакте» (<https://vk.com/>). При выборе источника данных значимыми критериями стали (1) популярность данной социальной сети среди российских пользователей; (2) специфика публикаций – большое количество текстовой информации, возможность пользователей высказывать открыто свое мнение, наличие метаданных (лайки, репосты, комментарии); (3) открытый API, позволяющий извлекать данные автоматизированными методами в исходном виде.

Методы сбора данных. Формирование реестра сообществ, на стенах которых в период пандемии было опубликовано значительное количество контента по тематике вакцинации от COVID-19, в целях построения их сети включало в себя следующие этапы.

1. С помощью API VK (application programming interface) на основе составленных лингвистических маркеров из социальной сети «ВКонтакте» были выгружены 4,5 млн релевантных сообщений, связанных с темой вакцинации от COVID-19, за период с 01.01.2020 по 01.03.2023 (см. подробнее [14]). Данные сообщения оказались размещены на страницах 131 119 сообществ и 1 145 360 пользователей «ВКонтакте».

2. По каждому из 131 119 сообществ с помощью метода Groups.getById выгружены название (name), описание (description) и количество подписчиков (members). Была произведена ручная разметка небольшой части данных сообществ, на основе чего была подготовлена модель машинного обучения с использованием ансамбля решающих деревьев. Было извлечено 5 842 сообщества.

3. 5 842 сообщества подверглись фильтрации по двум критериям: 1 – по наличию лингвистических маркеров в названии и/или описании (т.е. позиционирующие себя как посвященные теме вакцинации и/или

COVID-19); 2 – по количеству опубликованных по теме вакцинации от COVID-19 сообщений.

Таким образом, во-первых, если в названии или описании сообщества была напрямую указана его принадлежность к тематике вакцинации (например, «Спутник V» (https://vk.com/sputnik_vaccine?ysclid=llkp30389a764800174), «Химтрейлы короновирус жидкий чип вакцинация» (https://vk.com/stop_chemtrails?ysclid=llkp5m92ci918364951), «Правда о вакцинации. Мифы и разоблачения» (<https://vk.com/club204132164?ysclid=llkp6vhlsp4505923>) и т.п.), то такое сообщество гарантированно попадало в итоговый реестр сообществ.

Во-вторых, были выгружены все сообщения из 5 842 сообществ за исследуемый период, а затем осуществлен полнотекстовый поиск маркерных слов по тематике вакцинации. На основании построенного распределения количества сообществ и количества контента по тематике вакцинации в них, было установлено, что нетипичный резкий всплеск начинается с 56 сообщений (0,95 перцентиль). Поэтому в реестр также были включены сообщества, которые опубликовали более 56 постов про вакцинацию за 2020–2023 гг., даже если в самопозиционировании они не заявляют тему вакцинации.

Суммарный реестр составил 691 сообщество.

4. Для того чтобы построить сеть взаимодействий между подписчиками сообществ сформированного реестра, необходимо, чтобы сообщество отвечало двум критериям: (1) было открытым; (2) не скрывало своих подписчиков. Соответственно была проведена фильтрация сообществ. Из 691 сообщества открытых оказалось 689, у 113 сообществ (16%) оказались скрыты подписчики; таким образом, в выборке осталось 576 сообществ.

Чтобы построить граф взаимосвязей этих сообществ, были выгружены все их подписчики. Если у сообществ находились общие подписчики, между ними фиксировалась связь (ребро). Чем больше общих подписчиков, тем сильнее связь сообществ (больше вес связи).

Всего между сообществами насчитывается 62 597 рёбер (ребро – факт наличия у двух сообществ общих подписчиков). Граф характеризуется высокой плотностью (0,378), все сообщества взаимосвязаны.

5. Отсутствие методологических оснований анализировать все 62 597 рёбер (это «запутанный клубок», где все связаны со всеми) диктует необходимость найти наиболее связанные сообщества – такие, подписчики которых активно интересуются тематикой вакцинации и поэтому массово подписываются на похожие паблики. Для того чтобы определить ядро исследуемых сообществ, необходимо оставить только те сообщества, которые имеют максимальный вес (количество общих подписчиков).

Расчёт и интерпретация весов рёбер. Среди сообществ наблюдается большой разброс по количеству подписчиков (от 1 до 4 млн). Очевидно, что чем больше размер группы, тем больше у нее общих подписчиков с другими сообществами, поэтому для расчёта веса связи была выбрана формула Hub Promoted

Index (HPI) [15]: количество общих подписчиков сообществ А и В делить на число подписчиков в сообществе с наименьшим их количеством.

Чтобы сократить разброс по количеству подписчиков, были исключены сообщества, имеющие более 1 млн подписчиков: они имеют исключительно развлекательно-познавательный характер (фильмы, игры, музыка, юмор, рецепты, спорт) и не отражают специфику исследуемой проблемы. Таких сообществ в реестре 13 («История Человечества», «Наука и Техника», «ВПШ», «Мир в Позитиве», «Книги», «ЯЖЕБАТЯ», «ИНДУЛЬГЕНЦИЯ †», «Лихие 90-е», «Just Art», «Тайны Истории», «Момент истории», «Изнанка Шоу-Бизнеса», «Краткая История»).

Минимальный порог по количеству подписчиков не вводился, так как исследуемый период довольно продолжительный (2020–2023), за это время динамика численности подписчиков могла значительно меняться, соответственно, если на момент загрузки данных (март 2023) в сообществе состояло мало пользователей, это не означает, что их было мало на протяжении всего его существования: возможно, по каким-либо причинам (внешние блокировки, смена тематики группы) произошел отток пользователей, однако остался интересный для задач исследования ретроспективный контент.

Интерпретация весов рёбер по формуле Hub Promoted Index (вес принимает значение от 0 до 1, чем выше значение, тем сильнее связь) имеет следующий вид.

Присутствует 111 рёбер с весом 1, такой вес присваивается в том случае, если одно из двух сообществ имеет одного подписчика (таких сообществ в реестре 25), который входит и во второе сообщество.

Вес 0,8 имеют 4 ребра:

- связывают городское сообщество с большим количеством подписчиков с тематическим сообществом о коронавирусе/вакцинации, привязанным к этому же городу (например, «Подслушано в Рыбинске» и «Коронавирус|COVID-19|Рыбинск»);

- связывают сообщества про вакцины («Эпиваккона (Auroga-CoV) – вакцина от коронавируса» (6 подписчиков) и «Covivac КовиВак – третья вакцина от коронавируса» (8 416 подписчиков)), связь через 4 подписчиков);

- связывают антиваксерские сообщества («Мы против вакцинации» (5 подписчиков) и «СТОП ОБМАН БАРАНОВЫРУС covid-19 КОРОНАВИРУС 2021» (7 887 подписчиков)), связь через 4 подписчиков).

Далее вес идёт по убыванию в зависимости от количества общих подписчиков двух сообществ и размера сообществ.

Таким образом, в случае если первое сообщество полностью входит во второе, вес между ними будет максимальный и равен 1. Если общих подписчиков мало, но и размер одного из двух сообществ небольшой, то вес будет ближе к 1 (например, у сообщества А – 123 000 подписчиков, а у сообщества В – 6 подписчиков, общих между ними 2, вес будет 0,6). Если же оба сообщества крупные и подписчиков между ними мало (например, 2), то вес будет малым.

В связи с этим было принято решение удалить рёбра с весом менее 0,1, чтобы оставить в графе только наиболее сильно связанные сообщества.

В результате в графе осталось 485 узлов и 2 488 ребра.

Методы анализа данных

В качестве основного метода анализа данных использовался социально-сетевой анализ (SNA). Методологической основой послужили работы в области социально-сетевого анализа А.-Л. Барабаши [16], Й. Асима с соавторами [17], Д. Камачо с соавторами [18], Х.Ф. де Арруда с соавторами [19] и др.

Для расчета сетевых метрик и визуализации сетей использовалось программное обеспечение Gephi. В построенных графах узлом выступает сообщество, ребром – факт наличия общих подписчиков.

В рамках предобработки данных сообщества были размечены вручную по тональностям: на основе самопозиционирования сообщества определены нейтральные, позитивные и негативные тональности в отношении к вакцинации, декларируемом в названии, описании, статусе сообщества. Например, нейтральным является сообщество «Прививки: “за” и “против”» (<https://vk.com/privivkazaiprotiv>), позитивным – «Σ Научный скептицизм – против псевдонауки» (<https://vk.com/skepticism1>), негативным – «Против Принудительной Вакцинации» (<https://vk.com/club70433616>).

Интерпретация полученных результатов осуществлялась с учетом современных социологических исследований в области изучения феномена отказа от вакцинации и антиваксерских движений в социальных сетях ([20–22] и др.).

В качестве теоретико-методологического контекста были рассмотрены и исследования пандемийной эпохи, посвященные анализу антиваксерского контента непосредственно в российских социальных сетях.

Чаще всего авторы ставят целью выделить основные тематические кластеры этого контента. Так, В.И. Дудина, В.О. Сайфулина дискурс вакцинной нерешительности в сети «ВКонтакте» сводят к четырем основным темам: рискованность вакцинации, неэффективность вакцинации, ненужность вакцинации и несправедливость вакцинации [23], ставя проблему риска на первое место. Л.Е. Малыгина, Е.С. Павлова также выделяют четыре дискурсивные практики антивакцинаторского медиадискурса на материале российских социальных сетей: псевдомедицинскую, конспирологическую, паттерналистскую (связанную с опекунской позицией по поводу вакцинации детей), законодательную (апелляция к правам человека) [24]. В работе [25] внимание автора сосредоточено конкретно на типах дискурса, связанных с QR-кодами, в сети «ВКонтакте». В работе [26] на основе опроса пользователей «ВКонтакте» утверждается, что основными социальными факторами, препятствующими проведению вакцинации в России, являются недовольство нежеланием чиновников получать обратную связь от населения по вопросам вакцинации, широкая поддержка убеждений в заговоре и споры вокруг цифровой системы QR-кодов.

Авторы отмечают смежность проблемы антипрививочных настроений и других социально-политических проблем. Отмечается и высокая степень политизированности «дискурса недоверия» к вакцинации от COVID-19 среди российских пользователей Telegram [27], причем недоверия как к национальным, так и к глобальным акторам. «Спираль недоверия» рассматривается как следствие «кумулятивного эффекта наложения недоверия, агрессии и интенсивности комментариев». Свойственная российским антиваксерам агрессивная риторика [28] (в том числе приводящая к прямым правонарушениям) играет существенную роль в привлечении внимания пользователей к соответствующим постам и комментариям.

Многочисленны также исследования, утверждающие негативное влияние антипрививочных нарративов в социальных сетях на общественное здоровье в России (например, [29]). Антипрививочный контент «ВКонтакте» 2021 г. становится объектом исследования в работе А.И. Левина, Л.В. Левиной [30]. Авторы делают выводы о более высокой эффективности пропаганды антиваксеров по сравнению с пропагандой вакцинации государством, медицинским сообществом и популяризаторами науки. Прослеживается устойчивая корреляция между недоверием к вакцинации и недоверием к власти. А. Гладченко в своем исследовании [31] ищет ответ, как влияет антипрививочный контент социальных сетей на процесс офлайн-мобилизации. Он делает вывод, что анализируемый контент «ВКонтакте» не может считаться мобилизующим из-за отсутствия ряда ключевых характеристик.

В ряде работ анализируется роль онлайн-сообществ как каналов коммуникации в распространении антиваксерских настроений. Показывается, что, хотя общественная обеспокоенность вакцинацией связана с бояз-

нью осложнений от вакцины, родительскими переживаниями и неопределенностью относительно воздействия на здоровье, сеть сообществ можно охарактеризовать иерархической структурой: т.е. крупные, популярные сообщества контролируют обмен информацией внутри сети [32].

Результаты настоящего исследования интерпретируются также в контексте теории перспектив Даниеля Канемана и Амоса Тверски [33–34], объясняющей закономерности поведения акторов при принятии решений, связанных с рисками.

Результаты и обсуждение

На рис. 1 представлена общая сеть сообществ. Граф состоит из 485 узлов и 2 488 рёбер. 456 узлов и 2 483 ребра входят в ядро (центральную связанную компоненту) графа, 10 узлов образуют 5 диад (2 сообщества, имеющие общих подписчиков и не связанные с ядром графа), ещё 19 узлов являются изолянтами – не имеют общих подписчиков ни с одним другим сообществом из реестра.

В среднем исследуемые сообщества имеют 10 общих подписчиков, средняя длина пути в графе – 3 шага, максимальная – 8 шагов. Граф довольно плотно связан, учитывая его специфику – данные социальной сети «ВКонтакте» (плотность 0,021).

Плотность графа свидетельствует о том, что среди подписчиков – в целом не случайные, а интересующиеся темой (или заинтересованные в теме) акторы, которые подписаны не на одно сообщество, а ищут разные источники информации или площадки для коммуникации.

На графе визуализированы нейтральные (обозначены фиолетовым цветом), проваксерские (зеленым) и антиваксерские (оранжевым) сообщества.

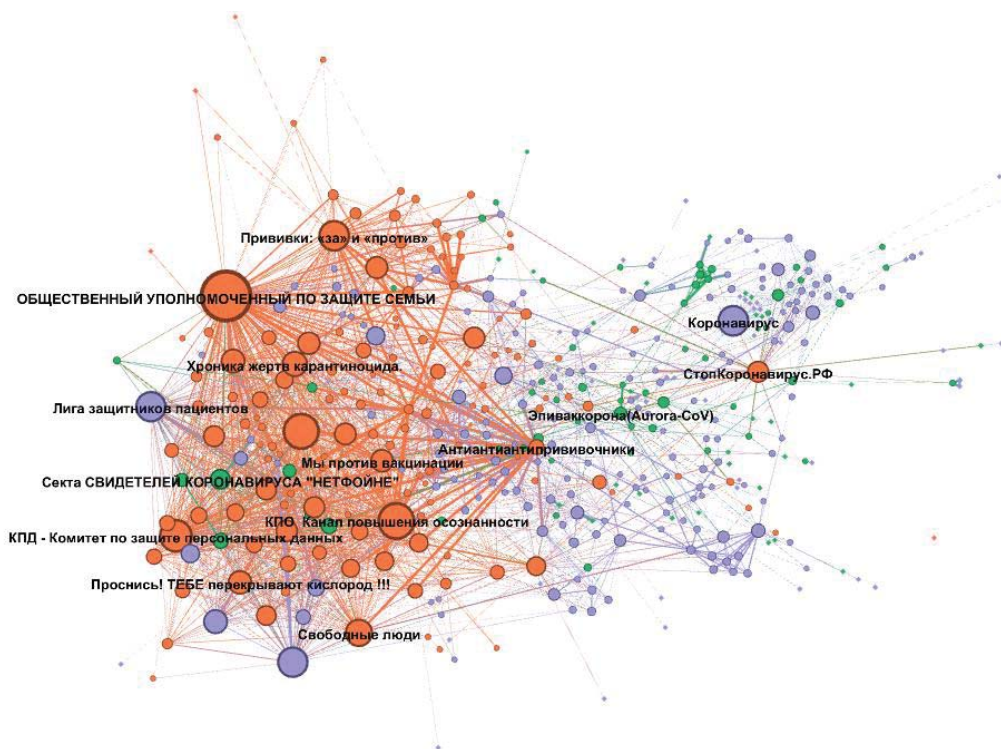

Рис. 1. Общая сеть онлайн-сообществ «ВКонтакте», публикующих контент о вакцинации от COVID-19

Большое количество нейтральных сообществ в сети определяется тем, что в период пандемии вакцинация от COVID-19 волновала население в целом, ее обсуждали на самых разных, в том числе нетематических площадках.

Антиваксерских сообществ количественно оказывается существенно больше, чем проваксерских. Это же касается и суммарного количества подписчиков (табл. 1).

Таблица 1
Количественное распределение сообществ в сети

Тип сообществ	Количество сообществ	Процент сообществ	Сумма всех подписчиков в сообществах	Процент подписчиков в сообществах
Нейтральные	244	50	15 861 863	89
Проваксерские	92	19	636 252	4
Антиваксерские	149	31	1 294 489	7
Всего	485	100	17 792 604	100

Многочисленность и активность антиваксерских сообществ может быть объяснена, во-первых, в контексте теории отношения к риску.

Согласно теории перспектив [33–34], люди не склонны к риску в сфере выигрышей и терпимы к риску в сфере потерь. Иначе говоря, в состоянии потери люди становятся более готовыми принять риски, в состоянии приобретений люди риска избегают.

С опорой на данный принцип в теории игр было доказано в лабораторных условиях, что люди более склонны вступать в социальные отношения, если игровые выигрыши сформулированы как потери, чем когда они преподносятся как приобретения [35]. Предполагается, что «человеческая социальность, возможно, развивалась скорее как защитная реакция на возможность потерь, чем как оппортунистическая попытка получить выгоду» [35. Р. 13].

Теория игр органично проецируется на социальные практики. Принцип неприятия потерь, как показал Д. Канеман, универсален для разных сфер жизни.

В состоянии неопределенности любое решение представляет собой лотерею: например, делать вакцинацию или не делать. Решение влечет за собой риск потери здоровья. В условиях риска человек склонен вести себя нерационально, стараясь в первую очередь избежать потерь, так как эмоционально потери переживаются намного сильнее, чем приобретения. Иначе говоря, в своих решениях человек сосредоточен не на том, чтобы максимизировать выгоду, а на том, чтобы минимизировать потери. Возникает установка избежать потерь любой ценой, так как с точки зрения человеческого мозга «потеря» равно «смерть».

В ситуации, когда никто не может дать гарантий, люди выбирают рискованный вариант, оставляющий надежду избежать потерь. В ситуации страха и перед новой коронавирусной инфекцией, и перед новой вакциной от нее человек часто оказывается склонен к рассуждению: коронавирусной инфекцией он может и не

заболеть, а если поставит прививку, то однозначно испытает на себе ее воздействие. Эмоционально неотвратимая потеря оказывается значимее вероятной выгоды (защиты с помощью вакцинации от заражения смертельно опасной болезнью). Решение не ставить прививку означает шанс ничего не потерять.

Наряду с людьми, которые боятся потерять здоровье вследствие вакцинации, среди антиваксеров есть большое количество акторов, стремящихся эксплуатировать текущую ситуацию в своих целях.

Вторая важная причина преобладания антиваксерских сообществ над проваксерскими видится в их оппозиционном характере. Вакцинация как единственная надежная защита от инфекции поддерживается и пропагандируется правительствами большинства стран: «Во всем мире был усилен политико-правовой мандат на поддержание высоких уровней вакцинации среди населения» [12. Р. 1310]; «В научном сообществе существует консенсус в отношении того, что вакцины в целом безопасны, а польза для здоровья общества значительно превышает возможные риски» [36. Р. 2].

Поддерживаемому официальной властью гранд-нарративу противостоит антиваксерский контр-нарратив, сторонники которого нуждаются в активности и консолидации, для того чтобы быть заметными и оказывать информационное сопротивление.

Таким образом, помимо части подписчиков антиваксерских сообществ, которую составляют люди, озабоченные вопросами собственного здоровья и здоровья своих детей, т.е. безопасности и эффективности вакцины, можно предположить, что организаторы и активисты значительной группы сообществ – это радикальные антиваксеры, заинтересованные в распространении страха, неуверенности и сомнений у населения, эксплуатирующие для этого злободневную социальную тему. Они распространяют мифы и фейки, информацию о негативных последствиях вакцинации и другие часто бездоказательные факты. При этом известно, что «антивакцинные сообщества очень эффективны в обращении к неопределившимся людям» [37].

Современные исследования опровергают решающую роль роста уровня образованности населения, повышения медицинской грамотности для уменьшения антиваксерских настроений в социальных сетях.

Научные данные о пользе вакцинации и попытки просвещения населения и преодоления невежества и заблуждений не приведут к решению проблемы, так как вакцинация для определенных групп лиц выступает поводом для дестабилизации общественной ситуации. Ситуация не уникальна для России и для периода пандемии: «Исторические данные также показывают, что образование не увенчалось успехом. Протесты против вакцинации возникли вместе с современной вакцинологией в XVIII веке и мало изменились с течением времени. Исторические методы протеста включали эмоциональные призывы, подчеркивающие родительскую преданность, разоблачение теории микробов, обвинения медицинских работников в двуличии и альтернативный анализ данных, чтобы представить вакцинацию как неэффективную. Общие темы вклю-

чали беспокойство по поводу безопасности, посягательства на права личности, недоверие к научным авторитетам, пропаганду “естественного исцеления”, продвижение санитарной реформы, неверие в теории заражения и утверждение денежных мотивов как движущей силы иммунизации. Все эти темы и методы сохраняются и сегодня, их можно наблюдать на каждом проанализированном веб-сайте, несмотря на расширение медицинских и научных знаний, доступных для противодействия таким утверждениям. То, что эти протесты продолжались с течением времени, указывает на наличие более широкой социальной и политической напряженности» [38. Р. 1714].

Часто антиваксерские сообщества создаются одними и теми же акторами (поскольку под «пользователем» понимается пользовательский профиль (аккаунт), за разными аккаунтами оказываются одни и те же акторы), содержат большой процент похожего контента. Цель радикальных антиваксеров – усилить страх и растерянность, вызвать смуту в общественном мнении и спровоцировать недовольство властью. Подобно всем радикальным движениям, антиваксеры стремятся манипулировать общественным сознанием, и, как другим радикальным движениям, иногда им малыми силами удается спровоцировать достаточно серьезную общественную реакцию.

Помимо потребности в многочисленности и интенсивности для привлечения максимального внимания,

большое количество протестных сообществ также позволяет обеспечить легкую взаимозаменяемость при блокировке каких-либо из них. Названия многих сообществ совпадают на 80–100%.

Результаты позиционного анализа: сообщества-лидеры

Позиционный сетевой анализ позволяет определить сообщества – лидеров по разным метрикам центральности. В контексте данного исследования представляет интерес, какие сообщества оказываются более значимыми в сети по разным критериям: проваксерские или антиваксерские. На графах ниже нейтральные сообщества обозначены фиолетовым цветом, проваксерские – зеленым, антиваксерские – оранжевым. Чем крупнее узел, тем более лидерскую позицию он занимает по соответствующему критерию (названия подписаны также у наиболее крупных узлов).

Метрика *Degree Centrality* является чисто количественной, характеризуя валентность вершины графа. Она позволяет определить сообщества (узлы), имеющие больше всего связей (рёбер). Это популярные тематические сообщества, контент которых имеет возможность оказать влияние на наибольшее количество заинтересованных темой вакцинации подписчиков смежных сообществ.

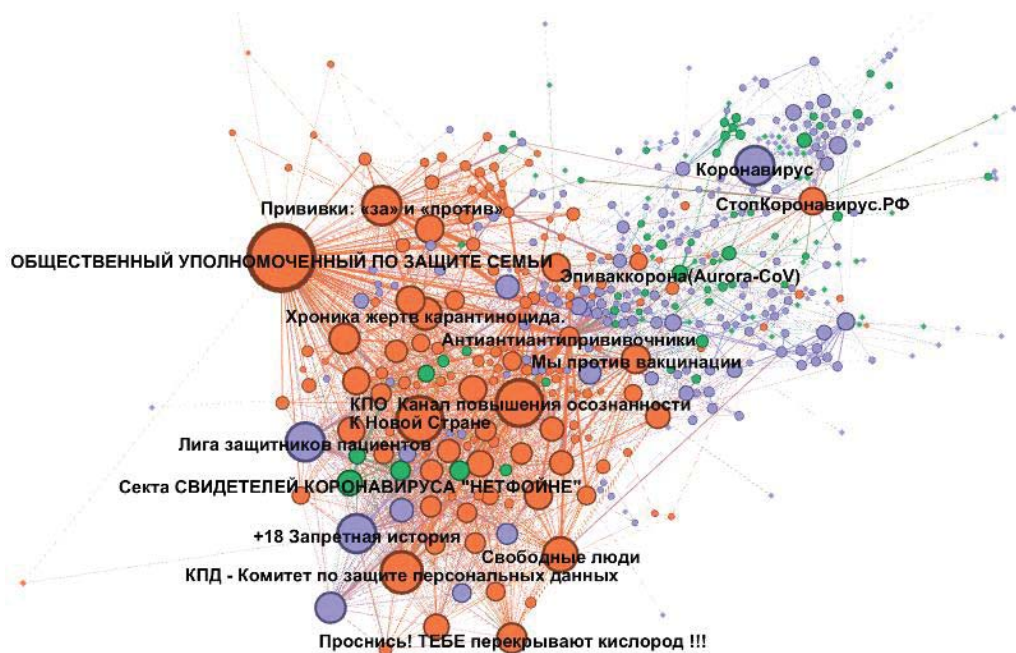

Рис. 2. Сообщества – лидеры по Degree Centrality

Таблица 2

Лидеры проваксерских и антиваксерских сообществ по включенности (метрика Degree Centrality)

Тип сообщества	Название сообщества	Ссылка	Показатель Degree Centrality
Проваксерское	Секта СВИДЕТЕЛЕЙ КОРОНАВИРУСА «НЕТФОЙНЕ» COVID 1984	https://vk.com/club193403259	45
	ВАКЦИНЫ, УЧЕНЫЕ, ВРАЧИ, ЮЮ, НАУКА, МЕДИЦИНА	https://vk.com/club203257455	32
		https://vk.com/club199350501	32
Антиваксерское	ОБЩЕСТВЕННЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ЗАЩИТЕ СЕМЬИ	https://vk.com/club91280223	138
	КПО Канал повышения осознанности	https://vk.com/club44965226	95
	КПД – Комитет по защите персональных данных	https://vk.com/club181511287	83

В данном случае (рис. 2) почти все крупные узлы – антиваксерские, т.е. именно они имеют наибольшее количество общих подписчиков с другими сообществами. Среди проваксерских сообществ лидерами по количеству общих подписчиков являются сообщества «Секта СВИДЕТЕЛЕЙ КОРОНАВИРУСА “НЕТФОЙНЕ”» (ID193403259), «ВАКЦИНЫ, УЧЕНЫЕ, ВРАЧИ, ЮЮ, НАУКА, МЕДИЦИНА» (ID199350501), «COVID 1984» (ID203257455). В табл. 2 представлены лидеры проваксерских и антиваксерских сообществ по включенности (метрика Degree Centrality).

На рис. 3 представлен граф распределения сообществ по *Betweenness Centrality*. Метрика определяет

сообщества-мосты, обеспечивающие жизнеспособность сети. У такого сообщества может быть мало связей, но это важные связи с точки зрения целостности сети. Они связывают разные кластеры в сети, т.е. дают доступ к смежным кластерам. Среди лидеров оказываются 6 антиваксерских, 1 проваксерское и 1 нейтральное сообщество.

Метрика *Eigenvector Centrality* показывает, у каких сообществ имеются связи с наиболее сильными сообществами (обладающими большим количеством связей). По данному критерию в лидерах оказались 7 антиваксерских и 3 проваксерских сообщества (рис. 4).

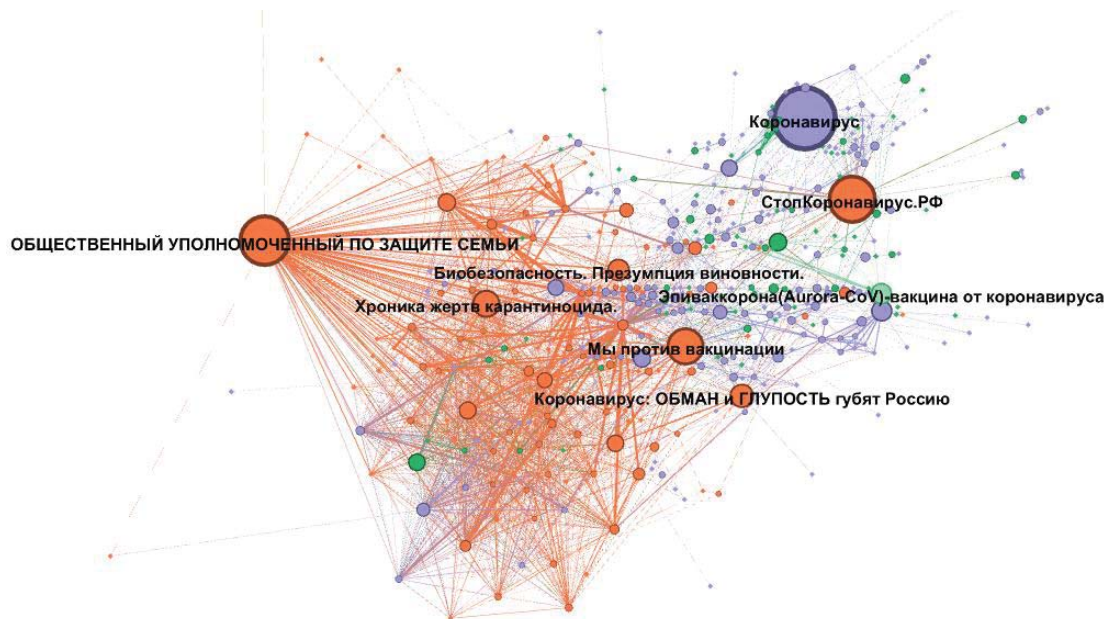

Рис. 3. Сообщества – лидеры по Betweenness Centrality

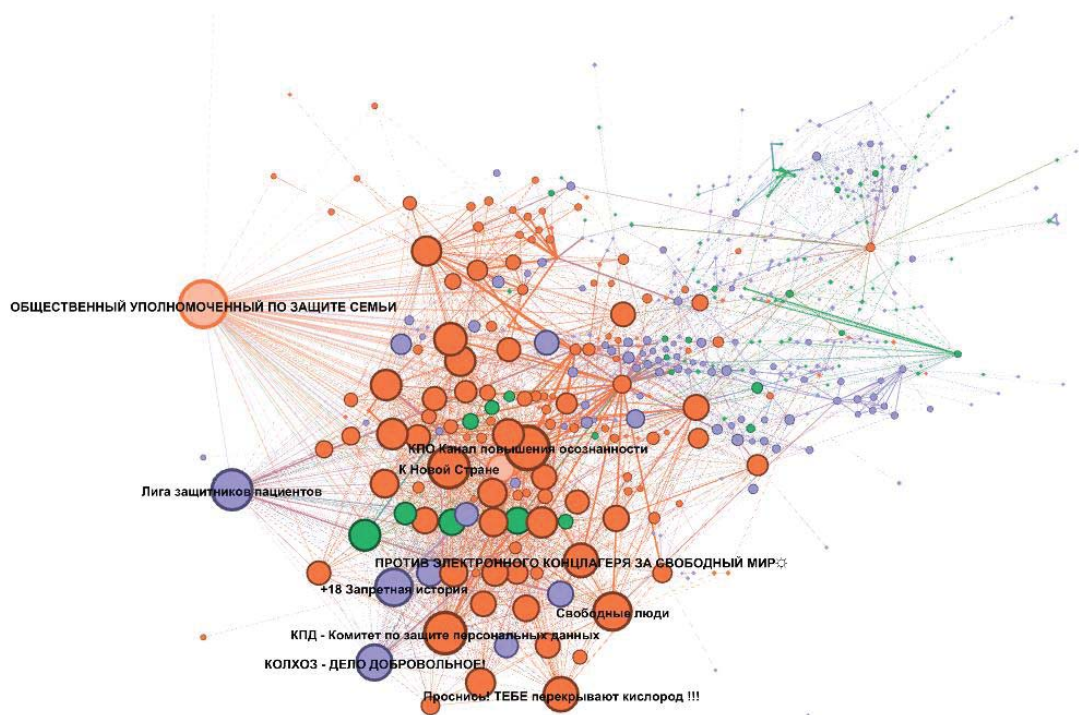

Рис. 4. Сообщества – лидеры по Eigenvector Centrality

Таким образом, по всем трем метрикам лидерства лидерами оказываются антиваксерские сообщества. Это подтверждает их больший вес в сети.

Анализ сплоченности кластеров

Противники вакцинации также образуют более сплоченные кластеры, чем сторонники. Сеть антиваксерских сообществ характеризуется намного более высокой плотностью (табл. 3, рис. 5).

На рис. 5 видно, что проваксерские сообщества более фрагментированы и разобщены: нет интенсивных пересечений аудиторий.

Антиваксеры вновь демонстрируют большую потребность подписчиков общаться с единомышленниками, принадлежать группе и выражать самоидентификацию, эксплицитовать высокую степень внутригрупповой солидарности и корпоративной поддержки.

Плотность сети и интенсивность вовлечения в сеть ускоряют обмен информацией.

Таблица 3

Сетевые характеристики сообществ

Тип сообщества	Средняя степень	Диаметр	Плотность	Количество изолянтов	Количество диад и триад
Нейтральные	3,4	9	0,014	40	11
Проваксерские	1,1	8	0,013	47	3
Антиваксерские	13,2	4	0,089	8	1
По всей сети	10,3	8	0,021	19	5

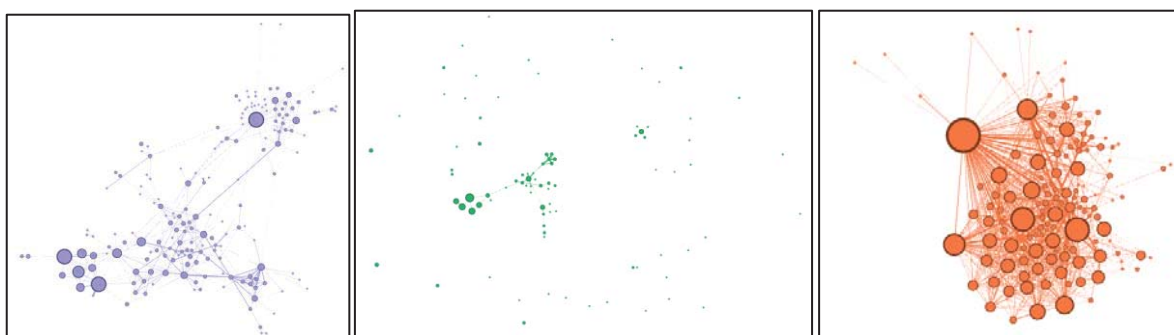

Рис. 5. Визуализация плотности нейтральных, проваксерских и антиваксерских сообществ в сети соответственно

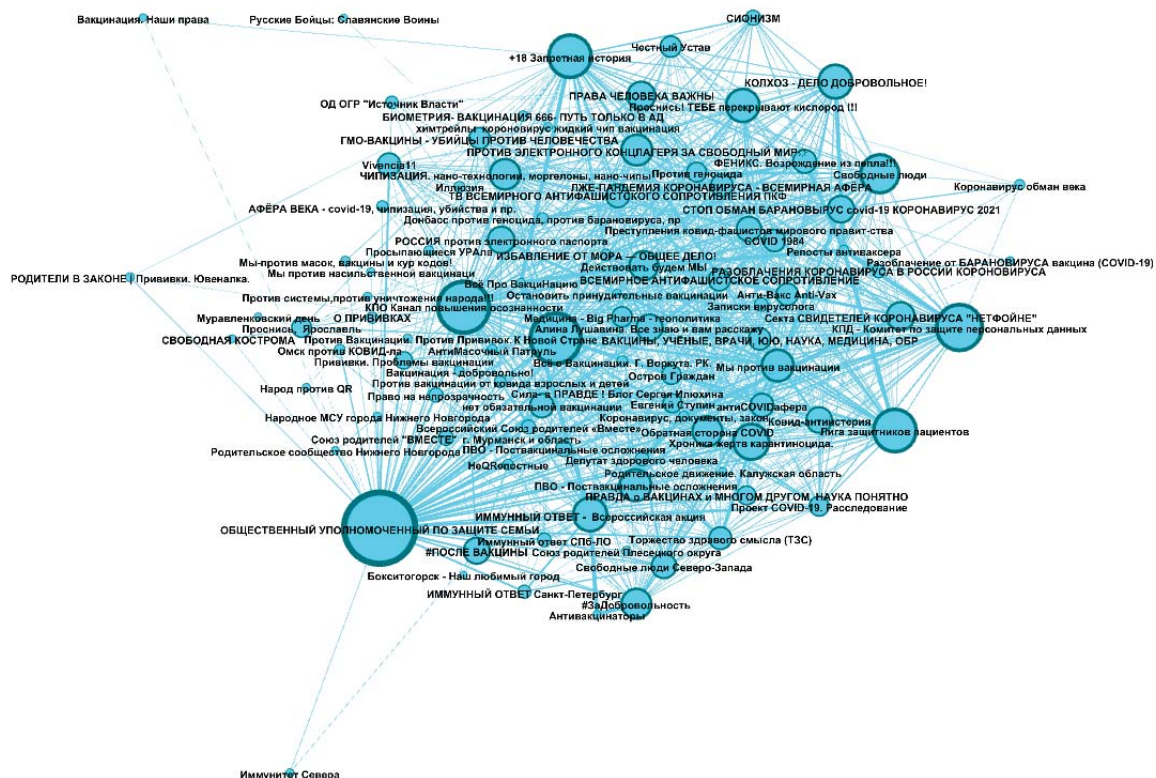

Рис. 6. Пример сплоченного антиваксерского кластера

Одним из следствий этих выводов является то, что «онлайновая (медицинская) дезинформация может представлять еще большую проблему, чем считалось ранее, потому что убеждения и поведение в сплочённых, внутренне однородных сообществах более устойчивы и обеспечивают благодатную почву для маргинальных нарративов, в то время как основная информация ослабляется» [11. Р. 9].

На рис. 6 можно наблюдать пример выраженного антиваксерского кластера, характеризующегося высокой сплоченностью. Кластер второй по численности в сети (включает 97 узлов (20%) и 1 036 рёбер). Плотность кластера в 10 раз выше, чем в среднем по сети (0,223 и 0,021 соответственно).

Заключение

Таким образом, антиваксеры в российской социальной сети представляют собой намного более сплоченное сетевое сообщество, чем проваксеры.

В целом данная закономерность неоднократно замечалась исследователями в отношении протестных сообществ любой направленности. Например, И.В. Ксенофонта в статье «Роль Интернета в развитии протестного движения» констатирует: «...У нас есть возможность наблюдать за практиками, возникающими в среде онлайн-сообществ, и описывать их, обрисовывая границы этой новой солидарности. Прежде всего нужно отметить, что коммуникация в протестных сообществах является довольно плотной и насыщение этих виртуальных площадок новой информацией происходит постоянно и непрерывно. С одной стороны, активность стимулируют модераторы сообществ, постоянно представляющие новые информационные поводы, с другой – сами пользователи, очевидно, испытывают потребность и в самостоятельном обсуждении политических и околополитических тем. Тем не менее преобладающей формой участия все же остаются пассивная форма виртуального одобрения, участие в голосовании и распространение информации» [39. С. 116]. К.А. Платонов и Д.И. Юдина констатируют, что «сети социальных связей всегда играли существенную роль в процессе привлечения интереса и вовлечения в протестные движения» [4. С. 228].

Антиваксерский нарратив представляет собой контр-нарратив – в противовес гранд-нарративу о необходимости и пользе вакцинации, поддержи-

ваемому официальной властью. Даже беглый просмотр контента сообществ, посвященных вакцинации, обнаруживает регулярные отсылки к государству и власти. Один из аргументов проваксеров – заявление об ответственности и заинтересованности государства в здоровье своих граждан. Стандартный аргумент антиваксеров – заявления о недоверии к действиям и институтам государства, которое обвиняют в манипулировании и «сокрытии правды», а также критика российской науки и здравоохранения.

В отличие от более расслабленного поведения в сети сообществ, созвучных в своих ключевых тезисах гранд-нарративу, антиваксерские сообщества стремятся к активности, консолидации и заметности в информационном поле.

Большой вес антиваксеров в сети объясняется как типичным поведением людей в ситуации угрозы «потерь» в контексте теории рисков, так и той закономерности, что ситуацию, когда возможны серьезные потери, можно эффективно эксплуатировать. Это становится одним из индикаторов антиваксерского сетевого сообщества.

Еще один фактор видится в том, что сторонники теорий заговора более склонны замыкаться на информации, подтверждающей их позицию и мнение (confirmation bias / предвзятость подтверждения), что может приводить к возникновению эхо-камер, информационных пузырей. «Противодействие медицинской дезинформации в онлайн-системах – непростая задача. В то время как научная литература изобилует доказательствами, опровергающими изложенные выше нарративы, люди, находящиеся на крайнем “отвержении” континуума нерешительности в отношении вакцин, часто имеют сильное чувство идентичности в отношении своей позиции в отношении вакцин. Люди склонны переосмысливать или игнорировать информацию, если она противоречит позиции, которую они твердо идентифицируют, эффект, который был продемонстрирован во многих контекстах, включая вакцинацию» [11. Р. 2].

Подписки пользователей на большое количество похожих по тематике сообществ могут как способствовать формированию более объективного восприятия события, так и, напротив, приводить к усилению нарративного мышления (в противовес аналитическому мышлению), т.е. быть благоприятной средой для эклектического связывания в цельные нарративы фрагментированных фактов и историй, в реальности не имеющих логической связи.

Список источников

1. Chen X., Deng L., Zhao Y., Zhou X., Zheng K. Community-based influence maximization in location-based social network // World Wide Web. 2021. Vol. 24. P. 1903–1928.
2. Rim H., Lee Y., Yoo S. Polarized public opinion responding to corporate social advocacy: Social network analysis of boycotters and advocates // Public Relations Review. 2020. Vol. 46, Is. 2. Art. no. e101869
3. Vardell E., Wang T., Thomas P.A. “I found what I needed, which was a supportive community”: an ethnographic study of shared information practices in an online cosplay community // Journal of Documentation. 2022. Vol. 78, № 3. P. 564–579.
4. Платонов К.А., Юдина Д.И. Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 226–249.
5. Суслов С.И. Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ в «ВКонтакте» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 69–87.
6. Харченко Д.А. Онлайн-сообщества в социально-сетевой структуре Интернета // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 176–182.
7. Kata A. Anti-vaccine activists, Web 2.0, and the postmodern paradigm – An overview of tactics and tropes used online by the anti-vaccination movement // Vaccine. 2012. № 30. P. 3778–3789.
8. Wilson K., Keelan J. Coping with public health 2.0 // Canadian Medical Association Journal. 2009. Vol. 180 (10). P. 1080.

9. Gunaratne K., Coomes E.A., Haghighyan H. Temporal trends in anti-vaccine discourse on Twitter // *Vaccine*. 2019. № 37. P. 4867–4871.
10. Shi J., Ghasiya P., Sasahara K. Psycho-linguistic Differences among Competing Vaccination Communities on Social Media // *APSIPA Transactions on Signal and Information Processing*. 2022. № 11. Art. no. e15.
11. Mønsted B., Lehmann S. Characterizing polarization in online vaccine discourse – A large-scale study // *PLoS ONE*. 2022. Vol. 17 (2). Art. no. e0263746.
12. Smith N., Graham T. Mapping the anti-vaccination movement on Facebook // *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22 (9). P. 1310–1327.
13. Platonov K., Svetlov K., Saifulina V. Discourse on Vaccination on Russian Social Media: Topics and Controversy // 2022 32nd Conference of Open Innovations Association (FRUCT). Tampere, Finland, 2022. P. 1–7.
14. Саркисова А.Ю., Петров Е.Ю., Дунаева Д.О. Разработка системы лингвистических маркеров для автоматизированной выгрузки тематических текстовых данных из социальной сети // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2023. № 97. С. 70–84.
15. Lü L., Zhou T. Link prediction in complex networks: A survey // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2011. Vol. 390, Is. 6. P. 1150–1170.
16. Barabási A.-L. *Network Science*. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 474 p.
17. Asim Y., Malik A.K., Raza B., Shahid A.R. A trust model for analysis of trust, influence and their relationship in social network communities // *Telematics and Informatics*. 2019. Vol. 36. P. 94–116.
18. Camacho D., Panizo-Lledot A., Bello-Orgaz G., Gonzalez-Pardo A., Cambria E. The four dimensions of social network analysis: An overview of research methods, applications, and software tools // *Information Fusion*. 2020. Vol. 63. P. 88–120.
19. De Arruda H.F., Cardoso F.M., de Arruda G.F., Hernández A.R., da Fontoura Costa L., Moreno Y. Modelling how social network algorithms can influence opinion polarization // *Information Sciences*. 2022. Vol. 588. P. 265–278.
20. Ortiz-Sánchez E., Velando-Soriano A., Pradas-Hernández L., Vargas-Román K., Gómez-Urquiza J.L., Cañadas-De la Fuente G.A., Albendín-García L. Analysis of the Anti-Vaccine Movement in Social Networks: A Systematic Review // *International Journal of Environmental Research*. 2020. Vol. 17 (15). Art. no. 5394.
21. Germani F., Biller-Andorno N. The anti-vaccination infodemic on social media: A behavioral analysis // *PLoS One*. 2021. Vol. 16 (3). Art. no. e0247642.
22. Nguyen A., Catalan-Matamoros D. Anti-Vaccine Discourse on Social Media: An Exploratory Audit of Negative Tweets about Vaccines and Their Posters // *Vaccines (Basel)*. 2022. Vol. 10 (12). Art. no. 2067.
23. Дудина В.И., Сайфулина В.О. «Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1 (173). С. 279–298.
24. Малыгина Л.Е., Павлова Е.С. Лингвобезопасность: антивакцинаторский медиадискурс в контексте аксиологических мировоззренческих трансформаций // *Неофилология*. 2022. Т. 8, № 2. С. 324–332.
25. Legostaeva N., Svetlov K. The QR Code as a Symbol of Protest: Analysis of Social Network VKontakte // *International Journal of Open Information Technologies*. 2022. Vol. 10, № 11. P. 41–46.
26. Boguslavsky D.V., Sharova N.P., Sharov K.S. Public Policy Measures to Increase Anti-SARS-CoV-2 Vaccination Rate in Russia // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19, № 6. Art. no. 3387.
27. Bodrunova S.S., Nepiyuschikh D. Dynamics of Distrust, Aggression, and Conspiracy Thinking in the Anti-vaccination Discourse on Russian Telegram // Meiselwitz G. (Ed). *Social Computing and Social Media: Design, User Experience and Impact*. HCII 2022. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 13315. Springer, Cham, 2022. P. 468–484.
28. Ефремов В.А. Речевое поведение антиваксеров: риторический и юридический аспекты // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2022. Т. 21, № 3. С. 90–100.
29. Орлова Н.В., Федулаев Ю.Н., Филатова М.Н., Орлова С.Ю. Влияние средств массовой информации и социальных сетей на формирование общественного мнения о вакцинации // *Педиатрия. Consilium Medicum*. 2020. № 4. С. 17–24.
30. Левин А.И., Левина Л.В. Риторика антиваксеров в социальных сетях в период второй и третьей волн новой коронавирусной инфекции в России // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 7. С. 29–38.
31. Gladchenko A. The Role of Social Media in Mobilizing People for Vaccination // *Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*. Saint Petersburg, 2022. P. 212–215.
32. Petrov I. Anti-vaccination Movement on VK: Information Exchange and Public Concern // *Digital Transformation and Global Society (DTGS 2021)*. Communications in Computer and Information Science. Vol. 1503. Cham : Springer, 2022.
33. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. P. 313–327.
34. Tversky A., Kahneman D. Advances in prospect theory: cumulative representation of uncertainty // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992. Vol. 5. P. 297–323.
35. Johnson T., Myagkov M., Orbell J. Sociality as a Defensive Response to the Threat of Loss // *Politics and the Life Sciences*. 2004. Vol. 23 (2). P. 13–19.
36. Van Raemdonck N. The Echo Chamber of Anti-Vaccination Conspiracies: Mechanisms of Radicalization on Facebook and Reddit // *Institute for Policy, Advocacy and Governance (IPAG) Knowledge Series*. 2019. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3510196
37. Johnson N.F., Velarsquez N., Restrepo N.J., Leahy R., Gabriel N., El Oud S., Zheng M., Manrique P., Wuchty S., Lupu Y. The online competition between pro- and anti-vaccination views // *Nature*. 2020. P. 1–4. PMID: 32499650.
38. Kata A. A postmodern Pandora's box: anti-vaccination misinformation on the Internet // *Vaccine*. 2010. Vol. 28, Is. 7. P. 1709–1716.
39. Ксенофонтова И.В. Роль Интернета в развитии протестного движения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 3 (109). С. 114–116.

References

1. Chen, X., Deng, L., Zhao, Y., Zhou, X. & Zheng, K. (2021) Community-based influence maximization in location-based social network. *World Wide Web*. 24. pp. 1903–1928.
2. Rim, H., Lee, Y. & Yoo, S. (2020) Polarized public opinion responding to corporate social advocacy: Social network analysis of boycotters and advocates. *Public Relations Review*. 46 (2). Art. no. e101869.
3. Vardell, E., Wang, T. & Thomas, P.A. (2022) "I found what I needed, which was a supportive community": an ethnographic study of shared information practices in an online cosplay community. *Journal of Documentation*. 78 (3). pp. 564–579.
4. Platonov, K.A. & Yudina, D.I. (2019) Povestka protestnykh onlain-soobshchestv Sankt-Peterburga vo "VKontakte" [Agenda of protest online communities of St. Petersburg on VKontakte]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 226–249.
5. Suslov, S.I. (2016) Klastery peterburgskikh politicheskikh onlain-soobshchestv v "VKontakte" [Clusters of St. Petersburg political online communities on VKontakte]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 4. pp. 69–87.
6. Kharchenko, D.A. (2015) Onlain-soobshchestva v sotsial'no-setevoi strukture Interneta [Online communities in the social network structure of the Internet]. *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2. pp. 176–182.

7. Kata, A. (2012) Anti-vaccine activists, Web 2.0, and the postmodern paradigm – An overview of tactics and tropes used online by the anti-vaccination movement. *Vaccine*. 30. pp. 3778–3789.
8. Wilson, K. & Keelan, J. (2009) Coping with public health 2.0. *Canadian Medical Association Journal*. 180 (10). p. 1080.
9. Gunaratne, K., Coomes, E.A. & Haghbayan, H. (2019) Temporal trends in anti-vaccine discourse on Twitter. *Vaccine*. 37. pp. 4867–4871.
10. Shi, J., Ghasiya, P. & Sasahara, K. (2022) Psycho-linguistic Differences among Competing Vaccination Communities on Social Media. *APSIPA Transactions on Signal and Information Processing*. 11. Art. no. e15.
11. Mønsted, B. & Lehmann, S. (2022) Characterizing polarization in online vaccine discourse – A large-scale study. *PLoS ONE*. 17 (2). Art. no. e0263746.
12. Smith, N. & Graham, T. (2019) Mapping the anti-vaccination movement on Facebook. *Information, Communication & Society*. 22 (9). pp. 1310–1327.
13. Platonov, K., Svetlov, K. & Saifulina, V. (2022) Discourse on Vaccination on Russian Social Media: Topics and Controversy. *2022 32nd Conference of Open Innovations Association (FRUCT)*. Tampere, Finland. pp. 1–7.
14. Sarkisova, A.Yu., Petrov, E.Yu. & Dunaeva, D.O. (2023) Razrabotka sistemy lingvisticheskikh markerov dlia avtomatizirovannoi vyguzki tematicheskikh tekstovykh dannykh iz sotsial'noi seti [Development of a system of linguistic markers for automated retrieval of thematic text data from a social network]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*. 97. pp. 70–84.
15. Lü, L. & Zhou, T. (2011) Link prediction in complex networks: A survey. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 390 (6). pp. 1150–1170.
16. Barabási, A.-L. (2016) *Network Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Asim, Y. et al. (2019) A trust model for analysis of trust, influence and their relationship in social network communities. *Telematics and Informatics*. 36. pp. 94–116.
18. Camacho, D. et al. (2020) The four dimensions of social network analysis: An overview of research methods, applications, and software tools. *Information Fusion*. 63. pp. 88–120.
19. De Arruda, H.F. et al. (2022) Modelling how social network algorithms can influence opinion polarization. *Information Sciences*. 588. pp. 265–278.
20. Ortiz-Sánchez, E. et al. (2020) Analysis of the Anti-Vaccine Movement in Social Networks: A Systematic Review. *International Journal of Environmental Research*. 17 (15). Art. no. 5394.
21. Germani, F. & Biller-Andorno, N. (2021) The anti-vaccination infodemic on social media: A behavioral analysis. *PLoS One*. 16 (3). Art. no. e0247642.
22. Nguyen, A. & Catalan-Matamoros, D. (2022) Anti-Vaccine Discourse on Social Media: An Exploratory Audit of Negative Tweets about Vaccines and Their Posters. *Vaccines (Basel)*. 10 (12). Art. no. 2067.
23. Dudina, V.I. & Saifulina, V.O. (2023) "Pochitala, eshche men'she vaktsinirovat'sia zakhotelos": onlain-diskurs vaktsinnoi nereshitel'nosti ["Read it, want a vaccine even less": online-discussions of activism indecisiveness]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1 (173). pp. 279–298.
24. Malygina, L.E. & Pavlova, E.S. (2022) Lingvobezopasnost': antivaktsinatorskii mediadiskurs v kontekste aksiologicheskikh mirovozzrencheskikh transformatsii [Language security: anti-vaxxer media discourse in the context of active worldview transformations]. *Neofilologiya*. 8 (2). pp. 324–332.
25. Legostaeva, N. & Svetlov, K. (2022) The QR Code as a Symbol of Protest: Analysis of Social Network VKontakte. *International Journal of Open Information Technologies*. 10 (11). pp. 41–46.
26. Boguslavsky, D.V., Sharova, N.P. & Sharov, K.S. (2022) Public Policy Measures to Increase Anti-SARS-CoV-2 Vaccination Rate in Russia. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 19 (6). Art. no. 3387.
27. Bodrunova, S.S. & Nepiyuschikh, D. (2022) Dynamics of Distrust, Aggression, and Conspiracy Thinking in the Anti-vaccination Discourse on Russian Telegram. In: *Social Computing and Social Media: Design, User Experience and Impact. HCII 2022. Lecture Notes in Computer Science*. 13315. Cham: Springer. pp. 468–484.
28. Efremov, V.A. (2022) Rechevoe povedenie antivakserov: ritoricheskii i iuridicheskii aspekty [Anti-vaxxer speech: rhetorical and legal aspects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Iazykoznanie*. 21 (3). pp. 90–100.
29. Orlova, N.V., Fedulaev, Y.N., Filatova, M.N. & Orlova, S.Y. (2020) Vliianie sredstv massovoi informatsii i sotsial'nykh setei na formirovanie obshchestvennogo mneniia o vaktsinatsii [The influence of mass media and social networks on the formation of public opinion on vaccination]. *Pediatrica. Consilium Medicum*. 4. pp. 17–24.
30. Levin, A.I. & Levina, L.V. (2022) Ritorika antivakserov v sotsial'nykh setiakh v period vtoroi i tret'ei voln novoi koronavirusnoi infektsii v Rossii [Anti-vaxxer rhetoric in social networks during the second and third waves of the new coronavirus infection in Russia]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*. 7. pp. 29–38.
31. Gladchenko, A. (2022) The Role of Social Media in Mobilizing People for Vaccination. *Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*. Saint Petersburg. pp. 212–215.
32. Petrov, I. (2022) Anti-vaccination Movement on VK: Information Exchange and Public Concern. *Digital Transformation and Global Society (DTGS 2021). Communications in Computer and Information Science*. 1503. Cham: Springer.
33. Kahneman, D. & Tversky, A. (1979) Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*. 47. pp. 313–327.
34. Tversky, A. & Kahneman, D. (1992) Advances in prospect theory: cumulative representation of uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. 5. pp. 297–323.
35. Johnson, T., Myagkov, M. & Orbell, J. (2004) Sociality as a Defensive Response to the Threat of Loss. *Politics and the Life Sciences*. 23 (2). pp. 13–19.
36. Van Raemdonck, N. (2019) *The Echo Chamber of Anti-Vaccination Conspiracies: Mechanisms of Radicalization on Facebook and Reddit*. Institute for Policy, Advocacy and Governance (IPAG) Knowledge Series. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3510196
37. Johnson, N.F. et al. (2020) The online competition between pro-and anti-vaccination views. *Nature*. pp. 1–4. PMID: 32499650.
38. Kata, A. (2010) A postmodern Pandora's box: anti-vaccination misinformation on the Internet. *Vaccine*. 28 (7). pp. 1709–1716.
39. Ksenofontova, I.V. (2012) Rol' Interneta v razvitii protestnogo dvizheniia [The role of the Internet in developing protest movements]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3 (109). pp. 114–116.

Информация об авторах:

Саркисова А.Ю. – канд. филол. наук, научный сотрудник факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: ovanju@gmail.com

Дунаева Д.О. – научный сотрудник факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: ddo@data.tsu.ru

Петров Е.Ю. – техник II категории Суперкомпьютерного центра Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: petrov@data.tsu.ru

Мягков М.Г. – PhD, ведущий научный сотрудник факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: myagkov@skoltech.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.Yu. Sarkisova, Cand. Sci. (Philology), research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ovanju@gmail.com

D.O. Dunaeva, research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ddo@data.tsu.ru

E.Yu. Petrov, technician, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petrov@data.tsu.ru

M.G. Myagkov, PhD, leading research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: myagkov@skoltech.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.10.2023;
одобрена после рецензирования 10.12.2023; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 05.10.2023;
approved after reviewing 10.12.2023; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 316.4
doi: 10.17223/15617793/508/3

Государство и общество: взгляд на героев и доблести

Иван Андреевич Лавров¹, Ольга Викторовна Крыштановская²

^{1, 2} Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ lavrov.sociology@gmail.com

² olgakryshht@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу формируемого государством образа героя и представлений о нем среди различных возрастных групп россиян. В 2023 г. нами были проведено 126 глубинных интервью в 7 городах РФ. Авторы приходят к выводу, что существует значительное расхождение в образе героя, предлагаемого государством, и популярными у народа персонажами. И этот разрыв становится тем глубже, чем моложе респонденты, которые пытаются смело противопоставить свою систему ценностей официозу.

Ключевые слова: народные герои, государственные герои, репутационный анализ, новая искренность, поколенческий анализ, Россия

Для цитирования: Лавров И.А., Крыштановская О.В. Государство и общество: взгляд на героев и доблести // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 28–36. doi: 10.17223/15617793/508/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/3

State and society: A view on heroes and valor

Ivan A. Lavrov¹, Olga V. Kryshstanovskaya²

^{1, 2} Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

¹ lavrov.sociology@gmail.com

² olgakryshht@yandex.ru

Abstract. The article compares the image of the hero among different generations of Russians and the idea of the hero formed by the state. For this purpose, we conducted a sociological study consisting of two parts: (1) the position of the state was studied by analyzing the people who received the title "Hero of Russia"; (2) the position of society was studied in January–March 2023 by conducting 126 in-depth interviews in 7 cities of the Russian Federation with representatives of different generations. We conclude that the state awards the highest honors of the country mainly to people who have been involved in combat operations. However, the results of the interviews revealed a significant difference in the perception of people deserving all-Russian respect in the public consciousness. The older generation (≥55 years old) name among national heroes, first, politicians, as well as a significant share of TV personalities: actors, singers, etc. (31.8%), TV presenters (18.2%). The middle generation (from 36 to 54 years old) name politicians much less frequently (only 15.4%); people from TV still prevail: 36.9% consider artistes such as D. Matsuev, O. Gazmanov, N. Mikhalkov, etc. to be heroes. In the younger generation (≤35 years old), Internet characters begin to prevail, and people of politics, as well as TV heroes, go into the background. Critical moods appear among young people, which is manifested in the fact that they name people who hold opposing views and are recognized as foreign agents as their heroes. People characterized by a "new sincerity" who are not afraid to openly express their position, building an image based on tolerance, plurality of opinions and interpretations, are gaining popularity among young people. As a result, we see a divergence in the image of the hero proposed by the state and the characters popular among the people. And this gap becomes deeper the younger the respondents who try to boldly contrast their system of values to officialism.

Keywords: national heroes, state heroes, reputational analysis, new sincerity, generational analysis, Russia

For citation: Lavrov, I.A. & Kryshstanovskaya, O.V. (2024) State and society: A view on heroes and valor. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 28–36. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/3

Проблема

В этой статье мы хотели бы затронуть достаточно сложный и дискуссионный вопрос о том, какие представления о героях и их доблестях существуют сегодня у различных поколений россиян, а какие продвигаются

государством. Герой, в нашем понимании, – это человек, обладающий исключительными характеристиками, совершающий выдающиеся поступки, признаваемые и уважаемые в обществе. Образ народного героя играет значительную роль в благополучном существовании и прогрессе социума: становится идеалом для

подражания и воспроизведения, транслирует социально одобряемые нормы и ценности, способен указать вектор личностного и общественного развития. Отсутствие героев в общественном сознании может быть индикатором социальной аномии – состояния общества, которому свойственны дезорганизация социальных норм и институтов, отсутствие четких норм поведения и моральная неустойчивость [1, 2]. В связи с этим современной России – в условиях геополитической турбулентности, проведения СВО и нового этапа становления цивилизационной и социокультурной идентичности – особенно нужны такие ориентиры.

Государство, в свою очередь, понимает эти потребности и, обладая значительными ресурсами для конструирования и трансляции социально одобряемых норм и ценностей, выполняет ключевую роль в формировании образа общественного героя. В том числе с этой целью в марте 2024 г. была создана кадровая программа с соответствующим названием – «Время героев»¹, призванная стать социальным лифтом и механизмом публичного признания заслуг для участников СВО. «Подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России, труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди»².

Однако, как отмечает пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков в интервью Мастерской «Новых медиа», «Мы пока не сильны в том, чтобы формировать образ героев. Их много, ими не оскудеет наша земля... Мало кто сможет назвать тех, кто за последний год стал новым Героем России. С помощью плакатов не добиться формирования образов героев. Это общая недоработка, нам нужно еще работать и учиться»³. В связи с этим существует социальная проблема, при

которой в общественном сознании может формироваться образ героя, не связанный с официальной политикой государства, или даже вступающий с ней в противоречие.

Общественное представление о героях формируется под влиянием массовой культуры, исторических событий, повседневной жизни и собственного опыта людей. Важным в этом вопросе становится поколенческая дифференциация существующих образов героев, так как разные поколения формировались в контексте различного исторического и повседневного опыта, вследствие чего воспроизводятся отличающиеся общественные идеалы и ожидания. Противоречие представлений о героях как внутри социума, так и между обществом и государством значительно повышает уровень конфликтности, который может привести к деструктивным социальным последствиям.

Основной целью статьи будет выявление и сравнительный анализ образа государственного и народного героя в представлении трех поколений россиян. Мы постараемся выявить как точки консенсуса, свидетельствующие о гармоничном сосуществовании государства и поколенческих групп, так и их несоответствие, которое вызывает дестабилизирующие социальные эффекты.

Обзор степени научной разработанности

Многие российские ученые и различные аналитические центры проводят исследования, связанные с оценкой уровня влияния россиян, составляют рейтинги общественного доверия к ним. Наиболее актуальные данные на момент написания статьи из этих исследований представлены в табл. 1.

Таблица 1

Рейтинги влияния и доверия различных аналитических компаний

Наиболее влиятельные россияне по мнению Forbes ¹	Рейтинг доверия по мнению Romir ²	Доверие политикам по мнению ВЦИОМ ³
Владимир Путин	Владимир Путин	Владимир Путин
Герман Греф	Сергей Лавров	Михаил Мишустин
Алексей Миллер	Михаил Мишустин	Сергей Лавров
Игорь Сечин	Сергей Шойгу	Сергей Шойгу
Дмитрий Медведев	Владимир Соловьев	Вячеслав Володин
Владимир Богданов	Дмитрий Медведев	Геннадий Зюганов
Эльвира Набиуллина	Андрей Малахов	Сергей Миронов
Александр Бортников	Никита Михалков	Павел Грудинин
Олег Белозеров	Константин Хабенский	Николай Платошкин
Вагит Алекперов	Павел Воля	Николай Бондаренко

Примечание. ¹ Forbes. Власть бизнеса. Forbes составил первый рейтинг влиятельных россиян (2018 г.). URL: <https://www.forbes.ru/biznes/powerful-2018366175-vlast-biznesa-forbes-sostavil-pervyy-reyting-vliyatelnyh-rossiyan> (дата обращения: 08.04.2024); ² Romir. «Рейтинг доверия». Осень 2023. URL: <https://romir.ru/studies/rejting-doveriya-romir-osen-2023-goda> (дата обращения: 08.04.2024); ³ ВЦИОМ. Доверие политикам (май 2024 г.). Данные результатов ответа на открытый вопрос. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/page> (дата обращения: 02.06.2024).

Но эти рейтинги не в полной мере отображают те характеристики, которые мы бы хотели затронуть в этой статье. Влиятельность связана с обладанием статусом и ресурсами для принятия ключевых решений в масштабах страны или возможности воздействовать на них. Доверие – это уверенность в надежности и намерениях другой стороны. Безусловно, герой может быть влиятельным и надежным, но не это определяет его. Мы считаем, что одна из наиболее важных черт героя –

это общественное уважение и признание его заслуг. Оно включает в себя субъективную высокую оценку его качеств и достижений, которым присваивается особая сакральная ценность. В российской научной литературе существует много различных определений героев и их основополагающих качеств. Этимология слова «герой» отсылает нас в период Древней Греции, в дословном переводе оно означает «защитник», «хранитель». В латинском аналогичное понятие означает

«хранить целое» [3]. Российский культуролог Федор Аксенов разделяет героев культурных и народных [4]. В его определении культурный герой – это мифический персонаж, а его основная функция – служить нормативным эталоном национальной культуры. В свою очередь, народный герой – это реальная личность, а его функция – быть примером для общества. Мы в своем определении народного героя России придерживаемся следующей позиции: народный герой — это реальный ныне живущий россиянин, чьи заслуги и доблести обладают общественным уважением и признанием, становятся нормативно-ценностным ориентиром.

Однако подобная дефиниция народного героя уже сама по себе становится проблемным полем, в особенности в молодежной среде. Так, российским ученым М.Б. Ковалевой было проведено исследование образа героя среди учащихся средней и старшей школы. Лишь 39% опрошенных в качестве своего героя называли реальных людей (в исследовании не уточняется были ли это ныне живущие люди или нет), большая часть молодых людей перечисляли персонажей кинофильмов и комиксов [5. С. 319]. С.В. Чернобровкина также заключает, что «Образ героя современных подростков формируется исключительно в экранной плоскости...» [6. С. 32]. Теряева О.А. отмечает следующую тенденцию: «Дегероизация общественного, и в особенности юношеского сознания, в течение последних двух десятилетий неуклонно набирает обороты» [7. С. 77]. Такую же позицию высказывает Г.В. Оболянский: «...можно сказать, что в России сегодня нет, или почти нет, реальных личностей, которые могли бы стать прототипами положительных персонажей...» [8. С. 227]. При этом в своей работе А.П. Кошкин и С.А. Мельков подчеркивают, что «подавляющее большинство российских студентов, ученых, чиновников и журналистов признают необходимость героической личности как эталона и как общего результирующего показателя нашего уровня жизни» [9. С. 83–84]. И.В. Пархоменко феномен отсутствия народного героя объясняет тем, что «неспособность сиюминутно обозначить героя нашего времени может быть связана вовсе не с незнанием громких имен или их отсутствием, а, наоборот, с тем, что в условиях бурного развития коммуникационных возможностей реальность рождает огромное множество героев» [10. С. 117].

Герои государства

В современных реалиях государство играет центральную роль при формировании образа героя в общественном сознании. Именно истеблишмент выполняет функции селекции и вознаграждения положительных качеств, которые благодаря освещению в традиционных СМИ и новых медиа становятся национальными ориентирами и идеалами для подражания. В связи с чем мы задаемся следующими исследовательскими вопросами: какой образ героя России формирует государство; какие доблести и качества являются поощряемыми современным руководством страны? Для ответа на эти вопросы мы обратились к

открытой информации о награжденных званием Героя Российской Федерации.

Герой Российской Федерации (Герой России) – это высшая государственная награда, присуждаемая гражданам за особые заслуги на благо страны и ее народа. Звание было учреждено Законом России «Об установлении звания Героя Российской Федерации и учреждении знака особого отличия – медали “Золотая Звезда”» от 20 марта 1992 г.⁴ Присуждение звания Героя России производится Президентом Российской Федерации. Это сопровождается вручением медали «Золотая Звезда», специального удостоверения и других символов и наград, выражающих высшую форму почтения и признания заслуг.

Общее число известных присвоений звания «Героя Российской Федерации» (по состоянию на 8 апреля 2024 г.) составляет 1 461 чел.⁵ При этом часть президентских указов о присвоении звания официально не публикуется в связи с секретностью некоторых награждений.

В этой части исследования мы проанализировали характерные черты и имеющиеся закономерности среди «Героев России», их заслуги и доблести, которые были удостоены высшей награды, ретроспективу и исторический контекст вручения звания.

В результате проведенного анализа мы выявили, что подавляющая профессиональная группа среди «Героев России» – это военнослужащие и представители силовых структур, участвовавших в боевых и контртеррористических операциях. Их 89,8% в общей совокупности государственных героев. На долю остальных профессий приходится лишь 10,2%, среди которых представлены космонавты⁶ (4,0%), спасатели и ликвидаторы последствий чрезвычайных ситуаций (2,3%), высокопоставленные федеральные чиновники (1,6%), работники военно-промышленного комплекса (1,2%) (рис. 1).

Из этого мы можем сделать закономерный вывод, что государственный герой – это в первую очередь защитник Родины, комбатант, совершающий национальные подвиги в период необходимости проведения боевых действий. Это подтверждает и временная хронология вручения наград. Основные пики приходятся на 1995 г. (146 чел.) и 1996 г. (128 чел.) – это первая чеченская война; на 2000 г. (177 чел.) – это вторая чеченская война; и на 2022–2023 гг. (по 146 чел. в год) – это специальная военная операция на Украине. Кроме этого, небольшие повышения значений есть в 2008 г. (41 чел.) – грузино-южноосетинский конфликт и в 2016 г. (26 чел.) – это активная фаза военной операции в Сирии (рис. 2). В мирное время количество награжденных званием Героя России значительно ниже.

Стоит отметить и еще два важных факта, довольно ярко говорящих об образе государственного героя. Первый факт: среди 1 461 награжденных 603 получили это звание посмертно (41,3%). Второй – среди Героев России всего 20 женщин (1,4%), при этом 19 из них по официальной формулировке награждены «за мужество».

Рис. 1. Род профессиональной деятельности Героев Российской Федерации, %

Рис. 2. Количество награжденных званием Героя Российской Федерации по годам, чел.

Из всей полученной информации мы можем сделать заключения о транслируемом портрете и доблестях, свойственных образу героя России в представлении государства. Герой – это мужчина, который в период военных действий совершает отважный и самопожертвенный подвиг во имя защиты Родины. образу героя России свойственны мужество, отвага, бесстрашие, решимость и способность без раздумий отдать свою жизнь за других и свою страну.

Такой портрет транслирует в общество ряд значимых ценностей, среди которых:

– патриотизм и преданность Родине. Готовность героя по зову сердца служить и отстаивать интересы Родины в период вооруженных столкновений;

– отвага и самопожертвенность. Герой, не раздумывая, может пожертвовать собой, чтобы выполнить свой долг и защитить окружающих;

– добровольчество и бескорыстие. Герой добровольно вступает в борьбу и бескорыстно рискует собой во благо остальных;

– мужество героя. Женщина редко самостоятельно является героем, она, скорее, выполняет роль его помощника или объекта его защиты.

Но признаваем ли общественностью такой формируемый государством образ героя? Наделяются ли народные герои такими же качествами, или важными оказываются другие достоинства?

Методология исследования

Проведенное эмпирическое исследование мы осуществляли в рамках подхода, характерного для социологии репутаций. Социология репутации – это относительно новая и широкая область исследований, которая пока еще не имеет четкой структуры в научном поле. В настоящее время она не является отдельной дисциплиной и вызывает у исследователей определенное недоверие, в основном по причине «субъективного» и «второстепенного» характера социального объекта. Так, например, американский политолог Нельсон Полсби в своей работе «Community power and political theory» говорил, что исследование репутаций в конечном счете сводится к исследованию поступков. Можно утверждать, что ученому надлежит изучать напрямую действия людей, а не описывать мнения о них, полученные из вторых рук [11]. Однако развитие СМИ, социальных медиа и технологий менеджмента информации сегодня делают возможным конструирование общественного мнения без строгой привязанности к фактам и событиям. Произведенный социальный эффект от трансляторов информации в настоящее время имеет большую научную ценность для изучения общества, чем причина его происхождения. В связи с этим репутация сегодня оказывается распространенным объектом в социологических исследованиях, которые начинают обретать институциональную форму, в первую очередь благодаря работам американского социолога Гари Алана Файна [12] и французского социолога Пьера-Мари Шовена [13]. На основе их работ мы определяем репутацию как социальную репрезентацию, разделяемую большинством, носящую временный и локальный характер, ассоциирующуюся с определенным именем и основывающуюся на формализованных социальных оценках.

В январе-марте 2023 г. мы провели социологическое исследование, целью которого было осмысление субъективных представлений россиян о социальной стратификации в современной России, о приписываемых различным социальным стратам характеристиках и о справедливости существующего неравенства. Одной из частей этого проекта было проведение 126 глубинных интервью в 7 крупных российских городах: Москва, Санкт-Петербург, Ульяновск, Волгоград, Тула, Новосибирск и Томск. Эти города представляют следующие 5 федеральных округов: Центральный, Приволжский, Сибирский, Северо-Западный и Южный. Была использована стратифицированная выборка, одним из основных принципов отбора которой стала возрастная группа респондентов. Мы предварительно сконструировали три, по нашему мнению, относительно гомогенные поколенческие группы, основываясь на их историко-социальном опыте: молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, чья социализация происходила в современной России и в эпоху активного развития интернета; среднее поколение в возрасте от 36 до 54 лет, сформированное преимущественно в условиях позднего Советского Союза и перестройки; старшее поколение в возрасте от 55 лет, чья социализация и профессионализация полностью проходила в СССР.

Всего было отобрано 43 представителя молодежи, 41 чел. – среднего поколения и 42 чел. – старшего поколения. Общая выборочная совокупность качественного социологического исследования составила 126 человек.

В конце каждого интервью респондента просили: «Назовите имена тех ныне живущих россиян, которые по Вашему мнению заслуживают уважения, кого Вы могли бы назвать народным героем». На этом этапе опрашиваемым раздавались карточки, в которые они вписывали свои ответы. Мы предоставляли респондентам возможность назвать столько личностей, сколько они пожелают. Анализ этих карточек и стал основой эмпирических данных, приведенных в этой статье.

Мы исходили из следующей логики: зная имя человека, которого общественность считаем героем, в дальнейшем при помощи анализа его биографических данных из открытых источников будет возможно определить его статус, профессию, качества и доблести, которыми он обладает. С помощью такого метода мы смогли описать специфические черты представлений поколенческих совокупностей о народных героях России.

Народные герои трех поколений россиян

По итогам проведения репутационного анализа нами был составлен рейтинг народных героев трех поколений россиян (табл. 2).

Лидеры рейтинга народных героев России – это представители политической элиты страны. Наиболее часто респонденты называли имена Владимира Путина, Сергея Шойгу и Сергея Лаврова. Также к истеблишменту среди народных героев относятся Сергей Собянин, Михаил Мишустин и Рамзан Кадыров. Это может свидетельствовать о том, что государство, используя средства массовой информации, достаточно успешно проводит работу над формированием образа политической элиты как лучших и наиболее компетентных профессионалов, что положительно сказывается на легитимности власти. Однако, по мнению респондентов, общественного уважения заслуживают далеко не все политики: «Конечно, многие политики заслуживают уважения. Но только не те, которых по телевизору показывают, как они чемоданы с деньгами прячут. А которые о других думают, а главное для них делают, а не только собственное гнездышко обустроят» (Анатолий, 44 года, Волгоград).

Среди вершины рейтинга народной элиты всего трое человек были удостоены официальной награды «Герой Российской Федерации» – это Сергей Шойгу, Евгений Пригожин и Рамзан Кадыров. Их деятельность можно охарактеризовать как причастную к военному ремеслу. Мы считаем, что это указывает на существующее противоречие между образом государственного и народного героя. Народный герой в представлении россиян проявляется не только в периоды вооруженных конфликтов. Народным героем может быть политик, артист, врач и даже блогер. Главным становится то, что, по мнению россиян, они ежедневно действуют на благо своей страны и соотечественников, проявляя лидерство и профессионализм.

Таблица 2

Рейтинг народных героев России

№	Народные герои трех поколений россиян
1	Путин Владимир
2	Шойгу Сергей
3	Лавров Сергей
4	Рощаль Леонид
5	Хабенский Константин
6	Михалков Никита
7	Собянин Сергей
8	Мясников Александр
9	Мишустин Михаил
10	Пригожин Евгений ¹
11	Цискаридзе Николай
12	Мацуев Денис
13	Шульман Екатерина ²
14	Дудь Юрий ³
15	Кадыров Рамзан

Примечание. ¹ Исследование проводилось до мятежа ЧВК «Вагнер» в июне 2023 г. и смерти Евгения Пригожина в августе 2023 г.; ² Министерство юстиции РФ 15 апреля 2022 г. внесло Екатерину Шульман в реестр СМИ, выполняющих функции иностранных агентов; ³ Министерство юстиции РФ 15 апреля 2022 г. внесло Юрия Дудя в реестр СМИ, выполняющих функции иностранных агентов.

Стоит отметить наличие тревожной тенденции: среди народных героев россиян есть признанные ино-агентами оппозиционеры и покинувшие Россию Екатерина Шульман и Юрий Дудь. Это может свидетельствовать о накоплении конфликтности по отношению к проводимой государственной политике, главным образом сосредоточенной в молодежной среде. Это герои социальных сетей, к доблестям которых молодежь относит отвагу и храбрость, отсутствие боязни высказать свою позицию. Поколение молодежи в значительно меньшей степени реагирует на ярлыки, создаваемые государством и передающиеся по федеральным телеканалам. Некоторые респонденты говорили нам, что присвоение статуса иноагента для них имеет даже обратный эффект: «Иноагент... ну и что, что иноагент. Это сейчас своего рода знак качества, что человек не боится говорить и думать по-другому» (Виктория, 22 года, Москва).

С развитием социальных сетей становится все затруднительнее влиять на образ героя «сверху», присудить кому-то премию, дать эфирное время на телевидении или, наоборот, в определенных обстоятельствах все это отобрать и дегероизировать человека⁷. Это остается эффективным только для старших поколений. Молодежь, во многом, перестает обращать внимание на присваиваемые государством лейблы, а интернет-популярность не зависит от официальных наград и статусов. Попытки заблокировать и запретить деструктивные для государства источники информации в сети не имеют абсолютной эффективности, так как молодые люди находят средства их обхода.

Сравнительный анализ народных героев трех поколений россиян

По результатам проведения сравнительного анализа народных героев среди трех поколений россиян мы получили следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг народных героев по поколениям россиян

Молодое поколение (18–35 лет), n=43	Среднее поколение (36–54 года), n=41	Старшее поколение (55 лет и старше), n=42
1. Путин Владимир	1. Путин Владимир	1. Путин Владимир
2. Шульман Екатерина ¹	2. Лавров Сергей	2. Рощаль Леонид
3. Хабенский Константин	3. Шойгу Сергей	3. Шойгу Сергей
4. Навальный Алексей ²	4. Мацуев Денис	4. Лавров Сергей
5. Собчак Ксения	5. Цискаридзе Николай	5. Михалков Никита
6. Собянин Сергей	6. Газманов Олег	6. Мишустин Михаил
7. Дудь Юрий ³	7. Гергиев Валерий	7. Мясников Александр
8. Дуров Павел	8. Кадыров Рамзан	8. Малахов Андрей
9. Конасова Катя	9. Михалков Никита	9. Сукачев Гарик
10. Лавров Сергей	10. Мясников Александр	10. Хабенский Константин
11. Пригожин Евгений	11. Познер Владимир	11. Пригожин Евгений
12. Варламов Илья ⁴	12. Собянин Сергей	12. Безруков Сергей
13. Лапенко Антон	13. Соколов Александр	13. Грудинин Павел
14. Моргенштерн Алишер ⁵	14. Хабенский Константин	14. Дроздов Николай
15. Хаматова Чулпан	15. Пригожин Евгений	15. Захарова Мария

Примечание. ¹ Министерство юстиции РФ 15 апреля 2022 г. внесло Екатерину Шульман в реестр СМИ иностранных агентов; ² Внесен Росфинмониторингом в перечень физических лиц, осуществляющих террористическую и экстремистскую деятельность. Исследование проводилось до смерти Алексея Навального в феврале 2024 г.; ³ Министерство юстиции РФ 15 апреля 2022 г. внесло Юрия Дудя в реестр СМИ иностранных агентов; ⁴ Министерство юстиции РФ 23 марта 2023 г. внесло Илью Варламова в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента; ⁵ Министерство юстиции РФ 6 мая 2022 г. внесло Алишера Моргенштерна в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента.

Составленный нами рейтинг указывает на неоднородность образа народного героя у разных поколений, в связи с чем мы раздельно проанализируем каждый из них.

Герои старшего поколения

Народный герой старшего поколения россиян является одним из наиболее консервативных. В первую очередь в перечне полученных ответов преобладают крупные государственные деятели – Владимир Путин, Сергей Шойгу, Сергей Лавров, Михаил Мишустин и Мария Захарова. Также в числе народных героев значительна доля артистов (под которыми мы понимали совокупность людей, занятых в сфере искусства: актеров, певцов, музыкантов, режиссеров, танцоров и т.д.), телеведущих и врачей. В этом рейтинге отсутствуют представители цифровой эпохи, которые ведут свои блоги в сети и обладают высокой интернет-популярностью. Практически нет оппозиционеров (кроме коммуниста Павла Грудинина, который презентовался в СМИ как оппозиционер действующей власти на выборах президента России в 2018 г.). Представления о народном герое, как и социальный микромир старшего

поколения, во многом сформированы телевидением. Демонстрация персоны на федеральных телеканалах для них становится высшей формой признания их заслуг. В связи с этим героизмом наделяются многие телеведущие, которые по роду своей профессии каждый вечер выходят в телеэфир. «Путин – герой, Лавров, Шойгу, сколько они всего для страны делают. Очень мне еще нравится этот, забыла, телепередачу еще ведет, Норкин, вот...» (Татьяна, 61 год, Новосибирск). Стоит отметить и другую важную сторону повседневности пенсионеров – сферу медицинского обслуживания. По этой причине героической доблестью наделяются и известные врачи, проявляющие заботу и внимательность к здоровью своих пациентов.

Таким образом, мы можем сформировать коллективный портрет народного героя старшего поколения – это возрастной мужчина, который родился и социализировался в Советском Союзе, что делает его ментально более близким пожилым людям. Он консервативен, ежедневно появляется в телеэфире, что уже само по себе становится его доблестью и причиной для уважения.

Герои среднего поколения

Народный герой среднего поколения менее консервативен, имена политиков называются реже, а среди персон, заслуживающих уважение, в ответах появляются блогеры. Наиболее часто в этой возрастной группе называются артисты, такие как Мацуев Денис, Цискаридзе Николай, Газманов Олег, Гергиев Валерий, Михалков Никита и т.д. Заметную долю составляют спортсмены, например Хабиб Нурмагомедов и олимпийский чемпион по гимнастике Никита Нагорный. Есть среди героев и открытые оппозиционеры, внесенные в перечень иноагентов, например, Юрий Дудь и Алексей Пивоваров. Таким образом, наблюдается значимое сокращение уровня уважения к государственным деятелям среди представителей среднего поколения. Их герой больше сосредоточен на культурной деятельности, он талантливый музыкант, танцор, певец, деятель искусства. Он может отстаивать честь страны и флага на спортивной арене. Телевидение при этом остается основным источником получения информации. Но мы наблюдаем неоднородность представлений о народном герое, которая проявляется у поколения миллениалов⁸. Чем моложе представитель выделенной нами возрастной группы, тем чаще среди героев называются блогеры и оппозиционеры.

Коллективный образ народного героя среднего поколения – это все еще возрастной мужчина, но он уже не политический деятель, а деятель искусства – носитель культурных ценностей или спортсмен, хотя он также вовлечен в отстаивание интересов России. Однако мы видим, что на нижней границе этой возрастной группы представления о народном герое уже не столь гомогенны. Чем моложе представитель средней возрастной группы, тем меньшее влияние на него оказывают традиционные СМИ, а роль интернет-пространства в формировании идеалов и ценностей увеличивается.

Герои молодежи

Многие российские исследователи отмечают тренд дегероизации среди молодого поколения. Так, по словам О.А. Теряевой, «людям старшего поколения, формирование личности которых происходило в эпоху идейно-нравственного воспитания, кажется очевидным ценность подвига, ценность самопожертвования во имя потомков и своих близких. Становление же личности современного подрастающего поколения проходит в рамках диаметрально противоположных ценностных координат, при активной пропаганде образа жизни, лишенного героических примеров, ориентированного на праздность, потребительство, вседозволенность» [7. С. 77]. Однако, исходя из результатов нашего исследования, мы можем говорить, что герои у молодежи есть, отличается только субъективная интерпретация подвига. Мы можем выделить среди молодежи две примерно равные по численному количеству группы, но значительно отличающиеся по ценностной составляющей. Первая из них более реакционная, и во многом разделяет позиции более старших поколений, относя к своим героям и примерам для подражания важных политических деятелей – Владимира Путина, Сергея Собянина, Сергея Лаврова. Вторую же группу можно охарактеризовать как рискогенную для общественной консолидации, противопоставляющую свою систему идеалов общепринятым нормам. Они не называют в качестве своих героев действующих политиков, среди них нет телеперсон. Все их герои – представители интернет-пространства, которые ведут свои блоги в качестве основного рода деятельности. Многие из респондентов называют героями женщин, что отличается от мнений более старших поколений. Заслуживающими уважения признаются люди открытых оппозиционных взглядов, признанные иноагентами и экстремистами. Среди них Екатерина Шульман, Алексей Навальный, Юрий Дудь, Илья Варламов, Алишер Моргенштерн и др.

По результатам интервью мы приходим к интересному выводу, что молодые люди наделяют этих персон теми же доблестями, что продвигает государство, – это смелость, отвага, патриотизм, самопожертвенность и бескорыстие. Молодежь отмечает у них «отсутствие страха противостоять системе», «смелость откровенно говорить свои мысли», «желание лучшего качества жизни для всех» и т.д. Мы видим в этом проявление феномена, который стало принято называть «новой искренностью»⁹. Термин «новая искренность» отражает тенденцию к снижению доверия к большим историческим нарративам и авторитетам, а также возникающую приверженность к аутентичности, отказу от масок и фасадов и стремление быть неподдельными в общении с другими людьми [16]. Значительная доля молодых людей ищет тех, кто говорит с ними на одном языке, разделяет их переживания, «не прячется за официальным костюмом». И не находя для себя подобных образов в существующем политическом пространстве, они оказываются под влиянием интернет-персонажей, зачастую представляющих противоборствующую сто-

рону действующей политической системы. «Шульман – смелая, веселая и умная, очень умная. Мне нравится слушать ее подкасты и интервью. Очень круто было, когда она за чашечкой чая на кухне на примере Смешариков объясняла некоторые социальные закономерности. Ну кто так еще может?» (Александр, 20 лет, Томск).

В результате можно говорить, что среди современной молодежи можно выделить две противоположные группы. Первая, как и представители старших поколений, разделяют авторитетность существующих социальных иерархий, а следовательно, проявляют конформность. Для них герой – это влиятельный государственный деятель, лидер, представитель действующей власти. А вторая часть, полностью не осознавая этого, оперирует принципами сетевого общества, в котором горизонтальные связи с развитием цифровых технологий обретают новую силу. Они все менее опираются на образы героев, конструируемые «взрослыми людьми» сверху. Они находят своих героев в сети, чувствуя с ними большую взаимосвязь и сопереживая им. Для них герои – это оппозиционные блогеры, иноагенты, которые могут позиционировать себя как политиков, ученых, журналистов и т.д., обладающие отвагой и смелостью противостоять системе, говорить и выступать открыто.

Заключение

В заключении мы хотели бы привести основные выводы, полученные в ходе нашего исследования:

– молодежь оказывается одной из наиболее конфликтных групп нашего общества. Многие из их героев являются открытыми оппозиционерами, проти-

востоящими действующей системы. Признание их иноагентами, заведение на них административных и уголовных дел оказывается малоэффективным в парадигме законов формирующегося сетевого общества и ценности новой искренности. Однако подобные действия остаются результативными для конструирования общественного мнения у старших поколений;

– формируемый государством образ героя России в значительной степени расходится с народным. Образ профессионала и лидера, ежедневно служащего на благо общества, оказывается более признаваемым и востребованным, чем образ солдата, совершающего подвиги в военное время;

– телевизионная популярность уступает место сетевой влиятельности. Отчетливо виден тренд: как образ народного героя изменяется от телеперсон у старшего поколения к блогерам-инфлюенсерам у младшего. Учитывая значительную разницу транслируемых норм и политических взглядов теле- и интернет-героев, можно сделать выводы о существовании ценностного противоречия между молодежью и представителями пенсионного возраста;

– наиболее влиятельные представители политической элиты страны занимают лидирующие позиции в рейтинге народных героев среди представителей всех поколений россиян. Это свидетельствует об успешной трансляции их выдающихся лидерских и профессиональных качеств, что способствует повышению легитимности истеблишмента;

Среди народных героев нет людей производительных профессий. Примеры для подражания – в основном публичные люди, их узнаваемость и популярность обеспечивают традиционные и цифровые СМИ, что в значительной мере влияет на общественные представления о социальной структуре современного российского общества.

Примечания

¹ Высшая школа государственного управления «Время героев». URL: <https://времягероев.рф> (дата обращения: 15.10.2024).

² Стенограмма Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ в 2024 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Дмитрий Песков. Мастерская «Новых медиа». URL: https://t.me/mnm_masterskaya/1671 (дата обращения: 11.04.2024).

⁴ Закон Российской Федерации от 20 марта 1992 г. № 2553-1 «Об установлении звания Героя Российской Федерации и учреждении знака особого отличия – медали “Золотая Звезда”» // Гарант: Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/183986/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ Данные взяты из Знание.Вики Проекта Российского общества «Знание». URL: https://znanierussia.ru/articles/Герой_Российской_Федерации (дата обращения: 08.04.2024).

⁶ Фактически космонавты состоят на службе в вооруженных силах РФ, но мы выделяем их в отдельную категорию в связи с отличающейся спецификой их деятельности.

⁷ Наглядным примером можно считать общественное мнение о Чулпан Хаматовой, которая в нашем исследовании 2016 г. занимала 4-ю строчку в рейтинге народных героев. В 2023 г. большинство респондентов называют ее предательницей и изменницей.

⁸ Использована классификация, данная Уильямом Штраусом и Нилом Хау, в которой поколением миллениалов считаются люди, родившиеся с 1981 по 1996 г. [14].

⁹ Авторство термина присваивается американскому писателю Дэвиду Фостеру Уоллосу [15].

Список источников

1. Durkheim E. Suicide. 2013. N.Y. : Snowball Publishing. 404 p.
2. Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. 1938. Vol. 3, № 5. P. 672–682.
3. Барабаш И. Герои нашего времени // Человек без границ. 2010. URL: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/hero-time (дата обращения: 04.04. 2024).
4. Аксенов Ф.О. Культурный и народный герой в современной экранной культуре. Постановка проблемы // Аналитика культурологии. 2013. № 26. С. 11–15.
5. Ковалева Н.Б. Образ героя в представлениях подрастающего поколения в контексте проблемы становления их идентичности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 3. С. 317–321.
6. Чернобровкина С.В. Образ героя современных подростков // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2013. № 2. С. 23–32.
7. Теряева О.А. Герои нашего времени в понимании современной молодежи // Мировоззренческие ориентиры молодежи в условиях интеграции на постсоветском пространстве. 2015. № 2015. С. 77–86.
8. Оболянский Г.В. Герой нашего времени. Какой он? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. Т. 8, № 2. С. 224–233.

9. Кошкин А.П., Мельков С.А. Герой в России: кто он? (анализируя современный кинематограф) // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2010. № 4. С. 83–90.
10. Пархоменко И.В. Герои современного телеэкрана. Кто они? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 117–120.
11. Polsby N.W. Community power and political theory // *Ethics*. 1964. Vol. 75, № 1. P. 63–66.
12. Fine G.A. Difficult Reputations, Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial. Chicago : University of Chicago Press, 2001. 264 p.
13. Chauvin P.M. La sociologie des réputations: une définition et cinq questions // *Communications*. 2013. № 2. P. 131–145.
14. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y. : Morrow, 1991. 538 p.
15. Walles D.F. Infinite jest. N.Y. : Back Bay Books, 2006. 1079 p.
16. Иссерс О.С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2020. Т. 19, № 6. С. 216–227.

References

1. Durkheim, E. (2013) *Suicide*. New York: Snowball Publishing.
2. Merton, R.K. (1938) Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*. 3 (5). pp. 672–682.
3. Barabash, I. (2010) Geroi nashego vremeni [*Heroes of our time*]. [Online] Available from: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/hero-time (Accessed: 04.04.2024).
4. Aksenov, F.O. (2013) Kul'turnyi i narodnyi geroi v sovremennoi ekrannoi kul'ture. Postanovka problemy [*Cultural and folk hero in modern screen culture. Problem statement*]. *Analitika kul'turologii*. 26. pp. 11–15.
5. Kovaleva, N.B. (2018) Obraz geroia v predstavleniiakh podrastaiushchego pokoleniia v kontekste problemy stanovleniia ikh identichnosti [*The image of the hero in the perceptions of the younger generation in the context of the problem of their identity formation*]. *Azimut nauchnykh issledovani: pedagogika i psikhologiya*. 7 (3). pp. 317–321.
6. Chernobrovkina, S.V. (2013) Obraz geroia sovremennykh podrostkov [*The image of the hero of modern teenagers*]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*. 2. pp. 23–32.
7. Teriava, O.A. (2015) Geroi nashego vremeni v ponimani sovremennoi molodezhi [*Heroes of our time in the understanding of modern youth*]. *Mirovozzrencheskie orientiry molodezhi v usloviakh integratsii na postsovetском prostranstve*. 2015. pp. 77–86.
8. Obolianskii, G.V. (2016) Geroi nashego vremeni. Kakoi on? [*Hero of our time. What is he like?*]. *Sotsiologiya v sovremenno mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*. 8 (2). pp. 224–233.
9. Koshkin, A.P. & Melkov, S.A. (2010) *Hero in Russia: who is he? (analyzing modern cinema)* [Geroi v Rossii: kto on? (analiziruiia sovremennyi kinematograf)]. *Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoi zashchity*. 4. pp. 83–90.
10. Parkhomenko, I.V. (2016) *Heroes of the modern TV screen. Who are they?* [Geroi sovremennogo teleekrana. Kto oni?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika*. 1. pp. 117–120.
11. Polsby, N.W. (1964) Community power and political theory. *Ethics*. 75 (1). pp. 63–66.
12. Fine, G.A. (2001) *Difficult Reputations, Collective Memories of the Evil, Inept, and Controversial*. Chicago: University of Chicago Press.
13. Chauvin, P.M. (2013) La sociologie des réputations: une définition et cinq questions. *Communications*. 2. pp. 131–145.
14. Strauss, W. & Howe, N. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: Morrow.
15. Walles, D.F. (2006) *Infinite jest*. New York: Back Bay Books.
16. Issers, O.S. (2020) Grani "novoï iskrennosti" v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii [*Facets of "new sincerity" in modern political communication*]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia. Filologiya*. 19. 6. pp. 216–227.

Информация об авторах:

Лавров И.А. – канд. социол. наук, зам. директора Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: lavrov.sociology@gmail.com

Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: olgakrysht@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Lavrov, Cand. Sci. (Sociology), deputy director, Yadov Center for Digital Sociology, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: lavrov.sociology@gmail.com

Ol.V. Kryshstanovskaya, Dr. Sci. (Sociology), director, Yadov Center for Digital Sociology, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgakrysht@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.06.2024;
одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 12.06.2024;
approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 355.01
doi: 10.17223/15617793/508/4

Беспилотник Минервы над царством Марса: специальная военная операция России на Украине как вооруженный конфликт (философско-социологический анализ)

Азат Борисович Рахманов¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, azrakhmanov@mail.ru

Аннотация. Специальная военная операция России на Украине (СВО) характеризуется рядом особенностей. Во-первых, она является самым значительным вооруженным конфликтом в мире после Второй мировой войны. Во-вторых, в рамках СВО произошел переход к новой стадии дезавтономизации военного дела. В-третьих, произошел переход к новой стадии развития автоматизированных вооружений. В-четвертых, для СВО характерны методы позиционной войны.

Ключевые слова: дезавтономизация войны, автоматизированные вооружения, позиционная война, маневренная война, социология войны, философия войны, специальная военная операция России на Украине

Для цитирования: Рахманов А.Б. Беспилотник Минервы над царством Марса: специальная военная операция России на Украине как вооруженный конфликт (философско-социологический анализ) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 37–46. doi: 10.17223/15617793/508/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/4

Minerva's drone over the kingdom of Mars: Russia's special military operation in Ukraine as an armed conflict (philosophical and sociological aspects)

Azat B. Rakhmanov¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, azrakhmanov@mail.ru

Abstract. Wars continue to plague humanity in the 21st century, serving as a means to resolve contradictions in societal development. Russia's special military operation in Ukraine (SMO), being a major armed conflict, holds immense significance for the evolution of military affairs. This article attempts to identify the key features of the SMO as an armed conflict. Firstly, the SMO represents the most substantial armed conflict worldwide since World War II, making its lessons exceptionally valuable. Secondly, the SMO has marked a transition to a new stage in the de-autonomization of war. This is evident, on one hand, in the deeper and more multifaceted impact on the consciousness of the military and society than ever before. On the other hand, it is reflected in the more extensive use of economic methods of struggle (economic sanctions) than at any time in the past. Thirdly, the SMO has ushered in a new phase in the development of automatized weapons, involving the synergistic employment of unmanned aerial vehicles (drones), high-precision missile and artillery systems, guided glide bombs, anti-tank missile systems, air defense systems, electronic warfare capabilities, tanks, motorized infantry, and more. The deployment of drone swarms has played a particularly crucial role, decisively influencing tactics and strategy. Despite lagging behind developed countries in terms of its productive forces, Russia's experience with the large-scale use of automated weapons during the SMO has propelled the combat effectiveness of its ground forces ahead of all the world's leading nations. Fourthly, the SMO has evolved into a positional war, characterized by a predominantly stable front line. This is due to the fact that automatized means of destruction surpass the effectiveness of troop mobility assets (tanks, infantry fighting vehicles, aviation). As a major armed conflict, the SMO will lead to the resolution of the military bureaucracy paradox and foster the careers of proactive and talented officers. This will naturally position the Russian army's officer corps as the world's finest.

Keywords: de-autonomisation of war, automatized weaponry, trench warfare, maneuver warfare, Russia's special military operation in Ukraine, sociology of war, philosophy of war

For citation: Rakhmanov, A.B. (2024) Minerva's drone over the kingdom of Mars: Russia's special military operation in Ukraine as an armed conflict (philosophical and sociological aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 37–46. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/4

Введение

События конца XX и начала XXI в. во всем мире показывают, что война продолжает быть одной из важнейших форм социальной динамики. Посредством

войн снимаются противоречия предшествующей стадии развития общества и формируются предпосылки для перехода к последующей стадии.

В центре внимания исследователей в первую очередь находятся современные войны, что обусловлено

не только их актуальностью, но и тем, что война, как и все сущее, развивается, и современные войны, представляя зрелую форму этого явления, помогают понять его историческое развитие.

В конце XX и начале XXI в. в мировой науке приобрели популярность несколько концепций современных войн. Одной из них стала концепция современных войн четвертого поколения американского военного мыслителя У. Линда. Согласно этой концепции, разрабатываемой ее автором с 1989 г., современные войны возникли после Вестфальского мира 1648 г., а в конце XX и начале XXI в. в мире преобладают современные войны четвертого поколения – войны государств против негосударственных субъектов (террористов, партизан, инсургентов) [1]. Концепция сетецентричных войн впервые была изложена американскими военными аналитиками А. Себровски и Дж. Гарсткой в 1998 г., полагавшими, что в военном деле происходит революция, подобных которой не было со времен наполеоновских войн. Эта революция, обусловленная прогрессом информационных технологий и экономики, предполагает тройкие изменения: (1) сдвиг от платформ к сетям, (2) сдвиг от независимых субъектов к субъектам, выступающим как компоненты постоянно адаптирующихся экосистем, и (3) рост значимости умения делать стратегический выбор с целью приспособления или даже выживания в условиях постоянно изменяющихся экосистем [2]. Российские ученые Н.Н. Герасимов и Е.Ю. Шакирова уточняют, что компонентами сети являются «самолеты, корабли, средства поражения, управления, связи, разведки и слежения, группы военнослужащих или отдельные солдаты, а также комбинация и тех, и других в зависимости от выбора сетевой архитектуры и ее типа» [3. С. 83], кроме того, общество в многообразии всех своих подсистем. Российский военный теоретик В.И. Слипченко в начале 2000-х гг. разработал концепцию войн шестого поколения, согласно которой современные войны, имеющие свой исток в войне в Персидском заливе 1991 г., – это бесконтактные, дистанционные войны, ведущиеся с помощью высокоточных ракет, беспилотных летательных аппаратов и пилотируемой авиации, средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и информационно-психологических операций [4]. Концепция гибридных войн, авторами которой были американские военные эксперты Дж. Мэттис и Ф. Хоффман, исходит из того, что современные войны основаны на сочетании действий регулярных вооруженных сил и иррегулярных формирований, а также на применении военных и невоенных методов (экономических, информационно-психологических, кибернетических и т.д.) [5, 6]. Российский военный мыслитель А.А. Кокошин полагает, что специфика гибридных войн основана в первую очередь на боевых операциях в кибернетическом пространстве, широком применении сил специальных операций и использовании частных военных компаний, что дополняет применение обычных вооруженных сил [7]. Российский исследователь А.Л. Фролов подчеркивает обусловленность специфики современных войн прогрессом вооружений и технических систем [8]. Начавшаяся в феврале 2022 г. специальная

военная операция России на Украине бросает свет на сильные и слабые стороны этих подходов. Попытаемся на основе анализа опыта СВО выявить наиболее существенные характеристики современных вооруженных конфликтов.

Дискретность войн и СВО как самый значительный вооруженный конфликт после Второй мировой войны

Фундаментальной особенностью войн является их дискретность, тогда как общественная жизнь в целом и экономика в частности характеризуются непрерывностью. Крупные вооруженные конфликты не только ограничены во времени, но и чередуются с длительными периодами мира, которые могут длиться десятилетиями. Общество в войне и в условиях мира – это разные явления. Вооруженные силы любой страны в мирное время готовятся к войнам, что проявляется, в частности, в военных учениях, но это не может заменить реальной войны, на которой всерьез уничтожается живая сила, вооружения, постройки разного рода и гибнет мирное население. Опыт людей в условиях непрерывной общественной жизни обновляется ежедневно, в то время как опыт ведения войн – намного реже, и вооруженные силы неизменно исходят из опыта последней войны. Одним из важнейших последствий дискретности войн является абсолютизация давно устаревшего военного опыта, что выразилось в известном критическом суждении «Генералы готовятся к прошлым войнам». Удивительно, что выдающийся американский социальный теоретик русского происхождения П.А. Сорокин, проанализировав 967 войн со времен Античности и всемерно подчеркивая повсеместность войн [9, 10], не осмыслил на категориальном уровне противоречие между дискретностью войн и непрерывностью общественной жизни. Дискретность войн во многом и определяет значение СВО.

Дело в том, что СВО является самым значительным вооруженным конфликтом в мире после Второй мировой войны. Это обусловлено тем, что непосредственными сторонами конфликта впервые после 1945 г. являются крупные индустриальные страны – Россия и Украина, причем последнюю активно поддерживает глобальный Запад. Несмотря на то, что в России и на Украине после 1991 г. произошла частичная деиндустриализация, они остаются индустриальными обществами, поскольку сохранили многоотраслевую промышленность, включая высокотехнологичный сектор, современную военную промышленность, высококвалифицированную рабочую силу, располагают развитыми наукой и системой образования, а также высококвалифицированными военными кадрами. Это обуславливает то, что военное искусство вооруженных сил России и Украины, будучи военным искусством индустриальных стран, находится примерно на одинаковом уровне. Следует согласиться с характеристиками российского военного эксперта Р.Н. Пухова, который пишет: «В целом, насколько можно судить, сухопутные войска обеих сторон находятся на одном или сравнимом уровне организации, вооружения, подготовки, командного состава, культуры,

морального состояния и прочего – представляя в некотором смысле “один народ”. Обе стороны ведут боевые действия в примерно одинаковом стиле и, видимо, с сопоставимым уровнем потерь» [11. С. 34]. В отличие от этого вооруженные конфликты после Второй мировой войны преимущественно велись либо между индустриальными и частично индустриальными, либо между частично индустриальными странами¹ – например, война в Корее 1950–1953, война во Вьетнаме 1964–1975, арабо-израильские войны 1948, 1967 и 1973, ирано-иракская война 1980–1988, война в Персидском заливе 1990–1991. В тех же случаях, когда после 1945 г. в мире происходили вооруженные конфликты между индустриальными странами, они характеризовались ограниченными пространственно-временными и демографическими масштабами – Фолклендская война 1982, сербско-хорватская война 1991–1995, карабахские войны 1992–1994 и 2020, война НАТО против Югославии 1999. В отличие от этого Россия и Украина обладают значительными территориями и населением, а СВО идет уже третий год. Это означает, что СВО, подобно ключевым войнам прошлого (Итальянским войнам 1494–1559, Тридцатилетней 1618–1648, наполеоновским 1799–1815, Крымской 1853–1856, франко-прусской 1870–1871, обеим мировым), окажет колоссальное воздействие на развитие военного дела во всем мире, причем, большее, чем любой вооруженный конфликт в мире после 1945 г. Военное искусство всегда развивалось в первую очередь благодаря наиболее значительным вооруженным конфликтам.

Дезавтономизация войны

Американский военный теоретик Куинси Райт в своем фундаментальном труде «Исследование войны» (1942), осмысливая опыт Первой мировой войны и начального периода Второй мировой войны, выделил основные особенности современных ему войн. Во-первых, механизация: война основана на применении сложных технических устройств (винтовки, пулеметы, артиллерия, танки, авиация, броненосцы, фортификация и т.д.), что определяет огромную важность военной промышленности и транспорта. Во-вторых, рост численности армий: под ружье встает большая, чем когда-либо, часть общества – не 1%, а примерно 10% населения. В-третьих, милитаризация населения: вооруженные силы перестают быть системой, изолированной от всего общества. Все мужчины в мирное время проходят военную службу, в случае войны их в гражданской сфере замещают женщины, подростки и пожилые. В-четвертых, национализация военных усилий: государство устанавливает контроль над экономикой, ограничивая свободу рынка, подчиняет себе общественное мнение и мораль, проводит политику автаркии. В-пятых, тотальность войны: в ходе военных действий исчезают грани между армиями и гражданским населением, между индивидуумом и государством; население, объекты промышленности и транспортные узлы становятся военными целями; воля нации к победе приобретает приоритет по отношению к гуманитарным соображениям; военная необходимость ставится выше жизни гражданских лиц

и собственности. В-шестых, интенсификация военных действий, т.е. рост интенсивности военных действий во времени и их экстенсивности в пространстве. Активные боевые действия ведутся одновременно в течение нескольких лет на всех фронтах, охватывая сушу, море и воздушное пространство, война превращается в одну непрерывную кампанию, в которой участвует большое количество государств [13. Р. 303–313].

Явление, которое описал К. Райт, можно было бы назвать процессом дезавтономизации войны. На протяжении всей истории война была во многом автономным процессом, поскольку она была связана с общественной жизнью лишь опосредствованно. Ведение войн не приводило к перестройке экономики и всей общественной жизни, крайне низкий уровень транспортной и информационной связности – вести о ходе боевых действий доходили нередко спустя недели или даже месяцы, а также неграмотность большинства населения – все это исключало возможность оперативного и эффективного взаимодействия вооруженных сил и общества и, в частности, воздействия на сознание воюющих и гражданских лиц. На боевой дух солдат влияли главным образом командиры, да и то только устным словом. Так было, например, в эпоху наполеоновских войн или Крымской войны.

Ситуация коренным образом изменилась в результате индустриализации и порожденных ею средств коммуникации и всеобщей грамотности населения, что превратило общество в единый комплекс. Началась интеграция вооруженных сил и всего общества, что проявлялось в первую очередь в быстрой перестройке в условиях войны экономики и всей общественной жизни и в массированном систематическом воздействии на сознание военных и гражданского населения. Инициатором тотального воздействия на общественное сознание стала в годы Первой мировой войны Великобритания, что было закономерно, поскольку эта страна первой осуществила промышленную революцию. Отражением начала эры обработки сознания в индустриальных масштабах стала опубликованная еще в 1927 г. книга американского политолога Г. Лассуэлла о методах пропаганды в Первой мировой войне [14].

В рамках СВО произошел переход к новой стадии дезавтономизации войны. Отметим два основных аспекта этого процесса.

Во-первых, это проявляется в немыслимом ранее по масштабности целенаправленном воздействии на сознание солдат и офицеров, которое осуществляется уже не только через командиров, как в XIX в. и ранее, не только уже непосредственно всем обществом через газеты, радио, письма от родных и иных лиц, как в середине и второй половине XX в., но теперь уже с помощью всего разнообразия СМИ, причем новейшие информационно-коммуникативные технологии позволяют транслировать самую актуальную печатную и аудиовизуальную информацию обо всех аспектах боевых действий, прежде всего, в виде текстов и видео в социальных сетях в режиме реального времени, что позволяет намного более эффективно, чем когда-либо в военной истории, направлять солдат и офицеров на ратные свершения, а все общество – на обеспечение потребностей воюющих армий.

Во-вторых, вследствие глобализации экономики, основанной на всемирном разделении труда, влекущем за собой всеобщую взаимозависимость, вооруженные конфликты дополняются насильственным прерыванием экономических связей с целью нанести хозяйственный ущерб, т.е. введением санкций. С 2022 г. против России Западом были введены беспрецедентные санкции, Россия, в свою очередь, предприняла ответные аналогичные действия. Современные вооруженные конфликты, более чем когда-либо, стали противостоянием экономик, противостоянием позиций во всемирном разделении труда.

Автоматизированные вооружения

В рамках СВО произошел переход к новой стадии развития автоматизированных вооружений. Здесь следует провести различие между автоматическими и автоматизированными вооружениями. Автоматическое оружие – это оружие, перезарядка которого и производство выстрелов осуществляются с помощью энергии пороховых газов. Первым в истории автоматическим оружием стал пулемет, который был изобретен американско-британским конструктором Хайрамом Максимом в 1883 г. Этот пулемет впервые показал свою эффективность в 1898 г. в битве при Омдурмане (Судан), в ходе которой британская армия разгромила значительно превосходивших по численности махдистов. В XX в., помимо станковых, ручных и единых пулеметов, были созданы пистолеты-пулеметы, штурмовые винтовки (автоматы), автоматические пушки, гранатометы и т.д. Для автоматического оружия характерно, что скорость и направление движения поражающих элементов (пуль, снарядов, гранат и т.п.) задается стрелком только в момент выстрела. Дальнейший полет поражающего элемента является неуправляемым, причем в силу сопротивления воздуха, воздействия ветра и осадков его скорость и кинетическая энергия быстро уменьшаются, направление полета изменяется, рассеивание возрастает, кучность и точность снижаются и, следовательно, поражающий эффект падает. Разумеется, все это было характерно для доавтоматического огнестрельного оружия XIV–XX вв. (пушек, мушкетов, аркебуз, ружей, винтовок, пистолетов).

В отличие от этого автоматизированное оружие использует поражающие средства (ракеты, снаряды, бомбы, мины и т.п.), оснащенные системами самонаведения и, чаще всего, двигателем. Поражающие средства неавтоматизированных вооружений пассивны, а автоматизированных – активны. Зрелые системы автоматизированных вооружений, созданные в конце XX и начале XXI в., характеризуются непревзойденной точностью, высочайшей степенью автономии, многофункциональностью, дальностью, позволяющей охватывать не только весь театр боевых действий, ближние и дальние тылы противника, но и в перспективе – всю планету. Все это придает автоматизированным системам вооружения эффективность, которой огнестрельное оружие никогда ранее не обладало.

Впервые автоматизированное оружие было применено в ходе Второй мировой войны вооруженными силами фашистской Германии. Речь идет в первую очередь о крылатых ракетах V-1 («Vergeltungswaffe-1»), баллистических ракетах V-2 («Vergeltungswaffe-2») и самонаводящихся торпедах «Zaunkönig». Но в силу несовершенства и, прежде всего, неточности первых систем автоматизированных вооружений, их недостаточного количества и отсутствия комплексного подхода к их применению оно не оказало существенного воздействия на ход боевых действий. Автоматизированные вооружения постепенно совершенствовались и применялись во всех последующих крупных вооруженных конфликтах – в войне в Корее в 1950–1953 гг., войне во Вьетнаме в 1964–1973 гг., арабо-израильских войнах 1967 и 1973 гг., войне в Афганистане 1979–1989 гг., Фолклендской войне 1982 г., ирано-иракской войне 1980–1988 гг. Но только война в Персидском заливе 1990–1991 гг. стала первой войной, в ходе которой автоматизированные вооружения сыграли значительную роль. Коалиционные силы во главе с США в рамках операции «Буря в пустыне», составившей завершающую фазу этой войны, массированно применили против армии Ирака крылатые ракеты типа «Томагавк», а также противотанковые ракетные комплексы (ПТРК) типа TOW, переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) типа «Стингер» и иные системы автоматизированных вооружений. Вооруженные силы США и их союзники опирались на использование подобного оружия во всех последующих военных конфликтах – в ходе операции против формирования боснийских сербов в 1995 г., в Югославии в 1999 г., в Ираке в 2003 г., в Афганистане в 2001–2021 гг., в Ливии в 2007 г. В ходе войны в Сирии, начавшейся в 2011 г., автоматизированные вооружения использовали все стороны – правительственные силы и союзные им Россия и Иран, отряды сирийской оппозиции, США и их союзники, курды.

Скачком в развитии автоматизированных вооружений стало возникновение и широкое распространение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) или беспилотников, дронов. Любой воин обладает телом, которое существует в трехмерном пространстве. Это характерно, разумеется, и для всех систем вооружений. Воюющие люди и вооружения характеризуются динамической неоднородной пространственной уязвимостью, в том числе и в силу неоднородной концентрации внимания человека. Это означает, что оптимальное поражение живой силы и вооружений противника могут обеспечить только высокомобильные системы автоматизированных вооружений, которые свободно перемещаются в трехмерном пространстве, – автоматизированные летательные аппараты военного назначения, чем и являются дроны. С точки зрения функциональной специализации военные дроны подразделяются на разведывательные, которые осуществляют разведку, целеуказание и управление огнем, ударные (включая дроны-камикадзе), разведывательно-ударные, дроны-ретрансляторы, дроны РЭБ и т.д.

Разведывательные дроны впервые были широко применены США в войне во Вьетнаме, а ударные – в

войне в Афганистане, начавшейся в 2001 г. Первой войной, в которой БПЛА сыграли ключевую роль, стала 44-дневная Вторая карабахская война 2020 г. Азербайджан одержал победу в значительной мере именно благодаря применению дронов, тогда как Армения не располагала средствами ПВО и РЭБ, которые могли бы противодействовать им. СВО положила начало эпохе расцвета дронов, поскольку в ее рамках применение беспилотников приняло невиданно масштабный и всесторонний характер.

СВО стала первым крупным вооруженным конфликтом, в ходе которого синергетическое применение автоматизированного вооружения всех типов – группировок дронов (воздушных, наземных и морских), крылатых и баллистических ракет, высокоточных ракетно-артиллерийских систем, включая реактивные системы залпового огня, управляемых (планируемых, корректируемых) авиабомб, средств ПВО и РЭБ – играет уже не просто значительную, а определяющую роль. Автоматизированные вооружения подчинили себе классические вооружения и рода войск эпохи Второй мировой войны – танки, бронетехнику, мотопехоту, пилотируемую авиацию и флот, подобно тому, как танки и авиация в 1939–1945 гг. подчинили себе пехоту и артиллерию. Деятельность в ходе вооруженного конфликта, более чем когда-либо в военной истории, превратилась в сложнейшую высокодифференцированную органическую целостность, включающую в себя множество субординированных и скоординированных сторон (подсистем), что делает неизбежным использование искусственного интеллекта, так сказать, цифрового Александра Македонского или Александра Суворова. Это будет означать новый виток автоматизации военного дела – дополнение автоматизированных вооружений автоматизированным управлением войсками, т.е. переход от применения множества изолированных автоматизированных вооружений к применению автоматизированных комплексов автоматизированных вооружений, подразделений, родов войск и оперативно-тактических соединений войск.

Автоматизация вооружений привела к устареванию некоторых фундаментальных понятий науки о войне. Выдающийся немецкий теоретик войны К. Клаузевиц утверждал: «Война есть область неопределенности; три четверти тех вещей, на которых основана деятельность на войне, лежит в тумане большей или меньшей неопределенности» [15], и эта мысль обычно передается с помощью понятия «туман войны». Если в войнах прошлого воевать приходилось, не обладая точной информацией о месте нахождения, состоянии и активности войск противника, да и собственных войск, то теперь «туман неопределенности» Клаузевица рассеивается, и боевые действия протекают в условиях взаимной прозрачной ясности. Это, в свою очередь, закономерно делает устаревшим и понятие «фактор внезапности» – отныне становятся невозможными внезапные наступательные действия, причем не только стратегического и оперативного, но и тактического масштаба.

Переход в ходе СВО к массированному применению автоматизированных вооружений, прежде всего

дронов, соответствует процессам в экономике, которые немецко-швейцарский экономист К. Шваб квалифицировал как «четвертую промышленную революцию» [16]. Шваб полагает, что «четвертая промышленная революция», развернувшаяся в начале XXI в., положила начало экономике, основанной на применении промышленных роботов, искусственного интеллекта, аддитивного производства (3D-печати), и иных инноваций, запустив грандиозные социальные трансформации. Можно сказать, что БПЛА является летающим промышленным роботом.

В мире наряду с переходом от неавтоматизированных к автоматизированным вооружениям происходил и переход от неавтоматизированного к автоматизированному индустриальному производству. На мой взгляд, в обоих случаях автоматизация проходит четыре стадии: 1) возникновение; 2) значительное воздействие; 3) определяющее воздействие; 4) господство.

Автоматизация в сфере промышленности проявляется в применении промышленных роботов, автоматических станочных линий и цехов, компьютеров, Интернета, искусственного интеллекта и т.п., но наиболее показательным служит именно использование промышленных роботов. В силу этого в качестве индикаторов автоматизации промышленности выступают, во-первых, общее количество применяемых роботов, во-вторых, степень роботизации, измеряемая отношением количества роботов к 10 тыс. работников.

В сфере индустриального производства автоматизация началась в 1961 г. в США, когда американский инженер Дж. Девол получил патент на изобретение первого в мире промышленного робота, и весной этого же года на заводах автомобильной корпорации General Motors началась их эксплуатация. В конце 1960-х гг. промышленные роботы стали использоваться в Западной Европе и в Японии, в начале 1970-х гг. – в СССР. Переход ко второй стадии автоматизации производства впервые был осуществлен в Японии примерно в 1985 г. Страна восходящего солнца в это время смогла потеснить США с позиции экономического лидера планеты в ряде ключевых отраслей (автомобилестроение, станкостроение, электронная промышленность, робототехника и т.д.), завоевывая даже внутренний американский рынок, и этот успех следует объяснить интенсивным применением промышленных роботов – Япония уже в 1970-е гг. стала мировым лидером по роботизации, значительно опередив США. В 1990 г. в Японии работали 274,2 тыс. промышленных роботов, а в США – лишь 39 тыс. [17]. Быстрый рост промышленности Германии в 1970-е гг. и в последующие десятилетия также следует объяснить более активным внедрением роботов, чем в США. В третью стадию впервые вступила Южная Корея примерно в 2011 г. В это время Страна утренней свежести смогла опередить в ряде отраслей промышленности мировых лидеров, включая США и Японию, что также следует объяснить самыми высокими в мире темпами роботизации в Южной Корее. Именно в 2011 г. Южная Корея впервые стала мировым лидером по степени роботизации, оттеснив Японию [18]².

В отличие от индустриального производства автоматизация в военной сфере в первую стадию вступает в ходе Второй мировой войны, во вторую – в ходе войны в Персидском заливе, начало третьей же стадии было положено СВО. Примечательно, что каждая последующая стадия автоматизации обеих сфер начиналась в новой стране.

Анализ применения автоматизированных вооружений позволяет дифференцировать оценку известной мысли К. Маркса из «Введения» к «Экономическим рукописям 1857–1858 годов», согласно которой в ходе истории война как социальное явление развивалась быстрее, чем производство: «Война раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т.д. такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т.д., развились раньше, чем внутри гражданского общества» [19. С. 46]. Эту мысль Маркса подтверждает то, что в военном деле применение созданной обществом энергии началось значительно ранее, чем в производстве. В первом случае речь шла об энергии пороховых газов, во втором – об энергии пара. Огнестрельное оружие, согласно немецкому военному историку Г. Дельбрюку, впервые было применено в Европе (и в мире) в 1331 г. [20. Т. IV. С. 24], тогда как регулярная, хотя и узкоспециализированная, эксплуатация парового двигателя началась в 1712 г. Речь идет о паровой машине британского изобретателя Т. Ньюкомена, которая использовалась только для откачки воды из шахт, в то время как универсальный паровой двигатель двойного действия, благодаря которому в Великобритании началась первая в мире промышленная революция, был изобретен Дж. Уаттом в 1782 г. До этого и военное дело, и производство были основаны на использовании естественно возникшей энергии – мускульной энергии человека и животных. Указанную мысль Маркса подтверждает и то, что переход к первой стадии автоматизации в военной сфере стал осуществляться раньше, чем в производстве. Но вторая и третья стадии автоматизации в сфере производства начались раньше, чем в военной сфере, и это позволяет говорить о границах истинности процитированного положения Маркса.

То, что Россия в ходе СВО первой в мире вступила в третью стадию автоматизации военной сферы, демонстрирует и воспроизводство характерной для России со времен Петра Первого закономерности. Россия с начала XVIII в., серьезно отставая с точки зрения производительных сил от ведущих стран Запада, являлась при этом одной из ведущих военных держав мира. Это было верно и в эпоху СССР. Россия, войдя в третью стадию автоматизации военной сферы ранее всех других стран, значительно отстает от многих из них в области автоматизации производства. В 2022 г. во всем мире было введено в эксплуатацию 437 599 промышленных роботов, и 79% от этого количества приходилось на 5 стран-лидеров – Китай (52%), Японию (9%), США (7%), Южную Корею (6%) и Германию (5%) [21]. В 2022 г. и ранее в России в эксплуатацию вводилось всего лишь 1 000–1 200 промышленных роботов в год [22]. В 2022 г. в десятку стран – лидеров по роботизации промышленности входят: Южная Корея (1 012 роботов на 10 тыс. работников), Сингапур (730), Германия (415), Япония (397), Китай (392), Швеция (343),

Гонконг (333), Швейцария (296), Тайвань (292), США (285) [23]. В мире в целом этот показатель достиг отметки в 151 робот на 10 тыс. работников. В 2018 г. уровень роботизации в России – всего 5. Значительно отставала Россия и по производству промышленных роботов. Только 5% используемых в России промышленных роботов были произведены в России [24]. В 2022 г. пятерка лидеров по экспорту промышленных роботов выглядела так: Япония (на сумму в \$2,5 млрд), Германия (\$725,7 млн), Китай (\$407,7 млн), США (\$374,7 млн) и Дания (\$320,3 млн). Россия не вошла в число 25 стран с наибольшим объемом экспорта промышленных роботов, и ее опередила даже Турция (25-е место и \$25 млн) [25]. В силу стремительного взлета автоматизации Китая, который в 2022 г. впервые вошел в первую пятерку стран мира по степени роботизации промышленности, мы можем предположить, что именно Поднебесная возглавит движение человечества к четвертой стадии автоматизации производства, а именно стадии господства автоматизации. Как представляется, критерий завершения перехода к этой стадии будет прост – количество работающих автоматических средств производства превысит количество работающих людей. Подобным же образом, вероятно, о господстве автоматизации в военной сфере можно будет говорить тогда, когда количество воюющих автоматов превысит количество воюющих людей.

Вместе с тем, даже и при обозначенном отставании производительных сил России, ее армия в ходе СВО приобрела огромный и уникальный опыт использования автоматизированных вооружений, которым не обладают вооруженные силы ни одной страны в мире. Вооруженные силы России в высокой степени насыщены автоматизированными вооружениями, причем преимущественно отечественного производства. Находясь на одном уровне по стратегическим ядерным вооружениям с США, Россия благодаря опыту, полученному в ходе СВО, превосходит их по боеспособности в том, что касается применения конвенциональных вооружений. Подобным же образом Красная армия в 1945 г. в силу своего огромного опыта по боеспособности превосходила вооруженные силы США (за исключением тяжелой бомбардировочной авиации и ВМФ), хотя США с точки зрения развития производительных сил значительно опережали СССР. Вспомним и о том, что такие крупные и развитые страны, как Япония и Германия, которые уже с 1970-х гг. являются мировыми лидерами в области роботизации промышленности, при этом представляют собой только лишь второстепенные военные державы. Все это говорит о том, что при всех процессах дезавтономизации военной сферы, о которых было сказано выше, она воспроизводит свою внутреннюю логику, отличную от логики сферы производства.

Позиционные и маневренные войны

Для многих стало очевидным, что СВО идет по пути позиционной войны [11. С. 33–34]. В качестве ее противоположности выступает маневренная война. Рассмотрим эти понятия. Позицией в военной науке

называется полоса территории, занятая войсками и подготовленная для обороны, в том числе и активной, маневром – стремительное перемещение войск с целью поражения противника в его наиболее уязвимом месте. Позиционная война основана преимущественно, с одной стороны, на удержании войсками своих позиций и, с другой – на обходе или штурме этих позиций противником. Маневренная война основана на подвижности войск, на превращении энергии движения войск в энергию поражения противника. Наиболее зрелая (совершенная) позиция – это позиция, которая не может быть обойдена противником, следовательно, зрелая форма позиционной войны предполагает сплошную линию фронта, образуемую войсками противостоящих государств на всей линии их соприкосновения. Зрелая форма маневренной войны предполагает высочайший уровень подвижности войск, который делает возможным не только прорыв слабых участков фронта обороняющегося противника, но и последующее проникновение в его глубокий тыл.

Позиционные и маневренные действия войск до XX в. имели ограниченный характер – в первом случае это были осады крепостей и подобных пунктов, во втором – обходы локального противника и маневров в рамках отдельных битв. Для возникновения в XX в. зрелых форм позиционных и маневренных войн были необходимы две предпосылки. Во-первых, это появление массовых армий, сформированных на основе всеобщей воинской обязанности, поскольку только такие армии способны контролировать всю линию противостояния воюющих государств, образовав сплошные фронты боевых действий протяженностью в сотни и тысячи километров. Массовые армии, с одной стороны, могут защищать такие фронты, с другой – прорывать их. Впервые в истории массовая армия была создана во Франции в ходе Великой буржуазной революции 1789–1794 гг., впоследствии – и в других государствах мира. Во-вторых, это промышленная революция, которая влечет за собой индустриализацию и военного дела. В результате этой революции возникает массовое крупное производство, в конечном итоге – монополистический капитализм, что порождает потребность в новых источниках сырья, рынках сбыта и рабочей силы, которая не может быть удовлетворена в национальных границах. Это резко обостряет конкуренцию между ведущими капиталистическими странами (Германия, Великобритания, Франция и т.д.), которая вовлекает в свою орбиту и полуфеодально-полукапиталистические страны (Россию, Турцию, Японию и т.д.). Кроме того, индустриальная экономика позволяет обеспечивать массовые армии стандартизированными вооружениями любой сложности и боеприпасами, а также порождает густую сеть транспортных коммуникаций (железных дорог, автомагистралей и авиационных линий) и средств связи (телеграфных и телефонных линий, радиосвязи), позволяющих быстро перебрасывать войска на нужный участок фронта, снабжать их и управлять ими. Чем более индустриальной является страна, тем более она способна успешно вести позиционные и маневренные войны. Об уровне индустриализации различных стран в начале XX в. мы

можем судить по времени завершения промышленной революции: Великобритания – 1850 г., США – 1870, немецкая часть Австро-Венгрии – 1887, Германия – 1888, Франция – 1890, Италия – 1909, Япония – 1937, Россия (СССР) – 1948 г.³ Различия индустриализации различных стран в значительной мере определили характер и результаты их участия в Первой и Второй мировых войнах. Вместе с тем следует различать уровень индустриализации страны и уровень индустриализации военного дела – в менее развитых странах второй иногда опережает первый, что достигается в первую очередь за счет импорта передовых вооружений из развитых стран. Это случай России и Турции в годы Первой мировой и отчасти СССР в годы Второй мировой войн.

В военной науке в основном позиционной войной считается Первая мировая война [26. Т. 6. С. 453–454], но при этом к позиционным войнам иногда относят Крымскую войну 1853–1856 гг.⁴ и Русско-японскую войну 1904–1905 гг.⁵ И все же, на мой взгляд, именно Первую мировую войну следует считать первой в истории в полной мере зрелой позиционной войной. Причиной позиционного характера Первой мировой войны стал возникший к 1914 г. дисбаланс (противоречие) между средствами поражения и средствами подвижности, поскольку первые были уже индустриальными в полной мере, а вторые – только частично.

Армии воюющих государств в 1914–1918 гг. были вооружены магазинными винтовками, станковыми и ручными пулеметами, минометами, скорострельной мобильной полевой и тяжелой артиллерией, активно использовались фортификационные и инженерно-заградительные сооружения (траншеи, окопы, блиндажи, ряды колючей проволоки и т.п.), и все это было плодом индустриализации, причем более развитые страны обеспечивали себя полностью, менее развитые – отчасти сами, отчасти приобретали все необходимое у первых. Однако подвижность войск лишь частично подверглась индустриальной трансформации: если перемещение войск к линии фронта во многом уже опиралось на использование механизированных средств (железнодорожного транспорта), то подвижность на поле боя продолжала, как и века и тысячелетия назад, быть основанной на естественных средствах – на опорно-двигательном аппарате людей и коней. Танки, броневые автомобили и авиация в ходе Первой мировой войны уже применялись, но были еще несовершенными и малоэффективными, и в связи с этим не играли решающей роли, военно-морской флот (ВМФ) в силу особенностей театров военных действий имел второстепенное значение. Противоречие между индустриальным характером средств поражения и доиндустриальными средствами подвижности на поле боя проявлялось главным образом в наибольшей эффективности первых по отношению ко вторым, что и позволяло, как правило, отбивать атаки противника и предотвращать прорывы линии фронта. Скорость прорыва обороны уступала скорости компенсации такого прорыва: в случае прорыва обороняющаяся сторона могла перебросить войска из резерва или с других участков фронта и скомпенсировать прорыв, и это делало прорывы бесперспективными в оперативном

плане. Одним из следствий этого стало то, что Первая мировая война стала концом кавалерии как главного ударного рода войск⁶, и в годы Второй мировой она играла лишь вспомогательную роль.

Преимущественно маневренной войной в военной науке считают Вторую мировую войну [26. Т. 4. С. 553–554]. При этом черты маневренных войн были присущи Гражданской войне в России 1918–1920 гг.⁷, Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг., советско-японским военным конфликтам 1938–1939 гг. На мой взгляд, Вторая мировая война стала первой в истории в полной мере маневренной войной в связи с тем, что в ее рамках впервые в истории маневренность выступила как снятие позиционности на протяженных фронтах, причем сразу на трех континентах. Это стало возможным благодаря достижению баланса между господством индустриальных средств поражения и господством индустриальных средств подвижности, что проявилось в первую очередь в синтезе первых и вторых (танки, самоходно-артиллерийские установки, бронемашин, авиация, ВМФ).

Большое значение имело и использование транспорта во всех доступных средах – наземной, воздушной и водной. Намного более существенную роль сыграл и ВМФ. Комплекс индустриальных средств подвижности позволял прорывать оборону и стремительно проникать в тылы противника. Скорость прорыва обороны стала сопоставимой со скоростью компенсации прорыва, что сделало прорывы обороны перспективными в оперативном плане. Прорыв обороны противника приводил к разрушению взаимодействия различных подразделений, родов войск, а также фронта и тыла, что в условиях господства тотальных войн неминуемо вело к его поражению.

СВО встала на путь позиционной войны в силу того, что вновь, как и в ходе Первой мировой войны, возникло противоречие между средствами поражения и средствами подвижности: автоматизированные средства поражения доминируют над неавтоматизированными средствами подвижности. Группировки дронов, высокоточные ракетные и артиллерийские системы, ПТРК, управляемые авиабомбы и другие автоматизированные средства легко истребляют танки, бронетехнику, живую силу, командные пункты и иные военные цели, а средства ПВО – авиацию. Мы видим, в частности, как уверенно российские войска с помощью дронов и других автоматизированных вооружений уничтожают лучшие образцы западной военной техники – немецкие танки «Leopard 2», американские танки «M1 Abrams» и боевые машины пехоты «M2 Bradley». Автоматизированные вооружения девальвировали классическую, т.е. управляемую экипажами, бронетехнику и пилотируемую авиацию, подобно тому, как в 1914–1918 гг. индустриальные вооружения девальвировали кавалерию. Это делает возможным прогнозировать, что СВО закономерно завершится позиционным «давлением» российской армией противника, подобно тому как в конце Первой мировой войны были позиционно «давлены» Германия и ее союзники. Сказанное позволяет предположить, что в вооруженных

конфликтах будущего вновь, как и в годы Второй мировой войны, встанет вопрос о достижении баланса между средствами поражения и средствами подвижности войск за счет форсированной автоматизации последних.

Примечательно, что под впечатлением Первой мировой войны понятия позиционной и маневренной войны столь сильно повлияли на общественное сознание, что они были применены одним из создателей западного марксизма А. Грамши в сфере политики. Автор «Тюремных тетрадей», пытаясь преодолеть ограниченность социальной теории классического марксизма, выделил маневренную войну (*la guerra di movimento*, *la guerra manovrata*) и позиционную войну (*la guerra di posizione*) в общественно-политической жизни. Грамши маневренную войну в области политики связывал, например, с эпохой Великой французской революции 1789–1815 гг. и с периодом от марта 1917 до марта 1921 г., позиционную войну – с эпохой 1815–1870 гг. и с периодом после марта 1921 г. [27. Vol. II. P. 1229]. Он полагал, что государственные учреждения и ассоциации гражданского общества в политике играют ту же роль, что и траншеи и укрепления в условиях позиционной войны – они сводят движение к минимуму [27. Vol. III. P. 1567]. Таким образом, если Клаузевиц определял войну через политические категории, то Грамши – политику через военные категории. Аналогичную логическую операцию позже осуществил французский философ М. Фуко, который в 1975 г. в одном из своих интервью утверждал, переворачивая положение Клаузевица, что «не война является продолжением политики, но политика есть продолжение войны другими средствами» [28. С. 150], что было скорее остроумным, чем глубоким. В данном случае мысль А. Грамши была более плодотворной, чем мысль М. Фуко.

Заключение

Выделенные выше особенности СВО будут с необходимостью осознаны, что приведет к трансформации военного дела в России, а впоследствии – и в других странах, поскольку за ходом СВО пристально наблюдает весь мир. В качестве субъекта такой трансформации выступает военная бюрократия, которая обладает спецификой по отношению к гражданской бюрократии, чьи характеристики лучше всего отражены в концепциях бюрократии раннего К. Маркса («К критике гегелевской философии права») и позднего М. Вебера («Хозяйство и общество»).

Массовые армии индустриальных стран основаны на высокодифференцированной специализации и кооперации деятельности солдат и офицеров, представляющих множество военных специальностей, подразделений, родов войск, оперативно-тактических соединений и территориальных объединений вооруженных сил, что обуславливает усложнение функций управления, рост слоя управленцев и, следовательно, развитие военной бюрократии. Военная бюрократия по сравнению с гражданской отличается большей авторитарностью и жесткостью, поскольку управление вооруженными силами в

условиях войн предполагает неизбежную отправку подчиненных на смерть с целью достижения победы, т.е. предельное обострение противоречия между единичными, особенными и всеобщими интересами. Это обстоятельство, а также дискретность войн, влекущая за собой абсолютизацию прошлого опыта, порождает парадокс военной бюрократии: с одной стороны, она необходима, с другой – ей присущ ригидный консерватизм. Данное противоречие, обостряющееся в мирное время, разрешается в ходе крупных вооруженных конфликтов, которые

приводят к резкому ускорению карьер командиров, показавших себя способными побеждать и, следовательно, обладающими высоким уровнем инициативности и квалификации. Так, например, во время Великой Отечественной войны выдвинулись выдающиеся советские полководцы К.К. Рокоссовский, Г.К. Жуков и А.М. Василевский. Это позволяет предполагать, что СВО ускорит карьеры одаренных командиров в российской армии, и она будет обладать, помимо квалифицированных солдат, лучшим офицерским корпусом в мире.

Примечания

- ¹ Индустриальными странами будем считать страны, душевой валовой внутренний продукт (ВВП) которых достиг или превысил уровень Великобритании 1850 г., полуиндустриальными – страны, которые не достигли этого уровня, но промышленная революция в них уже началась. Страны Персидского залива, располагающие большим объемом природной ренты, обладают лишь фрагментарной промышленностью, вследствие чего их также следует охарактеризовать как полуиндустриальные. Об исторической динамике ВВП стран мира в XIX–XX вв. мы судим по статистическому исследованию А. Мэддисона [12].
- ² В период с 2011 по 2021 гг. по уровню роботизации Сингапур нередко опережал Южную Корею, но ввиду его небольших размеров и исключительности положения допустимо отвлечься от рассмотрения этой страны.
- ³ Выделение условных границ завершения промышленных революций в разных странах было осуществлено автором с помощью соотнесения динамики душевого ВВП этих стран с уровнем Великобритании в 1850 г. на основе труда А. Мэддисона [12].
- ⁴ Немецкий военный историк Э. Даниэльс назвал Крымскую войну 1853–1856 гг. «первой позиционной войной в истории» [20. Т. V. С. 43]. Но это было обусловлено локальным характером Крымской войны, поскольку ее основным содержанием стала оборона Севастополя, т.е. борьба за военно-морскую крепость.
- ⁵ Позиционность Русско-японской войны также была обусловлена ограниченным характером театра военных действий.
- ⁶ В годы Гражданской войны в России произошел кавалерийский ренессанс, обусловленный, во-первых, огромной территорией страны, во-вторых, относительной малочисленностью воюющих армий, в-третьих, низким уровнем индустриализации страны, который, в свою очередь, детерминировал, с одной стороны, низкую плотность артиллерийских и пулеметных стволов на километр фронта, с другой – низкую плотность сетей железных дорог.
- ⁷ Причины кавалерийского Ренессанса обусловили и маневренный характер Гражданской войны в России.

Список источников

1. Lind W., Thiele G. 4th Generation Warfare Handbook. Kouvola : Kastalia House, 2015. 134 p.
2. Cebrowski A.K., Garstka J.J. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future // US Naval Institute Proceedings. 1998. Vol. 124/1/1. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (дата обращения: 12.03.2024).
3. Герасимов Н.Н., Шакирова Е.Ю. Социально-сетевые войны современности: реальность информационной эпохи // Военная мысль. 2017. № 10. С. 79–87.
4. Слипченко В.И. Войны шестого поколения: оружие и военное искусство будущего. М. : Вече, 2002. 384 с.
5. Mattis J., Hoffman F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute. Proceedings Magazine. 2005. Vol. 132/1/1, 233. URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).
6. Hoffman F. Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid wars. Arlington: Potomac Institute of Policy Studies, 2007. 72 p.
7. Кокушин А.А. Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политики // Вестник Российской Академии наук. 2018. Т. 88, № 11. С. 971–978.
8. Фролов А.Л. Войны будущего и их техническое измерение // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 1. С. 88–98.
9. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с.
10. Сорокин П.А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии. Сыктывкар : Анбур, 2022. 1048 с.
11. Пухов Р.Н. От «специальной» к «военной» // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 2. С. 21–36.
12. Maddison A. The World Economy. Vol. 1, 2. Paris : OECD, 2006. 654 p.
13. Wright Q. A Study of War. Vol. 1. Chicago : The University of Chicago Press, 1942. 1552 p.
14. Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. New York : Peter Smith, 1927. 252 p.
15. Clausewitz C. 3. Kapitel. Der kriegerische Genius // Clausewitz C. Vom Kriege. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/19Jh/Clausewitz/cla_kri0.html (дата обращения: 26.01.2024).
16. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2023. 208 с.
17. United Nations Economic Commission for Europe. Sales of industrial robots are booming in Europe and North America but plummeting in Japan and Asia. URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/press/pr1999/99stat2e.htm> (дата обращения: 28.01.2024).
18. International Federation of Robotics. Executive Summary. World Robotics 2013. URL: https://www.diag.uniroma1.it/deluca/rob1_en/2013_WorldRobotics_ExecSummary.pdf (дата обращения: 26.01.2024).
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. М. : Изд-во политической лит., 1968. 560 с.
20. Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб. : Наука, 2001, 2015. Т. IV, V. 368, 420 с.
21. International Federation of Robotics. World Robotics. Industrial Robots 2023. Executive Summary. URL: https://ifr.org/img/worldrobotics/Executive_Summary_WR_Industrial_Robots_2023.pdf (дата обращения: 26.01.2024).
22. Tadviser. Industrial robots in Russia. URL: https://tadviser.com/index.php/Article:Industrial_robots_in_Russia?ysclid=lm84453c1787092676 (дата обращения: 26.01.2024).
23. International Federation of Robotics. Global Robotics Race: Korea, Singapore and Germany in the Lead. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/global-robotics-race-korea-singapore-and-germany-in-the-lead> (дата обращения: 21.01.2024).
24. Delovoy Profil. Использование промышленных роботов: обзор рынка робототехники в России и мире. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/ispolzovanie-promyshlennykh-robotov-obzor-rynka-robototekhniki-v-rossii-i-mire?ysclid=lm9gd7786573590876> (дата обращения: 26.01.2024).
25. World's Top Exports. Top Industrial Robots Exporters. URL: <https://www.worldstopexports.com/top-industrial-robots-exporters/> (дата обращения: 26.01.2024).
26. Военная энциклопедия : в 8 т. Т. 4: Квашнин — Марицкая. 1999; Т. 6: Огарков — «Прогресс». 2002. М. : Воениздат, 1994–2004.
27. Gramsci A. Quaderni del carcere. Vol. I–IV. Torino : Giulio Einaudi editore, 1975–1977. Т. 2, 3.
28. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью 1970–1984. М. : Праксис, 2022. 384 с.

References

1. Lind, W. & Thiele, G. (2015) *4th Generation Warfare Handbook*. Kouvola: Kastalia House.
2. Cebrowski, A.K. & Garstka, J.J. (1998) Network-Centric Warfare: Its Origin and Future. *US Naval Institute Proceedings*. Vol. 124.1. [Online] Available from: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (Accessed: 12.03.2024).
3. Gerasimov, N.N. & Shakirova, E.Yu. (2017) Social'no-setecentricheskie voyny sovremennosti: real'nost' informacionnoj epohi [Social-network-centric wars of our time: the reality of the information age]. *Voennaya mysl'*. 10. pp. 79–87.
4. Slipchenko, V.I. (2002) *Voyny shestogo pokoleniya: oruzhie i voennoe iskusstvo budushchego* [Sixth Generation Wars: Weapons and the Art of War of the Future]. Moscow: Veche.
5. Mattis, J. & Hoffman, F. (2005) Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. *US Naval Institute Proceedings Magazine*. 132.11.1. pp. 233. [Online] Available from: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (Accessed: 12.03.2024).
6. Hoffman, F. (2007) *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Arlington: Potomac Institute of Policy Studies.
7. Kokoshin, A.A. (2018) Fenomen "gibridnoi voyny" v silovoi sostavlyayushchei sovremennoi mirovoi politiki [The phenomenon of "hybrid war" in the power component of modern world politics]. *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk*. 88 (11). pp. 971–978.
8. Frolov, A.L. (2023) Voyny budushchego i ih tekhnicheskoe izmerenie [Wars of the future and their technical dimension]. *Rossiya v global'noy politike*. 21 (1). pp. 88–98.
9. Sorokin, P.A. (2006) *Social'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Moscow: Astrel'.
10. Sorokin, P.A. (2022) *Obshchestvo, kul'tura i lichnost': ih struktura i dinamika. Sistema obshchei sociologii* [Society, culture and personality: their structure and dynamics. A system of general sociology]. Syktyvkar: Anbur.
11. Pukhov, R.N. (2024) Ot "special'noi" k "voennoi" [From "special" to "military"]. *Rossiya v global'noy politike*. 22 (2). pp. 21–36.
12. Maddison, A. (2006) *The World Economy*. Vols 1–2. Paris: OECD.
13. Wright, Q. (1942) *A Study of War*. Vol. 1. Chicago: The University of Chicago Press.
14. Lasswell, H. (1927) *Propaganda Technique in the World War*. New York: Peter Smith.
15. Clausewitz, C. (1832–1834) 3. Kapitel. Der kriegische Geniuss. In: *Vom Kriege*. [Online] Available from: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/19Jh/Clausewitz/clo_kri0.html (Accessed: 26.01.2024).
16. Schwab, K. (2023) *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya* [The 4th Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo.
17. United Nations Economic Commission for Europe. (1999) *Sales of industrial robots are booming in Europe and North America but plummeting in Japan and Asia*. [Online] Available from: <https://unece.org/fileadmin/DAM/press/pr1999/99stat2e.htm> (Accessed: 28.01.2024).
18. International Federation of Robotics. (2013) *Executive Summary. World Robotics 2013*. [Online] Available from: https://www.diag.uniroma1.it/deluca/rob1_en/2013_WorldRobotics_ExecSummary.pdf (Accessed: 26.01.2024).
19. Marx, K. & Engels, F. (1968) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 46. Part 1. Moscow: Politizdat.
20. Delbrook, G. (2001, 2015) *Istoriya voennogo iskusstva* [History of military art]. Vols IV, V. Saint Petersburg: Nauka.
21. International Federation of Robotics. (2023) *World Robotics. Industrial Robots 2023*. [Online] Available from: https://ifr.org/img/worldrobotics/Executive_Summary_WR_Industrial_Robots_2023.pdf (Accessed: 26.01.2024).
22. Tadviser. (2023) *Industrial robots in Russia*. [Online] Available from: https://tadviser.com/index.php/Article:Industrial_robots_in_Russia?ysclid=lrn84453c1787092676 (Accessed: 26.01.2024).
23. International Federation of Robotics. (2024) *Global Robotics Race: Korea, Singapore and Germany in the Lead*. [Online] Available from: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/global-robotics-race-korea-singapore-and-germany-in-the-lead> (Accessed: 21.01.2024).
24. Delovoy Profil'. (2024) *Ispol'zovanie promyshlennykh robotov: obzor rynka robototekhniki v Rossii i mire* [Use of industrial robots: overview of the robotics market in Russia and the world]. [Online] Available from: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/ispolzovanie-promyshlennykh-robotov-obzor-rynka-robototekhniki-v-rossii-i-mire/?ysclid=lrn9gd7786573590876> (Accessed: 26.01.2024).
25. World's Top Exports. (2023) *Top Industrial Robots Exporters*. [Online] Available from: <https://www.worldstopexports.com/top-industrial-robots-exporters/> (Accessed: 26.01.2024).
26. Voenizdat. (1999, 2002) *Voennaya enciklopediya* [Military encyclopedia]. Vols 4, 6. Moscow: Voenizdat.
27. Gramsci, A. (1975–1977) *Quaderni del carcere*. Vols 2, 3. Torino: Giulio Einaudi editore.
28. Foucault, M. (2022) *Intellektualy i vlast'. Chast' 1. Stat'i i interv'yu 1970–1984* [Intellectuals and power. Part 1. Articles and interviews 1970–1984]. Moscow: Praksis.

Информация об авторе:

Рахманов А.Б. – д-р филос. наук, профессор кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.B. Rakhmanov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.09.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 19.09.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 001.89
doi: 10.17223/15617793/508/5

Основные характеристики публикационной активности российских исследователей медиа и коммуникации в 2017–2021 гг. в изданиях, индексируемых Web of Science

Игорь Владимирович Анисимов¹, Михаил Игоревич Макеенко², Наталия Дмитриевна Трищенко³

^{1, 2, 3} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ igor.anisimov@gmail.com

² makeenko.mikhail@smi.msu.ru

³ natahatri@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа характеристик публикационной активности российских исследователей в рамках всего спектра профильных тематик, относящихся к медиа и коммуникации. Выявлена значительная разница в характеристиках (количестве цитирований, типах доступа, участии в международных коллаборациях) между всеми статьями из базы (2 011 статей) и опубликованными в изданиях с импакт-фактором (221 статья). Самым значимым фактором повышения цитируемости публикаций отечественных авторов в рассмотренном периоде являлись международные коллаборации.

Ключевые слова: медиаисследования, Россия, международная интеграция, научная коммуникация, публикационная активность

Для цитирования: Анисимов И.В., Макеенко М.И., Трищенко Н.Д. Основные характеристики публикационной активности российских исследователей медиа и коммуникации в 2017–2021 гг. в изданиях, индексируемых Web of Science // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 47–55. doi: 10.17223/15617793/508/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/5

Main characteristics of publication activity of Russian researchers in media and communication from 2017 to 2021 in journals indexed by the Web of Science

Igor V. Anisimov¹, Mikhail I. Makeenko², Nataliia D. Trishchenko³

^{1, 2, 3} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹ igor.anisimov@gmail.com

² makeenko.mikhail@smi.msu.ru

³ natahatri@yandex.ru

Abstract. The primary source of data was the international bibliometric database Web of Science (WoS). We were specifically interested in publications by Russian researchers, so the basic selection criterion was the presence of "Russia" in the authors' affiliation field. To form the main database, two search queries were utilized: (1) "media or journalism or communication" within the "Communication" category; (2) "media or journalism or 'mass communication'" across 28 categories of the WoS social sciences block. The next step involved manual cleaning of the database, when duplicates and articles not matching our selected subject area were removed. After the removal of duplicates and manual screening for thematic relevance, the final database comprised 2011 publications. For a deeper understanding of the situation, a second database was formed with articles from journals that we arbitrarily labeled as "elite". All publications from the main database, as well as those indexed in the Emerging Sources Citation Index (ESCI), were excluded from the elite one. In total, 221 publications were included in the "elite" database. We observe a progressive growth in the number of publications by Russian researchers in journals indexed by WoS, with this growth appearing even more pronounced in the case of the "elite" database and Q1–Q2 journals than in the main database. Open access seemingly does not have a significant impact on the citation rates of articles by Russian researchers. However, it is possible that openly publishing a work in a subscription-based journal slightly increases the chances of obtaining additional citations. Nevertheless, such publications are scarce; predominantly, Russian articles in "top-tier" journals are accessible via subscription and are likely inaccessible to other domestic researchers. An intriguing finding is the difference in the role of universities at the national and international levels. Organizations that publish the most articles may be overlooked by foreign colleagues because mainly articles from Q1–Q2 journals are read and cited, while a significant portion of publications from these universities is found in Russian journals. Collaborations, as with many other "peripheral" countries, which Russia can be considered at least in the field of media and communication research, are extremely important

for domestic authors. In many cases, collaborations enable Russian scholars to publish in prestigious international journals and increase their visibility to foreign colleagues. The citation levels for articles from the main and "elite" databases are incomparable, once again demonstrating some detachment of Russian science from the international arena. The majority of articles are published in domestic journals and ESCI publications, hindering the increase in the visibility of Russian science at the international level, despite the formal presence of journals in the Web of Science.

Keywords: media studies, Russia, international integration, scientific communication, publication activity

For citation: Anisimov, I.V., Makeenko, M.I. & Trishchenko, N.D. (2024) Main characteristics of publication activity of Russian researchers in media and communication from 2017 to 2021 in journals indexed by the Web of Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 47–55. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/5

Введение

Прошрое десятилетие стало для российских исследователей периодом активных действий, связанных с попытками интеграции в международное научное пространство, что было обусловлено в первую очередь соответствующей государственной политикой¹. Задача повысить видимость отечественной науки решалась разными способами, и российскими исследователями было предпринято огромное количество разнообразных шагов к тому, чтобы стать ближе к международному научному сообществу. Некоторые из них были направлены на формальное решение поставленных задач и достижение необходимых статистических показателей, другие действительно способствовали более тесному сотрудничеству с зарубежными коллегами и качественному развитию отечественных научных журналов.

Представляется актуальной задача оценки результатов всех этих усилий, так как официальная отчетность не всегда и не в полной мере может отразить сложившуюся ситуацию. Кроме того, мало что достоверно известно об отдельных дисциплинах, а сфера медиа и коммуникаций интересна тем, что находится на стыке гуманитарных и социальных наук, т.е. в некоторой степени отражает ситуацию в обеих областях.

В рамках нашего исследования была проведена общая оценка проблемных с точки зрения международного интереса количественных показателей, которые отражают представленность отечественных исследований в международном научном пространстве, а также их видимость для зарубежных коллег.

Конечно, в последние годы российская научная политика значительно изменилась, тем не менее результаты анализа полученного ранее опыта могут быть полезны как для определения новых ориентиров для развития отечественной науки, так и для решения потенциальных задач по международной интеграции, в том числе с другими партнерами и в других контекстах. Кроме того, вопрос об эффектах публикации статей в зарубежных журналах по-прежнему остается актуальным для многих российских исследователей, так как далеко не все организации исключили показатели по публикациям в журналах, индексируемых Web of Science и Scopus, из своей системы отчетности.

Обзор литературы

Источником известной фразы «Publish or perish» называют книгу 1932 г. [1], однако до 1980-х гг. в большинстве стран формализованной оценке подвергались

только заявки на финансирование, а исследовательский процесс рассматривался как непредсказуемый и неопределенный [2]. С тех пор жизнь академических работников во всех странах значительно изменилась, а необходимость публиковаться стала подразумевать не относительно регулярную подготовку статей – может быть, раз в несколько лет, – а чуть ли не ежеквартальные (если не ежемесячные) публикации в изданиях разного уровня.

Последние два десятилетия научная политика большинства развитых и развивающихся стран была нацелена именно на увеличение показателей публикационной активности, причем в разных условиях аналогичные инициативы приводили к довольно разным результатам [2]. Наиболее яркий пример быстрого роста количества публикаций демонстрирует Китай, вложения которого в науку послужили очень значительному увеличению показателей – с 222 тыс. статей за 2013 г. до почти 756 тыс. за 2022 г.² Еще в 2009 г. 70% статей, опубликованных китайскими учеными в индексируемых WoS журналах, были написаны по результатам исследований, проведенных за счет грантового финансирования [3]. Среди стран БРИКС Китай демонстрирует наиболее убедительный рост, другие страны союза также стали гораздо более заметными на международном уровне, однако их результаты намного менее впечатляющие [4].

Вопросы публикационной активности заняли важное место в жизни исследователей, академических организаций и даже стран, поэтому неудивительно, что за последние два десятилетия было опубликовано множество статей с оценкой наукометрических показателей в рамках отдельных научных областей на национальном уровне, в том числе с привлечением междисциплинарного и межстранового сравнительного анализа [5]. Стоит отметить, что такого рода исследования зачастую дополнительно привлекают данные национальных или региональных электронных библиотек и проектов. В частности, в случае России ряд авторов комбинирует данные МНДБ с информацией из РИНЦ, при этом основное внимание в таких статьях уделяется сравнению показателей цитируемости статей российских исследователей и авторов из развитых стран Западной Европы и Северной Америки [6], а также импакт-факторов журналов [7] с неизменно неутешительными результатами в отношении отечественных публикаций. В случае зарубежных исследований такой базой часто становится платформа SciELO (Scientific Electronic Library Online) – крупнейшая база журналов

ибероамериканских стран [8] – и другие национальные и региональные индексы.

В то же время остается вопросом, насколько количественные показатели отражают качественные изменения. Исследователи не раз указывали на «побочные эффекты» научной политики, ориентированной на стимулирование публикационной активности [9]: вместо вдумчивой разработки исследовательской программы и погружения в предмет ученые вынуждены плодить столько публикаций, сколько они способны; остается все меньше времени на студентов и аспирантов; при выборе нового сотрудника предпочтение отдается тому, кто много публикуется, а не способному хорошо преподавать.

Постоянное давление ведет к тому, что исследователи все чаще прибегают к незитичным практикам: плагиату, дублирующим публикациям, подложным результатам исследований, «саями-слайсингу», приписыванию к статьям авторов, не имеющих отношения к исследованию, и т.д. [9] Еще одно последствие установок на публикацию во что бы то ни стало – более жесткая ориентация на рамки своей дисциплины и отказ от междисциплинарных исследований [10].

Одна из первых работ, посвященных проблеме влияния формальной системы оценки научной продуктивности, показывает на примере австралийских ученых, что первой реакцией на резкую «смену курса» становится публикация в низкорейтинговых изданиях с соответствующим снижением количества цитирований [11]. С формальной системой оценки связаны и проблемы мусорных журналов [12], а также низкого качества вузовских изданий, которые не обошли и Россию [13, 14].

Некоторые страны уже пытаются преодолеть этот комплекс проблем, так как для академического менеджмента становится очевидно, что ситуация выходит из-под контроля. Интересно, что в соответствии с последними изменениями научной политики Китая национальные институты больше не должны использовать количество публикаций в качестве основания для дополнительных выплат «в рамках новой национальной политики по сокращению порочных стимулов, которые побуждают ученых публиковать множество статей, а не концентрироваться на влиятельной и значимой [high-impact] работе» [15]. Кроме того, количество публикаций само по себе больше не должно служить основанием для приема на работу. В то же время пока не совсем понятно, как будет устроена система оценки, которая опирается на качественные показатели. Экспертиза не может быть эффективной без сильного научного сообщества, в котором статус эксперта можно получить только подтвердив его значимыми научными достижениями³. Если рецензенты предвзяты, экспертиза может оказаться еще менее надежным ориентиром, чем количественные показатели [16].

В качестве решения некоторые страны и отдельные организации делают упор на другой показатель научной активности – цитируемость публикаций. Предположительно, он более точно отражает «качество» научных статей, которое часто рассматривается в терминах «значимости» и «влияния» (impact).

Требование повышения цитируемости связаны с новыми задачами по повышению видимости исследований для международной аудитории. Помимо прочего, этому значительно способствуют проекты в международной коллаборации, которых стало значительно больше в период пандемии [17], хотя и на протяжении последних 30 лет количество «национальных» статей, т.е. за авторством ученых только из одной страны, в США и странах Западной Европы остается стабильным, а весь прирост обеспечивается за счет международных коллабораций [18]. Однако развивающиеся страны демонстрируют совсем другие подходы: в них растет именно доля «домашних» публикаций, что верно в том числе для Китая, который сейчас по публикационной активности практически вышел на уровень США.

В социальных науках еще с конца 1990-х гг. небольшие группы ученых потеснили отдельных авторов. В то же время, как указывают исследователи, хотя темп прироста публикаций разных групп авторов значительно различается, все-таки о сокращении самостоятельных публикаций речи не идет: так, в 1973 и 2009 гг. количество статей за авторством одного человека и небольшого исследовательского коллектива составило 73 035 и 110 785 статей и 208 917 и 825 956 соответственно [19].

В то же время по состоянию на 2011 г. только 16,4% статей в социальных науках были написаны в международной коллаборации, а представителями более двух стран – лишь 2,8% публикаций [20]. В соответствии с результатами некоторых исследований, для социальных наук (в цитируемой здесь работе – в отличие от биологии, химии и биохимии) увеличение количества коллаборирующих стран не коррелировало с увеличением цитируемости, в то время как увеличение количества авторов демонстрировало такую связь: наличие каждого дополнительного автора увеличивало среднее количество цитирований на 2,9% [21].

За последнее десятилетие российские исследователи добились определенных публикационных успехов в ряде научных областей, однако их вряд ли достаточно для того, чтобы занять лидерскую позицию на международном уровне [22]. По данным за период с 1993 по 2019 г., аналогично многим другим странам постсоветского пространства, в России авторы из университетов участвуют более чем в половине научных публикаций, а около 45% публикаций сделано в журналах с очень низким импакт-фактором, что частично объясняется тенденцией к публикации в отечественных журналах, индексируемых в WoS [23].

В числе других изменений: интенсификация сотрудничества друг с другом университетов – участников «Проекта 5–100», усиление связей с институтами Российской академии наук, а также увеличение количества проектов в международной коллаборации [24]. В результате значительно размылось разделение между университетской и академической наукой, которое исторически было в России довольно заметным.

Что касается интересующей нас области изучения медиа и коммуникации, то исследований, посвящен-

ных ситуации в этой группе дисциплин, на данный момент крайне мало. Единственной похожей работой, привлекающей данные WoS, является статья, посвященная изучению публикационной активности российских исследователей медиа и коммуникации [25]. Однако указанное исследование основывается лишь на небольшом массиве статей из категории Communication, что не позволяет делать выводы в отношении всей специальности. Задачи нашего исследования состояли в том, чтобы:

- оценить публикационную активность российских авторов и ведущих академических организаций по всему спектру профильных тематик за период с 2017 по 2021 г. (см. раздел «Методика исследования»);

- выявить различия в характеристиках публикационной активности, связанных со статусом журналов, типами доступа и участием отечественных авторов в международных коллаборациях.

Методика исследования

Основным источником данных в рамках нашего исследования стала международная наукометрическая база Web of Science. Так как нас интересовали результаты реализации системы мер, направленных на повышение видимости отечественных исследований на международном уровне, данные были взяты за 2017–2021 гг. Выбор именно этого периода обоснован тем, что к 2017 г. прошло уже 5 лет после «майских указов», т.е. у сотрудников и администрации университетов было достаточно времени, чтобы адаптироваться к новым условиям и выстроить деятельность соответствующим образом. Кроме того, именно с 2017–2018 гг. в международных наукометрических базах начали индексироваться отечественные журналы по медиа и коммуникации. Для нас представляли интерес публикации отечественных исследователей, поэтому базовым критерием отбора было значение «Russia» в графе со страной аффилиации авторов.

Для формирования основной базы было использовано два поисковых запроса:

- «media or journalism or communication» в рамках категории «Communication» (в результате получена 881 публикация);

- «media or journalism or mass communication» в рамках 28 категорий WoS социологико-гуманитарного блока (в результате получено 2 140 публикаций).

После этого две базы были объединены, затем из получившегося массива были убраны все дублирующиеся статьи.

Следующим этапом стала ручная чистка базы, в рамках которой из нее также были удалены статьи, по тематике не соответствующие выбранной нами предметной области (ключевые слова упоминались в аннотации, но не были связаны с содержанием статьи, в статьях рассматривалась межличностная коммуникация, технические аспекты телекоммуникаций и т.п.). Итоговая база после удаления дублей и ручного отсева статей по тематике составила 2 011 публикаций, включая как статьи в журналах, так и главы из книг.

Для более глубокого понимания ситуации была сформирована вторая база со статьями из журналов, которые мы условно обозначили как «элитные». Из нее были исключены все издания, упомянутые в предыдущем абзаце, а также индексируемые в Emerging Sources Citation Index (ESCI).

В итоге базу «элитных» статей составили следующие публикации:

- статьи из зарубежных журналов, которые отнесены к какому-либо квартилю⁴ (т.е. входящие в индексы SSCI, AHCI) – всего 193;

- главы из книг (BKCI-SSH) – всего 28.

Таким образом, всего в «элитную» базу вошла 221 публикация. Для простоты в дальнейшем слово «публикация» и «статья» мы будем считать синонимами, причислив к статьям и главы из книг, так как в рамках нашего исследования тип издания, в котором размещена публикация, не принципиален.

Результаты исследования

Для оценки динамики развития публикационной активности мы обратились в том числе к наиболее часто рассматриваемым в рамках подобных исследований показателям – количеству публикаций по годам. На протяжении всего выбранного периода мы можем наблюдать поступательный рост количества публикаций российских авторов (табл. 1).

Рост этот обеспечен не только увеличением количества статей в российских изданиях, индексируемых WoS, но и в принципе несколько более высокой публикационной активностью на международном уровне. В то же время нужно учитывать, что публикации в изданиях из классических индексов WoS по-прежнему остаются нечастым явлением – в 2021 г. 66 статей опубликовали все российские исследователи, которые занимаются медиа и коммуникацией. И, конечно, основная доля публикаций – 85% – приходится на отечественные либо аффилированные издания или же те, которые индексируются только в ESCI.

Мы также обратились к данным о том, в каком правовом статусе публикуются статьи, и попробовали определить, какое влияние в нашей выборке открытый доступ оказывает на цитируемость (табл. 2).

Цифры, которые мы видим в таблице, в целом соответствуют результатам предыдущих исследований: вопрос в первую очередь не в типе доступа, а в статусе журнала и возможности для цитирующих авторов раньше прочитать статью – именно поэтому гибридные журналы (как правило, более статусные, чем золотые) и статьи, для которых препринты были размещены открыто еще до выхода финальной публикации, цитируются значительно чаще. В то же время важно понимать, что почти половина статей из нашей выборки доступна только по подписке, т.е., вероятно, к значительной части публикаций доступ для российских коллег ограничен.

Основная активность отечественных исследователей направлена преимущественно на российские журналы, которые не входят в «элитную» базу (табл. 3, 4).

Таблица 1

Динамика количества публикаций российских исследователей медиа и коммуникации в журналах, индексируемых Web of Science, по годам (2017–2021)

Год	Основная база	Элитная база		Q1-Q2	
		Кол-во	Доля от основной, %	Кол-во	Доля от основной, %
2017	281	23	8	15	5
2018	362	31	9	23	6
2019	448	39	9	28	6
2020	474	62	13	43	9
2021	446	66	15	52	12
Всего	2011	221	11	161	8

Таблица 2

Среднее количество цитирований на статью в соответствии с типом доступа (основная база, данные WoS)

Тип доступа (WoS)	Кол-во статей	Кол-во цитирований	Ср. кол-во цитирований
N/A	884	1 125	1,273
Gold	770	673	0,874
Bronze	286	416	1,455
Green	45	145	3,222
Hybrid	26	86	3,308
Всего	2011	2445	1,216

Таблица 3

Топ-15 университетов по количеству публикаций в обеих базах

Основная база		Элитная база	
Аффилиация	Кол-во статей	Аффилиация	Кол-во статей
МГУ	441	НИУ ВШЭ	69
СПбГУ	270	СПбГУ	44
КФУ	222	МГУ	22
НИУ ВШЭ	178	РЭУ им. Г.В. Плеханова	10
РАН	150	МГМУ им. И.М. Сеченова	7
РУДН	148	УрФУ	6
Ростовский экономический ун-т	99	РАНХиГС	5
БелГУ	97	РАН	5
Байкальский госуниверситет	58	ЮУГУ	4
УрФУ	51	ТомГУ	4
ТомГУ	51	Мурманский госуниверситет	4
ЮФУ	39	РУДН	4
РГСУ	38	КФУ	3
ВолГУ	36	САФУ	3
РЭУ им. Г. В. Плеханова	29	Тамбовский госуниверситет	3
Иркутский госуниверситет	28	РГСУ	3
Финуниверситет	28	РГГУ	3
РАНХиГС	26	Другие	<3

Таблица 4

Доля публикаций в «элитной» базе от основной по университетам

Университет	Кол-во публ. в основной базе	Кол-во публ. в элитной базе	Доля публ. в элитной базе, %
МГУ	441	22	5
СПбГУ	270	44	16
КФУ	222	3	1
НИУ ВШЭ	178	69	39
РАН	150	5	3
РУДН	148	4	3
УрФУ	51	6	12
ТомГУ	51	4	8
РГСУ	38	3	8
РЭУ	29	10	34
РАНХиГС	26	5	19
Всего	1604	175	11

Если считать университеты, сотрудники которых опубликовали хотя бы 30 статей, вошедших в нашу выборку, среди них есть только один, где доля публикаций в «элитной» базе превышает (немногим) треть ото всех публикаций, лишь еще в одном случае доля таких статей превышает 15%.

Значительная разница наблюдается и на уровне авторов: из топ-5 авторов по количеству публикаций по всей базе ни один не входит даже в топ-20 по «элитной» базе. Таким образом, на международном уровне оценка значимости тех или иных российских университетов может значительно отличаться от

оценки в рамках национального контекста. При этом такие различия совсем не обязательно характеризуют качество статей и могут объясняться в том числе доступностью журналов университета для публикации работ сотрудников – в этом случае публикация статей в зарубежных изданиях может представляться слишком трудозатратной и необоснованной.

Еще одним маркером интеграции служит количество статей, написанных в коллаборации с зарубежными коллегами (табл. 5), – таким образом мы можем определить наиболее частые и продуктивные партнерства.

Мы видим, что основная доля коллабораций приходится на Запад – Западную Европу, Великобританию, Северную Америку. Интересно также, что в основной базе представлена довольно значительная доля статей в соавторстве с учеными из Азии, хотя в «элитной» базе мы этого не видим. По-видимому, результаты этого сотрудничества публикуются преимущественно в отечественных журналах или изданиях без кватили. Аналогичные показатели мы видим и в отношении Китая.

Несколько уточнить данные помогает уход от географического измерения и рассмотрение ситуации через призму исследовательских культур (табл. 6).

Таблица 5

Распределение статей, написанных в коллаборации, по группе страны аффилиации соавтора (разделение на группы по географическому признаку)

Группа стран	Основная база			Элитной база		
	Кол-во	Доля от статей в коллаб., %	Доля от всех статей, %	Кол-во	Доля от статей в коллаб., %	Доля от всех статей, %
Западная Европа, Великобритания и Австралия	62	38	3	34	39	15
Мультистрановые коллаборации	31	19	2	25	28	11
Восточная Европа	17	10	1	9	10	4
Азия, кроме Китая	14	9	1	3	3	1
США и Канада	14	9	1	11	13	5
Китай	10	6	0	2	2	1
СНГ	10	6	0	1	1	0
Ближний Восток	3	2	0	1	1	0
Южная Америка	3	2	0	2	2	1
Всего	164	100	8	88	100	40

Таблица 6

Распределение статей, написанных в коллаборации, по группе страны аффилиации соавтора (разделение на группы стран по типу исследовательской культуры)

Группа стран	Основная база			Элитная база		
	Кол-во	Доля от статей в коллаб., %	Доля от всех статей, %	Кол-во	Доля от статей в коллаб., %	Доля от всех статей, %
Запад	84	51	4	50	57	23
Мультистрановые коллаборации	26	16	1	20	23	9
Восточная Европа	17	10	1	9	10	4
Азия (кроме Китая) и Ближний Восток	14	9	1	4	5	2
СНГ	10	6	0	1	1	0
Китай	10	6	0	2	2	1
Южная Америка	3	2	0	2	2	1
Всего	164	100	8	88	100	40

В данном случае мы отнесли к «Западу» США, Западную Европу, Израиль, Японию, Канаду, Сингапур и Южную Корею. Мы видим, что к этой группе относится более половины статей. Если суммировать долю с мультистрановыми коллаборациями, то уже 80% статей можно считать связанными с этой группой стран.

При этом всего около 8% статей в основной базе написаны в коллаборации, а в «элитной» базе – около 40%.

Это, с одной стороны, согласуется с описанным в литературе трендом на коллаборативные проекты, с другой стороны, в некоторой степени объясняет, почему статьям в отечественных изданиях уделяется так мало внимания со стороны зарубежных исследователей, по сравнению с публикациями из «элитной» базы.

Если ориентироваться на количество статей, можно сказать, что российская наука гораздо более широко представлена в международных базах, чем еще 10 лет назад, однако сам по себе этот показатель мало информативен. Гораздо полнее степень интеграции отечественной науки в международную отражает количество цитирований. Как мы видим, оно остается относительно стабильным год от года (табл. 7) – как и количество цитируемых статей, хотя абсолютные показатели публикационной активности поступательно растут и было бы логично ожидать некоторого накопительного эффекта.

Ситуация с «элитной» базой в целом аналогична основной, но, как мы можем видеть, на статьи из нее приходится почти половина цитирований, хотя общий

объем базы почти в 10 раз меньше. Кроме того, значительно различается и доля статей, получивших хотя бы

одно цитирование. Для основной базы это 25%, а для «элитной» – 52%.

Таблица 7

Распределение статей, процитированных хотя бы раз (по данным Web of Science), по годам (основная и «элитная» базы)

Год	Основная база		Элитная база	
	Статей всего	Цитирований всего	Статей всего	Цитирований всего
2017	98	289	15	103
2018	106	316	20	157
2019	124	329	23	127
2020	118	341	32	172
2021	63	123	26	70
Всего	509	1 398	116	629

Заключение и дискуссия

Таким образом, в анализируемом периоде мы можем говорить о поступательном росте количества публикаций российских исследователей в журналах, индексируемых WoS, причем в случае с «элитной» базой и Q1–Q2 этот рост выглядит даже более уверенным, чем в случае с основной базой.

Открытый доступ, по-видимому, вряд ли оказывает значительное влияние на цитируемость статей российских исследователей, хотя, возможно, открытая публикация работы в подписном журнале, несколько увеличивает шансы на получение дополнительных ссылок. В то же время таких публикаций крайне мало, в основном российские статьи в «топовых» журналах доступны по подписке и, весьма вероятно, закрыты сейчас для других отечественных исследователей.

Интересным открытием стало то, как в рассматриваемом периоде различается роль университетов на национальном и международном уровне – организации, которые производят наибольшее количество статей, могут выпадать из поля зрения зарубежных коллег в связи с тем, что читаются и цитируются в основном статьи из журналов Q1–Q2, в то время как значительная доля публикаций таких университетов приходится на российские журналы.

Коллаборации, как и в случае многих других «периферийных» стран, к которым можно отнести Россию как минимум в сфере исследований медиа и коммуникации, оказались крайне важны для отечественных авторов: во многих случаях, по-видимому, именно они делают возможной для российских ученых публикацию в престижных международных журналах, а также их видимость для зарубежных коллег.

Уровень цитируемости для статей из основной и «элитной» не сопоставим, что в очередной раз демонстрирует некоторую оторванность российской науки от международной. Основная доля статей приходится именно на отечественные журналы, а также издания из ESCI, что препятствует повышению видимости российской науки на международном уровне, несмотря на формальное присутствие журналов в Web of Science.

Возможно, в дальнейших публикации в Web of Science и Scopus уже не будут ориентирами для российских исследователей, однако это не исключает потенциальной интеграции в другие международные научные «пространства» уже с новыми стратегическими партнерами. Накопленный за последние десятилетия опыт может быть полезным для формирования более эффективных стратегий повышения «видимости» отечественной науки и организации взаимодействия с зарубежными коллегами, чем те, которые использовались для выполнения «майских указов» 2012 г.

Примечания

¹ Эта активность стала результатом в первую очередь «майских указов», для реализации которых в дальнейшем был запущен ряд государственных проектов, в том числе «Проект 5–100». См.: Указ президента РФ № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». 2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15236> (дата обращения: 20.10.2023).

² The annual G20 scorecard. Research performance 2023. URL: <https://clarivate.com/the-institute-for-scientific-information/2023-g20-scorecard/> (дата обращения: 20.10.2023).

³ Гельман В. Не квартилем единым // Троицкий вариант. 2020. 20 октября. URL: <https://trv-science.ru/2020/10/ne-kvartilem-edinyim/> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴ Данные о квартилях взяты из базы данных Scimago за 2021 г.

Список источников

1. Archibald Cary Coolidge: Life and Letters / ed. by H.J. Coolidge. United States : Books for Libraries, 1932.
2. Adams J., Beardsley R., Bornmann L., Grant J., Szomszor M., Williams K. Global Research Report. Research assessment: Origins, evolution, outcomes. What have assessment initiatives achieved? // Institute for Scientific Information. 2022. URL: https://clarivate.com/wp-content/uploads/dlm_uploads/2022/10/ISI-Research-Assessment-Report.pdf (дата обращения: 20.10.2023).
3. Wang X., Liu D., Ding K., Wang X. Science funding and research output: a study on 10 countries // Scientometrics. 2012. Vol. 91. P. 591–599. doi: 10.1007/s11192-011-0576-6
4. Shashnov S., Kotsemir M. Research landscape of the BRICS countries: current trends in research output, thematic structures of publications, and the relative influence of partners // Scientometrics. 2018. Vol. 117. P. 1115–1155. doi: 10.1007/s11192-018-2883-7
5. Zhang L., Shang Y., Huang Y., Sivertsen G. Toward internationalization: A bibliometric analysis of the social sciences in Mainland China from 1979 to 2018 // Quantitative Science Studies. 2021. Vol. 2, № 1. P. 376–408. doi: 10.1162/qss_a_00102
6. Кирчик О.И. «Незаметная» наука: паттерны интернационализации российских научных публикаций // Форсайт. 2011. Т. 5, № 3. С. 34–42.

7. Михайлов О.В. Цитируемость и библиометрические показатели российских ученых и научных журналов // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2017. № 3 (33). С. 152–170.
8. Meneghini R., Mugnaini R., Packer A.L. International versus national oriented Brazilian scientific journals. A scientometric analysis based on Scielo and JCR-ISI databases // *Scientometrics*. 2006. Vol. 69, № 3. P. 529–538. URL: <https://akjournals.com/view/journals/11192/69/3/article-p529.xml> (дата обращения: 20.10.2023).
9. Rawat S., Meena S. Publish or perish: Where are we heading? // *Journal of Research in Medical Sciences*. 2014. Vol. 19, № 2. P. 87–89. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3999612/> (дата обращения: 20.10.2023).
10. Van Dalen H. P., Henkens K. Intended and unintended consequences of a publish-or-perish culture: A worldwide survey // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2012. Vol. 7, № 63. doi: 10.1002/asi.22636
11. Butler L. Modifying Publication Practices in Response to Funding Formulas // *Research Evaluation*. 2003. Vol. 1, № 12. P. 39–46. doi: 10.3152/147154403781776780
12. Beall J. Predatory publishers are corrupting open access // *Nature*. 2012. Vol. 489. Art. 179. doi: 10.1038/489179a
13. Губа К.С. Ресурсная зависимость научных журналов: авторские vs читательские журналы // *Экономическая социология*. 2018. № 4. С. 73–100. doi: 10.17323/1726-3247-2018-4-73-100
14. Sokolov M. Can the Russian Research Policy be Called Neo-Liberal? A Study in the Comparative Sociology of Quantification // *Europe-Asia Studies*. 2021. Vol. 6, № 73. P. 989–1009. doi: 10.1080/09668136.2021.1902945
15. Mallapaty S. China bans cash rewards for publishing papers // *Nature*. 2020. Vol. 579. doi: 10.1038/d41586-020-00574-8
16. Li D., Agha L. Big Names or Big Ideas: Do Peer-Review Panels Select the Best Science Proposals? // *Science*. 2015. Vol. 6233, № 348. P. 434–438. doi: 10/f69j3s
17. Grammes N., Millenaar D., Fehlmann T., Kern F., Böhm M., Mahfoud F., Keller A. Research Output and International Cooperation Among Countries During the COVID-19 Pandemic: Scientometric Analysis // *The Journal of Medical Internet Research*. 2020. Vol. 22, № 12. Art. no. e24514. doi: 10.2196/24514
18. Adams J. The fourth age of research // *Nature*. 2013. Vol. 497. P. 557–560. doi: 10.1038/497557a
19. Hsiehchen D., Espinoza M., Hsieh A. Multinational teams and diseconomies of scale in collaborative research // *Science Advances*. 2015. Vol. 1. Art. no. e1500211. doi:10.1126/sciadv.1500211
20. Larivière V., Gingras Y., Sugimoto C.R., Tsou A. Team size matters: Collaboration and scientific impact since 1900 // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2015. Vol. 66, № 7. P. 1323–1332.
21. Didegah F., Thelwall M. Which factors help authors produce the highest impact research? Collaboration, journal and document properties // *Journal of Informetrics*. 2013. Vol. 7, № 4. P. 861–873. doi: 10.1016/j.jebo.2023.11.016
22. Avanesova A.A., Shamlivan T.A. Comparative trends in research performance of the Russian universities // *Scientometrics*. 2018. Vol. 116. P. 2019–2052. doi: 10.1007/s11192-018-2807-6
23. Chankseliani M., Lovakov A., Pisyakov V. A big picture: bibliometric study of academic publications from post-Soviet countries // *Scientometrics*. 2021. Vol. 126. P. 8701–8730. doi: 10.1007/s11192-021-04124-5
24. Poldin O., Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M. Publication Activities of Russian Universities: The Effects of Project 5–100 // *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies*. 2017. № 2. P. 10–35. doi: 10.17323/1814-9545-2017-2-10-35
25. Anisimov I., Vyrkovsky A., Zuykina K., Razumova D., Trishchenko N. Domestic scientific media discourse in academic journals: Structural analysis // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2023. Vol. 2. P. 64–85. doi: 10.30547/worldofmedia.2.2023.4

References

1. Coolidge, H.J. (ed.) (1932) *Archibald Cary Coolidge: Life and Letters*. New York: Books for Libraries.
2. Adams, J. et al. (2022) *Global Research Report. Research assessment: Origins, evolution, outcomes. What have assessment initiatives achieved?* Institute for Scientific Information. [Online] Available from: https://clarivate.com/wp-content/uploads/dlm_uploads/2022/10/ISI-Research-Assessment-Report.pdf (Accessed: 20.10.2023).
3. Wang, X., Liu, D., Ding, K. & Wang, X. (2012) Science funding and research output: A study on 10 countries. *Scientometrics*. 91. pp. 591–599. doi:10.1007/s11192-011-0576-6
4. Shashnov, S. & Kotsemir, M. (2018) Research landscape of the BRICS countries: Current trends in research output, thematic structures of publications, and the relative influence of partners. *Scientometrics*. 117. pp. 1115–1155. doi:10.1007/s11192-018-2883-7
5. Zhang, L., Shang, Y., Huang, Y. & Sivertsen, G. (2021) Toward internationalization: A bibliometric analysis of the social sciences in Mainland China from 1979 to 2018. *Quantitative Science Studies*. 2 (1). pp. 376–408. doi:10.1162/qss_a_00102
6. Kirchik, O.I. (2011) "Unnoticeable" science: Patterns of internationalization of Russian scientific publications. *Forsait*. 5 (3). pp. 34–42. (In Russian).
7. Mikhailov, O.V. (2017) Citations and bibliometric indicators of Russian scientists and scientific journals. *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kollektivov*. 3 (33). pp. 152–170. (In Russian).
8. Meneghini, R., Mugnaini, R. & Packer, A.L. (2006) International versus national oriented Brazilian scientific journals. A scientometric analysis based on Scielo and JCR-ISI databases. *Scientometrics*. 69 (3). pp. 529–538. [Online] Available from: <https://akjournals.com/view/journals/11192/69/3/article-p529.xml> (Accessed: 20.10.2023).
9. Rawat, S. & Meena, S. (2014) Publish or perish: Where are we heading? *Journal of Research in Medical Sciences*. 19 (2). pp. 87–89. [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3999612/> (Accessed: 20.10.2023).
10. Van Dalen, H.P. & Henkens, K. (2012) Intended and unintended consequences of a publish-or-perish culture: A worldwide survey. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 7 (63). doi:10.1002/asi.22636
11. Butler, L. (2003) Modifying publication practices in response to funding formulas. *Research Evaluation*. 1 (12). pp. 39–46. doi:10.3152/147154403781776780
12. Beall, J. (2012) Predatory publishers are corrupting open access. *Nature*. 489. Art. 179. doi:10.1038/489179a
13. Guba, K.S. (2018) Resource dependence of scientific journals: Author-oriented vs reader-oriented journals. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 4. pp. 73–100. (In Russian). doi:10.17323/1726-3247-2018-4-73-100
14. Sokolov, M. (2021) Can the Russian research policy be called neo-liberal? A study in the comparative sociology of quantification. *Europe-Asia Studies*. 6 (73). pp. 989–1009. doi:10.1080/09668136.2021.1902945
15. Mallapaty, S. (2020) China bans cash rewards for publishing papers. *Nature*. 579. doi:10.1038/d41586-020-00574-8
16. Li, D. & Agha, L. (2015) Big names or big ideas: Do peer-review panels select the best science proposals? *Science*. 6233 (348). pp. 434–438. doi:10/f69j3s
17. Grammes, N. et al. (2020) Research output and international cooperation among countries during the COVID-19 pandemic: Scientometric analysis. *The Journal of Medical Internet Research*. 22 (12). Art. no. e24514. doi:10.2196/24514
18. Adams, J. (2013) The fourth age of research. *Nature*. 497. pp. 557–560. doi:10.1038/497557a
19. Hsiehchen, D., Espinoza, M. & Hsieh, A. (2015) Multinational teams and diseconomies of scale in collaborative research. *Science Advances*. 1. Art. no. e1500211. doi:10.1126/sciadv.1500211
20. Larivière, V., Gingras, Y., Sugimoto, C.R. & Tsou, A. (2015) Team size matters: Collaboration and scientific impact since 1900. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 66 (7). pp. 1323–1332.

21. Didegah, F. & Thelwall, M. (2013) Which factors help authors produce the highest impact research? Collaboration, journal and document properties. *Journal of Informetrics*. 7 (4). pp. 861–873. doi:10.1016/j.jebo.2023.11.016
22. Avanesova, A.A. & Shamliyan, T.A. (2018) Comparative trends in research performance of the Russian universities. *Scientometrics*. 116. pp. 2019–2052. doi:10.1007/s11192-018-2807-6
23. Chankseliani, M., Lovakov, A. & Pisyakov, V. (2021) A big picture: Bibliometric study of academic publications from post-Soviet countries. *Scientometrics*. 126. pp. 8701–8730. doi:10.1007/s11192-021-04124-5
24. Poldin, O., Matveeva, N., Sterligov, I. & Yudkevich, M. (2017) Publication activities of Russian universities: The effects of Project 5–100. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies*. 2. pp. 10–35. doi:10.17323/1814-9545-2017-2-10-35
25. Anisimov, I. et al. (2023) Domestic scientific media discourse in academic journals: Structural analysis. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2. pp. 64–85. doi:10.30547/worldofmedia.2.2023.4

Информация об авторах:

Анисимов И.В. – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры фотожурналистики и технологий СМИ Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: igor.anisimov@gmail.com

Макеенко М.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: makeenko.mikhail@smi.msu.ru

Трищенко Н.Д. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник кафедры новых медиа и теории коммуникации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: natahatri@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Anisimov, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: igor.anisimov@gmail.com

M.I. Makeenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: makeenko.mikhail@smi.msu.ru

N.D. Trishchenko, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: natahatri@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2024;
одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 25.03.2024;
approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 811.512.141'42
doi: 10.17223/15617793/508/6

Кодовые переключения и русизмы в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка

Мадина Раилевна Валиева¹, Лилия Айсовна Бускунбаева²

^{1,2} Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Россия

¹ valieva_1979@list.ru

² buskl@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается специфика употребления кодовых переключений и русизмов в разговорной речи носителей караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка. В качестве материала для исследования были использованы транскрибированные аудиозаписи, собранные во время экспедиции в Караидельский район Республики Башкортостан с целью изучения современного состояния говора и анализа кодовых переключений в диалектных дискурсах. Анализ аудиозаписей позволяет на конкретных примерах выявлять функции, семантику иноязычной лексики, которые присущи речи билингва.

Ключевые слова: кодовое переключение, русизм, живая речь, части речи, башкирский язык, гостевой язык, матричный язык, диалект, говор

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-01343, <https://rscf.ru/project/23-28-01343>

Для цитирования: Валиева М.Р., Бускунбаева Л.А. Кодовые переключения и русизмы в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 56–64. doi: 10.17223/15617793/508/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/6

Code-switching in the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language

Madina R. Valieva¹, Liliya A. Buskunbaeva²

^{1,2} Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

¹ valieva_1979@list.ru

² buskl@yandex.ru

Abstract. The article examines the specifics of the use of code-switching in the colloquial speech of speakers of the Karaidel dialect of the northwestern dialect of the Bashkir language. The material for the study was transcribed audio recordings collected during an expedition to the Karaidel region of the Republic of Bashkortostan in order to study the current state of this dialect and analyze code-switching in dialect discourses. Analysis of audio recordings with samples of dialect speech with rich everyday vocabulary makes it possible, using specific examples, to identify the functions, semantics and causes of code-switching that are inherent in the speech of a bilingual, i.e., a speaker of the dialect form of the native Bashkir language and the guest language, Russian, which is the main instrument of interethnic communication and learning. Informants use code-switching (CS) to clarify and specify the meaning of a certain word or expression; therefore, in live speech they often act as equivalents of lexemes of the matrix (native) language. The structure of CS from the point of view of part-time affiliation is diverse. In the dialect, CS is predominantly represented by function words, nouns, adverbs and whole sentences. The authors note that CS, that is, the speaker's transition from one language to another (guest) language during communication, is inextricably linked with the phenomenon of mass bilingualism, which has become widespread in the Republic of Bashkortostan, where the Russian language acts as the main intermediary language serving the multinational population of the republic. This phenomenon is associated with such basic social factors as the language environment, the situation, the topic of conversation, as well as the learning and thinking of a person in a particular society. The use of CS and the reason for its functioning in the speech of native speakers is the lack of precise lexical means for expressing thoughts or concepts in the matrix language. The active use of CS is observed instead of function words that have been included in the Bashkir language since time immemorial from Arabic and Persian languages. Conjunctions, particles, adverbs of Arabic and Persian origin are gradually becoming historicisms or the style of official writing, the language of the media, yielding their roles to elements of the Russian language in the living speech of dialect speakers. Analyzing more than 150 oral texts of the Karaidel dialect of the northwestern dialect of the Bashkir language, the authors revealed that CS is observed in nouns denoting the names of the days of the week, professionalisms, terms of consumer services, numerals, adverbs and function words of the guest

language. Based on the recorded examples, the main factors in the emergence of CS units and the criteria for their separation from calque expressions and borrowed words were described.

Keywords: code-switching, live speech, parts of speech, Bashkir language, guest language, matrix language, dialect, patois

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01343, <https://rscf.ru/project/23-28-01343>

For citation: Valieva, M.R. & Buskunbaeva, L.A. (2024) Code-switching in the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 56–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/6

Введение

В последние годы наблюдается интенсивное проникновение русизмов в устную речь башкир. Данное явление обусловлено тем, что вся социализация личности проходит в русскоговорящем социуме, в то время как родной башкирский язык преимущественно применяется в кругу семьи, друзей и знакомых. В качестве языка обучения также выступает русский язык. Следовательно, большинство интернациональных слов и неологизмов, связанных с интенсивным научно-техническим прогрессом в области IT и других сферах жизнедеятельности человека, не имеющих лексического эквивалента в родном языке, вошли в башкирский язык в результате различных языковых контактов и активного взаимообогащения культур.

На тесное взаимодействие башкирского языка с русским и на необходимость изучения данного явления впервые обратил внимание Н.К. Дмитриев. В 1928 г. во время работы в составе лингвистико-фольклорного научного отряда Башкирской комплексной экспедиции Академии наук СССР он зафиксировал большое количество русизмов в живой разговорной речи зауральских башкир. Глоссарий русизмов, составленный ученым в результате экспедиции, содержит 394 глоссы [1. С. 73].

К сегодняшнему дню издан ряд исследований, посвященных лексике, заимствованной башкирским языком в процессе обиходно-бытового и делового общения русскоязычным населением. Например, в трудах Т.М. Гарипова с соавт. [2], Дж.Г. Кисебаева [3], Р.Н. Тергуловой [4], Ф.Р. Фатхуллиной [5], Ф.Г. Хисамитдиновой [6] русизмы рассматриваются в функционально-когнитивном и лексико-фонетическом аспектах. Исследования по данному направлению в башкирской лингвистике, в основе которых – выявление связи исконного слова и заимствования, выяснение причин фонетической адаптации иноязычной лексики в разговорной речи башкир, установление основных путей проникновения иноязычных лексических единиц в фольклорные и диалектные тексты, продолжаются [7, 8].

Следует отметить, что первые русизмы начали проникать в башкирский язык после вхождения башкирских племен в состав Российского государства, когда начинается регулярная военная служба башкирских войск в составе русской армии и древнетюркская военная лексика заменяется русскими терминами. В лексику башкирского языка также вошли заимствования, связанные с горнозаводской промышленностью на

Южном Урале и в Зауралье в период строительства заводов в местах, богатых залежами руды и полезными ископаемыми. В целом обмен социально-экономическими, культурными реалиями и простое бытовое общение стали основными причинами появления заимствованных слов, которые, в свою очередь, подвергались значительным фонетическим изменениям в соответствии с законами фонологической системы башкирского языка. Некоторые русизмы полностью адаптированы к звуковой модели исконной лексики и зафиксированы в словарях, фольклорных материалах согласно орфоэпическим законам живого общенародного языка: *урэтник* – *урядник*, *дисэтник* – *десятник*, *халдат* – *солдат*, *эфисэр* – *офицер* и т.п. [7. С. 62].

Миграционные потоки русских на территорию башкирского края были разными по масштабам и определялись социально-экономическими задачами Российского государства. В 1586 г. практически в центре Приуральской Башкирии построена Уфа, ставшая опорным пунктом в продвижении русских на восток и закрепившая положение башкирских племен в составе Российского государства. Так, в процессе длительного взаимодействия русский язык сыграл огромную роль в обогащении словарного состава башкирского языка. Например, материал «Словаря ранних русских заимствований башкирского языка» дает представление об основных моментах русско-башкирских языковых контактов и причинах появления ранних русизмов, их фонетической адаптации в системе исконной лексики: *элэукэ* ‘лавка’, *өстэл* ‘стол’, *кеүэшинэ* ‘квашня’, *бүрэнэ* ‘бревно’ и т.п. [9]. Из русского языка преимущественно заимствовались слова для новых понятий и предметов, не имеющих названий в башкирском языке.

Помимо заимствованной лексики в башкирской разговорной речи наблюдается большое количество кодовых переключений (*далее* – КП), которые часто имеют соответствующие эквиваленты в родном языке. В связи с этим возникает необходимость исследования основных различий КП от заимствованных слов.

Термин *кодовое переключение* (или *смешение кодов*) в языкознании представляет собой спонтанное переключение говорящего с одного языка на другой или диалект в процессе коммуникации. По структуре КП могут быть представлены как отдельными словами, относящимися к различным частям речи (глагол, существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие или служебные слова), так и словосочетаниями и даже целыми предложениями. В рамках контактной лингвистики были сформулированы обще-

методологические вопросы КП в работах таких зарубежных ученых, как У. Вайнрайх [10], К. Майерс-Скоттон [11, 12], Е.А. Моравчик [13], Р. Аппель, П. Мейсен [14]. В последние годы отечественные лингвисты Л.П. Крысин [15], М.Г. Исаева [16], Г.Н. Чиршева [17] активно включились в изучение данной проблемы. В своих работах они отмечают, что в коммуникативном акте носители все чаще употребляют в родной речи иноязычные элементы. В башкирской лингвистике переключение языковых кодов является одной из малоизученных и актуальных проблем, требующих подробного описания и анализа. В рамках данного исследования сделана попытка описания специфики и причин появления КП в бытовой речи носителей караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка.

Материалы и методы исследования

Основным языковым материалом при анализе КП служат образцы устной речи как наиболее естественная форма реализации языковой системы в коммуникативном процессе. Для описания КП используются транскрибированные тексты живой речи носителей караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка, собранные в ходе диалектологической экспедиции в 2023 г.

По географическому положению караидельский говор, существующий в устной форме, охватывает Аскинский и Караидельский районы, расположенные на севере Республики Башкортостан. Носителями данного говора являются башкиры родов *балыксы* и *ун-нар*. Согласно «Итогам Всероссийской переписи населения – 2020 (табличный материал)», в Аскинском районе башкиры составляют 72,9%, русские – 10,8%, в Караидельском районе: башкиры – 49,6%, русские – 20,9% населения [18]. По некоторым данным этнографических исследований, предками русских северной части Республики Башкортостан и Пермского края были окающие и цокающие «выходцы Двины, Мезени, Пинеги, Выми, Вычегды, Сухоны, Печоры, Вологды и Вятки», в связи с этим бытовая лексика караидельского говора отражает сложные процессы межъязыковых контактов местных башкир и пришлых поморов, переселенцев с Русского Севера [19. С. 118].

Характерной чертой караидельского говора является лабиализация гласных и преимущественное употребление глухих согласных в начале слова и отсутствие сингармонизма. При глухом инициальном **п** и **т** говор полностью не исключает звонкие **б** и **д** в указанной позиции: *Ылба пөтерзек* (лит.) *бөтөрзөк* ‘дом достроили’; *бетепүле юрган – пөтүүле йурган* ‘одеяло, сшитое из треугольных лоскутков’; *ат тагалау* (лит.) *дагалау* ‘подковывать лошадь’. Среди немногочисленных морфологических различий с литературным языком наблюдаются такие характерные для говора морфологические показатели, как окончания множественного числа, которые имеют лишь два варианта (*-нар///-нәр* и *-лар///-ләр*) в отличие от литературной 4-вариантной аффиксации. После сонорных фонем **м**, **н**, **ң** присоеди-

няются аффиксы *-нар/-нәр*: *комнар* ‘пески’ лит. *ком-дар*, *көннәр* ‘дни’ лит. *көндәр*, *таңнар* ‘зори’ лит. *таңдар*, *өңнәр* ‘норы’ лит. *өңдәр*, после остальных согласных функционируют аффиксы *-лар///-ләр*: *казлар//казлар* ‘гуси’ лит. *каззар*, *айлар* ‘месяцы’ лит. *айзар*. За гласными прибавляются также аффиксы *-лар///-ләр* и тем самым морфологические показатели совпадают с нормами литературного (письменного) языка: лит., караид. *ололар* ‘взрослые’, лит., *караид. бүреләр* ‘волки’ и т.п. В исходном и местно-временном падежах имена существительные, оканчивающиеся на гласные, имеют в говоре аффиксы *-зан/-зән*, *-за/-зә* вместо литературных форм *-нан/-нән*, *-ла/-лә* (*калазан* ‘из города’ лит. *каланан*, *баксаза* ‘в саду’ лит. *баксала*) и т.п. [20. С. 24]. Перечисленные морфологические показатели исконной лексики присоединяются как к КП, так и к заимствованным словам. Следует также отметить, что караидельский говор, являясь пограничным говором между восточным и южным диалектами, содержит в себе языковые особенности всех трех диалектов.

В 2023 г. научными сотрудниками отдела прикладной лингвистики и диалектологии ИИЯЛ УФИЦ РАН был проведен экспедиционный выезд в Караидельский район Республики Башкортостан, в ходе которого было собрано свыше 300 диалектных текстов у жителей населенных пунктов Караидель, Старый Багазы, Нижние Балмазы, Старый Акбуляк, Новый Акбуляк, Якупово, Халилово, Юлдашево, Шамратово, Сабанкуль, Новый Бердяш, Кантон, Атияш, Караяр, Абдуллино, Кадиси, Мата, Дюртюли, Карыш-Елга, Юрюзянь.

Процесс сбора полевого материала проводился в основном в форме беседы с информантом по ранее составленной «Программе для сбора диалектного материала по караидельскому говору северо-западного диалекта башкирского языка» [20] с целью фиксации современного состояния данного говора и для дальнейшего изучения в синхронии и диахронии, сравнительно-сопоставительном плане, а также введения новых диалектных материалов в лингвистические базы данных. В частности, планируются разработка корпуса диалектных текстов и создание геоинформационной системы башкирских говоров. Из-за национальной пестроты данного ареала при выборе информанта важна его самоидентификация и самосознание.

Каждая аудиозапись сопровождалась экстралингвистической информацией, включающей сведения об информанте: имя, отчество, фамилия, гендерные характеристики, возраст, образование, профессия, язык обучения, язык общения в семье, национальная самоидентификация, племя (род), место проживания, место последнего проживания до переезда в данное место (в случае переезда), время проживания до переезда, дата и время записи. В качестве тем для беседы с информантами были разработаны следующие темы, охватывающие практически все стороны жизни сельского населения: история села, школы, родов, местная топонимия в окрестностях, флора, фауна, народные праздники и обычаи, повседневный быт, занятия местного населения. Элициация материала проходила как в виде устного опроса, так и произвольной беседы, которая запи-

сывалась на цифровой диктофон. Беседа велась отдельно с каждым информантом наедине на его родном (караидельском) говоре, однако уточняющие вопросы были заданы на литературном башкирском языке. Ответы информантов на заданные темы были продолжительностью от 2–3 до 10–15 минут. Основной задачей проводимой экспедиции был сбор диалектного материала с учетом всех категорий половозрастного, социального и профессионального состава информантов для дальнейшего изучения современного состояния речи башкир караидельского говора. В то же время отдавалось предпочтение старожилам данных населенных пунктов, поскольку именно в их речи сохраняются основные фонетические, лексические и грамматические диалектные черты, а в речи молодого поколения диалектные особенности постепенно стираются.

После сбора полевого материала были проделаны следующие виды работ: паспортизация информантов (рис. 1), систематизация и разбивка аудиозаписей диалектной речи по тематике у каждого информанта от-

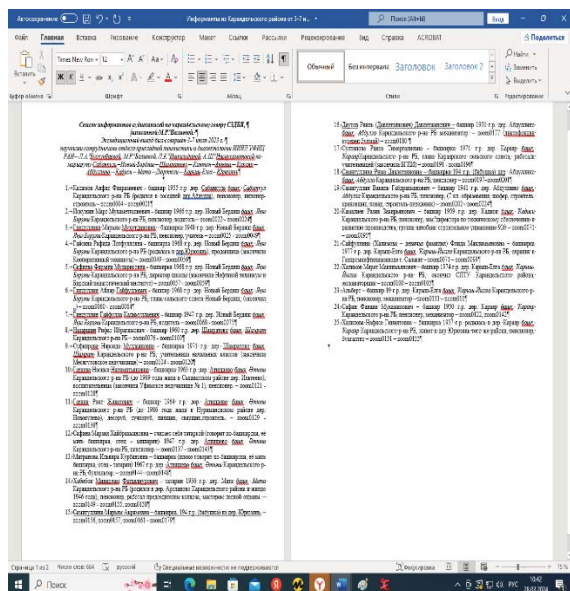
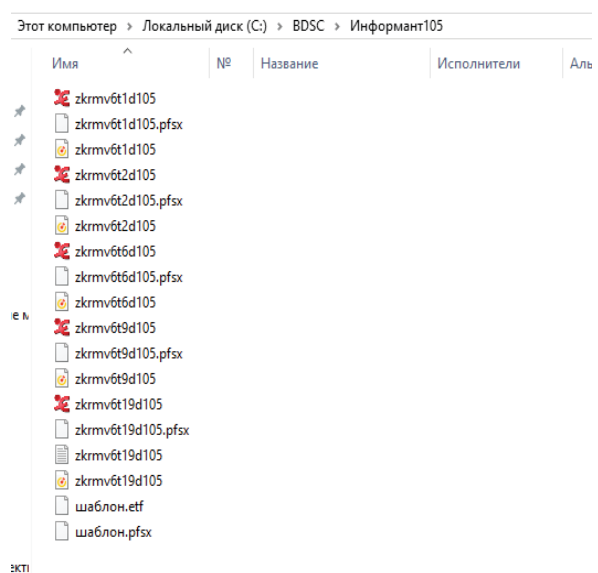

Рис. 1. Паспортизация информантов

дельно (рис. 2), обработка полевого материала в программах SoundForgePro 11.0 и ELAN 5.5, ELAN 6.5, включающая сегментирование, транскрибирование устных дискурсов по караидельскому говору северо-западного диалекта башкирского языка (рис. 3, 4). В процессе транскрибирования речи информанта в программе Elan КП с двух сторон были выделены символы октоторп, например: *Менә быйыл мыноу курше ауолда минем # аднакласниңаны # / вәзинәне саккан // коара йылан //* 'Вот в этом году в соседнем селе мою одноклассницу / Вазину ужалит // гадюка //' и т.п.

На рис. 4 представлен процесс транскрибирования речи информанта караидельского говора – Киямова Харраса Миргазамовича, башкира, 1947 г.р., из дер. Халилово Караидельского р-на РБ, механизатора, механика, завсклада. В данном фрагменте монолога об угощении медовой медовухой гостей свадьбы, состоящем из 22 фраз, употребляются 4 заимствованных слова *ноябрь, пар, стакан, рюмка* и 4 КП # постоянный #, # праздник #, # ту же #, # обизетелне #.

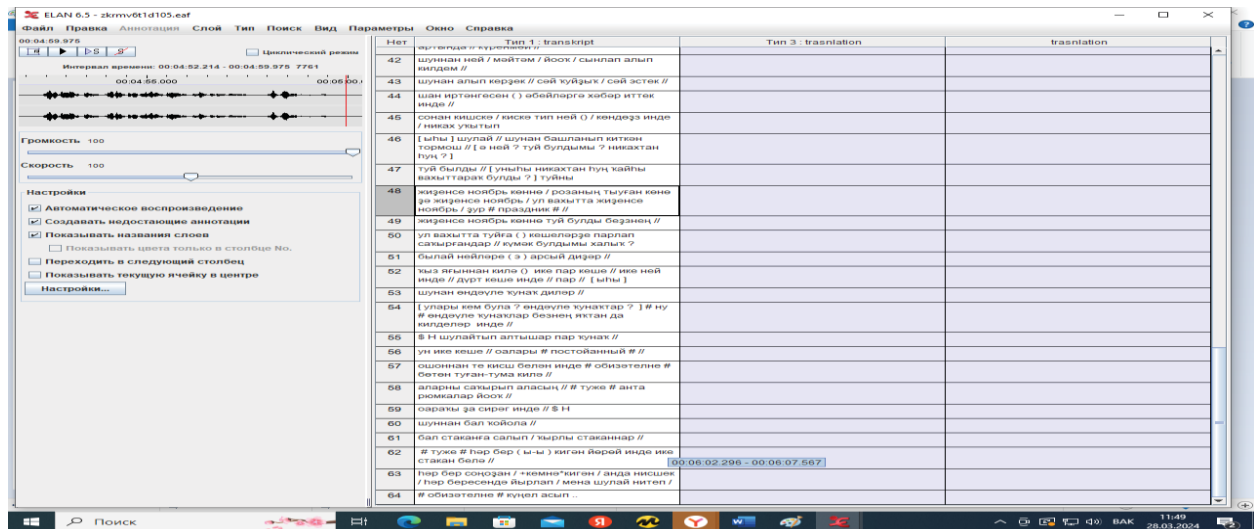

Рис. 4. Процесс транскрибирования речи информанта в программе Elan 6.5

Такая частота употребления иноязычных слов оскудевает устную речь башкирского языка, поскольку носитель не в полной мере использует лексический запас родного языка, обращаясь к ресурсам гостевого. В данном случае процентное соотношение русизмов и КП по отношению к исконной лексике составляет $8/22 \times 100 = 36,36\%$. Однако данный количественный показатель является условным, так как использование в речи КП и русизмов зависит от языковой среды, коммуникативного пространства и разных характеристик информанта – образования, специальности, темы, возраста, монолингвизма, билингвизма, полилингвизма и т.п. В башкирском языке данное коммуникативное явление все чаще наблюдается в современной речи билингвов, которые общаются на родном (матричном) языке, в то время как деловое общение и обучение проходит на русском (гостевом) языке.

Критерии сепарирования КП от русизмов

Причины появления и языковая функция заимствованных слов совершенно отличаются от КП. Заимствование – это иноязычная лексика, входящая в состав лексического фонда языка, выражающая новое понятие или реалию. Подобный процесс пополняет словарный состав, являясь одним из основных способов номинации новых явлений. Со временем некоторые заимствованные слова могут стать синонимами исконного слова. Например, после вхождения башкирских племен в состав Российского государства начинается интенсивное освоение вотчинных земель башкир и изучение природы Южного Урала. Многие русизмы появились при строительстве металлургических заводов на Южном Урале и Зауралье, в местах, богатых залежами руды и минералов. Так, самый популярный ископаемый и идеально прозрачный кварц Урала – *хрусталь*, имеющий греческое происхождение в этимологическом и номинативном аспектах, вошел в башкирский язык через русский и является русским заимствованным словом, дополняя синонимический ряд, состоящий из арабо-персидских заимствований, древнетюркских и собственно

башкирских слов, которые относятся к терминам горнодобывающего дела: *баллур*, *галсэр*, *асылташ*, *тау быялаһы*, *тау галсэре*, *хрусталь*.

Для пояснения природы заимствованной лексики от КП рассмотрим еще одно слово – *өстэл*. Данное слово русского происхождения ‘стол’ активно функционирует в башкирском языке несколько столетий. О временных рамках и путях проникновения слова судить сложно, однако можно предположить приблизительные причины и условия вхождения этой лексемы. Так, больше века тому назад традиционный быт и место принятия пищи башкир невозможно было представить без нар *һикә* ‘крепкий деревянный настил вдоль стены возле печи, служащий одновременно и лежанкой, и столом’, которые имели свои удобства в древнем быту. Со временем в процессе культурного взаимообмена местом принятия пищи стал кухонный стол, который вошел в обиход башкир вместе с названием *өстэл*. Таким образом, обмен социально-культурными и природными реалиями и бытовое общение людей стали причиной появления заимствованных слов, которые в свою очередь подвергались значительным фонетическим изменениям в соответствии с традиционными законами фонологической структуры башкирского языка, следовательно, ранние заимствования адаптированы к звуковой модели исконной лексики в потоке речи.

Главное отличие кодовых переключений от заимствованной лексики заключается в том, что они имеют лексический эквивалент в родном языке информанта и не фиксируются в словарях. Например, часто используемые в речи КП *үже* ‘уже’, *әтнәке* ‘однако’, *прәм* ‘прямо’ легко можно заменять словами башкирского языка (таблица).

Как было отмечено, в отличие от заимствований КП не зафиксированы в словарях, поскольку в потоке речи они спонтанно заменяют лексемы, функционирующие в матричном языке, и свойственны устной речи. В качестве КП могут использоваться и морфемы русского языка, т.е. различные суффиксы гостевого языка в составе слов матричного языка. Например, в говоре

активно образуются новые слова с помощью словообразовательных суффиксов русского языка *-ник, -чик, -щик*, обозначающих человека, занимающегося определенным видом деятельности либо имеющего определенные склонности.

Примеры замены КП словами башкирского языка

КП	Перевод	Башкирская лексема
<i>уже</i>	уже	инде
<i>этнаке</i>	однако	эммә, ләкин, шулай за, мәгәр
<i>прям</i>	прямо	туранан-тура, хәзер үк, бөтөнләй, ысынлап та
<i>ищу</i>	ещё	етмәһә
<i>эт</i>	вот; так	бына; шулай
<i>но/ну</i>	но	эммә, ләкин, шулай за, мәгәр
<i>совсем</i>	совсем	бөтөнләй, тулыһынса
<i>сәүис</i>	совесть	намыс, выждан

В анализируемом материале были выявлены следующие существительные, образованные подобным образом: *баләсник* ‘нытик’ (*балә* ‘беда’ + *-ник*) в.м. лит. *баләсел*, *тәмәжнүк* ‘курящий’ (*тәмәке* ‘сигарета’ + *-ник*) в.м. лит. *тәмәкесе* и т.п. В говоре также зафиксированы употребляющиеся преимущественно в шуточной форме гибридные словообразования, состоящие из искомого глагола в форме прошедшего неопределенного времени 3-го лица ед. числа и суффикса русского языка *-ск-*: *белмәгәнскый* ‘не знал’ (*белмәгән* ‘не знал’ + *-ский*), *күрмәгәнскый* ‘не видел’ (*күрмәгән* ‘не видел’ + *-ский*), *ишетмәгәнскый* ‘не слышал’ (*ишетмәгән* ‘не слышал’ + *-ский*).

В просторечии также зафиксированы примеры употребления иноязычных слов, оформленных формообразующими аффиксами русского языка: *мәшкү йыйыу* ‘собирать грибы’, *фрукты йыйыу* ‘собирать фрукты’ или *алар можетлар* ‘они могут’. В то же время не наблюдается ни одного случая присоединения глаголообразующего аффикса русского языка к исконным словам башкирского языка. Морфемные КП не проявляются так массово, как лексические и синтаксические.

К лексическим КП можно отнести тотальное употребление простых союзов, частиц и модальных слов русского языка в устной башкирской речи. Например, частица *так-так* ‘так-так’ выражает ожидание высказывания или действия собеседника в потоке речи в том же значении; утвердительная частица *кәнишнә* в значении ‘конечно, да, разумеется’ употребляется вместо лексемы *албиттә*, заимствованной из арабского языка. Часто фиксируется союз *и* вместо *һәм*, который был заимствован из арабского языка в период распространения ислама на территории нынешнего Башкортостана. Арабо-персидские лексические заимствования вошли в письменный башкирский язык вместе с арабо-персидской письменной культурой. Однако в последнее время можно наблюдать, как в живой разговорной речи постепенно активизируются союзы и модальные слова русского языка вместо арабо-персидских заимствований. Например, *этнаке* ‘однако’, *ә* ‘а’, *әтү* ‘а то’, *зату* ‘зато’ выступают вместо арабизмов *эммә, ләкин, мәгәр, әммә ләкин*; модальное слово *может* употребляется вместо арабизмов *мөмкин, ихтимал, балки* и искомого тюркского вспомогательного глагола *ала* в

значении ‘может позволить, сможет’; вводное слово *тимәк* заменяется КП *знәшит, знәшитсә* в значениях ‘значит, итак, следовательно; стало быть, выходит’ и др.

В диалектных дискурсах также встречается большое количество наречий русского языка, адаптированных к башкирской звуковой модели и не зафиксированных в словарях и других лексикографических источниках башкирского языка: *әбизәтелнә* ‘обязательно’ часто употребляется в речи вместо раннезаимствованной лексемы *мотлак* арабского происхождения. Активно функционируют в говорах следующие наречия: *әпәт* ‘опять’, *түлкә* ‘только’, *сәпсим* ‘совсем’, *түже* ‘тоже’, *итуп* (*ыштубы*) ‘чтоб, чтобы’, *әтеүһә* ‘а тогда’ и т.п., не зафиксированные в словарях и письменном языке.

Помимо наречий в говоре активно используются имена существительные русского языка, обозначающие должности и профессии: *нәсәлник* в.м. *башилык*, *хужа* ‘начальник’, *силсәүит* в.м. *ауыл советы рәйесе* ‘председатель сельского совета’, *гәзитчик* ‘корреспондент’, *сваричик* в.м. *иретеп йәбешитереүсе*, *лесник* в.м. *урмансы*, *завсклад* в.м. *кләт мәдире* и т.п.

В спонтанной речи носителей караидельского говора самыми распространенными КП являются названия дней недели, несмотря на то, что литературной нормой в башкирском языке официально приняты фарсизмы: *дүшәмбе* ‘понедельник’, *ишшәмбе* ‘вторник’, *шаршәмбе* ‘среда’, *кесе йома* ‘четверг’, *йома* ‘пятница’, *шәмбе* ‘суббота’, *йәкшәмбе* ‘воскресенье’. Например: «*Һаумыһығыз, ауылдаштар!*» *байрамы понедельник була*. ‘Праздник «Здравствуйте, односельчане!» состоится в понедельник» и т.п.

Анализ полевых записей показал, что многие неассимилированные заимствования и КП относятся к терминам сфер образования и делопроизводства, социальных систем, поскольку профессиональная лексика и терминология, используемые в различных сферах деятельности человека, отражаются в деловых бумагах на русском языке, которые трудны для быстрого перевода из-за отсутствия эквивалентов в матричном языке. В речи информантов на тему о школьном образовании часто наблюдаются слова гостевого языка: *дневник* в.м. башк. *көндәлек*, *мел* в.м. башк. *акбур*, *доска* в.м. башк. *такта*, *труд дәресе* в.м. башк. *хезмәт дәресе*, *обществознание* в.м. башк. *йәмғиәттә өйрәнү*, *история* в.м. башк. *тарих* и т.п. Они являются КП, поскольку в матричном языке имеются их кальки или эквиваленты данных лексических единиц. Возможно, не все кальки уживаются в живой речи носителей из-за их искусственного происхождения, и многие из них относятся к профессионализмам и воспринимаются как «полуофициальные» слова. Кальки характерны преимущественно для языка СМИ и делопроизводства. В живой речи отдается предпочтение именно русским названиям официальных научных учреждений и отраслевой лексике, так как они более лаконичны и позволяют коротко и быстро выражать мысли.

В последнее время в башкирском языке калькируются многие медицинские и строительно-архитектурные термины. В том числе и в караидельском говоре

можно проследить ряд калькированных словосочетаний, относящихся к предметам и объектам стройки домов: стандартный сруб – *стандарт бура*, евроокно – *евро тэзрэ*, мастер косяков – *кэсэк останаһы*, железный забор – *тимер (капка) забур* и т.п. Однако в разговорной речи предпочтение отдается именно русским терминам. Например, часто употребляется КП *скорый* в м. *ашығыс ярзам машинаһы* в значении ‘машина скорой помощи и медицинские работники в ней’: *Ярай скорыйны сакырып өлгөргәннәр* ‘Ладно хоть успели вызвать скорую’.

Анализируемый материал показал, что в речи носителей караидельского говора исконные местоимения никогда не заменяются КП, даже когда информант полностью переходит на русский язык: *Мнә мин ходил в Караидель* ‘Вот я ходил в Караидель’, *Нет, мин путаю* ‘Нет, я путаю’, *Алар все время там* ‘Они все время там’, *Унда хариус водится* ‘Там хариусы водятся’ и т.п. Примечательно, что в спонтанной речи многие аффиксы множественного числа и другие грамматические показатели родного языка присоединяются к КП. Например, *металлоискателдәр килгәннәр* ‘металлоискатели пришли’, *лесниклар күргәннәр* ‘лесники увидели’, *урис женицинадар булган* ‘были русские женщины’, *родниклар бэрә баиланы* ‘родники начали биться’, *восьмойза песән эшләй* ‘заготовил сено на восьмом поле’, *агаслы крышады* ‘с деревянной крышей’, *кладбищеэз эшләгән* ‘работал на кладбище’, *лопатылар носить иткән* ‘носил лопаты’, *Лысый горага барзык* ‘ходили на Лысую гору’, *Уфимкага барыу* ‘ходить на Уфимку’ и т.п. Перечисленные примеры оформлены аффиксами матричного языка. На наш взгляд, именно морфологические показатели в составе КП выражают, на каком языке происходит мыслительный процесс информанта.

Помимо номинальных словосочетаний встречаются КП, образованные от таких глаголов, как *арестовать итеу* (лит. *кулга алыу*) ‘арестовать’, *организовать итеу* (лит. *ойоштороу*) ‘организовать’, *документировать итеу* (лит. *документ тултырыу*) ‘документировать’, *экзамен сдавать итеу* (лит. *имтихан тапшырыу*) ‘сдавать экзамен’, *уволиться итеу* (лит. *эштән китеу*) ‘увольняться’, *звонить итеу* (лит. *шылтыратыу*) ‘звонить’, *работать итергә яратмай* (лит. *эшләргә яратмай*) ‘не любит работать’, *билет продавать итә торгайны* (лит. *билет һата торгайны*) ‘продавал билеты’ и т.п. В перечисленных словосочетаниях инфинитивная форма вспомогательного глагола *итеу* ‘делать’ сочетается со смысловыми глаголами русского языка в потоке речи. Это показывает устойчивость глаголов в говоре. А.Н. Кононов отмечал, что данный глагол, восходящий к древнетюркскому состоянию, утратив свое первичное значение, выступает вторым компонентом сложного целого с XI в. в письменных памятниках тюрков [21. С. 118]. Таким образом, некогда сочетавшиеся с арабизмами древнетюркские вспомогательные глаголы в настоящее время в устной речи составляют единую синтагму с современными КП. Союзы, частицы, наречия арабского и персидского происхождения постепенно становятся историзмами или стилем официального письма, языка

СМИ, уступая свои роли КП русского языка в живой речи носителей диалектов. Вышеприведенные КП можно отнести к инсерции по классификации П. Мёйсена, так как лексический материал русского языка просто вставляется в морфосинтаксическую рамку караидельского говора башкирского языка.

Факторы появления в говоре КП

Основным фактором проникновения КП в башкирском языке может быть информация, получаемая из СМИ (радио, телевидение, Интернет) на русском языке. Во время коммуникации собеседники часто прибегают к цитированию ключевых слов новостей на русском. Они часто испытывают дефицит для выражения точной фразы или лексики, выражающей абсолютную семантику реального в словарном запасе говорящего. Из этого вытекает вторая причина – это скудный словарный запас родного языка в речи билингвиста из-за незначительности, поскольку чтение художественной литературы в матричном языке способствует увеличению активного словарного запаса и учит ясно, грамотно, качественно донести свои мысли собеседнику. В ином случае культура речи на родном языке становится «нечистой» из-за КП гостевого языка.

Следующим фактором, обуславливающим появление КП, может стать изменение роли говорящего. «Скажем, в роли отца при общении в семье или в роли соседа при общении односельчан, когда человек может использовать родной для него и для его собеседников местный диалект, а обращаясь в органы центральной власти, он вынужден переключаться на общепонятные формы речи. Если такого переключения не произойдет, его не поймут, и он не достигнет своей цели – удовлетворить просьбу, рассмотреть жалобу и т.п., то есть может потерпеть коммуникативную неудачу. Так как язык, имеющий статус государственного, используется в официальных, социально “ответственных” ситуациях, в то время как родные языки народов, составляющих данное общество, могут использоваться преимущественно в бытовых и семейных ситуациях» [15. С. 62].

Помимо вышеуказанных факторов, появление КП зависит от темы беседы, связанной с той или иной спецификой профессии, возраста и узкого интереса собеседников. Различные «производственные» темы влияют на речь собеседников, которые имеют соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технологических процессов, устройств, приборов и т.п. Например, при записи живой речи носителей караидельского говора наблюдается частое использование наименований учреждений муниципального управления, терминов здравоохранения и торгово-экономических отношений гостевого языка как постоянные КП: *зрением* (лит. *күреу һәләте*) *йөз процент минем* ‘у меня стопроцентное зрение’, *сахарный диабет* (лит. *шәкәр ауырыуы*) *менән ауырызым* ‘болела сахарным диабетом’, *дантист*, *стоматолог* (лит. *теш табибы*) *булырга изе* ‘хотелось бы стать дантистом, стоматологом’, *библиотеканы* (лит. *китапхананы*) *бетереп укып сыкты инде* – *главный читатель* (лит. *төп китап укыусы*) ‘ всю библиотеку прочитал,

он – наш главный читатель’ и т.п. В качестве КП также выступают такие термины воспитания и образования в школе, как *шкул* (лит. *мәктәп*) *бете* ‘школу закрыли’, *истфакта* (лит. *тарих факультетында*) *указым* ‘учился на истфаке’, *развивайкалары* (лит. *өйрәнсек дәресе*) *бар* ‘проводят развивайки’ и т.п.

В целом в караидельском говоре в качестве лексических КП выступают имена существительные, обозначающие названия дней недели, профессионализмы, термины бытового обслуживания, числительные, наречия и служебные слова гостевого языка. Глаголы гостевого языка употребляются в речи в сочетании со вспомогательными глаголами и модальными словами матричного языка.

Выводы

Подытоживая, отметим, что на основе более сотни текстов с продолжительностью записи свыше двух часов был сделан анализ употребления КП и русизмов у носителей караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка. Активное вхождение русизмов и использование КП, т.е. переход говорящего с одного (родного) языка на другой (гостевой) язык во время коммуникации, неразрывно связаны с явлением

массового билингвизма, которое получило широкое распространение в Республике Башкортостан, где русский язык выступает в качестве основного языка-посредника, обслуживающего многонациональное население республики. Постоянный поток информации на русском языке, СМИ, обучение и воспитание в образовательных учреждениях, скудный словарный запас родного языка из-за неначитанности информанта, социальный статус собеседников, а также роль, тема, окружение, ситуация, условия общения – основные факторы употребления КП в речи. Например, подростки и молодежь со своими сверстниками могут использовать во время беседы свои определенные КП. В служебной или официальной обстановке, будучи подчиненными или коллегами, люди стараются избегать КП и строго следят за своей речью, соблюдая речевое поведение и пользуясь рабочей терминологией на родном языке. Употребление КП и причина их функционирования в речи носителей говора заключается также в дефиците точных лексических средств для выражения мысли или понятий в матричном языке. На основе лексико-семантического анализа диалектного текста и наших наблюдений можно утверждать, что заимствованные слов и КП из русского языка употребляются в основном вместо слов, давно вошедших в башкирский язык из арабского и персидского языков.

Список источников

1. Дмитриев Н.К. Варваризмы в башкирской речи // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. Т. IV. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. С. 73–105.
2. Краткий русско-башкирский словарь иноязычных заимствований / авт.-сост. Т.М. Гарипов, Ф.Д. Емалетдинов, З.А. Емалетдинова; под ред. Т.М. Гарипова. Уфа : Вагант, 2006. 92 с.
3. Киембаев Дж.Г. Лексика и фразеология современного башкирского языка. Уфа, 1966. 275 с. (на башк. яз.)
4. Тергулова Р.Н. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа : Башкиргиздат, 1957. 88 с.
5. Фатхуллина Ф.Р. Новые слова в современном башкирском языке: конец XX – начало XXI вв. : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 176 с.
6. Хисамитдинова Ф.Г. Старые русские заимствования в северо-западном диалекте башкирского языка // Диалектология. Этнолингвистика. Мифология. Ономастика. Этимология : материалы Междунар. науч. конф. (Уфа, 1–4 ноября 2020). Т. I. Уфа, 2020. С. 353–356.
7. Валиева М.Р. Русская заимствованная лексика в текстах башкирских народных сказок // Проблемы востоковедения. 2018. № 4. С. 60–64. doi: 10.24411/2223-0564-2018-10410
8. Бускунбаева Л.А. Структурные типы кодовых переключений в устной речи башкир (на материале монологических текстов восточного диалекта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 17–26. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10702
9. Словарь ранних русских заимствований башкирского языка / авт.-сост. Ф.Г. Хисамитдинова, М.Р. Валиева, Л.К. Ишкильдина, Г.Р. Каринова, Р.Н. Каримова, Р.Т. Муратова, Ш.В. Нафиков, Р.А. Сулейманова, Г.Н. Ягафарова; под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 254 с.
10. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев : Вищапшк, 1979. 264 с.
11. Майерс-Скоттон К. Рамочная модель матричного языка и переключение кодов в речи билингвов // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2021. № 7 (453), вып. 125. С. 100–109.
12. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford : Clarendon Press, 1993. 265 p.
13. Moravcsik E.A. Language contact // Universals of Human Language. Vol. 1: Method and Theory. Stanford : Stanford Univ. Press, 1978. P. 93–122.
14. Appel R., Muysken P. Language Contact and Bilingualism. London ; Baltimore, Md., USA : E. Arnold, 1987. 213 p.
15. Крысин Л.П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение: специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 61–64.
16. Исаева М.Г. Кодовое переключение в письменных текстах СМИ (на материале русскоязычных журналов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2010. 18 с.
17. Чиршева Г.Н. Двухязычная коммуникация. Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. 189 с.
18. Итоги Всероссийской переписи населения – 2020 (табличный материал) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/49063> (дата обращения: 21.07.2023).
19. Валиева М.Р. Русизмы в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка // Говор: альманах. 2023. № 1. С. 118. doi: 10.48612/govor/vm46-9gxv-ref1
20. Ишкильдина Л.К., Валиева М.Р. Программа для сбора диалектного материала по караидельскому говору северо-западного диалекта башкирского языка (фонетика, морфология). Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 72 с.
21. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX. Л. : Наука, 1980. 255 с.

References

1. Dmitriev, N.K. (1930) Varvarizmy v bashkirskoi rechi [Barbarisms in Bashkir speech]. In: *Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzei Akademii nauk Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences]. Vol. IV. Leningrad: USSR AS. pp. 73–105.

2. Garipov, T.M., Emaletdinov, F.D. & Emaletdinova, Z.A. (eds) (2006) *Kratkii russko-bashkirskii slovar' inoyazychnykh zaimstvovaniy* [A short Russian-Bashkir dictionary of foreign borrowings]. Ufa: Vagant.
3. Kiebaev, D.G. (1966) *Leksika i frazeologiya sovremennogo bashkirskogo yazyka* [Vocabulary and phraseology of the modern Bashkir language]. Ufa. (In Bashkir).
4. Teregulova, R.N. (1957) *Russkie zaimstvovaniya v bashkirskom yazyke* [Russian borrowings in the Bashkir language]. Ufa: Bashknigoizdat.
5. Fatkhullina, F.R. (2009) *Novye slova v sovremenom bashkirskom yazyke: konets XX – nachalo XXI vv.* [New words in the modern Bashkir language: Late 20th – early 21st centuries]. Philology Dr. Diss. Ufa.
6. Khisamitdinova, F.G. (2020) *Starye russkie zaimstvovaniya v severo-zapadnom dialekte bashkirskogo yazyka* [Old Russian borrowings in the north-western dialect of the Bashkir language]. In: *Dialektologiya. Etnolingvistika. Mifologiya. Onomastika. Etimologiya* [Dialectology. Ethnolinguistics. Mythology. Onomastics. Etymology]. Vol. I. Ufa. pp. 353–356.
7. Valieva, M.R. (2018) *Russkaya zaimstvovannaya leksika v tekstakh bashkirskikh narodnykh skazok* [Russian borrowed vocabulary in the texts of Bashkir folk tales]. *Problemy vostokovedeniya*. 4. pp. 60–64. doi: 10.24411/2223-0564-2018-10410
8. Buskunbaeva, L.A. (2022) Structural types of code-switching in the oral speech of Bashkirs (based on monologue texts of the eastern dialect). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 7 (465). pp. 17–26. (In Russian). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10702
9. Khisamitdinova, F.G. et al. (eds) (2021) *Slovar' rannikh russkikh zaimstvovaniy bashkirskogo yazyka* [Dictionary of early Russian borrowings in the Bashkir language]. Ufa: IYAL UFITs RAN.
10. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty. Sostoyaniye i problemy issledovaniya* [Language contacts: State and research problems]. Kyiv: Vyschshchshk.
11. Myers-Scotton, K. (2021) *Ramochnaya model' matrichnogo yazyka i pereklyucheniye kodov v rechi bilingvov* [The matrix language frame model and code-switching in bilingual speech]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 7 (453): 125. pp. 100–109.
12. Myers-Scotton, C. (1993) *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press.
13. Moravcsik, E.A. (1978) Language contact. In: *Universals of Human Language*. Vol. 1: Method and Theory. Stanford: Stanford Univ. Press. pp. 93–122.
14. Appel, R. & Muysken, P. (1987) *Language contact and bilingualism*. London; Baltimore, Md., USA: E. Arnold.
15. Krysin, L.P. (2000) *Kodovye pereklyucheniya kak komponent rechevogo povedeniya cheloveka* [Code-switching as a component of human speech behavior]. *Rechevoe obshcheniye: spetsializirovannyi vestnik*. 3 (11). pp. 61–64.
16. Isaeva, M.G. (2010) *Kodovoe pereklyucheniye v pis'mennykh tekstakh SMI (na materiale russkoyazychnykh zhurnalov)* [Code-switching in written media texts (based on Russian-language magazines)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Cherepovets.
17. Chirsheva, G.N. (2004) *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets: ChSU.
18. Rosstat. (2023) *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya – 2020 (tablichnyi material)* [Results of the 2020 All-Russian Population Census (tabular data)]. [Online] Available from: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/49063>
19. Valieva, M.R. (2023) *Rusizmy v karaidel'skom govore severo-zapadnogo dialekta bashkirskogo yazyka* [Russicisms in the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language]. *Govor: al'manakh*. 1. p. 118. doi: 10.48612/govor/vm46-9gxv-refl
20. Ishkil'dina, L.K. & Valieva, M.R. (2023) *Programma dlya sbora dialektного материала po karaidel'skomu govoru severo-zapadnogo dialekta bashkirskogo yazyka (fonetika, morfologiya)* [Program for collecting dialectal material on the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language (phonetics, morphology)]. Ufa: IYAL UFITs RAN.
21. Kononov, A.N. (1980) *Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov VII–IX vv.* [Grammar of the language of the Turkic runic monuments of the 7th–9th centuries]. Leningrad: Nauka.

Информация об авторах:

Валиева М.Р. – канд. филол. наук, научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия). E-mail: valieva_1979@list.ru

Бускунбаева Л.А. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия). E-mail: buskl@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.R. Valieva, Cand. Sci. (Philology), research fellow, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation) E-mail: valieva_1979@list.ru

L.A. Buskunbaeva, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation) E-mail: buskl@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.09.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 05.09.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 81'3
doi: 10.17223/15617793/508/7

**Через годы, через расстояния...: динамика эмоциональной тональности
и ключевых тем в текстах песен о Великой Отечественной войне с 1965 по 1990 г.
(на материале корпуса советских песен)***

*Анастасия Владимировна Колмогорова¹, Полина Алексеевна Колмогорова²,
Елизавета Романовна Куликова³*

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург,
Санкт-Петербург, Россия

¹ akolmogorova@hse.ru

² pakolmogorova@edu.hse.ru

³ erkulikova@edu.hse.ru

Аннотация. Рассматривается специфика дискурсивизации темы войны в песнях о Великой Отечественной войне, выпущенных звукозаписывающей компанией «Мелодия» за четыре десятилетия XX в.: 60-е, 70-е, 80-е, 90-е гг. Применение методов компьютерной лингвистики позволило получить данные о специфике распределения тем в текстах песен каждого из десятилетий и о ведущей эмоциональной тональности. Выявлено, что в целом особенности дискурсивной репрезентации темы войны в песнях рассмотренных последовательно периодов отражают смену стадий переживания коллективной исторической травмы: от шока и отрицания горечи пережитого до его глубокого проживания последующими поколениями.

Ключевые слова: дискурс, песня, тематическое моделирование, сентимент-анализ, Великая Отечественная война

Источник финансирования: статья подготовлена по материалам проекта «Текст как Big Data: методы и модели работы с большими текстовыми данными», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Благодарности: благодарим стажера-исследователя лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ СПб М.О. Сергееву за помощь в подготовке данных.

Для цитирования: Колмогорова А.В., Колмогорова П.А., Куликова Е.Р. Через годы, через расстояния...: динамика эмоциональной тональности и ключевых тем в текстах песен о Великой Отечественной войне с 1965 по 1990 г. (на материале корпуса советских песен) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 65–76. doi: 10.17223/15617793/508/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/7

**Through Years, Through Distances...: Dynamics of Emotional Tone and Key Themes
in the Lyrics of Songs about the Great Patriotic War from 1965 to 1990
(based on the corpus of Soviet songs)**

A.V. Kolmogorova¹, P.A. Kolmogorova², E.R. Kulikova³

^{1, 2, 3} National Research University Higher School of Economics St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ akolmogorova@hse.ru

² pakolmogorova@edu.hse.ru

³ erkulikova@edu.hse.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of the sub-corpus of lyrics of war songs released by the Melodiya record company between 1964 and 2000. The aim of the analysis is to trace the changes in thematic focus and emotional tone occurring in the song discourse over four decades: in the 1960s, 1970s, 1980s and 1990s. To reach the aim, methods of computer analysis of texts, such as sentiment analysis and thematic modelling, were applied to the material represented by 3422 songs. In addition, techniques of expert linguistic analysis were used. The Great Patriotic War is an event of great importance for world and national history. Memories of it are carried through generations. It is both

* Результаты исследования обсуждались в рамках II Международного конгресса «Язык, культура и технологические транзиты: новые грани человеческого», который прошел в НИ ТГУ 23–25 ноября 2023 г.

a source of national identity and a significant collective trauma. The research confirmed the initial hypothesis that the dynamics of the observed discursive changes, in general, follows the logic of the stages of experiencing collective trauma: shock, the desire to ignore the pain, its acceptance and living. The results of the sentiment analysis demonstrated that while in the 1960s the words with positive tonality prevail in the songs about the war, in the 1970s the ratio changes slightly and in the following decades the prevalence of negative tonality becomes more and more noticeable, reaching its maximum in the 1990s. The dynamics of emotional tonality in general correlates with the changes in the dominant themes revealed as a result of applying the computer model of structural thematic modelling. While in the 1960s the leading themes were glorification of Soviet aviation and longing for relatives and the Motherland, in the 1970s the image of people's efforts on the home front and in the army was added to the latter theme, and in the 1980s and 1990s the themes of combat, battle and remembrance of the fallen dominated. Such a "breakthrough" of pain, which the generation of fathers held back in order to survive and rebuild the destroyed country, occurs in the generation of post-war children, who feel as if they themselves are going into battle, lying in the trenches – in the 1980s and 1990s there is a transition from the external narrator to the narrator who is the main character of the story. Computer analysis methods made it possible to work with large collections of texts, and the use of expert analysis methods made it possible to interpret the results without distorting them.

Keywords: discourse, song, topic modelling, sentiment analysis, Great Patriotic War

Financial support: The article was prepared on the materials of the project "Text as Big Data: Methods and Models of Working with Big Text Data", carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the HSE University in 2024.

For citation: Kolmogorova, A.V., Kolmogorova, P.A. & Kulikova, E.R. (2024) Through years, through distances...: Dynamics of emotional tone and key themes in the lyrics of songs about the Great Patriotic War from 1965 to 1990 (based on the corpus of Soviet songs). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 65–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/7

Введение

С точки зрения глобальной истории Великая Отечественная война – событие огромное, геополитического масштаба, кардинально изменившее карту мира и определившее расстановку политических сил на многие десятилетия. В персональных и семейных историях гордость за героическое прошлое и боль от потери близких людей, не вернувшихся с поля боя, передаются из поколения в поколение. Об этом свидетельствует феномен Бессмертного полка – беспрецедентной акции памяти, в которой каждый год участвуют миллионы людей. С позиции социальной антропологии это событие имеет характер коллективной травмы, занимающей важное место в национальной идентичности. Лингвистически эта общая боль, по мере того как она проживалась, проявляла себя, прежде всего, в текстах, в дискурсах и дискурсивных практиках – для того, чтобы ее пережить, о ней нужно говорить.

В данной статье мы ставим своей целью рассмотреть динамику изменения дискурсивных средств, используемых для проживания коллективной травмы, нанесенной событиями 1941–1945 гг., в таком имеющем большую лингвокультурную значимость жанре, как песня. Достижение поставленной цели стало возможным благодаря применению как экспертных методов лингвистического анализа, так и инструментов компьютерной лингвистики.

Поскольку в нашем распоряжении есть корпус текстов советских песен, выпущенных на пластинках фирмой грамзаписи «Мелодия» с 1965 по 2021 г., то наша гипотеза может быть сформулирована следующим образом: если мы сравним песни, в которых затрагивается тема войны, в каждом из доступных для наблюдения «советском» десятилетии, то способы дискурсивизации травмы, инструменты ее текстового воплощения будут меняться, отражая новую фазу ее проживания

национально-лингвокультурным коллективом. Для решения данной задачи важно и то, что «Мелодия» на протяжении всего рассматриваемого периода была компанией-монополистом в области звукозаписи, соответственно, мы можем с уверенностью говорить о том, что проводимая ею политика соответствовала основным линиям партии и государства, легитимировала их [1], отражая так называемые институционализированные ценности [2].

Однако популярность большинства песен, их воспроизводимость в устной советской послевоенной повседневной культуре¹ свидетельствует о том, что их тексты в целом отвечали чаяниям граждан страны. Такое симбиотическое единство формирующих коллективное сознание и «отражающих» его дискурсивных практик характерно для идеологического дискурса, поскольку связано с самой сутью феномена гегемонии, лежащего в основе любого идеологического дискурса: гражданское общество (коллективные массы) добровольно соглашается подчиняться некоторому политическому обществу – политической группе, а последняя, в свою очередь, стремится поддерживать это стремление к приятию, предвосхищая возможные кризисы доверия со стороны гражданского общества и чутко прислушиваясь к его ожиданиям и проблемам [3. Р. 12].

Структура статьи будет иметь следующий вид: в разделе «Песня как пространство дискурсивизации коллективной травмы: обзор литературы» мы рассмотрим подходы к понятию коллективной травмы и проанализируем специфику песни как инструмента конструирования репрезентации травмы; в разделе «Материал и методы» даны краткая характеристика корпуса советских песен и описание применяемых методов; в разделе «Результаты и обсуждение» представлены и проинтерпретированы полученные результаты.

Песня как пространство дискурсивизации коллективной травмы: обзор литературы

Понятия коллективной и культурной травмы метафорически были перенесены из психоанализа в социологию и антропологию во второй половине XX в. Это произошло в силу того, что мощные катаклизмы века – революции, две мировые войны, массовые депортации населения и т.д. – сделали очевидными социальные и культурные последствия подобных событий.

Как отмечает Дж. Александер, коллективная травма возникает не оттого, что члены некоторой социальной группы испытывают боль, но оттого, что это резкое чувство дискомфорта, возникшее у группы, затрагивает ядро коллективной идентичности: члены группы считают, что именно данная социальная «боль» является угрозой тому, кем они являются, откуда они появились и куда идут сейчас [4]. Таким образом, коллективную травму формирует еще не травмирующее событие само по себе, а репрезентация этого события, конструируемая в сознании группы. Чтобы боль ощущалась не как личная боль, а как «наша» боль, чтобы человек, принадлежащий национально-культурной общности, но не имеющий непосредственного опыта этого переживания, эмпатично почувствовал ее как свою – для всего этого нужна социальная репрезентация травмирующего события. Важнейшим инструментом создания такой социальной конструкции является язык – речевые акты и дискурсивные практики [5].

Быстрые, радикальные, охватывающие большие группы людей социальные изменения П. Штомпка называет «травмой перемен» и отмечает, что наиболее чувствительной сферой к ней является культура (универсум ценностей, норм, правил, образцов, символов, смыслов), «ибо она как раз и отличается наибольшей инертностью, постоянством, укоренением в традиции или в коллективной памяти, в ритуалах, привычках, обычаях и нравах» [6. С. 275]. Выделяя три уровня культурной травмы – индивидуальный, групповой и исторический, автор помещает такие события, как войны, на третий из перечисленных уровней, когда травматическое воздействие касается больших социальных общностей, дезорганизуя масштабные социальные системы [6. С. 275].

Песня, становясь во времена перемен квинтэссенцией культуры и одновременно значимой дискурсивной практикой, представляет собой особый вид нарратива о пережитом и прожитом, в частности – о чувствах утраты, горя, гордости за героев, надежды на светлое будущее и возрождение, активизируемых военными событиями. Появившись «из эмоциональных кликов древнего хора и коротеньких формул разнообразного содержания как выражение “коллективной эмоциональности”, “группового субъективизма”...» [7. С. 291], она априори фундирована в формах коллективного мышления. С. Кэй, ссылаясь на Лакана, видит в песне в целом отзвук травмы первого крика новорожденного, столкнувшегося с «вторжением» воздуха в свои легкие и одновременно проявляющего себя как самость [8].

Как дискурсивный жанр, глубоко укорененный в бессознательном и опыте переживания эмоций, песня

становится инструментом конструирования социальной репрезентации травмы в разных сообществах: испанском в период гражданской войны [9], постсоветском российском [10], послевоенном белорусском [11], африканском [12].

Песня Великой Отечественной войны достаточно хорошо изучена в культурологии, исторических науках и фольклористике. Так, в работе Н.А. Колесниковой [13] проведен системный анализ военной песни, сформировавшейся в разные периоды истории российского государства, с точки зрения духовных ценностей, которые находили отражение в песенных текстах. В сферу интереса попали и тексты песен Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Последние анализируются также как важный источник исторических знаний [14]. Лингвистическое освещение песенных текстов Великой Отечественной войны получили впервые в работе Я.И. Гудошникова [15], изданной в 1959 г. Исследователь обращается к анализу языковых конструкций, стиля, характеризующих данные тексты. Авторы более поздних публикаций фокусируются на разных группах песен: тексты о войне Б. Окуджавы [16], кубанских казаков [17], в исполнении В. Высоцкого [18]. Во всех работах подчеркивается роль данных текстов в формировании картины мира представителей русской лингвокультуры, насыщение ее ценностными смыслами.

В нашей работе мы бы хотели предложить несколько иной – более дискурсивный ракурс.

Мы рассматриваем тексты песен о войне как вид дискурса коллективной травмы. Исследователи коллективной травмы выделяют следующие этапы ее осознания: шок; отрицание и стремление вернуть утраченное; фаза острого горя и принятия; завершение [19, 20]. Преломляя данную периодизацию к коллективной травме Великой Отечественной войны, можно предположить, что ее этапы могут иметь следующее содержательное наполнение на временном отрезке жизни советского общества с 1950 по 1999 г.: шок (во время и сразу после войны); отрицание в том смысле, что группа, народ, переживший травму, не дает себе воли вернуться к живой и кровоточащей еще ране (1950–1960-е гг.), но погружается в дела мирного строительства или оставляет место только для нетравмирующих воспоминаний о героизме, славе, доблести павших героев; осознание (1970–1980-е гг.), когда проживание горя потери, утраты сыновей, отцов и братьев становится необходимым и осмысленным; восстановление, требующее переключения на другие темы или включения пережитого в другие системы смыслов (1980–1990-е гг.). Если указанные выше этапы проживания коллективной травмы имели место быть, то в песенных текстах нашей коллекции они проявят себя на уровне эмоциональной тональности и тематических акцентов.

Материал и методы

Основу нашего материала составил корпус советских песен, собранный в рамках группового проекта [21–23]. На протяжении последнего года корпус был существенно дополнен.

Логика коллекции была выстроена вокруг фирмы грамзаписи «Мелодия»: данные о треках лейбла «Мелодия» извлекались с сайта discogs.ru. Так как на Discogs отсутствуют тексты песен (треков), они были дополнительно скачаны с сайта TextyPesenok и присоединены к датасету, после чего он был отфильтрован так, чтобы остались только треки, для которых есть текст. Итоговый датасет составил 6 065 песен.

Песни ограничены периодом 1964–2020 гг., поскольку в 1964 г. «Мелодия» была основана, а к 2020 г.

она практически потеряла свои лидирующие позиции среди звукозаписывающих компаний. В целом можно сказать, что песни корпуса в основном относятся к советскому периоду – это подтверждает и изображенный на рис. 1 график распределения треков по периодам.

На рис. 1 видно, что большая часть песен относится к периоду 1970–1980-х гг. Помимо этого, среди треков встречается значительное количество песен 2000-х гг. – они составляют основную долю постсоветской части корпуса.

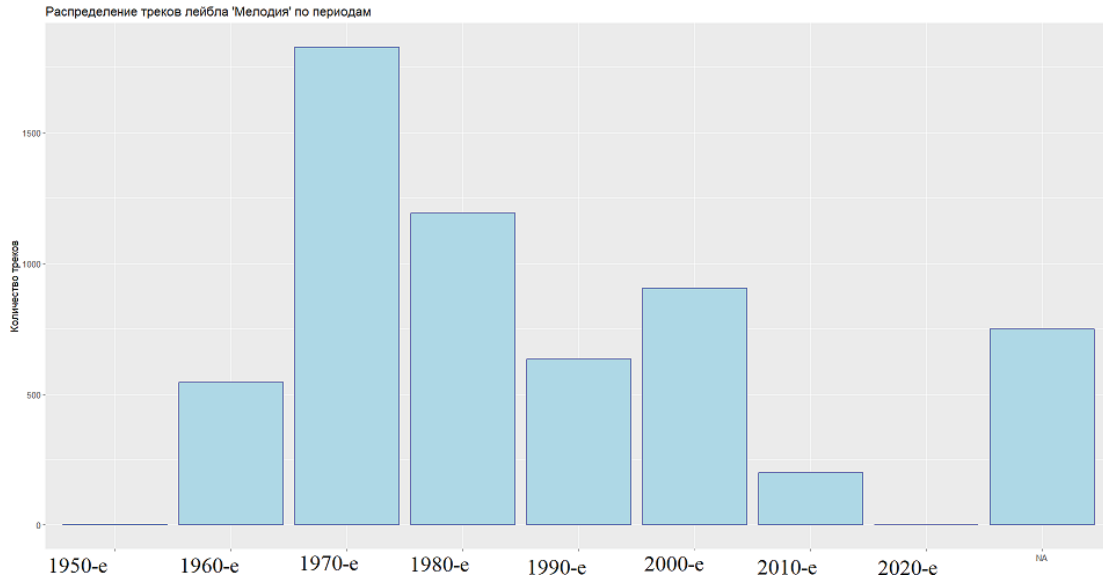

Рис. 1. Распределение песен корпуса последовательно по десятилетиям: 1950-е, 1960-е, 1970-е, 1980-е, 1990-е, 2000-е, 2010-е, 2020-е

Что касается жанров, информация о них имеется для всех песен. Распределение треков по жанрам отображено на рис. 2.

Всего в корпусе представлены тексты песен 13 категорий жанров. Жанровое распределение в корпусе

также неравномерно: на первом месте – песни в жанре «поп» (популярная эстрада) (80%), жанры «народная и этническая музыка и кантри» и «рок» занимают 2-е и 3-е места по частотности. Всего в корпусе представлено 3 162 исполнителя.

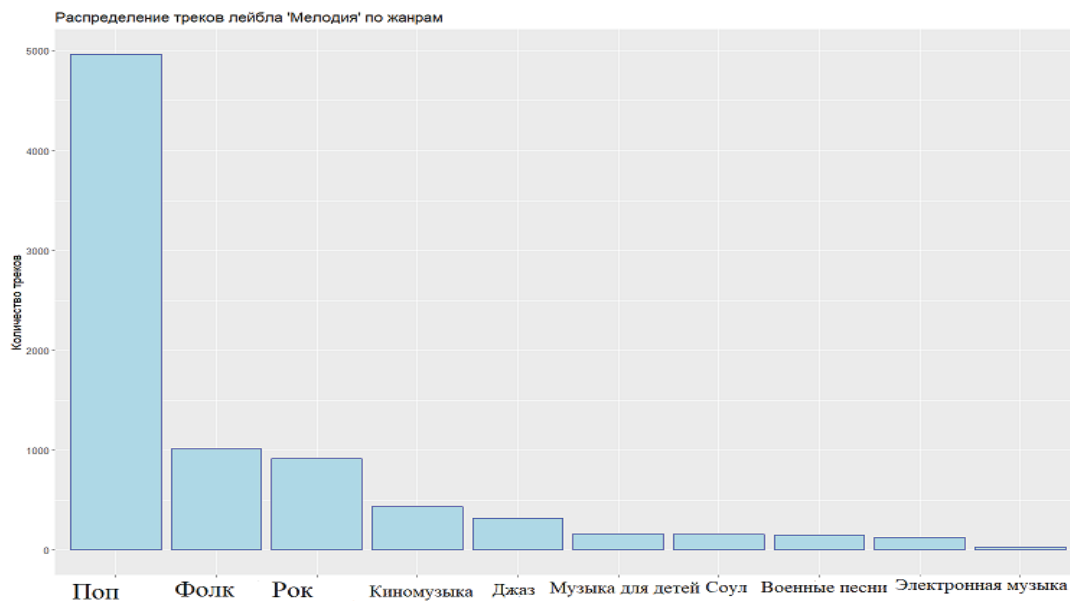

Рис. 2. Распределение песен корпуса по жанрам: поп, фолк, рок, киномузыка, джаз, музыка для детей, соул, военные песни, электронная музыка

Для данной публикации мы использовали подкорпус, состоящий из 3 422 песни, которые были разделены на 4 группы: песни о войне 1960-х (776), 1970-х (856), 1980-х (1045) и 1990-х (745). Критерием попадания текста песни в категорию песен о Великой Отечественной войне было упоминание хотя бы единожды в тексте событий, реалий, прецедентных для военного времени. Выборка текстов по тематическому критерию производилась вручную четырьмя разметчиками, которые перепроверяли друг друга. Подчеркнем: тексты относились к тому или иному десятилетию не по дате их написания или первого исполнения, а по дате выпуска фирмой «Мелодия». Если одна и та же песня записывалась в составе сборников или дисков отдельных исполнителей несколько раз в разные десятилетия, то она включалась в каждую из выборок; если песня повторялась внутри одного десятилетия, то текст включался в выборку данного десятилетия лишь единожды.

Тексты были преобразованы в машиночитаемый формат и предобработаны: удалены стоп-слова, тексты токенизированы при помощи пакета `quanteda` в `r` (`quanteda tokens`), приведены к строчному написанию, очищены от знаков препинания, цифр, небуквенных символов и лишних пробелов, наконец, для ряда задач использовалась лемматизация при помощи морфологического анализатора для русского языка `MyStem`.

Облака слов строились на основе предобработанных указанных выше методами текстов, к которым применялся метод `Bag of words`, а его результаты репрезентировались в виде «облака слов»: чем крупнее шрифт, тем частотнее слово.

Один из использованных нами методов – метод тематического моделирования. Он основан на статистических расчетах, которые выявляют закономерности совпадения слов в тексте. Используя распределение вероятностей, алгоритм тематического моделирования классифицирует отдельные слова в исследуемом тексте и анализирует то, какие слова статистически наиболее часто оказываются связаны друг с другом в контекстах, затем эти слова формируют «тему» или топик [24], название которому («метку темы») дает уже сам исследователь. Однако, дабы избежать произвольности в выборе метки темы, используют либо коллегиальное обсуждение несколькими экспертами, либо прибегают к помощи генеративных моделей, например `Chat GPT` [25]. Последний хорошо справляется с задачами суммаризации текстов, поэтому боту дается инструкция подобрать одно обобщающее слово, которое охватило бы значение всех термов (слов), полученных моделью для данной темы, которая в выдаче, получаемой от модели, имеет только номер. Формулировка запроса в данном случае включает все термы, которые подаются строкой через пробел (*жизнь бой война*).

Таким образом, тематическое моделирование успешно используется для контент-анализа и описания структурной организации текстов в больших массивах публицистических и художественных произведений [26]. Для тематического моделирования применена модель `Structural Topic Modeling (STM)`, поскольку на материале художественных текстов (анализируемые нами академические тексты все-таки ближе к ним, чем к текстам соци-

альных сетей), как показал сравнительный анализ моделей Латентного размещения Дирехле (`LDA`), неотрицательной матричной факторизации (`NMF`) и `STM`, представленный в [27], именно данная модель позволяет построить дистинктивный словарь для каждой темы.

Другим методом, использованным в работе, является метод анализа эмоциональной тональности текстов, широко применяемый сегодня на материале текстовых данных разной жанровой принадлежности: медиатекстах [28], академических текстах [29], художественной прозе. Для проведения сентимент-анализа использовался словарный подход на основе словаря тональности `RuSentiLex`. Чтобы учесть при анализе `n`-граммы (они даны в лемматизированной форме), мы разбивали тексты для анализа не только на униграммы, но и `n`-граммы длиной от 2 до 6 слов, используя при этом инструмент `quanteda tokens_ngrams` в пакете `quanteda` в `R`. После этого производилось сопоставление текстов с полным вариантом словаря `RuSentiLex`. С помощью функции `quanteda::dfm_lookup` было подсчитано количество положительных и отрицательных слов из словаря, которые встретились в наших текстах. Список этих слов был проанализирован: для многих слов в `RuSentiLex` предложено несколько вариантов аннотации (в зависимости от контекста). Для подобных слов было уточнено контекстуальное значение, которое они имеют в текстах из нашей выборки. Таким образом, итоговый список позитивных слов, которые детектировались и подсчитывались в тексте, включил в себя 878 единиц, а список негативных – 1 508 единиц.

Для вычисления итогового значения сентимента для текста рассчитывалась доля положительных или отрицательных слов по отношению к общему числу эмоциональных слов в этом тексте. Для аналитики применялся ряд частных методов, каждый из которых уточняется непосредственно в соответствующих пассажах текста статьи.

Результаты и обсуждение

При сравнении выборок мы отметили, что существует сет советских песен о войне, которые регулярно выпускались вновь в составе разных сборников и дисков отдельных авторов-исполнителей в каждом из проанализированных десятилетий (табл. 1).

Мы не стали исключать эти песни из анализируемых данных, поскольку, по-видимому, они составляют определенный канон, который важно было воспроизводить в каждый из описываемых периодов.

Используя метод выявления значимых признаков в текстовых данных, известный как `TF-IDF` (`Term Frequency – Inverse Document Frequency`), мы извлекли ключевые слова (словоформы) для подкорпусов каждого десятилетия (табл. 2). Разделив их на группы (четверки) по частотности, мы сравнили наборы словоформ в каждом из подкорпусов, используя методику, предложенную в [30], и обращая внимание на слова 1) переместившиеся в подгруппы более верхнего уровня; 2) спустившиеся в подгруппы более низкого уровня; 3) не присутствующие в списке ключевых слов для одного десятилетия, но присутствующие в другом.

Таблица 1

Песни о войне, повторяющиеся в каждом подкорпусе

№	Название	Автор музыки	Автор текста	Исполнители
1	Эх, дороги...	А. Новиков	Л. Ошанин	Дважды Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии имени А.В. Александрова
2	Священная война	А.В. Александров	В.И. Лебедев-Кумач	
3	Вьется в тесной печурке огонь	К. Листов	А. Сурков	М. Бернес
4	Темная ночь	Н. Богословский	В. Агатов	М. Бернес
5	Катюша	М. Блантер	М. Исаковский	В. Батищева
6	Песенка военных корреспондентов	М. Блантер	К. Симонов	Л. Утесов
7	Хотят ли русские войны	Э. Колмановский	Е. Евтушенко	М. Бернес

Таблица 2

Распределение первых 20 ключевых слов, извлеченных с помощью взвешивания TF-IDF, по десятилетиям

Ранговая группа	1960-е		1970-е		1980-е		1990-е	
	Слово	TF-IDF	Слово	TF-IDF	Слово	TF-IDF	Слово	TF-IDF
1	пусть	0,3070	нам	0,2928	нам	0,3914	нам	0,3268
	нам	0,2470	солдат	0,2324	пусть	0,1674	это	0,2689
	солдат	0,2082	пусть	0,1855	это	0,1674	всё	0,1530
	это	0,1552	бой	0,1564	бой	0,1312	войны	0,1406
2	небо	0,1305	это	0,1408	солдат	0,1312	пусть	0,1406
	высота	0,1270	всё	0,1363	всё	0,1108	наши	0,1158
	русские	0,1094	тебе	0,1341	наш	0,1108	бой	0,1075
	война	0,0988	наш	0,1229	наши	0,1108	земле	0,1075
3	тебе	0,0988	тобой	0,1095	день	0,1063	б	0,1034
	эх	0,0988	земле	0,1072	землю	0,0927	войне	0,1034
	тобой	0,0952	солдаты	0,1005	война	0,0905	вернулся	0,0993
	хотят	0,0917	землю	0,0983	земля	0,0905	караван	0,0951
4	б	0,0847	день	0,0938	нами	0,0859	там	0,0951
	бой	0,0847	сердце	0,0938	гренада	0,0837	небо	0,0910
	мечта	0,0847	войны	0,0871	жить	0,0837	первый	0,0910
	нами	0,0847	товарищ	0,0849	всем	0,0814	сердце	0,0910
5	ребята	0,0847	шли	0,0849	сердце	0,0814	солдат	0,0910
	страна	0,0847	ветер	0,0827	значит	0,0791	боя	0,0868
	жди	0,0811	война	0,0804	тебе	0,0791	землю	0,0786
	жить	0,0811	наши	0,0804	товарищ	0,0791	снова	0,0786

Так, отмечаем, что во всех подкорпусах в первой ранговой группе есть частица *пусть*. Как показал экспертный анализ, она может реализовывать субъективные модальные значения пожелания (пр. 1), дозволения (пр. 2), уступки (пр. 3):

(1) *Но пусть и смерть в огне в дыму / Бойца не утратит / И что положено кому / Пусть каждый совершит* («В лесу прифронтовом», муз. М. Блантера, стихи М. Исаковского);

(2) *Соловы, соловьи, не тревожьте солдат / Пусть солдаты немного поспят / Немного пусть поспят* («Соловьи», муз. В. Соловьева-Седого, стихи А. Фатьянова);

(3) *И пусть со мной / Нет сегодня любимой родной / Знаю с любовью ты к изголовью / Прячешь платой голубой* («Синий платочек», муз. Е. Петербургского, стихи М. Максимова).

Однако исключение составляет подкорпус песен 1990-х – в нем частица находится несколько ниже, во второй ранговой группе.

Кроме того, во всех списках частотную позицию занимает словоформа *нам*, отражающая тот факт, что нарратор в песенных текстах ощущает национально-культурную общность, к которой он принадлежит, как некоторого коллективного экспериенцера. Словоформа *войны* в подкорпусе 1990-х оказывается в первой ранговой группе, в то время как словоформы той же леммы

появляются в других подкорпусах в группах более низких рангов.

Другое значимое слово – *солдат*: в подкорпусах 1960-х и 1970-х оно находится в первой ранговой группе, в 1980-х – во второй, а в подкорпусе песен 1990-х – лишь в пятой ранговой группе. Слово *бой* в подкорпусе 1960-х находится только в пятой ранговой группе, в подкорпусах 1970-х, 1980-х – в первой ранговой группе, в подкорпусе 1990-х – во второй. «Мирное» обращение *ребята* присутствует только в ключевых словах для подкорпуса 1960-х гг., в то время как в 1970-х и 1980-х в четвертой и пятой ранговых группах появляется *товарищ*, в подкорпусе 1990-х в двадцатке самых значимых ключевых слов ни *ребята*, ни *товарищ* не представлены. Уникальными для списка ключевых слов являются словоформы *мечта*, *жди*, *русские* и *высота*, которые встречаются только в подкорпусе 1960-х. Специфическими словами для остальных подкорпусов являются: *шли* – для 1970-х, *значит* и *Гренада* – для 1980-х, *вернулся*, *караван* и *снова* – для 1990-х.

Таким образом, можно предположить, что песни 1960-х гг. отражают тот этап коллективной травмы, который еще связан с некоторой идеей отрицания – ужас закончился, хочется думать о будущем (*мечта*), о хорошем, образ солдата предстает как собирательный образ защитника, а песенная тональность формируется как «доверительная», свойственная межличностному

общению (обращение *ребята*); в 1970-е и 1980-е гг. происходит мысленный возврат к событиям, попытка и прожить – отсюда появление слов *или, бой*, патетическая тональность (обращение *товарищ*); в 1990-е гг. этап восстановления не наступает, поскольку начинается осмысление афганской темы, которая связывается активными ассоциациями с Великой Отечественной войной – отсюда появление категориального слова-номинации для данного типа событий *война*, маркера *снова*. Ср. например, в следующем фрагменте песни А. Розенбаума нарратор говорит о событиях афганской войны, но фоном для них выступает война, минувшая сорок два года назад (песня была написана в 1985): *Ах какого дружка потерял я в бою / И не сорок два года назад, а вчера / Среди гор и песков, где сжигает жара всё вокруг / Опаляя детскую память мою* (муз. и ст. А. Розенбаума «В горах Афгани»).

Проверим данную гипотезу, применив метод сентимент-анализа. Мы уже упоминали выше, что использовали кастомизированный под наши задачи тональный словарь RuSentLex [31], из которого были удалены слова, тональные значения которых не соответствовали тем лексико-семантическим вариантам данных слов, которые встречались в наших контекстах. Так, например, лемма *вздыхать* в данном словаре маркирована и как позитивная (вздыхать по ком-то – ‘быть влюбленным’), так и негативно – как маркер печали. В наших текстах она встречается во втором значении, поэтому ей был присвоен статус маркера негативного сентимента. Чтобы дать представления о тех словах, с негативной и позитивной «меткой», количество которых подсчитано и визуализировано далее (рис. 3), приведем леммы (на этом этапе тексты лемматизировались при помощи лемматизатора MyStem) из топ-10 списка негативных и позитивных слов: а) негативные: *бой, война, враг, смерть, далекий, чужой, темный, беда, страшный, боль* и т.д.; б) позитивные: *друг, родной, любовь, живой, победа, любить, милый, дорогой, герой* и т.д.

На рис. 3 представлена диаграмма, отражающая соотношение числа позитивных и негативных слов к общему числу эмоциональных слов в подкорпусе текстов песен, т.е. по оси Y (рис. 3) отложены значения пропорции, а не какие-либо абсолютные частоты. Визуализация демонстрирует, что высказанная нами выше гипотеза о том, что в текстах песен последовательно отражаются этапы проживания травмы, в целом находит свое подтверждение: в песнях 1960-х гг. позитивный сентимент доминирует над негативным, в 1970-х – проявляется незначительный перевес негативной тональности, в 1980-е и 1990-е этот перевес только усиливается. Отметим, что в последние два десятилетия в подкорпусах песен большое место занимает авторская песня таких исполнителей, как Ю. Визбор, В. Высоцкий, Б. Окуджава, А. Розенбаум. Стилистика этих текстов отличается от песен 1960-х и 1970-х, в силу того, что на смену внешнему нарратору-наблюдателю (гетеродиегеза, по Ж. Женетту [32]) приходит рассказ от лица человека, находящегося внутри военной истории (гомодиегеза). Сравним, напри-

мер, текст песни «Если отец герой...» (муз. А. Пахмутовой, ст. Н. Добронравова и С. Гребенникова), выпущенной впервые «Мелодией» на грампластинке в 1965 г. (пр. 4), и текст песни В. Высоцкого «Он не вернулся из боя», выпущенной «Мелодией» впервые в 1986 г. в составе альбома «Он не вернулся из боя» (пр. 5):

(4) *Когда окончилась война / Он не вернулся чтоб увидеть сына... / Остались у мальчишки ордена / Отца погибшего под городом Берлином... / Тихо сказала мать: / «Бойцов не редет строй / Должен и сын героем стать / Если отец герой».*

(5) *Наши мёртвые нас не оставят в беде / Наши павшие – как часовые... / Отражается небо в лесу как в воде – И деревья стоят голубые / Нам и места в землянке хватало вполне / Нам и время текло – для обоих... / Всё теперь – одному. Только кажется мне – это я не вернулся из боя.*

Если в первом тексте (пр. 4) история рассказывается отстраненным внешним рассказчиком, который транслирует слушающему реплики как бы слышимого им диалога в форме прямой речи, то во втором (пр. 5) – рассказчик говорит о своих собственных переживаниях, субъективных и эмоциональных. Подобное изменение в повествовательной схеме, отличающее тексты песен 1960-х и 1970-х, с одной стороны, и 1980–1990-х – с другой, свидетельствует о желании пришедшего поколения эмпатично пережить, прочувствовать то, что было прожито их отцами. Известный специалист по семейным травмам М. Уолинн пишет: «Когда кто-то в нашей семье пережил невыносимое травмирующее событие или испытал колоссальную вину или горе, чувства могут быть непереносимыми, превышающими способность человека справиться с ними или как-то преодолеть ситуацию».

В природе человека заложено: когда боль слишком сильна, мы стараемся избежать ее... Порой боль таится до тех пор, пока не найдет себе путь для выражения или разрядки. Такое проявление боли может обнаруживаться в последующих поколениях...» [33. С. 39]. Мы полагаем, что именно такой «прорыв» боли, которую поколение отцов сдерживало, чтобы выжить и восстановить разрушенную страну, происходит у поколения послевоенных детей, чувствующих, как будто это они сами идут в бой, лежат в окопах (ср. «Рассказ ветерана» Ю. Визбора: *А солнце жарит чтоб оно пропало / Но нет уже судьбы у нас другой / И я шепчу: Постой Виталий Палыч / Постой подпусти ближе дорогой*). Лексическим следствием становится увеличение негативно маркированной лексики в песенных текстах этих лет по сравнению с 1960-ми гг.

Продолжая работать над подтверждением изначальной гипотезы, мы применили к четырем подкорпусам метод компьютерного тематического моделирования при помощи модели Structural Topic Modeling (рис. 4).

В табл. 3 представлены термины, составляющие каждую из тем, и метки, т.е. названия. Первая метка сформулирована ботом, способом, который мы описали выше в разделе «Материал и методы», вторая (дана через /) – сформулирована экспертной группой, состоявшей из трех лингвистов.

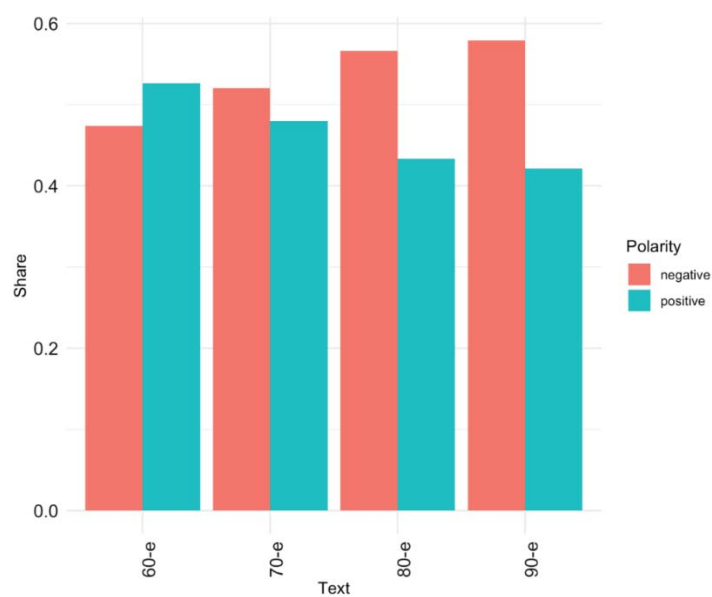

Рис. 3. Распределение негативных и позитивных слов (относительно всех слов в текстовых подкорпусах) в подкорпусах военных песен четырех десятилетий

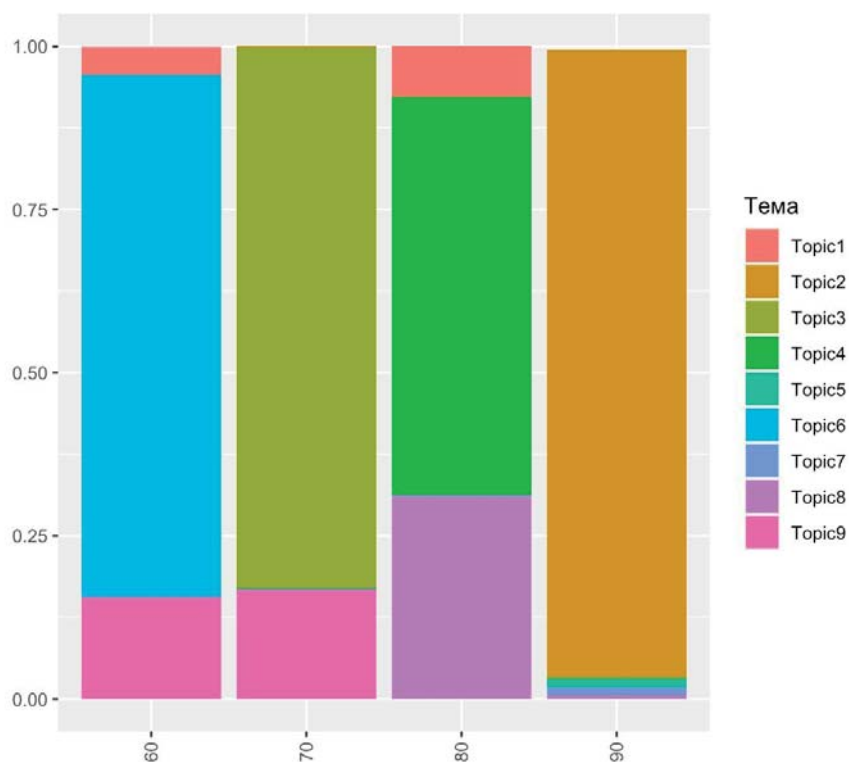

Рис. 4. Распределение тем в четырех подкорпусах песен

Таблица 3

Метки тем и их термины

№ то- пика	Название	Термы (в порядке убывания метрики FREX)
1	Сила народа и война / Эмоции и воля людей	Капитан, сами, бурьян, берегите, восстали, полями, благородная, слезой, священная, сто- нет, должен, вскипает, самолёты, колокольный, леса, слушайте, мальчишки, фронт, сте- пями
2	Сражение / Боевой опыт и походная жизнь	Караван, пой, войне, юность, зеленый, корабль, живы, поклонимся, вернулся, первый- второй, боя, возьми, начинается, ещё, вышел, который, тридцать, положено, брат, восемь
3	Русская история и патриотизм / Тыл и армия	Сокол, хлеба, мужчины, севастополь, душой, русских, свято, умер, хлеб, деревни, бегут, варшава, смогла, матери, старик, помни, название, армия, слово, борьба

№ топика	Название	Термы (в порядке убывания метрики FREX)
4	Память о войне / Воспоминания о войне	Гренада, тайны, партия, жаль, снегири, откуда, свиданья, честью, говори, надежды, песне, пехота, варшава, улица, памятью, битву, пламени, пожарищ, слез, граната
5	Возвращение с войны / Вернувшиеся о павших	Гитару, поклонимся, первый-второй, боя, который, принимаю, вернулся, сыновья, верьте, вышел, пике, борисов, успели, мир, вашему, дому, батальона, второго, живым, брат
6	Советская авиация	Высота, знала, россию, руками, летать, самолёты, тоскует, строй, капитан, отец, советскую, проходит, звёзды, роши, стеной, поселка, каждого, власть, шёл, блесит
7	Память о боях / Память живых о павших товарищах	Кудрявый, войне, вернулся, боя, юность, поклонимся, пой, ещё, зеленый, который, сыновья, корабль, живы, вышел, брат, строю, вперёд, нынче, войны, живым
8	Бой / Жизнь войсковой части	Вернулся, боя, поклонимся, который, первый-второй, сыновья, пока, успели, принимаю, войне, вышел, вечно, горы, сидит, верьте, значит, борисов, живым, пике, брат
9	Тоска по дому / Тоска по Родине	Мечта, звёзды, дорогая, руками, высоте, огромное, поселка, платочек, подайся, равняйся, отец, хнычь, поспят, запишите, незнакомого, ждать, страна, далеко, тревожьте, море

Для формирования названий тем мы опирались на метрику FREX (Frequency+Exclusivity – сочетание значимости и исключительности данного термина для всей темы): для каждой темы термы ранжируются в порядке убывания значений метрики – чем ближе слово к началу ряда, тем выше значения метрики (табл. 3). Так, например, для темы с меткой «Советская авиация» словоформы *высота, знала, россию, руками, летать, самолёты* имеют больший вес, чем *строй, капитан, отец, советскую, проходит, звёзды, роши*.

К сожалению, пакет для STM не позволяет визуализировать матрицу значений метрики для каждого термина, поэтому мы опираемся на доказательства эффективности использования данной метрики, представленные в [34].

Как мы можем видеть, формулировки меток темы, полученные путем суммаризации от ChatGPT, и затем – от экспертов, ключевым образом отличаются только для темы 3: бот увидел в данном наборе слов мысль «Русская история и патриотизм», а эксперты, опираясь на лексемы, обозначающие группы мирного населения (*старик, матери*) и места их проживания (деревни), с одной стороны, а с другой – на лексемы *мужчины, армия*, определили тему как «Тыл и армия».

Распределение тем по десятилетиям достаточно показательно. В 1960-е – это темы 1 (Сила народа и война / Эмоции и воля людей), 6 (Советская авиация), 9 (Тоска по дому / Тоска по Родине). При этом доминирует тема 6, овеянная определенным романтизмом. Поскольку термы, расположенные в начале списка, имеют больший вес, чем все остальные, отмечаем такие из них, как *высота, летать, самолёты*, а во второй части списка, хотя и с меньшим весом, термы *звёзды* и *блесит*, ассоциативно связанные с идеей неба. Ср. например, одну из песен этой выборки: *Потому, потому что мы пилоты / Небо наш, небо наш любимый дом / Первым делом, первым делом – самолёты / Ну, а девушки, а девушки – потом* («Первым делом самолёты», ст. А. Фатьянова, муз. В. Соловьева-Седого).

В 1970-е гг. доминирующей темой становится тема 3 (Русская история и патриотизм, Тыл и армия), незначительное место занимает тема 9 (Тоска по дому / Тоска по Родине).

В 1980-е гг. доминирующей темой становится тема 4 (Память о войне / Воспоминания о войне), манифестантами которой становятся лексемы абстрактной семантики *партия, память, надежда, честь, песня*, а также поэтизированные маркеры разрушений и потерь *пламя пожарищ, слезы*; и немного уступает

ей по весу тема 8 (Бой / Жизнь войсковой части), среди термов которой важное место занимают глагольные лексемы: *вернулся, успели, принимаю, вышел, сидит*, отражающие идею совместной деятельности.

Песни 1990-х totalmente отмечены темой 2 (Сражение / Боевой опыт и походная жизнь), среди термов которой – глаголы в повелительном наклонении (*пой, возьми*), частица *еще*, числительные (*первый-второй, восемь, тридцать*), обращение *брат*.

Таким образом, тематическое распределение, показанное примененной моделью, также подтверждает нашу гипотезу о том, что в песнях отражаются основные этапы проживания коллективной травмы – от шока и отрицания до возврата и проживания боли. К сожалению, этап восстановления не манифестируется в песнях 1990-х. Наоборот, происходит задержка фазы проживания: молодое поколение вновь и вновь погружается в военную атмосферу, представляя себя там, на поле боя, вместо погибших отцов и дедов. Думается, что именно с этой особенностью – использованием приема глубокого психологического погружения в ситуацию – связан патриотический эффект военных песен 1980-х и 1990-х, неоднократно констатируемый в литературе по теории и практике воспитания [35].

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ дает основания для дальнейшей проверки гипотезы о том, что дискурс военной песни – это своего рода манифестация того психологического состояния, в котором находится в данный момент группа, общность людей, переживших крупное историческое событие, связанное с травмирующими последствиями, но являющееся чрезвычайным для самоидентификации группы, вызывающее у нее чувство гордости и предопределяющее ее поведение в аналогичных ситуациях.

Хотя использованный корпус текстов может быть существенно дополнен, его материал оказался минимально достаточным для первичной проверки гипотезы.

Сочетание методов экспертного лингвистического анализа (приемов нарративного, контекстного анализа) с методами компьютерной лингвистики позволило получить интерпретируемые результаты, которые свидетельствуют о том, что песни о войне, выпускавшиеся государственной звукозаписывающей компанией-монополистом «Мелодия» в 1960-е, 1970-е, 1980-е и 1990-е гг., отличаются по своей тематике и

эмоциональной тональности. Описать эти отличия можно при помощи следующих ключевых фраз, отражающих репрезентацию Великой Отечественной войны в мироощущении поколения: «Наша воля сильна. Наша авиация сильна. Мы тоскуем по родным» – тональность в целом позитивная (1960-е); «На войне мы тосковали по родным, им было плохо, мы их защищали» – преобладает негативная тональность (1970-е); «Мы помним о войне. Мы видим себя в тех боях и понимаем, что чувствовали бойцы» – тональность еще более негативная (1980-е); «Мы сражаемся как они – бойцы Великой Отечественной, мы сражаемся как бы вместе с ними, нашими дедами, в Афгане» – тональность резко отрицательная (1990-е).

В целом из выделенных в предварительной гипотезе этапов переживания коллективной травмы (шок; отрицание и стремление вернуть утраченное; фаза острого горя и принятия; завершение) в нашем материале нашли свое отражение два: отрицание и стремление вернуть утраченное (1960-е гг.), а также фаза острого горя и принятия (1970-е). Полагаем, что наблюдающаяся в 1980-е и 1990-е фаза повторного острого травмирующего переживания, а не завершения, как можно было бы ожидать, связана с войной в Афганистане.

Представляется, что перспективу работы может составить расширение корпуса песен, привлечение компьютерно-акустического анализа мелодии, чтобы сопоставить музыкальную тональность и эмоциональную.

Примечания

¹ В Национальном корпусе русского языка в основном подкорпусе находим многочисленные интертекстуальные включения из песен нашего корпуса в публицистических и художественных текстах советского времени, что является косвенным свидетельством воспроизводимости песенных текстов. Например: *Вересова взглянула на Устименку мягко и печально. – Я бы теперь и сама не пошла. Офицеры, внезапно ужасно соскучившись, запели в два голоса: Вьется в тесной печурке огонь, На поленьях смола, как слеза... – Высоко, Мишенька! – сказал один. – Нет, не высоко, Гришенька, – ответил другой. И опять негромко и душевно запели: До тебя мне дойти не легко...* [НКРЯ. Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)].

Список источников

- Kossov V., Taha Z. (Eds.) La légitimation du politique : histoire, mémoire, pouvoir. P. : La Geste, 2023. 345 p.
- Козачина А.В., Колмогорова А.В. Стратегии и средства легитимации институционализированных ценностей в японском педагогическом дискурсе. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2023. 200 с.
- Gramsci A. The Intellectuals, Selections from the Prison Notebooks / Hoare Q., Smith G.N. (eds.). N.Y. : International Publishers, 1971. 577 p.
- Alexander J.C. Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy // Alexander J.C., Giesen B., Mast J. (eds.) Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2006. P. 29–90.
- Wodak R. Language behaviour in therapy groups. Berkeley, CA : University of California Press; London : Longman, 1996.
- Штомпка П.Ш. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М. : Логос, 2005. 664 с.
- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1940. 404 с.
- Kay S. Songs of War: The Voice of Bertran de Born // Transposition [En ligne], Hors-série. 2020. Vol. 2. doi: 10.4000/transposition.3785
- Балан Е.Г., Чеснокова О.С. Семиотика песенного дискурса периода Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 3. С. 785–800. doi: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-785-800
- Lassan E. The Contemporary Russian Patriotic Song as a Phenomenon of a Post-Traumatic Society's Condition // Slavistica Vilnensis. 2022. Vol. 67, № 2. P. 110–125.
- Hulak N.A. The Traumatic Discourse of Captivity in the Songs of War Prisoners // Traditional Culture. 2022. Vol. 23, № 2. P. 60–70.
- Ouma C.E.W. Childhoods of War: "Na Craze World Be Dat" // Childhood in Contemporary Diasporic African Literature. African Histories and Modernities. Palgrave Macmillan, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-36256-0_4
- Колесникова Н.А. Военная песня в духовной жизни советского общества : дис. ... канд. культурологии. М., 2002. 180 с.
- Максимов Е.А. Фронтная песня Великой Отечественной войны как исторический источник // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 1 (21). С. 40–45.
- Гудошников Я.И. Язык и стиль песен Великой Отечественной войны. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1959. 91 с.
- Елисеева Т.А. Военные песни Б.Окуджавы // Литература в школе. 2009. № 5. С. 35–37.
- Епатко Т.А. Лексикализация образа травы в военных песнях кубанских казаков // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны. 2018. С. 24–27.
- Гасанова М.А. Своеобразие военных песен В. Высоцкого // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 31, № 2. С. 33–41.
- Василук Ф.Е. Психология переживания. М. : МГУ, 1984. 267 с.
- Аарейлайд-Тарт А. Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 63–72.
- Зарембо В.С. Сентимент-анализ корпуса песенных текстов на русском языке (советский и постсоветский периоды) : магистерская диссертация. СПб., 2023. 76 с.
- Ткачева Е.С. «География» в текстах корпуса песен советской и российской эстрады через призму ГИС-технологий : магистерская диссертация. СПб., 2023. 56 с.
- Шаменко А.Л. Тематическое моделирование текстов советских песен: магистерская диссертация. СПб., 2023. 46 с.
- Oiva M. Topic Modeling Russian History // Gritsenko D., Wijermars M., Kopotev M. (eds.) The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. Palgrave Macmillan, Cham, 2021. doi: 10.1007/978-3-030-42855-6_24
- Тен Л.В. Тематическое моделирование в задаче автоматической рубрикации новостных текстов // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 2. С. 77–91. doi: 10.18721/JHSS.14207
- Митрофанова О.А. Исследование структурной организации художественного произведения с помощью тематического моделирования: опыт работы с текстом романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова // Корпусная лингвистика-2019. СПб., 2019. С. 387–394.
- Кирина М.А. Сравнение тематических моделей на основе LDA, STM и NMF для качественного анализа русской художественной прозы малой формы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 93–109. doi: 10.25205/1818-7935-2022-202-93-109
- Шерстинова Т.Ю., Москвина А.Д., Кирина М.А., Карышева А.С., Колпащикова Е.О. Тематическое моделирование русского рассказа 1900–1930: наиболее частотные темы и их динамика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам междунар. конф. «Диалог 2022». 2022. Вып. 21. С. 512–526.

29. Nikolenko S.I., Koltcov S., Koltsova O. Topic modelling for qualitative studies // *Journal of Information Science*. 2017. № 43 (1). P. 88–102. doi: 10.1177/0165551515617393
30. Grebennikov A.O., Marusenko N.M., Skrebtsova T.G. Mapping word frequencies in fiction on sociopolitical context: the case of early 20th century Russian short stories // *Terra Linguistica*. 2023. № 1. P. 21–29.
31. Loukachevitch N., Levchik A. Creating a General Russian Sentiment Lexicon // *Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference LREC-2016*. Portoroz, Slovenia : European Language Resources Association (ELRA), 2016. P. 1171–1176.
32. Genette G., Lewin J.E., Culler J.D. Narrative discourse: an essay in method // *Comparative Literature*. 1980. Vol. 32. P. 413–425.
33. Уолиин М. Это началось не с тебя. М. : Бомбора, 2024. 301 с.
34. Bischof J.M., Airoldi E.M. Summarizing topical content with word frequency and exclusivity // *International Conference on Machine Learning*. 2012. Vol. 29. P. 201–208.
35. Хмелевский С.В. Национальная военная музыка России как фактор патриотического воспитания // *Социально-политические науки*. 2020. № 1. С. 143–150.

References

1. Kossov, V. & Taha, Z. (eds) (2023) *La légitimation du politique : histoire, mémoire, pouvoir*. Paris: La Geste.
2. Kozachina, A.V. & Kolmogorova, A.V. (2023) *Strategii i sredstva legitimatsii institutsionalizirovannykh tsennostei v iaponskom pedagogicheskom diskurse* [Strategies and means of legitimizing institutionalized values in Japanese pedagogical discourse]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
3. Gramsci, A. (1971) *The Intellectuals, Selections from the Prison Notebooks*. New York: International Publishers.
4. Alexander, J.C. (2006) Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy. In: Alexander, J.C., Giesen, B. & Mast, J. (eds) *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. pp. 29–90.
5. Wodak, R. (1996) *Language behaviour in therapy groups*. Berkeley, CA: University of California Press; London: Longman.
6. Stompka, P. (2005) *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society]. Trans. from Polish by S.M. Chervonnaia. Moscow: Logos.
7. Veselovskii, A.N. (1940) *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow.
8. Kay, S. (2020) Songs of War: The Voice of Bertran de Born. *Transposition* [Online]. Hors-série. Vol. 2. doi:10.4000/transposition.3785
9. Balan, E.G. & Chesnokova, O.S. (2023) Semiotics of song discourse during the Spanish Civil War (1936–1939). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya iazyka. Semiotika. Semantika*. 14 (3). pp. 785–800. (In Russian). doi:10.22363/2313-2299-2023-14-3-785-800
10. Lassan, E. (2022) The Contemporary Russian Patriotic Song as a Phenomenon of a Post-Traumatic Society's Condition. *Slavistica Vilnensis*. 67 (2). pp. 110–125.
11. Hulak, N.A. (2022) The Traumatic Discourse of Captivity in the Songs of War Prisoners. *Traditional Culture*. 23 (2). pp. 60–70.
12. Ouma, C.E.W. (2022) Childhoods of War: "Na Craze World Be Dat". In: *Childhood in Contemporary Diasporic African Literature. African Histories and Modernities*. Palgrave Macmillan, Cham. doi:10.1007/978-3-030-36256-0_4
13. Kolesnikova, N.A. (2002) *Voennaya pesnya v dukhovnoi zhizni sovetskogo obshchestva* [War songs in the spiritual life of Soviet society]. Culture Cand. Diss. Moscow.
14. Maksimov, E.A. (2010) Frontovaya pesnia Velikoi Otechestvennoi voyny kak istoricheskii istochnik [Frontline songs of the Great Patriotic War as a historical source]. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kultura*. 1 (21). pp. 40–45.
15. Gudoshnikov, Ya.I. (1959) *Iazyk i stil pesen Velikoi Otechestvennoi voyny* [Language and style of songs of the Great Patriotic War]. Voronezh: Voronezh State University.
16. Eliseeva, T.A. (2009) Voennye pesni B.Okudzhavy [War songs of B. Okudzhava]. *Literatura v shkole*. 5. pp. 35–37.
17. Epatko, T.A. (2018) Leksikolizatsiya obraza travy v voennykh pesniakh kubanskikh kazakov [Lexicalization of the image of grass in war songs of Kuban Cossacks]. *Aktualnye voprosy gumanitarnykh nauk v sovremennykh usloviyakh razvitiia strany*. pp. 24–27.
18. Gasanova, M.A. (2016) Svoeobrazie voennykh pesen V. Vysotskogo [The uniqueness of V. Vysotsky's war songs]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 31 (2). pp. 33–41.
19. Vasilyuk, F.E. (1984) *Psikhologiya perezhivaniia* [Psychology of experience]. Moscow: MSU.
20. Aarelaid-Tart, A. (2004) Teoriya kulturnoi travmy (opyt Estonii) [Theory of cultural trauma (the Estonian experience)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 1. pp. 63–72.
21. Zarembo, V.S. (2023) *Sentiment-analiz korpusa pesennykh tekstov na russkom iazyke (sovetskii i postsovetskii periody)* [Sentiment analysis of a corpus of song lyrics in Russian (Soviet and post-Soviet periods)]. Master's thesis. St. Petersburg.
22. Tkacheva, E.S. (2023) *Geografiya v tekstakh korpusa pesen sovetskoi i rossiiskoi estrady cherez prizmu GIS-tehnologii* [Geography in the texts of the corpus of Soviet and Russian pop songs through the lens of GIS technologies]. Master's thesis. St. Petersburg.
23. Shamenko, A.L. (2023) *Tematicheskoe modelirovanie tekstov sovetskikh pesen* [Topic modeling of Soviet song texts]. Master's thesis. St. Petersburg.
24. Oiva, M. (2021) Topic Modeling Russian History. In: Gritsenko, D., Wijermars, M. & Kopotev, M. (eds) *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Palgrave Macmillan, Cham. doi:10.1007/978-3-030-42855-6_24
25. Ten, L.V. (2023) Topic modeling in the task of automatic categorization of news texts. *Terra Linguistica**. 14 (2). pp. 77–91. (In Russian). doi:10.18721/JHSS.14207
26. Mitrofanova, O.A. (2019) Issledovanie strukturnoi organizatsii khudozhestvennogo proizvedeniia s pomoshchiu tematicheskogo modelirovaniia: opyt raboty s tekstem romana "Master i Margarita" M.A. Bulgakova [Study of the structural organization of a literary work using topic modeling: experience working with the text of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"]. In: *Korpusnaia lingvistika-2019* [Corpus Linguistics–2019]. St. Petersburg. pp. 387–394.
27. Kirina, M.A. (2022) Comparison of topic models based on LDA, STM, and NMF for qualitative analysis of Russian short fiction. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaia kommunikatsiia*. 20 (2). pp. 93–109. (In Russian). doi:10.25205/1818-7935-2022-202-93-109
28. Sherstinova, T.Yu. et al. (2022) [Topic modeling of Russian short stories from 1900–1930: most frequent topics and their dynamics]. *Kompiuternaia lingvistika i intellektualnye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Dialog 2022 Conference Proceedings. Vol. 21. pp. 512–526. (In Russian).
29. Nikolenko, S.I., Koltcov, S. & Koltsova, O. (2017) Topic modelling for qualitative studies. *Journal of Information Science*. 43 (1). pp. 88–102. doi:10.1177/0165551515617393
30. Grebennikov, A.O., Marusenko, N.M. & Skrebtsova, T.G. (2023) Mapping word frequencies in fiction on sociopolitical context: the case of early 20th century Russian short stories. *Terra Linguistica*. 1. pp. 21–29.
31. Loukachevitch, N. & Levchik, A. (2016) Creating a General Russian Sentiment Lexicon. *Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference LREC-2016*. Portoroz, Slovenia: European Language Resources Association (ELRA). pp. 1171–1176.
32. Genette, G., Lewin, J.E. & Culler, J.D. (1980) Narrative discourse: an essay in method. *Comparative Literature*. 32. pp. 413–425.
33. Уолиин, М. (2024) *Это началось не с тебя* [It didn't start with you]. Moscow: Bombora
34. Bischof, J.M. & Airoldi, E.M. (2012) Summarizing topical content with word frequency and exclusivity. *International Conference on Machine Learning*. 29. pp. 201–208.

35. Khmelevskii, S.V. (2020) Natsionalnaia voennaia muzyka Rossii kak faktor patrioticheskogo vospitaniia [National military music of Russia as a factor of patriotic education]. *Sotsialno-politicheskie nauki*. 1. pp. 143–150.

Информация об авторах:

Колмогорова А.В. – д-р филол. наук, профессор департамента филологии, зав. лабораторией языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: akolmogorova@hse.ru

Колмогорова П.А. – стажер-исследователь лаборатории языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: pakolmogorova@edu.hse.ru

Куликова Е.Р. – стажер-исследователь лаборатории языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: erkulikova@edu.hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Kolmogorova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research University Higher School of Economics St. Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: akolmogorova@hse.ru

P.A. Kolmogorova, intern researcher, National Research University Higher School of Economics St. Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: pakolmogorova@edu.hse.ru

E.R. Kulikova, intern researcher, National Research University Higher School of Economics St. Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: erkulikova@edu.hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 12.02.2024;
approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/508/8

Поэтико-философская концепция собирания существования у Б. Пастернака и С. Кьеркегора

Алла Владимировна Радионова¹

¹ Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, allarad1@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрена концепция «собирание существования» в творчестве Б. Пастернака и в философском учении С. Кьеркегора. Сравнительный анализ формирующих ее метатропов, мотивов и микросюжетов показал единство метатекста в лирике и прозе Пастернака и аналогичных в работе «Или – или» С. Кьеркегора. Определена роль этих элементов в проявлении закона собирания существования, согласно которому перед творческой личностью стоит задача улавливать мгновения, переводить их в факты эстетического, сохраняя в вечности.

Ключевые слова: Б. Пастернак, С. Кьеркегор, парадигма, образ, мотив, существование, метатекст, поэтико-философское поле

Для цитирования: Радионова А.В. Поэтико-философская концепция собирания существования у Б. Пастернака и С. Кьеркегора // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 77–85. doi: 10.17223/15617793/508/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/8

The poetic-philosophical concept of collective existence in Boris Pasternak and Søren Kierkegaard

Alla V. Radionova¹

¹ Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, allarad1@rambler.ru

Abstract. The aim of the article is to consider the paradigm of "collective existence" in the works of Boris Pasternak and in the philosophical teachings of Søren Kierkegaard. The material for the research was Pasternak's lyrics and prose, including the epistolary genre, and Kierkegaard's philosophical works, mainly "Either/Or". The study was conducted on the basis of a comparative analysis of poetic paradigms, a set of themes, motifs and images. A comparison of these elements was made, firstly, in different texts of the same creative system. Secondly, the points of contact between the texts of the two authors were examined. The article analyzes how Kierkegaard, with the help of poetic images, explained the concept of existential longing, despair, which forces a person to collect himself, as well as collect the past in the present, despair again and collect himself again. It is also shown that this paradigm of Pasternak, reproduced many times in different genres, forms a concept associated with an existential understanding of consciousness, time and the objectivity of the world. The motif of combining disparate things into something whole marks the nature of the process of spiritual birth and rebirth, while insignificant little things become the material of existence. Metatropes common to the two authors are identified, around which similar microplots are formed, helping to reveal the essence of existence. Their role in the manifestation of the law of collecting existence is determined, according to which a creative person is faced with the task of capturing moments, translating them into aesthetic facts, preserving them in eternity. Paradigms are examined in detail: "nest" is an image symbolizing the gathering of personal being, from which the universal arises; "woman's handicrafts" is an image of creating a world by combining the details of real and experienced, aesthetic spaces; "miser" is an image of creative consciousness collecting moments, impressions, unique treasures-words for the realization of a work; "riddles raised from the bottom of the lake" is a complex image that reflects the process of maturation of the soul, in which, in the depths of consciousness, under the moving activities of vanity and everyday life, values that make up the spiritual sphere of the individual arise. It is concluded that the named metatropes in both authors unfold into microplots, in situations that help express the essence of gathering the world into oneself; that Pasternak's metaphorical principle of lattice, uniting the themes of nest and fabric, illustrates the harmonization of the historical and aesthetic. The examples noted in the article demonstrate the complexity of the coincidence of contexts, microplots and metatropes of Pasternak with similar ones in the work "Either/Or" by Kierkegaard, which confirms their metatextual nature. The author of the article showed the complex nature of this metatextuality, expressed in the commonality of a complex of images of different creative systems; within one creative system in different genres; as well as in the use of this complex to characterize the very process of word creation, the nature of the manifestation of genius.

Keywords: Boris Pasternak Søren Kierkegaard, paradigm, image, motive, existence, metatext, poetic and philosophical field

For citation: Radionova, A.V. (2024) The poetic-philosophical concept of collective existence in Boris Pasternak and Søren Kierkegaard. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 77–85. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/8

Однажды в разговоре с Ольгой Карлайл Борис Пастернак сказал, что именно «Кьеркегору, почти неизвестному в те годы, выпала миссия оказать глубокое влияние на наш век» [1. С. 171–172]. Это влияние было хорошо осознано Пастернаком. Оно объясняет точки соприкосновения поэтико-философских полей в текстах датского философа и русского писателя. Одним из таких пересечений является концепция ‘собрание существования’. В творчестве Б. Пастернака она связана с темами, касающимися философии времени (собрание времени), предметности мира (мотивы собирания элементов пространства, реалий природы). Многократно повторяются мотивы собирания вещей в дорогу, вагонов – в поезд, людей – в любые сборища, абстрактных реалий – в человека. И за всеми этими сборами стоит самый важный мотив – собирание себя. В письме родителям 1926 г. Пастернак объяснил суть своего поэтического метода: «Я выражу не все, но очень многое о себе, если скажу, что отличительная моя черта состоит во втягивании широт и множеств и отвлеченностей в свой личный, глухой круг; в интимизации, – когда-то: мира и теперь: истории; в ассимиляции собирательной, сыпучей бесконечности – себе» [2. С. 707].

Сходный мотив *Selvfortærelse* (буквально – самопотребление, в контекстном переводе Н.В. и С.А. Исаевых – собирание существования) использовал Серен Кьеркегор в работе «Болезнь к смерти»:

«Воля его направлена как раз к тому, чтобы самое себя уничтожить, однако именно этого оно и не может, и само это бессилие является иным видом уничтожения самого себя, в котором отчаяние вторично не достигает своей цели – уничтожения Я; напротив, это собирание воедино существования или же сам закон такого собирания. Именно здесь обнаруживается крепкая кислота, язва отчаяния, эта мольба, чье острие, обращенное вовнутрь, все более погружает нас в бессильное самоуничтожение. Вовсе не утешая отчаявшегося, неспособность отчаяния его уничтожить, напротив, оказывается пыткой, что постоянно возобновляет свою боль, свои укусы; ибо только беспрестанно собирая в настоящем прошлое отчаяние, он отчаивается в том, что сумеет поглотить себя или же избавиться от своего Я, уничтожить себя. Такова формула накопления отчаяния, подъема лихорадки в этой болезни Я» [3. С. 297]¹.

Кьеркегор рассуждал по поводу отчаяния, которое может погубить душу человека и, препятствуя обретению вечности, стать «болезнью к смерти». Но также оно может способствовать обращению к Богу и укреплению веры. Пребывать в отчаянии – значит умирать, не умирая, и переживать свою смерть не как событие, а как процесс. При этом, отчаиваясь, человек отвергает самого себя, затем, «собирая воедино», обретает новое существование, в котором вновь отчаивается. Так действует закон собирания – самопотребления в терминологии Кьеркегора. Каждый раз отчаяние все больнее и глубже, поскольку прошлое отчаяние собирается в

настоящем. Это пульсирующее чередование собирания – распада – собирания – распада... и снова собирания, сопровождающееся болезненным состоянием («Naget» – мучения, «Feberens» – трясучка, лихорадка, «Sugdom» – тяжелое заболевание), чему созвучна пастернаковская «высокая болезнь», развивающаяся по той же траектории. Переключка двух авторов создает общее метатекстуальное поле². Отчаяние заставляет человека собирать прошлое в настоящем. Оно живет в нем непрекращающейся болью, это лихорадка заставляет уничтожать свое «я», отказываться от него. Подобно Кьеркегору, Пастернак описал состояние мятущегося духа, используя темы изъязвленности, бреда, потрясения³.

То, что этот мотив для Кьеркегора не случаен, подтверждают тексты других его работ. В «Страхе и трепете» Авраам представлен как герой веры, оказавшийся в ситуации полного самоотречения. Движение веры, когда он возносит нож над долгожданным сыном, дарованным Богом, автор описал так: «Авраам также обладает сосредоточенностью героя, хотя для него она гораздо тяжелее, поскольку у него нет вообще никакой опоры во всеобщем, однако он делает еще одно движение, благодаря которому он вновь собирает свою душу воедино вокруг чуда» [3. С. 75]⁴.

Здесь он использовал образный мотив «samler sin Sjæl» («собирает свою душу»). С ним связан концепт «Ens Grændse» («границы себя»): «Недостает, прежде всего, силы повиноваться, подчиняться необходимости, заключенной в нашем Я, тому, что можно назвать нашими внутренними границами» [3. С. 313]⁵.

Но самый показательный фрагмент, содержащий целое созвездие образов, которые раскрывают разные аспекты концепции собирания существования, мы обнаруживаем в «Или – или». Кьеркегор дал описание восприятие музыки Моцарта, эротически-эстетическое воздействие которой вызывает подъем духа. При этом человек аккумулирует все состояния, особенно свойственные детству и юности, когда личность производит обирание существования вокруг себя и в себе:

«То, что вы любили некогда с юношеским воодушевлением и чем восхищались с юношеским пылом, то, что вы тайно и скрытно хранили в самых глубинах своей души, то, что вы прятали в своем сердце, – к этому вы всегда подходите с некоторой робостью, со смешанными чувствами, особенно когда знаете, что задача здесь – прежде всего понять. То, что вы учились распознавать мало-помалу, как птица, собирающая соломинки для гнезда, больше радуясь самой малой его частице, чем всем богатствам мира; то, чему внимало любящее ухо, когда вы были одиноки среди толпы, когда прятались в своем укрытии; то, что выхватывал жадный слух, никогда не насыщавшийся, то, что слух ваш скрывал, как скупец, никогда не чувствуя себя в безопасности, то, чье слабое эхо никогда не разочаровывало бессонное бодрствование чуткого слуха; то, что вы проживали день за днем, то, что заново воспринималось ночью, прогоняя сон или

делая его беспокойным, то, что виделось вам во сне и что снова представало как бы в сновидении днем, то, из-за чего вы вскакивали с постели посреди ночи, боясь забыть о нем, проснувшись; то, что жило в вашей душе в минуты высшего наслаждения, то, что вы всегда держали под рукой, как женщина держит корзинку с рукоделием; то, что преследовало вас светлыми лунными ночами, в пустынных лесах, у океанского берега, на унылых улицах, посреди ночи, на рассвете; то, что было вашим спутником, когда вы ехали верхом, вашим попутчиком, когда вы путешествовали в карете; то, что наполняло собой ваш дом, чему была свидетелем ваша комната, то, что звучало у вас в ушах и отзывалось в душе, то, что душа ваша спряла как тончайшую нить, – вот это теперь и открывается вашей мысли. Как загадочные создания старинных легенд поднимаются со дна океана, все покрытые водорослями, так и это впечатление теперь восстает из моря памяти, перевитое воспоминаниями. Душа печалится, а сердце смягчается; вы чувствуете себя так, как если бы прощались с ним навсегда, как если бы расставались, не надеясь встретиться более ни во времени, ни в вечности» [11. С. 86]⁶.

Мотив собирания разрозненного в нечто целое отмечает природу процесса духовного возрождения и перерождения. Понимание мира в детстве и юности подобно птице, собирающей соломинки для гнезда, жадному уху, которое ловит каждый звук, женщине, которая держит рукоделие всегда под рукой, морскому дну, покрытому водорослями. Также этот процесс собирания мира в себе подобен плетению душой тончайшей ткани («Sjælen har indspundet i sin fineste Væv»). Кьеркегор в этих образах подчеркнул важность мелких проявлений бытия, сопутствующих становлению сознания, всего, что может показаться незначительным, но при этом создает личность и ее дух.

‘Гнездо’, ‘скупец’, ‘рукоделие женщины’, ‘загадки, поднятые со дна озера’. Все эти темы являются метатропами у Пастернака (о метатропах см.: Н. Фатеева [13]). Причем они также связаны единством поэтико-философского поля. Гнездо символизирует процесс формирования личного бытия из элементов внешнего. Оно эквивалентно собиранию ценностей скупцом и рукодельному сооружению мира. Добываются эти ценности путем совмещения проявлений объекта в реальном и эстетическом пространстве, когда взаимно одно из другого выбирает самое ценное для осуществления бытия. У Пастернака, кроме нескольких случаев, в которых гнездо символизирует средоточие зла, складывается парадигма с положительным значением. В «Определении души» тема гнезда связана с переживанием катаклизма природного и исторического одновременно (*Нашу родину буря сожгла. / Узнаешь ли гнездо свое, птенчик?* [14. С. 132]). А последняя строфа проводит с вариациями мысль о соединении элементов: *О, не бойся, приросшая песнь! / И куда порываться еще нам? / Ах, наречье смертельное «здесь» – / Невдомек содержание страшному* [14. С. 132].

И в стихотворении «Памяти Рейснер» тема гнезда включена в поэтический слепок картины свершающейся истории: *А в перегонном кубе все упрямей / Варилась жизнь, и шла постройка гнезд. / Работы оцепляли фонарями / При свете слова, разума и звезд.* А начинается стихотворение с сожаления лирического субъекта о том, что

он не является смертью: *Я б разузнал, чем держится без клею / Живая повесть на обрывках дней* [14. С. 226]. Повесть, держащаяся на обрывках дней, – образ, относящийся к типу тропов, посредством которых автор описывает структуру мироздания, основанную на гармонии реального и эстетического. В их основе лежит идея соединения разнородных элементов. Они базируются либо на принципе решетчатости, либо на принципе зеркальности. Гнездо относится к первому типу.

Как и у Кьеркегора, гнездо – символ собирания личного бытия, из которого возникает и вселенское. Не случайно гнездо появляется в образе телеграфа, символизирующего связанность мира (*Там, как прежде, в фарфоровых гнездах / Колченого хромал телеграф* [15. С. 77]). В стихотворении «Весеннею порою льда...» переплетены мотивы весеннего обновления мира, печали о прошлом и о женской доле, библейского очищения земли в катаклизмах. Здесь принципы решетчатости и зеркальности соединяются в комплексный образ отражения усадьбы в талой воде: *В краях заката стоял лед. / И по воде, оттаяв, / Гнездом сполоснутым плывет / Усадьба без хозяев* [15. С. 88]. Поэтическую парадигму продолжает образ ‘дом → гнездо стрижа’ в «Липовой аллее». И если в этих текстах объединение понятий «гнездо» и «дом» можно объяснить устойчивым языковым тропом, то в прозаической аналогии стихотворения «Весеннею порою льда...» – фрагменте описания ранней весны из первых опытов о Реликвимии (концептуальные для своей поэтико-философской системы ситуации Пастернак разрабатывал, дублируя в поэзии и в прозе) – гнездо характеризует акустический образ города, в котором взаимосвязь разрозненного символизируют мосты⁷. Гнездятся не только звуки города, но и заря [16. С. 486], облака над башенными часами [16. С. 170], потемки [16. С. 175], горелки [16. С. 505], смола [16. С. 510].

Совершенно определенно Пастернак высказался на данную тему, раскрыв философское основание образа гнезда в «Охранной грамоте»⁸. Мир представляется гнездом, слепленным из земли и неба. А в текстах, посвященных весне, тот же смысл несут образы отражений неба в водной глади на земле. У Кьеркегора «силой сцепления» является истинное христианство, противопоставленное формальной церковности. И в «Охранной грамоте» закодирован выбор автора в пользу христианства, христианской традиции европейской культуры, сопротивления своим творчеством жесткой власти государства [17]. Метатекстуальность данного образа имеет тройную степень. Она проявляется в том, что образ гнезда и его контекст являются точкой соприкосновения с трактатом Кьеркегора. Во-вторых, образ формирует парадигму, элементы которой повторяются в лирике, художественной и публицистической прозе. В-третьих, он имеет черты метатекста в том смысле, который этому термину придавал Ю.М. Лотман, т.е. описывает сам текст и принцип текстостроения (когда «объектом изображения становится само литературное изображение» [18], см. также: [19]). С его помощью Пастернак характеризовал «центральное я» по терминологии своего марбургского учителя П. Наторпа, которое есть «гнездо содержаний» [5. С. 308]. А делая для себя заметки о структуре планируемого произведения, он писал о задаче группировки текста

для «достижения отдельных гнезд и точек частичного, подчиненного единства» [5. С. 578]. В эпистолярном жанре автор использовал метафоры ‘стихи Ахматовой → гнезда сплошных драгоценностей, звездные скопления’, ‘мир «Поверх барьеров» → гнезда’. Пастернак называл чудесным стихотворение Симона Чиковани «Гнездо ласточки», которое перевел с грузинского: *Ласточка искусней нишет прутья, / Чем иглой работает швея. / Это попеченье об уюте / Сказочнее пенья соловья* [20. С. 504]. Оно близко лирике Пастернака именно тем, что Чиковани максимально сблизил все образы рассматриваемого комплекса: ласточка – гнездо – швея – рукоделие – соловей (поэтический дар). Устройство гнезда (рукотворность мира) соотносится с реализацией поэтического дара, приоритетно по отношению к нему и дает ему истинную мотивацию.

После сравнения с птицей и гнездом и перед сравнением с женщиной и рукоделием Кьеркегор употребил образ уха-скупца, боящегося потерять обретенные сокровища. Так и Пастернак вводит тему скупости в комплексе с темой женского рукоделия: *Кругом весна, но за город нельзя. / Еще строга заказчица скупая. / Глаза шитьем за лампой слезя, / Горит заря, спины не разгибая* [14. С. 213]. Тема скупости определяет необходимость строго отбирать материал для искусства, оставляя зерна философских прозрений, явленных самими фактами бытия, но отказываясь от многословных рассуждений по их поводу. Так, героиня «Доктора Живаго» Лара высказывается по поводу философии, отказывая ей в самостоятельном значении: «По-моему, философия должна быть скупой приправой к искусству и жизни» [21. С. 404]. К той же теме скупости писатель обращался многократно, когда нужно охарактеризовать искусство высокого уровня мастерства или степень раскрытия автором своих намерений и своей судьбы. Например, в письме начинающему автору Л.А. Ельницкому, написанном в ответ на присланные Пастернаку тексты, мэтр, используя понятие «скупое», критиковал адресата за неумение избавляться от красивого пустословия⁹. Напутствие писать «скупее и существеннее» было обращено к Вяч. Вс. Иванову [6. С. 352]. Жадность – это накопление впечатлений [16. С. 46]. Она характеризует процесс взаимодействия разных реальностей, диффузию между ними, при которой происходит отражение и впитывание¹⁰.

Мотив рукоделия сопровождает процесс создания мира из деталей реального и эстетического пространств. Рукоделием занимаются природные объекты, образуя характерный для исторической эпохи пейзаж:

Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Россия волшебною книгою
Как бы на сердке открыта.

И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.

Октябрь серебристо-ореховый,
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана. [15. С. 125]

В этом стихотворении «Зима приближается» (очень похожий контекст вокруг темы «рукоделье» и в стихотворении «Чирикали птицы и были искренни...») гармонизация исторического, эстетического и реального пространств, кроме прямого указания на авторов литературы, музыки и живописи, причастных к увековечиванию русской жизни, происходит с помощью системы образов: ‘нивы → алфавиты’, ‘Россия → волшебная книга, рукоделье’, ‘метель → писатель’. Женщина, занимающаяся рукоделием и шитьем, стала обязательным образом бытия, формирующегося из мгновений и сплетающийся в вечность. Занята шитьем Генриетта в «Драматических отрывках» [15. С. 213], Наташа в «Повести» [16. С. 101], портниха становится для Живаго вестницей о Ларе и о Тоне, отмечает его смерть и преобразование [21. С. 380–385], ‘жизнь создает человека → шьет его’ [16. С. 37].

И еще один близкий Пастернаку образ в ряду сравнений Кьеркегора касается чего-то загадочного, поднимаемого со дна океана. Он связан с мотивами отражений, когда верхняя, небесная бездна соединяется с нижней, водной. Также поэт неоднократно в этом мотиве сближал лесную и небесную стихии. И не только в прямом описании отражения одной стихии (неба или деревьев) в другой, но и в переносном, уподобляя одну стихию другой: *Там волны выше этих веток, / И, сваливаясь с валуна, / Обрушивают град кроветок / Со взбаламученного дна* [21. С. 108], или в «Счастье»: *На плоской листве. Океане / Расплавленных почек. На дне / Бушующего обожанья / Молящихся вышине...* [14. С. 94]. Мотив поднятого со дна повторяется не один раз. А в «Морском штиле», например, наряду с этим и еще несколько мотивов соотносятся с фрагментом Кьеркегора:

«Морской штиль» Б. Пастернака [14. С. 232–233]	«Enten-Eller» S. Kierkegaard [12. С. 43–44]
Ночные ведения	
Палящим полднем вне времен В одной из лучших экономий Я вижу движущий сон, – Историю в сплошной истоме.	«...hvad man har gjenlevet i Natten, hvad der har forjaget Søvnens og gjort den urolig, hvad man har drømt om i Søvn, hvad man er vaagnet op til for vaagen atter at drømme derom, for hvis Skyld man sprang op midt i Natten af Frygt for at glemme det...» («...то, что заново воспринималось ночью, прогоняя сон или делая его беспокойным, то, что виделось вам во сне и что снова представало как бы в сновидении днем, то, из-за чего вы вскакивали с постели посреди ночи, боясь забыть о нем, проснувшись...») [11. С. 86]
Проникновение внешнего пространства во внутреннее	
В окно ж из комнат в этом доме Не видно ни с каких сторон Следов знакомой жизни, кроме Воды и неба вне времен.	«...hvad Hjemmet har været gjennemtrængt af, hvad Værelset har været Vidne til...» («...то, что наполняло собой ваш дом, чему была свидетелем ваша комната...») [11. С. 86]

Прошлое восстает со дна	
А там, с обмылками в обнимку, С бурлящего песками дна, Как кверху всплывшая клубника, Круглится цельная волна.	«...som hine gaadefulde Væsener i Fortidens Fortællinger stige op fra Havsens Bund indklædte i Tang, saaledes reiser det sig op af Erindringens Hav indflettet i Minder» («Как загадочные создания старинных легенд поднимаются со дна океана, все покрытые водорослями, так и это впечатление теперь восстает из моря памяти, перевитое воспоминаниями» [11. С. 86])

Еще более точно совпадает образ из лирики первых опытов Пастернака с образом Кьеркегора ‘вспоминать → поднимать со дна океана / моря’ в стихотворении «Так страшно плыть с его душой...»: *Как страшно – вспоминать со дна, / Со дна, где всё навеки жалко, / Там в поднебесии видна / Твоя нетонущая палка* [15. С. 290]. У Кьеркегора сразу после фрагмента с образом впечатлений, восстающих со дна памяти, следует «Душа печалится...» («Sjælen bliver vemodig»). И у Пастернака сближены мотивы печали и поднятия со дна: *В колодезь ее обалделого взгляда / Бадьей погружалась печаль и, дойдя / До дна, подымалась оттуда балладой / И рушилась былью в обвязке дождя* [14. С. 101]. Образный мотив поднятия со дна повторяется в поэме «Лейтенант Шмидт» [14. С. 291], в вариантах стихотворений «Венеция» [14. С. 432] и «Подражатели» [14. С. 461]. Мотив сна сопровождает мотив опускания ко дну в описании болезненного забытья девочки в «Детстве Люверс»¹¹. В повести о взрослении девочки Жени сказано посредством того же комплекса¹². Опускание на дно или поднятие со дна повторяется многократно в прозе [16. С. 174, 223, 268, 342, 405, 435, 441, 490, 492]. Соединяется «верх» и «низ» в «Докторе Живаго»: «В этой заводи, казавшейся безбрежной, вместе с лугами, ямами и кустами, были утоплены столбы белых облаков, сваями уходившие на дно» [21. С. 237]. И не раз еще в романе упоминается это дно размышлений [21. С. 496], дно души [21. С. 33, 534], дно водоворота жизненных перипетий [21. С. 506].

Как Кьеркегор в контексте приведенного фрагмента сравнил музыку Моцарта с обретенными и собранными смыслами жизни, так и Пастернак эти смыслы, заложенные в языке, назвал музыкой и потоком, обтачивающим «камни дна»¹³. И очень близко он описал любовь к Ларе, ее женскую природу, в которой собираются все ценности существования¹⁴, повторив мотив поднятия со дна и в прозаической, и в поэтической частях романа: *в года мытарств, во времена / Немыслимого бытия / Она волной судьбы со дна / Была к нему прибита...* [21. С. 535].

Мысль о сложности внутренней работы человека над своей духовной сущностью иллюстрирована образом водной стихии, спокойной на поверхности и активной у дна. Так Пастернак написал в письме от 14 июня

1924 г. М. Цветаевой¹⁵. Он сравнил их отношения с водной стихией, спокойная гладь которой обманчива, а у дна производиться значительная работа, когда поток «проволакивает по своему дну все воспринятое». То же писал Кьеркегор: «Om det ethiske individ kan man sige, at han er som det stille Vand, der har den dybe Grund, hvorimod Den, der lever æsthetisk, blot er overfladisk bevæget» [22. S. 230] («Об этическом индивиде можно сказать, что он подобен тихим водам, где дно лежит глубоко, – тогда как тот, кто живет эстетически, волнуется лишь поверхностно» [11. С. 732]).

Для датского философа в этом образе важно, что он подчеркивает несоответствие сути и видимости явления. То, что кажется простым, на самом деле сложно, а за внешней суетой может не быть никакого содержания: «...for Dig er et oprørt Hav et Billede paa Liv, for mig er det stille dybe Vand det. Ofte har jeg siddet ved et lille rindende Vand. Det er altid det samme, den samme sagte Melodi, det samme Grønt paa Bunden, der høier sig under dets rolige Bølge, de samme Smaa-Dyr, der bevæge sig dernede <...>. Hvor eensformigt, og dog hvor rigt paa Forandring!» [22. S. 130] («...для тебя образом жизни является бушующее море, для меня же – спокойные глубокие воды. Мне часто случалось сидеть у маленького бегущего ручья. Он всегда один и тот же, – всё та же тихая мелодия, та же зелень водорослей на дне, колеблемая медленными колыканиями воды, те же крошечные существа, движущиеся там <...>. Как все однообразно – и как богато переменами!» [11. С. 620]). Это повторяющееся в разных текстах сравнение Кьеркегора, с помощью которого он разъяснил черты музыки Моцарта, поразительно точно Пастернак воспроизвел в стихотворении «Музыка»: *И вот в гостиной инструмент, / И город в свисте, шуме, гаме, / Как под водой на дне легенд, / Внизу остался под ногами* [15. С. 175]. Оба текста говорят о воздействии гениальной музыки на слушателя, расширяющем его сознание до бесконечного пространства-времени.

А в другом письме М.И. Цветаевой от 25 марта 1926 г. содержится сразу несколько мотивов кьеркегоровского комплекса, что показывает необычайную схожесть мышления рассматриваемых авторов. Благодаря образной системе эти мотивы и у Кьеркегора, и у Пастернака формируют микросюжеты:

«Или – или» С. Кьеркегора	Письмо Б. Пастернака М. Цветаевой от 25 марта 1926 г. [2. С. 621–627]
Творческое сознание фиксирует действительность → плетет нить	
«De udspinde ufortrødent, uden at see til Høire eller Venstre, deres Passiars tynde Traad, og de gjøre med deres Snak og med deres Skrift samme Virkning i Livet som Møllen i et Eventyr, hvorom det hedder: medens Alt dette nu skeete, gik Møllen klip klap, klip klap» [12. S. 209]. («Они старательно плетут, не оглядываясь по сторонам, тоненькую нить своей болтовни, и своими речами и творчеством производят в жизни то же действие, что и знаменитая мельница из сказки, о которой говорилось: “И пока все это происходило, мельница молла клип-клап, клип-клап”» [11. С. 264])	«...нить, которая сучится действительностью...»

Творческое сознание выходит за пределы себя	
«Du er kun i Dig selv, naar der er Modstand, men derfor er Du egentlig aldrig i Dig selv, men bestandig udenfor Dig selv. <...> Du er uden for Dig selv, og derfor kan Du ikke undvære det Andet som Modstand...» [22. S. 130]. («Ты пребываешь внутри, в себе самом, только тогда, когда этому есть некое противостояние, – но это значит, что ты по сути никогда не бываешь в себе самом, а всегда – за пределами самого себя. <...> Ты пребываешь за пределами себя самого, а потому не можешь обойтись без чего-то иного в качестве противоречия» [11. С. 620])	«Так должны шевелиться губы человеческого гения, этой твари, вышедшей из себя»
Творческое сознание сохраняет прошлое → подымает со дна	
«...som hine gaadefulde Væsener i Fortidens Fortællinger stige op fra Havsens Bund indklædte i Tang, saaledes reiser det sig op af Erindringens Hav indflettet i Minder» [22. S. 43]. («Как загадочные создания старинных легенд поднимаются со дна океана, все покрытые водорослями, так и это впечатление теперь восстает из моря памяти, перевитое воспоминаниями» [11. С. 86])	«...звук, какой, засуча рукава, ты из кучи можешь достать с моего дна»
Творческое сознание фиксирует моменты	
«Men til en æsthetisk Fremstilling hører altid en Concentration i Momentet, og jo rigere denne Concentration er, desto større er den æsthetiske Virkning» [22. S. 121]. («Однако для эстетического представления всегда требуется сосредоточенность на моменте, и чем богаче эта сосредоточенность, тем сильнее эстетическое воздействие» [11. С. 608])	«Вечный это мир весь начисто мгновенен (как в жизни только молния). Следовательно, его можно любить постоянно, как в жизни только – мгновенье»
Творческое сознание → суфлер высшей силы	
«Her er jeg ved det Høieste i det Æsthetiske. Og i Sandhed, Den der har Ydmyghed og Mod nok til her at lade sig æsthetisk forklare, Den der føler sig med som en Person i det Skuespil, Guddommen digter, hvor Digteren og Souffleuren ikke ere forskjellige Personer, hvor Individet, som den øvede Skuespiller, der har levet sig ind i sin Charakter og sin Replik, ikke forstyrres af Souffleuren, men føler, at det, der tilhviskes ham, er det, han selv vil sige, saa det næsten bliver tvivlsomt, om han lægger Souffleuren Ordene i Munden, eller Souffleuren ham. Den der i dybeste Forstand føler sig paa eengang digtende og digtet, der i det Øieblik, han føler sig digtende, har Replikkens oprindelige Pathos, i det Øieblik, han føler sig digtet, det erotiske Øre, der opfanger enhver Lyd, han og først han har realiseret det Høieste i Æsthetiken» [22. S. 124–125]. («Здесь я дошел до высшей точки внутри сферы эстетического. И в самом деле, тот, у кого довольно смирения и мужества, чтобы позволить себе эстетически преобразиться, тот, кто чувствует себя персонажем драмы, сочиняемой Богом, – драмы, в которой автор-поэт и суфлер соединены в одной и той же личности; драмы, в которой индивид, подобно завязному актеру, вжившемуся в свой персонаж и его реплики, не раздражается оттого, что есть этот суфлер, но чувствует: слова, что тот ему нашептывает, и есть те самые слова, которые он сам хотел произнести, так что он сам готов усомниться – суфлер ли то вкладывает ему в уста некие слова, или же он сам подсказывает их суфлеру; тот, кто в глубочайшем смысле слова ощущает себя одновременно поэтом-сочинителем и сочиненным им произведением; тот, кто в мгновение, когда ощущает себя поэтом-творцом, сам владеет изначальным пафосом своих строчек, – когда же ощущает себя сотворенным произведением, обладает эротическим слухом, различающим каждый звук, – тот и только тот действительно реализовал самое высшее в эстетике» [11. С. 613]).	«Субъективно то, что только написано тобой. Объективно то, что (из твоего) читается тобой или правится в гранках, как написанное чем-то большим, чем ты. <...> И этим именно ты больше себя: что ты там, в произведении, а не в авторстве»
творчество → рукоделие	
«...hvad der har viist sig for En i de mest begeistrede Øieblikke, hvad man som en qvindelig Syssel altid har havt ved Haanden...» [22. S. 43]. («...Что жило в вашей душе в минуты высшего наслаждения, то, что вы всегда держали под рукой, как женщина держит корзинку с рукоделием...» [11. С. 86]).	«Не оттого ли, что по детской глупости работалось постоянно одно, то именно “ты”, которое оказалось налицо, и это одно поролось за работой, за гниlostью нитки, за гниlostью затей»

Фрагменты «Или – или» Кьеркегора отзываются в одном письме Пастернака семью микросюжетами: ‘действительность плетет нить’, ‘гений выходит за пределы себя’, ‘звуки поднимаются со дна’, ‘вечное мгновенно’, ‘автор создает произведение под воздействием высшей силы’, ‘автор сам является произведением’, ‘сотворение эстетической действительности подобно женскому рукоделию’. ‘Дно’, ‘нить’ и ‘рукоделие’ входят в круг метатропов Пастернака.

Рассматривая парадигму ‘собираение существования’ в творчестве Б. Пастернака, мы видим, что многократное ее воспроизведение в разных жанрах формирует концепцию, связанную с экзистенциальным осмыслением сознания, времени и предметности мира.

Образы нити, сети, ткани, реализующие принцип решетчатости, метатропы ‘гнездо’, ‘скупец’, ‘рукоделие женщины’, ‘загадки, поднятые со дна озера’, выявляют суть собирания мира в себе. Накопление и отбор впечатлений становится частью творческого процесса, в ходе которого сохраненные и переведенные в сферу эстетического мгновения формируют вечность. Это решает проблему расколотой индивидуальности, когда субъект выходит за рамки систем и превращает экзистенцию в «ежесекундное переживание моего пребывания в мире» [22. S. 13]. Метатекстуальный характер рассмотренных парадигм подтверждают точки соприкосновения образуемого ими поэтико-философского поля с творчеством С. Кьеркегора. Оба автора форми-

ругуют вокруг указанных метатропов микросюжеты, помогающие раскрыть сущность экзистенции. Преодолевая смертность, зорко смотреть на мир призывал Пастернак. Так он выстраивал свой метафорический ме-

тод объяснения мира «мгновенными и сразу понятными озарениями», называя этот усиленный метафоризм «стенографией большой личности» и «скорописью ее духа» [5. С. 73].

Примечания

¹ «Dog er Fortvivlelse just en Selvføttelse, men en afmægtig Selvføttelse, der ikke formaaer hvad den selv vil. Men hvad den selv vil er at fortære sig selv, hvilket den ikke formaaer og denne Afmægt er en ny Form af Selvføttelse, i hvilken dog Fortvivlelsen atter ikke formaaer hvad den vil, at fortære sig selv, det er en Potentsation eller Loven for Potentsationen. Dette er det Hidsende, eller det er den kolde Brand i Fortvivlelsen, dette Nagende, hvis Bevægelse er bestandigt ind efter, dybere og dybere i afmægtig Selvføttelse. Det er saa langt fra at det er nogen Trøst for den Fortvivlede, at Fortvivlelsen ikke fortærer ham, det er lige det Modsatte, denne Trøst er just Qvalen, er just hvad der holder Naget ilive og Liv i Naget; thi just derover – ikke fortvivlede – men fortvivler han: at han ikke kan fortære sig selv, ikke kan blive af med sig selv, ikke kan blive til Intet. Dette er den potentserede Formel for Fortvivlelsen, Feberens Stigen i denne Selvelts Sugdom» [4. С. 132].

² О Кьеркегоре Пастернак с уважением отзывался в публицистической работе и частном письме [5. С. 282; 6. С. 534], обсуждал его философию с близкими [7. С. 55]; держал в рабочем кабинете книги о нем и делал в них пометки [8. С. 48; 9. С. 374].

³ «Все слабые стороны чувствительности, одновременно и христианской, и просто-напросто животной, изъязвлены и подняты во мне до бреда, до сердечного потрясения. Жизнь, как она у меня сложилась, противоречит моим внутренним пружинам. Я это помню и знаю всегда и в нормальных условиях всегда этому противоречью радуюсь» [2. С. 371].

⁴ «Heltens Concentration har Abraham ogsaa, om den end i ham er langt vanskeligere, da han slet intet Tilhold har i det Almene, men han gjør endnu en Bevægelse, hvorved han samler sin Sjæl tilbage paa Vidunderet» [10. С. 127].

⁵ «Det, der fattes er egentligen Kraft til at lyde, til at bøje sig under det Nødvendige i Ens Selv, hvad der maa kaldes Ens Grændse» [4. С. 149].

⁶ «Hvad man har elsket med ungdommeligt Sværmeri, hvad man har beundret med ungdommelig Enthusiasme, hvad man i Sjælens Inderlighed har vedligeholdt en hemmelighedsfuld gaadefuld Omgang med, hvad man har gjemt i sit Hjerte: det nærmer man sig altid til med en vis Sky, med blandet Følelse, naar man veed, at Hensigten er at ville forstaae det. Hvad man Stykke for Stykke har lært at kjende, som en Fugl indsanket hvert lille Straa for sig, gladere over hver lille Deel end over hele den øvrige Verden; hvad det elskende Øre eensomt har indsuget, eensomt i den store Folkemængde, ubemærket i sit lønlige Skjul, hvad det graadige Øre har opfanget, aldrig mættet, det gjerrige Øre har gjemt, aldrig tryk, hvis sagteste Gjenlyd aldrig har skuffet det speidende Øres søvnløse Opmærksomhed; hvad man har levet i om Dagen, hvad man har gjenlevet i Natten, hvad der har forjaget Sønnen og gjort den urolig, hvad man har drømt om i Søvn, hvad man er vaagnet op til for vaagen atter at drømme derom, for hvis Skyld man sprang op midt i Natten af Frygt for at glemme det; hvad der har viist sig for En i de mest begejstrede Øieblikke, hvad man som en qvindelig Syssel altid har havt ved Haanden; hvad der har fulgt En i de lyse, maaneklare Nætter, i eensomme Skove ved Søens Bredder, i de skumle Gader, midt i Natten, ved Morgenens Frembrud, hvad der har siddet med paa Hesten, hvad der har været Selskab i Vognen, hvad Hjemmet har været gjenemtrængt af, hvad Værelset har været Vidne til, hvad Øret har gjenlydt af, hvad der har gjenemtonet Sjælen, hvad Sjælen har indspundet i sin fineste Væv – det viser sig nu for Tanken; som hine gaadefulde Væsener i Fortidens Fortællinger stige op fra Havsens Bund indklædte i Tang, saaledes reiser det sig op af Erindrings Hav indflettet i Minder. Sjælen bliver vemodig og Hjertet blødt; thi det er ligesom man tog Afsked med det, som skiltes man ad for aldrig saaledes mere at mødes igjen hverken i Tid eller Evighed. Man synes, man er det utro, at man har sveget sin Pagt, man føler, man er ikke mere den samme, ikke saa ung, ikke saa barnlig; man frygter for sig selv, at man skal tabe hvad der gjorde En glad og lykkelig og riig; man frygter for det man elsker, at det ved denne Forvandling skal lide, skal vise sig maaskee mindre fuldkomment, at det muligen skal blive Svar skyldigt paa de mange Spørgsmaal, ak, og da er Alt tabt, Tryllet forsvundet, og det lader sig aldrig fremkalde mere» [12. С. 43–44].

⁷ «Между долями города роями мотыльков бесшумно порхали, вились мосты. В воздухе качались стопудовыми кругами гнезда великопостного звону. Город разорвал эти стонущие гнезда» [16. С. 440].

⁸ «Я любил живую суть исторической символики, иначе говоря, тот инстинкт, с помощью которого мы, как ласточки саланганы, построили мир, – огромное гнездо, слепленное из земли и неба, жизни и смерти и двух времен, наличного и отсутствующего. Я понимал, что ему мешает развалиться сила сцепления, заключающаяся в сквозной образности всех его частей» [16. С. 307].

⁹ «...Нигде во имя удачи не принесено в жертву все неудачное <...>, – и все скупое рассеянные находки и крупницы истины и все благие помыслы утоплены в море интеллигентского красноречивого праздномыслия» [6. С. 218].

¹⁰ Лишь несколько из многочисленных примеров: «Плиты и в тени слепили, как ледяные солнца, жадно поглощая тени нарядных деревьев, которые растекались, на них» [16. С. 47]; «Августовское солнце, прорвав древесную листву, засело в кресте у солдата. Оно внедрилось, красное, в жухлое мундирное сукно и, как скипидаром, жадно его собой пропитало» [16. С. 53–54]; «Он понимал, что он пигмей перед чудовищной машиной будущего, боялся его, любил это будущее и втайне им гордился, и в последний раз, как на прощание, жадными глазами вдохновения смотрел на облака и деревья, на людей, идущих по улице, на большой, перемогающий в несчастьях русский город» [21. С. 182].

¹¹ «... Оно мучило большую глубиной, которые спускались без конца, выдав с самого же начала, с первой шуточки в паркете, свою бездонность, и пускало кровать ко дну тихо-тихо, и с кроватью – девочку. <...> Опускался и подымался лимон. Подымалось и опускалось солнце на обоях» [14. С. 461].

¹² «Тупо, ломотно и тускло, как бы в состоянии вечного протрезвления, попадали элементы будничного существования в завязывавшуюся душу. Они опускались на ее дно, реальные, затвердевшие и холодные, как сонные оловянные ложки. Там, на дне, это олово начинало плыть, сливаясь в комки, капающая навязчивыми идеями» [16. С. 50].

¹³ «Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека и весь становится музыкой, не в отношении внешне слухового звучания, но в отношении стремительности и могущества своего внутреннего течения. Тогда подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим отбачивающей камни дна и вращающей колеса мельниц, льющаяся речь сама, силой своих законов создает по пути, мимоходом, размер, и рифму, и тысячи других форм и образований еще более важных, но до сих пор не известных, не учтенных, не названных» [21. С. 434].

¹⁴ «Я положу черты твои на бумагу, как после страшной бури, взрывающей море до основания, ложатся на песок следы сильнейшей, дальше всего доплескивавшейся волны. Ломаной извилистой линией накидывает море пемзу, пробку, ракушки, водоросли, самое легкое и невесомое, что оно могло поднять со дна. Это бесконечно тянущаяся вдаль береговая граница самого высокого прибою. Так прибило тебя бурей жизни ко мне, гордость моя. Так я изображу тебя» [21. С. 450].

¹⁵ «...Мир превращается в поляризованную баню, где на одном конце – питающий приток безразлично многочисленных времен и мест, входящих и заходящих солнц, воспоминаний и полаганий, – на другом бесконечно малая, как отпечаток пальца в сердце, когда оно покалывает, щемящая прелесть искры, ушедшей в воду, и фасцинирующей ее со дна. Ее волнение удивительно своей неуловимостью. Оно производит работу, перед которой скаканье морских бурь смешно и ничтожно. При взгляде же на ее поверхность ничего не увидать, тихая, ровная гладь. Но она растворяет миры, как в детстве, она стаскивает их в себя, воспаляет вниманием, разлагает, проясняет. Она подчиняет сердечной

сжатости все разнесенное и раздвоенное человечеством, смыкает слова, слои посредственные, искажающие. Она впитывает только чистую природу, и проволочивая по своему дну все воспринятое, относит восстановленное вещество к точке своего поклонения. Вот этих неподвижных бурь письма не передают!» [2. С. 482].

Список источников

1. Карлайл О. Три визита к Борису Пастернаку. Публикация А. Гаврилова // Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 162–182.
2. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 7: Письма 1905–1926. М. : Слово/Slovo, 2005. 824 с.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М. : Культурная революция, 2010. 488 с.
4. Kierkegaard S. Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. XI. bind. Kjøbenhavn: Gyldendalske boghandel nordisk forlag, 1905. 489 s.
5. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений. М. : Слово/Slovo, 2004. 752 с.
6. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 10: Письма 1954–1960. М. : Слово/Slovo, 2005. 680 с.
7. Флейшман Л. Статьи о Пастернаке. Bremen : K-Press, 1977. 149 с.
8. Иванов В.В. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л. : Наука, 1974. С. 39–67.
9. Бёртнес Ю. Христианская тема в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков : сб. науч. трудов. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 2004. С. 361–377.
10. Kierkegaard S. Frygt og bæyen. Dialektisk lyrik af Johannes de Silentio // Kierkegaard S. Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. III. bind. Kjøbenhavn : Reitzelske Forlag (George C. Grøn), 1901. 437 s.
11. Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни : в 2 ч. СПб. : Изд-во Русской христианской гум. академии; Амфора. ТИД Амфора, 2011. 823 с.
12. Kierkegaard S. Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. I. bind. Enten-Eller, 1. del, 1901. 420 s.
13. Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 399 с.
14. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М. : Слово/Slovo, 2003. 576 с.
15. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 2: Спекторский. Стихотворения 1930–1959. М. : Слово/Slovo, 2004. 528 с.
16. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 3: Проза. М. : Слово/Slovo, 2004. 632 с.
17. Мальцева О.А. Гоголевские коды в повести Б. Пастернака «Охранная грамота» // Новое литературное обозрение. 2021. № 4 (170). С. 188–196.
18. Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб. : Искусство-СПб, 1995. С. 393–462.
19. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Об искусстве. Структура текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики: статьи, заметки, выступления (1962–1993). СПб. : Искусство-СПб, 1998. С. 423–436.
20. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 6: Стихотворные переводы. М. : Слово/Slovo, 2005. 672 с.
21. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 4: Доктор Живаго. М. : Слово/Slovo, 2004. 632 с.
22. Kierkegaard S. Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. II. bind. Enten-Eller, 2. del, 1901. 345 s.

References

1. Karlail, O. (1988) Tri vizita k Borisu Pasternaku. Publikatsiia A.Gavrilova [Three visits to Boris Pasternak. Publication by A. Gavrilova]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 162–182.
2. Pasternak, B.L. (2005) *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete collection of works: in 11 volumes]. Vol. 7. Moscow: Slovo.
3. Kierkegaard, S. (2010) *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia.
4. Kierkegaard, S. (1905) *Samlede værker udgivnb af A.B.Drachmann, J.L.Heiberg og H.O.Lange*. XI. bind. Kjøbenhavn: Gyldendalske boghandel nordisk forlag
5. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete collection of works: in 11 volumes]. Vol. 5. Moscow: Slovo.
6. Pasternak, B.L. (2005) *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete collection of works: in 11 volumes]. Vol. 10. Moscow: Slovo.
7. Fleishman, L. (1977) *Stat'i o Pasternake* [Articles about Pasternak]. Bremen: K-Press.
8. Ivanov, V.V. (1074) Kategoriia vremeni v iskusstve i kul'ture XX veka [The category of time in art and culture of the 20th century]. In: *Ritm.prostranstvo i vremia v literature i iskusstve* [Rhythm, space, and time in literature and art]. Leningrad: Nauka. pp. 39–67.
9. Bertnes, Iu. (2004) Khristianskaia tema v romane B.Pasternaka "Doktor Zhivago" [The Christian theme in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago"]. In: *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov* [The Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 361–377.
10. Kierkegaard, S. (1901) *Frygt og bæyen. Dialektisk lyrik af Johannes de Silentio. Kierkegaard, S. Samlede værker udgivnb af A.B.Drachmann, J.L.Heiberg og H.O.Lange*. III. bind. Kjøbenhavn: Reitzelske Forlag (George C. Grøn).
11. Kierkegaard, S. (2011) *Ili – ili. Fragment iz zhizni: v 2 ch.* [Either/Or. A fragment from life: in 2 parts]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gum. akademii; Amfora. TID Amfora.
12. Kierkegaard, S. (1901) *Samlede værker udgivnb af A.B.Drachmann, J.L.Heiberg og H.O.Lange*. I. bind. Enten-Eller, 1. del.
13. Fateeva, N.A. (2003) *Poet i proza: Kniga o Pasternake* [Poet and prose: A book about Pasternak]. Moscow: Slovo.
14. Pasternak, B.L. (2003) *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete collection of works: in 11 volumes]. Vol. 1. Moscow: Slovo.
15. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete collection of works: in 11 volumes]. Vol. 2. Moscow: Slovo.
16. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete collection of works: in 11 volumes]. Vol. 3. Moscow: Slovo.
17. Maltseva, O.A. (2021) Gogolevskie kody v povesti B.Pasternaka "Okhrannaia gramota" [Gogol codes in B.Pasternak's story "Safe Conduct"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4 (170). pp. 188–196.
18. Lotman, Iu.M. (1995) Roman v stikhakh Pushkina "Evgenii Onegin": Spetskurs. Vvodnye lektzii v izuchenie teksta [Pushkin's novel in verse "Eugene Onegin": Special course. Introductory lectures on the study of the text]. In: Lotman, Iu.M. *Pushkin: Biografiia pisatel'ia; Stat'i i zametki, 1960–1990; "Evgenii Onegin": Kommentarii* [Pushkin: Biography of a writer; Articles and notes, 1960–1990; "Eugene Onegin": Commentary]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 393–462.
19. Lotman, Iu.M. (1998) Tekst v tekste [Text within a text]. In: Lotman, Iu.M. *Ob iskusstve. Struktura teksta. Semiotika kino i problemy kinoestetiki: stat'i, zametki, vystupleniia (1962–1993)* [About art. The structure of the text. Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics: articles, notes, speeches (1962–1993)]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 423–436.
20. Pasternak, B.L. (2005) *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete collection of works: in 11 volumes]. Vol. 6. Moscow: Slovo.
21. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete collection of works: in 11 volumes]. Vol. 4. Moscow: Slovo.
22. Kierkegaard, S. (1901) *Samlede værker udgivnb af A.B.Drachmann, J.L.Heiberg og H.O.Lange*. II. bind. Enten-Eller, 2. del.

Информация об авторе:

Радионова А.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой изобразительного искусства Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). E-mail: allarad1@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Radionova, Dr. Sci (Philology), head of the Department of Fine Arts, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: allarad1@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.06.2024;
одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 11.06.2024;
approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/508/9

Анализ возможностей использования разметки на основе теории риторических структур для уточнения аргументативной разметки

Мария Кирилловна Тимофеева¹, Ирина Семёновна Кононенко²,
Владимир Константинович Шестаков³, Антон Валерьевич Зоркальцев⁴

^{1, 2, 3} Институт систем информатики имени А.П. Ершова Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия

⁴ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

¹ mtimof@inbox.ru

² irina_k@cn.ru

³ shestakov@iis.nsk.su

⁴ a.zorkaltsev@g.nsu.ru

Аннотация. Представлен результат сравнения анализа текста в рамках теории риторической структуры и аргументативного анализа с целью изучения возможных путей использования риторической разметки для построения и коррекции аргументативной разметки. Производилось сравнение всех структурных компонентов: сегментации, отношений и их типов. Впервые создан параллельный корпус, для каждого текста которого имеется риторическая и аргументативная разметки. Аргументативная разметка проведена на платформе ArgNetBank Studio.

Ключевые слова: аргументативный анализ текста, анализ рассуждения, теория риторической структуры, разметка корпуса, параллельный корпус, текстовые индикаторы

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-11-00261, <https://rscf.ru/project/23-11-00261/>

Для цитирования: Тимофеева М.К., Кононенко И.С., Шестаков В.К., Зоркальцев А.В. Анализ возможностей использования разметки на основе теории риторических структур для уточнения аргументативной разметки // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 86–98. doi: 10.17223/15617793/508/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/9

Analysis of the possibilities of using annotation based on the rhetorical structure theory for refining argumentative annotation

Mariya K. Timofeeva¹, Irina S. Kononenko², Vladimir K. Shestakov³, Anton V. Zorkaltsev⁴

^{1, 2, 3} A.P. Ershov Institute of Informatics Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

⁴ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ mtimof@inbox.ru

² irina_k@cn.ru

³ shestakov@iis.nsk.su

⁴ a.zorkaltsev@g.nsu.ru

Abstract. The article presents a project aimed at exploring possible ways of applying rhetorical annotation of a text, implemented in terms of the rhetorical structure theory, for constructing and correcting argumentative annotation within the two-level discourse model. As a material for research, a parallel corpus was created for the first time; each text of the corpus has rhetorical and argumentative annotations. The corpus includes 200 scientific and popular science Russian texts of various genres (scientific articles, scientific reviews, short popular science articles from the site poisknews.ru, long analytical articles from the site habr.com/ru). Argumentative annotation of the corpus texts was carried out by experts on the ArgNetBank Studio platform. Rhetorical annotation was carried out automatically using neural networks trained for the Russian language on the annotated texts of Ru-RSTreebank corpus (<https://rstreebank.ru>). The research method consisted in comparison of all structural components: segmentation, relations and their types. The comparative analysis of rhetorical and argumentative annotation allowed us to formulate proposals concerning the possibilities of applying the rhetorical structure theory as a tool for preprocessing or postprocessing a text for constructing its argumentative structure. In preprocessing, rhetorical annotation can be used as an initial (possibly editable) version of argumentative annotation. In postprocessing, it can serve for unifying annotations in order to increase the inter-annotator agreement. Analysis of data from a parallel corpus showed that rhetorical annotation provides, in general, more detailed

segmentation, but still many segmentations coincide with argumentative ones. In order to equalize the level of detailing in annotations, it is proposed to develop a system of rules for combining and separating segments based on text indicators. Preliminary, it is necessary to compile dictionaries of such indicators, perhaps taking into account text genres. Based on a comparative analysis of pairs of structures built for the same text, ways of displaying rhetorical relations in the argumentative structure were revealed. The rhetorical relations semantically connected with the implementation of argumentative functions were considered, these are the relations Attribution, Cause-Effect, Condition, Concession, Evidence, Contrast, Purpose. It is proposed to use.

Keywords: argumentative analysis, reasoning analysis, Rhetorical structure theory, corpus annotation, parallel corpus, text indicator

Financial support: The research was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-11-00261, <https://rscf.ru/project/23-11-00261/>

For citation: Timofeeva, M.K., Kononenko, I.S., Shestakov, V.K. & Zorkaltsev, A.V. (2024) Analysis of the possibilities of using annotation based on the rhetorical structure theory for refining argumentative annotation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 86–98. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/9

Введение

Важнейшей функцией текста в процессе коммуникации является передача мысли, как правило имеющей сложную структурную организацию. Анализ структур рассуждений, выраженных посредством текста естественного языка, лишь сравнительно недавно сформировался как раздел прикладной лингвистики и привлекает все большее внимание исследователей. Актуальность данной области сочетается с ее существенной сложностью, недостаточной разработанностью и малым количеством специализированных корпусов. Это усугубляется тем, что формальные методы представления и анализа рассуждений, ориентированные на последующую автоматизацию, более интенсивно развивались на материале англоязычных текстов, работ по применению этих методов к материалу русского языка немного. Стоит заметить, что разработка формальных методов анализа рассуждений имеет значение также для исследований в области лингвистики текста, в частности для анализа особенностей разных типов текстов.

Основные методы, используемые для анализа структур рассуждений и ориентированные на последующую автоматизацию, основаны на теории риторической структуры (TPC) [1–4] и аргументативном анализе [5, 6]. Эти методы сходны по своему назначению: и тот и другой является средством представления функциональной структуры мыслей, отображенных в рассматриваемом тексте. Элементами структуры, образующими вершины представляющего ее графа, в обоих случаях являются сегменты текста, выражающие «кванты мысли» (термин А.А. Кибрика и В.И. Подлесской [7]), т.е. части рассуждения, считающиеся элементарными и не делимыми на более мелкие составляющие мысли. В обоих случаях структура строится на основе анализа функции каждого рассматриваемого сегмента, т.е. его роли в процессе построения сложной мысли, выражаемой текстом. Функция сегмента отображается в итоговой структуре как отношение, связывающее его со структурой всего текста. Итоговая структура в обоих случаях представляет собой ориентированный граф, вершины которого образуют элементарные сегменты, а дуги помечены наименованиями связывающих сегменты отношений. Принципы

сегментации и множества рассматриваемых отношений между сегментами ни в том, ни в другом случае не являются жестко фиксированными.

Вместе с тем между этими двумя методами представления рассуждений имеются различия в традициях сегментации, установления отношений, типологии отношений.

Для ТРС имеется «классический» набор отношений, предложенный авторами, Уильямом Манном и Сандрой Томпсон, однако даже в разных публикациях авторов списки отношений обладают небольшой вариативностью. Более того, авторы прямо заявляют, что принципы сегментации текста и набор отношений могут меняться в зависимости от решаемой задачи, типа рассматриваемых текстов и целей анализа. Теоретически не запрещено (по крайней мере, такой запрет не найден в публикациях) вместо всех «классических» отношений ТРС использовать аргументативные отношения. Это позволяет сделать и инструмент разметки RSTTool [8], в котором предусмотрена функция переименования отношений, не имеющая ограничений по численности заменяемых имен отношений.

Аналогичная ситуация с аргументативным анализом. Существует определенный стандарт AIF (Argument Interchange Format [9]), однако предлагаемый им набор отношений также может подвергаться коррекциям, направленным как на уменьшение списка отношений, так и на добавление новых отношений. Пределы таких коррекций также не определены.

Важно, что в структуру, построенную на основе ТРС (далее – ТРС-структура, ТРС-анализ, ТРС-отношение и т.д.), включаются, как правило, все сегменты текста на том основании, что каждый из них вносит свой определенный вклад в коммуникацию, выполняет ту или иную функцию, способствующую пониманию и/или принятию мыслей, выраженных посредством текста. В отличие от этого при аргументативном анализе (далее – А-структура, А-анализ, А-отношение и т.д.) сегменты, не выполняющие какую-либо роль в выстраивании аргументации, игнорируются.

Принципы сегментации, используемые в ТРС- и А-анализе, теоретически могут совпадать. Обычно основным признаком элементарного сегмента и в

том и другом случае является предикативность, сегменты представляют собой клаузы. Однако это не обязательно: можно сегментировать как на более мелкие, так и на более крупные отрезки текста, например, абзацы.

Говоря о сегментации, важно отметить, что принципы ее осуществления в значительной степени определяются тем, предполагается ли экспертная разметка текста, реализуемая человеком, или автоматическая разметка средствами того или иного синтаксического анализатора. В первом случае сегментация может базироваться на глубоком лингвистическом анализе, что делается, например, в [7]. При ориентации на автоматическую сегментацию (возможно, корректируемую человеком-экспертом) столь глубокий лингвистический анализ неосуществим.

То же самое верно и применительно к выделяемым отношениям: в случае ориентации на автоматическое распознавание отношений их количество будет значительно меньше, чем при аннотировании экспертом, так как множество рассматриваемых отношений будет включать только те из них, которые имеют достаточно надежные текстовые индикаторы, обнаруживаемые автоматически.

Сказанное выше о вариативности обоих средств анализа структуры рассуждений свидетельствует о том, что сравнение этих средств может проводиться как минимум на трех уровнях: 1) сравнение ТРС- и А-анализа в целом с учетом их вариативности; 2) сравнение типовых (традиционно используемых) вариантов; 3) сравнение конкретных вариантов, используемых в рамках данного исследования. Далее сказано о всех трех уровнях сравнения, однако основное внимание уделено третьему из них как наиболее практически значимому. Для его осуществления был построен корпус с параллельной разметкой: каждый текст имеет ТРС-разметку и А-разметку. Сравнение двух подходов также имеет практическую ориентацию: оно проводится с целью нахождения тех составляющих процедуры построения ТРС, результаты которых могут быть использованы для облегчения или уточнения аргументативной структуры, каковая является конечной целью и конечным объектом изучения в рамках данного исследовательского проекта.

Структура дальнейшей части статьи такова. В разделе «Опыт использования теории риторической структуры для анализа аргументации» обсуждаются имеющиеся исследования потенциала ТРС как средства анализа выраженной в тексте аргументации. В разделе «Материалы исследования» дана краткая характеристика созданного корпуса текстов с параллельной разметкой (ТРС-разметка и А-разметка). В разделе «ТРС-разметка как источник дополнительной информации...» представлено сравнение данных двух подходов в целом, их «классических» вариантов. В следующих двух разделах проанализированы соответственно возможности использования сегментации ТРС и отношений ТРС для уточнения А-разметки. В «Заключении» подведены итоги анализа, намечены перспективы исследования.

Опыт использования теории риторической структуры для анализа аргументации

В «классическом» наборе риторических отношений некоторыми авторами [10, 11] выделяются отношения, наиболее тесно связанные с аргументацией. Это отношения Motivation (аргументация через обращение к внутреннему миру (опыту и интересам) адресата), Evidence (аргументация через свидетельство: содержание сообщения подкрепляется фактами объективной реальности), Justify (аргументация через личный опыт автора; отношение по смыслу близко к Evidence, однако сам аргумент доступен адресату только в опосредованном виде – от автора высказывания), Antithesis (аргументируемое высказывание и аргумент описывают несовместимые, противоположные ситуации; использование этого отношения для аргументации несколько схоже по смыслу с отношением Motivation), Concession (использование уступки в качестве аргументации является своего рода ответом на возможные возражения).

Важно отметить, что первые три отношения по своей структуре близки к отношениям, используемым в аргументативном анализе. Поясним, что и в аргументативном анализе, и в теории риторических структур сегменты, объединяемые отношениями, делятся на ядра и сателлиты (кроме симметричных отношений типа Contrast в ТРС-разметке и отношения семантического сходства в А-разметке), хотя применительно к А-структуре термины «ядро» и «сателлит» не используются. В ядре содержится основная информация, а в сателлите – дополняющая, при этом смысловое отношение направлено от сателлита к ядру. Отношения Motivation, Justify и Evidence, как и отношения, выделяемые при А-анализе, подразумевают, что в сателлите находится сам аргумент, а в ядре – информация, которая аргументируется. Важность такого деления подчеркивается в [10]. Однако в случае с отношениями Antithesis и Concession аргумент содержится не в ядре, а в совокупности ядра и сателлита, т.е. эти отношения фактически описывают структуру аргумента, а не аргументации.

Для аргументации также могут использоваться и другие риторические отношения: Elaboration, Restatement, Comparison, Contrast [12, 13], однако их аргументативное значение вторично, и зачастую их использование в аргументации напоминает использование отношений Antithesis и Concession: некоторые из них описывают скорее структуру аргумента, а не отношения между аргументируемым и аргументом.

Можно предположить, что анализ аргументации – более узкая задача, чем определение риторической структуры текста. Действительно, риторическая структура есть у любого (осмысленного) текста, но не в любом высказывании присутствует аргументация; при этом риторических отношений, означающих аргументацию, на практике используется меньше, чем существует отношений аргументативных (несмотря на вариативность и неограниченность списка риторических отношений). Иными словами, в задачах, для которых обычно используется ТРС, зачастую достаточно просто констатировать сам факт наличия аргументации в

определенном месте. Впрочем, существуют модификации TPC, позволяющие более подробно исследовать аргументацию в текстах. Один из таких инструментов – ArgRST [14]. Автор этой статьи, обращаясь к [15], где объединяется два исследуемых подхода, сохраняет следующую структуру аргументативного высказывания: Обоснование (Warrant), Данные (Data) и Мнение (Claim). Можно, обобщая, сказать, что обоснование является правилом, которое позволяет данными подтвердить мнение. Автором ArgRST предлагается устанавливать статус (Обоснование/Данные/Мнение) каждой вершины в дереве риторической структуры, а сами вершины объединять с помощью риторических отношений. Как правило, Мнение (ядро) объединяется риторическим отношением с Данными (сателлитом), а затем к полученному узлу (ядру) присоединяется Обоснование (сателлит) с помощью другого отношения. Примечательно, что список используемых для описания аргументации отношений у [14] шире, чем у [10]: встречаются отношения Background, Conjunction и др. В [13] список отношений, рассматриваемых в аргументативном контексте, еще шире: наряду с ранее упомянутыми в нем также встречаются отношения Evaluation, Condition и др.

Важное расхождение между TPC- и A-разметками заключается в следующем [16]. Один из принципов риторической разметки состоит в том, что отношениями объединяют соседние фрагменты структуры текста. Это касается и элементарных сегментов, и дискурсивных единиц более высоких уровней: вне зависимости от масштаба, ядро и сателлит должны граничить друг с другом. В аргументационной же разметке аргумент и аргументируемое могут находиться далеко друг от друга; это вполне естественно для структуры многих научных текстов, где аргументация не обязательно локально привязана к тем суждениям (тезисам), к которым она относится по своему содержанию.

Впрочем, существующая программа разметки RSTTool [8] позволяет игнорировать такое свойство риторических деревьев и соединять отношениями не только соседние сегменты. Кроме того, программа не ограничивает количество отношений и их названия. Уже говорилось, что набор риторических отношений, как и набор аргументативных отношений, вариативен. Это значит, что с помощью данного инструмента в перспективе можно комбинировать риторические и аргументативные отношения и строить деревья «смешанного» типа.

В заключение этого раздела стоит сказать, что разные авторы по-разному адаптируют TPC для анализа аргументации. Некоторые авторы [13] останавливаются на том, что среди всех риторических отношений выделяют наиболее значимые для аргументации, однако другие исследователи не ограничиваются этим и предлагают различные модификации для TPC. Так, в [10] предлагается определить аргументативное отношение в риторической структуре как связь между заключением и аргументом. При этом среди видов аргументов выделяются вспомогательные (supportive), мотивирующие (incentive), оправдывающие (justifier) или собственно убеждающие (persuader) отношения. Эту

классификацию аргументов, таким образом, можно перенести и на сами аргументативные отношения. Подход, описанный в [14], также подразумевает классификацию вершин в дереве риторической структуры, причем классифицируются не только аргументы, но вообще все вершины дерева. Кроме того, здесь допускается добавление имплицитных утверждений путем достраивания энтимем. Эту модификацию можно охарактеризовать как введение нового метаязыка для уточнения риторической структуры. Авторы [16] в своем исследовании сводят все типы отношений TPC к четырем отношениям в схеме аргументации: поддержка (support), опровержение, атака (rebut), дискредитация (undercut), неаргументативное отношение соединения (join). Однако неясно, насколько результаты, полученные в данной работе на основе анализа корпуса микротекстов, верны для естественной монологической речи в целом. В работе [14] отмечается, что на настоящий момент не существует корпуса текстов естественной монологической речи, размеченных параллельно и в терминах TPC-, и в терминах A-структур.

Материалы исследования

Материалом для исследования послужил параллельный корпус, в котором для каждого входящего в него текста имеются две разметки: TPC-разметка и A-разметка.

Для построения A-разметки использовалась платформа ArgNetBank Studio (<https://uniserv.iis.nsk.su/arg/>) [17], разработчики данной платформы придерживались подхода к анализу аргументации, представленного в модели Д. Уолтона [5]. A-разметка была экспертной, она осуществлялась лингвистами вручную.

TPC-разметка осуществлялась автоматически. Для построения TPC-структур использовался анализатор IsaNLP RST Parser [11]. Основой использованной библиотеки для Python служат нейронные сети, обученные для русского языка на размеченном корпусе текстов Ru-RSTreebank [<https://rstreebank.ru>]. Нейронные сети обучены для сегментации, построения TPC-структуры и классификации входящих в нее отношений.

Параллельный корпус состоит из 100 коротких научных статей средним объемом 1 053 словоупотребления и 100 текстов интернет-коммуникации, относящихся к жанрам научной или научно-популярной коммуникации. Тексты научной интернет-коммуникации подразделены:

- 1) на научные статьи (10 статей, средний объем статьи – 3 571 словоупотребление);
- 2) научные рецензии (30 рецензий, средний объем рецензии – 346 словоупотреблений).

Тексты научно-популярной коммуникации подразделены на (1) короткие статьи о новостях науки (30 статей с сайта roisknews.ru, средний объем статьи – 506 словоупотреблений) и (2) длинные статьи (30 статей с сайта habr.com/ru, средний объем статьи без комментариев – 1 912 словоупотреблений).

TPC-разметка как источник дополнительной информации для аргументативной разметки: теоретические возможности

Как уже было сказано, сравнение TPC-разметки и А-разметки может проводиться на трех уровнях. Первые два априорные: сравнение общего вида структур с учетом их вариативности и сравнение типовых вариантов TPC- и А-разметки. Третий уровень апостериорный: сравнение конкретных вариантов, используемых в рамках данного исследования.

Сравнение TPC- и А-анализа на первом априорном уровне может касаться только общего вида структур отношений, так как сегментация и типы отношений вариативны, а касающихся их общеобязательных требований нет. В плане структуры есть очень существенное различие. В TPC-структуре каждая вершина может быть подчинена только одной вершине, подчинение ее большему количеству вершин недопустимо. Это ограничение предусмотрено в инструменте TPC-разметки RSTTool, не позволяющем строить указанного вида структуры. У А-структуры такого ограничения нет, например, один и тот же аргумент может использоваться в поддержку двух разных тезисов. Переформулируя это в терминах теории графов, можно сказать, что в TPC у каждой вершины может быть не более одной выходящей дуги, а в А-структуре таких дуг может быть более одной (количество входящих дуг ни в той, ни в другой структуре не ограничено). В терминах синтаксических структур данный запрет означает, что одна языковая единица не может непосредственно подчиняться двум разным языковым единицам. Теоретически данный запрет в TPC можно обойти, создав дубликаты для единиц с множественным подчинением, связав их между собой отношением тождества и оставив для каждой копии только одну выходящую дугу.

Еще одно различие, отмеченное в [16], было указано выше. Традиция установления отношений между соседними сегментами (элементарными или сложными) обусловлена упоминаемым в той же публикации давно отмеченным расхождением между локальной связностью и глобальной связностью текста: TPC ориентирована скорее на первую, а А-анализ – скорее на вторую.

Теоретический подход к трактовке TPC-анализа как А-анализа представлен в работах Э. Поттера [18], разработавшего способ сведения TPC-разметки к формулам пропозициональной логики. Однако подобное сведение для используемого в данном проекте аргументативного анализа, основывающегося на модели Д. Уолтона, отсутствует, поэтому данный подход пока неосуществим.

Говоря о следующем априорном уровне сравнения, надо отметить, что даже типовые варианты TPC- и А-структур, по большей части сходные между собой, могут все же различаться и по спискам отношений, и по сегментациям. Рассматривать в чисто теоретическом плане все эти вариации было бы весьма трудоемко. Поэтому обычно вводятся те или иные конкретные ограничения, за которыми далее следует их эмпирическое ис-

следование. Так, например, в [16] рассматривается единая сегментация, по которой строится TPC-структура с типовым набором риторических отношений и А-структура со значительно укрупненными (по сравнению с моделью Д. Уолтона) типами аргументативных отношений, затем эти структуры сравниваются между собой.

В нашем проекте конкретизация была ориентирована на задействованные в нем способы аннотирования и была нацелена на то, чтобы (1) определить теоретически возможные способы использования информации из TPC-разметки при построении А-разметки; (2) проверить на эмпирическом материале (созданном параллельном корпусе) возможности повышения качества А-разметки за счет использования TPC-разметки.

Для дальнейшего эмпирического исследования были выбраны следующие теоретические возможности. Во-первых, TPC-разметку можно использовать в режиме предобработки или постобработки (т.е. до А-разметки или после нее). В обоих случаях стоит рассмотреть вопрос: какую информацию можно использовать при А-разметке, исходя из сегментации и/или отношений в TPC-разметке? В случае предобработки эта информация может служить как редактируемые подсказки при экспертной разметке или как начальный этап построения А-структуры при автоматической разметке. В случае постобработки возможно использование информации из TPC-разметки для подтверждения, коррекции, унификации А-разметок. Под унификацией подразумевается прежде всего уменьшение расхождений между решениями разных аннотаторов путем выбора определенных единых решений, нивелирующих эти расхождения. Унификация может также быть полезна для установления единообразия в трактовке похожих аргументативных фрагментов одним аннотатором в пределах одного текста. Поскольку TPC-разметка представляет собой скорее подход типа «снизу-вверх» (bottom-up) – сначала связываются элементарные сегменты, потом осуществляется переход ко все более сложным сегментам, а А-разметка скорее представляет подход типа «сверху-вниз» (top-down), так как вначале обычно выбирается главный тезис, а затем последовательно ищутся относящиеся к нему аргументы, далее – аргументы этих аргументов и т.д. Причем связанные между собой аргументы могут оказаться разнесенными в тексте на значительное расстояние, образуя «дальнюю связь». Такие связи обычно не имеют текстовых индикаторов, поэтому их выявление при автоматизации построения А-структуры вызывает сложности. Представляется полезным проверить, может ли TPC-разметка дать полезные подсказки для установления «дальних связей». Иначе говоря, стоит посмотреть, может ли TPC-разметка, как уже говорилось, предназначенная прежде всего для выявления локальной связности, вносить вклад также и в установление глобальной связности.

Как видно из предыдущего абзаца, задача преобразования всей TPC-структуры в А-структуру не ставится. Проверяется возможность использования информации из TPC-структуры для локальных уточнений А-структуры, т.е. для построения отдельных ее фрагментов.

Результаты эмпирического анализа указанных возможностей и их конкретизации представлены в двух следующих разделах данной статьи.

Сегментация текста

Целью данного раздела является исследование корреляций между риторическими и аргументативными сегментационными структурами в корпусе текстов научного функционального стиля. Попытки сравнения дискурсивных структур на двух уровнях представления предпринимались ранее на ограниченном материале: в работе Э. Муси с соавт. – на корпусе из 112 микротекстов, написанных в жанре аргументативных эссе [19]; в исследовании П. Аккуосто с соавт. – материалом служили аннотации научных статей из области компьютерной лингвистики [20].

Ниже излагаются результаты сравнительного анализа риторической и аргументативной сегментации на базе логов сравнения, представляющих сегментацию текстов параллельного корпуса, представленного на платформе ArgNetBank Studio. Сегментация первого уровня получена с помощью автоматического нейросетевого ТРС-сегментатора, обученного на корпусе русскоязычных текстов Ru-RSTreeBank, размеченных в рамках Теории риторической структуры, второго – в результате ручного аргументационного аннотирования.

Основой как риторической, так и аргументационной разметок является выделение в тексте элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ). При выделении ЭДЕ в проекте Ru-RSTreebank учитываются как формальные грамматические, так и семантические характеристики сегментов. В качестве отдельных ЭДЕ выделяются финитные клаузы; деепричастные обороты с причинно-следственным и уточняющим значением; описательные (нерестриктивные) причастные обороты; предложные группы со значением причины, условия, следствия, уступки, контраста [21]. Критерии семантико-синтаксической сегментации ТРС заменяются при выделении аргументативных дискурсивных единиц (АДЕ) прагматическими – представлениями о пропозициях и связях между ними.

В процессе риторической разметки ЭДЕ объединяются в более крупные дискурсивные единицы, которые далее могут участвовать в риторических отношениях

наравне с ЭДЕ. Так осуществляется итеративный процесс, обеспечивающий построение деревьев риторических структур. При разметке аргументации, во-первых, отсутствует процедура укрупнения единиц: содержание формируемых графовых цепочек связано с прагматическими аспектами аргументативных отношений, а не со структурно-семантическими аспектами, как это происходит при объединении сегментов в риторических структурах. Таким образом, имеет смысл сравнивать ТРС-структуры нижнего уровня с А-структурами. Во-вторых, несмотря на то что определение АДЕ строится на базе ЭДЕ, однако, как показывает анализ логов, здесь нет взаимно-однозначного соответствия.

Сравнительный анализ статистики ТРС- и А-сегментаций, проведенный для каждого текста и в среднем по жанрам (табл. 1), показывает, что не существует текста, в котором количество А-сегментов было бы равно количеству ТРС-сегментов. Более того, в большинстве случаев этот показатель для ТРС в 2–3 раза больше, чем для А-сегментации. Это свидетельствует как о наличии в тексте неаргументативных фрагментов, так и о большей детализированности ТРС-сегментации.

Ниже приводятся некоторые наблюдения, связанные с возможностью использования ТРС-сегментации для целей А-сегментации.

1. Как показывает статистика, обычно А-сегментация крупнее, чем ТРС-сегментация, однако бывают ситуации, когда единому ТРС-сегменту соответствуют в А-структуре два сегмента, связанных между собой детализирующим отношением. В этом случае второй сегмент вводится индикаторами, в частности, например, такими:

ТРС: *Сопоставление представленных в статье материалов с данными по соседним территориям может способствовать системному описанию микротопонимии более крупных ареалов, например, распространения эрзянской топонимии в Самарской области.* // текст «Рецензия (доработка 1)».

А: *Сопоставление представленных в статье материалов с данными по соседним территориям может способствовать системному описанию микротопонимии более крупных ареалов, | например, распространения эрзянской топонимии в Самарской области.*

Таблица 1

Сравнительный анализ статистики ТРС- и А-сегментации по жанрам

Жанр	Текстов	Уровень	C min	C max	C aver
Короткая научная статья	100	RST	63	232	133,56
		ARG	23	89	47,52
Научная статья	10	RST	229	730	521,7
		ARG	54	232	130,2
Научная рецензия	30	RST	14	132	38,17
		ARG	5	61	21,14
Статья о новостях науки	30	RST	18	118	59,3
		ARG	15	97	33,27
Длинная аналитическая статья	30	RST	85	773	280,57
		ARG	32	239	89,63

2. В ТРС предусмотрено формальное отношение *Same-unit* для представления разрывных ЭДЕ, однако ТРС-сегментатор не выделяет многих очевидных ти-

пов разрывных дислокаций, как в примере ниже. В параллельной А-сегментации разрывный сегмент подчеркнут.

TPC: *Более того, уничтожение вредоносных микроорганизмов (например, грибковой плесени) может увеличить сохранность той же пшеницы | для ее дальнейшей посадки.* // текст «Специалисты предложили новый способ контроля качества пшеницы»

А: *Более того, уничтожение вредоносных микроорганизмов | (например, грибковой плесени) | может увеличить сохранность той же пшеницы для ее дальнейшей посадки.*

3. Смежные конъюнктивно связанные сегменты (с риторическим отношением Joint) объединяются, если они не представляют самостоятельных компонентов аргументации. В обратном случае, если одному или каждому сегменту соответствует самостоятельный аргумент, конъюнктивно связанные сегменты TPC-структуры не должны объединяться в А-структуру. Ниже представлена TPC-структура, которой в А-структуре соответствуют один разрывный сегмент (подчеркнут) и связанные с ним два детализирующие аргумента (примеры).

TPC: *Именно поэтому механическое перенесение какой-либо модели, выявленной, например, | при анализе языковых ситуаций в эмигрантских по сути государствах или при анализе конкретных западно- и(или) восточноевропейских ситуаций не будет соответствовать реалиям других сообществ...* // текст «Рецензия (отказ 24)».

А: *Именно поэтому механическое перенесение какой-либо модели, выявленной | например, при анализе языковых ситуаций в эмигрантских по сути государствах | или при анализе конкретных западно- и(или) восточноевропейских ситуаций | не будет соответствовать реалиям других сообществ...*

4. В большинстве случаев сегменты, связанные в TPC-структуре отношением Elaboration (например, нерестриктивные причастные обороты и придаточные определительные), объединяются в А-структуру в один сегмент.

TPC: *В основном используется бинаризация [2] изображения, | которая позволяет точно выделить текст | и убрать фон.* // текст «Анализ технологий распознавания текста из изображения».

А: *В основном используется бинаризация [2] изображения, которая позволяет точно выделить текст и убрать фон.*

5. Трудность представляют исключения из этого правила, когда TPC- и А-сегментации совпадают:

TPC, А: *После материал подвергся дополнительной обработке: нагреву либо лиофилизации, | которые также оказали значительное влияние на его эффективность.* // текст «Созданы новые сорбенты для очистки сточных вод».

6. TPC- и А-сегментации совпадают при наличии риторических связей Cause-effect, Condition, Contrast, Concession, Purpose и некоторых других, если связь явным образом маркирована. Так, для причинно-следственной связи маркерами являются лексические индикаторы и индикаторные конструкции *потому что, так как, поэтому, поскольку, предполагает, объясняется+...+тем, что* и др. Наличие в тексте таких надежных дискурсивных показателей позволяет прямо отобразить TPC-структуру в А-

структуру с сохранением разбиения на сегменты либо использовать TPC-сегментацию для коррекции А-сегментации.

TPC: *Однако было решено не учитывать имена авторов и названия произведений, | поскольку многие авторы пишут в одном и том же жанре, | а названия порой мало отражают полную суть книги.* // текст «Классификация книг по жанрам на основе текстовых описаний посредством глубокого обучения».

А: *Однако было решено не учитывать имена авторов и названия произведений, | поскольку многие авторы пишут в одном и том же жанре, а названия порой мало отражают полную суть книги.*

7. Соответствие риторических и аргументативных единиц нарушается в одном варианте риторического отношения Attribution, которому соответствуют аргументы, апеллирующие к Эксперту: в риторической структуре им соответствуют две смежные ЭДЕ, связанные риторическим отношением Attribution, а в А-структуре вторая ЭДЕ представляет две АДЕ. В примере ниже первая из двух – разрывная (первая посылка аргумента «От Эксперта»), в нее вложен А-сегмент второй посылки.

TPC: *Однако то, какие эффекты оказывает стимуляция в зависимости от целостности ГЭБ, обычно не рассматривают, | — поясняет соавтор статьи, младший научный сотрудник Института молекулярной биологии РАН, выпускница магистерской программы ВШЭ «[[Когнитивные науки и технологии: от нейрона к познанию]]» Александра Петровская.* // текст «Ученые нашли способ повысить эффективность лечения болезни Альцгеймера»

А: *Однако то, какие эффекты оказывает стимуляция в зависимости от целостности ГЭБ, обычно не рассматривают, | — поясняет | соавтор статьи, младший научный сотрудник Института молекулярной биологии РАН, выпускница магистерской программы ВШЭ «[[Когнитивные науки и технологии: от нейрона к познанию]]» | Александра Петровская.*

8. В определенных жанрах, таких как рецензия, аннотаторы рассматривают цитируемый (в кавычках) фрагмент как единое целое (приводя его либо как пример, либо как доказательство в составе аргумента), в то время как TPC-сегментатор игнорирует кавычки и выделяет сегменты по обычным правилам. Так, в следующем фрагменте три TPC-сегмента соответствуют одному А-сегменту.

TPC: *Например: «Подобное исследование позволяет выявить механизмы формирования определенных критериев и параметров речевых действий человека, включая их цели и средства, | сквозь призму вербального компонента общественных «естественных установок», связанных с психологическими и языковыми структурами дискурса, | которые становятся «реальной» оценкой деятельности популярной личности и концептом ее «социального образа» (с. 4).* // текст «Рецензия (отказ 15)».

9. Перечни оформляются единым TPC-сегментом, в который входят пункты перечня (независимо от того, как они представлены – в буквенном, цифровом виде или дискурсивными словами *во-первых, во-вторых*) и

элементы перечня. В А-сегментации некоторые аннотаторы предпочитают разделять этот фрагмент на два А-сегмента, трактуя пункт перечня как показатель части целого.

ТПС: 1) *Нет ясности в трактовке термина «язык».* // текст «Рецензия (доработка 4)».

А: 1) | *Нет ясности в трактовке термина «язык».*

В результате анализа логов сравнения сегментации на двух уровнях, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ логов сегментации подтвердил, что сегментация ТПС представляется в целом более детализированной, чем А-сегментация: за минусом исключений А-сегменты представляют собой конкатенацию ТПС-сегментов для отношений Joint, Same-unit и Elaboration.

2. Есть и обратные ситуации, когда единый ТПС-сегмент должен быть разделен с учетом прагматических связей получаемых А-сегментов, например, прагматических отношений детализации.

3. Совпадение сегментационных структур имеет место при выделении ТПС-сегментов с отношениями Cause-effect, Condition, Contrast, Concession, Purpose и частично Attribution при наличии соответствующих дискурсивных индикаторов.

4. Использование ТПС-сегментатора для А-сегментирования предполагает доработку анализа с вводом ряда дополнительных правил по объединению и разделению сегментов. Правила эти должны учитывать как простейшие разделители (абзац, скобка, кавычка, элемент списка), так и индикаторы из заранее созданного представленного на платформе словаря (например, *в результате, с целью, при помощи, однако, несмотря на, с другой стороны, для +...+S, deverb* и др.). Для использования словаря индикаторов с целью модификации А-сегментации такие показатели снабжаются дополнительными признаками вида «является разделителем сегментов». В некоторых случаях дополнительно необходимо учитывать информацию о жанре текста.

5. При использовании ТПС-сегментатора для автоматической А-сегментации возможна последующая корректировка человеком-экспертом (для более глубокого лингвистического анализа), либо весь процесс осуществлять в диалоговом режиме.

Установление отношений

Как уже говорилось, возможны два разных подхода: ТПС как инструмент предобработки или постобработки. В случае предобработки ТПС-разметка предшествует А-разметке, в случае постобработки ТПС применяется к уже построенной ранее А-разметке. Хотя эти два подхода в корне различны, эмпирический анализ их возможностей, по сути, одинаков: при обоих подходах выводы делаются на основе сравнительного анализа ТПС- и А-структур, построенных для одного и того же текста. Различие состоит в интерпретации и соответственно в последующем применении: в случае предобработки – предсказание или подсказка, в случае постобработки – подтверждение, коррекция или унификация А-структур.

На основе анализа семантики риторических отношений и их использования в корпусе отношения Joint,

Elaboration, Sequence, Restatement, Solutionhood, Same-unit были исключены из дальнейшего рассмотрения как не обладающие явно просматриваемым аргументативным значением и/или не имеющие регулярных соотношений среди отношений А-структуры. Отношения Attribution, Cause-effect, Condition, Concession, Evidence, Contrast, Purpose были оставлены для дальнейшего анализа.

Анализ выбранных отношений производился путем экспертного сравнения ТПС- и А-структур в подкорпусе параллельных текстов, состоящем из 14 текстов с параллельной разметкой (6 научных рецензий, 6 коротких научно-популярных статей с сайта poisknews.ru, 1 длинная научная статья, 1 длинная научно-популярная статья с сайта habr.com/ru). Исследуемые отношения выбирались из ТПС-структур указанных текстов методом сплошной выборки, что в итоге составило 230 случаев использования ТПС-отношений. Далее были рассмотрены и классифицированы варианты соотношений между ТПС-отношениями и соответствующими им фрагментами А-разметки того же текста.

При сопоставлении структур для каждого рассматриваемого случая использования риторического отношения собиралась следующая информация:

- название рассматриваемого ТПС-отношения (X);
- название соответствующего ему отношения в А-структуре того же текста (в случае наличия этого отношения) или допустимость такого отношения в А-структуре (в случае его отсутствия в ней);
- соотношение между сегментациями частей текста, связываемых отношением X, с сегментациями соответствующих частей текста в А-структуре;
- наличие среди этих фрагментов неаргументативных сегментов, дальних связей;
- текстовые индикаторы правильного установления отношения X в ТПС-структуре, представимого в А-структуре посредством семантически близкого ему А-отношения, и текстовые индикаторы установления отношения, не обладающего этими свойствами (если такие индикаторы имеются).

Далее приведены примеры, иллюстрирующие соотношения между ТПС-структурой и соответствующей тому же фрагменту текста А-структурой:

1) эти структуры можно считать идентичными: рассматриваемому ТПС-отношению поставлено в соответствие близкое ему по смыслу А-отношение, различие между структурами состоит только в направлениях дуг (рис. 1);

2) эти структуры являются совместимыми, т.е. каждому элементарному сегменту А-структуры соответствует либо элементарный сегмент ТПС-структуры, либо сегмент ТПС-структуры, объединенный со всеми или некоторыми подчиненными ему в этой структуре элементарными сегментами, после такого объединения данный случай сводится к предыдущему (рис. 2, 3), иначе говоря, две структуры можно считать идентичными, если пренебречь более дробной сегментацией в ТПС;

3) рассматриваемые части ТПС- и А-структур не относятся между собой ни одним из перечисленных ранее способов, т.е. происходит переструктуризация (рис. 4).

Рис. 1. Пример совпадения TPC- и А-структур (текст «Рецензия (Доработка 2)»)

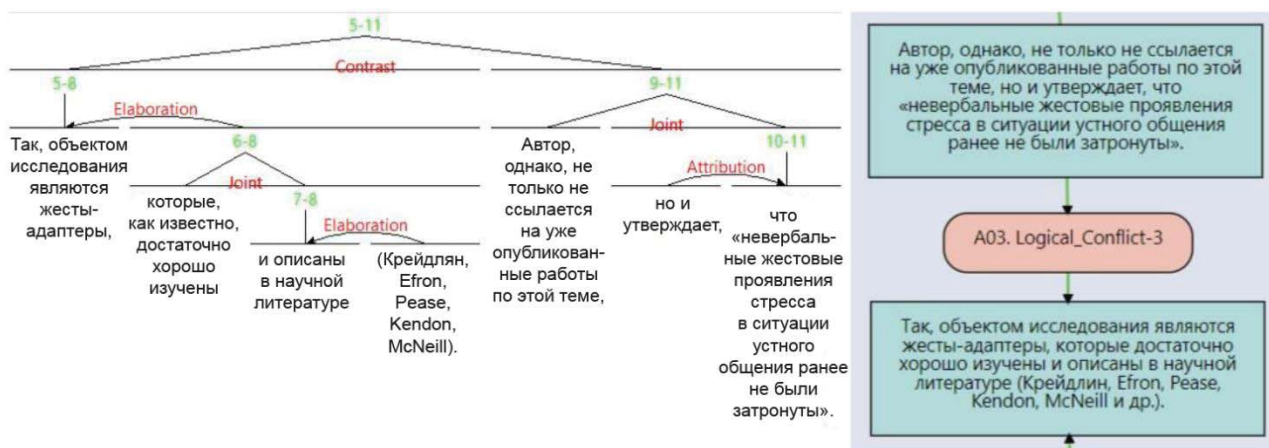

Рис. 2. Соответствие TPC- и А-структур при более дробной TPC-сегментации (текст «Рецензия (Доработка 2)»)

Как видно по примеру на рис. 1, для TPC традиционным является рассмотрение отношения противопоставления (Contrast) как симметричного, а близкое ему по смыслу А-отношение Logical_Conflict традиционно считается направленным: логическое противоречие используется в аргументации как атака на определенное утверждение. Поэтому показанной на рис. 1 TPC-структуре могло бы быть поставлено в соответствие А-отношение с противоположным направлением дуг. Кроме того, в используемой версии TPC-отношение Contrast может обозначать как аргументацию путем противопоставления утверждений, так и констатацию противоречивости определенного состояния дел (именно вторая интерпретация, по-видимому, послужила основанием того, что в схеме на рис. 3 отношение Contrast не получило отображения в виде А-отношения). Однако четкой границы между этими двумя смыслами отношения Contrast нет: противоречивость состояния дел вполне может использоваться и при выстраивании аргументации, поэтому такое отношение также может быть отнесено к числу допустимых.

В общем случае допустимым (для А-разметки) считалось правильно установленное TPC-отношение, которое может быть представлено в А-структуре посредством семантически близкого ему А-отношения.

Семантически близкие TPC-отношениям А-отношения, встретившиеся в подкорпусе, указаны в табл. 2. Жирным шрифтом для каждого TPC-отношения выделено самое близкое ему по смыслу. Во втором столбце той же таблицы приведены частотности отношений в подкорпусе, т.е. среди найденных в нем 230 случаев использования рассматриваемых TPC-отношений. Выделенное жирным шрифтом отношение считается основным и теоретически может использоваться при унификации разметок, сделанных разными аннотаторами.

Более дробным в TPC может быть только один компонент рассматриваемого TPC-отношения или оба компонента (как на рис. 2). Возможно также сведение всех компонентов отношения к одному сегменту (как на рис. 3), причем в данном случае отношение Contrast было выявлено в TPC правильно и теоретически оно могло бы быть отображено в А-разметке. Все случаи правильного установления рассматриваемого отношения TPC (отображенные в А-разметке или не отображенные) считались допустимыми (табл. 3).

Расхождения между аннотаторами может проявляться в том, что один из них использует более дробную сегментацию, чем другой. Например, один использует сегментацию внутри предложения, а другой – более

укрупненную сегментацию по предложениям. В таких случаях также можно производить унификацию на основе данных из ТРС-структуры, обычно предлагающей более дробную сегментацию внутри предложения и при этом правильно связывающую части текста рассматриваемым отношением. Причем унификация может состоять в выборе укрупненной или детализированной сегментации, в зависимости от принятых в данной процедуре общих принципов.

Соотношение между ТРС- и А-разметками устанавливается легко, если сопоставляемые структуры

относятся к числу совместимых. Однако встречаются и случаи переструктуризации, которые могут свидетельствовать об ошибочности установления либо ТРС-отношения, либо А-отношения. Такие ситуации можно использовать для коррекции А-разметки, если правильность ТРС-структуры подтверждена использованием индикаторов рассматриваемого ТРС-отношения. При подготовке данных для табл. 3 правильно установленное ТРС-отношение было отнесено к числу допустимых независимо от того, произошла ли переструктуризация или нет.

Рис. 3. Не отображенное в А-структуре допустимое отношение ТРС-структуры (текст «Музыкальные пристрастия людей нельзя разделить на универсальные жанры – исследование»)

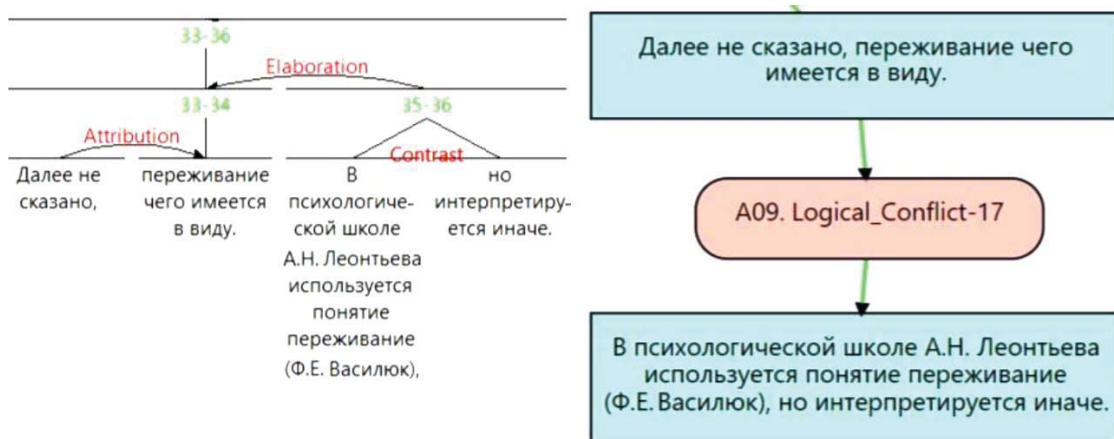

Рис. 4. Переструктуризация связей между сегментами при построении А-структуры (текст «Рецензия (Отказ 1)»)

Таблица 2

Частотность ТРС-отношений и возможные их соответствия в А-разметке

Отношение ТРС	Частотность в подкорпусе, %	Соответствия в А-разметке
Attribution	22,17	ExpertOpinion
Cause-effect	15,22	CauseToEffect , PositiveConsequences
Concession	3,48	LogicalConflict , PracticalReasoning
Condition	19,13	CauseToEffect , AppliedMethod , NegativeConsequences , PositiveConsequences
Contrast	15,22	LogicalConflict , ExceptionalCase
Evidence	8,70	Example , CauseToEffect , PartToWhole , EffectToCause , EvidenceToHypothesis
Purpose	16,09	PracticalReasoning , EvidenceToHypothesis , Sign , AppliedMethod , PartToWhole , MembersToGroup

В ходе сопоставительного анализа структур фиксировалась также информация о текстовых индикаторах (позитивных и негативных). Под позитивными индикаторами понимаются признаки наличия рассматриваемого отношения, под негативными – признаки его отсутствия. Обычно составляются только списки пози-

тивами понимаются признаки наличия рассматриваемого отношения, под негативными – признаки его отсутствия. Обычно составляются только списки пози-

тивных индикаторов. Например, списки таких индикаторов для TPC представлены на сайте <https://rstreebank.ru>, а для аргументативного анализа – на платформе ArgNetBank Studio. Анализ ситуаций неправильного установления TPC-отношений или такое их использование, которое не является аргументативным, позволил составить список негативных индикаторов. В частности, отношение Attribution не вполне соответствует отношению ExpertOpinion, так как может свидетельствовать не о ссылке на экспертное мнение, а на источник информации в более общем смысле. Найденные негативные индикаторы помогут отделить такие ссылки от тех, для которых уместно отношение ExpertOpinion. К числу таких негативных индикато-

ров в данном подкорпусе отнесены, в частности, следующие: «на стр... сказано, что», «приводятся данные», «сказано следующее», «показано, что». Составленные списки текстовых индикаторов предварительны: позитивные индикаторы надо сопоставить с уже имеющимися их списками, а негативные – пополнить и проверить на более обширном материале. Следует также отметить, что позитивность (негативность) индикатора определяется в рамках конкретного жанра, в данном случае приведены примеры индикаторов, выявленных в текстах научных рецензий. В ином жанре какие-то из этих индикаторов могут оказаться позитивными (или негативными) для другого отношения.

Таблица 3

Характеристики рассмотренных отношений подкорпуса, %

Отношение TPC	Среди отношений указанного слева типа				
	Допустимых			Неаргументативных	
	Совместимых		Всего	Ядер	Сателлитов или вторых ядер
	Всего	Идентичных			
Attribution	29,41	11,76	56,86	9,80	7,84
Cause-effect	42,86	14,29	80,00	17,14	17,14
Concession	50,00	12,50	75,00	0,00	0,00
Condition	9,09	4,55	75,00	18,18	15,91
Contrast	22,86	8,57	77,14	11,43	11,43
Evidence	65,00	5,00	70,00	15,00	10,00
Purpose	27,03	5,41	62,16	13,51	10,81

При сравнении структур предполагалось также обратить внимание на А-отношения, соединяющие сегменты, не расположенные в тексте непосредственно рядом или на близком расстоянии друг от друга, но непосредственно связанные между собой в TPC-структуре. Однако по этому вопросу не удалось получить полезной информации: анализ TPC-структур показал, что такие связи обычно не реализуются в TPC-структуре посредством отношений, вошедших в рассмотренный в данной работе список.

Подводя итог, можно сказать, что TPC-структура дает информацию как для предварительной (редактируемой) разметки текста, предшествующей его аннотированию экспертом, так и для унификации решений разных аннотаторов. Наиболее надежными в обоих случаях являются TPC-отношения Attribution, Cause-effect, Condition, Contrast, Purpose. Отношения Concession и Evidence относятся к числу редких, поэтому сведения о них нужно уточнять на более объемной выборке. При постобработке возможно маркирование случаев переструктуризации для последующего просмотра их аннотаторами в случае использования экспертной разметки. Унификация решений аннотаторов может осуществляться на основе совместимых TPC- и А-структур. Она может состоять как в приведении различающихся сегментаций к единому варианту, так и в выборе единого А-отношения (наиболее семантически близкого для рассматриваемого TPC-отношения). Учет позитивных и негативных текстовых

индикаторов потенциально способен улучшить приведенные в табл. 3 оценки.

Заключение

В результате проделанной работы были сформулированы предложения относительно возможностей использования теории риторической структуры в качестве инструмента предобработки или постобработки текста при построении его аргументативной структуры. Предполагается учесть эту информацию при развитии возможностей платформы ArgNetBank Studio, средств автоматизации аннотирования и анализа аргументации. Насколько полученная информация поможет повысить качество разметки и эффективность извлечения аргументации – вопрос дальнейшего исследования. Кроме того, результаты работы, в частности обнаруженные корреляции между риторической и аргументативной структурами, предполагается использовать для разработки двухуровневой модели дискурса.

Поскольку теория риторической структуры ориентирована скорее на реконструкцию локальной связности текста, а аргументативный анализ – скорее на реконструкцию его глобальной связности, данная работа может быть полезна для области лингвистики текста, так как дает информацию для изучения соотношений между указанными двумя видами связности.

Список источников

1. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical structure theory: Towards a functional theory of text organization // Text. 1988. № 8 (3). P. 243–281.

2. Mann W.C., Thompson S.A. Toward a theory of reading between the lines: An exploration in discourse structure and implicit communication. Paper presented at the Seventh International Pragmatics Conference, Budapest, Hungary. 2020. URL: <https://studylib.net/doc/7881702/toward-a-theory-of-reading-between-the-lines> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Taboada M., Mann W. Rhetorical Structure Theory: Looking back and moving ahead // *Discourse Studies*. SAGE Publications. 2006. Vol. 8, № 3. P. 423–459.
4. Taboada M., Mann W.C. Applications of Rhetorical Structure Theory // *Discourse Studies*. 2006. Vol. 8 (4). P. 567–588.
5. Walton D., Reed C., Macagno F. Argumentation schemes. *Fundamentals of critical argumentation*. New York : Cambridge University Press, 2008. 443 p.
6. Кононенко И.С., Загорюлько Ю.А., Серый А.С., Сидорова Е.А., Шестаков В.К. Классификация типовых моделей рассуждения и их применение для исследования аргументации в текстах научной коммуникации // *Знания – Онтологии – Теории: Труды IX Международной конф. ЗОНТ-2023*. Новосибирск : Ин-т математики им. С.Л. Соболева СО РАН; Новосиб. гос. ун-т, 2023. С. 178–187.
7. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М. : Языки славянских культур, 2009. 736 с.
8. O'Donnell M. RST-Tool: An RST Analysis Tool. // *Proceedings of the 6th European Workshop on Natural Language Generation* March 24–26, 1997. Duisburg, Germany : Gerhard-Mercator University, 1997. P. 92–96.
9. Rahwan I., Reed C. The argument interchange format // Rahwan I., Simari G. (Eds.) *Argumentation in artificial intelligence*. Springer, 2009. P. 383–402.
10. Azar M. Argumentative Text as Rhetorical Structure: An Application of Rhetorical Structure Theory // *Argumentation*. 1999. Vol. 13. P. 97–114.
11. Chistova E. et al. RST Discourse Parser for Russian: An Experimental Study of Deep Learning Models. // van der Aalst W.M.P. et al. (eds.) *Analysis of Images, Social Networks and Texts*. AIST 2020. Lecture Notes in Computer Science. Vol 12602. Cham : Springer, 2021. P. 105–119.
12. Villalba M., Saint-Dizier P. Some Facets of Argumentation Mining for Opinion Analysis // *Proceedings of the 2012 conference on Computational Models of Argument*. 2012. P. 23–34.
13. Chistova E. End-to-End Argument Mining over Varying Rhetorical Structures // *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL*. 2023. P. 3376–3391.
14. Green Nancy L. RST and Practical Reasoning Argumentation Schemes // *Computational Models of Natural Argument (CMNA23)*, December 1, 2023, Virtual. *CEUR Workshop Proceedings*. 2023. URL: <https://ceur-ws.org/Vol-3614/paper1.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).
15. Toulmin S. *The Uses of Argument*. New York : Cambridge University Press, 2003. 259 p.
16. Peldszus A., Stede M. Rhetorical structure and argumentation structure in monologue text // *Proceedings of the 3rd Workshop on Argument Mining*. Berlin, Germany, August 7–12. 2016. P. 103–112.
17. Сидорова Е.А., Ахмадеева И.Р., Загорюлько Ю.А., Серый А.С., Шестаков В.К. Платформа для исследования аргументации в научно-популярном дискурсе // *Онтология проектирования*. 2020. Т. 10, № 4 (38). С. 489–502.
18. Potter A. Inferring Inferences: Relational Propositions for Argument Mining // *Proceedings of the Society for Computation in Linguistics*. 2022. Vol. 5, Art. № 8. URL: <https://aclanthology.org/2022.scil-1.7.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).
19. Musi E., Alhindi T., Stede M., Kriesel L., Muresan S., Rocci A. A Multi-layer Annotated Corpus of Argumentative Text: From Argument Schemes to Discourse Relations // *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'2018)*, Miyazaki, Japan. 2018. P. 1629–1636.
20. Accuosto P., Saggion H. Discourse-driven argument mining in scientific abstracts // *Natural Language Processing and Information Systems: 24th International Conference on Applications of Natural Language to Information Systems, NLDB 2019*. Salford, UK, 2019. P. 182–194.
21. Анянueva М.И., Кобозева М.В. Разработка корпуса текстов на русском языке с разметкой на основе теории риторических структур // *Труды Международной конференции «Диалог». Студенческая сессия*. 2016. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3460/ananyeva.pdf> (дата обращения: 07.07.2024).

References

1. Mann, W.C. & Thompson, S.A. (1988) Rhetorical structure theory: Towards a functional theory of text organization. *Text*. 8 (3). pp. 243–281.
2. Mann, W.C. & Thompson, S.A. (2020) *Toward a theory of reading between the lines: An exploration in discourse structure and implicit communication*. Paper presented at the Seventh International Pragmatics Conference, Budapest, Hungary. [Online] Available from: <https://studylib.net/doc/7881702/toward-a-theory-of-reading-between-the-lines> (Accessed: 10.07.2024).
3. Taboada, M. & Mann, W. (2006) Rhetorical Structure Theory: Looking back and moving ahead. *Discourse Studies*. 8 (3). pp. 423–459.
4. Taboada, M. & Mann, W.C. (2006) Applications of Rhetorical Structure Theory. *Discourse Studies*. 8 (4). pp. 567–588.
5. Walton, D., Reed, C. & Macagno, F. (2008) *Argumentation schemes. Fundamentals of critical argumentation*. New York: Cambridge University Press.
6. Kononenko, I.S., Zagorulko, Yu.A., Seryi, A.S., Sidorova, E.A. & Shestakov, V.K. (2023) [Classification of typical reasoning models and their application for studying argumentation in scientific communication texts]. *Znaniya – Ontologii – Teorii* [Knowledge – Ontologies – Theories]. ZONT-2023 Conference Proceedings. Novosibirsk: S.L. Sobolev Institute of Mathematics SB RAS; Novosibirsk State University. pp. 178–187. (In Russian).
7. Kibrik, A.A. & Podlesskaya, V.I. (eds) (2009) *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ushnogo russkogo diskursa* [Dream narratives: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
8. O'Donnell, M. (1997) RST-Tool: An RST Analysis Tool. *Proceedings of the 6th European Workshop on Natural Language Generation*. March 24–26, 1997. Duisburg, Germany: Gerhard-Mercator University. pp. 92–96.
9. Rahwan, I. & Reed, C. (2009) The argument interchange format. In: Rahwan, I. & Simari, G. (eds) *Argumentation in artificial intelligence*. Springer. pp. 383–402.
10. Azar, M. (1999) Argumentative Text as Rhetorical Structure: An Application of Rhetorical Structure Theory. *Argumentation*. 13. pp. 97–114.
11. Chistova, E. et al. (2021) RST Discourse Parser for Russian: An Experimental Study of Deep Learning Models. In: van der Aalst, W.M.P. et al. (eds) *Analysis of Images, Social Networks and Texts*. AIST 2020. Lecture Notes in Computer Science. 12602. Cham: Springer. pp. 105–119.
12. Villalba, M. & Saint-Dizier, P. (2012) Some Facets of Argumentation Mining for Opinion Analysis. *Proceedings of the 2012 conference on Computational Models of Argument*. pp. 23–34.
13. Chistova, E. (2023) *End-to-End Argument Mining over Varying Rhetorical Structures*. Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL. pp. 3376–3391.
14. Green, N.L. (2023) *RST and Practical Reasoning Argumentation Schemes*. *Computational Models of Natural Argument (CMNA23)*. December 1, 2023, Virtual. *CEUR Workshop Proceedings*. [Online] Available from: <https://ceur-ws.org/Vol-3614/paper1.pdf> (Accessed: 10.07.2024).
15. Toulmin, S. (2003) *The Uses of Argument*. New York: Cambridge University Press.

16. Peldszus, A. & Stede, M. (2016) Rhetorical structure and argumentation structure in monologue text. *Proceedings of the 3rd Workshop on Argument Mining*. Berlin, Germany, August 7–12. pp. 103–112.
17. Sidorova, E.A., Akhmadeeva, I.R., Zagorulko, Yu.A., Seryi, A.S. & Shestakov, V.K. (2020) Platforma dlya issledovaniya argumentatsii v nauchno-populyarnom diskurse [A platform for studying argumentation in popular science discourse]. *Ontologiya proektirovaniya*. 10 (4). pp. 489–502.
18. Potter, A. (2022) Inferring Inferences: Relational Propositions for Argument Mining. *Proceedings of the Society for Computation in Linguistics*. 5 (8). [Online] Available from: <https://aclanthology.org/2022.scil-1.7.pdf> (Accessed: 10.07.2024).
19. Musi, E. et al. (2018) A Multi-layer Annotated Corpus of Argumentative Text: From Argument Schemes to Discourse Relations. *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'2018)*. Miyazaki, Japan. pp. 1629–1636.
20. Acciosto, P. & Saggion, H. (2019) Discourse-driven argument mining in scientific abstracts. *Natural Language Processing and Information Systems: 24th International Conference on Applications of Natural Language to Information Systems, NLDB 2019*. Salford, UK. pp. 182–194.
21. Ananeva, M.I. & Kobozeva, M.V. (2016) [Development of a Russian text corpus annotated using Rhetorical Structure Theory]. *Dialog Conference Proceedings*. Student Session. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/media/3460/ananyeva.pdf> (Accessed: 07.07.2024). (In Russian).

Информация об авторах:

Тимофеева М.К. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории искусственного интеллекта Института систем информатики им. А.П. Ершова Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: mtimof@inbox.ru

Конonenko И.С. – научный сотрудник лаборатории искусственного интеллекта Института систем информатики им. А.П. Ершова Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: irina_k@cn.ru

Шестаков В.К. – младший научный сотрудник лаборатории искусственного интеллекта Института систем информатики им. А.П. Ершова Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: shestakov@iis.nsk.su

Зоркальцев А.В. – студент Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: a.zorkaltsev@g.nsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.K. Timofeeva, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mtimof@inbox.ru

I.S. Kononenko, research fellow, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: irina_k@cn.ru

V.K. Shestakov, junior research fellow, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shestakov@iis.nsk.su

A.V. Zorkaltsev, student, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: a.zorkaltsev@g.nsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.07.2024;
одобрена после рецензирования 26.10.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 10.07.2024;
approved after reviewing 26.10.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/508/10

Пространственный компонент концепта *Россия* в учебниках по русскому языку как иностранному российских и китайских авторов

Вера Владимировна Чапля¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, chaplya_3@mail.ru

Аннотация. Исследована реализация пространственного компонента концепта *Россия* в учебниках по русскому языку как иностранному российских и китайских авторов. Обоснованы факторы формирования его содержания, выявлены общие понятийные и оценочные признаки, заданные жанрово-дискурсивными целями учебника, а также основные различия, определяемые национально-культурной спецификой.

Ключевые слова: концепт *Россия*, пространство, учебник по русскому языку как иностранному

Для цитирования: Чапля В.В. Пространственный компонент концепта *Россия* в учебниках по русскому языку как иностранному российских и китайских авторов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 99–107. doi: 10.17223/15617793/508/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/10

The spatial component of the concept of Russia in textbooks on Russian as a foreign language by Russian and Chinese authors

Vera V. Chaplya¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, chaplya_3@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to identify the specifics of the content and structural organization of the spatial component of the concept of Russia, implemented in textbooks on Russian as a foreign language by Russian and Chinese authors. In this study, the spatial component is represented by a description of Russia as an integral locus, as well as a description of its urban and natural loci. In textbooks on Russian as a foreign language, the spatial component is an integral part of the conceptual system, since the formation of ideas about language, people and an unfamiliar culture in the student involves familiarity with the geographical characteristics of the country. By the method of continuous sampling, 544 statements were selected that implement the spatial component of the concept of Russia in the textbook of Russian authors *Doroga v Rossiю* and in the educational complex *Vostok*. The material was examined by the method of conceptual and discursive analysis, which involves the identification of conceptual and evaluative features that are part of the spatial component of the concept of Russia, and their further systematization – based on the specifics of the discourse in which this concept is implemented. As a result of the research, the following differences were revealed that reflect the influence of the national consciousness of Russian and Chinese authors on the implementation of the spatial component of the concept of Russia in textbooks on Russian as a foreign language: (1) The identified conceptual features in the Russian textbook are about twice as numerous as in the Chinese one. This difference is due to the specifics of the representation of "native" and "alien" space. At the same time, in the Chinese textbook, the characteristics and evaluative signs of loci are expressed by more diverse, figurative lexical means. (2) The author's external position in the Chinese textbook is emphasized by the presence of comparative characteristics with his country and other states, as well as the frequency of contexts about visiting Russia and returning to his country. The narrator's internal position in the Russian textbook is indicated by the qualifiers "my", "ours", "native", etc., which were not identified in the *Vostok* relative to Russia. In addition, it is important to note the absence of contexts in the Chinese textbook that record the facts of residence and work in Russia for foreigners. (3) Under the influence of the specifics of the national and cultural perception of Russia, an uneven distribution in the characteristics of space by size and age was revealed. The significance of the age characteristic of the locus is peculiar to the Russian consciousness, and the significance of scale and size is peculiar to the national Chinese consciousness. In interpreting the negative assessment of the state of infrastructure and climatic conditions, there are also discrepancies in the way characteristics and evaluative meanings are presented. The climate in Russia is perceived by Russians as familiar, but harsh for foreigners. From the perspective of Chinese authors, the climate is assessed extremely negatively, but with the inherent national desire to balance the assessment by comparison.

Keywords: concept of Russia, space, textbook on Russian as a foreign language

For citation: Chaplya, V.V. (2024) The spatial component of the concept of Russia in textbooks on Russian as a foreign language by Russian and Chinese authors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 99–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/10

В данной работе под концептом понимается «...сложное и многоярусное ментальное образование, в состав которого помимо обыденно-понятийного содержания входят еще оценочные и релятивно-оценочные смыслы, показывающие отношение человека к познаваемому объекту» [1. С. 55]. Структура концепта в определенном дискурсе предполагает наличие признаков и их дискурсивно обусловленной оценочной интерпретации, на основе которых реализуется дискурсивная цель.

Обращение к исследованию концепта *Россия*, вербально реализуемого в коммуникативных сферах различного типа, в современной лингвистике осуществляется достаточно активно (см. работы Е.С. Абрамовой, С.Г. Дюкина, А.А. Карамовой, Т.Ю. Колупановой, И.А. Мирзаевой, А.В. Полонского, Е.В. Поповой, Л.Ф. Хабибуллиной, Н.Л. Чурилиной, И.А. Юрьевой, Л.А. Юшковой и др.).

В рамках этих работ описываются особенности его организации в языковом сознании разных групп носителей языка (И.А. Герасименко, О.В. Фесенко, С.С. Царегородцева, И.А. Юрьева), выявляется специфика реализации данного концепта в различных дискурсах: литературно-художественном (О.В. Богданова, С.Г. Дюкин, Р.А. Мирзаева, Л.К. Оляндэр, Е.В. Попова, Е.Н. Стрельчук), медийном (Е.С. Абрамова, Е.Е. Белова, А.И. Белоусова), религиозном (Е.Н. Деревскова, Л.Н. Чурилина), политическом (А.А. Карамова) и др. Отметим и наличие работ, в которых в сопоставительном аспекте рассматривается специфика содержания концепта *Россия* в сознании представителей разных лингвокультур (К.В. Данилов, А.Ю. Лонская, А.В. Оленева, Е.Н. Стрельчук), в том числе русской и китайской (Л.Е. Веснина, И.В. Кирилова, Л.А. Юшкова).

В настоящем исследовании выявляется специфика реализации пространственного компонента концепта *Россия* в учебниках по русскому языку как иностранному (далее – РКИ), созданных в России и Китае. На материале учебников по РКИ исследуемое концептуальное содержание также анализировалось, однако не проводился комплексный лингвистический анализ содержания концепта *Россия* в российских и китайских учебниках по РКИ в сопоставительном аспекте. В частности, исследователями рассматривался образ России и русских путем анализа лингвострановедческого содержания учебников, посредством ассоциативных экспериментов среди обучающихся русскому языку (Е.В. Дзюба, С.А. Еремина, О.А. Зайцева, П.К. Кислицкий, И.О. Мукушев, Е.В. Паустьян, И.С. Пирожкова). В работах указанных авторов не выделяется пространственный компонент концепта *Россия*, но так или иначе присутствуют ассоциации и характеристики географии России, ее природных и городских объектов. Также проводились исследования непосредственно с позиции описания пространства (К.С. Безрукова, А.А. Вязанкина, Е.Н. Стрельчук), в которых пространство как фрейм выносятся на первое место. Кроме того, сделаны отдельные наблюдения, фиксирующие особенности в реализации исследуемого концепта в

учебниках по РКИ, изданных в Китае. Многокомпонентность лингвокультурологических концептов рассматривалась в работах Ю.С. Степанова и В.И. Карасика. Исследователи выделяли компоненты концепта с точки зрения структуры «ментального образования», однако с точки зрения смыслового содержания концепта также можно выделить ряд компонентов, способных выступать в качестве самостоятельных концептов, но составляющих единое целое в рамках заданного дискурса. В данном случае образовательный дискурс в соответствии со своей главной целью регламентирует группу компонентов, которые составляют базовый для учебника по РКИ концепт *Россия*.

Под образовательным дискурсом понимается институциональный дискурс, включающий компоненты «участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, тематика, прецедентные тексты, дискурсивные формулы» [2. С. 5–20] и имеющий в качестве главной цели – трансляцию специального знания от обучающего к обучаемому.

Учебник рассматривается нами в качестве ядерного жанра образовательного дискурса [3. С. 7–15]. Ядерный статус жанра определяется на основании прямого характера реализации базовой дискурсивной цели – передача специальных знаний – и в соответствии с основными принципами организации учебника по иностранному языку, который особым образом реализует исследуемый компонент. В основе современных учебников по иностранному языку заложена мысль о том, что «изучение иностранного языка осуществляется через познание чужой культуры. Инофон должен не только овладеть компетенциями в области грамматики и лексики изучаемого языка, но и сформировать представление о культурном компоненте значения слов, реалиях чужой культуры» [4. С. 20]. Дискурсивная цель определяет тематический материал учебника по иностранному языку, ориентированному не только на создание условий для развития языковых компетенций, но и на создание позитивного образа страны изучаемого языка.

Что формирование у обучающихся представлений о стране изучаемого языка – одна из значимых целей учебников рассматриваемого типа, в целом не вызывает сомнения у исследователей (Е.Н. Верещагин, Е.В. Дзюба, В.Г. Костомаров и др.).

Совокупность представлений о России, зафиксированная в текстах учебников по русскому языку как иностранному и репрезентируемая их авторами в определенном интерпретационном ракурсе, представляет собой содержание концепта *Россия*. Его исследование показало, что структуру данного концепта можно представить как совокупность трех составляющих, соответствующих трем объектам интерпретации: (1) народ России; (2) пространство России; (3) культура России. Содержательный компонент концепта *Россия* «народ России», реализованный в учебниках по русскому языку как иностранному, частично уже был рассмотрен [5]. В смежных работах по исследованию концепта *Россия* не было зафиксировано трехкомпонентной структуры объекта изучения, однако все выявленные ассоциации или фреймы, на наш взгляд, могут

быть объединены в рамках данных трех составляющих.

Цель данной статьи – выявить специфику содержания и структурной организации пространственной составляющей концепта *Россия*, реализованной в учебниках по РКИ российских и китайских авторов.

Значимость интерпретации пространства – избирательности его наполнения, организации и оценки как продукта его концептуализации – регулярно отмечается исследователями (Ю.М. Лотман, Т.В. Субботина, Е.С. Яковлева и др.), в частности – исследователями представлений о национальной культуре: «Пространство является одной из категорий, демонстрирующих специфику мироустройства. Соответственно, представления о пространстве являются важнейшими категориями национальной культуры, так как именно они определяют бытие самого человека, социума, в котором он существует, и всего окружающего мира. Пространство – одна из категорий, которая существует вне сознания человека и, следовательно, не зависит от него» [6. С. 164–177].

Пространственные характеристики так или иначе упоминаются и возникают практически во всех работах, посвященных описываемому концепту. В частности, исследователи констатируют, что «географические характеристики – вторая по частотности группа в содержании концепта» [7. С. 332]. Исследователи, характеризовавшие концепт *Россия* путем фреймового анализа В.В. Красных, также выделяют в его содержании категории, связанные с пространством: «Россия-территория», «Россия как территория», «территория» (Е.Е. Белова, А.И. Белоусова, А.А. Вязанкина, А.Ю. Лонская, Е.Н. Стрельчук и др.). Важно отметить, что трансляция страноведческой информации и знаний о культуре и ценностях страны изучаемого языка реализуется в учебнике по иностранному языку под влиянием авторского сознания, что также было отмечено при анализе содержания концепта *Россия* и, в частности, его пространственного компонента (К.С. Безрукова, Е.Н. Стрельчук).

В данной работе пространственный компонент представлен описанием России как цельного локуса, а также описанием ее городских и природных локусов. В учебниках по РКИ пространственный компонент – неотъемлемая часть концептуальной системы, поскольку формирование представлений о языке, людях и незнакомой культуре у обучающегося предполагает знакомство с географическими характеристиками страны.

Полагаясь на мнение о том, что «отношение к пространству есть одна из базовых категорий культуры» [8. С. 108], мы предполагаем, что содержание и реализация пространственного компонента концепта *Россия* в отечественных и китайских учебниках по РКИ будет различаться под влиянием двух разных национальных картин мира в сознании авторов. С целью выявления таких различий и в целом специфики реализации изучаемого компонента были проанализированы российские и китайские учебники по РКИ.

Методом сплошной выборки было отобрано 377 высказываний, реализующих пространственный

компонент концепта *Россия* в учебнике «Дорога в Россию» [9–12] (далее – «Дорога») и 167 высказываний в учебном комплексе «Восток» (1–4 части) [13–16]. Количество контекстов в российском учебном комплексе превышает число высказываний в китайском почти в два раза, что можно объяснить более глубокими знаниями и представлениями о своей стране российских авторов, нежели зарубежных.

Исследование материала проводилось методом концептуального и дискурсивного анализа, предполагающего выявление понятийных и оценочных признаков, входящих в состав пространственного компонента концепта *Россия*, и их дальнейшую систематизацию – в обоснованности спецификой дискурса, в котором данный концепт реализуется.

Пространственный компонент концепта *Россия* представлен в учебниках по РКИ в основном в учебных текстах и оформляется с помощью лексических единиц с семантикой, прямо или косвенно связанной с пространством: номинаций территориальных единиц, в том числе – географических названий (*город, страна, территория, место, юг, Россия, Москва, Таганрог* и др.), глаголов с семантикой перемещения и пребывания (*находиться, приезжать, остаться, посещать* и др.), а также предлогами с пространственным значением (*(учиться) в..., (работать) в, (ехать) из... в..., (поезд) до... и др.*).

Структурные элементы пространственного компонента концепта *Россия* включают как «рукотворные», так и природные объекты, объединяемые, в соответствии с целями исследуемого дискурса, в единстве понятия «локус». Вслед за В.Ю. Прокофьевой обозначим, что «для локуса как пространственного образа, зафиксированного в тексте, важны признаки относительной тождественности существующему в реальной действительности объекту и культурной значимости этого объекта для социума, на основе чего формируется когнитивная база и фиксируются стереотипные и индивидуальные представления о нем» [17. С. 87]. Под локусом в данной работе понимается «пространство, включенное в культурный текст, имеющее привязку к конкретному месту, не бесконечное, то есть имеющее физические размеры и границы» [18. С. 111]. Таким образом, локусы природы и культуры в нашем материале интерпретируются в едином режиме описания, соответствующем целям знакомства со страной изучаемого языка.

Интерпретация пространства России в рассматриваемых учебниках обнаруживает результат проникновения в образовательный дискурс интенций туристического дискурса, поскольку основные цели обоих дискурсов отождествляются в необходимости создания привлекательного образа страны. Однако в представлении и характеристике пространства обозначенные дискурсы существенно различаются.

Исследователи туристического дискурса – в той его части, которая направлена на представление потенциально посещаемой страны – отмечают среди его базовых интенций (1) информативную (передать будущему туристу необходимую для него информацию) и (2) рекламную (стимулировать продвижение услуги или

продукции) [19, 20 и др.]. Это предполагает создание позитивного образа потенциально посещаемой страны, что соответствует интенции учебника по иностранному языку, также предполагающего создание позитивного образа страны изучаемого языка. Во взгляде туриста размываются границы между культурой и природой, которая воспринимается как единое культурное пространство, а каждый его компонент – «как слепок, отпечаток отношений “человек – пространство – культура”, свернутых в одно наименование» [10. С. 112]. При этом цели образовательного дискурса – в сравнении с туристическим – обуславливают менее эксплицитный (иногда скрытый) характер оценочной интерпретации понятийного содержания, большее стилистическое разнообразие текстов (основанное на целях изучения языка – освоение разных его стилей), лексико-грамматические ограничения (соответствующие уровню освоения языка).

Еще одним значимым для интерпретации рассматриваемого объекта отличием текстовой реализации образовательного дискурса от туристического является множественность режимов представления информации об описываемых локусах. Если в туристическом дискурсе их описание осуществляется с позиции внешнего повествователя (экскурсовода, автора буклета и др.), а также с позиции туриста как посетителя государства (на его периферии, в туристических отъездах), то в учебнике по иностранному языку – в жанре образовательного дискурса, наряду с позицией автора учебника (внешнего повествователя), активно представлены характеристики различных локусов с позиции «героев» учебных текстов: жителей страны изучаемого языка и «иностранцев», реализуемые как от первого лица (*Мне очень нравится Владимир. Это старый русский город* [9. С. 331]), так и от лица автора (*Джону очень понравилась природа Байкала* [10. С. 13]).

В ходе данного исследования были выделены понятийные признаки, фиксирующие содержание пространственного компонента концепта *Россия*, в учебниках российских и китайских авторов, проанализирована их оценочная интерпретация, выраженная характеристиками выделенных локусов и режимом их представления – с позиции автора учебника или с позиции «героя» учебных текстов. Далее понятийные и оценочные признаки, обнаруженные в исследуемых учебниках, были сопоставлены, выделены общие и специфические характеристики компонента исследуемого концепта.

В результате анализа было выделено три типа значимых локусов, интерпретация которых представлена в учебниках по РКИ: (1) локус России как целостного пространственного объекта; (2) локусы российских городов; (3) локусы культурно значимых природных объектов России.

Было установлено, что характер реализации пространственного компонента концепта *Россия* в проанализированных учебниках определяется:

1. Спецификой образовательного дискурса и учебника РКИ – как его ядерного жанра.
2. Характером общего понятийного содержания описываемых локусов.

3. Особенности национального сознания авторов учебников, которые определяются внешним (с позиции своей культуры) / внутренним взглядом на Россию.

Два первых параметра объясняют общность в представлении рассматриваемого концепта, третий определяет различие.

Как в российском, так и в китайском учебнике понятийные признаки, фиксирующие информацию о пространстве России, включают характеристики (1) по функции, (2) по внешнему облику, (3) размеру, (4) возрасту, (5) туристическому статусу, (6) климатическим условиям, (7) состоянию инфраструктуры, (8) ресурсности, (9) уникальности.

Рассмотрим специфику их концептуальной интерпретации в учебниках российских и китайских авторов.

1. Специфика концептуальной интерпретации России как целостного пространственного объекта в российских и китайских учебниках по РКИ. В российском учебнике Россия как интерпретируемый локус представлена с позиции россиян (*Это моя страна – Россия* [9. С. 60]) и с внешней позиции (*Клара знает, что Суздаль – старый русский город*. [9. С. 217]) – с позиции иностранного гостя. Представление с позиции россиян включает характеристики принадлежности (*моя страна, наша страна*), воспринимаемые как нейтрально ориентированные.

Признаки, фиксирующие информацию о России в целом, включают характеристики (1) по функции, (2) внешнему облику, (3) размеру, (4) ресурсности, (5) климатическим условиям и (6) туристическому статусу (востребованность при построении туристических маршрутов).

(1) Характеристика **по функции** представляет собой фиксацию цели посещения пространства или пребывания в нем. Содержательная направленность учебника по иностранному языку предполагает дифференциацию «героев» его текстовых материалов на жителей страны изучаемого языка и иностранцев, для которых функция рассматриваемых локусов различна.

В российском учебнике функционал России для ее жителей представлен как фиксация принадлежности к государству: *Это моя страна – Россия. Вот мой родной город Москва* [9. С. 60]. Такие примеры единичны, в основном этот параметр ориентирован на иностранцев, что соответствует цели учебника по иностранному языку. Цель пребывания в России характеризуется оценочно нейтрально и включает работу (*Я работаю в России, поэтому я учу русский язык* [9. С. 162]), учебу (*Мы хотим знать русский язык, потому что мы хотим учиться в России* [9. С. 215]) и туризм (*Туристы побывали на экскурсии в пяти городах России* [11. С. 9]).

В учебном комплексе «Восток» (далее «Восток») по данному параметру выявлены только две цели пребывания в России – учеба и туризм, причем последняя встречается чаще в связи с установками учебника по иностранному языку. Данный факт подчеркивает внешнее восприятие рассматриваемого пространства: *Я слышал, что Миша уехал учиться в Россию* [13. С. 61]; *Как вы считаете, вы уже готовы поехать путешествовать в Россию?* [14. С. 86].

(2–4) В «Дороге» пространство России в целом в характеристиках по **внешнему облику, размеру и ресурсности** оценивается исключительно позитивно: *Путешествуя по России, туристы восхищались красотой русской природы* [11. С. 29]; *Так как Россия занимает огромную территорию, ее климат очень разнообразен* [11. С. 22]; *На территории России находится более 2,5 миллионов рек* [11. С. 22]; *Россия – одна из самых богатых стран мира по запасу полезных ископаемых* [11. С. 17]. Позитивная оценочность выражается здесь лексемами (*восхищались, огромная, одна из самых богатых*) и косвенно в числе (*более 2,5 миллионов*), которое в констатации наличия богатства описываемого пространства включает само собой разумеющуюся положительную семантику.

При этом в китайском учебнике характеристики по внешнему облику России как целостного пространства отсутствуют, а по размеру и ресурсности также имеют имплицитно-позитивную оценочность, но носят единственный характер: *Россия – большая страна* [15. С. 120]; *Русский царь-реформатор понимал, что лес – это богатство России* [14. С. 223]. Сдержанность в характеристиках по данным признакам обращает на себя внимание и дает возможность предположить их обусловленность внешним (с позиции иностранца) восприятием России, поскольку, оценивая размеры и наличие ресурсов другой страны, человек в отношении «чужого» и «своего» реализует субъективную позицию. Так можно интерпретировать – как партнерскую позицию в сравнительной форме данного параметра по отношению к потенциальным иностранным учащимся в российском учебнике, поскольку автор не выпячивает тот факт, что Россия – лидирующее в мире по площади государство, а ставит его в ряд с другими странами: *Российская Федерация, или Россия – одно из самых больших государств мира* [11. С. 5].

(5) **Климатические условия** России в «Дороге» интерпретируются в основном как нейтрально-оценочные или позитивные: *На Юге России приятный и мягкий климат с теплой зимой и жарким летом* [11. С. 22]. При этом в оценке климатических условий страны поддерживаются стереотипные представления о суровых холодах в России и адаптированности русских к таким условиям: *Русские говорят, что «нет плохой погоды, есть плохая одежда»* [9. С. 250].

В «Востоке» наряду с позитивной оценкой прослеживаются и негативные оценочные смыслы, связанные с погодными условиями, подчеркивается стереотипное представление иностранцев о российском климате как об испытании, которое иностранцу необходимо пройти, чтобы действительно познать Россию: *Если спросить у иностранцев, с чем у них ассоциируется Россия, то часто можно услышать такой ответ: с морозами, снегом, холодом. Это традиционное представление иностранцев о погоде в России* [16. С. 172]. Негатив смягчается представлением установки на узнавание, заданной режимом авторского повествования, и принятие климата России как особенного – в сравнении с привычным, что выражается в использовании форм прямого обращения к обучающимся (*Так что пусть вас не пугает русская погода; Когда вы*

вернетесь домой, вы сможете смело сказать, что знаете, что такое русские холода [16. С. 172]). Особенности климата оформляются также за счет использования квалификатора «русский» при номинировании понятийных признаков, связанных с погодой (*русские холода, русская погода* и др.).

Еще одним отличием в реализации пространственного компонента концепта Россия в «Востоке» служит оценка погодных условий в сравнении со странами Европы (*Конечно, зимой, если сравнивать с большинством стран Европы, в России холоднее* [16. С. 172]; *Она [погода в России] во многом напоминает погоду в центральных европейских странах* [16. С. 172], что отражает позицию иностранца, который изначально воспринимает Россию как часть «чужого» (в противопоставление «своему»), нового, необычного (в противопоставление привычному). В российском учебнике такие сравнения отсутствуют.

(6) Характеристика пространства России в целом и других типов локусов по **туристическому статусу** предполагает наличие в составе понятийных признаков лексем, входящих в семантическое поле «Туризм»: *туристы, турфирма, туристический, экскурсия, экскурсовод, интересные места* и пр. Если характеристика по большинству выделенных параметров может быть представлена как в позитивном, так и в негативном ракурсе, то само наличие туристического статуса предполагает позитивную оценку интерпретируемого локуса как в российском, так и в китайском учебниках: *Каждый год в турфирмах появляется реклама новых интересных маршрутов по городам России* [11. С. 22]; *Можно ездить по России: здесь масса интересных мест – за всю жизнь не объездишь...* [16. С. 194].

Таким образом, общность понятийных признаков при интерпретации локуса России как целостного пространства заключается в наличии единства состава параметров при его характеристике, по большинству из которых как в российском, так и в китайском учебнике присутствует позитивная оценочность. Различия представлены в характеристике по климатическим условиям, которая в китайском учебнике имеет негативную оценку в отношении московской погоды и «пугающих русских холодов», согласно авторской позиции, и основана на стереотипном представлении о климате России, а также в наличии сравнений со «своим» и «другим» пространством, что свойственно восприятию извне.

2. Специфика концептуальной интерпретации конкретных городов в российских и китайских учебниках по РКИ. В российском учебнике представление городов более детализировано и составляет 37 наименований, тогда как в китайском учебнике – только 17 наименований городов. Такая разница обусловлена тем, что российские авторы детализируют «свое» пространство, а китайские авторы характеризуют в «чужом» только наиболее узнаваемые, всемирно известные локусы, которые у всех ассоциируются с интерпретируемым концептом.

В описании городов в «Дороге» понятийные признаки реализуются по 9 параметрам: (1) по функции, (2) внешнему облику, (3) размеру, (4) возрасту,

(5) туристическому статусу, (6) ресурсности, (7) уникальности, (8) особенностям инфраструктуры и (9) климатическим условиям. Выделенные параметры определяются понятийным содержанием исследуемого компонента.

Наиболее подробная характеристика в учебниках российских и китайских авторов дана Москве и Санкт-Петербургу ввиду их особой значимости для России и всемирной известности.

(1) По **функции** в российском учебнике характеристики городов реализуют так же, как и в первом типе локусов: в них фиксируются 4 основные цели пребывания – место жительства, работы, учебы и туризм. Пространство российских городов характеризуется по функции как от первого лица, так и с внешней позиции россиян и иностранцев: *Лю Кун и Ван Лин учатся в Москве* [9. С. 153]; *Я живу в Москве, а она живет в Волгограде* [10. С. 61]; *Я сейчас работаю в Петербурге* [9. С. 140]. Следует отметить, что в качестве пространства для жизни, учебы и работы для иностранцев в «Дороге» представлена только Москва, остальные городские локусы выполняют функцию туристического направления. По данному параметру пространство городов оценивается либо оценочно нейтрально (см. примеры выше), либо позитивно, что выражается такими лексемами, как *нравится, рад, люблю, любимый* и т.п.: *Я рад, что живу в Москве и учусь здесь в университете* [9. С. 250]; *Мне нравится Петербург, потому что это мой родной город* [9. С. 111].

В «Востоке» по данному параметру российские города характеризуются, как пространство для жизни и работы россиян, а для иностранцев – это место учебы и туризма: *Иван Иванович живет в Петербурге* [15. С. 121]; *Я китаянка. Сейчас я учусь в Москве* [15. С. 86]; *Ли Хуа – студент. Он учится в Москве*. [15. С. 80]. В отличие от российского учебника по функции в «Востоке» пространство имеет нейтральную оценочность, кроме того, по содержанию понятийных признаков отчетливо просматривается авторский взгляд извне. При описании фактов перемещения в пространстве российских городов проявляется позиция «гостя»: *Наконец мы поехали в Новороссийск, а оттуда – домой* [16. С. 152].

(2–4) Характеристики российских городов по **внешнему облику** в «Дороге» представлены в сочетании с их описанием по **возрасту** и **размеру**. Так, встречаются выражения *большой и красивый город, красивый старый город, красивый старинный город* и др. Однако характеристики по размеру единичны и выявлены только относительно Москвы, выражены двумя лексемами *большой и огромный*. Имплицитно масштаб всей страны характеризуется через фиксацию расположения городских локусов с указанием расстояния между ними, средств передвижения, используемых для перемещения на большие расстояния, или близости к границам других государств: *Жан приехал из Парижа в Москву на поезде* [9. С. 241]; *Владивосток находится рядом с Китаем, поэтому я очень интересовался историей и культурой Китая* [9. С. 324]. В свою очередь, характеристика по возрасту городов встречается 15 раз и выражена лексемами *старый,*

старинный, старейший, старинные, а также подчеркивается указанием фактического возраста отдельных городов: *Это Москва. Это красивый старый город* [9. С. 102]; *Суздаль – это старинный русский город. Он находится в центре России. Ему уже 1 000 лет* [9. С. 292]; *Казань – столица Республики Татарстан, один из старейших городов России* [11. С. 44].

В китайском учебнике по внешнему облику характеризуются только 4 города из 17 упомянутых (Москва, Петербург, Сочи, Ярославль), однако по данному параметру характеристики пространства Москвы и Петербурга представлены более детально, чем в «Дороге», и выражены более разнообразно – с использованием образных лексических средств (*неповторимый, своеобразная, сохранивший национальное лицо, поэма, «симфония в камне», «Северная Венеция», сказка на Неве* и т.д.). Также имеются сравнительные характеристики, отсутствующие в «Дороге» и свойственные внешней позиции наблюдателя: *Санкт-Петербург – один из самых красивых городов в Европе* [14. С. 82].

Характеристики по возрасту городов в «Востоке» отсутствуют, а по размеру встречаются 7 раз и выражены более широким рядом лексических средств, в частности лексемами *большой, крупный, крупнейший, больше, гигант* и др. Кроме того, характеристика российских городов по размеру в «Востоке», так же как и по другим признакам, дана в сравнении друг с другом, с городами Китая и Европы: *Москва больше Петербурга* [16. С. 257]; *Пекин и Москва – большие города* [15. С. 121]; *Москва – крупнейший по количеству жителей город России и Европы* [13. С. 24]. Такой подход к описанию городов соответствует национальным особенностям в восприятии пространства. Для россиян большой масштаб – данность, а для жителей Китая возраст городов исчисляется тысячами лет, этим и объясняется разница в значимости описываемых параметров.

(5–7) В российском и китайском учебниках **туристический статус** пространственного компонента концепта *Россия* также отличается по составу понятийных признаков. В российском учебнике представлен более детальный перечень объектов, привлекающих туристов. Среди наиболее известных культурных объектов, приводимых также в «Востоке» (Красная площадь, Кремль, Третьяковская галерея, Эрмитаж и др.), в «Дороге» упоминаются малоизвестные достопримечательности: *В Суздале есть большой старинный Кремль, старинные соборы, монастыри* [9. С. 292]; *Однако в России на Волге есть старинный город Мышкин, и в этом городе есть единственный в мире музей мышей* [10. С. 96]. В китайском учебнике по туристическому статусу характеризуются лишь пять городов из 17, среди которых преимущество, безусловно, у Москвы и Петербурга, но также в список вошли Суздаль, Ярославль и Сочи: *Тысячи людей ежедневно приезжают в Москву* [14. С. 219]; *Ежегодно тысячи туристов бывают в Санкт-Петербурге* [14. С. 82]; *Плывет теплоход. На нем едут туристы в Сочи* [16. С. 136]. Косвенно, как туристические направления, упоминаются Волгоград и Саратов, но только по наличию достопримечательностей.

Случаи характеристики российских городов по их **ресурсности** и **уникальности** единичны в обоих рассматриваемых учебниках и, скорее, дополняют представление об их туристическом статусе. Так, в «Дороге» уникальным для туризма представлен населенный пункт Оймякон, так называемый полюс холода, а ресурсность присутствует при упоминании *богатых рынков Астрахани: Туристы, бывая в Астрахани, обязательно посещают богатые рынки города* [11. С. 44]; *Наша фирма предлагает вам совершить экстремальное путешествие в Якутию, в самое холодное место на Земле – в посёлок Оймякон* [11. С. 143].

В «Востоке» характеристики российских городов по уникальности отсутствуют, их можно усмотреть лишь в оценке Петербурга, а ресурсность единично определяется в описании Москвы: *Я давно мечтал об этом, и наконец-то мечта сбылась! Санкт-Петербург – это лучший город в мире!* [13. С. 114]; *В Москве можно купить все* [16. С. 268]; *Может, поэтому в Москве сегодня очень много дорогих машин* [10. С. 154]. Таким образом, проанализированная группа параметров по составу понятийных признаков более детально представлена в российском учебнике, а по степени и образности оценки – в «Востоке». Такое различие может быть обусловлено внутренней и внешней позицией восприятия. Российские авторы представляют более широкий спектр пространственных объектов и их особенностей в силу большей осведомленности. Китайские авторы дают более расширенную оценку пространства наиболее известных городов России.

(8) Кроме того, в ходе исследования в «Дороге» и «Востоке» выявлен ряд других различий. Так, они обнаружены в характеристике **по состоянию инфраструктуры**. В российском учебнике данный параметр упоминается только в совокупности с негативной оценкой, частично нейтрализованной сравнением с другими крупными городами мира: *Однако большое количество автомобилей на дорогах Москвы создает много пробок* [12. С. 126]; *В Москве, как в каждой крупной столице, существуют проблемы с транспортом* [12. С. 159].

В китайском учебнике города по состоянию инфраструктуры (как системы городских условий для удобства проживания) также оцениваются в большинстве негативно: *В центре Москвы почти нет широких улиц, удобных площадей... Конечно, это плохо* [16. С. 154]; *...а живем мы на окраине Москвы. От дома до моей работы нет прямого сообщения* [16. С. 148]; *В часы пик на улицах города такое движение, что легко попасть в пробку и опоздать на работу* [16. С. 149]; *Все гости долго обсуждали проблему транспорта в Москве* [16. С. 154]. Хотя позитивные оценочные смыслы по данному параметру тоже присутствуют, что предположительно является проявлением национально-культурного мышления, заключающегося в стремлении к «золотой середине»: *В Москве 9 вокзалов* [16. С. 180]; *В Москве много хороших магазинов* [16. С. 268]. Большое количество вокзалов и магазинов удобно, поэтому данный факт рассматривается как имплицитно позитивно ориентированный. Отметим, что состояние инфраструктуры выражается лексемами *плохо, проблема, пробки, нет, опоздать и*

эксплицитно оценивается как отрицательное с позиции россиян (текст «Анна едет на работу»), отстраняя иностранного наблюдателя как источника оценки.

(9) По **климатическим условиям** российские города в «Дороге» оцениваются в основном негативно, это выражено лексемами *холодная, плохая, не нравится*. Негативные оценочные смыслы даются только с позиции иностранцев: *Марта, ты не знаешь, какая холодная погода в Москве! Но у меня есть теплая одежда* [9. С. 250]; *Мне очень не нравится погода в Москве. Здесь очень холодно, погода очень плохая* [9. С. 251]; *В Москве зимой холодно, поэтому Джон купил шапку* [9. С. 322]. Такая оценка соответствует сложившемуся стереотипу у иностранцев. Однако в отличие от российского учебника, где характеристика и оценка климата городов резко отрицательна, в китайском учебнике негатив по данному параметру нейтрализуется, интерпретируясь как непостоянный признак – *переменная (погода), больше холодная (погода)*, и частично нейтрализуется противопоставлением, а также нейтральной позицией внешнего повествователя: *Зима в Москве обычно очень длинная, но не всегда холодная. Иногда уже в ноябре наступает зима, идёт снег* [16. С. 176]; *Погода в Москве меняется часто* [16. С. 176]; *В Москве сегодня тепло, а завтра холодно* [16. С. 177].

В этом случае, как и в характеристике городов по состоянию инфраструктуры, прослеживается уже закономерное стремление к равновесию в описании и оценке, которое свидетельствует об отражении национально-культурных представлений в реализации пространственного компонента концепта *Россия*.

3. Специфика концептуальной интерпретации природных объектов в российских и китайских учебниках по РКИ. В российском учебнике природные объекты России описываются более детально, чем в «Востоке». Количество контекстов, содержащих характеристику и оценку природных локусов, в «Дороге» составило 30 единиц по отношению к 5 единицам в «Востоке». В китайском учебнике описываются такие объекты, как горы Урала, Байкал, Енисей, Волга и Черное море, а в российском характеризуются малоизвестные даже россиянам остров Ольхон, Белое море и т.п. Такая огромная разница предположительно связана с различным восприятием «своего» и «чужого», так как россияне в описании масштабности и уникальности природы родной страны более субъективны и осведомлены. При этом в оценочных признаках различий не обнаружено, природные локусы оцениваются либо позитивно, либо нейтрально в обоих учебниках.

Одним из заметных отличий служит то, что в российском учебнике характеризуется как природа страны в целом, так и ее отдельные объекты: *Природа России очень красива и разнообразна* [11. С. 16]; *«Крымское побережье красиво, уютно и нравится мне больше, чем французская Ривьера, – писал он друзьям* [12. С. 54], тогда как в китайском учебнике характеризуются лишь несколько природных объектов, каждый по одному из признаков. Например, Черное море характеризуется по туристическому статусу, а Балтийское море – по размеру: *У нас была своя машина, поэтому мы ездили по курортным местам, которые находятся на Черноморском побережье* [16. С. 151]; *А Балтийское море хотя и не глубоко, но обширно* [13. С. 216].

По отношению к этому типу локусов были выявлены характеристики по следующим параметрам: (1) по функции, (2) внешнему облику, (3) размеру, (4) туристическому статусу, (5) ресурсности и (6) уникальности.

(1) По функции как в «Дороге», так и в «Востоке» природные локусы России представлены в качестве мест для отдыха и туризма: *Первая девушка не могла ехать с Владимиром, потому что летом она отдыхала в Сибири, на Байкале* [10. С. 32]; *Совместный семейный отдых, поездки на Волгу. Я родилась на Волге, и каждый год вместе с мужем мы ездим туда отдыхать* [12. С. 61]; *В прошлом году мы ездили отдыхать на Чёрное море* [16. С. 151]. По данному параметру различий не было выявлено.

(2, 4, 5) Описание **внешнего облика** природных объектов России в «Дороге» часто представлено в сочетании с характеристиками **по ресурсности и туристическому статусу**. Так, используются сочетания *красив и богат; так красива, что туристы приезжают...; один из красивейших и богатейших...*, которые описывают отдельные природные зоны или объекты России: *Байкал очень красив и богат* [11. С. 20]; *Природа Урала так красива, что туристы приезжают сюда со всех концов России, и зимой, и летом* [11. С. 17]. В «Востоке» тоже имеется единичный пример такого сочетания в характеристике уральских гор: *Старые рабочие часто рассказывали ему об уральской земле, о богатстве и красоте горного Урала* [13. С. 46].

(3) По **размеру** в российском и китайском учебниках для отдельной характеристики избираются разные природные объекты. Так, в «Дороге» приводится характеристика Байкала (*Байкал казался таким огромным, как будто перед нами было море* [11. С. 31]), а в «Востоке» – Балтийского моря (*А Балтийское море хотя и не глубоко, но обширно* [13. С. 216]).

(6) Характеристики **по уникальности** в российском учебнике более многочисленны, как предмет гордости за свою страну, в учебных текстах подчеркивается уникальность по размеру, возрасту и ресурсности отдельных природных локусов, их уникальность выражается превосходной степенью прилагательных (*самое глубокое в мире, самые древние на нашей планете, самая чистая в мире*), лексемами *уникальна, удивительны*, а также их особенность и принадлежность может подчеркиваться квалификатором *русский*: *Вода в Байкале уникальна и удивительна, как и сам Байкал* [11. С. 20]; *Удивительные путешествия на Белое море, на русский Север* [10. С. 13]. В «Востоке» была выявлена единичная характеристика по данному параметру: *Байкал – самое глубокое озеро в мире* [16.

С. 254]. Ранее было отмечено, что данный признак, как и туристический статус, ресурсность, уже фактом наличия подразумевает позитивную оценочность, в описании природных локусов пространственного компонента самым важным различием стала плотность характеристик и их фиксация на определенных природных объектах по степени их известности и значимости с точки зрения автора.

Подведем итоги.

В результате исследования были выявлены следующие различия, отражающие влияние национального сознания российских и китайских авторов на реализацию пространственного компонента концепта *Россия* в учебниках по РКИ:

1. Выявленные понятийные признаки в российском учебнике по количеству (377) примерно в два раза превышают этот же показатель в китайском (167). Такое различие обусловлено спецификой представления «своего» и «чужого» пространства. При этом в китайском учебнике характеристики и оценочные признаки локусов выражены более разнообразными, метафоричными лексическими средствами.

2. Внешняя позиция автора в китайском учебнике подчеркивается наличием сравнительных характеристик со своей страной и другими государствами, а также в соответствии с зафиксированными целями пребывания в стране. Внутренняя позиция повествователя в российском учебнике обозначена квалификаторами «мой», «наша», «родной» и т.п., не выявленными в «Востоке» относительно России. Кроме того, важно отметить отсутствие в китайском учебнике контекстов, фиксирующих факты проживания и работы в России иностранцев.

3. Под влиянием специфики национально-культурного восприятия России выявлено неравномерное распределение в характеристиках пространства по размеру и по возрасту. Значимость возрастной характеристики локуса свойственна российскому сознанию, а значимость масштаба и размера – национальному китайскому сознанию. В интерпретации негативной оценочности состояния инфраструктуры и климатических условий также наблюдаются расхождения по способу представления характеристик и оценочных смыслов. Климат в России воспринимается россиянами как привычный для них самих, но суровый для иностранцев. С позиции китайских авторов климат оценивается нейтрально или негативно, но с присущим национальным стремлением уравновесить оценку сравнением с европейскими странами или своей страной.

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта; Наука, 2010. 288 с.
2. Карасик В.И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград : Перемена, 2000. 220 с.
3. Тубалова И.В., Рудикова Ю.Ю. Образы участников образовательного дискурса в учебниках по иностранному языку // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6. С. 7–15.
4. Ван С., Курьянович А.В. Формирование образа России на занятиях по русскому языку как иностранному в китайской аудитории (на материале учебного комплекса «Восток») // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2020. Вып. II. С. 20–27.
5. Тубалова И.В., Чапля В.В. Принципы представления образа русского человека студенту китайского вуза, изучающему русский язык: на материале учебников по русскому языку как иностранному, созданных и используемых в Китае // Русский язык и литература в меняющемся мире : материалы XV Конгресса МАПРЯЛ (г. Санкт-Петербург, Россия, 12–16 сентября 2023 года). СПб. : МАПРЯЛ, 2024. С. 1191–1196.
6. Борзова Т.А., Ли Х. Специфика описания категории пространство в китайской языковой картине мира (на материале фразеологизмов китайского языка) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15, № 2. С. 164–177.

7. Ожердянова А.Ю., Соболева И.А. Концепт «Россия» как часть языковой картины мира // Луганский университет имени Тараса Шевченко. 2019. С. 331–334.
8. Чжан Вэй, Еремина С.А. Пространственная метафора в китайском и русском языках // Педагогическое образование в России. 2019. № 4. С. 107–111.
9. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию (1). СПб. : Златоуст, 2022. 333 с.
10. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию (2). СПб. : Златоуст, 2022. 251 с.
11. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию (4). СПб. : Златоуст, 2022. 184 с.
12. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию (3). СПб. : Златоуст; М. : ЦМО МГУ, 2022. 200 с.
13. Ши Т., Чжан Ч. Русский язык в вузах (4). Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2011. 280 с.
14. Ши Т., Хуан М. Русский язык в вузах (3). Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2010. 445 с.
15. Ши Т., Чжан Ц. Русский язык в вузах (1). Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2009. 349 с.
16. Ши Т., Лю С. Русский язык в вузах (2). Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2010. 424 с.
17. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.
18. Субботина Т.В. Локус, топос, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 111–113.
19. Погодаева С.А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 20 с.
20. Романова О.В. К вопросу о типологическом статусе и «формообразующих» признаках туристического рекламного дискурса // Актуальные проблемы современной лингвистики : сб. научн. ст. СПб. : Санкт-Петербургский гос. экономический ун-т, 2019. С. 29–35.

References

1. Alefirenko, N.F. (2010) *Lingvokulturologiya. Tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. The value-semantic space of language]. Moscow: Flinta; Nauka.
2. Karasik, V.I. (2000) *O tipakh diskursa. Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [On types of discourse. Linguistic personality: Institutional and personal discourse]. Volgograd: Peremena.
3. Tubalova, I.V. & Rudikova, Yu.Yu. (2023) Obrazy uchastnikov obrazovatel'nogo diskursa v uchebnikakh po inostrannomu yazyku [Images of participants in educational discourse in foreign language textbooks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6. pp. 7–15.
4. Van, S. & Kuryanovich, A.V. (2020) Formirovanie obraza Rossii na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu v kitayskoy auditorii (na materiale uchebnogo kompleksa "Vostok") [Forming the image of Russia in Russian as a foreign language classes for Chinese students (based on the textbook "Vostok")]. *Kognitivnye strategii filologicheskogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom*. II. pp. 20–27.
5. Tubalova, I.V. & Chaplya, V.V. (2024) Printsipy predstavleniya obraza russkogo cheloveka studentu kitayskogo vuza, izuchayushchemu russkiy yazyk: na materiale uchebnikov po russkomu yazyku kak inostrannomu, sozdannykh i ispol'zuemykh v Kitae [Principles of presenting the image of a Russian person to Chinese university students learning Russian: Based on Russian as a foreign language textbooks created and used in China]. In: *Russkiy yazyk i literatura v menyayushchemsya mire* [Russian language and literature in a changing world]. pp. 1191–1196.
6. Borzova, T.A. & Li, Kh. (2023) Spetsifika opisaniya kategorii prostranstvo v kitayskoy yazykovoy kartine mira (na materiale frazeologizmov kitayskogo yazyka) [The specifics of describing the category of space in the Chinese linguistic worldview (based on Chinese idioms)]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta*. 15 (2). pp. 164–177.
7. Ozhderyanova, A.Yu. & Soboleva, I.A. (2019) *Kontsept "Rossiya" kak chast' yazykovoy kartiny mira* [The concept of "Russia" as part of the linguistic worldview]. L.Luhansk Taras Shevchenko University. pp. 331–334.
8. Zhang, Wei & Yeremina, S.A. (2019) *Prostranstvennaya metafora v kitayskom i russkom yazykakh* [Spatial metaphor in Chinese and Russian]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 107–111.
9. Antonova, V.E., Nakhapina, M.M. & Tolstykh, A.A. (2022) *Doroga v Rossiyu (1)* [The road to Russia (1)]. Saint Petersburg: Zlatoust.
10. Antonova, V.E., Nakhapina, M.M. & Tolstykh, A.A. (2022) *Doroga v Rossiyu (2)* [The road to Russia (2)]. Saint Petersburg: Zlatoust.
11. Antonova, V.E., Nakhapina, M.M. & Tolstykh, A.A. (2022) *Doroga v Rossiyu (4)* [The road to Russia (4)]. Saint Petersburg: Zlatoust.
12. Antonova, V.E., Nakhapina, M.M. & Tolstykh, A.A. (2022) *Doroga v Rossiyu (3)* [The road to Russia (3)]. Saint Petersburg: Zlatoust; Moscow: TsMO MGU.
13. Shi, T. & Zhang, Ch. (2011) *Russkiy yazyk v vuzakh (4)* [Russian in universities (4)]. Beijing: Izd-vo prepodavaniya i issledovaniya inostrannykh yazykov.
14. Shi, T. & Huang, M. (2010) *Russkiy yazyk v vuzakh (3)* [Russian in universities (3)]. Beijing: Izd-vo prepodavaniya i issledovaniya inostrannykh yazykov.
15. Shi, T. & Zhang, Ts. (2009) *Russkiy yazyk v vuzakh (1)* [Russian in universities (1)]. Beijing: Izd-vo prepodavaniya i issledovaniya inostrannykh yazykov.
16. Shi, T. & Liu, S. (2010) *Russkiy yazyk v vuzakh (2)* [Russian in universities (2)]. Beijing: Izd-vo prepodavaniya i issledovaniya inostrannykh yazykov.
17. Prokofeva, V.Yu. (2005) *Kategoriya prostranstvo v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy* [The category of space in artistic refraction: Loci and topoi]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 11. pp. 87–94.
18. Subbotina, T.V. (2011) *Lokus, topos, urbonym, mikroponym: k voprosu o soderzhanii prostranstvennykh ponyatiy* [Locus, topos, urbanym, microponym: On the content of spatial concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 24 (239). pp. 111–113.
19. Pogodaeva, S.A. (2008) *Yazykovye sredstva argumentatsii vo frantsuzskom turisticheskoy diskurse* [Linguistic means of argumentation in French tourist discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Irkutsk.
20. Romanova, O.V. (2019) *K voprosu o tipologicheskom statuse i "formoobrazuyushchikh" priznakakh turisticheskogo reklamnogo diskursa* [On the typological status and "formative" features of tourist advertising discourse]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki* [Current issues in modern linguistics]. Saint Petersburg: I.A. (2019) *Kontsept "Rossiya" kak chast' yazykovoy kartiny mira*. Saint Petersburg State University of Economics. pp. 29–35.

Информация об авторе:

Чапля В.В. – аспирант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chaplya_3@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Chaplya, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chaplya_3@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023;
одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 08.06.2023;
approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 30.11.2024.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 130.31
doi: 10.17223/15617793/508/11

О природе художественной реальности

Федор Иванович Гиренок¹

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, girenok@list.ru

Аннотация. Утверждается, что философы стали мыслить, исходя из произведения искусства, только в XX в. Исследуется природа художественной реальности посредством сопоставления искусства и техне, искусства и эстетики. Показывая различное отношение к искусству в философии Гегеля и творчестве Бальзака, автор приходит к выводу об иллюзивной природе художественной реальности. Сравнивая мышление Хайдеггера, который исходит из картины художника, с мышлением Мерло-Понти, который исходит из личности художника, автор приходит к выводу, что художественная реальность в обоих случаях состоит из чувственно-сверхчувственных объектов.

Ключевые слова: искусство, смерть искусства, эстетика, картина, истина, наука, галлюцинация, сенсорium, Ван Гог, Хайдеггер

Для цитирования: Гиренок Ф.И. О природе художественной реальности // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 108–113. doi: 10.17223/15617793/508/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/11

About the nature of artistic reality

Fedor I. Girenok¹

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, girenok@list.ru

Abstract. The article tells that philosophers began to think based on a work of art only in the 20th century. In Antiquity, philosophy, according to Husserl, was thought of as cosmology. Philosophers were ready to replace art with science as a more adequate way of knowing the truth. The movement along this path led at one time to the appearance of aesthetics. According to Hegel, as the universal world is formed, art will become a thing of the past, but aesthetics will remain. Hegel's views were not supported by Konstantin Leontiev, who began to correlate aesthetics not with art, not with the reflection of the world, but with life itself. The aesthetics of life came into use in Leontiev's *V Krughe Svoym*. Hegel's views were supported by Heidegger. Analyzing Heidegger's *The Origin of the Work of Art*, the author comes to the conclusion that for Heidegger, Van Gogh's *A Pair of Shoes* is a sensual thing, a thing among things. That is, a painting in Heidegger's philosophy exists not as a painting, as a work, but as a discretely isolated body. The philosophical meaning of artistic reality is explained for the first time by Honore de Balzac in "The Unknown Masterpiece". In his opinion, the peculiarity of artistic reality is that it gets its existence only in the act of its perception. Answering the question of what we see when we look at a work of art, Balzac replies that these are objects that actually do not exist. The artist presents the invisible to us. The author shows that, contrary to Heidegger, artistic reality does not consist of objects for the senses, but of sensually supersensible objects. According to the author, such appearances play a decisive role in art, which show themselves to be what they are not, that is, a thing. The article justifies the idea that the nature of art is inextricably linked with human nature. What does the humanity of a person consist in? It is not in how the human body is arranged, not in how the neurons of the brain work, but in how a person affects himself in time. The essence of this influence is expressed in art, in the establishment of objects that show themselves to be what they really are not. Human reality consists not so much of objects in existence as of objects that exist if they are treated as something that really exists. In this regard, philosophy ceases to be thought of as ontology and begins to be thought of as anthropology.

Keywords: art, death of art, aesthetics, painting, truth, science, hallucination, sensorium, Van Gogh, Heidegger

For citation: Girenok, F.I. (2024) About the nature of artistic reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 108–113. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/11

В философской литературе реальность понимается в качестве того, что не зависит от человека. Художественная реальность – это реальность, учрежденная художником. Она потому и называется художественной,

что художник самого себя кладет в ее основание. Возникающая при этом проблема состоит в том, чтобы определить, где находится исток этой реальности: в художнике или в зрителе.

Не может быть так, чтобы художественная реальность была, а художника (или зрителя) не было. Для решения проблемы сопоставим понятия искусства и техне, искусства и эстетика, а также проанализируем взгляды на этот вопрос Гегеля и Бальзака, Хайдеггера и Мерло-Понти.

Искусство и техне

Для греков искусство ничем не отличалось от природы. Оно было везде. Все было искусством. Математика, музыка, сапожное дело – все это техне. Платон в «Государстве» говорил о том, что поэзия и живопись неприемлемы [1]. Почему они неприемлемы? Потому что они вводят людей в заблуждение. Ведь истина относится к тому, что есть, а не к тому, чего нет. Птица клюет нарисованную ягоду и ошибается. Так же и человек. Он смотрит на идею, а видит вещи. И тоже ошибается. Вещи, говорит Платон, это копии идей, реальности, а картина – это копия копии. Для животных вещи – реальность, а идеи ими не принимаются в расчет. Человек для обычного грека подобен животным.

Но в мире Платона все не так. В нем для человека реальны идеи, а не вещи. Платон делает революционный шаг в философии, когда говорит, что вещи – это тени идей. Греки привязали искусство к вещам. Поэтому для них техне – это искусство. Платон не видел в этом ничего хорошего. Что он называл внутренней жизнью человека? Не навигацию среди вещей. Каждый человек должен был научиться петь себе очаровывающие его песни. Все должны были учиться жить, играя [2]. Поэтому Платон изгоняет Гомера и музыку из своего государства. Западная философия с момента своего рождения полагала, что самым важным является вопрос о том, что есть сущее. Об этом прямо говорит Аристотель в своей «Метафизике», пытаясь понять, почему всякое существование предполагает то, что существует. Вопрос об искусстве зависел от ответа на вопрос о том, что есть бытие. Ответ на этот вопрос не предполагал фундаментального различия между видимым и видимостью, мнимостью и сущим. Это различие будет установлено в лекциях по эстетике Гегеля.

Исследовали ли философы искусство? Ответ на этот вопрос дает Гуссерль: «Философия целиком и полностью является ни чем иным, как рационализмом, саморазличающимся в зависимости от различных плоскостей, на которых развертываются намерение и выполнение». И далее: «Она есть Ratio... с первого вторжения философии в человечество...» [3. С. 153]. А это значит, что посредством науки мы не сможем понять искусство, т.е. субъективность. Поэтому его и не исследовали. Почему? Потому что, пытаясь мыслить сущее, философы оставляли без внимания видимость.

Для философии искусство было чем-то вроде нестрогой науки. Посредством науки мы могли понять природу. Но можем ли мы посредством науки понять

человека? Можем, если речь идет об *animalitas* в человеке. Искусство же вводит нас в то, что не есть, но показывает себя, как то, что есть. Рассуждая об искусстве, философы не могли не понять, что сущность искусства и сущность человека – это одна сущность [4].

Философы готовы были создать науку об искусстве, вернее, они были готовы наукой заменить искусство.

Искусство и эстетика

В XVIII в. Баумгартен придумал эстетику для того, чтобы ввести искусство в мир науки. Философское объяснение этому факту дал Гегель. В искусстве, говорит Гегель, есть изъян. В чем он состоит? В видимости. Искусство действует посредством иллюзии, выдавая одно вместо другого. Этот ход мысли придумали уже греки. Но Гегель, повторяя его, делает пронизательное умозаключение. Он говорит так: «искусство живет в видимости» [5. С. 11]. Что из этого следует? Искусство живет в видимости для того, чтобы расширить реальность посредством мнимостей. Гегель полагает, что искусство все время обманывает нас. А это плохо сказывается на познании истины. Обман и видимость не могут родить истину. Гегель исходил из того, что человек живет в видимости, мечтая об истине. А поскольку мир истины выше мира видимостей, постольку в процессе развития мир видимостей будет, по его мнению, сужаться, а мир истины расширяться. Для Гегеля было очевидным, что научная истина более высокая реальность, чем человеческая реальность. В философии Гегеля истина стала мыслиться вне связи с человеком. Искусство занимает в его системе не очень почетное место в движении духа к истине. Выше всего в этом движении оказывается наука.

Если бы Гегель нам объяснил, что видимость – это калитка, открывая которую мы входим в человеческий мир, то он бы сделал великое открытие и мы бы поняли, что истина человека дана нам не в науке, а в искусстве. Но Гегель не сделал это открытие. Он застрял на мысли об обмане, полагая, что выше всего того, что существует, есть абсолютная истина. Гегель пишет: «Не видимость и обман – только правда рождает правду» [5. С. 11]. Что по этому поводу сказал Пушкин?

«Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! – Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...»

Кто прав? Поэт или философ? Гегель, как бы отвечая Пушкину, пишет: «Какая-нибудь жалкая выдумка, пришедшая в голову человеку, выше любого создания природы, ибо во всякой фантазии присутствует все же нечто духовное, присутствует свобода» [5. С. 8]. Гегель как будто бы соглашается с тем, что говорит Пушкин. Тем не менее философ утверждает, что искусство не является высшей формой духа и должно получить подтверждение в науке. Искусство, по словам Гегеля,

«не является все же подходящим предметом для научного исследования» [5. С. 11].

Поэт говорит, что мысль у себя дома не в логике, а в метафоре, равно как искусство у себя дома в видимости, а не в чувственном объекте. Почему человек любит рассматривать картины, слушать музыку, читать стихи, переживать поступки литературных героев? Только ли для того, чтобы убить время, прогнать скуку? Гегель думает, что искусство существует для того, чтобы освободить человека от мрачной сосредоточенности мысли и дать место для свободных произведений фантазии. Мы, по словам философа, не дети, чтобы обожествлять произведения искусства и поклоняться им. «Мысль и рефлексия, – пишет Гегель, – обогнали художественное творчество» [5. С. 16]. Что это значит? Это значит, что мы сегодня пытаемся смотреть на все с универсальной точки зрения. Теперь никто не говорит от своего имени, никто не имеет собственного взгляда. Если мысль обогнала искусство, то в этом новом мире нельзя уже вещи называть своими именами. Их нужно называть так, как принято.

Гегель пишет в первом томе эстетики: «Общие формы, законы, обязанности, права, максимы определяют наше поведение и управляют нашей жизнью» [5. С. 17]. Вывод Гегеля таков: в мире всеобщего искусство не нужно. В мире частного искусство будет тождественно с душевными переживаниями. Поскольку наше время – время глобального, постольку оно неблагоприятно для искусства. Даже сам художник заражен рефлексией, привычкой рассуждать об искусстве, вносить в него свои мысли. «Искусство, – говорит Гегель, – ...остается для нас чем-то отошедшим в прошлое» [5. С. 17]. И еще. Гегель все-таки признался в том, что он пока не может ответить полностью на вопрос о том, в чем состоит абсолютная потребность человека в искусстве. Он не знает почему человек творит из себя и для себя то, что он есть [5. С. 37].

Итак, Гегель отнес художественное творчество к области, которая, как он выражается, противится регулированию со стороны мысли. Взгляды Гегеля были странным образом поддержаны К. Леонтьевым, который стал соотносить эстетику не с искусством, не с отражением мира, а с самой жизнью. Эстетика жизни вошла в обиход в работе К. Леонтьева «В круге своем». Хайдеггер поддержал Гегеля, хотя именно он впервые в философии стал размышлять, исходя из картины Ван Гога «Башмаки». И этим оказал влияние и на философию, и на искусство.

Возразил Гегелю Бальзак. «Правда природы, – писал он, – не может быть и никогда не будет правдой искусства» [6. С. 624]. То есть Бальзак говорит, что истины науки никогда нам не дадут той истины, которую нам дают искусство и литература.

Нарратив искусства у Бальзака

Философский смысл художественной реальности впервые разъясняется Оноре де Бальзаком в рассказе под названием «Неведомый шедевр» [7]. Бальзак рассказывает о трех художниках, которые смотрят на одну картину.

Один из них Френхофер, тот, кто создал эту картину, говорит остальным: на картине вы видите молодую женщину. Она живая. Она мелькнула так быстро, что мы можем увидеть в левом нижнем углу только часть ее голой ноги.

Два других художника смотрят во все глаза и ничего не видят. Вернее, они видят холст, а на нем линии, хаос цветowych пятен и фрагмент голой женской ноги. Учитель, сказали они в один голос, но на картине ничего нет. И тогда учитель, а первый художник был для них учителем, и все его называли Богом художников, возмущенно сказал: вы ищите предметы, а не картину. Когда вы рисуете женщину, вы не видите женщины. Вам нужно изображение на плоскости. Мне нужен – живой человек. Любое изображение будет мертвым. Художник тот, кто учреждает на полотне живую женщину, а не ее изображение. Вам нужны пропорции, рисунок и контуры, вы рисуете и затем нарисованное раскрашиваете. Вы не художники, а копиисты. На ваших картинах никогда не будет воздуха, ваши изображения задыхаются, а вы этого не чувствуете. Они у вас не могут даже повернуться. Им некуда идти. А у меня женщина в движении. Вы не видите движение, вы видите только его следы. Все это говорит герой «Неведомого шедевра» Бальзака Френхофер.

Что же такое искусство для Бальзака? Искусство для него появляется тогда, когда автор смотрит на изображенную им женщину не как на картину, а как на женщину. Два других художника, а в одном из них угадывается Никола Пуссен, смотрят на шедевр и видят только мазию.

Спрашивается, где же здесь художественная реальность? Она перед нами на картине или в голове у художника? Два художника дезавуируют попытки третьего расширить реальность посредством мнимости. Они отказываются признать в нем художника. И добиваются своего. Френхофер умирает. Художественная реальность исчезает. Остаться от нее могли только краски. Но и картины в рассказе Бальзака сгорают. С точки зрения Бальзака, особенность художественной реальности состоит в том, что она получает свое существование только в акте ее восприятия.

Что же мы видим тогда, когда смотрим на художественное творение? Когда художник смотрит на картину, он видит картину. Когда философ смотрит на картину, он видит мысль [8]. Когда посетители выставки смотрят на картину, они, как правило, видят предметы [9]. Но что это за предметы? Бальзак говорит, что это предметы, которых на самом деле нет. Но тогда что мы видим? Мы видим видимости, показанные нам художником. Реальные предметы мы можем увидеть и без художника. А видимости показывают нам то, что увидел художник и что мы без него не сможем увидеть. Художник посредством цвета и формы устраивает так, что видимости могут перевести нас из одного состояния в другое. В какое? В котором мы могли бы увидеть невидимое. Художник показывает нам невидимое.

Во всякой картине есть что-то, что мы можем только почувствовать. Чувствовать – значить, как го-

ворит Кант в «Критике способности суждения», изобретать объекты чувств. Имея в виду эту мысль, мы можем ответить на вопрос о смысле искусства. Зачем нам искусство? Затем, чтобы мы не переставали чувствовать, ибо чувствовать значит давать существование тому, что само по себе не существует. Если бы не было искусства, то человек не смог бы извлечь самого себя из своих чувств. Иными словами, искусство – это такое расширение реальности, в котором человек существует как человек, а не как *animalitas*. Иными глазами смотрел на художественную реальность Хайдеггер, рассуждая о Ван Гого.

Ван Гог и башмаки

О том, как Ван Гог написал картину «Башмаки», рассказал Гоген [10]. Одно время Гоген жил у Ван Гога в Арле. В комнате Гогена был маленький фиолетовый натюрморт с огромными башмаками. Эти же башмаки Гоген увидел и в мастерской Ван Гога. «Зачем ты хранишь эту рухлядь?» – спросил Гоген. В ответ он услышал рассказ своего друга.

Оказывается, Ван Гог, закончив курс теологии, ушел из дома в этих башмаках пешком из Голландии в Бельгию. И не стал, как его отец, священником. Он ушел к шахтерам, к угнетенным рабочим. К своим братьям. Винсент верил в Иисуса и в милосердие. При этом Гоген замечает, что Винсент уже тогда был не такой, как все. Он был сумасшедшим. Ван Гог проповедовал христианские истины шахтерам и обличал богатых. Ван Гога уволили.

Однажды на шахте случился пожар. Один изуродованный человек с обожженным лицом был подобран Ван Гогом. Никто не надеялся на выздоровление этого человека. Ван Гог 40 дней неотрывно был с шахтером, ухаживая за ним. И случилось чудо. Шахтер выздоровел, чтобы вновь спуститься в шахту. Ван Гог говорил Гогену, что, глядя на иссеченный шрамами лоб шахтера, он видел терновый венец и воскресшего Христа. Никто не знает, как зародилась у Ван Гога идея нарисовать башмаки. Мейер Шапиро полагал, что на эту мысль его мог навести художник Милле, первым изобразивший башмаки стоящими на земле.

Нарратив искусства у Хайдеггера

На что тут, собственно, смотреть, говорит Хайдеггер, рассматривая «Башмаки» Ван Гога? И он прав, потому что картина Ван Гога бедна предметами. На ней всего пара каких-то башмаков. Если зрителю не на что смотреть, то тогда он становится философом и начинает искать в картине мысль, высказанную художником. Как ее ищет Хайдеггер? Для этого он приводит в движение свои аффективные образы. Башмаки из галлюциноза Ван Гога коррелируют с образом крестьянки в галлюцинозе Хайдеггера. Крестьянка – это дом, семья, церковь, а также труд, земля и забота. Крестьянка носит башмаки. В этом, говорит Хайдеггер, суть башмаков. Башмаки Ван Гога не стоят, они как будто висят в воздухе. Крестьянка Хайдеггера ходит по земле.

У нее осязательное отношение к вещам. Следовательно, башмаки художника должны быть как-то связаны с землей. Хайдеггер обращает наше внимание на темное нутро башмаков. Что там внутри нутра? Труд ног крестьянки. На коже башмаков сырость почвы. Под подошвой одиночество возвращающегося домой человека. Из темного нутра слышен зов земли, в нем таится забота об урожае и прячется радость, не ищущая слов.

Конечно, все это видение Хайдеггера. Против этого видения выступил искусствовед Шапиро, т.е. он выступил против философии Хайдеггера. Того, чем Хайдеггер понимал картину Ван Гога. Необходимо только сказать, что видение художника понимается видением зрителя. Что значит посмотреть картину? Это не значит перечислить нарисованные предметы, их компоновку, взаимные отражения одного цвета в другом и перемигивание форм. Это значит ответить на видение художника своим видением. Не уклоняться от встречи с ним, ибо в таких встречах и плетется вяжущая связь времени. Если мы видим башмаки, то должен быть зов земли. Если слышен зов земли, то из ничего непременно сгустится фигура крестьянки, которая, отзываясь на зов, не сидит вечером в трактире, не пьет пиво с первым попавшимся ей человеком. Если она не смотрит в воскресные дни сериалы и не привязана к гаджету, то мир уверен в ней, а она уверена в мире.

Не в этой ли встрече раскрывает себя суть художественного творения? Если мы встречаем художественный объект, то он не оставит нас стоять на прежнем месте, у картины. Он аффективными токами мгновенно отправит нас в иной мир, созданный нашим воображением. Это путешествие, говорит Хайдеггер, не самообман, не нечто субъективное, а реальность, то, посредством чего мы расширяем жизненный мир.

Хайдеггер думал, что художник раскрывает сокровенное. Но если это так, то не ясно, почему бытие что-то скрывает от художника. Творение художника не раскрывает сокровенное, как думал Хайдеггер, а учреждает новое. Если мы будем думать так, как Хайдеггер, то нам нужно будет объяснить, откуда взялась субъектность бытия? Кто творит сокровенное и как возможно учреждение нового в бытии, которое всегда было? Нам нужно будет либо признать тождество субстанции и субъекта, предложенное Гегелем, либо искать какой-то другой ответ. На наш взгляд, творение учреждается в момент, когда художник, соприкасаясь с небытием, объективирует свои грезы и они начинают быть вне его как некая иллюзивная материя. Бытие, которое показывает себя не тем, что оно есть, расширяет реальность, не расширяя мир объектов. Объекты грез существуют, если мы относимся к ним как к существующим. Искусство как раз и занято тем, что, не расширяя мир объектов, расширяет пространство человеческого существования.

Разве была сокрыта истина башмаков для крестьянки? Нет, она уже все о них знает. И Ван Гог ничего ей не открывает. Истина как алетейя не существует без истины как мистерии. Искусство и есть вечная мисте-

рия человека, а не некоего здесь-бытия. Поэтому искусство говорит не о красоте, не об отражении природы, не об искусстве мастера и ремесленника. Художник трудится над тем, чтобы не пропала связь времен. Поэтому Хайдеггер, на наш взгляд, говорит не очень точно, когда говорит о том, что в картине художника воспроизводится всеобщая сущность вещей. В картине воспроизводится не сущность вещей, а сущность человека, выдвинувшегося, говоря словами Хайдеггера, в ничто.

Хайдеггер говорит в «Истоке художественного творчества»: давайте посмотрим вокруг себя. Что мы увидим? Мы увидим, что картина висит на стене. Но на стене также висит еще и ружье, а на вешалке шляпа. Все это сущее. Что отсюда следует? Отсюда следует, что картина – это вещь среди вещей. Но мы остановимся для того, чтобы не согласиться с Хайдеггером в самом истоке его мышления. Не согласиться, чтобы сказать: когда мы смотрим вокруг себя, мы видим все, кроме себя. И вот эта слепота по отношению к самому себе мешает человеку видеть искусство.

У всего, что творит человек, есть, говорит Хайдеггер, «вещность». Что дает нам вещьность? Она соединяет в нечто единое вещь и иное. Но откуда среди вещей взялось это иное? На этот вопрос Хайдеггер не отвечает. Среди вещей не может быть иного. Истоком иного может быть человек. Но если это человек, то тогда не вещьность соединяет в единое целое вещь и иное, а воображение. И соприкасаются они, по словам Канта, на границе дозволенного.

Хайдеггер стоит на своем. Картина есть вещь, говорит он. Но если картина – вещь, то можем ли мы в терминах вещьности отличить картину с башмаками от башмаков? В этом случае мы можем вспомнить рассуждения Фуко о картине Магритта «Это не трубка», чтобы сделать вывод и сказать: образ от вещи невозможно отличить. Мы понимаем, что картина – какая-то странная вещь. Ружье сделано для того, чтобы из него стрелять, шляпа сделана, чтобы ее носить на голове. А картина сделана для чего? Башмаки мы можем надеть. А нарисованные башмаки для чего? Для того, чтобы на них смотреть. Смотреть на что? Ружье исчерпывается своей вещьностью, шляпа – своей. У каждой вещи свое назначение, свой телос. Какой телос у картины? Это не телос вещи. Хайдеггер говорит, что мы попали в круг и кружим, ставя все новые вопросы. Но как нам выйти из круга, если исток художника в картине, а исток картины в художнике?

От постулированного им круга Хайдеггер отказался в докладе 1962 г. под названием «Время и бытие», где привел в пример картину Пауля Клее «Огонь и смерть». Эта картина, на его взгляд, не дает нам язык для своего непосредственного понимания. И мы с ним согласны. Искусство – это то слово, которому не соответствует никакая действительность.

Вещное и мнимое художник соединяет в картине так, чтобы изъять взгляд того, кто на нее смотрит, и поставить зрителя увидеть то, что увидел сам художник. То есть Ван Гог заставляет нас в «Башмаках» увидеть ту реальность, причиной которой он сам является. Эта реальность будет называться художественной.

Глядя на картину, мы видим иллюзию присутствия, т.е. видим то, чего нет самого по себе, но что имеет причину не в себе, а в художнике, в его картине. Техническая реальность отличается от художественной тем, что не требует соединения в галлюцинозе мнимого и реального, не предлагает зрителю самому стать художником, т.е. стать причиной реальности галлюцинаторных объектов. Творить – значит производить, выводить сущее из небытия в бытие. Но производство – это не искусство. Производить можно самолеты. В искусстве из ничто создают что-то. Поэтому искусство является фундаментальной предпосылкой всякого производства. Видимость более важна для человека, чем вещь. Если видимость понимается не как видимость, а как вещь, видимость исчезает, а вместе с ней исчезает и художественная реальность.

На картине Ван Гога, говорит Хайдеггер, совершается истина. Но разве истина совершается не в слове? Почему же она должна совершиться посредством кисти? «Искусство дает истечь истине», – убеждает нас философ [11. С. 217]. С этим можно согласиться, отказавшись от понимания истины только как алетей. Эта истина ничего не значит без истины, понимаемой как мистерия, которая возникает не у природы, а у человека, ослепленного своими грезами. Искусство не таится в природе, как думал Дюрер. Оно таится в природе человека. Картина есть чувственно-сверхчувственная реальность, но эта реальность создается не игрой нейронных клеток, а игрой учрежденных нами объектов наших чувств и мыслей.

Как Мерло-Понти мыслит Сезанна

Загадочность моего тела, говорит Мерло-Понти, состоит в том, что оно сразу и видящее, и видимое. Видимое Мерло-Понти отличает от видимости, и это различие составляет основу его мышления живописи. В работе «Сомнения Сезанна» он говорит, что видимое показывает себя таким, каким оно есть. А видимость всегда показывает себя тем, что она не есть. Поэтому природа, по словам Мерло-Понти, никогда не сможет стать картиной, а искусство – природой.

Хайдеггер в центр своего понимания искусства ставил вещьность. Мерло-Понти ставит видимость. Если Хайдеггер мыслит живопись Ван Гога, исходя из его картины, то Мерло-Понти мыслит живопись Сезанна, исходя из личности художника. Согласно Мерло-Понти, не философия создает оптику для рассмотрения картины художника, а картина художника создает оптику для рассмотрения мира. Хайдеггер посредством картины Ван Гога излагает свои мысли, свою философию. Мерло-Понти пытается посмотреть на мир глазами художника. Стоит заметить, что сам Сезанн говорил, что он есть Френхофер из рассказа Бальзака, ибо так же, как Френхофер, хотел вместо изображения природы получить кусок самой природы.

Наше внутреннее и есть наше иное, которое составляет наш художественный мир. Но этот мир – не вещь. Он не внутри нас, ибо наше внутреннее вне нас. Символ сам по себе – это кусок материи. Нечто является символом только потому, что мы относимся к нему как к символу. Проходит какое-то время, и мы начинаем разрушать символы, т.е. перестаем относиться к ним

как символам. И мы вновь пытаемся учредить новые символы.

Исследуя философские способы мышления, исходящего из произведения искусства, мы пришли к следующему выводу. Художественная реальность раздваивает мир, делит его на две части: на мнимость и реальность, на образ и вещь. При этом само это разделение не имеет физического смысла.

Художественная реальность учреждается в точке восприятия объекта искусства. Ответ на вопрос, что есть художественная реальность, зависит от понимания, что есть человек.

Человек как *homo hallucinatus* – единственное существо, которое живет в мире образов и может воздействовать на себя только во времени. Это воздействие и составляет смысл искусства.

Список источников

1. Платон. Государство. М. : АСТ, 2019. 448 с.
2. Платон. Законы. М. : АСТ, 2020. 704 с.
3. Деррида Ж. Поля философии. М. : Академический проект, 2012. 376 с.
4. Гиренок Ф.И. Введение в сингулярную философию. М. : Проспект, 2021. 304 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Эстетика : в 4 т. Т. 1. М. : Искусство, 1968. 312 с.
6. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. Т. 3 / под ред. М.Ф. Овсянникова. М. : Искусство, 1967. 1006 с.
7. Балзак О. де. Неведомый шедевр. М. : АСТ, 2019. 384 с.
8. Философия русского авангарда / под ред. Н.Н. Ростовый. М. : РГ-Пресс, 2021. 128 с.
9. Кошут Дж. Искусство после философии // Искусствознание. 2001. № 1. URL: http://contemporary-artists.ru/art_after_philosophy.html (дата обращения: 16.08.2023).
10. Шапиро М. Натюрморт как личный объект: заметки о Хайдеггере и Ван Гог (1968) // Топос. 2001. № 2-3 (5). С. 28–39.
11. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. 528 с.

References

1. Plato. (2019) *Gosudarstvo* [Republic]. Moscow: AST.
2. Plato. (2020) *Zakony* [Laws]. Moscow: AST.
3. Derrida, J. (2012) *Polya filosofii* [Margins of philosophy]. Moscow: Akademicheskii projekt.
4. Girenok, F.I. (2021) *Vvedenie v singulyarnuyu filosofiyu* [Introduction to singular philosophy]. Moscow: Prospekt.
5. Hegel, G.W.F. (1968) *Estetika*: v 4 t. [Aesthetics: In 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
6. Ovsyannikov, M.F. (ed.) (1967) *Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli: v 5 t.* [History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought: In 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Iskusstvo.
7. Balzac, H. de. (2019) *Nevedomyi shedevr* [The unknown masterpiece]. Moscow: AST.
8. Rostova, N.N. (ed.) (2021) *Filosofiya russkogo avangarda* [Philosophy of the Russian avant-garde]. Moscow: RG-Press.
9. Kosuth, J. (2001) *Iskusstvo posle filosofii* [Art after philosophy]. *Iskusstvovoznaniye*. 1. http://contemporary-artists.ru/art_after_philosophy.html (Accessed: 16.08.2023)
10. Shapiro, M. (2001) *Natiurmort kak lichnyy ob"ekt: zametki o Khaydeggere i Van Goge (1968)* [Still life as a personal object: Notes on Heidegger and Van Gogh (1968)]. *Topos*. 2–3 (5). pp. 28–39.
11. Heidegger, M. (2008) *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The origin of the work of art]. Moscow: Akademicheskii projekt.

Информация об авторе:

Гиренок Ф.И. – д-р филос. наук, зав. кафедрой философской антропологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: girenok@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

F.I. Girenok, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Philosophical Anthropology Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: girenok@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024;
одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 11.09.2024;
approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья
УДК 17+008
doi: 10.17223/15617793/508/12

Новый материализм: поворот к нечеловеческому и деантропологизация мира

Елена Николаевна Иогансон (Эллен Мартин-Иогансон)¹

¹ Независимый исследователь, Лондон, Великобритания, Ellenmrtn@googlegmail.com

Аннотация. Представлен концептуальный анализ нового материализма – активно развивающегося современного направления в западной философии. Анализируются ключевые идеи и теории нового материализма, обосновывающие необходимость формирования постантропоцентризма и переоценки онтологической исключительности человека в пользу нечеловеческого мира. Автор утверждает, что рамках нового материализма человек низведен в статус материального объекта, а его роль редуцирована к бесконтрольному взаимодействию в плоскости существования с нечеловеческим миром. Это манифестация окончательного отказа западно-европейской философии от идеи субъективности человека в пользу онтологии, в центре которой объекты и материальные силы.

Ключевые слова: новый материализм, человеческий мир, нечеловеческий, Б. Латур, Г. Харман, Дж. Беннетт, Р. Брэйдотти. К. Баррад, неоматериалистический поворот, постантропоцентризм

Для цитирования: Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.) Новый материализм: поворот к нечеловеческому и деантропологизация мира // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 114–120. doi: 10.17223/15617793/508/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/12

New materialism: Turn to the non-human and de-anthropologisation of the world

Ellen Martin-Ioganson¹

¹ Independent researcher, London, United Kingdom, Ellenmrtn@googlegmail.com

Abstract. In recent decades in many areas of the social and human sciences in the West there has been an increased interest in the non-human world, in the material matter and objects that claim to have human abilities. The aim of this article is to critically examine the key conceptual ideas and theories of new materialism, a philosophical movement in the West that calls into question the anthropocentric paradigm in humanities, asserting the necessity for a post-anthropocentric rethinking of the world, elimination of human ontological privilege. The author analyses the central statement of new materialism, which is the need to overcome such fundamental dualisms as nature and culture, human and non-human. According to the theorists of new materialism overcoming these dualisms is an important condition for the formation of a post-anthropocentric position in order to harmonise the world in the context of globalisation and the ecological crisis. The author argues that such post-anthropocentric "harmonisation" is hampered by human subjectivity as an exclusive anthropological attribute. New materialists are concerned with the problem of mind and will, which are directly related to the agential ability or goal-setting, which is exclusively human ability. Based on the analysis of agency as the process of cause and effect in the ontological theories of K. Barad and R. Braidotti, the author shows how new materialists endow the matter with agential ability of action, trying to show that goal-setting is no longer the prerogative of human being, the ability, which distinguishes human from nature. The author considers the problem of access to reality within the framework of speculative realism, a concept of flat ontology, in particular object-orientated ontology, which rejects the privilege of human existence and postulates the idea of independent existence of objects from human consciousness. In their attempts to reformat traditional thinking, the theorists of new materialism often simply attribute human properties and abilities to the non-human world, which cannot be convincing at all. New materialism is an attempt to establish a post-anthropocentric worldview that is based on the idea of de-anthropologisation of the world. Devaluation of humanities in favour of science, advocated by the tandem of new materialists, marks the final rejection of the idea of man as a spiritual-physical being. The author argues that within the framework of new materialism, man is relegated to the status of a material object with no interest in the search for the meaning of human existence, and its role is reduced to uncontrolled interaction in the plane of co-existence with non-human world.

Keywords: new materialism, human world, non-human, B. Latour, J. Bennett, R. Braidotti, K. Barad, neo-materialistic turn, post-anthropocentrism

For citation: Martin-Ioganson, E. (2024) New materialism: Turn to the non-human and de-anthropologisation of the world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 114–120. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/12

Неоматериалистический поворот

XXI в. ознаменовался всплеском философского интереса к материальному, нечеловеческому миру, к объектам и объект-объектным отношениям без субъекта. Акцент ставится на превосходстве нечеловеческого мира, подчеркивается роль материальных объектов, якобы претендующих на роль субъекта. Парадигма сегодняшней западной интеллектуальной жизни характеризуется поворотом к новому материализму. Термин «новый материализм» (НМ) или «неоматериализм» М. ДеЛанда и Р. Брэйдогги начали использовать независимо друг от друга во второй половине 1990-х гг. в отношении теории культуры [1. Р. 93], которая не отдает предпочтение культуре, но концентрируется на том, что Д. Харауэй назвала «природакультура» (“natureculture”) [2. Р. 1; 3], а Б. Латур назвал «коллективами» [4. Р. 4]. По мнению Харауэй, не может быть такого понятия «природа», которое не опиралось бы на определенную культуру, и наоборот. С этой точки зрения необходимо понимать различные «природокультуры» как локальные исторические переплетения [3].

Неоматериалистический поворот в философии проявляется как пост – кантианское движение и новый интерес к онтологии, который вызвал всплеск дебатов об отношениях человека и природы. Суть этого поворота заключается в отказе от лингвистических, культурных дискурсов, доминирующих в социальных и гуманитарных науках. Это трансдисциплинарный подход к пониманию мира и человека, продвигаемый философами, социологами и все чаще политическими теоретиками. В число наиболее видных представителей неоматериализма входят Б. Латур, М. ДеЛанда, Г. Харман, К. Мейяссу, Дж. Беннетт, Э. Гроц, Р. Брэйдогги и К. Баррад.

По словам Беннетт, неоматериализм – это обращение к «забытой материи», которая «живая и имеет значение» [5]. Материя наделяется свойствами витализма, аффектов и способностью агентных действий, носителями которых традиционно считается человек. Неоматериализм объединяет несколько направлений, включая спекулятивный реализм (Q. Meillassoux), объектно-ориентированную онтологию (G. Harman), теорию аффектов и феминистский новый материализм (D. Haugway), критический постгуманизм (R. Braidotti).

Необходимость неоматериалистического поворота объясняется тем, что, по мнению теоретиков НМ, предположения о человеке, выдвигаемые гуманитарными науками, больше не могут восприниматься как само собой разумеющиеся, поскольку они устарели. Настало время новых постчеловеческих наук. «Это инновационная повестка дня, которая не ограничивается ни антропоцентризмом, ни гуманизмом...» [6. Р. 163]. Предлагается новый подход к понимаю человека и отношений, как человеческих, так и нечеловеческих, как «интеракций» друг с другом и другими материальными существами [7. Р. 810]. Представители НМ, опираясь на идеи Ж. Делёза и Ф. Гваттари, объединяют материальность, аффект и витализм. Нечеловеческое у Делёза связано с идеей замены онтологии субъекта онтологией субъективности. Субъект, по мнению фран-

цузского мыслителя, не имеет предшествующего образа и не является стабильным, он всегда находится в процессе становления. Делёз определил становление как аффект, который представляет собой изменение состояния объекта и его возможностей. Аффекты создают онтологические процессы, которые Делёз и Гваттари определили как ризому. Ризома – это модель нестержневого мира, предлагающая бесконечные возможности для конфигураций и взаимодействий человеческого и нечеловеческого [8. Р. 7]. Таким образом, философия Делёза поднимает вопрос о нечеловеческом источнике становления человеческой субъективности.

Материалистическое признание аффективных способностей материи открывает для теоретиков НМ возможность исследовать, как человеческий и нечеловеческий миры взаимодействуют и переплетаются. Вместо того, чтобы рассматривать вещь, тело как данное с определенными атрибутами, нам предлагается перформативовать наше мышление и признать, что возможности материи всегда зависят от контекста [9. Р. 9–11].

Преодоление фундаментальных дихотомий

Одно из центральных утверждений, составляющих концептуальную основу нового материализма, – это необходимость преодоления фундаментальных дуализмов, таких как человеческое – нечеловеческое, природа – культура. Идея преодоления фундаментальных дуализмов восходит к феминистскому материализму. Еще в 1980-х гг. Д. Харауэй ввела термин «ситуативные знания» [10]. На эпистемологическом уровне понятие «ситуативные знания» – это попытка преодолеть дуализмы. «Это способ выйти за рамки демонстрации предвзятости в науке» [10. Р. 578]. Ситуативные знания – это не только эпистемологический инструмент. С позиции онтологии ситуативные знания работают как аппарат, «создающий более адекватное и лучшее описание мира» [10. Р. 579]. Это мир, где преодолеваются антропологические грани между человеческим и нечеловеческим, элиминируется онтологическая иерархия. Модель такого мира образно продемонстрирована в «Манифесте Киборгов», где Харауэй фактически обосновала феминистскую теорию, в основе которой лежит идея постчеловеческого общества – бесполой, безликой, безрасовой цивилизации, родственной с машинами. Киборг представлен как метафорическая конфигурация человеческих тел и современных технологий [11]. Киборгизация дословно означает слияние кибернетики и органического. Киборг, культурно-природный гибрид, символизирует новую онтологию, отрицающую традиционные различия между природой и культурой, отвергающий гендерный бинаризм и любые формы идентичности. Харауэй прямо об этом говорит: «Киборг – это наша онтология; это дает нам нашу политику» [11. Р. 66].

С точки зрения новых материалистов современная глобальная интеграция, экологический кризис, разви-

тие дигитальной индустрии, научно-технический прогресс ставят под вопрос онтологические границы и первичную целостность человека, требуют от человека нового отношения к миру и к себе самому. Новые материалисты оспаривают представление о природе с точки зрения человеческих интересов и человеческой интерпретации. Культура и природа не должны рассматриваться как различные сферы, поскольку обе эти сферы материально влияют на постоянно меняющийся мир. Для рассмотрения отношения между культурой и природой Латур использует модель гибридной сети, где актантами являются не только люди, но и другие существа, а также неодушевленные предметы. Такая модель стала известна как акторно-сетевая система (АСТ). АСТ Латура представляет собой модель реальности, в которой устанавливается симметрия между человеческими и нечеловеческими «актантами» при формировании сетей. Эта симметрия преодолевает не только дуализм природа – культура, но и такие дуализмы, как субъект и объект, агент и структура. Латур считает, что нам следует полностью отказаться от традиционных дуализмов. Вместо этого следует заняться миром реальности – сетями или сборками, которые содержат уникальные, сложные и меняющиеся популяции людей, организмов, предметов, веществ и процессов. Ни культура, ни природа не имеют исходной позиции или решающего влияния, поскольку все существует в неупорядоченной сети отношений. Различия между природой и культурой стираются, потому что они совместно участвуют в сферах материальной жизни. Разрушение дихотомии одушевленное – неодушевленное особенно приветствуется новым материалистами в контексте экологических проблем и технологического прогресса. Доминирующая позиция человеческого субъекта должна быть исключена, чтобы принять политику природы и учитывать не только интересы животных, но и всей экосистемы, всего нечеловеческого, что разделяет наш мир. В рамках нового материализма бинарные оппозиции и фундаментальные дихотомии больше не выполняют роль ведущих осей в мыслительном процессе как главного условия иерархичности и отсутствия равности в мире. Вместо этого предлагается картина взаимодействия, где все проявляется в результате интерактивных отношений по модели сборки.

Новая онтология социума. Теория ассамбляжа М. ДеЛанда

Попытку представить реальность после преодоления грани между природой и культурой сделал М. ДеЛанда, предложивший свой подход к онтологии общества. Опираясь на концепцию ассамбляжа Делёза и Гваттари, он утверждает, что реальность состоит из сборок на всем протяжении. Все сущее, по его мнению, есть сборка или, вернее, «сборка сборок» [12]. Теория ассамбляжа отвергает идею эссенциализма (Аристотель), согласно которой все сущие обладают некими предзаданными метафизическими качествами [12. Р. 26–28]. Антиэссенциалистская позиция помогает ДеЛанда избежать дихотомии часть-целое. Как и Латур, ДеЛанда

предлагает рассмотреть условия существования социального как конституированного в сети взаимодействия вещей друг с другом. По ДеЛанда, сборки являются «целостностями, характеризующимися отношением к внешнему» [12. Р. 10]. Используя модель сборки для описания объектов, ДеЛанда выступает против антропоцентрического понимания и интерпретации различий между природным и социальным, показывая, что социальные объекты, в которые вовлечен человек, имеют такой же онтологический статус, что и природные, функционирующие независимо от человека. В модели реальности, которую выдвигает ДеЛанда, каждый субъект является объектом, который имеет такую же степень бытийности, как и любой другой объект. В этой модели сборки важным аспектом является казуальность и взаимодействие вне контекста человеческого сознания. Поскольку философский натурализм ДеЛанда избегает трансцендентности, эмерджентные слои реальности должны быть объяснимы физически. Например, явления, связанные с жизнью и разумом, порождаются механизмами, компоненты которых не являются по своей сути живыми или разумными. ДеЛанда считает концепцию сборки полезным инструментом, который можно использовать для анализа онтологического статуса социальных сущностей любых масштабов, от индивидуальных лиц до городов, национальных государств и глобальной экономики [12. Р. 28]. Однако статус реальности и анализ социальных сущностей явно не решается ДеЛандом, потому что такие сборки, как город или экономика, не являются независимыми от человеческого сознания.

Социум – это искусственная среда, созданная людьми и опосредованная тем, что они думают о себе. В попытке устранить любые различия между природой и обществом новый материализм с легкостью наделяет природу социальными качествами и деантропологизирует общество.

Критика постантропоцентрической позиции

В модели множественных переплетений, какими являются сборки (ассамбляжи), дуализмы теряют свою сакральность, становясь помехой на пути интерактивных отношений. Поэтому трансгрессивное преодоление фундаментальных дихотомий в рамках неоматериализма является важным условием формирования постантропоцентрической позиции в целях гармонизации мира в условиях глобализации и техносферы, где роль человека элиминируется. «Постантропоцентризм обусловлен появлением политики самой жизни» [6. Р. 60]. По мнению Брэйдоути, постантропоцентрическая точка зрения полезна для понимания взаимосвязи и гармонизации между человечеством и другими живыми существами, а также самой материей на планетарном уровне. Но преградой на пути к такой «гармонизации» мира, по мнению новых материалистов, является человеческая двойственность, которая лежит в основе традиционной антропоцентрической позиции, базирующейся на классической модели «я» и другие, где «я» выполняет важную функцию в построении онтологической картины мира, в демаркации мира на

«я» и «другие» (нечеловеческие). Такая антропоцентрическая позиция больше не работает, по мнению новых материалистов.

В рамках нового материализма человеческая двойственность сводится к дуализму разум – тело (*mind – body*) и осмысливается заново через призму новых концепций тела.

Э. Гроц вводит понятие телесности, где тело и разум рассматриваются как плавно переходящие одно в другое [13, 14]. Такая трансформация иллюстрируется на примере ленты Мебиуса, где внешнее и внутреннее переходят друг в друга и топологически неориентируемы. Р. Брэйдотти также подчеркивает необходимость «признать воплощение мозга в оболочку тела» [15. Р. 33]. Таким образом, подчеркивается, что разум имеет материальную основу, а тело имеет разум, так как и то и другое нераздельно взаимосвязаны. Тело необратимо связано с материальностью мира. Оно не только находится в мире, оно – от мира. Таким образом, проблема сознания не ставится, потому что сциентистское понимание человека позволяет редуцировать человека к физиологической работе мозга и тела. Тело и разум переплетаются до такой степени, что невозможно четко разграничить различия между психикой и телом.

Другой подход к понятию тела и разума связан с аффективными реакциями, потенциальными возможностями тела воздействовать и подвергаться воздействию, чувствовать и возбуждать чувства. Как пишет Б. Массуми, «то, что обычно называют телом является телом событий» [16. Р. 29]. Таким образом, события, которые традиционно относятся к человеческой деятельности, в неоматериализме ассоциируются с телесными, физическими силами, а не с человеческой волей и сознанием.

Субъективность как главный антропологический атрибут

Итак, двойственность человеческой природы в западной философии сводится к дуализму разума и тела. И это ошибка, потому что двойственность человека заключается в его субъективности как исключительного антропологического качества, связанного с человеческим сознанием. Как пишет Ф.И. Гиренок, «антропология исходит из того, что сознание возможно не в границах тела, а в границах субъективности, которые, в свою очередь, определяются отношением человека и его медиума... Медиум – это, что связывает его с сознанием» [17. С. 53]. Сознание – это главное условие формирования образа «я». Раздвоение произошло, когда человек стал относиться к самому себе. Отношение к себе требует иного восприятия, иного сенсориума, чем отношение к вещам. Мы относимся к вещам в пространстве, а к себе мы относимся во времени. Благодаря воображению мы можем жить внутренним миром, грезить, создавать образы, а это значит раздваиваться. «Раздваиваться – значит идти к себе или убежать от себя» [17. С. 72]. Раздвоенность непосредственно проходит через нашу самость, наше «я», где и

происходит демаркация на человеческий и нечеловеческий мир, на «я» и другие. А это и есть антропологическая граница.

Человек принадлежит не природе, а субъективности, которую невозможно эмпирически измерить или уловить в объект-субъектном дуализме. Бог есть основание и причина человеческой субъективности, которая выполняет важную антропологическую функцию, отделяющую нас от объектов. Благодаря субъективности, существует сознание, которое, в свою очередь, является причиной критического мышления и свободы воли.

Преодолевая дуализм природа – культура, новые материалисты пытаются поместить человека в пространство вне времени, что равносильно животному существованию. Низведение человека к телу, которое помещается в пространство вне времени, требует онтологического объяснения. Новые материалисты объясняют это с помощью теории плоской онтологии и агентных способностей, которые они изымают у человека и наделяют ими материальный мир.

Плоская онтология

Онтология нового материализма – это онтология имманентности, не зависящая от трансцендентной силы, не зависит от Бога. «Плоская онтология» – это термин критического реализма, который использовал Рой Бхаскар (в уничижительном смысле) для описания эмпирических философских направлений. Впоследствии это понятие использовали М. ДеЛанда, Г. Харман, Л. Брайант. В рамках плоской онтологии вместо систем, механизмов, иерархий и структур, существует бесконечный каскад событий, включающий материальные аффекты культуры (социум) и природу, которые производят мир и человеческую историю. Новые материалисты считают, что мир и история созданы материальными силами, простирающимися от физических и биологических до психологических, социальных и культурных сил.

Плоская онтология призывает к нейтральному плану имманентности, по модели сборки Делёза. Это модель реальности, где распределяются сборки в виде объектов, где человек имеет ту же степень бытийности, как и другие объекты. А это значит, что человек лишается своей онтологической исключительности. Наглядным примером этого является объектно-ориентированная онтология (ООО), одно из направлений НМ. Г. Харман, автор теории ООО, отвергает как подрыв, так и всякое превосходство над объектами, выступая за равное положение всего сущего [19]. В ООО субъект полностью лишается всякого основания на какую-либо роль и значение. Все объекты находятся в онтологически равном положении, независимо от их происхождения, будь то реальные, вымышленные, естественные, искусственные, человеческие или нечеловеческие. Суть объект-объектных отношений состоит в том, что они доступны – недоступны, потому что меняется набор их качеств.

Доступность–недоступность объясняется тем, что объект имеет как бы двойственную природу: он является реальным и чувственным. Реальный объект недоступен, а чувственный – это лишь видимая сторона объекта [19. Р. 10–11].

Способность объекта воздействовать на другой объект в деиерархизированном плоском ландшафте ООО, где нет врожденных качеств, а отношения между объектами тоже являются объектами, ведет к беспрепятственным взаимоотношениям между человеческим и нечеловеческим, к потенциальной свободе любой силы. А это означает господство нечеловеческого.

Существует ли реальность независимо от человека

Проблема реальности традиционно связана с человеческим восприятием. Представители спекулятивного реализма (СР), одного из направлений неоматериализма, через элиминацию субъекта пытаются нас убедить в том, что реальность существует независимо от человека. В вопросе о доступе к реальности у представителей нового материализма существуют расхождения. Несмотря на разногласия, общим для всех направлений является освобожденный от человеческого отношения взгляд на окружающую среду.

К. Мейяессу развил концепт корреляционизма, согласно которому «возможно иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [20. Р. 5]. Французский философ утверждает, что реальность – это то, что можно представить в виде математических объектов. Мейяессу сделал попытку вернуть Абсолют как метафизическую точку опоры. Он отказался от субъективности в пользу математизированного абсолюта.

Поскольку в ООО субъект отсутствует, то проблема корреляционизма отпадает.

Наделяя пространство и время объектными свойствами и отношениями без субъекта, новые материалисты игнорируют тот факт, что объекты и их свойства в реальности существуют и различаются только благодаря присутствию субъекта (человека).

Онтологические проекты Дж. Беннетт и агентный реализм К. Барад

Согласно Дж. Беннетт НМ ориентирован на выполнение следующих задач: (1) «проиллюстрировать позитивную онтологию живой материи, которая расширяет существующие представления о свободе воли, действии и свободе...; (2) преодолеть онто-телеологические бинарные оппозиции, такие как жизнь–материя, человек–животное, воля–заданное стремление, органическое–неорганическое, используя аргументы и другие риторические средства, чтобы вызвать в человеческих телах эстетически-аффективную открытость к материальной жизнеспособности; (3) предложить стиль политического анализа, который бы помог учитывать вклад нечеловеческих актантов» [5. Р. x]. Новые материалисты признают, что все материальное обладает жизненными способностями. Такое утвержде-

ние приводит к идее того, что устанавливается прочная, более чем человеческая («more than human»), этическая и экологическая связь, охватывающая весь материальный мир и его содержание [5. Р. viii; 20. Р. 185].

С точки зрения новых материалистов, такая связь означает существование иной реальности за пределами повседневности [21. Р. 155]. В связи с этим Э. Гроц заявила о необходимости «квантового скачка» [14. Р. 204]. Квантовый скачок – это «концептуальный», а не эмпирический скачок, который создает концептуальные рамки, способные показать нам разные реальности с позиций «живой и эмерджентной материи» [22. Р. 49]. К. Барад, в свою очередь, представила теорию агентного реализма, согласно которой все в мире, включая явления, представляют «онтологическую неразделимость внутридействующих агентов». Для Барад объекты и явления не предшествуют их взаимодействию, а скорее объекты возникают в результате определенных внутридействий [21. Р. 139]. Опираясь на эксперименты Н. Бора, показывающие, что свет существует в форме частиц или волн в зависимости от прибора измерения, К. Барад утверждает, что релаты (один из объектов, между которыми существует отношение) не существуют до отношений, а конфигурируются только в результате отношений, которые устанавливаются посредством аппарата. Она предлагает дифракционное прочтение квантовой физики Н. Бора, которое разрывает орбиту традиционного внутреннего представления человека о мире. Обращение к квантовой физике объясняется попыткой новых материалистов показать, что наше антропоцентрическое восприятие может быть ошибочным, потому что на микроуровне действуют совершенно иные законы, отличные от тех, которые мы можем наблюдать в физическом мире. К. Барад стремится показать динамичные силы материи, которые выходят за пределы наших представлений о мире. Опираясь на работу Н. Бора, она рассматривает материю «не как вещь, а как невидимое действие» или агента, т.е. способного действовать [21. Р. 151].

Квантовая механика показывает, что происходит на микроуровне, но это не жизненная среда, и она не может быть опосредована человеческим фактором. Перераспределение агентных способностей в рамках нового материализма означает, что мир вещей наделяется способностью действия, что, в свою очередь, означает автономность вещей от человека, который традиционно считается единственным субъектом с агентными способностями.

Критика идеи наделяния материи агентными способностями. Антропоморфизм

Попытки понять реальность с квантового уровня открывают для новых материалистов различные возможности того, что может определяться как агентность материи. Агентная способность – это прежде всего способность целенаправленного, т.е. способность выбирать цель и достигать желаемого результата. К. Барад оспаривает концепцию агентности, ориентированную на человека, утверждая, что не человек действует

на материю, а, скорее, синтез человеческого и нечеловеческого является агентным [21]. Для К. Барад агентность не является атрибутом человека, скорее «процессом причин и следствий» [21. Р. 176]. «Агентность – осуществление повторяющихся изменений конкретных практик – интраактивных реконфигураций в многообразии отношений пространства и времени через динамику интраактивности» [21. Р. 178].

Создается впечатление, что новые материалисты не осознают опасности фетишизации вещей и деантропологизируют мир. Для них материя имеет значение сама по себе, а люди добровольно сдают вещам свои позиции. Так, Дж. Беннетт считает, что вещь «имеет способность действовать как квазиобъект или сила с траекториями, со своими тенденциями и склонностями. Вещная сила (thing-power) указывает на странную способность обычных, созданных человеком предметов превышать свой статус объектов и проявлять следы независимости и живости, создающиеся за пределами нашего опыта» [5. Р. viii, xvi]. Дж. Беннетт, приводя пример способности жирных кислот омега-3 влиять на настроение человека [5. Р. xvii], явно путает осознанное действие человека и свойство вещества влиять. Омега-3 обладает определенным свойством, которое оказывает влияние на человеческий организм, но это вещество не действует осознанно, не ставит своей задачей достигнуть определенной цели. Действие человека определяется интенциональностью, осознанным стремлением к достижению цели, что предполагает осознанную мотивацию и свободу воли. Расширение агентных способностей в мире означает антропоморфизм, т.е. наделение человеческими свойствами нечеловеческого мира. По словам Беннетт, «нам нужно... культивировать антропоморфизм – идею о том, что человеческая деятельность имеет отголоски в нечеловеческом мире, чтобы противостоять нарциссизму людей, управляющих миром» [5. Р. xvi]. Главными аргументами против уверенного провозглашения новыми материалистами идеи антропоморфизма являются такие исключительно человеческие качества, как сознание, свободная воля, а также психологические и морально-этические факторы. Человек в своих действиях осознанно руководствуется не только практическими, но и моральными причинами в силу собственного выбора. Для человека агентные способности, т.е. способность действовать целенаправленно, следует развивать, в то время как в мире явлений они осуществляются помимо воли. И. Кант указал на различие «между возможностью вещей согласно законам природы и воз-

можностью их согласно законам свободы. <...> Возможность вещей согласно законам природы существенно отличается по своим принципам от возможности их согласно законам свободы. Но это различие состоит не в том, что в последнем случае причина полагается в воле, а в первом – помимо воли в самих вещах» [23. С. 103]. Вещь не может изменить цель. Если нечеловеческое обладает агентностью, то целеполагание больше не является прерогативой человека.

Выводы

Естественные науки изучают материю, телесность и физические законы. Но человек – это триединство: дух, душа и тело. Человек не принадлежит материальности. Он принадлежит субъективности, которую невозможно научно исследовать. В русле гуманитарной мысли понимание человека традиционно ассоциируется с его духовно-культурной деятельностью, а не с природой.

Суть человека не в его природной составляющей, а в его способности превзойти свою природную (животную) составляющую. Человек по сути своей существо метафизическое, ибо человеческое заложено в его субъективности, благодаря которой он способен развивать свой внутренний духовный мир и подняться выше своей животной природы. Дух относится к самосознанию, которое трансцендентно. Это образ «я». Именно наличие духовной составляющей обуславливает онтологическую привилегию человека и определяет антропологическое разграничение между человеческим и нечеловеческим.

Преодолевая дуализм природа – культура, новый материализм деантропологизирует мир. Девальвация гуманитарного знания в пользу науки, за которую ратует tandem новых материалистов, знаменует окончательный отказ от идеи человека как существа духовно-телесного. Чем больше мы знаем о материальном мире, тем меньше мы понимаем человека. В своих попытках переформатировать традиционное мышление новые материалисты зачастую просто приписывают человеческие свойства и способности нечеловеческому миру, что никак не может быть убедительным. Надеясь нечеловеческий мир агентными способностями, новый материализм тем самым деантропологизирует мир. В рамках нового материализма человек низведен в плоскость горизонтального существования, онтологически уравнивается с нечеловеческим миром, наравне с животными и объектами.

Список источников

1. Dolphijn R., Tuin, I.V.D. New materialism: interviews & cartographies. Ann Arbor : Open University Press, 2012.
2. Haraway D. The Companion Species Manifesto: dogs, people, and significant otherness. Chicago : Prickly Paradigm Press, 2003.
3. Haraway D.J. When species meet. London and Minneapolis : University of Minnesota Press, 2007.
4. Latour B. We have never been modern. Cambridge : Harvard University Press, 1993.
5. Bennett J. Vibrant matter: A political ecology of things. Duke University Press, 2010.
6. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge : Polite Press, 2013.
7. Barad K. Posthumanist performativity: Towards an understanding of how matter comes to matter signs // Signs. Journal of women in culture and society. 2003. Vol. 28, № 3. P. 801–831.
8. Deleuze G., Guattari F. A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia. London : University of Minnesota Press, 1987.
9. Latour B. Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network-Theory. London : Oxford University Press, 2005.
10. Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Feminist Studies. 1988. Vol. 14, № 3. P. 575–599.

11. Haraway D. Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s // *Socialist Review*. 1985. № 80. P. 65–108.
12. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London : Continuum, 2006.
13. Grosz E. Notes Towards a Corporeal Feminism // *Australian Feminist Studies*. 1987. № 5. P. 1–15.
14. Grosz E. *Volatile Bodies. Toward a Corporeal Feminism*. Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 1999.
15. Braidotti R. Four Theses on Posthuman Feminism // *Anthropocene Feminism* / ed. by Richard Gusin. Minneapolis, London : University of Minnesota Press, 2017. P. 21–48.
16. Massumi B. *What Animals Teach Us about Politics*. Durham, Politics, London : Duke University Press, 2014.
17. Гиренок Ф.И. Подступы к философии человека // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2018. № 2. С. 52–62. doi: 10.17805/trudy.2018.2.5
18. Гиренок Ф.И. Философский анализ идеи раздвоенности человеческого существования // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 449. С. 71–75. doi: 10.17223/15617793/449/9
19. Harman G. *The quadruple object*. New York : Zero Books, 2011.
20. Meillassour Q. *After Finitude. An Essay on the Necessity of Contingency*. London : Continuum, 2009.
21. Barad K. *Meeting the Universe Halfway*. Durham : Duke University Press, 2007.
22. Grosz E. The Untimeliness of Feminist Theory // *NORA – Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. 2010. Vol. 18, № 1. P. 48–51.
23. Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 5.

References

1. Dolphijn, R. & Tuin, I.V.D. (2012) *New materialism: Interviews & cartographies*. Ann Arbor: Open University Press.
2. Haraway, D. (2003) *The Companion Species Manifesto: Dogs, people, and significant otherness*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
3. Haraway, D.J. (2007) *When species meet*. London and Minneapolis: University of Minnesota Press.
4. Latour, B. (1993) *We have never been modern*. Cambridge: Harvard University Press.
5. Bennett, J. (2010) *Vibrant matter: A political ecology of things*. Durham: Duke University Press.
6. Braidotti, R. (2013) *The Posthuman*. Cambridge: Polite Press.
7. Barad, K. (2003) Posthumanist performativity: Towards an understanding of how matter comes to matter. *Signs. Journal of Women in Culture and Society*. 28 (3). pp. 801–831.
8. Deleuze, G. & Guattari, F. (1987) *A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia*. London: University of Minnesota Press.
9. Latour, B. (2005) *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. London: Oxford University Press.
10. Haraway, D. (1988) Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist Studies*. 14 (3). pp. 575–599.
11. Haraway, D. (1985) Manifesto for cyborgs: Science, technology, and socialist feminism in the 1980s. *Socialist Review*. 80. pp. 65–108.
12. DeLanda, M. (2006) *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*. London: Continuum.
13. Grosz, E. (1987) Notes towards a corporeal feminism. *Australian Feminist Studies*. 5. pp. 1–15.
14. Grosz, E. (1999) *Volatile bodies: Toward a corporeal feminism*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
15. Braidotti, R. (2017) Four theses on posthuman feminism. In: Gusin, R. (ed.) *Anthropocene feminism*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press. pp. 21–48.
16. Massumi, B. (2014) *What animals teach us about politics*. Durham, London: Duke University Press.
17. Girenok, F.I. (2018) Approaches to the philosophy of man. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2. pp. 52–62. (In Russian). doi: 10.17805/trudy.2018.2.5
18. Girenok, F.I. (2019) Philosophical analysis of the idea of the duality of human existence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 71–75. (In Russian). doi:10.17223/15617793/449/9
19. Harman, G. (2011) *The quadruple object*. New York: Zero Books.
20. Meillassoux, Q. (2009) *After finitude: An essay on the necessity of contingency*. London: Continuum.
21. Barad, K. (2007) *Meeting the universe halfway*. Durham: Duke University Press.
22. Grosz, E. (2010) The untimeliness of feminist theory. *NORA – Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. 18 (1). pp. 48–51.
23. Kant, I. (1966) *Sochineniya: V 6 t. [Works: In 6 vols.]*. Vol. 5. Moscow: Mysl'.

Информация об авторе:

Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.) – канд. ист. наук, независимый исследователь (Лондон, Великобритания). E-mail: Ellenmrtn@googlemail.com. ORCID: 0000-0001-9489-9931

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E. Martin-Ioganson, Cand. Sci. (History), independent researcher (London, United Kingdom). E-mail: Ellenmrtn@googlemail.com. ORCID: 0000-0001-9489-9931

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023;
одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 13.12.2023;
approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья
УДК 111
doi: 10.17223/15617793/508/13

Сравнительный анализ и опыт конструирования онтологий техники/технологии

Михаил Дмитриевич Корольков¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, korolkov.md@philos.msu.ru

Аннотация. Техника/технология является одним из ключевых факторов, формирующих современное общество. Его значимость ставит вопрос о том, что есть техника/технология, в частности, о ее онтологическом статусе. Дается обзор представленных в литературе подходов к построению онтологии техники/технологии и предлагается их систематизация. Также рассматривается применимость различных онтологий к анализу тех или иных аспектов технического и возможность конструирования онтологии под задачу анализа.

Ключевые слова: техника, технология, онтология, философия техники, гуманитарная философия техники, инженерная философия техники, технологический детерминизм, социальное конструирование технологии, социальная онтология, акторно-сетевая теория

Для цитирования: Корольков М.Д. Сравнительный анализ и опыт конструирования онтологий техники/технологии // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 121–131 doi: 10.17223/15617793/508/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/13

Comparative analysis of and experience in designing ontologies of technology

Mikhail D. Korolkov¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, korolkov.md@philos.msu.ru

Abstract. Technology is one of the key factors shaping modern society. The significance of this factor raises the question of what technology is, or, more specifically, what the ontological status of technology is. Despite the significance of this question, there is no generally accepted understanding of the ontological status of technology in the literature. Therefore, a major part of the article analyzes various ontologies of technology presented in the literature. In particular, the article overviews ontologies characteristic for: technological determinism, social construction of technology, engineering philosophy of technology, social ontology, actor-network theory, etc. The article shows that various approaches to building an ontology focus on various aspects of the existence of technology: the mutual influence of technology and society, the internal structure of technology, the material and social components of technology, the dynamics of its formation, etc. The approaches to building an ontology of technology analyzed in the article do not exhaust all possible options, or even all the options presented in the literature. Nevertheless, this analysis allows systematizing possible approaches, highlighting several axes along which ontologies can be localized: (1) the scale axis: from a macro view of the technical as a whole and its interaction with society as a whole – through the level of consideration of a typical technology – to the "micro level" of consideration of a specific technology; (2) the structure axis: from a hierarchy of elements and subsystems – through a peer-to-peer network of interacting elements – to the metaphor of a liquid in which it is impossible to distinguish any structure; (3) the subject-object axis: from the division into a subject (the creator or user of technology) and an object (the technology itself) – through self-development of technology without explicitly identified subject – to the complete removal of a subject from consideration; (4) the material-social axis: from the consideration of only material objects – through the unified consideration of material and social entities – and to the unity of the social and the material in hybrid "quasi-objects"; (5) the influence axis: from technological determinism – through the social construction of technology – to the mutual influence of technical and social; (6) the static-dynamic axis: from a static view of technology – through consideration of a lifecycle of technology formation – to continuous evolution without separation into stages. This systematization allows, on the one hand, correlating diverse ontologies to each other, and, on the other hand, understanding correlation between ontologies and corresponding fields of study. Even more, it allows purposefully designing an ontology for a particular research task. The final part of the article offers an example of such a design of an ontology that fits a specific research task: the analysis of technology transfer between two communities.

Keywords: technology, technique, ontology, philosophy of technology, humanitarian philosophy of technology, engineering philosophy of technology, technological determinism, social construction of technology, social ontology, actor-network theory

For citation: Korolkov, M.D. (2024) Comparative analysis of and experience in designing ontologies of technology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 121–131. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/13

Современное общество неотделимо от техники и технологий, которые оно создает и использует. Многие исследователи провозглашают технику/технологии¹ одним из ключевых факторов, формирующих современное общество². Жак Эллюль сказал об этом еще в далеком 1964 г., назвав технику самым важным фактом современного мира [2]. Практически все стороны нашей жизни, даже самые творческие и самые личные, пронизаны, наполнены техникой/технологией и зависят от нее.

Такое всепроникающее присутствие техники/технологии естественным образом ставит вопрос о том, что такое техника/технология, одной из составляющих которого является вопрос об онтологическом статусе техники/технологии. Из каких составляющих складывается техника? Является ли она набором материальных артефактов, социальным конструктом, особой формой знания, сетью взаимосвязей, деятельностью, всем вместе или чем-то совсем другим? В каких взаимоотношениях эти составляющие находятся между собой и с внешней по отношению к технике/технологии реальностью? Является ли природа техники/технологии материальной или социальной, или их комбинацией? В каком смысле можно говорить о существовании техники/технологии? И так далее.

Несмотря на важность этих вопросов, единого понимания онтологического статуса техники/технологии в литературе по философии и истории техники сегодня нет. Такой неоднозначности понимания техники/технологии, безусловно, можно найти объяснения: начиная с различия мировоззренческих установок авторов и различия исследуемых ими вопросов и оканчивая сложностью и многогранностью самого предмета рассмотрения, так плотно вплетенного в ткань нашего мира.

Данную статью мы начнем с последовательного рассмотрения различных онтологий техники/технологии, представленных в литературе. Далее мы предложим систематизацию такого рода онтологий, позволяющую упорядочивать и сопоставлять их между собой. И далее, не ограничившись анализом, мы предпримем попытку синтеза, т.е. конструирования специализированной онтологии техники/технологии для целей нового исследования – используя для такого синтеза построенную систематизацию.

Гуманитарная философия техники, технологический детерминизм, теория автономной технологии

Согласно Карлу Митчаму [7. Р. 13–14, 17], философия техники в целом может быть поделена в соответствии с рассматриваемой ею проблематикой на два крупных направления: гуманитарная философия техники и инженерная философия техники. Гуманитарная философия техники фокусируется на взаимосвязях и взаимовлиянии техники и общества, не углубляясь в понимание собственно технического, его внутренней организации, внутреннего существования и развития. В противоположность гуманитарной инженерная философия техники фокусируется именно на внутреннем

существовании техники, на понимании и смысле собственно технического.

Одним из ключевых вопросов в фокусе внимания гуманитарной философии техники является вопрос о воздействии техники/технологии на общество и последствиях такого воздействия (в большинстве своем негативных). В рамках гуманитарной философии техники особо выделяются направления технологического детерминизма и теории автономности технологии – к ним относятся наиболее значимые и заметные работы. Согласно взглядам сторонников теории автономности технологии (см. например, Жак Эллюль [2], Лэнгдон Виннер [8. Р. 30–43]), развитие техники/технологии происходит независимо от желаний и намерений людей, в собственной автономной логике. Технологический детерминизм (см. например, П.С. Адлер [9], М.Р. Смит и Лео Марксан [10]) дополняет эту точку зрения тезисом о том, что развитие общества определяется текущим состоянием техники/технологии.

Крупнейшим представителем гуманитарной философии техники, безусловно, является Мартин Хайдеггер, чья работа «Вопрос о технике» [4] стала одной из наиболее цитируемых работ с анализом онтологии техники. Прежде всего, Хайдеггер отказывается как от инструментального («техника как орудие, инструмент познания и преобразующей деятельности»), так и от антропологического («техника как деятельность») взглядов на технику. Не отрицая полностью возможность такого инструментально-антропологического подхода, Хайдеггер говорит, что сущность техники им не исчерпывается. «Сущность техники вовсе не есть что-то техническое³. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее» [4. С. 221].

Обращаясь в очередной раз к сквозной для многих его работ теме «раскрытия», Хайдеггер говорит, что «техника – вид раскрытия потаенности... осуществления истины.» [4. С. 225]. Вслед за Аристотелем Хайдеггер различает *epistēmē* и *téchhnē* в свете того, как происходит раскрытие потаенности: «*téchhnē* раскрывает то, что не само себя производит, еще не существует в наличии, а потому может выйти и выглядеть и так и иначе». Иными словами, *téchhnē* выводит из потаенности еще несуществующие вещи.

Говоря о связанных с *téchhnē* путях выведения из потаенности, Хайдеггер противопоставляет традиционную технику и современную технику. Современная техника, согласно Хайдеггеру, характеризуется особым образом раскрытия, который он определяет как «постав» («*Gestell*»). Выведенная из потаенности благодаря поставу сущность вещей, включая природу и людей, заключается в их бытии как ресурсов, как «состояния-в-наличии», как подлежащих использованию, расчету, манипулированию и оптимизации для достижения максимальной эффективности. «Постав есть способ бытия всего технического, в том числе (и даже прежде всего) человека, поскольку он превращается в ресурс («человеческий материал»), необходимый для функционирования технических систем» [11. С. 118]. При таком положении дел уже не человек оперирует

техникой в ходе производства, но техника осуществляет себя через человека. «Не техника есть орудие и средство в руках человека, но сам человек есть по-средник: через его преобразующую деятельность все сущее приводится к состоянию-в-наличии» [11. С. 118].

Другим ярким представителем технологического детерминизма, а также теории автономности технологии является Жак Эллюль, чья работа «Технологическое общество» [2] предложила описание механизмов, позволяющих технике/технологии оставаться вне контроля общества и, в свою очередь, превращающих ее в фактор тотального порабощения человека: в производстве, культуре, политике, быту. Эллюль определяет технику как «всеохватную совокупность методов, рационально разработанных и обладающих абсолютной эффективностью (для данного уровня развития) во всех областях человеческой деятельности» [2. Р. XXV]. Целью существования техники оказывается ее собственная эффективность, а люди представляют лишь средство достижения этой максимальной эффективности техники. В данном случае под техникой Эллюль понимает – в свете концепции технической автономии – не отдельные технологии, машины или процедуры, а весь комплекс доступных человечеству технологий, который в своей совокупности ведет себя независимо от человеческих устремлений и желаний. Рассматривая в деталях, как этот комплекс может существовать, эволюционировать и воздействовать на общество, Эллюль не опускается на уровень отдельных технологий и вопросов их существования. Таким образом, Эллюль, как и Мартин Хайдеггер, не строит онтологию отдельных технологий: он фокусируется на «макроуровне», на котором в целом действуют общество и технологический комплекс.

Взгляд Эллюля на технику перекликается со взглядом еще одного яркого представителя гуманитарной философии техники – Карла Ясперса. Как и Эллюль, Ясперс говорит о технике как о некоем объекте, действующем на уровне общества в целом, существующем благодаря людям, но людям неподвластном. Обратно характеризуя этот объект, Ясперс говорит о «демоническом характере техники»: «Слово это [«демон»] указывает на нечто, созданное людьми, но созданное ими непреднамеренно; на нечто подавляющее, оказывающее последующее воздействие на все их существование; противостоящее им, не постигнутое ими, как бы происходящее на заднем плане, нераскрытое» [3. С. 137]. Как и Эллюль, Ясперс остается на «макроуровне», не погружаясь в онтологию отдельных техник/технологий.

Перечисленные работы, являющиеся классикой технологического детерминизма, относятся к середине прошлого века. Современный взгляд, который также можно отнести к технологическому детерминизму, представлен в работе Юк Хуэй «Вопрос о технике в Китае» [12]. Юк Хуэй рассматривает взаимосвязь техники с глубинными культурными основами различных обществ, в частности – европейского и китайского. Одна из ключевых идей: невозможно отделить технику/технологию от такой культурной основы, представить культурную основу в виде фона, на котором

техника располагается как отделенная от него фигура (метафора, позаимствованная из гештальтпсихологии). При попытке импортировать отдельные технологии из одной культуры в другую, культура-реципиент получает «в нагрузку» технику как целостное явление, приходящее культуре-донору. И это приводит к не предполагаемому изменению культуры-реципиента, что демонстрируется на примере попытки быстрой модернизации Китая посредством технологического развития [12. С. 45]. Рассматривая онтологический «макроуровень», Юк Хуэй вводит понятие космотехники как неотъемлемой части характерных для национальной культуры представлений о мире («космическом порядке») и о моральных принципах («моральном порядке»). Космический и моральный порядки сливаются воедино в технической деятельности и опосредуются техническими сущими – порождая «космотехнику», характерную для определенной культуры [12. С. 35, 71]. При этом космотехника не единична и не универсальна, существовали и существуют множественные космотехники, которые конкурируют и вытесняют друг друга – как это проиллюстрировано на примере модернизации Китая.

Перечисленные работы остаются на онтологическом «макроуровне», фокусируясь на двух сущностях: общество в целом и техника в целом. Но в контексте технологического детерминизма можно встретить и работы, переходящие с «макроуровня» на более «гранулярный» уровень и исследующие определяющее влияние на общество отдельных технологических направлений – см., например, работы Фридриха Китлера [13] и Лэнгдона Винера [14].

Гуманитарная философия техники, социальное конструирование техники/технологии

Другим направлением, относящимся к гуманитарной философии техники, но декларирующим – в противоположность технологическому детерминизму – формирование техники/технологии обществом, является Социальное конструирование технологии (Social Construction of Technology, SCOT), являющееся поднаправлением Исследований науки и технологий (Science and Technology Studies, STS) [15].

В своих работах представители SCOT отходят от «макровзгляда» на технику как на совокупность всего технического и исследуют отдельные технологии, фокусируясь на социальных процессах, которые привели их к появлению в том виде, в каком мы их знаем. Представление о технологических системах, исследуемых в рамках SCOT, охарактеризовал Томас П. Хьюз: «Технологические системы содержат неупорядоченные, сложные компоненты, предназначенные для решения проблем. Они одновременно социально сконструированы и формируют общество» [16. Р. 45]. Эти неупорядоченные сложные компоненты могут включать физические и нефизические артефакты, научные артефакты (книги, статьи, исследовательские программы), законодательные артефакты (например, законы или подзаконные акты), организации, природные ресурсы (например, уголь в шахте) и многое другое. Все эти

элементы взаимодействуют между собой, обеспечивая движение к цели, стоящей перед технологической системой. Такое представление во многом близко к обсуждаемой ниже инженерной философии техники – отличаясь от нее акцентом на социальном конструировании технологических систем, на затруднениях с выделением в них упорядоченных и поддающихся систематизации структур («неупорядоченные сложные компоненты») и на взаимовлиянии технических систем и общества.

Вместе с тем, даже опускаясь на достаточно детальный уровень анализа технологий и процессов, представители SCOT не стремятся сформировать онтологию техники/технологии, провозглашая «онтологический агностицизм». Такой подход к онтологии представляется как составляющая принципа «методологического релятивизма», проявляющегося, в частности, в эпистемологическом релятивизме, означающем, что «не предполагается существование некоторого эпистемологического критерия, открывающего королевский путь к научной истине во времена разногласий в науке» [15. С. XXV]. Неготовность зафиксировать какую-то определенную онтологию для техники/технологии можно объяснить описанным выше взглядом социальных конструктивистов на технические системы как на динамические, лишенные регулярности, наполненные социальным содержанием, имеющие размытые границы, произвольно конструируемые в ходе взаимодействия различных социальных групп. При всем при том онтологический агностицизм не является обязательным для рассмотрения техники/технологии в контексте взаимодействия технического и социального. Мы увидим ниже соответствующие контрпримеры.

Инженерная философия техники

Как мы уже говорили выше, в противоположность гуманитарной, инженерная философия техники фокусируется на внутреннем существовании техники, на понимании и смысле собственно технического. Инженерная философия техники традиционно спускается с «макроуровня» и погружается в вопросы существования отдельных техник/технологий на достаточно детальном уровне. И в том числе строит онтологию этих отдельных техник/технологий.

Самая базовая онтология такого рода включает три элемента: во-первых, исходное сырье (материалы, полуфабрикаты), которое подвергается переработке; во-вторых, некую деятельность, подвергающую сырье переработке; и, в-третьих, результаты переработки, готовые продукты (см. например, В.Г. Горохов [17. С. 123], Я.Е. Стуль и К.Н. Суханов [18. С. 10]). Такая онтология, как отмечают некоторые авторы, отражает характерное для античности представление о том, что ничто не возникает из ничего. И при этом рассматривает деятельность, трансформирующую сырье в продукт, как «черный ящик», не раскрывая ее структуру.

Несколько более углубленные взгляды на технику/технологии раскрывают детали этого «черного ящика».

Прежде всего, в этом «черном ящике» обнаруживаются инструменты и машины: инструменты – то, чем люди пользуются непосредственно, машины же опосредуют воздействие на материал и меньше зависят от навыков человека. Кроме инструментов и машин разные авторы включают в состав техники/технологии животных и растения (а также микроорганизмы), людей (с их навыками, способностями и установками), целые организации, знания и ноу-хау, информацию и пр. [19, 20]. При этом далеко не всегда техника / технология вообще связана с инструментами или машинами. Так, Люис Мамфорд описывает совместный труд большого числа людей на масштабных земляных работах в древнем Египте, в Шумерских городах-государствах или в Древнем Китае как «Мегамашину», хотя при этих работах и не использовалось никаких машин и механизмов [21]. А Жак Элль описывает пропаганду и сексуальные техники как технологии, которые не используются инструментами и машинами [2].

Взгляд на технику/технологии как на коллекцию разного рода объектов (инструментов, машин, людей, животных и др.), получает развитие в представлении о технике/технологии как о системе, в которой все эти объекты действуют совместно, обеспечивая результат, не сводящийся к сумме частей [16, 22]. Весьма детализированное описание можно найти у А.И. Ракитова [23] в определении технологии как деятельностной системы, включающей в себя широкий спектр материальных и нематериальных объектов самой разной природы. Такого рода система, в свою очередь, может состоять из иерархии подсистем, которые объединяют отдельные компоненты, узлы и их комплекующие, число их может доходить до нескольких миллионов – например, в пассажирском самолете [16. Р. 48–49].

Важно также отметить роль знания в составе технологии. Большинство авторов в явном виде указывают знание как составляющую технологии. При этом знание также может иметь определенную структуру. Например, на верхнем уровне может быть выделено: а) дескриптивное знание (описания фактов, технических устройств, характеристик сырья и пр.), б) нормативное знание (описания способов и методов выполнения деятельности), в) неявное знание (невербализуемые или плохо поддающиеся вербализации индивидуальные опыт, навыки, схемы восприятия, модели деятельности, личностные установки специалистов и пр.) [24, 25].

Техническое и социальное: социальная онтология

Многие версии онтологии техники/технологии, разрабатываемые в рамках инженерной философии техники, включают те или иные социальные элементы: знания, организации, деятельность и др. Однако вопросы взаимовлияния техники/технологии и общества традиционно остаются за рамками рассмотрения инженерной философии техники.

Вместе с тем существуют и подходы, сочетающие рассмотрение содержательных вопросов существования техники/технологии с рассмотрением вопросов ее взаимовлияния с обществом.

Так, Клайв Лаусон [26] использует подходы социальной онтологии и Трансформационную модель социальной активности (Transformation Model of Social Activity, TMSA) для построения онтологии технологии, которая позволила бы, с одной стороны, примирить социальное конструирование с технологическим детерминизмом, а с другой – преодолеть характерную для социального конструктивизма редукцию технологии к чисто социальному явлению, при котором материальная составляющая остается полностью за кадром.

В основу онтологии техники/технологии Лаусон кладет «технические объекты», которые являются материальными объектами, но наделены социальными функциями и погружены в социально-технические сети отношений, практик, других материальных объектов и пр. От других объектов с социальными функциями – таких как произведения искусства, игрушки, еда – технические объекты отличаются специфической функцией: функцией расширения возможностей человека. Будучи материальными, технические объекты имеют соответствующий модус материального существования, который не зависит от существования людей, их социальных отношений, практик и т.д. Но в то же время у технических объектов есть и социальная составляющая, которая определяет их модус существования как социальных объектов: через непрерывные трансформацию и воспроизводство этой социальной составляющей в ходе использования людьми. Технические объекты являются таковыми только в той мере, в какой они используются: их форма не зависит от использования, но их бытие как технических объектов зависит.

Технические объекты становятся собой в результате технической деятельности, т.е. деятельности, нацеленной на реализацию их функции расширения возможностей человека. Техническая деятельность ведется субъектами техники – людьми и социальными группами, участвующими в технической деятельности.

Для технических объектов можно выделить фазу их проектирования/производства и фазу их использования. Понимание активностей, в ходе которых технические объекты проектируются, производятся и используются, критично для понимания технологий, так как технические объекты существуют только в той мере, в которой они трансформируются и воспроизводятся в ходе социальных активностей.

На этапе проектирования технический объект формируется под влиянием ценностей, намерений, желаний различных технических субъектов и отношений между этими субъектами. Форма, которую в итоге принимает техника/технология определяется тем, как были разрешены противоречия этих субъектов. Лаусон подчеркивает, что технические объекты не создаются из ничего. Они возникают в результате трансформации других объектов, причем, трансформации инкрементальной, влекущей относительно небольшие изменения исходных объектов. Технология по Лаусону – это технические объекты, являющиеся условием и/или результатом технической деятельности.

Таким образом, онтология техники/технологии по Лаусону включает: технические объекты (которые являются материальными и несут в себе социальную составляющую); социотехнические сети (состоящие из

отношений, практик, других объектов), в которые включены технические объекты; техническую деятельность (включая проектирование, производство и использование), в результате которой технические объекты становятся таковыми и поддерживают свой статус; субъекты техники, которые ведут техническую деятельность, привнося в нее свои ценности, намерения и желания, являясь носителями определенных отношений, практик и пр.

Техническое и социальное: технология как сеть

Подход, предложенный Клайвом Лаусоном и рассмотренный выше, объединяет материальную и социальную составляющие техники/технологии, однако разделяет и противопоставляет их друг другу. Альтернативный подход к построению онтологии техники/технологии, который преодолевает это разделение, провозглашая единство природного и социального, объектного и субъектного, научного и технического, человеческого и не-человеческого, был предложен Бруно Латуром [27–29]. Ключевые тезисы этого подхода, важные с точки зрения онтологии техники/технологии:

– Любая система, с которой работают люди – считают ли они ее природной или технической, – на самом деле является сетью взаимодействий множества акторов⁴, которые могут относиться к природе или к обществу, к живым существам или к неживым объектам, к людям или к «не-человекам». Акторы могут быть гибридами – обладая одновременно природными и социальными чертами. Такие сущности Латур называет «квазиобъектами».

– Акторов удобно помещать на координатную плоскость с двумя осями, одна из которых протянута от «полюса природы» к «полюсу субъекта/общества», а другая – от «полюса сущности» к полюсу «существования» (эту вторую ось можно также представить как ось «дискурс – опыт» или как ось «необходимость – явление»). Положение актора на этой плоскости определяет, насколько он является природным, а насколько – социальным объектом, насколько в нем велика доля дискурса, а насколько – доля непосредственно переживаемых событий.

– Акторы объединены в сеть отношений между собой. В этих сетях нет иерархии, нет выделенного центра, нет действующих субъектов и пассивных объектов. Более того, сеть может быть включена в другую сеть в качестве актора.

– Акторы-люди не обладают какой-то исключительностью в возможности влиять на происходящее в сети, поскольку акторы «не-человеки» в такой же степени оказывают свое влияние. Не только акторы-люди формируют акторов-«не-человеков», но и акторы-«не-человеки» формируют людей (пример с Пастером, который, с одной стороны, «создал» микробов, описав их и сделав явными для общества; но, в то же время, микробы «создали» Пастера, фактически сделав его великим ученым). Таким образом, в сети нет выделенной фигуры субъекта-исследователя или субъекта-изобретателя, определяющего происходящее в сети.

– Социальное не является контекстом для исследования или создания технологии. Социальное является неотъемлемой частью квазиобъектов и составленных из них сетей – так же как природное, экономическое и политическое являются их неотъемлемыми частями. Таким образом, Латур отвергает «миф о социальном контексте», который он видит, к примеру, в «Сильной программе» Дэвида Блума [31].

– Познавательная и конструктивная деятельность не просто поддерживают друг друга, они являются неотъемлемой частью и продолжением друг друга – составляя, таким образом, единую Технонауку. Наука и техника на современном этапе являются единым феноменом: с одной стороны, наука сегодня крайне зависима от технических средств для проведения экспериментов; с другой стороны, современная техника создается с использованием последних достижений науки. Техника выдвигает задачи для научных исследований, а результаты научных исследований находят подтверждение в практически применимых технических решениях.

В такой логике онтология техники/технологии представляется сетью взаимосвязанных квазиобъектов, которые сочетают в себе различные черты. Материальные объекты (инструменты, машины, сырье, полезные ископаемые, микробы, растения и др.) будут располагаться ближе к полюсу природы. Социальные объекты (ценности, установки, представления, регулятивы, практики, ожидания) будут располагаться ближе к полюсу субъекта/общества. Знания разного рода (декриптивные, нормативные, неявные) будут тяготеть к полюсу сущности. Конкретные объекты и действия с ними будут тяготеть к полюсу существования. Реалисты будут тяготеть к полюсу природы, а конструктивисты – к полюсу субъекта/общества. Но Латур предлагает рассматривать всю плоскость и все расположенные на ней и объединенные в сеть квазиобъекты, не отдавая приоритет ни одному из полюсов.

Такой подход, очевидно, контрастирует с подходом социального конструктивизма. Не только в том, что отказывается от онтологического агностицизма, принятого SCOT. Сравнение с подходами SCOT и с онтологией, предложенной Клайвом Лаусоном, выявляет следующие существенные различия:

– Конструктивистские подходы в целом отодвигают материальную составляющую технологий на задний план, как не заслуживающую особого внимания. Клайв Лаусон ставит своей целью вернуть материальную составляющую в рассмотрение, но сохраняет дуализм материального-социального. В противоположность этому подход, предлагаемый Бруно Латуром, рассматривает материальное и социальное в их неразрывном единстве.

– В подходах социальных конструктивистов и в онтологии Клайва Лаусона «правом» действовать наделяются люди, субъекты, а материальные объекты играют пассивную роль: их проектируют, трансформируют, воспроизводят, используют. В подходе Бруно Латура технология и ее составляющие обладают силой действовать или сопротивляться, независимой от участву-

ющих в сети людей. Исследователь и изобретатель лишаются лавров единоличных творцов знания или технологии – они вынуждены делить их не только с другими акторами-людьми, но и с акторами-«не-человеками».

– Подходы Бруно Латура и Клайва Лаусона при определенных расхождениях имеют и общие черты: например, в совмещении социального и материального в составной сущности технических объектов и в помещении технических объектов в социотехнические сети, где они взаимодействуют с другими материальными и социальными сущностями.

Техническое и социальное: технология как жидкость

Онтологическая метафора «технологии-как-сети» получила развитие в метафоре «технологии-как-жидкости», представленной в работе Марианны де Лаэт и Аннмари Мол «Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии» [32].

Статья де Лаэт и Мол отталкивается от уже знакомого нам понятия актора, объединяющего людей и «не-человеков». При этом уточняется, что актор – это все, что проявляет активность, что движется и взаимодействует, хотя это движение и взаимодействие никак не связано с интенцией, намерениями, управлением.

Но вместо метафоры сети, объединяющей взаимодействующих акторов, де Лаэт и Мол предлагают метафору жидкости, текучей технологии, понимая под этой текучестью следующие свойства технологии:

– быстрая изменчивость технологии в зависимости от условий ее использования, отсутствие неизменной и зафиксированной сущности технического объекта;

– отсутствие фиксированных границ технологии – эти границы могут меняться, в эти границы могут включаться разные технические и природные объекты, разные сообщества, регулятивы, установки, практики и т.д. – вплоть до целой страны;

– различие в определении границ технологии различными акторами (например, деревенская община и правительство имеют разные представления о границах технологии втулочного насоса);

Таким образом, технология – это набор акторов самой разной природы, не образующих фиксированной сети, гибко и динамично группируемых в зависимости от потребностей, условий и точки зрения того или иного актора.

Общее у этого подхода с сетевым подходом:

– Технология как набор взаимодействующих акторов различной природы; хотя это в явном виде не указывается, акторы фактически являются введенными Бруно Латуром «квазиобъектами» и располагаются в описанных им координатах «природа – общество» и «сущность – существование» [27].

– Взаимное влияние акторов друг на друга, в том числе формирование акторов-людей под воздействием акторов-«не-человеков» (например, включение использующей насос общины в контур технологии приводит к тому, что технология воздействует на общину, «технология формирует общину»);

– Отсутствие выделенных акторов; например, отсутствие какого-либо особого статуса у создателей технологии.

Технология в цикле развития

Техника/технология не является статичным объектом – она всегда развивается, что особо ярко выражено в метафоре «технологии-как-жидкости». При этом онтологии «технологии-как-сети» и «технологии-как-жидкости» не выделяют каких-то отдельных фаз такого развития, подразумевая непрерывную эволюцию сети или текучей совокупности акторов. Но присутствуют и подходы, явно выделяющие фазы развития технологии. Мы уже видели такое выделение фаз – «проектирование», «производство», «использование» – у Клайва Лаусона. Теперь рассмотрим взгляд на развитие технологии, предложенный Фридрихом Дессауэром в его работе «Спор о технике» [33].

Дессауэр определяет технику следующим образом: «Техника есть реальное бытие из идей посредством финалистского формирования и обработки из данного природой инвентаря... Наиболее ясно и отчетливо технику видно там, где происходит переход из мысленного пространства, из мира представлений в чувственно познаваемую реальность». Это определение уже предполагает определенную эволюцию, переход, который начинается с идеи, существующей в мире представлений, и завершается некими предметом, существующим в чувственно познаваемой реальности.

Цикл развития техники/технологии Дессауэр определяет на основе платоновских диалогов, в которых Сократ описывает его этапы. В интерпретации Дессауэра этот цикл выглядит следующим образом:

1. Основой, предшествующим реализации цикла условием является Техне – практическое знание, необходимое для осуществления конкретной деятельности и неразрывно связанное с ней. Любому техническому процессу предшествует знание о предмете.

2. Отправной точкой технического процесса является цель человека – все технические предметы исходят из целей человека. В этом финалистская (в смысле четырех причин Аристотеля) природа техники: она служит для достижения цели и создается под воздействием цели.

3. Под воздействием цели формируется эйдос – образ, предвосхищающий то, что должно быть сделано, как это должно быть сделано, и какую ценность, какое благо это принесет.

4. В результате работы мастера по воплощению образа в соответствии со знанием создается эргон, производство.

5. Эргон выполняет задачу, которую мастер имел перед глазами в качестве цели. Если производство является хорошим для этой задачи, оно обладает ценностью, и за счет этого производство попадает в мир ценностей, блага, согласно сократическому учению. Финальной точкой цикла является благо.

Таким образом, онтология техники/технологии по Дессауэру/Платону/Сократу представляет собой цикл, в ходе которого задействованы несколько сущностей,

присутствующих в различных мирах: знание-техне, цель, эйдос-образ, эргон-произведение и благо.

Несмотря на кажущуюся гигантскую дистанцию между такой «античной» онтологией и спецификой современных технологий, описанный Дессауэром подход вполне может быть транслирован в современные представления о технике. В ходе такой трансляции Техне станет корпусом технических знаний из соответствующей сферы (дескриптивных, нормативных, неявных – как мы обсуждали выше); Цель получит воплощение в Техническом задании и других, менее явных требованиях к технологии; Эйдос превратится в конструкторскую и технологическую документацию и модели; Эргон – в готовое техническое решение; а Благо – в эффект от применения технологии для потребителей или для общества.

Систематизация онтологий техники/технологии

Мы рассмотрели несколько подходов к построению онтологии техники/технологии, представленных разными авторами. Разумеется, рассмотренные подходы не исчерпывают ни все представленные в литературе варианты, ни все в принципе возможные подходы. Но проведенный анализ уже позволяет предложить систематизацию возможных подходов, выделив несколько осей, вдоль которых располагаются возможные онтологии.

Ось масштаба рассмотрения: от макровзгляда на техническое в целом и его взаимодействие с обществом в целом – через уровень рассмотрения типичной технологии и ее элементов – и до «микроразнообразия» рассмотрения конкретных технологий и их элементов.

Ось взаимодействия и подчиненности: от иерархической системы с выделенными элементами и подсистемами – через одноранговую сеть, в которой нет выделенных элементов, наделенных какими-то особыми свойствами – и до метафоры жидкости, в которой в принципе невозможно построить какую-то структуру и выделить что-либо.

Ось субъект – объект: от разделения на субъект (создатель и/или пользователь технологии) и объект (создаваемая и используемая техника/технология) – через саморазвитие техники/технологии без явного выделения субъекта, обуславливающего ее развитие и использование – и до полного вынесения вопроса о субъекте за скобки.

Ось материальное – социальное: от рассмотрения только материальных объектов или только социальных сущностей – через совместное рассмотрение материального и социального – и до полного единства социального и материального в гибридных «квазиобъектах».

Ось взаимного влияния техники и общества: от технологического детерминизма, согласно которому техника/технология обуславливает общество – через социальное конструирование техники/технологии, в котором общество обуславливает технику – через рассмотрение взаимного влияния общества и техники/технологии друг на друга – и до провозглашения неразрывного единства технического и социального.

Ось статика – развитие: от статического взгляда на технику/технологию как на данный и зафиксированный набор элементов – через рассмотрение более или менее сложного цикла развития техники/технологии – и до непрерывного развития, в котором невозможно выделить какие-то отдельные этапы.

Выделение этих осей позволяет, с одной стороны, содержательно сравнивать онтологии техники/технологии между собой и сопоставлять с различными точками зрения на технику/технологию, а с другой стороны, целенаправленно конструировать онтологии под ту или иную точку зрения на технику/технологию на основе существующих образцов.

Опыт конструирования онтологии технологии

Многообразие онтологий техники/технологии можно объяснить многообразием «углов зрения», под которыми рассматривается феномен техники/технологии. Так, луч фонарика, который светит под разными углами на фреску на стене темного зала, выхватывает разные ее фрагменты, разные детали, разных персонажей, – которые до поры до времени могут не складываться в единый образ и выглядеть разрозненными, несвязанными между собой сюжетами.

Многообразие онтологий поднимает вопрос об адекватности той или иной онтологии тому или иному предмету исследования. Разные онтологии подходят для рассмотрения разных вопросов, разные вопросы требуют разных онтологий. Мы можем проиллюстрировать это на примере подбора или даже конструирования онтологии для некоторого заданного предмета анализа.

Рассмотрим, к примеру, вопрос трансляции технологий – передачи технологии от одного сообщества другому. Трансляция технологий как явление крайне актуальна сегодня. И она, безусловно, имела место на протяжении всей истории существования человечества, даже если и не была оторефлексирована вплоть до относительно недавнего времени.

Трансляция технологий может приобретать различные формы. Одна крайняя форма может быть названа диффузией⁵. При диффузии происходит постепенное, нецеленаправленное проникновение технологий от одного сообщества к соседнему в результате цепи небольших, инкрементальных изменений. Примером может служить, например, распространение стремени по территории Евразии, которое радикально поменяло характер верховой езды, что в свою очередь поменяло характер ведения боевых действий [35, 36]. Можно предположить, что на большей части истории человечества основные формы трансляции технологий были близки к диффузии.

Другая крайняя форма трансляции – целенаправленное заимствование технологии одним сообществом у другого. При таком заимствовании определенная группа в пределах сообщества-реципиента ставит перед собой цель перенять некоторую технологию у сообщества-донора и ведет деятельность, направленную на достижение этой цели.

Для анализа диффузии можно предложить онтологию «технологии-как-жидкости»: она подразумевает

инкрементальный процесс без выделенных акторов и без целенаправленных действий, при котором границы технологии подвижны и проницаемы, а между ее элементами постоянно возникают новые взаимосвязи. В начальный момент технология локализована в границах сообщества-донора как набор взаимосвязанных акторов (людей, сообществ, «не-человеков»). Но это не статическая ситуация, а мгновенный срез постоянно идущего процесса изменений. В ходе этого процесса акторы и взаимосвязи между ними непрерывно изменяются, проходя путь локальных микроизменений. В конечный момент времени мы делаем очередной срез и фиксируем, что технология теперь локализована в границах сообщества-реципиента. Правда, к этому моменту и технология, и само сообщество-реципиент, скорее всего, изменились относительно своего первоначального состояния.

Анализ целенаправленной трансляции технологии потребует другой онтологии, отличной от онтологии «технологии-как-жидкости». Ключевые моменты, которые должны при этом найти отражение:

- Социальная составляющая. Нас интересует трансляция технологии между двумя сообществами, поэтому ключевыми являются социальные аспекты существования технологии.

- Взгляд на отдельную технологию и ее эволюцию, а не на техническую сферу в целом. Такой взгляд может показаться ограниченным (в упомянутом выше примере Юк Хуэй показывает, как попытка заимствования отдельных технологий в конце концов приводит к нежелательным последствиям на уровне общества в целом), но для рассмотрения вопроса о трансляции конкретной технологии представляется вполне адекватным.

- Наличие субъекта, наличие выделенного актора. Поскольку мы говорим о целенаправленной трансляции технологии, тот актор или акторы, кто ставит соответствующую задачу и ведет деятельность по решению этой задачи, попадают в выделенную позицию – в отличие от бессубъектной диффузии. Бруно Латур и Аннмари Мол (см. выше) возражают против помещения некоторого актора в выделенную позицию, но наш интерес к анализу именно целенаправленной трансляции требует отдельной фокусировки на определенном акторе, которого далее будем именовать «субъектом трансляции».

- Активная деятельность по трансляции технологии, ведущаяся субъектом. Технология передается от донора к реципиенту не сама по себе, а в результате целенаправленной деятельности субъекта трансляции. Во всяком случае, так сам субъект трансляции видит свою роль.

- Финалистский взгляд на изменения в сообществе. В отличие от диффузии, которая происходит бессубъектно через череду микроизменений, субъект трансляции мыслит целостным циклом перехода из начальной ситуации в конечную, подчиненным определенной цели (начальное состояние: технология локализована в сообществе-доноре; конечное состояние: технология локализована и в сообществе-доноре, и в сообществе-реципиенте). Этот цикл состоит из

набора шагов, которые этим субъектом планируются и реализуются (с той или иной степенью успешности).

Попробуем теперь сконструировать онтологию, которая отразит перечисленные ключевые моменты. За основу можно взять описанную Бруно Латуром сеть квазиобъектов, расположенных в осях «природное – социальное» и «сущность – существование» (см. выше). Составляющие технологии, а также сообщества донора и реципиента можно представить как квазиобъекты – акторы в этой сети. В том числе в сеть будет включен и субъект трансляции.

Для моделирования изменений в сообществе может быть взята модель TMSA, используемая Клайвом Лаузоном (см. выше), или близкий к ней морфогенетический подход Маргарет Арчер [37].

Цикл трансляции технологии может быть смоделирован на основе цикла, предложенного Фридрихом Дессауэром (см. выше), ведь на целенаправленную трансляцию можно смотреть как на создание технологии в сообществе-реципиенте.

Альтернативой такому циклу может стать более общая онтология деятельности (например, [38; 39. С. 87–117]), которая увяжет субъекта трансляции, цель трансляции, результаты трансляции, используемые средства и др.

Таким образом, для анализа «диффузионной» трансляции технологии может быть предложена онтология «технологии-как-жидкости», а для анализа целенаправленной трансляции предлагается сконструировать онтологию на основе подхода Бруно Латура, модели социальных изменений TMSA или

морфогенетического анализа, жизненного цикла техники Фридриха Дессауэра и онтологии деятельности.

Выводы

Мы рассмотрели достаточно широкий спектр онтологий техники/технологии, представленных в литературе. Рассмотренный набор онтологий не является исчерпывающим, но видится достаточно представительным для того, чтобы можно было провести систематизацию возможных подходов к построению таких онтологий. Мы выделили несколько «осей», по которым онтологии техники/технологии варьируются: ось масштаба рассмотрения, ось взаимодействия и подчиненности, ось субъект – объект, ось материальное – социальное, ось взаимовлияния техники и общества, ось статики – развития.

В контексте такой схемы систематизации различные онтологии техники/технологии, представленные в литературе, больше не выглядят изолированными: они оказываются связанными, дополненными понятным, поддающимся анализу образом.

Такая систематизация интересна не только как способ упорядочить разные взгляды на вопросы техники/технологии, но и как основа конструирования онтологий, отвечающих заданным предметам исследования. В качестве примера мы рассмотрели конструирование онтологий, подходящих для анализа двух различных форм трансляции технологий от одного сообщества к другому: бессубъектной диффузии и целенаправленного заимствования. Для двух случаев трансляции были предложены две разные онтологии.

Примечания

¹ В литературе нет единого взгляда на использование терминов «техника» и «технология», разные авторы используют их в разных значениях, какого-либо однозначно доминирующего употребления этих терминов нет, и в целом они оказываются взаимозаменяемыми. См. соответствующий анализ: [1]. Вслед за этой работой мы не будем противопоставлять эти два термина и будем писать «техника/технология».

² См., например: [2. Р. 3; 3. С. 113–116, 130–131; 4. С. 226–228; 5. С. 77–78; 6. Р. 1–3].

³ Под «техническим» Хайдеггер понимает совокупность технических средств и технических видов деятельности.

⁴ «Актор – это то, что побуждается к действию множеством других» [29. С. 68]. «Актор – это нечто, что действует или чему другие предоставляют возможность действовать... акторы просто рассматриваются как сущности, которые действуют» [30. С. 31].

⁵ Мы используем здесь термин «диффузия технологии» в значении, несколько отличном от термина «диффузия инноваций», используемого Эвереттом Роджерсом [34].

Список источников

1. Корольков М.Д. К вопросу об онтологической неопределенности дефиниций техники и технологии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2023. Т. 47, № 4. С. 78–94.
2. Ellul J. The Technological Society. Vintage Books, 1964.
3. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 28–287.
4. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
5. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2021.
6. Hickman L.A. Philosophical tools for technological culture. Putting pragmatism to work. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 2001.
7. Mitcham C. Thinking Through Technology: The Path Between Engineering and Philosophy. University of Chicago Press, 1994.
8. Winner L. Autonomous Technology: Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought. Cambridge ; London : MIT Press, 1978.
9. Adler P.S. Technological Determinism // International encyclopedia of organization studies. Sage Publications, 2008.
10. Smith M.R., Marx L. Does Technology Drive History? The Dilemma of Technological Determinism. Cambridge ; London : The MIT Press, 1994.
11. Дёмин И.В. Человек техники: М. Хайдеггер и Ф.Г. Юнгер об экзистенциальном смысле техники // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 116–125.
12. Хуэй Юк. Вопрос о технике в Китае. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
13. Kittler F.A. Gramophone, Film, Typewriter. Stanford : Stanford University Press, 1999.
14. Winner L. The Whale and the Reactor: A Search for Limits in an Age of High Technology. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1986.
15. Bijker W.E., Hughes T.P., Pinch T. The Social construction of technological systems. New Directions in the Sociology and History of Technology. Anniversary edition. Cambridge ; London : The MIT Press, 2012.

16. Hughes T.P. The Evolution of Large Technological Systems // Bijker W.E., Hughes T.P., Pinch T. The Social construction of technological systems. New Directions in the Sociology and History of Technology. Anniversary edition. Cambridge ; London : The MIT Press, 2012. P. 45–76.
17. Горохов В.Г. Понятие «Технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVIII, № 2. С. 110–123.
18. Стуль Я.Е., Суханов К.Н. Понятия технического знания и их развитие // Философские вопросы технического знания : сб. ст. М. : Наука, 1984. С. 5–22.
19. Dusek V. Philosophy of Technology: An Introduction. Oxford : Blackwell Publishing, 2006.
20. Pacey A. The Culture of Technology. Cambridge; Massachusetts : The MIT Press, 2000.
21. Mumford L. The Myth of the Machine. Volume One, Technics and Human Development. New York : A Harvest Book, 1966.
22. McClellan J.E.I., Dorn H. Science and Technology in World History. An Introduction. Third Edition. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2015.
23. Ракитов А.И. Наука, технология, культура в контексте глобальных трансформаций и перспективы устойчивого развития России // Наука, технология, культура (глобальный процесс и проблемы России). М., 2000. С. 4–88.
24. Ястреб Н.А. Эпистемологический анализ техники: структура, условия, возможности и критерии истинности технического знания // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. Т. 1. С. 91–98.
25. Merrill R.S. The Study of Technology // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 15. Macmillan, 1968.
26. Lawson C. An Ontology of Technology: Artefacts, Relations and Functions // Techne: Research in Philosophy and Technology. 2008. Vol. 12, Is. 1. P. 48–64.
27. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2021.
28. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2015.
29. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
30. Jackson S. Toward an Analytical and Methodological Understanding of Actor-Network Theory // Journal of Arts and Humanities. 2015. Vol. 4, № 2. P. 29–44.
31. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. 2nd edition. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1991.
32. де Лаэт М., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 171–232.
33. Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара : Изд-во Самар. гум. академии, 2017.
34. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. 5th edition. New York ; London ; Toronto ; Sydney ; Singapore : Free Press, 2003.
35. White L.J. Medieval technology and social change. London ; Oxford ; New York : Oxford University Press, 1962.
36. Azzaroli A. An early history of horsemanship. Leiden : E.J. Brill, 1985.
37. Archer M.S. Realist social theory: the morphogenetic approach. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
38. Трубников Н.Н. О категориях «Цель», «Средство», «Результат». М. : Высшая школа, 1968.
39. Суходольский Г.В. Теория деятельности. Математико-психологический подход. Харьков : Гуманитарный центр, 2017.

References

1. Korol'kov, M.D. (2023) K voprosu ob ontologicheskoi neopredelennosti definitsii tekhniki i tekhnologii [On the ontological uncertainty of definitions of technology and technique]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 47 (4). pp. 78–94.
2. Ellul, J. (1964) *The Technological Society*. New York: Vintage Books.
3. Jaspers, K. (1991) Istoki istorii i ee tsel' [The origin and goal of history]. In: *Smysl i naznachenie istorii* [Sense and purpose of history]. Moscow: Politizdat. pp. 28–287.
4. Heidegger, M. (1993) Vopros o tekhnike [The question concerning technology]. In: *Vremia i bytie* [Time and being]. Moscow: Respublika. pp. 221–235.
5. Lem, S. (2021) *Summa tekhnologii* [Summa technologiae]. Moscow: AST.
6. Hickman, L.A. (2001) *Philosophical tools for technological culture: Putting pragmatism to work*. Bloomington: Indiana University Press.
7. Mitcham, C. (1994) *Thinking through technology: The path between engineering and philosophy*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Winner, L. (1978) *Autonomous technology: Technics-out-of-control as a theme in political thought*. Cambridge: MIT Press.
9. Adler, P.S. (2008) Technological determinism. In *International encyclopedia of organization studies*. Thousand Oaks: Sage Publications.
10. Smith, M.R. & Marx, L. (1994) *Does technology drive history? The dilemma of technological determinism*. Cambridge: MIT Press.
11. Demin, I.V. (2017) Chelovek tekhniki: M. Khaidegger i F.G. Iunger ob ekzistentsial'nom smysle tekhniki [The man of technology: M. Heidegger and F.G. Jünger on the existential meaning of technology]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 8 (1). pp. 116–125.
12. Khui luk. (2023) *Vopros o tekhnike v Kitae* [The question concerning technology in China]. Moscow: Ad Marginem Press.
13. Kittler, F.A. (1999) *Gramophone, film, typewriter*. Stanford: Stanford University Press.
14. Winner, L. (1986) *The whale and the reactor: A search for limits in an age of high technology*. Chicago: University of Chicago Press.
15. Bijker, W.E., Hughes, T.P. & Pinch, T. (2012) *The social construction of technological systems: New directions in the sociology and history of technology* (Anniversary edition). Cambridge: MIT Press.
16. Hughes, T.P. The evolution of large technological systems. In: Bijker, W.E., Hughes, T.P. & Pinch, T. (eds) *The social construction of technological systems*. Cambridge: MIT Press. pp. 45–76
17. Gorokhov, V.G. (2011) Poniatie "Tekhnologii" v filosofii tekhniki i osobennost' sotsial'no-gumanitarnykh tekhnologii [The concept of "technology" in the philosophy of technology and the specifics of socio-humanitarian technologies]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 28 (2). pp. 110–123.
18. Stul', Ia.E. & Sukhanov, K.N. (1984) Poniia tekhnicheskogo znaniia i ikh razvitie [Concepts of technical knowledge and their development]. In: *Filosofskie voprosy tekhnicheskogo znaniia* [Philosophical issues of technical knowledge]. Moscow: Nauka. pp. 5–22.
19. Dusek, V. (2006) *Philosophy of technology: An introduction*. Oxford: Blackwell Publishing.
20. Pacey, A. (2000) *The culture of technology*. Cambridge: MIT Press.
21. Mumford, L. (1966) *The myth of the machine: Technics and human development*. Vol. 1. New York: A Harvest Book.
22. McClellan, J.E.I. & Dorn, H. (2015) *Science and technology in world history: An introduction*. 3rd ed. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
23. Rakitov, A.I. (2000) Nauka, tekhnologiya, kul'tura v kontekste global'nykh transformatsii i perspektivy ustoychivogo razvitiia Rossii [Science, technology, and culture in the context of global transformations and prospects for sustainable development in Russia]. In: *Nauka, tekhnologiya, kul'tura (global'nyi protsess i problemy Rossii)* [Science, technology, culture (global process and problems of Russia)]. Moscow. pp. 4–88.
24. Iastrebn, N.A. (2014) Epistemologicheskii analiz tekhniki: struktura, usloviia, vozmozhnosti i kriterii istinnosti tekhnicheskogo znaniia [Epistemological analysis of technology: Structure, conditions, possibilities, and criteria of the truth of technical knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 1. pp. 91–98.
25. Merrill, R.S. (1968) The study of technology. In: *International encyclopedia of the social sciences*. Vol. 15. New York: Macmillan.
26. Lawson, C. (2008) An ontology of technology: Artefacts, relations and functions. *Techne: Research in Philosophy and Technology*. 12 (1). pp. 48–64.

27. Latour, B. (2021) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We have never been modern: Essays in symmetrical anthropology]. St. Petersburg: European University.
28. Latour, B. (2015) *Pasteur: Voina i mir mikrobov* [Pasteur: War and peace of microbes]. St. Petersburg: European University.
29. Latour, B. (2020) *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory]. Moscow: HSE.
30. Jackson, S. (2015) Toward an analytical and methodological understanding of actor-network theory. *Journal of Arts and Humanities*. 4 (2). pp. 29–44.
31. Bloor, D. (1991) *Knowledge and social imagery*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press.
32. de Laet, M. & Mol, A. (2017) *Zimbabviiskii vtulochnyi nasos: mekhanika techuei tekhnologii* [The Zimbabwe bush pump: Mechanics of a fluid technology]. *Logos*. 27 (2). pp. 171–232.
33. Dessauer, F. (2017) *Spor o tekhnike* [The dispute over technology]. Samara: Samara Humanitarian Academy.
34. Rogers, E.M. (2003) *Diffusion of innovations*. 5th ed. New York: Free Press.
35. White, L.J. (1962) *Medieval technology and social change*. London: Oxford University Press.
36. Azzaroli, A. (1985) *An early history of horsemanship*. Leiden: E.J. Brill.
37. Archer, M.S. (1995) *Realist social theory: The morphogenetic approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
38. Trubnikov, N.N. (1968) *O kategoriakh "Tsel'", "Sredstvo", "Rezultat"* [On the categories "Purpose," "Means," and "Result"]. Moscow: Vysshaia shkola.
39. Sukhodol'skii, G.V. (2017) *Teoriia deiatel'nosti. Matematiko-psikhologicheskii podkhod* [Activity theory: A mathematical-psychological approach]. Kharkiv: Gumanitarnyi tsentr.

Информация об авторе:

Корольков М.Д. – аспирант кафедры философии и методологии науки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: korolkov.md@philos.msu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.D. Korolkov, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), E-mail: korolkov.md@philos.msu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.01.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 31.01.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 929; 282
doi: 10.17223/15617793/508/14

Академик Жозеф Николя Делиль в кругу петербургских католиков и земляков

Александр Николаевич Андреев¹, Юлия Сергеевна Андреева²

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Южно-Уральский государственный медицинский университет, Челябинск, Россия

¹ alxand@yandex.ru

² iulyand@yandex.ru

Аннотация. Очерчен ближайший круг знакомств астронома Жозефа Николя Делиля во время его пребывания в России (1726–1747). Профессор Петербургской Академии наук представлен среди своих родственников (кровных и духовных), единоверцев-католиков и земляков. Авторы вводят в научный оборот сведения о семье Делиль из метрической книги петербургской католической церкви, выявляют особенности социального общения ученого. Сделан вывод о том, что Ж.Н. Делиль разделял буржуазные представления об обществе.

Ключевые слова: Жозеф Николя Делиль, католики Петербурга, иностранцы Петербурга, Петербургская Академия наук, биографические исследования, социальные связи

Для цитирования: Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Академик Жозеф Николя Делиль в кругу петербургских католиков и земляков // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 132–138. doi: 10.17223/15617793/508/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/14

Academician Joseph-Nicolas De L'Isle among Petersburg Catholics and fellow countrymen

Aleksandr N. Andreev¹, Yulia S. Andreeva²

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

² South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ alxand@yandex.ru

² iulyand@yandex.ru

Abstract. The article aims to identify the peculiarities of social communication of the famous astronomer and geographer Joseph-Nicolas De L'Isle (1688–1768) by analyzing his connections with representatives of the French Diaspora and generally with foreigners in Saint Petersburg. Based on the material of church registers and personal documents (mainly the academician's correspondence), the authors outline the closest circle of De L'Isle's acquaintances during his time in Russia (1726–1747). For the first time, the article shows the professor of the Saint Petersburg Academy of Sciences among his relatives (by not only blood relations, but also spiritual bonds), Catholics-coreligionists and fellow countrymen. Using biographical and historical-structural methods within the concept of social roles, the authors show a wide range of interaction between De L'Isle and St. Petersburg foreigners: this interaction extended from everyday and business communication to becoming a godparent. The article establishes that De L'Isle and his wife Marie-Madeleine participated in the baptism sacraments together with other St. Petersburg Catholics and were spiritual relatives of many people. Among the latter were the cook Louis Aubry; Maria Lucia Thomasina, a daughter of the architect Domenico Trezzini; the surgeon William Hoorn, and the architect Francesco Bartolomeo Rastrelli. The article demonstrates that De L'Isle, who had friends and fellows of various nationalities and faiths, preferred communication with the French (not only Catholics, but also Huguenots) and even acted as an informal leader of the French community in St. Petersburg. In Russia, De L'Isle was a parishioner of the Roman Catholic Church, but maintained close relations with Protestants. In religious and social terms, the Catholic environment was closer to Professor De L'Isle; however, he felt more like a part of the French national group among the St. Petersburg foreign population than a guardian of a particular religious community. He was very concerned about maintaining a sense of belonging to his own nation. The article also concludes that De L'Isle shared bourgeois social views. His social circle clearly shows that he recognized economically active people as his equals, regardless of their origin and status. It is suggested that, by showing the peculiarities of his social views in the practice of everyday communication, De L'Isle not only contributed to the development of science in "feudal" Russia, but also indirectly stimulated its social modernization. The authors introduce information about the De L'Isle family from the St. Petersburg Catholic Church registers into scientific discourse and solve the question of De L'Isle's religiosity in a new way. It becomes clear that historians have no reason to consider Joseph-Nicolas De L'Isle an atheist or even an outspoken supporter of anticlericalism.

Keywords: Joseph-Nicolas De L'Isle, Catholics of St. Petersburg, foreigners (inozemtsy) of St. Petersburg, Petersburg Academy of Sciences, biographical research, social connections

For citation: Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (2024) Academician Joseph-Nicolas De L'Isle among Petersburg Catholics and fellow countrymen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 132–138. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/14

Наряду с землячествами – социальными объединениями уроженцев одной страны или области – важную роль в жизни российских иноземцев играли церковные приходы. Они не только служили удовлетворению религиозных потребностей, но и выступали средством поддержания этничности, содействовали адаптации иноземцев к специфическим российским условиям. Академик Жозеф Николя Делиль, француз и уроженец Парижа, свыше двух десятилетий проживший в России, но мало усердствовавший в освоении русского языка, без сомнений, заботился о сохранении чувства принадлежности к своей нации. Известно, что даже в сфере научной коммуникации Ж.Н. Делиль предпочитал пользоваться французским языком, пренебрегая латынью – универсальным языком философии и науки того времени. Одним из способов сохранения и укрепления национальной идентичности для Ж.Н. Делиля и членов его семьи (жены Марии Магдалины и брата Людовика) в Санкт-Петербурге было общение с единомыслителями и вообще с соотечественниками. Местный католический приход и французское землячество выступали для них той средой, где можно было ощутить прочную духовную связь с родиной.

В Санкт-Петербурге Делили имели широкий круг знакомств, включавший в себя администраторов и придворных, русских и иноземных специалистов различного профиля, коллег по академии и учеников. В свою очередь, дипломаты и путешественники, прибывавшие в столицу империи, нередко стремились познакомиться со знаменитым ученым. Все эти контакты сравнительно хорошо изучены [1. С. 32–33; 2. С. 41–44], чего нельзя сказать об отношениях Делилей с местной католической общиной. Связи академика с католиками и вообще с земляками в России нашли отражение в переписке Делиля, мемуарной литературе и церковных документах. Особый интерес представляет регистрационная книга петербургской латинской церкви – источник, содержащий до сих пор не введенные в оборот сведения о семье Делиль. Записи о крещениях этой церкви показывают нам Делилей в системе духовно-родственных связей, подразумевающих нечто большее, чем просто знакомство или сотрудничество.

Профессор астрономии Санкт-Петербургской Академии наук Жозеф Николя Делиль прибыл на берега Невы в двадцатых числах февраля (или по новому стилю – в начале марта) 1726 г.¹ Его сопровождали брат Людовик (Луи) Делиль де ла Кройер², астроном и картограф, и Пьер Виньон – инженер-механик, мастер по изготовлению астрономических инструментов. Супруга Ж.Н. Делиля Мария Магдалина (урожденная Ле Дануа, Le Danois), с которой он вступил в брак незадолго до своего отъезда в Россию, приехала в Петербург в октябре 1726 г. вместе с ботаником Пьером Дешизо, также намеревавшимся поступить на службу в новооткрытую

Академию [3. С. 240]. Супруги Делиль сразу стали видными членами французской колонии и завязали отношения с обитателями Французской слободы Васильевского острова – живописцем Луи Караваком, ювелиром Шарлем-Николя Доомом и иными лицами [3. С. 226; 4. Л. 54 об.]. Делили не были жителями слободы, располагавшейся в начале современных нам 2-й и 3-й линий Васильевского острова, но разместились в близком соседстве с ней. До августа 1726 г. оба брата Делиль проживали в арендованном доме генерал-лейтенанта Михаила Афанасьевича Матюшкина в районе Смольного двора – «вверх по Неве реке, против Канец» [5. С. 149]. С августа же 1726 г. по март 1746 г. Жозеф Николя и Мария Магдалина жили в здании Кунсткамеры, в апартаментах на третьем этаже подле обсерватории [3. С. 213]. От Французской слободы Делилей, таким образом, отделяли несколько сотен метров.

Французская слобода Васильевского острова являлась многогранным социокультурным образованием – она была не только местом компактного проживания иноземцев, но и своего рода «технологическим парком», где сосредоточивались новейшие ремесла и искусства, а также выступала конфессиональным объединением французов-католиков [6. С. 117]³. Правда, ко времени приезда Делилей она уже пережила свой расцвет и имела признаки упадка, так как многие из французских художников и мастеровых, нанятых Петром I для строительства неевского «парадиза» и составлявших ядро колонии, по разным причинам покидали страну [6. С. 120–121]⁴. В 1726 г. французы-католики, долгое время имевшие отдельную капеллу (или часовню) на Васильевском острове, к тому же лишились собственного священника – францисканского монаха Пьера Кайо, высланного из России за дурное поведение [6. С. 120]. Изгнание священника было связано не только с его личными качествами, но и стало следствием соперничества капуцинов и францисканцев в делах петербургской миссии. Многие из французов пытались защитить своего кюре, считая его оклеветанным, однако на удалении Кайо настоял французский полномочный министр Жак де Кампредон, принявший сторону капуцинов⁵. В результате французская католическая община утратила автономный статус и была вынуждена существовать в составе формально единого прихода. Впрочем, католический приход города, объединявший сразу несколько национальных общин, всегда был зоной тесного межнационального взаимодействия. Духовно-родственные связи Делилей подтверждают это.

В плане духовного родства наиболее близкой к супругам Делиль была семья повара (coquinarii) Людовика Обри (Aubri, Obrii, Aubry) – то ли британца французского происхождения, то ли бретонца (в документе он отмечен как Brittanus). Людовик Обри был женат на Анне Лориванн (Anna Lorentia Lorivanna), 6 мая 1734 г. у них родился сын, который на шестой день был крещен с именем Жозефа Людовика. Его крестным отцом стал

Жозеф Николя Делиль (в честь которого сын Обри и был назван), а крестной матерью – Мария Лючия Томазина Трезини, дочь архитектора Доминико [4. Л. 46]. 18 августа 1736 г. Мария Магдалина Делиль вместе с ювелиром Шарлем Николя Доомом восприняла дочь Обри Анну Магдалину, дав ей свое крестильное имя [4. Л. 54 об.]. Жена академика не раз выступала в роли крестной матери для детей католиков, связывая свою семью узами духовного родства не только с французами, но и людьми других национальностей. Так, в том же 1736 г. она крестила сына английского хирурга голландского происхождения Уильяма Горна (Хорна), получившего, как и его отец, родовое имя Уильям (Гийом), а в 1737 г. восприняла сына ирландца Джона Кливза (Cleaves) с именем Франциск Джон Непомуцен [4. Л. 55, 62]. В первом случае вместе с мадам Делиль Горна крестил нидерландец Франциск Гёдден, корабельный инструктор, а во втором – знаменитый зодчий Франческо Бартоломео Растрелли. Все эти люди, таким образом, находились в духовном родстве с Делилями и тесно общались с ними.

По всей вероятности, Делили были коротко знакомы с семейством архитекторов Трезини. В 1729 г. Доминико Трезини поручили достроить академическую обсерваторию «по показанию профессора Делиля» [7. С. 476]. Обсерватория мыслилась Ж.Н. Делилем как главное детище в России, и по поводу ее завершения между ученым и архитектором обязательно должны были происходить консультации. Весной 1732 г. Луи Делиль де ла Кройер, старший брат Жозефа Николя и очень близкий ему человек, получил от Академии наук квартиру в «Боновом доме» на 2-й линии Васильевского острова [3. С. 203]. Сегодня это территория дома № 43, где в качестве достопримечательности сохраняется фундамент легендарного здания. «Бонов дом» граничил с участком Доминико Трезини, располагавшемся на месте нынешних строений № 52 по 1-й линии и № 45 по 2-й линии [8. С. 92]. Поскольку старший из Делилей отправился во вторую Камчатскую экспедицию только в августе 1733 г., он мог в течение года с лишним практически ежедневно видеться с Трезини. Вместе с Доминико много лет проживала семья его родной дочери Марии Люции Томазины, бывшей замужем за однофамильцем и дальним родственником Карло Джузеппе (Осипом Петровичем) Трезини, тоже архитектором [8. С. 53]. Делилям эти люди не были чужими: как уже упоминалось, Мария Лючия приходилась Жозефу Николя Делилю кумой.

После отъезда Луи Делиля де ла Кройера в экспедицию, из которой, как известно, ему не суждено было вернуться, связи его брата с обитателями «Боннова дома» и их соседями какое-то время сохранялись. Так, в «Боновом доме» продолжал жить Пьер Виньон, поселившийся в нем в марте 1732 г. вместе с тогда еще неженатым де ла Кройером [3. С. 171, 203]. Мастер Виньон состоял в близкой дружбе с Делилями, как и его сожительница девица Делаэ (Delahaye). Последняя прибыла в Санкт-Петербург вместе с Виньоном в качестве его гражданской супруги и много лет была дружна с Марией Магдалиной Делиль. Делаэ и Виньон узаконили свои отношения за две недели до смерти последнего – 12 (23) ноября

1734 г., когда их брак был заключен неким «французским патером». Пьер Виньон умер в доме Бона от скоротечной болезни 27 ноября (8 декабря по новому стилю) 1734 г., и в этот же день «французский патер» выдал вдове Виньон «супружественное свидетельство», подписанное Жозефом Николя Делилем [3. С. 200]. Супруги Делиль весь этот день провели в «Боновом доме», помогая мадам Виньон с решением вопросов о квартире и об академическом имуществе, бывшем в распоряжении ее мужа [3. С. 240]. Под «французским патером», вероятно, подразумевается францисканец-реформат Микеланджело да Вестинье – итальянец, прекрасно владевший французским языком и щеголявший в черном светском платье «на французский манер» [9. С. 83–84; 10. С. 240]. Он был префектом петербургской миссии в 1729–1735 гг. [11. С. 9–10].

К сожалению, в архиве католической церкви не сохранились реестры сочетавшихся браком и умерших за XVIII в., поэтому подробности этих событий от нас скрыты. После смерти Пьера Виньона его вдова, скорее всего, уехала из России [3. С. 201], а квартиры в «Боновом доме» заселили другие сотрудники Академии наук. В 1735 г. это были служащие Гравировальной палаты – Георг Унферцагт, Христиан-Альберт Вортман и Оттомар Эллигер [12].

Жозеф Николя Делиль не просто являлся видным членом французской диаспоры – он, не будучи дипломатическим агентом, негласно представлял Францию в России. Это видно из того, что в 1729 г. он дал в Санкт-Петербурге по случаю рождения дофина роскошный иллюминированный бал для русских и иностранцев [13. С. 140]. Наверное, в столице империи не было француза, с которым ученый не был бы знаком. Причем в равной степени это относится как к католикам, так и к французским протестантам, с которыми академик старался поддерживать добрые отношения. В середине 1720-х гг. французская диаспора города (имеются в виду французы вместе с франкошвейцарцами) состояла примерно из двухсот человек: 160–190 из них исповедовали католичество и около 30 – кальвинизм [14. С. 75]. В 1740-х гг. диаспора увеличилась до 290–360 лиц обоего пола (включала примерно 260–320 католиков и 30–40 гугенотов) [14. С. 76]. Из соотечественников самым близким Ж.Н. Делилю человеком на невиских берегах был, пожалуй, уроженец Бургундии Жан Жорж Дювернуа – академик по кафедре зоологии и анатомии, часто бывавший в доме Делилей [3. С. 226; 261; 15. С. 134]. Сами Делили посещали с визитами многих приятелей – например, придворного парикмахера Таверна (Taverne), торговца тканями Торина (Thorin), продавца мебели Ноэля Денуайе (Desnoyers), гувернера в доме князей Черкасских Жана-Батиста Ролле (Rollet) [3. С. 226]. Жан (Иоганн) Торин исповедовал кальвинизм – его имя встречается в книгах голландского реформатского прихода [16. Л. 49]. Вероятно, Таверн и Ролле тоже были гугенотами. Вообще переписка Делиля говорит о том, что он состоял в личном общении с лидерами петербургских гугенотов – с купцом Жаном-Бартелеми Пеллотье и лейб-медиком Жаном-Арманом (Иоганном Германом)

Лестоком [3. С. 226]. Пеллотье и Лесток проявляли заметную активность в жизни французской и голландской реформатских церквей. Нередко их звали на крестины детей в качестве восприемников: первый из них состоял в духовном родстве как минимум с пятьюдесятью восемью людьми [16. Л. 33, 36–36 об., 38, 39 об., 41–43; 17. Л. 3 об., 4 об.–9 об., 11], а второй – с четырнадцатью лицами [16. Л. 48, 49, 50 об.]. Но тот факт, что имя Делиль вовсе не встречается среди крестных протестантских детей, говорит все же об их предпочтении духовно родниться с католиками.

При решении различных вопросов академик Ж.Н. Делиль по возможности старался иметь дело с соотечественниками, очевидно, более им доверяя. В 1740 г., отправившись в сибирскую экспедицию для наблюдения прохождения Меркурия через солнечный диск, Делиль писал в письме к жене о том, что, прибыв в Москву, первым делом он посетил католическую церковь. У местных капуцинов он хотел узнать адрес некоего француза Александра, гостеприимством которого намеревался воспользоваться [18. С. 515]. Это свидетельствует о глубокой симпатии ученого к обосновавшимся в России католикам. В этом же письме Делиль хвалил капуцинов за их непритязательность и аскезу: у них не нашлось даже зеркала, в которое хотел посмотреть профессор [18. С. 515].

Нет сомнений в том, что Ж.Н. Делиль регулярно посещал католическую церковь петербургской Греческой слободы – района, заселенного иноземцами разных вер и наций (слобода была названа Греческой, потому что при основании города недалеко от истока Мойки поселились выходцы с Балкан и Адриатики, служившие на галерном флоте). Как раз летом 1726 г., когда Ж.Н. Делиль только обжился в России, католическую церковь перестроили в камне и заново освятили в честь св. великомученицы Екатерины. Церковь была одним из самых красивых зданий раннего Петербурга [19. С. 11–12]. О связях Ж.Н. Делиля с нею косвенно упоминал известный авантюрист граф Франческо Локателли Ланци, который под именем негодянта Микеле Роккафорте в 1733 г. часто навещался в эту церковь. Именно в петербургской католической церкви ему указали на Ж.Н. Делиля как на человека, способного оказать ему протекцию, после чего Локателли стал близким приятелем супругов Делиль, какое-то время жил в их квартире и потом, находясь в заключении, пользовался их поддержкой [15. С. 131–134; 20. Р. 22–23, 157, 159–160, 170–171, 246, 256]. После того как здание церкви сгорело в июне 1737 г. в большом пожаре, Делили должны были посещать временную капеллу на Невском проспекте, спроектированную Пьетро Антонио Трезини [21. С. 151–152]. Она предшествовала нынешнему собору Св. Екатерины Александрийской.

Анализ социальных отношений Ж.Н. Делиля с членами петербургских инославных приходов неизбежно ставит вопрос о его религиозности. Насколько ученый был религиозен в петербургский период своей жизни, сказать трудно. Особого религиозного рвения Жозеф Николя не проявлял, но, по-видимому, все же оста-

вался верующим католиком. В любом случае нет оснований причислять его к атеистам. Нина Ивановна Невская в своей монографии «Петербургская астрономическая школа XVIII века» представила Делиля чуть ли не идейным главой «петербургских безбожников» – исключительно на том основании, что француз принял участие в работе над коллективным трудом «Китайский музей», который ею был оценен как имеющий «антиклерикальный и даже атеистический характер» [1. С. 185–186]. Эта книга, изданная в Санкт-Петербурге в 1730 г. с именем Готлиба Зигфрида Байера на титульном листе, посвящена сразу нескольким предметам – истории китайской литературы и культуры в целом, а также истории изобретений и науки, включая хронику астрономических наблюдений в Китае [22]. Ничего собственно атеистического в этой книге нет, за исключением критики мифологических представлений древних людей, в которой с большой натяжкой можно увидеть признаки «атеизма». Безусловно, как человек с научным мировоззрением Делиль не мог полностью соглашаться с картиной мира, созданной и поддерживаемой Церковью. Наверное, любой ученый не может мыслить на 100% ортодоксально. Речь Делиля о вращении Земли вокруг Солнца в 1728 г. неслучайно решили не публиковать по-русски [13. С. LXV]. Но Делиль никогда не восставал против Церкви и не критиковал христианское вероучение, тем более не позиционировал себя в качестве безбожника. Очень странным выглядит вывод Н.И. Невской об атеизме ученых Петербургской Академии наук на основании того, что в их книжных собраниях имелись разные издания Библии [1. С. 191]. Согласно ее логике, мы непременно должны предполагать, что тексты Библии использовались академиками для разоблачения церковного невежества, а не с религиозными целями. Например, на этом основании Н.И. Невская в ряды атеистов записала Леонарда Эйлера. Однако известно, что сын пастора Эйлер не только не был атеистом, но и издал в Берлине трактат в защиту христианства от нападок скептиков [13. С. 263]. Что касается Ж.Н. Делиля, то к концу своей жизни, примерно с 1763 г., как писал П.П. Пекарский, «он уже окончательно удалился от занятий и весь предан был исполнению обрядов религиозной набожности» [13. С. 143]. Став богомольным, астроном нашел способ сочетать науку и религию, занявшись научной библейской картографией [3. С. 230].

Соблюдая обряды своей церкви, Ж.Н. Делиль в России, тем не менее, весьма терпимо относился к православию. Его письма показывают, что он многого не понимал в православных церковных традициях – например, недоумевал по поводу многодневных постов, во время которых не без игривого азарта стремился раздобыть скоромной пищи [18. С. 518, 522]. Однако ученый исключительно хорошо отзывался о религии русских, проявляя доброжелательное (по сути, «этнографическое») любопытство в тех случаях, когда ему случалось бывать на православных богослужениях (например, в 1740 г. он, поселившись в доме священника, отстоял пасхальную службу в Шоркарском погосте на Оби) [18. С. 525].

Религиозная терпимость и отсутствие культуртрегерского апломба отличали Ж.Н. Делиля от некоторых его сослуживцев по Академии наук, которые имели привычку вести себя в русских церквях не так, «как того требовали достоинство Академии и уважение к святости места» [13. С. XL].

Убежденность Ж.Н. Делиля в истинности католических догматов не была следствием только полученного им воспитания, но выступала результатом его личного опыта. Это следует из сравнения биографий Жозефа Николя и его брата Луи, оказавшегося не столь прочно связанным с католической общиной и французским землячеством в России. Несмотря на то, что в юности Луи готовился к духовной карьере [3. С. 203], он не увлекался религией и вел довольно беспорядочный образ жизни [13. С. 150]. Де ла Кройер предпочел выучить русский язык и пойти по пути аккультурации и интеграции с русским обществом. Летом 1735 г. в Иркутске он женился на православной дворянке Марии Дмитриевне Татариновой, и их сын Николай был крещен в «греческом законе» [3. С. 202; 23. С. 123; 24. С. 144]⁵.

Обрусению де ла Кройера содействовал пример еще одного петербургского знакомого Делилей – оберцеремониймейстера графа Франциска Санти, который в 1727 г. был сослан А.Д. Меншиковым в Сибирь за противодействие планам светлейшего назначить великого князя Петра Алексеевича наследником престола. Граф Санти, бывший прихожанин костела Греческой слободы, в 1734 г. в том же Иркутске женился на дочери подьячего Прасковье Петровне Татариновой, дворянской племяннице будущей супруги де ла Кройера, и их дети исповедовали православие [24. С. 144–145]. Пьемонтец Санти, прошедший молодость в Париже [25. Стб. 274], состоял в духовном родстве с хирургом Уильямом Горном [4. Л. 25 об.], т.е. входил в один круг общения с Делилями и был близок им по культурному облику. Находясь в 1740 г. в Тобольске, Жозеф Николя неслучайно посчитал нужным сделать визит графине Санти (Татариновой) [18. С. 523].

Известно, что Луи Делиль де ла Кройер умер от цинги на Камчатке в 1741 г., и Жозеф Николя вплоть до своего отъезда из России занимался воспитанием его сына и своего племянника Николая. Мария Магдалина Делиль скончалась в Санкт-Петербурге в 1747 г., не оставив после себя детей. Пережив двойную утрату и не чувствуя

удовлетворения от службы в Петербургской Академии наук, в том же 1747 г. астроном уехал в родной Париж.

Таким образом, в круг духовных родственников, друзей и знакомых, с которыми академик Жозеф Николя Делиль поддерживал личные отношения в России, входили люди разных национальностей, родов занятий и состояний. Ожидаемо среди них обнаружено немало представителей интеллигентных профессий – архитекторов, ученых, педагогов. При этом, однако, Делили не чуждались предпринимательского класса, ремесленников и специалистов из сферы обслуживания (парикмахеров, поваров). Будучи дворянином по рождению, Делиль, очевидно, разделял свойственную буржуазному обществу специфическую социальную психологию. Круг его общения показывает, что он признавал равными себе экономически активных людей независимо от их происхождения и статуса. Это добавляет важный штрих к его портрету, уже созданному историками. Ж.Н. Делиль был известен своей активной общественной позицией в России, выступал против бюрократизма в управлении Академией наук, отстаивал независимость научного творчества. В контексте индивидуалистических взглядов Делиля его свобода от аристократических предрассудков кажется вполне закономерной. Проявляя особенности своих социальных воззрений в практике повседневного общения, астроном не только содействовал развитию науки в «феодальной» России, но и косвенным образом мог способствовать ее социальной модернизации. В то же время Ж.Н. Делиля, этого яркого представителя культуры Просвещения, нельзя признать убежденным сторонником антиклерикальных идей. Оставаясь прихожанином Римско-католической церкви в России, где в отношении иноземцев отсутствовал вероисповедный контроль, ученый продемонстрировал важность религии как минимум в сохранении собственной «французскости». Соотечественники занимали особое место в его социальном окружении – Ж.Н. Делиль играл роль покровителя французской диаспоры и всегда был готов к общению с земляками. В этом качестве академик поддерживал близкие отношения и с гугенотами. Несомненно, среда католиков духовно и социально была ему ближе, но в гораздо большей степени он все-таки ощущал себя неформальным лидером петербургских французов, нежели радетелем интересов конкретной религиозной общины.

Примечания

¹ В историографии бытуют две даты прибытия Ж.Н. Делиля в Петербург – 24 февраля (7 марта) и 22 февраля (5 марта) 1726 г. [3. С. 213].

² Луи Делиль унаследовал фамилию и дворянский титул матери – Николь Шарлотты Мийе де ла Кройер, поскольку в семье ее родителей не осталось наследников мужского пола [1. С. 32].

³ Настойчивые утверждения некоторых исследователей о преобладании среди жителей Французской слободы гугенотов [3. С. 40] не находят подтверждения в источниках – ни в документах русских канцелярий, ни в церковных реестрах петербургских кальвинистов.

⁴ Осенью 1726 г. некоторые постройки слободы было решено разобрать на бревна для их повторного использования, что могло быть связано с уменьшением числа слобожан и нежеланием властей сохранять французский квартал в его прежнем виде: «бревна приказали бы отпущать <...> из старого строения Французской линии» [7. С. 203].

⁵ Кампредион назвал Кайо («un libetin»), что было переведено издателем дипломатической переписки как «человек весьма легких нравов», но может означать при этом вольнодумца, свободно мыслящего человека [26. С. 36].

Список источников

1. Невская Н.И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л. : Наука, 1984. 238 с.
2. Жерихина Е.И. Французский мир Санкт-Петербурга. СПб. : Росток, 2015. 608 с.

3. Иностранцы специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого, Д.Ю. Гузевича. М. : Ломоносовъ, 2019. 800 с.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Метрическая книга о крещении на немецком и латинском языках (1710–1740 гг.). 68 л.
5. Николаева Т.И. Под небом Петербурга // Петербургские искусствоведческие тетради: Статьи по истории искусства. СПб. : Ассоциация искусствоведов, 2021. Вып. 64. С. 146–162.
6. Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в. // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 111–126.
7. Материалы для истории императорской Академии наук. СПб. : Типография Академии наук, 1885. Т. 1: (1716–1730). [4], IV, 732 с.
8. Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Доминико Трезини: Новые грани биографии и творчества. СПб. : Историческая иллюстрация, 2020. 216 с., [14] л. : ил.
9. Самыловская Е.А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 206 с.
10. Алакшин А.Э., Самыловская Е.А. Миссии францисканцев и капуцинов в Санкт-Петербурге в последние годы Петровской эпохи (1719–1725) // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 235–243.
11. Андреев А.Н. Духовенство римско-католической церкви в Греческой слободе Санкт-Петербурга // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 4. С. 6–14.
12. Басаргина Е.Ю. «Бонов дом» (по документам СПФ АРАН). URL: <http://old.ranar.spb.ru/rus/books6/id/584/?ysclid=lu9op0fvru213555256> (дата обращения: 14.03.2024).
13. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1870. Т. 1. LXVIII, 774 с.
14. Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Иноземное население Санкт-Петербурга первой половины XVIII столетия: опыт статистической реконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 72–79. doi: 10.17223/15617793/478/9
15. Талалай М.Г. Неудачная авантюра Ф. Локателли в России и его свидетельства о семействе Делилей и о Второй Камчатской экспедиции // Делили в России : сб. ст. / под ред. Д.Ю. Гузевича, И.Д. Гузевич. СПб. : Маматов, 2019. С. 131–143.
16. ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Метрическая книга для записей о родившихся, венчавшихся и умерших (1717–1808 гг.). 94 л.
17. ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 2. Д. 1. Метрическая книга (1724–1782 гг.). 87 л.
18. Материалы Сибирской экспедиции академика Ж.-Н. Делиля в 1740 г.: Документы из архивохранилищ России и Франции / сост. Ю.Н. Беспятовых, Н.В. Кириченко, П.А. Кротов. СПб. : Историческая иллюстрация, 2017. Т. 2. 784 с.
19. Андреев А.Н. К вопросу о строительстве и местоположении католического храма Греческой слободы в Петербурге // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 2. С. 6–16.
20. Locatelli Lanzi F. Lettres moscovites. Paris: Au depens de la Compagnie, 1736. [4], 363 p.
21. Андреев А.Н. Католический приход Петербурга в XVIII в. // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 148–160.
22. Bayer Th.S. Museum Sinicum: In quo Sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur. Petropolis : Typographia Academiae Imperatoriae, 1730. 412 p.
23. Никиташина С.О. Николай Дмитриевич Делиль де ла Кройер – горный инженер // Делили в России : сб. ст. / под ред. Д.Ю. Гузевича, И.Д. Гузевич. СПб. : Маматов, 2019. С. 121–130.
24. Медер И.И. Николай Дмитриевич Делиль де ла Кроер // Делили в России : сб. ст. / под ред. Д.Ю. Гузевича, И.Д. Гузевич. СПб. : Маматов, 2019. С. 144–146.
25. Шубинский С.Н. Ссылка графа Санти в Сибирь (1727) // Русский архив. 1866. Вып. 3. Стб. 274–284.
26. Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона за 1725 г. // Сборник императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. Т. 58. С. 1–579.

References

1. Nevskaya, N.I. (1984) *Peterburgskaya astronomicheskaya shkola XVIII veka* [Saint Petersburg Astronomical School of the 18th century]. Leningrad: Nauka.
2. Zherikhina, E.I. (2015) *Frantsuzskiy mir Sankt-Peterburga* [The French World of St. Petersburg]. St. Petersburg: Rostok.
3. Rzhetskiy, V.S. & Guzevich, D.Yu. (2019) *Inostrannyye spetsialisty v Rossii v epokhu Petra Velikogo: Biograficheskiy vykhodtsev iz Frantsii, Vallonii, frankoyazychnykh Shveytsarii i Savoyi: 1682–1727* [Foreign specialists in Russia under Peter the Great: A Biographical Dictionary of immigrants from France, Wallonia, French-speaking Switzerland and Savoy: 1682–1727]. Moscow: Lomonosov.
4. Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA SPb). Fund 347. List 1. File 31. *Metricheskaya kniga o kreshchenii na nemetskom i latinskom yazykakh (1710–1740 gody)* [Parish Register of Baptisms in German and Latin (1710–1740)].
5. Nilolaeva, T.I. (2021) Pod nebom Peterburga [Under the skies of Petersburg]. In: *Peterburgskie iskusstvovedcheskie tetradi: Stat'i po istorii Iskusstva* [Petersburg Art History Notebooks: Some Articles on the history of art]. Issue 64. St. Petersburg: Art Critics Association. pp. 146–162.
6. Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (2017) *Frantsuzskaya sloboda Vasilyevskogo ostrova v Sankt-Peterburge v XVIII veka* [French Quarter of Vasilyevsky island in Saint Petersburg in the 18th century]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 111–126.
7. Imperial Academy of Sciences. (1885) *Materialy dlya istorii imperatorskoy Akademii nauk* [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg: Academy of Sciences.
8. Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (2020) *Dominiko Trezzini: Novyye grani biografii i tvorchestva* [Domenico Trezzini: New aspects of biography and creativity]. St. Petersburg: Istoricheskaya illustratsiya.
9. Samylovskaya, E.A. (2016) *Katolicheskaya obshchina Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka* [Catholic community of St. Petersburg in the first half of the 18th century]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
10. Alakshin, A.E. & Samylovskaya, E.A. (2019) *Missii frantsiskantsev i kaputsinov v Sankt-Peterburge v poslednie gody Petrovskoy epokhi (1719–1725)* [Missions of Franciscans and Capuchins in St. Petersburg in the last years of the Petrine Era (1719–1725)]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 235–243.
11. Andreev, A.N. (2014) *Dukhovenstvo rimsko-katolicheskoy tserkvi v Grecheskoy slobode Sankt-Peterburga* [Priesthood of the Roman Catholic Church in the "Greek Township" of Saint Petersburg]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 14 (4). pp. 6–14.
12. Basargina, E.Yu. (2012) *"Bonov dom" (po dokumentam SPF AРАН)* [Bohn's House (According to the documents of St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)] [Online] Available from: <http://old.ranar.spb.ru/rus/books6/id/584/?ysclid=lu9op0fvru213555256> (Accessed: 14.03.2024).
13. Pekarskiy, P.P. (1870) *Istoriya Imperatorskoy Akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of Sciences in Petersburg]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
14. Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (2022) The foreign population of St. Petersburg in the first half of the 18th century: An experience of statistical reconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 72–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/9
15. Talalay, M.G. (2019) *Neudachnaya avantyura F. Lokatelli v Rossii i ego svidetel'stva o semeystve Deliley i o Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii* [Francesco Locatelli's unsuccessful adventure in Russia and his testimonies about the De L'Isle family and the Second Kamchatka Expedition]. In: *Delili v Rossii* [De L'Isles in Russia]. St. Petersburg: Mamatov. pp. 131–143.

16. Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA SPb). Fund 40. List 1. File 1. *Metricheskaya kniga dlya zapisey o rodivshikhsya, venchavshikhsya i umershikh (1717–1808 gody)* [Parish Book for records of births, marriages and deaths (1717–1808)].
17. Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA SPb). Fund 444. List 2. File 1. *Metricheskaya kniga (1724–1782 gody)* [Parish Register (1724–1782)].
18. Bespyatykh, Yu.N. & Kiryushchenko, N.V. & Krotov, P.A. (2017) *Materialy Sibirskoy ekspeditsii akademika Zh.-N. Delilya v 1740 godu: Dokumenty iz arkhivokhranilishch Rossii i Frantsii* [Materials of the Siberian expedition of Academician J.-N. De L'Isle in 1740: Documents from the archives of Russia and France]. Vol. 2. St. Petersburg: Istoricheskaya illustratsiya.
19. Andreev, A.N. (2015) K voprosu o stroitel'stve i mestopolozenii katolicheskogo khrama Grecheskoy slobody v Peterburge [To the question about construction and location of Catholic Temple in the "Greek Township" of St. Petersburg]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 15 (2). pp. 6–16.
20. Locatelli Lanzi, F. (1736) *Lettres moscovites* [Muscovite letters]. Paris: Au depens de la Compagnie.
21. Andreev, A.N. (2014) Katolicheskii prihod Peterburga v XVIII veke [Catholic Parish in St. Petersburg, 18th century]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 148–160.
22. Bayer, Th.S. (1730) *Museum Sinicum: In quo Sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur* [The Chinese Museum, which explains Chinese language and literature]. St. Petersburg: Typographia Academiae Imperatoriae.
23. Nikitashina, S.O. (2019) Nikolay Dmitrievich Delil' de la Kroyer – gorniy inzhener [Nikolay Dmitrievich De L'Isle de La Croyère – Mining engineer]. In: *Delili v Rossii* [De L'Isles in Russia]. St. Petersburg: Mamatov. pp. 121–130.
24. Meder, I.I. (2019) Nikolay Dmitrievich Delil' de la Kroyer [Nikolay Dmitrievich De L'Isle de La Croyère]. In: *Delili v Rossii* [De L'Isles in Russia]. St. Petersburg: Mamatov. pp. 144–146.
25. Shubinskiy, S.N. (1866) Ssylka grafa Santi v Sibir' (1727) [Count Santi's exile to Siberia (1727)]. *Russkiy arkhiv*. 3. pp. 274–284.
26. Stasyulevich, M.M. (publisher). (1887) Doneseniya frantsuzskogo polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona za 1725 god [Reports of Campredon, the French Minister Plenipotentiary at the Russian court, for 1725]. In: *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 58. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich. pp. 1–579.

Информация об авторах:

Андреев А.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры теологии, культуры и искусства Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: alxand@yandex.ru

Андреева Ю.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного медицинского университета (Челябинск, Россия). E-mail: iulyand@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Andreev, Dr. Sci. (History), professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: alxand@yandex.ru

Yu.S. Andreeva, Cand. Sci. (History), associate professor, South Ural State Medical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: iulyand@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.03.2024;
одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 29.03.2024;
approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 94(575.4)
doi: 10.17223/15617793/508/15

Организация управления Мургабским государевым имением

Дмитрий Валентинович Васильев¹

¹ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, dvvasiliev@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с местом Мургабского имения в Закаспийской области и с административной ролью управляющего имением. Выявлено, в каких формах строились взаимоотношения между различными отраслями управления на каждом этапе существования имения.

Ключевые слова: Мургабское государево имение, Главное управление уделов, Закаспийская область, Туркестанское генерал-губернаторство, административная система, мургабские заводы

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Для цитирования: Васильев Д.В. Организация управления Мургабским государевым имением // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 139–151. doi: 10.17223/15617793/508/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/15

Administration of the Murghab Sovereign's Estate

Dmitry V. Vasilyev¹

¹ *Moscow City University, Moscow, Russian Federation, dvvasiliev@mail.ru*

Abstract. The historiography of the Murghab Sovereign's Estate is small and fragmented. The closest topics were studied in Soviet historiography and superficially touched upon the essential aspects of the history of the estate. Questions related to the place of the Murghab Estate in the Transcaspian Region and the administrative role of the estate administrator remained outside the field of view of historians. These questions are the focus of the article. Most of the historical sources for this article have not been published and consist of constituent documents, legal acts and their drafts, and office documents related to the discussion of administrative issues. The main research methods in the article are formal-legal and historical-legal. Documents are also analyzed in order to identify individual aspects that changed dynamically over time (diachronic method) and synthesized in order to form a general picture of the administrative side of the phenomenon of the Murghab Sovereign's Estate. The synchronous method made it possible to find out in what forms the relationships existed between various branches of administration at each stage of the estate's existence. One of the first documents regulating the administration of the estate was the Instruction for the Administration of the Murghab Sovereign's Estate of 1891. This document somewhat limited the financial initiative of the administrator and formalized aspects related to attracting workers for the construction of hydraulic engineering and other structures. Two years later (1893), a Temporary Regulation on the Administration of the Murghab Sovereign's Estate was published. For the first time, it paid significant attention to the sanitary and medical provision of employees and workers of the estate. In 1906, police power on the territory of the estate was transferred to the hands of the head of the Transcaspian Region, the estate administrator and the Bayramaly district police officer, who was subordinate to the first two officials. At the same time, the issue of official relations between the administrator of the Murghab Sovereign's Estate and the head of the Murghab factories was discussed. The Regulation on the Administration of the Murghab Sovereign's Estate of 1906 recognized the administrator as the highest leader for both the estate and the factories with the rights of an administrator of the appanage district. In police matters, he was given the rights of a district commander. In 1910, the rules for managing the estate and the factories located on it were revised. The powers of the estate administrator were left almost unchanged. At the same time, the prerogatives of the head of the Murghab factories were expanded. It is possible that this illustrates the increased interest in the commercial side of life in the estate, the embodiment of which was the head of the factories.

Keywords: Murghab Sovereign's Estate, General Administration of Appanages, Transcaspian Region, Turkestan Governorate General, administration system, Murghab factories

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

For citation: Vasilyev, D.V. (2024) Administration of the Murghab Sovereign's Estate. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 139–151. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/15

Актуальность настоящего исследования определяется его непосредственной связью с Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 8 мая 2024 г. «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», в котором целями государственной политики в области исторического просвещения названы «сохранение памяти о значимых событиях истории России, включая историю государствообразующего русского народа... исходя из понимания преемственности в развитии Российского государства... осознания многонациональной природы социокультурного развития России». Принципами же государственной политики в области исторического просвещения являются «опора на научные знания и фундаментальные научные исследования... понимание истории России... как неотъемлемой части общемирового исторического процесса; ...преемственность всех этапов российской истории; ...осознание исторического единства народов Российской Федерации». А среди задач, связанных с развитием научной базы исторического просвещения, указано «содействие расширению взаимодействия ученых-историков... ближнего зарубежья, взаимодействие в рамках Содружества Независимых Государств по вопросам, связанным с общей для постсоветского пространства историей...»¹.

В статье речь идет об одном из принципиальных для истории Мургабского государственного имения вопросе – организации и функционировании его управления. При создании имения его целью декларировалось развитие орошения в Мургабском оазисе и его заселение деятельными земледельцами. Однако истинные цели, как можно предположить, выходили за пределы этой довольно простой формулы. Речь идет как о стратегической необходимости закрепления долины реки Мургаба за Российской империей, так и о желании организовать в центральноазиатских владениях империи прогрессивное капиталистическое хозяйство, которое, кроме собственно прибыли, служило бы своего рода эталоном прогрессивного хозяйствования.

Конечно, можно считать историю имения несущественной в масштабе Российской империи, преемницей которой является Российская Федерация, не имеющая сегодня отношения к туркменским землям. Но вульгаризация отечественной истории, сведение ее до рамок современной России и народов, представленных субъектами Российской Федерации, видится недопустимой.

Российская империя не мнила себя конечным явлением. Она последовательно планировала развитие своих как минимум социальной и экономической систем. И Мургабскому государеву имению была предписана роль модельного хозяйства, прогрессивные технологии которого следовало распространять на другие районы Туркестанского края и Закавказья, нуждавшиеся в орошении сельского хозяйства и современных методах переработки сельскохозяйственной продукции.

Именно как пример такого прогрессивного агропромышленного предприятия, как видение будущего

развития сельскохозяйственного производства, Мургабское государственное имение представляет весьма существенный интерес для исторического исследования.

Конечно, к истории имения обращались туркменские исследователи. Однако в этой части можно упомянуть лишь работу Н.Н. Каноды [1], в которой рассмотрены отдельные вопросы экономики имения на основе материалов Центрального государственного архива Туркменистана. Представляется, что давно назрела необходимость вступить в научный диалог с коллегами. Тем более что имеющиеся в российских архивах документы позволяют рассмотреть более широкий спектр вопросов, связанных с его функционированием. И начать следует с вопроса об организации его управления, ибо без этого сложно себе представить место Мургабского государственного имения в административной системе Закаспийской области и Туркестанского генерал-губернаторства, на территории которых оно находилось, а также систему административных отношений внутри самого имения, без чего сложно понять смыслы и факты, связанные с его историей.

Научная новизна предлагаемой статьи состоит в самой постановке вопроса об истории управления Мургабским имением. А научная значимость в том, что понимание механизмов функционирования администрации имения позволяет понять реалии, в которых оно существовало, – как административные отношения (институционально и персонально) влияли на состав арендаторов (поселенцев) имения, на формулирование и изменение правил аренды, на осуществление ирригационных работ, формирование промышленного кластера имения и др.

Мургабское государственное имение занимало особое место на экономической карте Российской империи. Не только в силу своего особого положения в системе Главного управления уделов. Внутри самого имения на рубеже XIX и XX столетий произошла существенная трансформация. Хлопкоочистительный и масляный заводы из вспомогательного (по отношению к сельскому хозяйству) производства довольно быстро превратились практически в основное, что не могло не отразиться на структуре мургабской администрации. Наконец, на положение имения и его управляющего влияли сложные отношения с начальником Закаспийской области, особо не заинтересованном в высоком статусе имения. Все это стало предметом настоящей статьи.

Первым из отечественных историков на особый статус Мургабского государственного имения обратил внимание М.Н. Тихомиров. Однако, назвав его «особой единицей, фактически пользовавшейся всеми имущественными правами, наподобие средневекового домена» [2. С. 195], он попал под обаяние имевшихся в его распоряжении источников регионального происхождения, заявив, что «Байрамалийское приставство было изъято... из ведения начальника Мервского уезда и передано под управление управляющего “Мургабским государевым имением”» [2. С. 195]. Обнаруженные в ходе исследования документы опровергают это мнение.

Беглое упоминание особого административного положения имения представлено и в некоторых современных работах [3, 4].

И.В. Волков в своей докторской диссертации также обратил внимание на некоторые аспекты деятельности Мургабского государева имения [5]. В 3-й главе он проанализировал экономическую политику Российской империи в Средней Азии и упомянул деятельность имения как проявление имперской политики по промышленному, ирригационному и сельскохозяйственному развитию Русского Туркестана. Некоторые аспекты и результаты экономической деятельности имения фрагментарно рассмотрены в других работах современных авторов [6–10]. В статье О.И. Брусиной и Л.Т. Соловьевой исследован один из интересных источников по истории имения [11]. Авторы обращают внимание на «колониальную» концепцию роли имения, господствовавшую в советский период, и противопоставляют ей антиколониальную оценку, данную советским государственным деятелем и этнографом Г. Карповым.

Источники, привлекаемые в настоящей статье, в большинстве не опубликованы и распадаются на учредительные документы; нормативно-правовые акты и их проекты; документы делопроизводства, связанные с обсуждением административных вопросов, касающихся имения.

Привлечение источников законодательного и нормативно-правового характера обусловило использование соответствующих методов – формально-юридического и историко-правового. Одновременно осуществляется анализ рассматриваемых документов с целью выявления атомарных позиций, динамически изменявшихся во времени (диахронный метод), и их синтез с целью формирования общей картины административной стороны феномена Мургабского государева имения. Синхронный метод позволяет выяснить, в каких формах строились взаимоотношения между различными отраслями управления на каждом этапе существования имения.

Мургабское государево имение было учреждено именным указом от 6 августа 1887 г., который отнес к собственности царствующего императора не возделывавшиеся земли недавно присоединенного к России Мервского оазиса, «на которые, по сооружении плотины... будет возможно распространить орошение без ущерба... для прочих, орошаемых уже водами... реки², частей Мервского оазиса» [12. Т. 7. С. 390]. Иными словами, императорской собственностью объявлялись земли, не занятые местным населением, которые можно было оросить с помощью восстановления Султанбентской плотины, давно находившейся в руинированном состоянии.

Управление имением было возложено на Департамент уделов Министерства императорского двора и уделов. Все расходы по сооружению плотины и оросительной системы, по «заселению имения и введению в нем соответствующей местным условиям культуры» были отнесены на счет удельных сумм. Небезынтересно, что после возмещения расходов на устройство (в том числе гидротехническое) и управление Мургабским государевым имением часть его доходов надлежало обращать в пользу казны [12. Т. 7. С. 390].

Получается, что учреждение имения было продиктовано почти бескорыстными интересами – орошением безводного края с целью его сельскохозяйственного развития ради пополнения государственной казны.

Оставляя в стороне поиск истинных мотивов создания государева имения, остановимся на не менее важной проблеме места столь необычного учреждения в составе Закаспийской области, на территории которой оно и находилось.

Спустя три месяца со дня учреждения Мургабского государева имения в Закаспийскую область прибыл управляющий Департаментом уделов П.А. Рихтер, который 9 ноября 1887 г. заключил соглашение с начальником Закаспийской области генерал-лейтенантом А.В. Комаровым, положившее начало определению административного статуса императорского владения.

В принципе, в это время уделы, к которым административно были приравнены и государевы имения, не состояли в ведении местных властей. А потому о каком-то особом определении статуса Мургабского имения и не должно было бы вестись речи. Но дело в особом положении Закаспийской области, в которой фактически еще не существовало развитой гражданской администрации, и которая продолжала сохранять свой специфический военно-политический (геополитический) статус среди прочих окраинных территорий империи. В рассматриваемый период она еще подчинялась кавказскому начальству, а с 1890 г. стала фактически самостоятельной единицей, состоявшей в ведении Военного министерства [13. С. 251–276]. Судя по всему, именно это обстоятельство вызвало появление столь необычного документа, как соглашение между управляющим министерским департаментом и начальником области.

Итак, пункт 9 этого документа указывал, что «в хозяйственном и административном отношениях управление имением сосредоточивается непосредственно в Департаменте уделов» [14. Л. 7]. Это условие тем более важно было напомнить, что закаспийское начальство всегда весьма трепетно относилось к своим привилегиям и территориям, чувствуя себя вполне самостоятельно в пределах подведомственной территории. При этом процитированный пункт соглашения примечателен еще и тем, что он напрямую подчиняет Мургабское государево имение Петербургу, минуя местные управления то ли из-за отсутствия таковых в пределах реальной досягаемости, то ли в связи с особой ролью имения в региональной социально-экономической системе.

Тот же пункт напоминал, что права и отношения управляющего имением устанавливаются на общих основаниях, определенных Общим учреждением губернским по изданию 1876 г.: «Удельный округ, не подчиняясь никакому месту или лицу общего губернского управления по хозяйству удельному, но состоя под начальством Департамента уделов³, действует по всем делам, относящимся до внутреннего хозяйственного управления удельными и другими, состоящими в его заведовании, имениями или непосредственно, или посредством ему подчиненных управлений удельными имениями» [14. Л. 7 об.]. Иными словами, Мургабское государево имение было приравнено к удельным округам.

16 января 1888 г. был определен первоначальный состав управления имением – управляющий, делопроизводитель-бухгалтер и письменный переводчик. Можно предположить, что именно военизированным характером Закаспийской области было продиктовано решение назначать управляющего из числа офицеров «с подчинением его в дисциплинарном отношении командующему войсками»⁴ Закаспийской области» [14. Л. 7].

Кроме общих для всех управляющих удельными конторами обязанностей, на управляющего Мургабским государственным имением было решено возложить разъяснение всех условий заселения имения с предоставлением ему равной с начальником округа полицейской власти в пределах имения» [14. Л. 7]. Полицейскую власть начальника округа (уезда по нормам внутренней империи и соседнего Туркестанского генерал-губернаторства) следовало присвоить управляющему имением в ожидании мощного прилива рабочей силы на время строительства Султанбентской плотины и впоследствии.

В мае 1888 г. управляющим Департаментом уделов была утверждена Инструкция Управлению Мургабским государственным имением о производстве хозяйственных операций по имению.

Из нее известно, что в имении появилась новая должность инженера-строителя, занимавшего, судя по всему, особое положение. Он и управляющий имением должны были осуществлять взаимный контроль за проведением хозяйственных операций, а общие хозяйственные вопросы следовало решать по их обоюдному согласию [15. Л. 2].

Удаленность имения и необходимость эффективной реализации строительных задач обусловили предоставление его управляющему расширенных полномочий в части осуществления не предусмотренных сметой работ; свободы выбора способа производства работ, поставок и торгов; утверждения контрактов; принятия для финансовой отчетности расписок при приобретении товаров на базаре или с рук; отказа от требования расписок от лиц, получивших средства из экстраординарных сумм от управляющего имением или инженера-строителя. Заготовление материалов и приобретение имущества управляющему имением надлежало осуществлять по согласованию с инженером-строителем [15. Л. 2–2 об.].

В администрации имения, кроме названных выше должностей, должны были состоять помощники инженера-строителя, инженеры, техники для производства нивелировочных работ, заведующие магазинами (складами) [15. Л. 3 об.–4].

Начавшееся развитие Мургабского имения, совпавшее с переходом Закаспийской области в непосредственное ведение Военного министерства, подтолкнуло разработку правил для регулирования его повседневной жизни.

В феврале 1891 г. Департаментом уделов была утверждена Инструкция Управлению Мургабским государственным имением [16. Л. 1–5 об.]. Появление этого документа, специально регулирующего вопросы управления одним лишь имением, само по себе свидетельствует об особом положении этого императорского владения.

Этот документ укреплял на уровне имения привычное для империи единоначалие. Вся хозяйственная часть имения (ее устройство и эксплуатация, распоряжения по заготовлению материалов для нужд имения, производство расходов по всем отраслям управления) составляла предмет «исключительного и непосредственного» ведения управляющего имением (§ 1). Ему же принадлежала полицейская власть и разбор судебно-полицейских дел на территории имения наравне с начальниками округов Закаспийской области (§ 2).

Управляющему имением подчинялись все должностные лица местной администрации, а также все хозяйственные чины (приказчики, артельщики, конторщики, заведующие транспортом и магазинами, а также лица, не связанные непосредственно с сооружением инженерных конструкций). Расширился штат чинов собственно управления имения. Теперь его составляли делопроизводитель-бухгалтер, казначей, помощник делопроизводителя, переводчик и заведующий насаждениями в имении. На эти должности Департаментом уделов назначались лица по представлению управляющего имением. На прочие должности лица назначались и увольнялись самим управляющим (§ 3).

Более системно инструкция описала состав технического персонала, разделив его на три категории.

1. Начальник строительных работ.
2. Подчиненные начальнику производители работ.
3. Второстепенные технические работники (техники, чертежники, десятники) (§ 4).

Инструкция еще раз фиксировала приоритет управляющего над начальником строительных работ (прежний инженер-строитель). Только управляющий по всем связанным с имением вопросам (в том числе связанным производством технических работ) имел право входить с представлениями в Департамент уделов (§ 5).

Документ установил состав и порядок ведения технической документации (§ 7–12). Претерпела изменение статья о чрезвычайных финансовых полномочиях управляющего имением. Из нее было исключено положение о расходах на не предвиденные сметой работы, а вместо нее добавлены правила выдачи в случае надобности авансов на выполнение отдельных строительных операций (§ 13).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что инструкция 1891 г. отдельно рассмотрела вопросы, связанные с присутствием в имении рабочих, занятых на инженерных работах (§ 25–28).

Интересно, что вскоре после утверждения инструкции она была изменена в части выдачи прогонных средств для приглашаемого в имение технического персонала. Теперь решили поставить этот вопрос под более жесткий контроль – при необходимости приглашения специалистов издалека, каждый подобный случай следовало согласовывать с Департаментом уделов [15. Л. 81].

Итак, Инструкция управлению стала документом, означающим переход от учредительной фазы существования Мургабского государственного имения, когда новая территория лишь фиксировалась в своем новом статусе, к фазе становления, когда началась реализация масштабных инженерных проектов, и прежний опыт разделения власти на административную и техническую показал

свою неэффективность. Наверняка решающим фактором здесь стало неудачное восстановление Султанбентской плотины инженером И.И. Козелл-Поклевским, которое закончилось ее прорывом и неконтролируемым выбросом воды. Самостоятельность начальника строительной части в имении было решено ограничить. Одновременно растущие расходы, которые стали превосходить прогнозировавшиеся, вынудили петербургское начальство по ряду параметров ограничить финансовую инициативу и самого управляющего. Наконец, инструкция в значительной мере упорядочила и формализовала аспекты, связанные с притоком работников, занятых на строительстве гидротехнических и иных сооружений.

Через два года последовало утверждение документа, призванного поставить управление имением на более прочную основу, – было издано Временное положение об управлении Мургабским государевым имением [17. Л. 10а–10з об.]. Документ в большей степени систематизирован, состоит из восьми разделов и охватывает не только административные и технические аспекты, но и, что впервые, социальные.

Оно вновь фиксировало непосредственное подчинение управляющего имением Главному управлению уделов⁵. Его отношение к гидротехническим работам полагалось определить особыми правилами (§ 1). Управляющему по-прежнему предоставлялись права начальника уезда Закаспийской области по полицейской части и разбор судебно-полицейских дел (§ 2). Ему же, как и раньше, подчинялись все части управления и должностные лица в имении, за исключением технического персонала, занятого на гидротехнических работах. Он оставался в подчинении начальника гидротехнических работ (§ 3). Временное положение вполне однозначно заявляло, что все внешние сношения по всем вопросам от имени имения осуществляет только управляющий (в одних случаях через посредство Главного управления уделов, в других непосредственно) (§ 5).

Следуя правилам учредительных документов, к которым можно отнести положения, регламентировавшие функционирование разного рода учреждений от генерал-губернаторств и областей до отраслевых заведений, Временное положение об управлении Мургабским государевым имением очертило круг ответственности мургабского начальника: «Управляющий имением состоит ответственным распорядителем по земельному хозяйству в имении. Он заведует: всеми поселениями и возделываемыми в имении землями, производимыми насаждениями и культурными работами, больничными и жилыми зданиями, магазинами и хозяйственными постройками, а также живым и мертвым инвентарем имения» [17. Л. 10а об.] (§ 6).

Хозяйственная самостоятельность управляющего имением ограничивалась сметными назначениями (§ 7), но в случае экстренной необходимости ему разрешалось под личную ответственность производить расходы вне пределов сметы, немедленно донося об этом в Петербург (§ 8). В отношении кадров ему разрешалось в крайних случаях временно отстранять от должности любого подчиненного ему чиновника (даже назначенного столицей) с немедленным донесением Главному управлению уделов (§ 9). Он имел право предоставлять отпуск

подчиненным ему вольнонаемным служащим на один месяц, а отпуска на срок более месяца следовало согласовывать с Главным управлением (§ 10).

Кроме разделов «О денежном довольствии служащих в имении», «Порядок приема, хранения и расходования денежных сумм», «Порядок учета и освидетельствования материалов и продуктов», «Счетоводство» и «Отчетность», регламентировавших конкретные аспекты административной повседневности, Временное положение впервые включило нормы, объединенные в раздел «О медицинской части в имении».

Документ, кроме названных выше обязанностей, возложил на управляющего имением «попечение о санитарном состоянии имения и общий надзор за санитарной и медицинской частями на всей территории имения» [17. Л. 10ж об.] (§ 33). Медицинский персонал должны были составить медик и необходимое количество фельдшеров (§ 34). В случаях эпидемий управляющему разрешалось временно привлекать дополнительных фельдшеров и частных врачей (§ 35).

На медика возлагался широкий спектр обязанностей: «лечение всех служащих, рабочих и туземного населения района имения, а также постоянное наблюдение за санитарным состоянием в имении, участие в обсуждении вопросов о размещении рабочих в тех или других зданиях, или об устройстве и расположении новых жилых построек, больниц и околodков, надзор за убоем скота и продажей мяса и съестных припасов, за продовольствием рабочих подрядчиками, за водоснабжением, зарыванием отбросов и за дезинфекцией зараженных жилищ, оспопрививанием и т.п.» [17. Л. 10з] (§ 36).

На то, что главной задачей медика должно было быть обеспечение инженерных работ, свидетельствует § 37, который предписал ему постоянно проживать в одном из больничных зданий неподалеку от центра осуществления гидротехнических работ. При посещении других территорий ему разрешалось пользоваться лошадьми и экипажем от Управления имением.

Совсем не удивительно для региона, что все медикаменты, выписанные рабочим и служащим имения, надлежало выдавать бесплатно. Эта же категория населения, при необходимости, бесплатно обеспечивалась стационарным лечением (§ 39). Судя по всему, столичные начальники не собирались особо экономить на медицине. Так, медик имения получил право в особых случаях приглашать для консультации за плату одного из живших поблизости врачей (§ 41) и получал на мелкие расходы аванс 100 руб., который пролонгировался после отчета о предыдущих тратах (§ 42).

Временное положение об управлении Мургабским государевым имением 1893 г. стало первым полномасштабным документом, регламентировавшим функции управляющего, технические и финансовые процедуры, обеспечивавшие функционирование имения в соответствии со стоявшими перед ним практическими задачами. Не менее важно, что этот документ впервые уделил существенное внимание важному социальному вопросу – санитарному и медицинскому обеспечению служащих и рабочих имения. Можно спорить об истинных целях этого решения, но само по себе оно заслуживает особого внимания.

В самом конце XIX столетия Закаспийская область была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства, и областное начальство, скорее всего, решило использовать удобный момент для разрешения, видимо, беспокойного, вопроса о соотношении власти начальника области и управляющего имением. Естественно, инициатором его обсуждения стал начальник области А.А. Боголюбов, вошедший с соответствующим представлением к генерал-губернатору С.М. Духовскому.

Закаспийский областной начальник признал соглашение 9 ноября 1887 г. между П.А. Рихтером и А.В. Комаровым вызывающим в современных условиях неопределенность и пришел к заключению, «1) что имеющееся в соглашении статс-секретаря Рихтера с генералом Комаровым выражение, что управление имением в административном отношении сосредоточивается в Департаменте уделов, следует понимать так, что начальник области по всем вопросам, возникающим по административному управлению имением, подчиненным ему на точном основании II т. Св. зак. Рос. имп. как губернатору, сносится с Департаментом уделов, ныне с Главным управлением Министерства императорского двора и уделов; 2) что управляющий имением, как лицо, исполняющее распоряжения начальника области (пар. 9 соглашения), должен пользоваться в районе имения административными правами начальника уезда и подчиняться начальнику области наравне со всеми другими уездными начальниками области на точном основании 694 ст. Общ. губер. учрежд.» [14. Л. 9].

Докладывая суть дела своему министру, исправляющий должность начальника Главного управления уделов В.С. Кочубей обращал внимание на некоторые неточности генерала Комарова. Он обратил внимание на то обстоятельство, что, согласно упомянутой выше ст. 1209 т. 2 Свода законов Российской империи по изданию 1892 г., Мургабское имение, приравненное высочайшим повелением от 16 января 1888 г. к удельному округу, не подчиняется «никакому месту или лицу общего губернского управления по хозяйству удельному... состоя под начальством Главного управления уделов» [14. Л. 9 об.].

А потому князь Кочубей был убежден, что о подчинении государева имения начальнику области не могло быть и речи, и что подчинение управляющего начальнику области наравне с другими уездными начальниками вызвало бы крайне нежелательную двойственность.

При этом руководитель Главного управления уделов признал справедливость предложения С. Духовского внести в отношения начальника области и управляющего имением изменения, с тем чтобы они пришли в соответствие с современными требованиями жизни.

В. Кочубей резюмировал: «Признавая, что выделение населения на территории государева имения из ведения общей областной администрации возлагает на местные удельные органы такие обязанности, которые совершенно не относятся к задачам Уделов, и что если, быть может, тридцать лет тому назад встречалась необходимость предоставить управляющему государевым имением равную с уездными начальниками полицейскую власть на территории имения, то в настоящее

время в этом особой надобности нет, я, со своей стороны, полагал бы освободить управляющего государевым имением от возложенных на него ныне обязанностей уездного начальника с тем, чтобы в полицейском отношении территория государева имения находилась на общем основании в ведении областной администрации» [14. Л. 10–10 об.]. Одновременно он, что вполне логично, предложил отказаться от действовавшего правила назначать на должность управляющего имением лиц непременно военного звания.

Министр императорского двора и уделов согласился с предложениями князя Кочубея.

Документы свидетельствуют, что еще до принятия соответствующего закона в Мургабское имение для исполнения полицейских функций начальником Закаспийской области стали назначаться приставы. И само имение в административно-полицейском отношении оказалось в зависимости от областного начальника [14. Л. 45].

Известно, что административно-полицейские функции в имении с 1902 г. осуществляли пристав, письмоводитель, переводчик и три всадника (джигита) с общим расходом в 5 068 руб., отнесенным на суммы военно-народного управления Закаспийской области [14. Л. 111].

Практика показала, что на должность пристава стали назначаться лица с сомнительной репутацией, «по суду опороченные», что не могло устраивать удельное ведомство [14. Л. 45–45 об.], которое наиболее желательным видело постановку пристава (или полицмейстера) в зависимость от управляющего имением. При этом сам управляющий в административно-полицейском отношении должен был быть подчинен непосредственно генерал-губернатору, а не начальнику Закаспийской области.

Реализованная на практике зависимость полицейской власти в имении от начальника области, по мнению управляющего Мургабским имением Ю.Д. Еремеева, ставила его «в весьма затруднительное положение, так как ходатайство перед генерал-губернатором о смещении подобных лиц... несомненно послужило бы к обострению отношений с начальником области, что, при проектируемой генералом Усаковским⁶ зависимости от него управляющего, очевидно, отразилось бы крайне вредно на общем деле. Поэтому... естественным выходом из такого положения является предоставление права выбора пристава или полицмейстера управляющему с утверждения генерал-губернатора» [14. Л. 45 об.].

В докладной записке на имя туркестанского генерал-губернатора Н.Н. Тевяшева управляющий имением объяснял необходимость модернизации административно-полицейской системы. Он отметил, что «ежегодные значительные затраты государева имения на улучшение ирригационной системы, культуры местной флоры и возможного распространения среди туземцев-арендаторов сельскохозяйственных знаний совместно с оборудованием крупных хлопкоочистительного и масляного заводов естественно обусловили необычайный прирост населения усадьбы, которого еще в 1903 году едва насчитывалось 2 000 человек, а ныне числится свыше 6 500 постоянных жителей, не

считая разных временно проживающих в пределах имения и достигающих в рабочее время до 12 человек. В числе помянутых обывателей насчитывается до 1 800 чел. постоянных русских рабочих, крайне дисциплинированных и весьма сомнительной нравственности» [14. Л. 46].

Непосредственный полицейский надзор за жителями имения был вверен временно учрежденному приставу, подчиненного мервскому уездному начальнику, проживавшему в 29 верстах от Байрам-Али, что ставило пристава в затруднительное положение в случае принятия неотложных мер в условиях непростого революционного времени. Управляющий имением видел выход в присвоении этому приставу прав уездного начальника, что, с другой стороны, лишь способствовало бы усугублению недоразумений между управляющим и мервским уездным начальником, ибо для местных жителей управляющий имением был безусловным авторитетом. От его воли зависело не только материальное положение населения имения, но и получение права на торговлю и косвенно выборы старшин. А уездная администрация, проводя линию областного начальства, нередко вступала в конфликт с управляющим. И положение временного пристава между фактической властью управляющего имением и формальной властью начальника уезда было весьма затруднительным.

Предыдущие начальники Закаспийской области (А.Н. Куропаткин и Д.И. Субботич) предлагали не нарушавшее закон подчинение байрамалийского пристава управляющему имением при подчинении последнего начальнику области в административно-полицейском отношении с предоставлением ему прав уездного начальника. Конечно, реализация этой идеи значительно понизила бы статус управляющего Мургабским государевым имением, равный губернатору (начальнику области). Так или иначе, но это предложение не получило одобрения тогдашнего туркестанского генерал-губернатора Н.А. Иванова.

В новых же условиях начальник Главного управления уделов князь В. Кочубей, исходя из несостоятельности существовавших административно-полицейских отношений в имении, ежегодного значительного прироста его населения, регулярного посещения имения иностранными туристами, возrastавшей революционной активности населения имения, возбудил обсуждение вопроса о правильной организации полицейской службы в Мургабском государевом имении.

Управляющий Ю. Еремеев предложил территорию имения в полицейском, санитарном и народно-судебном отношениях передать ведению особого полицмейстера (или пристава), «действующего под ближайшим руководством управляющего государевым имением и в непосредственном подчинении начальника области» [14. Л. 48]. При этом на этого полицмейстера возлагались бы обязанности председателя народного суда как первой апелляционной инстанции для аульных судов (вторая инстанция – Асхабадский народный суд). Всякая зависимость от мервского уездного начальника должна была прекратиться [14. Л. 48 об.].

Другой вариант решения вопроса управляющий Еремеев видел в учреждении в Байрам-Али должности особого полицмейстера с властью уездного начальника, прямо подчиненного управляющему имением и непосредственно подчиненного туркестанскому генерал-губернатору на правах особого градоначальника. Должности управляющего в этом случае можно было бы вернуть военный статус и разместить в усадьбе имения небольшую воинскую часть [14. Л. 48 об.].

Последний вариант казался более предпочтительным, так как в случае его реализации управляющий имением не терял бы своего привычного и установленного законом достоинства от подчинения главному начальнику края наравне с другими военными губернаторами.

Однако приложенная к докладной записке инструкция чинам полиции Мургабского государева имения [14. Л. 51–52] представляет собой попытку реализации первого варианта – с подчинением областному начальству. Подготовленный в управлении проект учреждал в Байрам-Али должность полицмейстера, который был поставлен в непосредственное подчинение начальника Закаспийской области (не уездного начальника), но был «обязан исполнять все поручения управляющего имением и руководствоваться его указаниям поскольку последние не нарушают указаний и распоряжений начальника области» [14. Л. 51 об.]. Этот полицмейстер должен был назначаться начальником области по соглашению с управляющим имением. Ему предлагалось присвоить права уездного начальника области, приравненного к уездному исправнику внутренней России. А исключительное положение государева имения диктовало расширение круга его обязанностей за счет наблюдения за работой народного суда, руководства милицейской стражи в имении, исполнения поручений управляющего имением в пределах своей власти [14. Л. 51 об.].

Массовое заселение территории Мургабского имения потребовало учреждения управления его жителями. Полицейстеру предлагалось предоставить право по соглашению с управляющим имением назначать и отстранять от должности аульных должностных лиц туземного управления, утверждавшихся в должностях начальником области. К его компетенции следовало отнести наложение на аульных должностных лиц дисциплинарных и административных взысканий, а также награждать их за усердие, принесшее краю пользу [14. Л. 51–51 об.].

Ближайшим помощником полицмейстера и его заместителем должен был стать пристав с правами и обязанностями полицейского исправника в ординарных губерниях. Но, его компетенции были расширены за счет заведования туземным населением имения.

Исправник должен был следить за благочинием⁷ и порядком в имении, принимать жалобы представителей коренного населения и представлять в народном суде. Прямым исполнителем всех распоряжений пристава и его заместителем на время отсутствия предлагалось сделать помощника пристава, который должен был наблюдать за исполнением служебных обязанностей околоточными, надзирателями и иными нижними полицейскими чинами [14. Л. 52].

Соответствующее делопроизводство концентрировалось в канцелярии полицейского управления, состоявшей из трех чиновников. А вообще в имении, кроме полицмейстера, пристава и его помощника, полагалось иметь двух околоточных (районных) надзирателей, дюжину полицейских, 17 конных милиционеров и 3 надзирателей арестного дома [14. Л. 52 об.].

В июле 1906 г. туркестанский генерал-губернатор Д.И. Субботич доложил военному министру о достигнутом соглашении с Главным управлением уделов, согласно которому из штата полицейского управления имения была исключена должность помощника пристава, а Главное управление согласилось выделить на полицейские нужды дополнительный кредит [14. Л. 77–77 об.]. Однако заметим, что это было не единственным изменением. Из нового варианта штата были исключены полицмейстер (его заменил пристав), один околоточный надзиратель, 4 полицейских, 7 чинов конной милицейской стражи, один надзиратель арестного дома и секретарь канцелярии [14. Л. 78]. Общая экономия должна была составить 4 210 руб. Судя по всему, сокращение штата произошло из-за невозможности военных (областных) властей и нежелания удельных нести дополнительные расходы по имению. Была согласована сумма в 6 194 руб., которую Главное управление уделов готово было внести в дело укрепления правопорядка на территории Мургабского государственного имения [14. Л. 78].

Одновременно генерал-лейтенант Субботич представил свой систематизированный вариант Временной инструкции об административно-полицейском управлении Мургабского государственного имения [14. Л. 79–80 об.].

Согласно этому документу административно-полицейская власть на территории имения должна была принадлежать начальнику Закаспийской области, управляющему и байрамалийскому приставу, в ведении которого полагалось оставить канцелярию пристава, аульные суды, съезд народных судей, чинов первичной (туземной) администрации, байрамалийское полицейское управление и полицейских чинов имения (§ 2). При этом начальнику области в отношении административно-полицейского управления в имении следовало предоставить права губернатора в местностях, входящих в состав генерал-губернаторств, а управляющему имением – права уездного начальника (§ 3), без согласия которого начальник области не имел возможности назначить или отстранить пристава от должности (§ 4).

Управляющему предлагалось представить право отдавать приказания приставу в части обеспечения порядка среди рабочих и служащих имения и расположенных на его землях удельных заводов, а также ограждения имения «от убытков, причиняемых беспорядками, волнениями и злоумышленными действиями» [14. Л. 79 об.].

Из инструкции управляющего Ю.Д. Еремеева в новый документ перекочевали права исправника, прежде полагавшиеся полицмейстеру: «а) наблюдение за правильным выполнением народными судами своих обязанностей и надзор за тем, чтобы суд и расправа у ту-

земцев отправлялись согласно народному обычаю и существующим правилам; б) комплектования милиционной стражи имения и руководство ее службой и в) заведование байрамалийским арестным домом» [14. Л. 80] (§ 8). Кроме того управляющий имением мог передавать приставу непосредственное исполнение тех обязанностей уездного начальника, которые признает нужным (§ 13).

Рассмотрев поступивший весной 1908 г. проект штата приставского управления в имении, Государственная Дума решила не делать значительных отступлений от штата действовавших в области приставских управлений [14. Л. 119] и постановила сохранить предложенный туркестанским генерал-губернатором его состав, снизив при этом содержание самого пристава на 700 руб. по сравнению с проектом Д. Субботича. При этом из общего расхода в 9 820 руб. 6 194 руб. были отнесены на счет Главного управления уделов, а 3 626 руб. – на земские средства Закаспийской области [14. Л. 119–119 об.]. 10 июля 1910 г. штат получил высочайшее утверждение [14. Л. 118].

Одновременно с обсуждением вопросов организации полицейской части в Мургабском государственном имении, стимулированным резким ростом его населения и обострением внутривластной ситуации в стране, в правительственных кругах продолжилась дискуссия о месте имения в административной системе Закаспийской области и Туркестанского генерал-губернаторства.

Но самым острым оказался новый для Байрам-Али вопрос об упорядочении служебных отношений между управляющим имением и начальником появившихся на его территории хлопкоочистительного и масляного заводов.

В январе 1906 г. в Главном управлении уделов под председательством помощника его начальника С.Ю. Толстого была созвана комиссия для обсуждения вопроса о служебных отношениях между управляющим Мургабским государственным имением и начальником мургабских заводов в связи с вопросом о круге деятельности последнего. В состав комиссии вошли чиновники Главного управления, управляющий имением, начальник заводов и другие лица.

Открывая заседания комиссии 10 января 1906 г. действительный статский советник Толстой обратил внимание на пагубность фактически независимого положения начальника заводов от управляющего имением, что приводило не только к существованию двух самостоятельных административных практик на территории имения, но и к превращению хлопкоочистительного завода в совершенно самостоятельное коммерческое предприятие, «тогда как, по существу дела, он должен был бы иметь по отношению к Мургабскому имению лишь служебное значение – такое же, например, как молотилка в любом имении. Такое устранение управляющего имением от всякого участия в деятельности заводов очень неблагоприятно сказалось и в деле введения в имении масляного производства. Дело это совершенно неожиданно для управляющего имением было организовано в весьма широких размерах с громадной затратой на постройку завода.

Между тем такая постановка дела, при которой является необходимым закупать семена в Фергане за 700–800 верст от местонахождения завода, а затем отправлять масло для продажи в Россию по железной дороге через Ташкент – обратно по пути, по которому проведены были семена, – представляется несомненно нерациональной. Совсем иначе обстояло бы дело, если бы, как это первоначально и предполагалось, был построен небольшой масляный завод, с затратой около 80 тысяч рублей, для переработки только семян, которые могли бы получаться в имении» [17. Л. 12 об.–13].

Получается, что реализация начальником заводов своих узкокорпоративных интересов привела не просто к разобщению административного начала в имении, но к прямым убыткам от бесконтрольной хозяйственной деятельности.

Взявший слово начальник заводов, надворный советник М.И. Викулин, высказался не только за сохранение своей полной самостоятельности в техническом и хозяйственном отношениях, но и за ликвидацию зависимости от управляющего имением по частям административной, санитарной и полицейской.

Управляющий статский советник Еремеев вполне справедливо заявил, что у проблемы есть два решения, зависящие от исходного посыла – являются ли заводы самостоятельным коммерческим предприятием либо необъемлемой принадлежностью имения. И в первом случае их необходимо поставить в совершенно самостоятельное положение, а во втором – признать одной из отраслей государственного имения (наравне с агрономической и ирригационной частями) и подчинить его управляющему.

Заведующий одним из делопроизводств Главного управления уделов коллежский советник А.А. Сиверс выразил опасения, что подчинение начальника заводов управляющему имением создаст почву для постоянных пререканий и нанесет ущерб заводскому делу. Заведующий другим делопроизводством надворный советник И.А. Голубов обратил внимание на хаотическое состояние заводской отчетности, когда Главное управление уделов не имело понятия о том, на что конкретно был израсходован миллион рублей, затраченных на строительство заводов. А потому высказался за подчинение начальника заводов управляющему имению во всех отношениях.

Обращаясь к вопросам собственно управления заводами, С. Толстой предложил, по опыту других российских и зарубежных предприятий, изъять сбыт готовой продукции (очищенного хлопка и масла) из рук начальника заводов и передать особому лицу, непосредственно подчиненному Главному управлению уделов. Фактически этот специалист должен был стать маркетологом, исследуя потребности рынка и требования покупателей с тем, чтобы эти требования через Главное управление передавались непосредственно на производство. Техническая сторона должна была полностью остаться в руках начальника заводов. За ним следовало сохранить право назначать всех служащих (старших – с утверждения Главного управления).

Управляющему имением следовало предоставить инспекторскую власть над заводами: «Он следит за ведением и современным представлением в Главное

управление отчетности по заводу. Помимо него не может пройти ни одно новое предположение по заводу, ни одна постройка. Он рассматривает сметы по заводам и дает по ним заключения. Он может предложить начальнику заводов уволить того или другого служащего, причем исполнение такого предложения должно быть для начальника заводов обязательным. Наконец, он является представителем заводов при сношениях по делам заводов с местной администрацией, причем, однако, сношения с местным приставом могут делаться и непосредственно начальником заводов» [17. Л. 14 об.].

За учреждение должности комиссионера, ответственного за сбыт готовой продукции, члены комиссии проголосовали единогласно. Что касается подчинения начальника заводов управляющему имением во всех отношениях, то лишь М.И. Викулин высказался против.

Результатом деятельности комиссии стала разработка двух документов, регламентировавших разные стороны жизни Мургабского государственного имения.

Одним из них стало Положение об управлении Мургабским государевым имением [17. Л. 17–22 об.]. Оно фиксировало подчиненный управляющему штат, который состоял из помощника управляющего, инженера (заведующего ирригационными и гражданскими сооружениями), агронома (ответственного за полеводство и образцовое хозяйство), землемера (заведующего межевой частью), начальника заводов, заведующего канцелярией и заведующего медицинской частью (§ 2). Канцелярия управления формировалась из заведующего, двух бухгалтеров (по имению и по заводам), контрольного чиновника и переменного числа вольнонаемных служащих (§ 3).

Объединяя существовавшую практику и предложенные изменения, управляющий признавался высшим руководителем и для имения, и для заводов на правах управляющего удельными округами и наделялся в полицейском отношении правами уездного начальника (§ 4). Ему подчинялись штатные чины управления, заведующие отдельными частями и вольнонаемные служащие имения и заводов (§ 5). Существовавшее с 1893 г. право временного отстранения должностных лиц было распространено на служащих заводов (§ 7), а право управляющего предоставлять вольнонаемным служащим отпуск с сохранением содержания было распространено до 1,5 месяцев (§ 8).

Абсолютной новеллой, вызванной практикой, стало включение в Положение статьи, расширяющей права управляющего до власти Главного управления уделов в случае утраты связи Байрам-Али со столицей, «при чем управляющий руководствуется в таких случаях личным усмотрением и заранее выработанной и преподанной на этот счет инструкцией Главного управления уделов» (§ 20).

Полицейская власть управляющего имением регламентировалась рассмотренными выше документами, в том числе Временной инструкцией об административно-полицейском управлении Мургабского государственного имения 1906 г. (§ 9).

Сохранялись заявленные прежде (1893) права управляющего имением по земельному хозяйству и до-

полнялись правами по эксплуатации заводского комплекса (§ 12–14). Так же сохранялось и требование к управляющему руководствоваться в своих хозяйственных распоряжениях утвержденными сметами, равно как и право выхода за пределы сметы в экстренных обстоятельствах (§ 16–17). Из текста Положения узнаем, что в Байрам-Али действовало Общество потребителей служащих и арендаторов государева имения и заводов, устав которого передавал управляющему имением руководящую власть и контроль над деятельностью этого общества (§ 21).

Стремлением упорядочить административные и хозяйственные отношения в имении вызвано, судя по всему, появление раздела Положения «О штатных чинах и их обязанностях».

Кроме повторения прежнего тезиса о том, что помощник управляющего является его заместителем, фиксировалось его особое положение как ближайшего и непосредственного исполнителя распоряжений управляющего. А потому за его подписью «идут все исполнительные от Управления бумаги, ордера, квитанции и билеты. Ему, по усмотрению управляющего, может быть поручена какая-нибудь особая отрасль хозяйства в ответственное распоряжение» [17. Л. 19 об.] (§ 25).

На инженера, заведующего ирригацией и строительной частями, возлагались: «1) составление проектов, планов и смет на все ирригационные и строительные сооружения имения, 2) осуществление этих проектов по их утверждению, 3) наблюдение за всеми гидротехническими и ирригационными сооружениями, 4) постройка зданий и ремонт их, 5) непосредственное наблюдение за подчиненным низшим техническим персоналом, подбор его и представление на утверждение управляющему, 6) надзор за всеми производящимися в имении работами, наем рабочих и 7) составление расчетов всем служащим и рабочим по техническому отделу» [17. Л. 20] (§ 26).

На агронома возлагалось «заведование опытным полем, научное наблюдение за культурами края и руководство арендаторов в их посевах, ведение собственного полеводства, заведование инвентарем полеводства и складом земледельческих орудий, наем служащих полеводства и рабочих, составление для них расчетов и наблюдение за исполнителями арендаторами» [17. Л. 20] (§ 27).

По новым правилам начальник завода непосредственно подчинялся управляющему имения. К сферам его персональной ответственности были отнесены: «ответственное и самостоятельное наблюдение за всей технической частью заводов и, кроме того, хозяйственная часть, непосредственный надзор за производством заводов, за доброкачеством производимых продуктов, целостью и сохранностью машин; ответственное наблюдение за низшим техническим персоналом, служащими и рабочими заводов, наем старших из них и составление расчетов для них; надзор за всеми мастеровскими; выписка машин, инструментов, станков и необходимых материалов; составление технических и хозяйственных смет и предположений по заводам на

предмет представления их в Главное управление уделов с обязательным заключением по ним управляющего имением, и непосредственное ведение переписки, касающейся технической части заводов» [17. Л. 20–20 об.] (§ 29).

Делопроизводитель не только заведовал канцелярией управления, но и являлся личным секретарем управляющего (§ 30). Кроме штатных должностей управления, в имении состояли и вольнонаемные заведующие отдельными частями – садовод, заведующий лесоводством, заведующий поливной частью.

В обязанности садовода входило: «1) заведывание всеми возделываемыми культурами садоводства, питомниками, парковыми насаждениями, садами и огородами, 2) наблюдение за виноградниками и фруктовыми садами, 3) сбор фруктов и сушка их, 4) отпуск из питомника растений и продажа продуктов садоводства, 5) ответственный надзор за служащими и рабочими садоводства, подбор их и производство им расчетов, 6) ответственность за инвентарь садоводства, 7) заведование конторой садоводства и 8) ведение специальной переписки по садоводству, а также с заказчиками и покупателями» [17. Л. 22–22 об.] (§ 44).

Несколько скромнее были функции заведующего лесоводством. Естественно, что он отвечал за лесонасаждение и ведение всего лесного хозяйства имения, за сохранность лесов, надзирал за резкой камыша и верблюжьей колючки, за рабочими и служащими лесоводства (§ 45).

Задачи большой социальной значимости выполнял заведующий поливной частью, на которого возлагалось: «1) наблюдение за поливами, за количеством расходуемой воды, за распределением очередей полива и точным их соблюдением, 2) надзор за арендаторскими посевами и 3) исполнение всех требований, возлагаемых на заведующего поливной частью, согласно утвержденных Главным управлением уделов обязательств арендаторов» [17. Л. 22 об.] (§ 46).

Расширение имения повлекло за собой необходимость расширения и штата медицинского персонала, который в новых условиях составили старший врач, младший врач, провизор, фельдшеры, низший медицинский и аптекарский персонал, подчиненный управляющему (§ 32).

Из нового Положения было исключено разрешение при необходимости привлекать частных врачей для борьбы с эпидемиями. Видимо, наличного медицинского персонала было вполне достаточно.

Зато был расширен круг ответственности старшего врача. Ему вменялось «лечение всех служащих, рабочих и туземного населения района имения и заводов, а также постоянное наблюдение за санитарным состоянием в имении и на заводах, заведывание больницей и наблюдение за прочим медицинским и аптечным персоналом, распределение занятий и обязанностей между ними, участие в обсуждении вопросов о размещении рабочих в тех или других зданиях или об устройстве и расположении новых жилых построек, больниц и околотов, надзор за убоем скота и продажей мяса и съестных припасов, за продовольствием

рабочих подрядчиками, за водоснабжением, зарыванием отбросов и за дезинфекцией зараженных жилищ, оспопрививанием и т.п.» [17. Л. 21] (§ 34).

В новом Положении осталось право служащих и рабочих имения и заводов получать лекарства по назначению врача бесплатно, бесплатно лечиться в больнице, возможность приглашать для консультации или помощи при оперативном вмешательстве частнопрактикующих врачей, оперативно расходовать некоторые финансовые ресурсы (§ 37–38, 40).

В развитие решений названной выше комиссии было утверждено Положение об управлении мургабскими хлопкоочистительным и масляным заводами [17. Л. 37–37 об.], которое еще раз зафиксировало, что начальник заводов по технической части пользуется самостоятельностью, а в остальном полностью подчиняется управляющему Мургабским государевым имением (§ 2). Рапорты начальника заводов в Петербург, назначение и увольнение заводских служащих, закупка необходимых материалов, наблюдение за отчетностью – все это осуществлялось только с ведома и разрешения управляющего имением (§ 4–6, 9).

Документы 1906 г. подтверждали весьма высокий статус Мургабского государева имения в системе Главного управления уделов и фиксировали зависимость его управляющего в административно-полицейском отношении от начальника Закаспийской области. При этом полученный статус уездного начальника отнюдь не умалял самостоятельности управляющего, который до этого (с 1902 г.) был поставлен в полицейском отношении в зависимость от мервского уездного начальника.

В целом следует вполне однозначно признать рост самостоятельности управляющего имением, которому не только был подчинен стремившийся стать независимой инстанцией начальник местных заводов. Управляющему были присвоены права инспектора заводского хозяйства. А угроза дестабилизации в условиях нараставшей социальной напряженности обусловила предоставление ему при определенных обстоятельствах права принимать ответственные решения без согласования с Главным управлением уделов.

Начальник же мургабских заводов попал практически в полную зависимость от управляющего имением и даже был лишен возможности осуществлять торговлю произведенным товаром.

В 1910 г. правила управления имением и расположенными в нем заводами были пересмотрены. Положение об управлении Мургабским государевым имением [17. Л. 56–77] было иначе структурировано и составлено из разделов «Права и обязанности управляющего имением», «О денежном довольствии служащих в имении», «Счетоводство, прием, хранение и расходование денежных сумм и порядок учета и освидетельствования материалов» и «Медицинская часть». В связи с тем, что к заявленной проблеме относятся не все разделы, на них и следует остановиться.

Полномочия управляющего имением были оставлены фактически без изменения. Лишь были сделаны акценты, демонстрирующие укрепление властной вертикали. Так, прямо запрещалось любым служащим

имения входить в Главное управление уделов с ходатайствами в обход управляющего (§ 3 прим.). Несмотря на то, что компетенции руководителей отдельных отраслей управления в имении должны были регулироваться специальными инструкциями, управляющему было предоставлено право возлагать на них непредусмотренные этими инструкциями поручения, которые те должны были беспрекословно выполнять (§ 4). Сохранялось право управляющего временно отстранять штатных служащих, предоставлять отпуск штатным и вольнонаемным служащим (§ 6–8). А его право осуществлять экстраординарные расходы было обусловлено их утверждением Главным управлением уделов либо требованием обратить произведенный расход в начет на управляющего (§ 13). Кроме этого, в разделе о правах и обязанностях управляющего появилась статья, подробно описывающая правила исполнения смет (§ 14).

Раздел, описывающий состояние медицинской части в имении, также не отличался от Положения 1906 г. Лишь круг обязанностей старшего врача был расширен за счет надзора за «известными домами» (§ 44). Судя по всему, медицинское и санитарное состояние «известных домов», получивших некоторое распространение в имении, превратилось в существенную социальную проблему. В новое Положение перешли льготы по бесплатному лекарственному обеспечению и стационарному лечению служащих в имении и заводах, а также рабочих (§ 47), возможность приглашать для консультаций и участия в операциях частнопрактикующих врачей за плату (§ 48) и выдавать старшему врачу на мелкие расходы под отчет аванса в 100 руб. (§ 50).

Несколько позднее Главное управление уделов утвердило Положение об управлении мургабскими заводами [17. Л. 93–94]. Оно в большей мере отличается от предшествующего 1906 г.

Во-первых, теперь выдавалась печать с гербом и с надписью «Начальник мургабских заводов» (§ 1). Во-вторых, вопреки зафиксированному в Положении об управлении мургабскими хлопкоочистительным и масляным заводами 1906 г. мнению комиссии Главного управления уделов, оно могло поручать начальнику заводов продажу всей продукции заводов. И в этом случае он должен был руководствоваться особой инструкцией для лиц, заведующих продажей этих продуктов. Начальнику заводов вменялась в обязанность и продажа заводских товаров внутри Туркестанского края (§ 3).

Новое Положение назвало инженера-механика и инженера-химика заводов помощниками их начальника (§ 4). На этих лиц начальник заводов мог возлагать самостоятельное ведение отдельных отраслей хозяйства, равно как и давать поручения, выходящие за круг их прямых обязанностей, другим служащим заводов (§ 5).

Важно отметить, что начальнику заводов было возвращено утраченное в 1906 г. право непосредственного сношения с Главным управлением уделов и другими учреждениями и лицами, хотя и с уведомлением о том (копиями документов) управляющего имением (§ 7).

Столь заметное расширение прерогатив начальника мургабских заводов все-таки должно было быть компенсировано некоторым противовесом. Поэтому Главное управление уделов внесло в Положение § 8: «На управляющего именем возлагается общее наблюдение за соблюдением начальником заводов настоящего Положения и правил службы вообще. Если управляющий именем найдет какое-либо действие или распоряжение начальника заводов неправильным, то он обязан указать <на> это начальнику заводов и потребовать отмены незаконного или нарушающего интересы Уделов распоряжения с донесением о том Главному управлению уделов» [17. Л. 94].

Нормативно-правовые акты 1910 г. демонстрировали некоторое ослабление власти управляющего именем. Хотя его внешнее положение (в Главном управлении уделов и в Закаспийской области) оставалось прежним, существенные изменения произошли внутри имения. Были несколько расширены кадровые прерогативы управляющего в отношении старших служащих имения (при этом конкретные обязанности начальников отдельных отраслей управления установлены не были). Но во многом утрачен контроль над начальником мургабских заводов, который усилил свою самостоятельность вплоть до того, что смог напрямую обращаться к столичному начальству, решать некоторые кадровые вопросы и, самое главное, торговать продукцией заводов.

Не исключено, что такое смещение властных полномочий иллюстрирует два протекавших одновременно разнородных процесса. С одной стороны, ослабление социальной напряженности в стране, а с другой – повышение интереса к коммерческой стороне жизни имения, воплощением которой и являлся начальник заводов.

Остается ответить на вопрос, упоминалось ли Мургабское государево имение в основном (учредительном) законодательстве об управлении Закаспийской области. Исходя из того, что территория имения нахо-

дилась в ведении Главного управления уделов Министерства императорского двора и уделов, она фактически находилась вне сферы непосредственной ответственности начальника области. Поэтому ни во Временном положении об управлении Закаспийской области 1890 г. [12. Т. 10. Отд. 1. С. 71–75], ни в проектах его изменения [18. Л. 2–53 об.], ни в действовавшем в 1910-е гг. законодательстве об управлении областью [19. Стб. 1119–1126] об имении не говорится ни слова. Лишь объяснительная записка к проекту Положения об управлении Закаспийской областью 1914 г. напоминала, что «Мургабское государево имение управляется по особому положению и лишь в административно-полицейском отношении население на территории имения подчиняется начальнику Закаспийской области» [20. Л. 61 об.].

Итак, Мургабское государево имение формально и фактически занимало в Закаспийской области обособленное положение, лишь по административно-полицейской части находясь в зависимости от начальника области. И хотя управляющий имения не получил статуса, абсолютно равного статусу губернатора Туркестанского края, в пределах имения он пользовался почти неограниченными правами, являясь высшей инстанцией как для служащих и рабочих, так и для администрации коренного населения. Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что борьба управляющего за сохранение своего высокого статуса была непростой, что ему противостояло закаспийское начальство, стремившееся удержать в своих руках контроль над всей территорией области.

Другим вектором административного противостояния были отношения между управляющим имением и начальником мургабских заводов. Усиление промышленного производства в имении, стимулированное появлением Закаспийской военной железной дороги, поставило последнего в исключительное положение. Но, даже получив широкие полномочия, он оставался под общим контролем управляющего.

Примечания

¹ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=1> (дата обращения: 21.05.2024).

² Мургаб.

³ В тексте указано «Главного управления уделов», так как документ цитирует Свод законов по изданию 1892 г., когда Департамент уделов был преобразован в Главное управление уделов Министерства императорского двора и уделов.

⁴ Начальнику.

⁵ К этому времени Департамент уделов был преобразован в Главное управление уделов Министерства императорского двора и уделов.

⁶ Е.Е. Уссаковский – генерал-лейтенант, военный губернатор (начальник) Закаспийской области в 1902–1905 гг.

⁷ Благоприятностью.

Список источников

1. Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане. Ашхабад : Ылым, 1991. 224 с.
2. Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М. : Изд-во вост. лит., 1960.
3. Волков А.П., Попов В.В. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 76–81.
4. Васильев Д.В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 1. С. 85–107.
5. Волков И.В. Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии : дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2020. 513 с.
6. Алимджанов Б.А. Позиция российской администрации в ирригационном вопросе Туркестана (1867–1917 гг.) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15, № 10. С. 16–18.
7. Ходжакулиева Б.А. Из истории туркмено-российских отношений: экономические преобразования в Закаспийской области // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 4, № 12. С. 68–73.
8. Алимджанов Б.А. История деятельности Мервского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка // Экономическая история. 2018. Т. 14, № 2. С. 155–169.
9. Алимджанов Б.А. А.Н. Куропаткин и экономическая политика Российской империи в Центральной Азии // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 93–103.

10. Бочкарева И.Б. Иригационный вопрос в политике России в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // Былые годы. 2021. № 16 (3). С. 1399–14.
11. Брусина О.И., Соловьева Л.Т. Мургабское государевое имение в Байрам-Али по материалам Г.И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 10 (120). doi: 10.18254/S207987840023218-8
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е : [с 1-го марта 1881 г.]. СПб. : Гос. тип., 1881–1916. Т. 1–33.
13. Васильев Д.В. Поступь империи. Политика России в Центральной Азии: XIX – начало XX в. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 636 с.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). СПб. Ф. 515. Главное управление уделов МИДв. Оп. 44. 1871–1912 гг. Д. 397.
15. РГИА. Ф. 515. Главное управление уделов МИДв. Оп. 44. 1871–1912 гг. Д. 97.
16. РГИА. Ф. 515. Главное управление уделов МИДв. Оп. 51. 1886–1913 гг. Д. 980.
17. РГИА. Ф. 515. Главное управление уделов МИДв. Оп. 81. 1865–1917 гг. Д. 133.
18. РГИА. Ф. 1405. Министерство юстиции. Оп. 83. 1883 г. Д. 11400.
19. Свод законов Российской Империи дополненный по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. Кн. 1. Т. 1–4 / под ред. А.А. Добровольского. 2-е изд. СПб. : Юридический книжный магазин И.И. Зубкова, 1913. 2774 стб.
20. Национальный архив Узбекистана. Ташкент. Ф. И-1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 27. Д. 1760.

References

1. Kanoda, N.N. (1991) *Agrarnaya politika tsarizma v Turkmenistane* [Agrarian Policy of Tsarism in Turkmenistan]. Ashgabat: Ylym.
2. Tikhomirov, M.N. (1960) *Prisoedinenie Merva k Rossii* [Merv Accession to Russia]. Moscow: Izd-vo vost. lit.
3. Volkov, A.P. & Popov, V.V. (2019) Razvitie voenno-administrativnogo upravleniya v rossiyskoy Sredney Azii vo vtoroy polovine XIX v [Development of Military-Administrative Management in Russian Central Asia in the Second Half of the 19th Century]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 8 (64). pp. 76–81.
4. Vasil'ev, D.V. (2022) Dualizm rossiyskoy administratsii na vostochnom beregu Kaspiyskogo morya [Dualism of the Russian Administration on the Eastern Shore of the Caspian Sea]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 65 (1). pp. 85–107.
5. Volkov, I.V. (2020) *Istoricheskie aspekty tsivilizatsionnoy politiki tsarskoy Rossii v Sredney Azii* [Historical aspects of the civilization policy of tsarist Russia in Central Asia]. History Dr. Diss. Bishkek.
6. Alimdzhanov, B.A. (2015) Pozitsiya rossiyskoy administratsii v irrigatsionnom voprose Turkestana (1867–1917 gg.) [The position of the Russian administration on the irrigation issue of Turkestan (1867–1917)]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*. 15 (10). pp. 16–18.
7. Khodzhaikulieva, B.A. (2016) Iz istorii turkmeno-rossiyskikh otnosheniy: ekonomicheskie preobrazovaniya v Zakaspiyskoy oblasti [From the history of Turkmen-Russian relations: economic transformations in the Trans-Caspian region]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 4 (12). pp. 68–73.
8. Alimdzhanov, B.A. (2018) Istoriya deyatelnosti Mervskogo otdeleniya Russko-Aziatskogo kommercheskogo banka [History of the activities of the Merv branch of the Russian-Asian Commercial Bank]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 14 (2). pp. 155–169.
9. Alimdzhanov, B.A. (2019) A.N. Kuropatkin i ekonomicheskaya politika Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii [A.N. Kuropatkin and the Economic Policy of the Russian Empire in Central Asia]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 8. pp. 93–103.
10. Bochkareva, I.B. (2021) Irrigatsionnyy vopros v politike Rossii v Turkestane (konets XIX – nachalo XX vv.) [The Irrigation Issue in Russia's Policy in Turkestan (Late 19th – Early 20th Centuries)]. *Bylye gody*. 16 (3). pp. 1399–14.
11. Brusina, O.I. & Solov'eva, L.T. (2022) Murgabskoe gosudarevo imenie v Bayram-Ali po materialam G.I. Karpova: antikolonial'naya kritika imper'skogo podkhoda [The Murghab Sovereign's Estate in Bairam-Ali Based on the Materials of G.I. Karpov: Anti-Colonial Criticism of the Imperial Approach]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 13 (10)/(120). doi: 10.18254/S207987840023218-8
12. Russian Empire. (1881–1916) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 3-e: [s 1-go marta 1881 g.]* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection: [since March 1, 1881]]. Vols 1–33. St. Petersburg: Gos. tip.
13. Vasil'ev, D.V. (2022) *Postup' imperii. Politika Rossii v Tsentral'noy Azii: XIX – nachalo XX v.* [The March of the Empire. Russia's Policy in Central Asia: 19th – Early 20th Centuries]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
14. Russian State Historical Archive (RGIA). St. Petersburg. Fund 515. *Glavnoe upravlenie udelov MIDv* [Main Directorate of Appanages of the Ministry of the Imperial Court]. List 44. 1871–1912. File 397.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 515. *Glavnoe upravlenie udelov MIDv* [Main Directorate of Appanages of the Ministry of the Imperial Court]. List 44. 1871–1912. File 97.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 515. *Glavnoe upravlenie udelov MIDv* [Main Directorate of Appanages of the Ministry of the Imperial Court]. List 51. 1886–1913. File 980.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 515. *Glavnoe upravlenie udelov MIDv* [Main Directorate of Appanages of the Ministry of the Imperial Court]. List 81. 1865–1917. File 133.
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. *Ministerstvo yustitsii* [Ministry of Justice]. List 83. 1883. File 11400.
19. Russian Empire. (1913) *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii dopolnennyy po Prodolzheniyam 1906, 1908, 1909 i 1910 gg. i pozdneyshim uzakoneni-yam 1911 i 1912 gg.* [Code of Laws of the Russian Empire, supplemented by the Continuations of 1906, 1908, 1909 and 1910, and later laws of 1911 and 1912]. Book 1. Vols 1–4. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskiy knizhnyy magazin I.I. Zubkova.
20. National Archives of Uzbekistan. Tashkent. Fund I-1. *Kantseliariya turkestanskogo general-gubernatora* [Chancellery of the Turkestan Governor-General]. List 27. File 1760.

Информация об авторе:

Васильев Д.В. – д-р ист. наук, профессор департамента истории Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Vasilyev, Dr. Sci. (History), professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 27.01.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья
УДК 747(470.311)“16” + 902.4
doi: 10.17223/15617793/508/16

Проблемы изучения кирпичного производства Восточной Европы и Сибири*

Светлана Измайловна Баранова¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, svetlanbaranova@yandex.ru

Аннотация. Впервые публикуются материалы раскопок 1920 и 1930 гг. близ Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом, сохранившиеся в архиве известного исследователя русского керамического производства А.В. Филиппова. Найденные в ходе раскопок детали кладки были определены А.В. Филипповым как остатки древней кирпичеобжигательной печи. Исследование найденных четырех печей позволило их реконструировать. Новые сведения об устройстве ранних кирпичных заводов могут стать важным ориентиром в поисках следов кирпичного производства на всей территории Московского государства.

Ключевые слова: кирпич, кирпичеобжигательная печь, обжиг, А.В. Филиппов, раскопки, Саввино-Сторожевский монастырь

Для цитирования: Баранова С.И. Проблемы изучения кирпичного производства Восточной Европы и Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 152–159. doi: 10.17223/15617793/508/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/16

Problems of studying brick production in Eastern Europe and Siberia

Svetlana I. Baranova¹

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, svetlanbaranova@yandex.ru

Abstract. Research and publications in recent years demonstrate a growing interest in the history of brick production since its appearance in Russia. New research opportunities are emerging in studies of trade in building materials on the Muscovy market and early brick factories, including brick production in the regions. A special section is formed by brick stamps – it is reflected in numerous materials. This interest also affects the brick production of Siberia, where there were much fewer brick buildings, although at the end of the 17th century in the main cities (Tyumen, Tobolsk, Verkhoturys) their construction was already underway. Siberian researchers have identified the peculiarities of organizing the production of bricks in the 17th century, the construction of brick factories, and the dispatch of master brickmakers. We can speak about identifying the attributing features of local brick and its perception as a cultural and historical marker of Russian Western Siberia in the 18th–20th centuries. The relevance of both the publication of archival documents and field discoveries of factories is obvious. Meanwhile, of the brick factories of the 17th century very little has been discovered so far. Even information about previously made discoveries has been lost. The aim of the study is the first publication of materials from excavations of 1920 and 1930 near the Savvino-Storozhevsky Monastery near Zvenigorod, preserved in the archive of the famous researcher of Russian ceramic production A.V. Filippov. They include information about the discovery of a brick kiln in 1920 (with the participation of V.A. Gorodtsov), the re-discovery in 1930 by a group of the Zvenigorod Museum and further excavations. The archive contains correspondence, unpublished articles by A.V. Filippov, descriptions of the finds, measurements and sketches he made, as well as information about the construction of the brick factory under the monastery in 1650–1651 collected by V.I. Troitsky. The study of the found four kilns made it possible to reconstruct them, provide important details about the finds and designs of the kilns, and also formulate the tasks of new research that have not become obsolete to this day and their possible prospects for both science and museum practice. Through these materials, the archaeological monument in Zvenigorod provides important information for a visual picture of the history of technology in the field of building materials of the 17th-century Russia.

Keywords: brick, brick kiln, firing, A.V. Filippov, excavations, Savvino-Storozhevsky Monastery

For citation: Baranova, S.I. (2024) Problems of studying brick production in Eastern Europe and Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 152–159. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/16

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

Исследования и публикации последних лет демонстрируют растущий интерес к истории кирпичного производства с момента его появления в России (ранее об этом: [1–3]). Особый раздел образуют кирпичные клейма – интерес к этой теме отражают многочисленные сайты, появление объединений собирателей и исследователей клейм, статей [4. С. 439–455; 5. С. 67–88; 6. С. 9–16; 7. С. 378–408], методических пособий [8] и каталогов [9]. Кирпич XV–XVI вв. все еще изучен недостаточно, однако определенные сдвиги есть и в этом направлении [10. С. 206–220]. Появляются новые опыты изучения торговли строительными материалами на рынке Московии XVII в. [11. С. 233–245] и ранних кирпичных заводов, таких как Строкинский [12. С. 143–150], включая производство кирпича в регионах [13. С. 65–80]. Очевидна актуальность как публикации архивных документов, так и полевых открытий заводов.

Этот интерес постепенно затрагивает и кирпичное производство Сибири, где кирпичных построек было гораздо меньше, хотя в конце XVII в. в главных городах региона (Тюмень, Тобольск, Верхотурье) их строительство уже велось [14. С. 175]. Сибирскими исследователями выявлены особенности организации производства кирпичей в XVII в., строительства кирпичных сараев, присылки мастеров-кирпичников. Можно говорить о выделении атрибутирующих признаков местного кирпича [15. С. 89; 16. С. 19; 17. С. 27–29 и др.] и его восприятию как культурно-исторического маркера русской Западной Сибири XVIII–XX вв. [18. С. 351–355].

Между тем в России кирпичных заводов XVII в. открыто пока очень мало (например, горн под Ново-Иерусалимским монастырем [19. С. 46–56]). Более того, утрачены даже ранее сделанные открытия, сведения о которых можно обнаружить в архивах. Так, раскопкам 1963 г. [20. С. 126–128] кирпичного завода 1651–1654 гг. у Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом предшествовали работы А.В. Филиппова, активно изучавшего кирпичное производство [21. С. 29–32]. Они выделены в его архиве и включают сведения об открытии в 1920 г. кирпичеобжигательной печи (с участием В.А. Городцова), о повторном ее раскрытии в 1930 г. группой Звенигородского музея (Ю.Н. Барминцев, В.М. Колобов). Эти документы позволяют восстановить не только хронику открытия печи, но и дальнейшего изучения собранного материала.

В течение этих лет А.В. Филиппов неоднократно обращался к нему, не оставляя надежды на публикацию данных. Сохранившиеся документы архива Филиппова включают различные рукописные документы, зарисовки, фотографию, а также материалы к предполагаемому изданию в виде машинописных текстов и иллюстраций¹.

Первый сохранившийся документ (вырванный из блокнота листок с записью карандашом) относится к 19 июля 1920 г.: «Монастырский лес, саж. 200 от м-ря – в рывинах вправо от дороги, ведущей от дач к м-рю. Кирпич – 2 в. × 3 1/4 в. × 7 1/2 в. красный пли... 3/4 – 7/8 вер., красный. Сосна ...примерно = 4 арш., d = 1 ар. 5 в. Крупнослойные сосны на глине, мелкослойные на

песке. Данная сосна 300–500 лет. Попадают кирпичи и куски их ошлакованные. Часто оглазурованные. Кладка, щебень. Начат. Раскопан участок 5 × 3 арш. Выяснить появление глазури и ее состав» [22]. Фиксируется результат, который дала «...летучая археологическая разведка, обнаружившая кладку трех арок из красного кирпича и значительное количество отдельных кирпичей, целых и битых, часто ошлакованных и глазурированных» [23] на расстоянии 0,5 км от Саввино-Сторожевского монастыря, в северо-восточном направлении, близ дороги к дачам и городку, у оврага. Их удалось обнаружить «... в лесной котловине, покрытой густой зарослью деревьев и кустарников... лишь благодаря указаниям местного жителя С.С. Павлова, помнившего в этом лесу небольшое, меньше 1/2 аршина, отверстие, выложенное оглазурированными кирпичами, которое им было найдено в детстве, во время поисков звериных нор» [23].

Находки были обследованы Филипповым и описаны: «В 63 км от Москвы, близ Звенигорода, в монастырском лесу б. Саввино-Сторожевского монастыря, в июле 1920 года профессором А.В. Филипповым при участии проф. В.А. Городцова были открыты остатки сводов, выложенные из красного большемерного кирпича...»

Детали открытой кладки были определены проф. А.В. Филипповым как остатки древней кирпичеобжигательной печи. Древность ее устанавливалась большим форматом кирпичей, типичным для производства до 18 века, и выросшей над сводами печи громадной сосной.

...После частичного раскрытия печи и ее заливки, она была вновь засыпана землей» [24].

Об открытии печи и ее раскопках были напечатаны по своему сенсационные заметки в звенигородской газете «Красный Луч» (24/VII–1920) и московских «Известиях» ВЦИК'а (1/VIII–1920).

Предполагая незамедлительно приступить к изучению находки, Филиппов составляет историко-технический паспорт, открытого, по его мнению, Звенигородского кирпичного завода середины XVII в. В паспорте намечаются следующие разделы: «Местонахождение. Ведомственное подчинение. Дата постройки и работы. Продукция з-да и ее назначение. Мощность з-да. Постройки з-да. Рабочая сила з-да. Дата и автор открытия и реконструкции з-да. Современное состояние завода. Литература о заводе. Технология производства. Кирпичные заводы в Звенигороде в XVII и XIX веках – завод Алсуфьевых в Ершове 1837 г.» [25]. Вскоре по ряду причин работа была отложена, но продолжала интересовать А.В. Филиппова.

Повторные изучение и раскопки были инициированы в июне 1930 г. вновь найденными кирпичными арками, обнаруженными практикантом Звенигородского музея Ю.Н. Барминцевым, которые заведующий музеем В.М. Колобов определил как остатки керамического завода. Об открытии было сообщено в правление Общества изучения Московской области, которое вновь обратилось к А.В. Филиппову с сообщением, что «...в лесу, обнаружена якобы печь. Вся... керамика, конечно древняя. Около много всякого и изразцового и кирпичного боя различных веков. Доставленные образцы относятся к XVI–XVIII вв.» [26]. Убедившись по приезду, что это та же самая, ранее найденная в 1920 г.

печь, А.В. Филиппов возглавляет археологические раскопки Звенигородского музея «для обнаружения и выявления конструкции печи и техники ее кладки» [23]. На основании осмотра вторично открытых трех арок печи было сделано предположение, что «вся земляная поверхность заросшей лесной котловины является покровом на решетчатом поду обжигательной печи, который, в свою очередь, висит на системе топочных сводов. Для предупреждения пролома и уничтожения предполагаемых конструктивных частей печи, висящих в воздухе, при земляных раскопочных работах, необходимо было сделать ориентировочный проект реконструкции системы кладки печи» [23].

Восемнадцатого августа, ко времени окончания раскопок первой печи, из Москвы для работы в архиве Музея приезжает заведующий музейно-методическим сектором МОНО В.И. Троицкий, изучающий материалы по древнему строительству монастыря. Ограничения в объеме нашей статьи не дают возможности цитирования рукописи В.И. Троицкого, в которой анализируются данные, подтверждающие существование специально построенного в 1650–1651 гг. кирпичного завода, имевшего четыре обжигательных печи [27]².

Основной источник сведений о раскопках, которые можно было реализовать с помощью археологических методик, – материальный след представлен в рукописях наглядно. «15–19-го августа произведены раскопки. На площади раскопок 11 × 8 м проложена основная траншея 2 м ширины и 10 м длины с севера на юг и дополнительная траншея шириною 1 м в западно-восточном направлении. По согласованию с Лесным отделом РИК'а и Горсоветом спилена выросшая на арках печи сосна, имевшая высоту 26 м, окружность на месте спила 2,33 м и средний диаметр (там же) 76 см.; произведено фотографирование участка раскопок до производства работ, в процессе работ и по их окончании, а также – обмеры и зарисовки.

В результате раскопок была обнаружена кирпичеобжигательная печь, типа стальных, открытых сверху печей, широко распространенных и в производстве настоящего времени на мелких кирпичных заводах СССР, и в основе своей конструкции открытая раскопками печь вполне соответствует предварительному проекту А.В. Филиппова.

Для датировки печи произведен предварительный подсчет годовых колец на спиленной сосне, выросшей на арках заброшенного завода на уровне 40 см над кирпичной решеткой печи (160 лет), а также сделаны руководителем раскопками сравнительные обмеры кирпичей в кладке печи и в кладке стен монастыря.

«Обмеры кирпичей в раскопанной печи.

1. 285 × 138 × 77 мм	6 1/2 × 3 1/8 × 1 3/4 вер.
2. 294 × 139 × 80	6 5/8 × 3 1/8 × 1 3/4
3. 304 × 144 × 84	6 7/8 × 3 1/4 × 1 7/8
4. 306 × 153 × 83	6 7/8 × 3 3/8 × 1 7/8
5. 315 × 146 × 81	7 1/8 × 3 1/4 × 1 7/8
6. 322 × 144 × 83	7 1/4 × 3 1/4 × 1 7/8
7. 325 × – × 75	7 1/4 × – × 1 3/4
8. 326 × 159 × 79	7 1/4 × 3 5/8 × 1 3/4
9. 335 × 145 × 85	7 1/2 × 3 1/4 × 1 7/8
10. 336 × 158 × 83	7 1/2 × 3 1/2 × 1 7/8

3148 1327 810

Средние 315 × 147 × 81 7 1/8 × 3 1/4 × 1 7/8

Обмеры кирпичей в западной наружной стене монастыря.

1. 312 × – × 78	7 × – × 1 3/4
2. 312 × – × 79	7 × – × 1 3/4
3. 313 × 139 × 84	7 × 3 3/8 × 1 7/8
4. 317 × 147 × 82	7 1/8 × 3 3/8 × 1 7/8
5. 318 × – × 82	7 1/8 × – × 1 7/8
6. 318 × 152 × 85	7 1/8 × 3 3/8 × 1 7/8
7. 319 × 147 × 82	7 1/8 × 3 3/8 × –
8. 324 × 148 × 79	7 1/4 × 3 3/8 × 1 3/4
9. 324 × – × 83	7 1/4 × – × 1 7/8
10. – × 148 × 87	– × 3 3/8 × 2

2856 881 821

Средние 317 × 147 × 82

7 1/8 × 3 1/4 × 1 7/8

Эти сравнительные обмеры дали тождественные цифры средних измерений, датирующих печь временем постройки стен монастыря, т.е. 1651–1654 гг. (280 лет назад). Звенигородский музей взял на себя охрану раскрытой печи.

Вторая яма «с местоположением ее – в том же лесу дома отдыха им. Рыкова, на северо-запад из главных ворот монастыря, сейчас же за прудом» была осмотрена 19 августа, по указанию местных детей [23], которые сообщили «...что они знают в этом лесу другую очень похожую яму с такими же блестящими кирпичами. Найти яму не составило большого труда, так как дети недавно строили в ней шалаш и поэтому ее хорошо помнили» [23]. Заключение не вызывает сомнений: «По своеобразию формы это была несомненно печная яма: четырехугольная котловина со смягченными углами, расчлененная на две неравные части и окруженная со всех сторон валом, была очень хорошо знакома по только что произведенным раскопкам. Обнаружение при осмотре значительного количества большемерного кирпича того же формата, что и в первой печи, и легкое вскрытие покровного слоя земли над ямой не оставляли сомнений в том, что это вторая кирпичная обжигательная печь того же времени» [23].

Остальные две печи удалось обнаружить довольно быстро. Группа вездесущих детей с места раскопок первой печи была отправлена руководителем раскопок в окружающий лес, чтобы найти характерные археологические остатки печных ям. Через несколько минут ямы с теми же признаками были обнаружены, это произошло 20 августа.

Подтвержденная идентичность всех печей, позволила сосредоточиться на первой из них. По описанию: «Стены печи глинобитные и глиняно-грунтовые – изнутри обложены кирпичом, толщиной в 1 кирпич. Они сохранились над решеткой на 5–8 рядов кладки. В кладке каждого горизонтального ряда чередуются тычок и ложок кирпича, но правильность этого чередования не везде выдержана. Общие размеры печи: внутренняя ширина печи – по направлению очелков – 5,8 м (около 8 арш.). длина 8,56 м (12 арш.). Размеры деталей печи: ширина пролета очелка 840 мм (ок. 19 вер.), его высота | 510–520 мм (II 1/2–12 вер.). Расстояние между соседними очелками 970 мм (22 вер.), ширина бычка 1050 мм (ок. 24 вер.), высота его в 4 кирпича или 350 мм (8 вер.); кладка бычков в прогарах суживается

кверху уступами. Высота решетки от пола печи 890–940 мм (20–)4 – 21 3/8 вер.); глубина печной ямы от наиболее высокого уровня дневной поверхности 1,85 м...» [29].

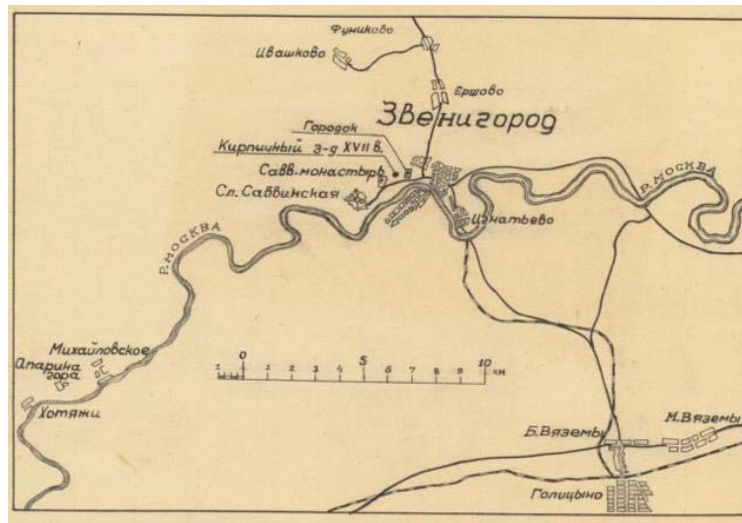

Рис. 1. Карта расположения кирпичного завода XVII в. Архив А.В. Филиппова

Рис. 2. Место обнаружения следов кирпичной печи. Фото 1926 г. Архив А.В. Филиппова

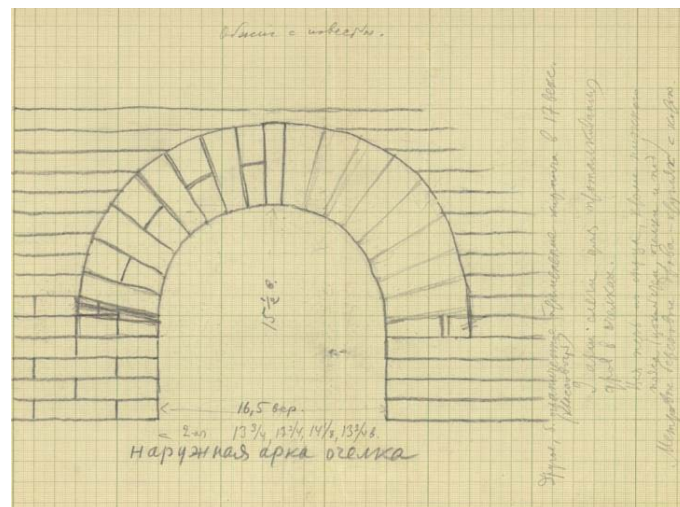

Рис. 3. Филиппов А.В. Наружная арка очелка. Рисунок. 1930 г. Архив А.В. Филиппова

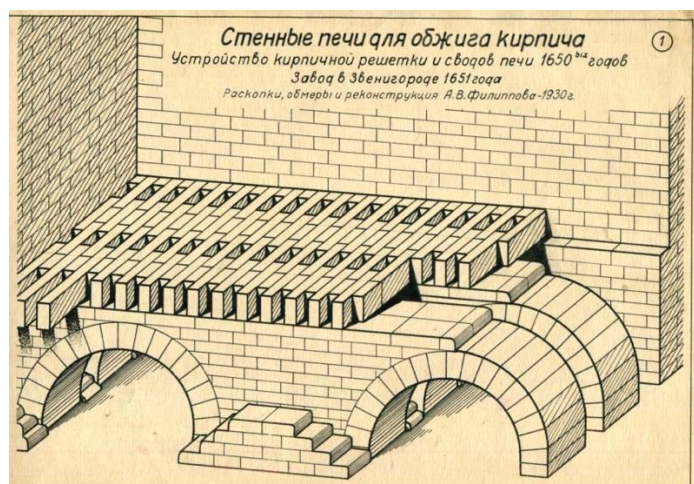

Рис. 4. Стенные печи для обжига кирпича. Устройство кирпичной решетки и сводов печи 1650-х гг. Завод в Звенигороде 1651 г. Раскопки, обмеры и реконструкция А.В. Филиппова (1930 г.)

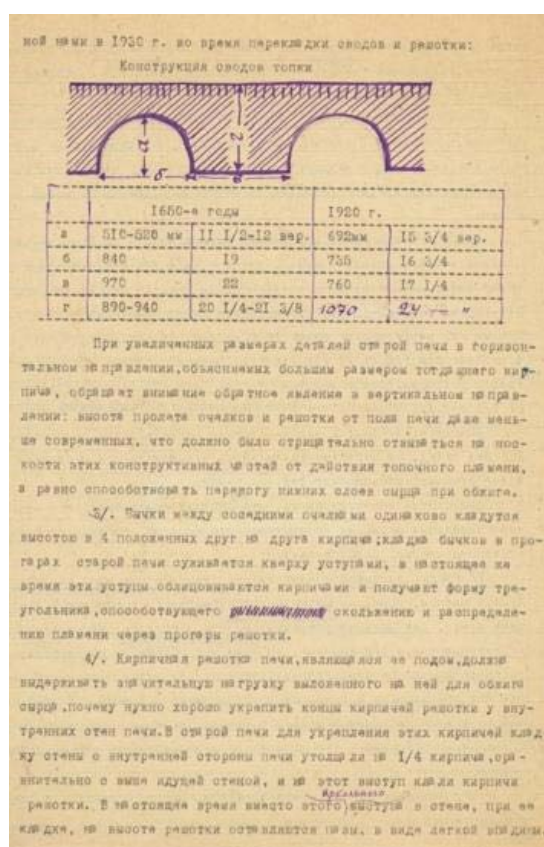

Рис. 5. Филиппов А.В. Лист рукописи «Подмосковный кирпичный завод XVII века для строительства в Звенигороде (по раскопочным и архивным данным)». Архив А.В. Филиппова

У Филиппова возникает вопрос: «в чем же отличие открытой печи, построенной 280 лет назад, от существующих и вновь строящихся и в настоящее время стенных кирпичеобжигательных печей» [30]. В июле 1930 г. он делает тщательные обмеры и конструктивные чертежи печи на кирпичном заводе в г. Тарусе, построенной в 1920 г., детально описывая ее устройство и сопоставляя со звенигородской печью [30]. Сравнив конструкции, например размеры очелков и решетки в старой и современной печи, Филиппов отвечает: «Приходится констатировать, что за 280 лет введены лишь

очень незначительные вариации конструктивного порядка, главным образом, в технике кладки.

Сюда относятся: 1). Кладка сводиков очелка старой печи – в половину кирпича, (т.е. в кирпич, поставленный на большое “ребро” в один перекал, тогда как в настоящее время, для большей устойчивости под нагрузкой, такие сводики кладутся также в 1/2 кирпича, но в два перехода, один над другим, в два и дальше больше сводов; это нововведение делает службу сводов более продолжительной, так как при прогаре нижнего свода продолжает работать верхний,

непосредственно соприкасающийся с острым пламенем при обжиге. Но тут же нужно добавить, что даже число кирпичей свода старой и новой печи совпадает: их 17» [30].

В той и другой печи он также отмечает наличие кирпичей с глазурованной поверхностью, поясняя, что «в результате обжигов внутренние стенки горна над прогарами оглазурены в черный цвет до зеркального блеска, причем слой образовавшейся глазури доходит до 1 мм. Шлакованную и оглазурованную поверхность имеют и обжигаемые в печи нижние кирпичи у прогаров: такие кирпичи можно видеть в кладке во многих постройках Тарусы (ул. Ленина, 15, д. Федорова) и ближайших деревень» [30].

Раскопки стали местной достопримечательностью. А.В. Филипповым были сделаны сообщения в доме отдыха им. Рыкова и доме отдыха работников связи, а музеем организованы экскурсии на место раскопок. 22 августа приехавшие из Воскресенского музея Н.А. Шнеерсон и К.Я. Виноградов, заинтересованные находкой, решили произвести раскопки второй ямы, предполагая по результатам сделать модель печи для своего музея.

И Филиппов, и Троицкий, как и все участники раскопок, понимали значение найденных материальных и документальных свидетельств, ведь в это время в специальной технической литературе чертежей подобных конструкций не существовало. Как и значение благоприятной исследовательской ситуации, позволившей сделать одновременные археологические и архивные находки. Возникает идея совместного очерка с авторством В.И. Троицкого об открытых им архивных материалах о заводе, А.В. Филиппова – о раскопочных материалах и их объединении с первыми. Анализом всего имевшегося в распоряжении авторов материала с технико-производственной и социально-экономической стороны, ссылками на печатные источники, обмерами, чертежами и рисунками занимался Филиппов. Фото-снимки для приложенных клише были исполнены Н.П. Шестаковым по заданию Звенигородского музея, который решил издать исследование о заводе в своих трудах. Рукопись «Кирпичное производство 17-го века

в Звенигороде (по раскопкам и архивным данным), издание Звенигородского краевого музея. Звенигород, 1930 г.» была представлена Ф.В. Филипповым 17/10–30 г. в секцию археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН в Москве. Но не издана.

В 1945 г. вновь вернулись к идее публикации материала. Рукопись А.В. Филиппова «Подмосковный кирпичный завод XVII века для строительства в Звенигороде (по раскопочным и архивным данным)» (2 печатных листа, 25 иллюстраций) была срочно напечатана машинисткой. Текст под авторством А.В. Филиппова был значительно расширен. В него вошли новые разделы: «Назначение кирпича, установление его потребного количества и способов его получения для строительства XVII века», «Сырье и топливо на заводе», «Постройка и оборудование завода», «Процесс производства кирпича». Рукопись была куплена Институтом строительной техники Академии архитектуры для публикации, но, по нашим сведениям, не опубликована [31]³.

Открытие А.В. Филиппова почти столетней давности вряд ли можно считать устаревшим. Как памятник археологии «Кирпичный завод» в Звенигороде дает важные сведения для наглядной картины по истории техники в области строительных материалов. В текстах Филиппова дана зрелая, самостоятельная оценка археологии как важнейшего инструмента для изучения кирпичного завода в Звенигороде, с важными подробностями о находках и конструкциях печей, но не только. Формулируются задачи новых исследований, их возможные перспективы как для науки, так и для практики музейного дела. В нашей работе эти результаты впервые публикуются с возможной полнотой, представляя в том числе А.В. Филиппова не только как выдающегося исследователя русского изразцового искусства, но и как ученого-археолога, о чем менее известно. Кроме этого, публикация материалов архива, в первую очередь сохранившейся рукописи «Подмосковный кирпичный завод XVII века для строительства в Звенигороде», может стать важным ориентиром в поисках ранних следов кирпичного производства на всей территории Московского государства.

Примечания

¹ В настоящее время архив передается в собрание ГНИМА им. А.В. Щусева его владелицей Н.А. Бобринской. Благодарю Екатерину Александровну Бобринскую за предоставленную возможность работы с архивом А.В. Филиппова.

² В настоящее время документы не сохранились. Тем ценнее сохранившаяся рукопись, которая требует дальнейшего изучения. В первую очередь сопоставления с хранящейся в РГАДА «Книге палатного строения Саввино-Сторожевского монастыря» [28]. На этот документ также ссылаются в своей публикации Ю.А. Краснов и Н.А. Краснов.

³ Мы не оставляем надежды обнаружить эту рукопись и предпринимая в настоящее время все возможные усилия.

Список источников

1. Сперанский А.И. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.
2. Черняк Я.Н. Очерки по истории кирпичного производства в России. М., 1957.
3. Воронов Н.В. Московские кирпичные заводы в XVIII веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1957. 16 с.
4. Беляев Л.А. Из истории древнерусского строительного ремесла. Знаки и клейма на древнерусских кирпичах // Проблемы истории СССР. М., 1973. Вып. 3. С. 439–455.
5. Беляев Л.А. Маркировка древнерусского кирпича как культурно-историческое явление // ЗОФИА. Сборник статей в честь А.И.Комеча. М., 2006. С. 67–88.
6. Беляев Л.А., Баранова С.И. История и реставрация строительных материалов: от технологий к национальной самоидентификации // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство позднего Средневековья. М., 2016. С. 9–16.
7. Шитова Л.А. Клейма кирпичей XVII–XIX вв. Уточнение датировки. Вновь обнаруженные клейма // Археология и художественное видение: исторические контексты. М., 2019. С. 378–408.

8. Киселев И.А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике. М., 1986.
9. Смирнов В.Н., Ёлшин Д.Д. Кирпичные клейма Санкт-Петербургской губернии середины XIX – начала XX в. Каталог и исследование. Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2017. № 7, вып. 1: Материальная культура Санкт-Петербурга. 214 с.: ил.
10. Яковлев Д.Е. Кирпич и архитектурная керамика в постройках Великокняжеского дворца рубежа XV–XVI вв. в Московском Кремле // *Московская Русь: проблемы археологии и истории архитектуры: к 60-летию Леонида Андреевича Беляева*. М., 2008. С. 206–220.
11. Хейли Р. Стоимость строительных материалов в московском государстве XVII в. // *Культура средневековой Москвы. XVII век*. М., 1999. С. 233–245.
12. Топычанов А.В. Строкинский кирпичный завод XVII в. // *Вестник архивиста*. 2003. № 2. С. 143–150.
13. Казарина Н.И., Макаров И.А. Мастера кирпичного производства Балахны XVII–XIX вв. // *Архитектурная археология*. 2021. № 3. С. 65–80.
14. Баландин С.Н. Начало русского каменного строительства в Сибири // *Сибирские города XVII – начала XX века*. Новосибирск, 1981. С. 174–196.
15. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1971.
16. Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII – XVIII вв. Новосибирск. 1979. 254 с.
17. Загваздин Е.П. О применении брускового кирпича в капитальном строительстве г. Тобольска в конце XVII – начале XX вв. // *Диалог культур и цивилизаций. Тезисы VI Всероссийской научной конференции молодых историков*. Тобольск, 2005. С. 27–29.
18. Матвеев А.В. Кирпич как источник по истории русского населения Западной Сибири (к постановке вопроса) // *Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст.* Омск, 2008. С. 351–355.
19. Глазунова О.Н. Кирпичный горн в лесу: к вопросу о кирпичном производстве в Ново-Иерусалимском монастыре // *Архитектурная археология*. 2021. № 3. С. 46–56.
20. Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Кирпичные заводы XVII в окрестностях Звенигорода // *Краткие сообщения Института археологии*. 1969. Вып. 120. С. 126–128.
21. Филиппов А.В. Древние «циклопические» кирпичи у р. Неглинной // *Древние строительные материалы. Труды института Строительных материалов минерального происхождения и стекла*. Вып. 32. М., 1930. С. 29–32.
22. Филиппов А.В. Записка. 19 июля 1920 г. Рукопись // Архив А.В. Филиппова.
23. Филиппов А.В. Раскопки древнего кирпичного завода. 1930 г. Рукопись // Архив А.В. Филиппова.
24. Раскрытие древнего кирпичного завода. 1920. Рукопись // Архив А.В. Филиппова.
25. Филиппов А.В. Звенигородский кирпичный завод середины XVII века. Историко-технический паспорт. Рукопись. 1920 // Архив А.В. Филиппова.
26. Почтовая карточка, адресованная А.В. Филиппову. 7.7.1930 // Архив А.В. Филиппова.
27. Троицкий В.И. Кирпичное дело под Саввино-Сторожевским в Звенигороде монастырем в 17 веке. (очерк по архивным материалам музея). 1930 г. Рукопись // Архив А.В. Филиппова.
28. Книга палатного строения Саввино-Сторожевского монастыря // *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 1199. Д. 63. Л. 2, 5, 6, 7.
29. Филиппов А.В. Подмосковный кирпичный завод XVII века для строительства в Звенигороде. 1945 г. Рукопись // Архив А.В. Филиппова.
30. Филиппов А.В. Кирпичный завод Тарусского РИКа, б. Рыскина в ю-з. части города, за дачей Ватагина. Июль 1930. Рукопись // Архив А.В. Филиппова.
31. Приемно-сдаточный акт от 9 марта 1945 г. о приеме Институтом строительной техники приобретенной у А.В. Филиппова иллюстрированной исследовательской работы «Подмосковный кирпичный завод XVII века для строительства в Звенигороде (по раскопным и архивным данным)» // Архив А.В. Филиппова.

References

1. Speranskii, A.I. (1930) *Ocherki po istorii prikaza kamennykh del Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the history of the Stone Affairs Prikaz of the Muscovite State]. Moscow: [s.n.].
2. Cherniak, Ia.N. (1957) *Ocherki po istorii kirpichnogo proizvodstva v Rossii* [Essays on the history of brick production in Russia]. Moscow: [s.n.].
3. Voronov, N.V. (1957) *Moskovskie kirpichnye zavody v XVIII veke* [Moscow brick factories in the 18th century]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
4. Beliaev, L.A. (1973) Iz istorii drevnerusskogo stroitel'nogo remesla. Znaki i kleima na drevnerusskikh kirpichakh [From the history of ancient Russian construction craft. Marks and stamps on ancient Russian bricks]. *Problemy istorii SSSR*. 3. pp. 439–455.
5. Beliaev, L.A. (2006) Markirovka drevnerusskogo kirpicha kak kul'turno-istoricheskoe iavlenie [Marking of ancient Russian bricks as a cultural-historical phenomenon]. In: *ZOFIA. Sbornik statei v chest' A.I.Komecha* [ZOFIA: Collection of articles in honor of A.I.Komech]. Moscow: [s.n.]. pp. 67–88.
6. Beliaev, L.A. & Baranova, S.I. (2016) Istoriia i restavratsiia stroitel'nykh materialov: ot tekhnologii k natsional'noi samoidentifikatsii [History and restoration of building materials: From technologies to national self-identification]. In: *Keramicheskie stroitel'nye materialy v Rossii: tekhnologiya i iskusstvo pozdnego Srednevekov'ia* [Ceramic building materials in Russia: Technology and art of the late Middle Ages]. Moscow: [s.n.]. pp. 9–16.
7. Shitova, L.A. (2019) Kleima kirpichei XVII–XIX vv. Utochnenie datirovki. Vnov' obnaruzhennye kleima [Brick stamps of the 17th–19th centuries. Clarification of dating. Newly discovered stamps]. In: *Arkheologiya i khudozhestvennoe videnie: istoricheskie konteksty* [Archaeology and artistic vision: Historical contexts]. Moscow: [s.n.]. pp. 378–408.
8. Kiselev, I.A. (1986) *Datirovka kirpichnykh kladok XVI–XIX vv. po vizual'noi kharakteristike* [Dating of brick masonry from the 16th–19th centuries based on visual characteristics]. Moscow: [s.n.].
9. Smirnov, V.N. & Iolshin, D.D. (2017) Kirpichnye kleima Sankt-Peterburgskoi gubernii serediny XIX – nachala XX v. Katalog i issledovanie [Brick stamps of St. Petersburg province from the mid-19th to early 20th century. Catalog and research]. *Bulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN*. 7 (1).
10. Iakovlev, D.E. (2008) Kirpich i arkhitekturnaia keramika v postrоikakh Velikokniazheskogo dvortsa rubezha XV–XVI vv. v Moskovskom Kremle [Brick and architectural ceramics in the constructions of the Grand Ducal Palace at the turn of the 15th–16th centuries in the Moscow Kremlin]. In: *Moskovskaia Rus': problemy arkheologii i istorii arkitektury: k 60-letiiu Leontida Andreevicha Beliaeva* [Muscovite Rus': Problems of archaeology and architectural history: For the 60th anniversary of Leonid Andreevich Beliaev]. Moscow: [s.n.]. pp. 206–220.
11. Heili, R. (1999) Stoimost' stroitel'nykh materialov v moskovskom gosudarstve XVII v. [The cost of building materials in the Muscovite state of the 17th century]. In: *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. XVII vek* [Culture of medieval Moscow. The 17th century]. Moscow: [s.n.]. pp. 233–245.
12. Topychanov, A.V. (2003) Strokinskii kirpichnyi zavod XVII v. [The Strokin brick factory of the 17th century]. *Vestnik arkhivista*. 2. pp. 143–150.
13. Kazarina, N.I. & Makarov, I.A. (2021) Masters kirpichnogo proizvodstva Balakhny XVII–XIX vv. [Masters of brick production in Balakhna in the 17th–19th centuries]. *Arkheologicheskaiia arkhitektura*. 3. pp. 65–80.

14. Balandin, S.N. (1981) Nachalo russkogo kamennogo stroitel'stva v Sibiri [The beginning of Russian stone construction in Siberia]. In: *Sibirskie goroda XVII – nachala XX veka* [Siberian cities of the 17th–early 20th century]. Novosibirsk: [s.n.], pp. 174–196.
15. Kopylov, A.N. (1971) *Ocherki kul'turnoi zhizni Sibiri XVII – nachala XIX v.* [Essays on the cultural life of Siberia from the 17th to early 19th century]. Novosibirsk: [s.n.].
16. Kopylova, S.V. (1979) *Kamennoe stroitel'stvo v Sibiri. Konets XVII – XVIII vv.* [Stone construction in Siberia. Late 17th–18th centuries]. Novosibirsk: [s.n.].
17. Zagvazdin, E.P. (2005) [On the use of bar bricks in capital construction in Tobolsk from the late 17th to early 20th century]. *Dialog kul'tur i tsivilizatsii* [Dialogue of cultures and civilizations]. Abstracts of the 6th All-Russian Conference of Young Historians. Tobolsk: [s.n.], pp. 27–29. (In Russian).
18. Matveev, A.V. (2008) Kirpich kak istochnik po istorii russkogo naseleniia Zapadnoi Sibiri (k postanovke voprosa) [Brick as a source on the history of the Russian population of Western Siberia (toward framing the question)]. In: *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniakh: sb. nauch. st.* [The culture of Russians in archaeological research: Collection of scientific articles]. Omsk: [s.n.], pp. 351–355.
19. Glazunova, O.N. (2021) Kirpichnyi gorn v lesu: k voprosu o kirpichnom proizvodstve v Novo-Ierusalimskom monastyre [A brick kiln in the forest: On brick production at the New Jerusalem Monastery]. *Arkheologicheskaya arkhitektura*. 3. pp. 46–56.
20. Krasnov, Iu.A. & Krasnov, N.A. (1969) Kirpichnye zavody XVII v okrestnostyakh Zvenigoroda [Brick factories of the 17th century in the vicinity of Zvenigorod]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii*. 120. pp. 126–128.
21. Filippov, A.V. (1930) Drevnie "tsiklopicheskie" kirpichi u r. Neglinnoi [Ancient "Cyclopean" bricks near the Neglinnaya River]. In: *Drevnie stroitel'nye materialy. Trudy instituta Stroitel'nykh materialov mineral'nogo proiskhozhdeniia i stekla* [Ancient building materials. Proceedings of the Institute of Mineral-Based Building Materials and Glass]. Vol. 32. Moscow: [s.n.], pp. 29–32.
22. Filippov, A.V. (1920) *Zapiska. 19 iuliia 1920 g.* [Note. July 19, 1920]. Unpublished manuscript. A.V. Filippov's Archive.
23. Filippov, A.V. (1930) *Raskopki drevnego kirpichnogo zavoda* [Excavations of an ancient brick factory]. Unpublished manuscript. A.V. Filippov's Archive.
24. A.V. Filippov's Archive. (1920) *Raskrytie drevnego kirpichnogo zavoda* [Discovery of an ancient brick factory]. Unpublished manuscript.
25. Filippov, A.V. (1920) *Zvenigorodskii kirpichnyi zavod serediny XVII veka. Istoriko-tekhnicheskii pasport* [The Zvenigorod brick factory of the mid-17th century. Historical and technical record]. Unpublished manuscript. A.V. Filippov's Archive.
26. A.V. Filippov's Archive. (1930) *Pochtovaia kartochka, adresovannaia A.V. Filippovu* [Postcard addressed to A.V. Filippov]. (1930, July 7).
27. Troitskii, V.I. (1930) *Kirpichnoe delo pod Savvino-Storozhevskim v Zvenigorode monastyrem v 17 veke. (ocherk po arkhivnym materialam muzeia)* [Brickmaking near the Savvino-Storozhevsky Monastery in Zvenigorod in the 17th century (an essay based on archival materials from the museum)]. Unpublished manuscript. A.V. Filippov's Archive.
28. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 1199. File 63. Pages 2, 5, 6, 7. *Kniga palatnogo stroeniia Savvino-Storozhevskogo monastiria* [Book of chamber construction of the Savvino-Storozhevsky Monastery].
29. Filippov, A.V. (1945) *Podmoskovnyi kirpichnyi zavod XVII veka dlia stroitel'stva v Zvenigorode* [A 17th-century brick factory near Moscow for construction in Zvenigorod]. Unpublished manuscript. A.V. Filippov's Archive.
30. Filippov, A.V. (1930) *Kirpichnyi zavod Tarusskogo RIKa, b. Ryskina v iu-z. chasti goroda, za dachei Vatagina* [The brick factory of the Tarusa District Executive Committee, formerly Ryskin's, in the southwestern part of the city, behind Vatagin's dacha]. Unpublished manuscript. A.V. Filippov's Archive.
31. A.V. Filippov's Archive. (1945) *Priemno-sdatochnyi akt ot 9 marta 1945 g. o prieme Institutom stroitel'noi tekhniki priobretennoi u A.V. Filippova illiustrirovannoi issledovatel'skoi raboty "Podmoskovnyi kirpichnyi zavod XVII veka dlia stroitel'stva v Zvenigorode (po raskopochnym i arkhivnym dannym)"* [Acceptance certificate dated March 9, 1945, on the Institute of Construction Technology's acquisition of A.V. Filippov's illustrated research work "A 17th-Century Brick Factory near Moscow for Construction in Zvenigorod (Based on Excavation and Archival Data)"].

Информация об авторе:

Баранова С.И. – д-р ист. наук, канд. искусствоведения, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.I. Baranova, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Art History), chief research fellow, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 17.09.2024;
approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья
УДК 378.662(476)
doi: 10.17223/15617793/508/17

Реальное и классическое знание в учебных заведениях Белоруссии в конце XVIII – второй половине XIX в.

Александр Николаевич Кукса¹

¹ Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь, akuksa@bntu.by

Аннотация. Анализируется трансформация системы образования в Белоруссии, Российской империи и европейских странах. Изучена специфика трансформации системы образования в белорусских землях после их вхождения в состав Российской империи, а также особенностей внедрения технических знаний и создания специальных учебных заведений. На основании современных исследований в области построения университетов и высшей технической школы в России и Белоруссии раскрыты отличительные черты от подобных процессов в европейской практике.

Ключевые слова: устав, Виленская академия, Полоцкая иезуитская академия, университет, политехникум, высшая техническая школа

Для цитирования: Кукса А.Н. Реальное и классическое знание в учебных заведениях Белоруссии в конце XVIII – второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 160–169. doi: 10.17223/15617793/508/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/17

Real and classical knowledge in educational institutions of Belarus in the late 18th – second half of the 19th centuries

Aleksandr N. Kuksa¹

¹ Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus, akuksa@bntu.by

Abstract. The article examines the socio-political events of the 18th – second half of the 19th centuries in Europe and the Russian Empire. The study aims to examine the specifics of the transformation of the education system in the Belarusian lands after their entry into the Russian Empire, as well as the specifics of the introduction of technical knowledge and the creation of special educational institutions. The article is based on the principles of historicism and objectivity. By choosing the right methodology, the author managed to reach his aims and draw objective conclusions. Based on modern research in the field of building universities and higher technical schools in Russia and Belarus, the distinctive features of similar processes in European practice are revealed. The first changes in the construction of the education system occurred during the period of Peter the Great, who created mining, engineering and other schools and introduced technical sciences into the education system. The Industrial Revolution in Europe actualized the creation of special educational institutions. In the 18th century, technical sciences began to prevail at the Vilna Academy. These processes, in view of the natural environment, economic structure and traditions, had a number of differences in the Russian Empire, which included Belarusian lands at the end of the 18th century. Belarus was influenced by two systems presented by the commission (1773) of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the commission (1782) of the Russian Empire, which reorganized public education on the principles of secularism and dissemination of practical knowledge. In 1783 the Educational Commission issued a new charter, putting academies at the head of educational districts and introducing the Polish language. In Russia, a charter of public schools was drawn up in 1786. But the charter extended only to the Mogilev and Vitebsk provinces, and later the organization of the Vilna Educational District was based on the development of the Educational Commission. Revolutionary movements, which included young students, led to the closure of the Polotsk Jesuit Academy in 1820 and after the Polish uprising of 1830–1831 to the closure of the University of Vilna. In 1835 a new university charter was adopted. The expansion of technical sciences in universities was accompanied by the creation of special institutes, academies and colleges by various ministries. In 1848 the Gorki-Goretsky Agricultural Institute was equated with universities. In 1861 the first polytechnic school was opened in Riga, and in 1862 the charter of the agricultural polytechnic school in Marimont was approved. However, as a result of the Polish uprising of 1863–1864, the institute in Gorki was closed, and the polytechnic school in Marimont never opened. Thus, the Western Region remained without higher education institutions until the beginning of the 20th century, which both suspended the processes of industrialization and pushed young people to study at European universities.

Keywords: charter, Vilna Academy, Polotsk Jesuit Academy, university, polytechnic school, higher technical school

For citation: Kuksa, A.N. (2024) Real and classical knowledge in educational institutions of Belarus in the late 18th – second half of the 19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 160–169. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/17

Введение

Понимание роли и места технических знаний в учебных заведениях и в структуре управления государством формировалось в конце XVIII – начале XIX в. в ходе борьбы реализма и классицизма. Прогресс стал невозможен без применения технических (реальных, практических) знаний.

С.Ф. Платонов, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков и другие исследователи в своих трудах обосновали самостоятельный вектор развития России, которая органично развивалась в единой европейской традиции, но немного задерживалась из-за «условий среды» [1. С. 105]. По мнению профессора М.В. Довнар-Запольского [2], в XVIII в. большое значение имели реформы Петра I и Екатерины II. В современной историографии важное место этому периоду отведено в работах А.И. Авруса [3] и А.Е. Иванова [4]. Историки В.А. Петригина [5], М.А. Зуева [6] и другие отмечают, что в России, в отличие от европейских стран, государство ранее других проявило заботу об образовании.

И. Ярошевич [7], М.И. Балинский [8] и другие исследователи указывали на самостоятельность белорусского народа в истории Великого княжества Литовского (ВКЛ), создавшего свою систему образования во главе с Виленской академией. Ученый И. Лукашевич одним из первых подчеркнул, что государство имеет таких граждан, каких готовит для себя в школах [9]. Данные моменты отмечены в работах белорусских историков О.А. Яновского [10], В.А. Богоненко [11], Т.Б. Блиновой [12] и др.

В современных исследованиях приводятся данные о развитии на высоком уровне технического знания в стенах Виленской академии (с 1803 г. университет), Полоцкой иезуитской академии и Горы-Горецком земледельческом институте. Но после польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. в Белоруссии были закрыты все высшие учебные заведения, которые вели подготовку, в том числе и технических кадров. Представители интеллигенции, общественники и предприниматели активно добивались возрождения высшей школы в белорусских землях со второй половины XIX в., но в период Российской империи ни один проект в области высшей школы так и не был реализован. Известный специалист истории высшей школы А.Е. Иванов подчеркивает, что цель была близка в период министра П.Н. Игнатьева, который заявил в 1916 г., что «высшие технические школы должны быть более равномерно распределены по стране» [4. С. 23].

Основная часть

В конце XVII в. в Москве была создана Славяно-греко-латинская академия. Но, по мнению профессора М.В. Довнар-Запольского, правительство еще «совершенно не поняло высокого государственного значения общего элементарного образования». И только Петр I,

«положивший всю свою железную волю на развитие военного дела, техники, торговли и промышленности в государстве» [2. С. 3], совершенно по иному посмотрел на основную задачу школьного образования, требуя «службы государству». Поступая в ученье, ребенок приносил присягу государю. При этом Петр I стремился к тому, чтобы в школах учеба была направлена и на воспитание «человека государственного, слуги царю и Отечеству». Для воспитания из человека гражданина, имеющего обязанности перед государством и Богом, а также понимающего силу закона в учебный курс была введена работа немецкого ученого Самуэля фон Пуффендорфа «О долге человека и гражданина» [13].

В это время белорусские земли находились в составе Речи Посполитой, в которой образование переживало не лучшие времена, а обучение народа носило исключительно религиозный характер и организовывалось православными братствами, а также орденами иезуитов, пиар, базилиан и т.д. В пределах ВКЛ наиболее распространенными были иезуитские школы. Центральное место заняла Виленская академия, которая в XVIII в., как и вся Европа, скатилась к схоластическому обучению. В то же время страна нуждалась в «хороших лекарях, фармацевтах, инженерах, техниках, словом в людях, имеющих реальные познания и умеющих приложить их к делу» [14. С. 561].

Россия, изменяясь изнутри, усилила и свои внешние позиции. Одержанная в 1721 г. победа над Швецией, заставила и ее соседей задуматься над построением своей системы образования. При поддержке короля в Речи Посполитой в белорусских землях появился орден пиар, который давал образование, соответствующее требованиям времени. При поддержке Августа III в 1736 г. была учреждена Литовская провинция пиаров. Усиление школы пиаров связывают с С. Конарским, который приблизил их «к духу времени и общественным потребностям народа». На взгляды С. Конарского оказала влияние Парижская школа четырех наций, которую он посетил в 1736 г. Опыт школы был интересен, так как в ней впервые решался вопрос слияния представителей дворянских родов разных регионов и граждан единой Франции, в школе культивировались реальные науки. Для многонациональной Речи Посполитой этот опыт имел практическую значимость. В школах пиар начали изучать польский язык, а также углубленно математику, физику, историю и новые языки.

Интересен тот факт, что Петр I посетил Парижскую школу четырех наций еще в 1717 г., на что местная газета написала, что царь в Москве и Санкт-Петербурге уже основал подобные заведения (Навигацкая школа и Морская академия). В это же время Петр I заложил основы и высшей школы, открыв в 1724 г. Академию наук, университет и гимназию при ней. Но петербургский университет терпел бедственное положение ввиду отсутствия желающих обучаться в нем [3].

В 1755 г. в период правления Елизаветы Петровны (1741–1762) был учрежден Московский университет,

который изначально также столкнулся с двумя проблемами: отсутствие отечественных профессоров и подготовленных абитуриентов. Это подтолкнуло И.И. Шувалова, курировавшего университет, представить проект многоступенчатой системы образования: «по маленьким городам учредить школы и обучать Русской грамоте, арифметике и прочим первым основаниям. Из них выходят в гимназии, из гимназий в кадетский корпус, в академию, в университет, а оттуда на службу» [15]. Но реализовать проект не удалось ввиду смерти Елизаветы Петровны. Тем не менее русский педагог В.И. Водовозов отметил, что начатое при Петре I подражание западным наукам с открытием Московского университета перешло к периоду созидания, что наиболее ярко проявилось в деятельности на ниве просвещения М.В. Ломоносова.

Новым этапом в развитии образования Российской империи М.В. Довнар-Запольский назвал время правления Екатерины II. Изначально, по традиции, бытовавшей со времен Древней Руси, в 1763 г. Академия наук, университет и академия художеств были переданы в ведение Синода, что встретило сопротивление священников и церкви. Для изменения российского законодательства в духе времени Екатерина II издала в 1767 г. «Наказ Комиссии о составлении нового уложения». В наказе Императорской Академии наук поручалось разделить все училища на две степени: «гимназии или низшие училища и университеты или верховные училища». В переписке с европейскими философами Екатерина II сама склонялась к открытию училищ низших, средних и высших, но затруднялась представить себе, что университеты будут управлять гимназиями и училищами. Изменения в системе народного образования России не имели образцов в Европе, которая «потребность в нем в то время только сознавала» [2. С. 23].

Новый этап политической трансформации Европы начался в 1772 г., когда произошел первый раздел Речи Посполитой. Одной из попыток возрождения польской государственности стала организация в 1773 г. эдукационной комиссии. Но вместо реформы системы образования члены комиссии занимались более грабежом и присвоением собственности ордена иезуитов. В 1781 г. была произведена реорганизация эдукационной комиссии, которая приостановила расхищения и занялась реформой образования. Но польские политики ответственность за судьбу системы образования возложили не на государство, а на комиссию, передав на содержание учебных заведений ренту от сданного в аренду имущества ордена иезуитов. Это решение значительно затормозило реформу, так как средства поступали нерегулярно. В ходе реформы бывшие земли ВКЛ были разделены на Литовский, Новогрудский, Жмудский и Подляшский учебные округа во главе с Виленской академией. В каждом округе была учреждена высшая школа с гимназическим курсом (в Гродно, Новогрудке, Брест-Литовске и Крожах) и школы низшие: в Вильно, Волковыске, Белостоке, Вишневе, Подставах, Лиде, Мерече, Щучине-Литовском, Минске, Мозыре, Холопеничах, Несвиже, Слуцке, Бобруйске, Березвече, Лужках, Пинске, Белой, Домбровице, Любешове, Жировицах, Ковне, Кретинге, Поневеже, Россиенах и Вилкомире [15].

Для этих школ был утвержден в мае 1783 г. устав, который исследователи оценивают как не имевший аналогов ни в одном «...европейском государстве... Многие из положений... перешли из устава эдукационной комиссии в устав императорского Виленского университета и училищ его округа, изданный 18 мая 1803 г., и вероятно оттуда в наши уставы университетов и училищ 1804 г.» [14]. Образование стало светским, а в средних школах вводились математика, физика, история и современные языки. Таким образом, хотя общее гуманитарное образование и присутствовало, но «главное место принадлежит реальным наукам – естествоведению, физике, садоводству, земледелию и т.п. и притом науки преподаются преимущественно практически» [14].

Виленская академия была преобразована в Главную школу ВКЛ (1781), состоявшую из коллегий физических и моральных наук. На отделении физических наук велась подготовка инженеров, архитекторов, химиков, математиков и т.д. В дальнейшем, с вхождением белорусских земель в состав Российской империи, данные тенденции были «положены в основу устава, а затем и деятельности Виленского учебного округа» [16. С. 10]. К 1784 г. значительно расширился штат профессоров Виленской академии.

Определяющим событием для нового витка реформы народного образования в России стала встреча Екатерины II в 1780 г. с Иосифом II в Могилеве, который посоветовал обратиться к австрийскому опыту. В 1782 г. была создана Комиссия народных училищ во главе с П.В. Завадовским, в которой видное место занял Ф.И. Янкович де Мириево. О том, насколько данные подходы были ожидаемы в народе, свидетельствует и тот факт, что с инициативой распространения новой системы образования на территорию Белоруссии выступил еврей из Могилева Яков Гирш, который в 1783 г. представил в Комиссию проект открытия для еврейских детей главного и средних народных училищ.

По уставу народных школ 5 августа 1786 г. в России впервые была введена средняя общеобразовательная школа «бессловная и бесплатная». В училищах кроме чтения и письма изучали русскую и всеобщую историю, основы геометрии, механики, физики, естественной истории и гражданской архитектуры. В Комиссию для подготовки учителей (в 1783 г. в Санкт-Петербурге была открыта учительская семинария) из Могилева направили В. Вяжека и И. Захаржевского. Главные народные училища были открыты в 1789 г. в Могилеве и Полоцке, а в 1794 г. – в Витебске. В 1791 г. народные училища появились в Орше, Копысе, Мстиславле, Черикове и Чаусах. На этом деятельность комиссии в Белоруссии была приостановлена.

Екатерина II особое внимание обратила на вопрос воспитания «новой породы людей». В учебном процессе важное место заняла «книга о должностях человека и гражданина», которая, по «утверждению адмирала Шишкова, составлена или самой Екатериной II, или при ее ближайшем сотрудничестве». В этой книге, которую называют «Домостроем», уделено внимание созданию человека и гражданина, развитию нравственных и умственных способностей учащегося. Конечной

целью образования названо «воздействие на ум и сердце растущего гражданина». Построение высшего образования предлагалось путем открытия университетов в Петербурге, Пскове, Чернигове и Пензе. Но эта часть проекта не была реализована, так как революции на Западе, «охладили императрицу к делу народного образования» [2. С. 34].

Промышленный переворот в Европе и Французская революция сопровождалась и рядом негативных последствий в области ужесточения социальных отношений. Французский экономист, сторонник свободной торговли Фредерик Бастиа [17] и швейцарский экономист, один из основоположников политической экономики Жан Шарль Сисмонди [18] указывали в своих трудах, что промышленный переворот привел к ухудшению положения мелких ремесленников, которых вытеснили крупные производители. В жизнь вошли не прогнозируемые циклические кризисы и резкое социальное расслоение. В обществе начали возвышать просвещенных монархов и критиковать энциклопедистов, поднимали идеи практической направленности, всеобщего и равного доступа к образованию как возможного пути выхода из резкого разделения общества на богатых и бедных.

В это же время в Российской империи даже крестьянская война Е. Пугачева была более направлена на грабежи, чем на смену политического строя. На это, кстати, значительно позже, указывал Отто фон Бисмарк, который, прибыв в 1859 г. в Петербург, отметил антимонархические настроения среди дворян и твердую веру крестьян в доброго царя. Раскаты революций в Европе, низвергавшие монархов, еще только доносились до Санкт-Петербурга, что, в свою очередь, в верхах укрепляло веру в необходимости сохранения аграрного строя и самодержавия.

В это же время промышленная революция коренным образом меняла Европу. Начался процесс создания национальных государств, формирования идей свободного рынка и выстраивания новой системы международных отношений. В этих условиях от средней и высшей школы требовалось подготовить специалиста, способного принести пользу на производстве, включиться с первых дней в технический и технологический процесс на предприятии. От школы требовалось перестроить систему образования на принципах светскости, один преподаватель и одна дисциплина, учитывать процессы разделения труда и запросы массового производства. В итоге в Германии с 1794 по 1811 г. под давлением общественной критики было закрыто 11 университетов. Во Франции в ходе революции в 1792 г. были закрыты все 22 университета, которые обвинили в падении уровня образования, переместив акцент на академии.

В это время белорусские земли окончательно вошли в состав Российской империи и, казалось, должны были попасть под влияние русской системы образования. Но в белорусских землях после 1793 г. русскоязычные школы не вводились, а после смерти в 1796 г. Екатерины II дело по открытию народных училищ в западных губерниях пошло на спад.

Более того, Павел I (1796–1801), поддержавший иезуитов, пошел на усиление итогов работы эдукационной комиссии и упразднил училище в Копысе, а Полоцкое главное училище понизил в статусе. В лучшую сторону изменилось положение и Виленской академии. Ректор главной школы ВКЛ М. Почобут посетил в Гродно графа Н.В. Репнина с просьбой сохранить прежнее устройство. В 1797 г. русское правительство не только утвердило академию со всеми ее привилегиями и правами, но еще и увеличило количество кафедр. В мае 1797 г. Виленскую академию посетил Павел I, а в июне 1802 г. – Александр I.

При Александре I (1801–1825) Комиссия народных школ значительно активизировала свою работу. В 1801 г. она поставила вопрос перед Александром I о расширении влияния на народные школы в пределах Западного края. Но Александр I поддержал А.А. Чарторыйского, сохранив в белорусских землях итоги работы эдукационной комиссии. В 1802 г. члены Комиссии перешли в состав Министерства народного просвещения (МНП), содействуя открытию нескольких «профессиональных учебных заведений». Но, по мнению М.В. Довнар-Запольского, реформа Александра I всего лишь «отчасти провела в жизнь то, что было предложено Комиссией, в значительной мере воспользовавшись Уставом 1786 г.» [2. С. 34]. Тем не менее в ходе реформы Александр I проявил изначальное стремление укрепить позиции самодержавия. Во главе учебных округов встали не академии, признанные в Европе лучшей формой по организации наук, а университеты. С этой целью в апреле 1803 г. академия в Вильно была преобразована в Императорский университет. В Белоруссии такое занижение статуса руководящего центра привело к недопониманию между профессорами Виленского университета и педагогами иезуитских коллегий, которые считали, что они и сами дают образование не ниже уровня гуманитарных университетов [11].

Устав 1804 г. в Российской империи ввел технические знания в цикл университетских дисциплин. Так, в Московском университете на физико-математическом факультете изучались: технология и науки, относящиеся к торговле и фабрикам, прикладная математика, минералогия и сельское домоводство. В Виленском университете преподавалось сельское домоводство, гражданская архитектура, химия, математика, физика и астрономия [19. С. 6].

В Российской империи большая часть специальных институтов была в ведении министерств финансов, военного, внутренних дел и др. Наиболее популярными среди дворян стали кадетские корпуса, куда детей отправляли с большим желанием, чем в университеты. В стенах кадетских корпусов давались и технические знания. В марте 1805 г. Александр I утвердил План военного воспитания в кадетских корпусах, в соответствии с которым на инженерном отделении в Полоцке изучали высшую математику, фортификацию, механику и «курс гидротехнической архитектуры» [20. С. 28].

Авторитет университетов возрос после Указа 1809 г. М.М. Сперанского, по которому производство в 8-й чин Табели о рангах (коллежский асессор) стало

возможно только после окончания университета. Таким образом, те профессиональные знания, которые в ходе промышленной революции конца XVIII – начала XIX в. завоевывали целые отрасли в жизни общества, постепенно отвоевывали свое место в университетах. Открылись и первые специальные высшие учебные заведения. В 1810 г. в Санкт-Петербурге появилось инженерное училище, а в Москве – практическая коммерческая академия.

В конце XVIII в. происходило переустройство высшей школы и в Западной Европе. Изначально наметился кризис университетов, которые повсеместно ликвидировались. Появились политехникумы, ориентированные на подготовку специалистов для всех отраслей промышленности, сельского хозяйства и торговли. Но вслед за Россией в 1808 г. империя Наполеона возродила университеты. Корпорация университетов Франции получила «монополию преподавания, но исключительно в интересах государства, не пользуясь самостоятельностью и не допуская частной инициативы» [21. С. 3]. В Германии в 1809 г. был основан В. Гумбольдтом новый университет в Берлине, в основу которого были положены принципы науки, государственного финансирования и академических свобод.

На территории Белоруссии техническое образование развивалось в стенах Виленского университета и иезуитских коллегиумов. В них преподавались точные науки, основы механики и графики, строительства и архитектуры, что способствовало увеличению количества инженеров и преподавателей школ. Так, Габриель Грубер, преподавая в Полоцком иезуитском коллегиуме архитектуру, по данным С. Залесского, «в течение короткого времени подготовил достаточное количество искусных преподавателей. Он сделал даже из мярян, которые рекрутировались для работы, истинных архитекторов, художников и работников всех отраслей» [11. С. 31]. В коллегиуме в Пинске преподавались астрономия, натуральная история, агрономия, физика, математика и другие науки. Ректором минского иезуитского коллегиума, который давал образование на уровне гуманитарного университета, был Франциск Любовицкий [12. С. 127].

Указом Императора Александра I от 12 января 1812 г. коллегиум в Полоцке получил статус «академии Общества Иезуитов». На факультете свободных художеств преподавали физику всеобщую, частную и опытную, химию, математику, архитектуру гражданскую и военную, историю естественную и историю всеобщую [11. С. 49]. Академия входила в структуру МНП на равных правах с университетами. В итоге Виленский учебный округ (ВУО) оказался единственным в Российской империи, в котором было два высших учебных заведения с правами университетов.

Но в Российской империи система образования попала в так называемый замкнутый круг: сельское хозяйство не приносило сверхприбылей, крестьяне были бедны и не имели возможности даже выплачивать налоги в казну, а государство не имело средств, чтобы достаточно финансировать МНП. П.О. Бобровский, А. Тызенгауз, В. Пусловский и другие указывали, что

создавая фабрики и заводы, пытались дать возможность белорусским крестьянам больше зарабатывать и выплачивать налоги в казну государства. Залогом успеха этого дела рассматривали тесное соединение земледелия с промышленностью [22. С. 258]. Но в Гродненской губернии «промышленность в городах была представлена, в основном, ремесленными предприятиями с ручным производством» [23. С. 92]. Подобное положение наблюдалось и в других губерниях.

Еще более усугубилось положение в белорусских землях после войны с Наполеоном. В это время усилилось революционное движение в Западной Европе, что привело к введению в 1819 г. ограничений против университетов в Австрии, Пруссии и Германском союзе. Эти события распространились и на Российскую империю. В 1820 г. была закрыта Полоцкая иезуитская академия. В 1821 г. в русских университетах был установлен надзор за профессорами и студентами. В таких условиях часть профессоров ушла, часть иностранцев уехала. Начался кризис университетов, так как заместить профессорские кафедры не было кем.

Отечественная война 1812 г. открыла глаза на зависимость русской экономики от привозных товаров, но несравненно больший переворот в 1822 г. произвел таможенный тариф. В рецензии на книгу И.С. Аксакова «Исследование о торговле на Украинских ярмарках» указывалось на то, что этот «знаменитый тариф произвел страшный переворот в промышленном быту. Московская, Владимирская и Костромская губернии образовали целый мануфактурный округ; целое народонаселение получило иное фабричное направление, сотни тысяч рук пришли в движение и фабрики выбрасывали ежегодно массы произведений». По данным профессора М.Я. Киттары: если в 1827 г. русская промышленность насчитывала 6 тыс. предприятий и 300 тыс. рабочих, то в 1855 г. – уже 10 тыс. предприятий и 500 тыс. рабочих, уточняя, что «это цифры только приблизительные и без сомнения меньшие против действительности» [24. С. 19].

В декабре 1824 г. учебные заведения Витебской и Могилевской губерний были выведены из состава ВУО под юрисдикцию Санкт-Петербургского университета [25. Л. 39]. Для изменения ситуации в области образования Николай I в 1826 г. учредил особый комитет по устройству учебных заведений. Профессор О.И. Сенковский, проверяя учебные заведения белорусских губерний, указывал на необходимость введения в уездных училищах специальных предметов для содействия росту благосостояния граждан. В уставе 1828 г. были учтены данные замечания. В трехклассных уездных училищах предвиделось открыть, с учетом местных нужд, дополнительные курсы, «обеспечивавшие соответствующую профессиональную подготовку» [26. С. 43].

Уставом 1828 г. подтверждалась бесплатность начального обучения, а функции распространения практических знаний возлагались на уездные училища. В §58 прописывалось, что, в соответствии с местными потребностями, сверх арифметики, черчения, рисования и других предметов уездные училища могли вводить дополнительные курсы «для обучения

тем искусствам и наукам, коих знание наиболее способствует успехам в оборотах торговли и в трудах промышленности». В § 59 уточнялось, что это могли быть механика, технологии и «рисование, приспособленное к искусствам и ремеслам и важнейшие правила архитектуры, особенно же все, принадлежащее к части каменного мастера» [27. С. 12]. В дополнение к Уставу 1828 г. издали особые правила для белорусских губерний, которые входили в состав Санкт-Петербургского учебного округа. В итоге 17 января 1829 г. на базе Витебской и Могилевской губерний был создан Белорусский учебный округ (БУО).

Министерство финансов в целях популяризации успехов в построении России широко развернуло издание журналов и газет, которые распространялись не только в стране, но и за рубежом (Горный журнал, Журнал мануфактурных и горнозаводских известий, Особый журнал в Берлине и др.), знакомявших население своей страны и «чужие края со своими мерами, действиями, предположениями и успехами», сея в «Отечестве семена общепользных познаний и искусств». Значительная работа была проведена и по расширению системы инженерного образования. В 1828 г. Е.Ф. Канкрин подготовил проект Санкт-Петербургского практического технологического института. Положение было утверждено 28 ноября 1828 г. императором Николаем I. Вскоре в 1830 г. Николай I утвердил положение Московского ремесленного училища.

Но статус высшей технической школы оставался ниже университета, нацеленного на подготовку управленцев, а все остальные назывались училищами, «специальными» институтами и академиями. В итоге век промышленной революции в Российской империи не придал особого статуса инженерам, что ослабило приток талантливых выпускников и рост конкуренции в области технических наук. Этому не способствовала и сама специфика формирования промышленного капитала в России, создававшегося рядом с источниками сырья, что приводило к скученности заводов и фабрик вдали от культурных центров, негативно отражаясь на создании отечественных научно-учебных центров. Все последующее время ученые, популяризовавшие инженерное образование, поднимали вопрос о поставке его вровень с университетами.

В 1830-х гг. реформой системы образования занялись в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и других европейских странах. В средние и высшие учебные заведения активно вводились технические знания. Под давлением времени, ученых и промышленности постепенно менялись взгляды российских монархов на роль и значение специальных учебных заведений. В 1830-х гг. в Казанском университете была открыта, одна из первых в Российской империи кафедра технологий. Но в то время на территории Белоруссии прошло польское восстание 1830–1831 гг., которое привело к закрытию Виленского университета.

Более того, в это время акцент сместился в сторону Киевского учебного округа. В Киеве за счет средств, запланированных на открытие лицея в Орше, был основан университет Святого Владимира. Действовавшие духовная и медицинская академии в Вильно

вскоре также были перемещены в Киев. На некоторое время в Западном крае не стало высших учебных заведений.

Летом 1835 г. БУО курировал заместитель МНП граф Н.А. Протасов, который дал высокую оценку организации учебных заведений. Более того, в итоге по примеру БУО последовала «трансформация системы управления округов» Российской империи, так как «опыт управления учебными заведениями посредством университетов доказал неэффективность существовавшей системы управления» [25. Л. 18]. Сенат постановил освободить университеты от несвойственной им работы по управлению гимназиями и училищами. В соответствии с новым положением об учебных округах лицеи, гимназии и училища передавались в ведение попечителя.

В 1835 г. был введен новый университетский устав, в соответствии с которым технические науки получили дальнейшее развитие [28. С. 19]. Технические знания в университетах давались на юридическом и физико-математическом факультетах. Первый имел право присуждать степень магистра, кандидата и доктора камеральных наук, а второй – по технологии или сельскому хозяйству и лесоводству. При университетах предвиделось устройство физического и минералогического кабинетов, химической лаборатории, технологического кабинета, собрания машин и моделей, музеев изящных искусств и древностей.

С нового 1836/1837 уч. г. в университетах Российской империи стали проводиться популярные лекции, с приглашением специалистов и практиков лесоводства, сельского хозяйства, торговли и промышленности. В сентябре 1836 г. в Санкт-Петербургском университете открылись публичные лекции по сельскому хозяйству, лесоводству и торговому счетоводству. В Дерптском университете открылись публичные лекции по техническим наукам, которые на зимних каникулах разрешили прочитать профессорам Т.Ф. Гёбелю – практическая химия, Б.С. Якоби – практическая механика и Фридриху Шмальцу – прочих частей технологии [29. С. 22]. Популярность лекций достигла такого развития их, что в 1841 г. МНП были утверждены специальные правила для желающих их читать. Во Франции подобные публичные лекции проводились Политехническим обществом для ремесленников.

В итоговом отчете за 1836 г. министр народного просвещения в разделе «О распространении изучения агрономических и технических наук» сообщал об их устройстве при гимназиях и училищах тех городов, где нет университетов отделений реальных школ, а университетам поручалась организация публичных лекций по техническим наукам. Чтения публичных лекций по техническим наукам прошли в Санкт-Петербурге, Москве и Дерпте. В ходе лекций были освещены вопросы «технологической химии, практической химии, практической механики и прочих частей технологии» [30. С. 9].

Для усовершенствования в России земледелия и промышленности 7 апреля 1836 г. Николай I разрешил открывать при гимназиях и уездных училищах реальные отделения с преподаванием соответственно местным обстоятельствам развития мануфактурной

промышленности и торговли. В октябре 1838 г. в Московском университете были введены курсы построения машин, практической механики и начертательной геометрии. В отчете по Московскому учебному округу за 1839 г. указывалось, что «настоящее состояние промышленности день ото дня дает более чувствовать необходимость технического образования» [31. С. 36]. В 3-й Московской гимназии произошло деление на реальный и классический курс обучения. Причем главным являлся реальный курс, который был ориентирован на изучение технических наук.

По мнению русских ученых, для становления технического образования определяющими стали 1830 г., когда «французская революция сказалась и в Германии» и 1849 г., когда правительство Германии уступило «настоятельным требованиям приверженцев реального образования, а потому, частью признали государственными учреждениями существовавшие реальные училища, частью стали заботиться об усиленном распространении их» [32. С. 131]. В 1859 г. реальные гимназии в Германии были уравнены в правах с гуманитарными, но права поступления в университет не давали.

На общем фоне повышенного интереса к техническому образованию в Российской империи, в БУО акцент делался на развитие сельского хозяйства. В 1836 г. было принято решение открыть в БУО земледельческую школу в Горках Могилевской губернии, которая с 1840 г. начала подготовку первых учащихся. В 1842 г. было открыто реальное отделение при Белостокской гимназии. Для увеличения количества технических специалистов и отраслей промышленности в Западных губерниях император в 1846 г. «изволил изъять мысль» о преобразовании Виленского училища в реальную гимназию. Для подготовки управленцев в западных областях вторая Виленская гимназия в 1838 г. была переименована в Виленский дворянский институт. В январе 1839 г. на выпускников института распространили права, какие были у выпускников университетов при определении на военную службу. В 1846 г. Виленскому дворянскому институту было предоставлено право наравне с университетами принимать экзамены у желающих поступить во второй разряд по гражданскому чиновничеству.

30 июня 1848 г. император Николай I подписал новое положение Горы-Горетского земледельческого института, которому были предоставлены права университета. В Горках студенты должны были изучать все отрасли сельского хозяйства, в том числе технологию и механику, архитектуру и геодезию, нивелировку и черчение архитектурных и межевых планов. Студенты, которые получали по главным предметам преподавания не менее 7 баллов, заслуживали права на 12-й класс, а отличники – на 10-й класс при определении на государственную службу. Удостоенные звания агронома могли экзаменоваться в университетах в магистры по сельскому хозяйству и лесоводству или по технологии. Лучшие выпускники, по разрешению министра, могли быть отправлены для повышения знаний за счет государства за рубеж, после чего обязаны были

отработать в ведомстве не менее 8 лет. Таким образом, в Российской империи в БУО появился первый вуз по подготовке специалистов для сельскохозяйственной промышленности.

В 1844 г. министра финансов Е.Ф. Канкрин сменил Ф.П. Вронченко, который особое внимание уделял развитию промышленности, что способствовало реорганизации инженерного образования. Для усиления преподавания технических наук на реальных отделениях были даны краткие наставления о порядке их преподавания и приняты меры к снабжению реальных отделений собранием моделей, машин и химических принадлежностей. В 1844 г. для них были специально изготовлены Технологическим институтом коллекции моделей машин, реагентов и химических продуктов. В 1844 г. было открыто камеральное отделение при Дерптском университете, на котором изучались технические науки, а в августе в Московском университете разрешили преподавать геометрию и практическую механику. В Санкт-Петербургском университете открыли реально-техническое отделение с преподаванием «черчения машин», но рассчитанного всего на шесть студентов, которые готовились к занятию учительских мест в реальных классах при учебных заведениях.

Но европейские страны в этом отношении вынуждены были предпринимать куда более энергичные действия, подталкиваемые с 1825 г. кризисами перепроизводства. Очередной кризис пришелся на 1836–1837 гг., но наиболее сложным для английской промышленности стал кризис 1847 г. Он оказался настолько мощным, что Великобритания пришлось искать новые варианты, так как потенциал колониальной Индии был исчерпан, а попытка закрепиться в Китае провалилась. Для выхода из кризиса предлагалась европейским государствам схема беспощадной торговли, проводимой под лозунгами политических и экономических свобод. Лозунг фритредеров поддерживали французские политики и ряд других, примкнувших к идеям свободы торговли. Но ученые предлагали задуматься над тем, смогут ли национальные экономики устоять перед набравшей темпы английской промышленностью. По данному пути пошла только Османская империя, ставшая покупать у Великобритании больше товаров, чем Россия и Франция.

Кризис 1847 г. завершился прокатившимися по Европе революциями 1848–1849 гг. В данных условиях монархические системы попытались закрыться от внешних влияний, законсервировав в первую очередь систему образования. В России с 1849 г. ректоров и профессоров стал назначать министр просвещения на «неопределенный срок», выборность деканов сохранялась сроком на четыре года, но при необходимости декана также могли назначить. В январе 1850 г. из состава философских факультетов в университетах России были выделены самостоятельные историко-филологические и физико-математические факультеты.

2 мая 1850 г. Указом Правительствующего Сената «О преобразовании управления Белорусского учебного округа» [33. Л. 1–2] Виленская, Гродненская, Минская и Ковенская губернии образовали Виленский

учебный округ. Но Витебская и Могилевская губернии до октября 1864 г. находились в ведении Санкт-Петербургского учебного округа.

В 1850-х гг. Россия проводила успешную политику по освобождению православного населения на Ближнем Востоке от угнетения Османской империей. Но эти земли Великобритания и Франция рассматривали как попытку влияния на их рынки сбыта, которые с ростом промышленности требовалось только расширять. При содействии Франции в 1850 г. возник конфликт между православными и католиками за обладание ключами от Вифлеемского храма. Развернувшаяся Крымская война (1853–1856) завершилась поражением Российской империи. Рассматривая причины поражения, большинство исследователей обращают внимание на техническое и технологическое отставание Российской империи, что актуализировало вопросы реформирования системы образования и других сфер государственного устройства, начавшегося в 1861 г. с отмены крепостного права.

Вопросы реформирования системы образования активно дебатировались в «Журнале Министерства народного просвещения». Одним из наиболее авторитетных экспертов редакция признавала Н.И. Пирогова. Своими мыслями, он, по всей видимости, поделился со студентами Киевского университета Святого Владимира, которые инициировали сбор денежных средств на «задачу Н.И. Пирогова» – выделить премию тому, кто «изложит сравнительно-исторический ход университетского образования в Западной Европе и в России». Авторам конкурсной работы предлагалось особое внимание обратить на «различия в ходе и значении университетского образования и во влиянии гуманизма и реализма на просвещение в Европе и у нас» [34. С. 740]. Конкурс приобрел общегосударственное значение, так как был опубликован во многих изданиях: в «Журнале Министерства народного просвещения», в газете «Московские ведомости» и др. Призыв Н.И. Пирогова имел под собой основание. При составлении университетского устава в европейские страны были командированы русские специалисты. Многие из них указывали на однотипность происходивших процессов. Так, в 1861 г. В.В. Игнатович издал «Историю английских университетов» [35], в которой указывал на то, что их эволюция связана с влиянием реализма. Профессор К.Д. Кавелин составил детальное описание технических факультетов и политехнических институтов Франции. Все сходились в мысли, что все, что было характерно для Европы, проходило и в России.

Под влиянием тщательного анализа европейского опыта на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» развернулась острая дискуссия о соотношении реального и классического образования. Доктор Генрих Косман, анализируя опыт России и сравнивая его с зарубежными странами, пришел к выводу, что «Россия должна идти своим собственным, ясно предписанным ей путем и не следует ей искать спасения в подражании тому, что совершается в других землях» [36. С. 98]. Он, как и целый ряд русских историков, пришел к выводу, что на образование в России существенное влияние оказывали суровый климат

и значительные расстояния между населенными пунктами.

В ходе обсуждения реформирования школы в России четко прослеживается стремление разделить техническое и гуманитарное образование, а также поставить их на один уровень. В 1861 г. был предложен проект А.С. Ершова и других о преобразовании Московского ремесленного учебного заведения в высшее техническое училище. Но проект реализовался только в 1868 г. В то же время в западной части Российской империи были и относительные успехи. Так, в 1861 г. в Риге было открыто политехническое училище по программе германских вузов. В 1862 г. было утверждено положение аграрного политехникума в Маримонте. Последний, правда, не был реализован ввиду польского восстания 1863–1864 гг., более того, в 1864 г. были закрыты Виленский дворянский институт и Горы-Горецкий земледельческий институт. В итоге белорусские губернии до начала XX в. оставались без высшего учебного заведения.

В это же время, активно общаясь с европейскими коллегами, которым были разосланы проекты новых уставов и получены одобрительные отзывы, русские ученые, посетившие ведущие вузы Германии, Бельгии, Франции, Швейцарии и других стран, отметили как лучшую германскую систему. Французская модель, состоявшая из разбросанных по провинциальным городам факультетов, ими была признана ущербной. Высшая школа Англии была консервативна. На одном уровне с Германией, а в некоторых моментах и лучше были организованы школы в Швейцарии и Бельгии. Из этих поездок русские ученые вынесли и неприятный осадок от того, что роль и значение Российской империи замалчивалась и принижалась. Так, в учебных заведениях Франции ввели новую историю, в которой она рассматривалась как лидер в распространении европейской цивилизации, а относительно России за были упомянуть даже об отмене крепостного права.

Заключение

Таким образом, техническое знание, рождаясь в университетах, прошло свой путь в XVIII–XIX вв. от практических навыков до создания специализированных школ, училищ и политехникумов. Как в Российской империи, так и в европейских государствах одним из путей проникновения технических знаний в систему высшей школы стали традиции камеральных отделений, которые в университетах вели подготовку государственных служащих. Но профессора уже в это время указывали на то, что область технических знаний настолько широка, что в рамках камеральных наук преподавать их не представлялось возможным. В 1830-х гг. активизировалась деятельность по увеличению количества ремесленных училищ и гимназий, по открытию технических кафедр в университетах. Наибольшие успехи в подготовке инженеров и техников демонстрировало военное ведомство, но были свои достижения и у других мини-

стерств. Так, Министерство внутренних дел доби-лось придания в 1848 г. Горы-Горецкому земледель-ческому институту прав университета, что позво-лило впервые в истории Европы наладить подго-товку специалистов в области сельскохозяйствен-ного строительства и машиностроения. В 1861 г. в Риге было открыто первое политехническое учи-лище, а в 1862 г. утвержден устав аграрного поли-

техникума в Маримонте. Но после польского восста-ния 1863–1864 гг. институт в Горках был закрыт, а политехникум в Маримонте так и не открылся.

Таким образом, Западный край до начала XX в. оставался без высших учебных заведений, что как при-останавливало процессы индустриализации, так и вы-талкивало молодежь для получения образования в ев-ропейские вузы.

Список источников

1. Милоков П.Н. Воспоминания. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
2. Довнар-Запольский М.В. Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1906. 56 с.
3. Аврус А.И. История российских университетов : курс лекций. Саратов : Колледж, 1998. 126 с.
4. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М. : Академия наук СССР, 1991. 392 с.
5. Петригина В.А. Воспитание «новой породы людей» в просветительской политике Екатерины II // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 4. С. 263–269.
6. Зуева М.А. Создание и деятельность комиссии народных училищ при Екатерине II // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). С. 83–89.
7. Ярошевич И. Образ Литвы, ее просвещение и цивилизация от древнейших времен до конца 18 века : в 3 ч. Вильна, 1844–1845. Ч. 3. 279 с.
8. Балинский М.И. Старинная Виленская Академия. Опыт истории ее со времен основания в 1579 году до окончательного ее преобразования в 1803. СПб. : Тип. Огизко, 1862.
9. Лукашевич И. История училищ в Польше и Великом княжестве Литовском с древнейших времен до 1794 г. : в 4 т. Познань, 1849–1852.
10. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / С.В. Абламейко [и др.] ; под общ. ред. С.В. Абламейко; науч. ред. О.А. Яновский. Минск : БГУ, 2017. 303 с.
11. Богоненко В.А. Полоцкая академия. 1812–1820. Минск : А.Н. Вараксин, 2017. 156 с.
12. Блинова Т.Б. Иезуиты в Беларуси: роль иезуитов в организации образования и просвещения. Гродно : ГрГУ, 2002. 425 с.
13. Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: русский перевод 1726 г. : в 2 т. Т. 1. СПб. : Нестор-История, 2011. 213 с.
14. Учебные заведения Литвы до присоединения ее к России // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. № 116. С. 561.
15. Сборник материалов для истории просвещения в России извлеченных из Архива Министерства Народного Просвещения. Т. 1: Учебные заведения в Западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа. 1783–1803. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1893. 577 с.
16. Исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа за первый период его существования (1803–1832) / под общ. ред. А.В. Белецкого : в 3 ч. Оттиск первых двух глав составил Ю.Ф. Крачковский. Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1903. 96 с.
17. Бастиа Ф. Кобден и Лига: Движение за свободу торговли в Англии / пер. с фр. Ю.А. Школенко. Челябинск : Социум, 2012. 732 с.
18. Симонд де Сисмонди Ж. Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению / пер. под ред. А.Ф. Кон. М. : Соцэкгиз, 1937. 386 с.
19. Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа. Утв. 18 мая 1803 г. СПб. : Сенат. тип., 1803. 15 с.
20. Мельницкой Н.Н. Сборник сведений о военных учебных заведениях в России (сухопутного ведомства) / сост. полковник Н.Н. Мельницкой. СПб. : Тип. Е.И.В. по военно-учебным заведениям, 1857. Т. 1. 274 с.
21. В.С. Участие университетов во Франции в деле распространения высшего технического образования // Техническое образование. 1906. № 5. Сентябрь. С. 1–7.
22. Бобровский П.О. Гродненская губерния / сост. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва Ген. штаба подполк. П. Бобровский. Ч. 2. СПб. : Тип. Деп. Ген. штаба, 1863. 312 с.
23. Олесюк О.Б. От мануфактуры к фабричному производству // Архивы и делопроизводство. 2023. № 4. С. 90–96.
24. Киттары М. Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности. М. : Тип. Александра Семена на Софийской улице, 1857. 66 с.
25. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 5.
26. Игнатовец Л.М. Белорусский учебный округ: создание и деятельность (1829–1850 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Минск : БГУ, 2013. 143 с.
27. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. СПб. : При Императорской Академии наук, 1848. 91 с.
28. Кукса А.Н. Техническое образование в Российской империи начала XIX века (на материалах Белорусского учебного округа) // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2023. № 2 (275). С. 17–22.
29. О дозволении читать в Дерптском университете публичные лекции технических наук // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. № 12. С. 21–22.
30. О распространении агрономических и технических наук // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 14. С. 9.
31. Открытие в Москве 3-й гимназии // Журнал Министерства народного просвещения. 1840. № 26. С. 36.
32. О заграничных реальных училищах // Журнал Министерства народного просвещения. 1861. № 114. С. 131.
33. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2254. Оп. 1. Д. 166.
34. Задача, предложенная Н.И. Пироговым // Журнал Министерства народного просвещения. 1861. № 112. С. 740–741.
35. Игнатович В.В. История английских университетов. СПб. : Тип. И. Огизко, 1861. 150 с.
36. Косман Г. Мысли об образовании вообще и образовании юношества в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1861. № 111. С. 73–106.

References

1. Miliukov, P.N. (1991) *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow: Politizdat.
2. Dovnar-Zapolskii, M.V. (1906) *Reforma obshcheobrazovatelnoi shkoly pri imperatritse Ekaterine II* [The Reform of General Education Schools under Empress Catherine II]. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina.
3. Avrus, A.I. (1998) *Istoriia rossiiskikh universitetov: kurs lektzii* [History of Russian Universities: A Course of Lectures]. Saratov: Kolledzh.
4. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaia shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Higher Education in Russia in the Late 19th – Early 20th Century]. Moscow: Akademiia nauk SSSR.

5. Petrigina, V.A. (2009) Vospitanie "novoi porody liudei" v prosvetitel'skoi politike Ekateriny II [The Education of a "New Breed of People" in Catherine II's Enlightenment Policy]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. 4. pp. 263–269.
6. Zueva, M.A. (2013) Sozdanie i deiatel'nost komissii narodnykh uchilishch pri Ekaterine II [The Establishment and Activities of the Commission of Public Schools under Catherine II]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ia. Iakovleva*. 1 (77). pp. 83–89.
7. Iaroslavich, I. (1844–1845) *Obraz Litvy, ee prosveshchenie i tsivilizatsiia ot drevneishikh vremen do kontsa 18 veka* [The Image of Lithuania, Its Enlightenment and Civilization from Ancient Times to the End of the 18th Century]. Vol. 3. Vilna.
8. Balinskii, M.I. (1862) *Starinnia Vilenskaia Akademiia. Opyt istorii ee so vremen osnovaniia v 1579 godu do okonchatelnogo ee preobrazovaniia v 1803* [The Old Vilnius Academy: A Historical Study from Its Foundation in 1579 to Its Final Transformation in 1803]. St. Petersburg: Tip. Ogrizko.
9. Lukashevich, I. (1849–1852) *Istoriia uchilishch v Pol'she i Velikom kniazhestve Litovskom s drevneishikh vremen do 1794 g.* [The History of Schools in Poland and the Grand Duchy of Lithuania from Ancient Times to 1794]. Vols 1–4. Poznan.
10. Ablameiko, S.V. et al. (eds) (2017) *Intellektualnaia elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniia (1919–1941)* [The Intellectual Elite of Belarus: Founders of Belarusian Science and Higher Education (1919–1941)]. Minsk: BSU.
11. Bogonenko, V.A. (2017) *Polotskaia akademiia. 1812–1820* [The Polotsk Academy. 1812–1820]. Minsk: A.N. Varaksin.
12. Blinova, T.B. (2002) *Iezuity v Belarusi: rol iezuiov v organizatsii obrazovaniia i prosveshchenii* [The Jesuits in Belarus: Their Role in Organizing Education and Enlightenment]. Grodno: GrSU.
13. Pufendorf, S. (2011) *O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu: russkii perevod 1726 g.* [On the Duty of Man and Citizen According to Natural Law: Russian Translation of 1726]. Vol. 1. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
14. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. (1862) *Uchebnye zavedeniia Litvy do prisoedineniia ee k Rossii* [Educational Institutions of Lithuania Before Its Annexation to Russia]. 116. p. 561.
15. Anon. (1893) *Sbornik materialov dlia istorii prosveshcheniia v Rossii izvlechenykh iz Arkhiva Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia* [Collection of Materials for the History of Education in Russia Extracted from the Archive of the Ministry of Public Education]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. T-va "Obshchestvennaia polza".
16. Anon. (1903) *Istoricheskie obzory deiatel'nosti upravleniia Vilenskogo uchebnogo okruga za pervyi period ego sushchestvovaniia (1803–1832)* [Historical Review of the Activities of the Vilnius Educational District Administration During Its First Period (1803–1832)]. Vilna: Tip. A.G. Syrkina.
17. Bastiat, F. (2012) *Kobden i Liga: Dvizhenie za svobodu torgovli v Anglii* [Cobden and the League: The Free Trade Movement in England]. Chelyabinsk: Sotsium.
18. Sismondii, J.C.L. de (1937) *Novye nachala politicheskoi ekonomii ili o bogatstve v ego otnoshenii k narodonaseleniiu* [New Principles of Political Economy or On Wealth in Its Relation to Population]. Moscow: Sotsekgiz.
19. Anon. (1803) *Ustav ili obshchie postanovleniia Imperatorskogo Vilenskogo universiteta i uchilishch ego okruga* [Charter or General Regulations of the Imperial Vilnius University and Its District Schools]. St. Petersburg: Senat. tip.
20. Melnitskoi, N.N. (1857) *Sbornik svedenii o voennykh uchebnykh zavedeniakh v Rossii (sukhoputnogo vedomstva)* [Collection of Information on Military Educational Institutions in Russia (Land Department)]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. E.I.V. po voenno-uchebnym zavedeniiam.
21. V.S. (1906) *Uchastie universitetov vo Frantsii v dele rasprostraneniia vysshego tekhnicheskogo obrazovaniia* [The Participation of French Universities in the Dissemination of Higher Technical Education]. *Tekhnicheskoe obrazovanie*. 5. pp. 1–7.
22. Bobrovskii, P.O. (1863) *Grodnenskaia guberniia* [Grodno Province]. Pt. 2. St. Petersburg: Tip. Dep. Gen. shtaba.
23. Olesiuk, O.B. (2023) *Ot manufaktury k fabrichnomu proizvodstvu* [From Manufactory to Factory Production]. *Arkhivy i deloproizvodstvo*. 4. pp. 90–96.
24. Kittary, M. (1857) *Ocherk sovremennogo polozheniia i nuzhd russkoi manufakturnoi promyshlennosti* [An Outline of the Current State and Needs of Russian Manufacturing Industry]. Moscow: Tip. Aleksandra Semenova na Sofiiskoi ulitse.
25. National Historical Archive of Belarus. Fund 2507. List 1. File 5.
26. Ignatovets, L.M. (2013) *Belorusskii uchebnyi okrug: sozdanie i deiatel'nost (1829–1850 gg.)* [The Belarusian Educational District: Establishment and Activities (1829–1850)]. Minsk: BSU.
27. Anon. (1848) *Ustav gimnazii i uchilishch uездnykh i prihodskikh, sostoiashchikh v vedomstve universitetov: Sankt-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Khar'kovskogo* [Charter of Gymnasiums and District and Parish Schools Under the Jurisdiction of Universities: St. Petersburg, Moscow, Kazan, and Kharkiv]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
28. Kuxa, A.N. (2023) *Tekhnicheskoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii nachala XIX veka (na materialakh Belorusskogo uchebnogo okruga)* [Technical Education in the Russian Empire of the Early 19th Century (Based on Materials from the Belarusian Educational District)]. *Trudy BGTU. Ser. 6. Istoriia, filosofii*. 2 (275). pp. 17–22.
29. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. (1836) *O dozvoilenii chitat v Derpt'skom universitete publichnye lektsii tekhnicheskikh nauk* [On the Permission to Deliver Public Lectures on Technical Sciences at Dorpat University]. 12. pp. 21–22.
30. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. (1837) *O rasprostraneniia agronomicheskikh i tekhnicheskikh nauk* [On the Dissemination of Agronomic and Technical Sciences]. 14. p. 9.
31. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. (1840) *Otkrytie v Moskve 3-i gimnazii* [The Opening of the 3rd Gymnasium in Moscow]. 26. p. 36.
32. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. (1861) *O zagranichnykh realnykh uchilishchakh* [On Foreign Realschulen]. 114. p. 131.
33. National Historical Archive of Belarus. Fund 2254. List 1. File 166.
34. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. (1861) *Zadacha, predlozheniia N.I. Pirogovym* [The Problem Proposed by N.I. Pirogov]. 112. pp. 170–171.
35. Ignatovich, V.V. (1861) *Istoriia angliiskikh universitetov* [History of English Universities]. St. Petersburg: Tip. I. Ogrizko.
36. Kosman, G. (1861) *Mysli ob obrazovanii voobshche i obrazovanii iunoshchestva v Rossii* [Thoughts on Education in General and the Education of Youth in Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 111. pp. 73–106.

Информация об авторе:

Кукса А.Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: akuksa@bntu.by

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.N. Kuxa, Cand. Sci. (History), associate professor, Belarusian National Technical University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: akuksa@bntu.by

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья
УДК 902
doi: 10.17223/15617793/508/18

Проблемы изучения орнамента на позднесредневековой керамике и его значение в культуре нарымских селькупов*

Анна Павловна Милованова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, annamil83@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены перспективы изучения орнамента селькупов для решения этнокультурных проблем на разных видах материала. Автор рассматривает орнаменты на керамике, бересте и традиционном костюме и приходит к выводу, что для изучения этнокультурной истории больше всего подходит керамика. Заключается, что изучение традиционного орнамента нарымских селькупов позволит ответить на ряд вопросов, касающихся культурогенеза традиционного населения Нарымского Приобья.

Ключевые слова: традиционные орнаменты, позднее средневековье, Нарымское Приобье, селькупы, керамика, береста, традиционный костюм

Для цитирования: Милованова А.П. Проблемы изучения орнамента на позднесредневековой керамике и его значение в культуре нарымских селькупов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 170–176. doi: 10.17223/15617793/508/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/18

Problems of studying ornament on late medieval ceramics and its significance in the culture of Narym Selkups

Anna P. Milovanova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, annamil83@mail.ru

Abstract. The article discusses problems of studying late medieval ornamentation of the Narym Selkups. The Selkups are the autochthonous population of the region, which includes several ethno-local groups that differ from each other. Each of the dialect-local groups was affected by contacts with neighbours – the Khanty, the Ket, Siberian Tatars, the Chulym and Evenks. These groups have been studied unevenly, and only some of them have survived to the present time. The information value of late medieval Narym Selkups' ornamentation is low due to the incompleteness of the material both territorially and chronologically. At the same time, traditional ornament is an ethno-cultural marker that characterises the ethnicity of the bearer of the ornamental tradition. The study of ornament is possible both on ethnographic and archaeological materials. A complex study of archaeological and ethnographic materials will make it possible to trace the dynamics of the development process of the studied groups. The author aims to consider the prospects of studying Selkup ornamentation to solve ethno-cultural problems on different types of material. For this purpose the author uses ornaments on archaeological ceramics, birch bark and traditional costume. First, the author reviews the historiography of the study of the Selkups and their ornaments. The study of Selkup ornaments is complicated by the following factors: during the late Middle Ages the Selkup ethnos was not fully formed, the source base for ornaments was incomplete, and the ornaments themselves were poorly studied. Since ornament on ceramics is the most representative, the author considered ornaments on archaeological ceramics as the main corpus of sources. However, despite the availability of a large amount of material, the late ceramics of the Narym Ob region have not been subjected to a special study. The analysis is extremely important, as important processes of Selkup cultural genesis took place during this period. The author further examines ornaments on birch bark and traditional costume. Comparison of ornaments on ceramics and birch bark seems possible due to the proximity of the technique of its application and the functional purpose of the containers on which it was applied. The use of traditional costume materials is justified as an additional source. The author concludes that the study of the traditional ornamentation of the Narym Selkups will help answer a number of questions concerning the cultural genesis of the traditional population of the Narym Ob region. Obviously, ornaments on Selkup ceramics are most suitable for this purpose.

Keywords: traditional ornaments, late Middle Ages, Narym Ob region, Selkups, ceramics, birch bark, traditional costume

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

For citation: Milovanova, A.P. (2024) Problems of studying ornament on late medieval ceramics and its significance in the culture of Narym Selkups. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 170–176. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/18

Нарымские селькупы – автохтонное население региона, они являются потомками традиций носителей кулайской и релкинской археологических культур. Нарымские селькупы включают несколько этнолокальных групп, которые отличаются по деталям языка, особенностям погребального обряда, орнаменту и пр. Единого собирательного названия у самих селькупов нет. В период позднего средневековья насчитывалось 8 диалектно-территориальных групп, расселенных в бассейне Средней Оби и на ее притоках: соргула, сельгула, чумульгула, сюсигула, кайбангула, тегула, шиешгула и пайгула [1]. География расселения селькупов была довольно обширной и охватывала территорию от окрестностей Сургута и реки Аган на севере, Чаи и устья Томи на юге, верхнего течения Кети на востоке и до бассейна Васюгана на западе. Важно отметить определенную размытость границ на перифериях селькупской ойкумены из-за их контактов с обитавшими по соседству народами – хантами, кетами, сибирскими татарами, чулымцами и эвенками. Эти контакты в разной степени оставляли свой отпечаток в материальной культуре носителей каждой из диалектно-локальных групп.

Соргула являлись самой северной группой селькупов, и были расселены на территории Сургутско-Нарымского Приобья. В ходе социально-исторических процессов (активное освоение Сибири русскими, падение Пегой Орды, заселение исконно селькупских территорий хантами) часть из них мигрировала на север, образовав обособленную северную группу тазовских селькупов. Часть соргула остались на месте, и было ассимилирована хантами. Сельгула, чумульгула, сюсигула, кайбангула, тегула и шиешгула освоили территорию Нарымского Приобья, составляя «костяк» этноса. Сельгула обитали между Вахом и Васюганом, чумульгула были расселены в Тымско-Нарымском Приобье, сюсигула, кайбангула и тегула – по устью Кети, в среднем течении и в его верховьях, шиешгула занимали западную и юго-западную часть Нарымского Приобья, пайгула обитали на границе Томско-Нарымского Приобья, испытывая на себе сильное тюркское влияние. Впоследствии они были почти полностью ассимилированы. В настоящее время четыре этнолокальных группы проживают на той же территории, что и их предки-селькупы: чумульгула, сюсигула, тегула и шиешгула [2. С. 9, рис. 1]. На археологических материалах процесс культурогенеза традиционного населения региона представлен двумя точками зрения [3. С. 128–130]. Согласно принятому в научном сообществе варианту (Л.А. Чиндина, А.И. Боброва, В.А. Могильников), этногенез нарымских селькупов связан с автохтонной самодийской основой (кулайская и релкинская археологические культуры). Вторая точка зрения (В.И. Молодин) соотносит кулайскую и релкинскую археологические культуры с угорским и угро-самодийским компонентом, а этногенез самодийцев связывает с одинцовской (верхнеобской) культурой Верхнего Приобья.

Орнамент нарымских селькупов позднего средневековья обладает большим информационным потенциалом, однако в историографии данная тема почти не разработана – ими не занимались специально. Во многом это связано с неполнотой материала как территориального, так и хронологического характера. Современные и позднесредневековые этнолокальные группы селькупов исследованы неравномерно. По сравнению с другими народами, их орнаменты изучены еще недостаточно. Во многом это связано с плохой сохранностью материала, на котором он был нанесен. Библиография по орнаменту в основном представлена обобщающими исследованиями.

Для того чтобы раскрыть содержание орнамента, как этнокультурного маркера, для начала необходимо дать его определение. Итак, орнамент – это живописное, графическое или скульптурное украшение, состоящее из стилизованного сочетания геометрических, растительных или животных мотивов [4]; узор из ритмически упорядоченных геометрических или стилизованных растительных и животных элементов, предназначенный для украшения различных предметов, архитектурных сооружений, произведений прикладного искусства [5]. Вместе с тем орнамент представляет собой отображение мировоззрения конкретного этноса. Поэтому он тесно связан с населением – это определенный язык общения, понятный «своим» и не очень понятный «чужим». Обычно он характеризует этнокультурную принадлежность носителя орнаментальной традиции.

Традиционные орнаменты селькупов XVI–XVIII вв. в небольшом количестве представлены также на бересте и традиционном костюме, но в большей степени на керамике. Резьба по кости и дереву изучена еще недостаточно [6. С. 399], поэтому она не будет нами рассматриваться в данной статье. Орнаменты зависят от выбранного типа материала и способов его нанесения.

Систематическое накопление этнографических материалов о народах Сибири начинается с первой четверти XVIII в. и связано с эпохой Петра I. Данный период характеризуется появлением фундаментальных трудов о регионе и народах, проживающих на этой территории [7]. Обширный фактический материал был собран в ходе специальных научных экспедиций при поддержке Российской академии наук (Д.Г. Мессершмидт, Ф.И. Страленберг, Г.Ф. Миллер и др.), однако конкретной задачи по изучению традиционного орнамента перед исследователями не стояло. В этот период основной упор был сделан на описании быта и хозяйства коренных народов, земель, а также на «изыскание всяких раритетов». Характерной особенностью было отсутствие четкой этнической дифференциации – в это время нарымские селькупы не рассматривались вне понятия «остяки», которое являлось собирательным для селькупов, хантов и кетов ввиду внешней схожести их материальной культуры. Начало изучения селькупов как отдельного этноса было положено в XIX в. финским лингвистом М.А. Кастреном [8]. С этого

же времени возрастает интерес к древней истории коренных народов Сибири и их родству между собой.

Происходит накопление этнографических, лингвистических и археологических данных, вырабатывается методология и методика этнографического исследования [9]. Однако вопроса о специальном изучении этнолокальных групп селькупов еще не стояло. Большинство исследований, посвященных данной сфере традиционного искусства, пришлось на XX – начало XXI в., так как до этого традиционные орнаменты не входили в сферу научного интереса исследователей. Знаковыми для изучения орнамента стали исследования С.В. Иванова [10, 11], Г.И. Пелих [1], О.М. Рындиной [6]. Раскопки двух курганов одного из наиболее важных памятников региона – Тискинского могильника – были проведены Л.А. Чиндиной [12]. Дальнейшие исследования проводила А.И. Боброва [13]. Ей же была выделена нарымская археологическая культура, охватывающая развитое и позднее средневековье и принадлежавшая сначала праселькупскому, а позже селькупскому населению [13].

Проблема заключалась в том, что к началу XX в. нарымские селькупы подверглись сильной ассимиляции со стороны русского населения. Поэтому этнографические материалы, собранные в данный период, уже не могли дать полного представления о традиционном орнаменте селькупов – часть предметов, на которые традиционно он наносился, уже вышли из повседневного обихода, часть – претерпела сильные изменения. Для решения данной проблемы может помочь привлечение материалов археологии в качестве основного источника по традиционному орнаменту позднего средневековья – начала нового времени. Ввиду того, что селькупы хоронили умерших только на родовом кладбище [14. С. 72], также имеется возможность сопоставить места захоронения с диалектно-территориальными группами. Синтез археологических и этнографических данных позволит выяснить, на какой основе сложилась культура селькупов (это может решаться по сходству орнаментов). Для этого необходимо привести количественные характеристики по этнографическим и археологическим комплексам, а также оценить их сходство по уникальным элементам.

Итак, изучение орнаментов селькупов осложняется следующими факторами: в период позднего средневековья селькупский этнос так и не сложился окончательно, источниковая база по орнаменту является неполной, сам орнамент пока еще изучен недостаточно. Изучение орнаментов позднего средневековья перспективно вести на основе археологических материалов. Зачастую для бесписьменных культур археологические материалы являются единственным источником информации. Комплексное изучение археологических и этнографических источников помогает проследить динамику этнокультурного процесса.

Орнаментация керамики и основные проблемы ее изучения в этнокультурном аспекте

Керамика – одна из важнейших категорий археологического материала для исследователя, так как отражает в себе сведения о различных аспектах человеческой деятельности.

Наиболее репрезентативно представлен орнамент на археологической керамике, благодаря ее хорошей сохранности. Керамика имела массовое распространение в регионе, являясь одним из маркирующих признаков погребального обряда [15. С. 52]. Глиняная посуда в погребениях позднего средневековья представлена горшками, сосудами чашевидной формы, сосудами с «ушками», а также ладьевидными сосудами. Изделия круглодонные, горшки являются самой многочисленной формой. В единичных случаях встречаются круглодонные сосуды с налепными валиком или орнаментом. Жестких закономерностей, позволяющих соотнести каждую из представленных форм с определенными половозрастными параметрами, не имеется. На изделиях фиксируются следы ремонта, копоты и нагара. Керамика серого, желтого или коричневого цветов, преимущественно это бесшейные формы. Редко фиксируются формы с шейей. Отличительной особенностью керамики населения региона является богатая орнаментация, так что орнаменты на керамике рассматриваются исследователями как один из факторов, отражающих процессы культурогенеза. Преимущественно орнаменты состоят из вертикальных и наклонных мотивов, нанесенных при помощи зубчатого и гладкого штампов, в единичных случаях фиксируется фигурный штамп. Орнаменты (композиция) распадаются на несколько орнаментальных зон, соответствующих трехчленному делению сосуда. На протяжении всего позднего средневековья процент сосудов без орнамента увеличивается.

Мы не обладаем этнографическими данными по керамике, поскольку к началу XVIII в. местная посуда была полностью заменена русскими гончарными изделиями. Особенно ярко данный переход прослеживается в месте контактов русского и традиционного населения (м-ки Мигалка, Остяцкая Гора), который выражается в присутствии в традиционном погребении русской керамики или сосудов-подражаний (подражание русским гончарным формам при сохранении традиционного орнамента). Данная устойчивость иллюстрирует важную роль орнамента в жизни населения Нарымского Приобья как этнического маркера. Также в орнаментах на керамике позднего средневековья фиксируются орнаментальные традиции культур раннего железного века (РЖВ) и раннего средневековья [16. С. 76–94; 17. С. 38–53]. Их влияние отмечено и за пределами региона (усть-полуйская культура).

Данные, полученные при анализе орнамента на керамике, позволяют реконструировать этнокультурную историю. Анализируя орнаменты на керамике, мы изучаем «внешнюю культуру» гончарства [18. С. 133], т.е. традиции, которые важны главным образом для потребителей глиняной посуды. Эти традиции меняются под влиянием внешних воздействий, отражаясь в орнаменте.

Особое место в изучении проблем этнокультурной истории занимали работы археолога и лингвиста А.П. Дульзона [19]. В рамках Программы комплексного изучения древней истории и происхождения коренных западносибирских этносов он провел раскопки ряда памятников на Оби, Чулыме, Парабели и Тыма, в результате чего была выделена «остяцкая» курганный

культура. Несмотря на то, что глиняная посуда из могильников является важным признаком материальной культуры нарымских селкупов, керамика из их раскопок специальному анализу была впервые подвергнута автором статьи (результаты были доложены на XXX Международной конференции «Дульзоновские Чтения», которая проходила 21–24 сентября 2023 г. в Томске). Удалось зафиксировать постепенное формирование определенной традиции орнаментирования глиняных сосудов у местного населения в течении XVI–XVII вв., устойчивость техники и технологии нанесения орнамента, преемственность средневековой керамики с более ранними материалами (кулайской и релкинской культур). Последнее заключается в последовательном упрощении некоторых элементов орнамента, а также в появлении различных вариаций одного элемента. Большинство мотивов, характерных для релкинской керамики, у населения Нарымского Приобья позднего средневековья не встречается на керамике – это ромбический мотив, меандр, паркетный мотив, фестоны, арочный и ленточный мотивы. Группированный встречается редко. Однако определенные композиционные решения сохраняются (сочетание определенных элементов и мотивов, плотность нанесения элементов и многорядность мотивов и пр.). Преемственность от РЖВ / раннего средневековья к позднему средневековью прослеживается через керамику развитого средневековья (Тяголово, нижний ярус Иготкинского м-ка, 1-я хронологическая группа Тискинского курганного м-ка и др.). Таким образом, орнаментальные традиции позднего средневековья являются результатом развития более ранних орнаментальных традиций. Данное обстоятельство также затрагивает проблему этногенеза аборигенных культур эпохи железа, так как является дополнительным аргументом в пользу точки зрения об их самодийской принадлежности. В частности, это выражается в сохранении на селкупской керамике кулайской «уточки», нанесенной при помощи фигурного S-видного штампа (Остяцкая Гора), а также составной «уточки», нанесенной при помощи гладкого или зубчатого штампов.

Точки зрения о возможном решении проблем культурогенеза через призму его изучения по керамике придерживались В.И. Матющенко [20], Л.М. Плетнева [21], Л.А. Чиндина [16, 17] и другие исследователи. Исследования Л.А. Чиндиной позволили построить схему культурогенеза в Среднем Приобье. Она охватывает период от раннего железного века до позднего средневековья, а основным показателем происходящих в регионе культурногенетических процессов являлась керамика. Поскольку типология посуды разработана для более ранних периодов, первостепенная задача сейчас – выделить типы керамики на материалах позднего средневековья.

Позднесредневековая керамика и, в частности, орнаменты на ней изучалась А.И. Бобровой, Ф.И. Мецем, Н.В. Березовской, Г.И. Гребневой [22–26]. В настоящее время работа с материалами позднесредневекового памятника Мигалка, включая керамику, ведется Л.А. Чиндиной.

Однако, несмотря на наличие большого количества материала, поздняя керамика Нарымского Приобья не подвергалась еще специальному исследованию. Связано это с такими факторами, как недостаточная изученность самих позднесредневековых памятников и отсутствие выработанной типологии керамики данного периода. Вместе с тем такой анализ чрезвычайно важен, так как в этот период происходят важные процессы культурогенеза селкупов. Несмотря на важность изучения орнамента, в отечественной археологии отсутствует устоявшаяся терминология его описания и анализа. Во избежание путаницы в основу такого исследования должна лечь система понятий, терминов и определений, разработанных для характеристики материалов эпохи железа и раннего средневековья Среднего Приобья [16, 17].

Орнаменты на других видах материалов и вещей XVI–XVIII вв.

Береста. Емкости. Распространенным материалом у селкупов являлась береста, что было связано в первую очередь с доступностью материала и простотой нанесения узора. Ее художественная обработка служила важным показателем традиционной культуры селкупов. Известны берестяные табакерки, туеса и коробки, берестяные лодки (редкие сведения), а также берестяные чехлы и полотнища-тиски для погребения. Берестяные тиски выходят из обихода в связи с изменением погребального обряда селкупов. Технологически и стилистически орнаменты на бересте довольно разнообразны. Доминировало прочерчивание (выскабливание). Распространенные способы нанесения орнамента – вырезание, штампование и тиснение, орнамент с подкладным фоном, раскрашивание. А также орнаменты криволинейные, включая узоры, выполненные в виде зубцов, овалов и полукружий, флажкообразных и стреловидных элементов, ширококонтурные узоры, построенные при помощи ромба и зигзага. Значительная часть выскаблинных узоров была заимствована из обско-угорского орнаментального фонда, что является следствием этнических подвижек XVII в. в Среднем Приобье [27. С. 157]. О. М. Рындина выделяет три хронологических пласта в берестяном декоре селкупов, [27. С. 161–162], каждый из которых обладает стилистическим своеобразием, включая технику и технологию нанесения орнамента, а также его стилистику.

Начало научному изучению изделий из бересты положила статья Е.Д. Прокофьевой «Орнамент селкупов» [28]. Перечисленные берестяные изделия входили в сферу научных интересов О.М. Рындиной, А.А. Локтионовой, А.И. Бобровой [27, 29–32], П.П. Хороших и И.Н. Гемуева [33].

Автор работы считает оправданным сопоставление орнаментов на керамике и бересте [34] ввиду близости техники его нанесения и функционального назначения емкостей, на которых был нанесен орнамент. Судя по данным сибирской этнографии [35. С. 369–429], в большинстве случаев при создании орнамента на мягких материалах использовалась штамповка. Глина, как и береста, является мягким материалом, поэтому многие

приемы нанесения орнамента были сходны между собой (штамп, прочерчивание). Штамповка на глине связана со штамповкой на бересте [36. С. 289]. Остается пока открытым вопрос о стилистическом сходстве между керамикой позднего средневековья и изделиями из бересты (композиционная их близость может выражаться и в зональности орнамента).

Традиционный костюм. Любой традиционный костюм не является чем-то статичным, так как на нем отражаются изменения быта и социальной структуры населения, а также степень и глубина взаимодействия его носителей с другими народами. Основным фактором, определяющим подходы к изучению традиционного костюма селькупов, является то, что в погребениях весь комплекс костюма не сохраняется. В погребениях фиксируются тканые пояса, фрагменты тканей и обуви, что затрудняет возможности его реконструкции. Все они очень плохой сохранности, ввиду чего исследование традиционного орнамента на костюме не может охватывать все аспекты его изучения. Исследователям доступны анализ материала и цвета костюма, техника создания орнамента и способ его нанесения, а также его композиция. Провести полноценный стилистический анализ, как это делается на керамике, затруднительно, та же ситуация обстоит с попытками проследить его динамику развития.

Важной частью традиционного костюма являлся головной убор, так как голова считаласьместилищем плодотворной жизненной силы [37. С. 40], для украше-

ния которого использовались стеклянные и металлические бусы, бисер и подвески. Цветовая палитра традиционного костюма была богатой. Орнаменты, составленные мозаикой из сборного меха, были характерны для северных групп, и долгое время считалось, что декорирование костюма было сведено к минимуму [28]. При раскопках м-ка Остяцкая Гора А.П. Дульзоном было зарисовано оформление деталей верхней одежды [38], состоявшее из ленты позумента по рукавам и подолу (?) и металлических накладок-лунниц. Впоследствии Л.А. Чиндина подробно рассмотрела ритуальную одежду [39, 40], в дальнейшем продолжила исследование селькупского костюма. Вопросом реконструкции селькупского костюма по материалам археологии также занимались и другие исследователи [41–43]. Плохая сохранность материала (по сравнению с керамикой) не позволяет использовать орнаменты на традиционном костюме в качестве опорного источника для реконструкции этнокультурных процессов XVI – начала XVIII в. Поэтому привлечение археологических и более поздних этнографических материалов оправдано в качестве дополнительного и весьма важного источника.

Изучение традиционного орнамента нарымских селькупов позволит ответить на ряд вопросов, касающихся культурогенеза традиционного населения Нарымского Приобья. Очевидно, что для этой цели больше всего подходят орнаменты на керамике селькупов.

Список источников

1. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
2. Пелих Г.И. Селькупы XVII века: (очерки социально-экономической истории). Томск, 1981.
3. Березовская Н.В., Волков В.Г., Тучкова Н.А. Происхождение селькупов в свете междисциплинарного подхода (археология, генетика, лингвистика, историческая этнология) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 128–138. doi: 10.17223/19988613/54/21
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/>
5. Большой современный толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/>
6. Рындина О.М. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1995. Т. 3.
7. Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остяцком. С предисловием Л.Н. Майкова // Памятники древней письменности. СПб., 1884. Т. 53.
8. Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838–1844, 1845–1849 гг. СПб., 1860.
9. Анушин. Д.Н. О задачах русской этнографии: (Несколько справок и общих замечаний). М., 1889.
10. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М. ; Л., 1954.
11. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М. ; Л., 1963.
12. Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 16. С. 61–93.
13. Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск, 2007.
14. Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник МАЭ. Л., 1977. Т. 33. С. 66–79.
15. Боброва А.И., Рыкун М.П., Тучков А.Г., Чернова И.В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н. э. (X–XX вв.). Томск, 2016.
16. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.
17. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура. Томск, 1991.
18. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012.
19. Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1955. Т. 13. С. 97–154.
20. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири : материалы совещания 25–31 мая 1970 года / под ред. В.И. Матюшенко. Томск, 1970.
21. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск, 1990.
22. Боброва А.И., Мец Ф.И. Ладьевидные сосуды и сосуды с «ушками» у средневекового населения Нарымского Приобья // Памятники истории и культуры Омской области. Омск, 1989. С. 52–54.
23. Боброва А.И., Мец Ф.И. Хронология поздне-средневековой керамики из погребальных комплексов Нарымского Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 182–184.
24. Боброва А.И., Мец Ф.И. Ладьевидные сосуды и сосуды с «ушками» у средневекового населения (Тискинский комплекс памятников) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 304–316.
25. Боброва А.И., Березовская Н.В. Керамика Тискинского поселения // Археологические материалы и исследования Северной Азии, древности и средневековья. Томск, 2007. С. 101–113.
26. Боброва А.И., Гребнева Г.И., Мец Ф.И. Керамика II тыс. н.э. из Прикетья (публикация материалов) // Из истории Сибири. Томск, 1998. С. 46–67.
27. Рындина О.М. Береста и декоративные традиции селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов: Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск, 1999. С. 153–162.

28. Прокофьева Е.Д. Орнамент селькупов // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1950. Т. 10.
29. Рындина О.М. Генезис орнамента обских угров и самодийцев в контексте их истории : автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1997.
30. Локтионова А.А. Берестяная утварь южных селькупов. Томск, 2017.
31. Боброва А.И., Рындина О.М. Орнаментированные берестяные погребальные чехлы Тискинского могильника // Рериховские чтения. Новосибирск, 1985. С. 222–232.
32. Боброва А.И., Локтионова А.А. Изделия из бересты у населения Нарымского Приобья и Причулымья в XVII – первой половине XIX века (этноархеологический аспект) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Омск, 2018.
33. Хороших П.П., Гемуев И.Н. Берестяные изделия селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 171–185.
34. Милованова А.П. Орнамент народов Западной Сибири по данным археологии и этнографии // Вестник «История керамики». Вып. 2. М. : ИА РАН, 2020. С. 151–161.
35. Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М. ; Л., 1961.
36. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М., 2017.
37. Горяева В.С. О начале «брачного периода» у женщин ирменского общества // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997. С. 39–41.
38. Дульзон А.П. Полевые чертежи раскопов на Остяцкой Горе около села Молчанова на Оби (1954) // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 3. Оп. 9. Д. 17.
39. Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. Барнаул, 1995. С. 171–187.
40. Чиндина Л.А. Комплект торсового костюма нарымской селькупки конца XVII в. // Археолого-этнографические исследования в южнотата-ежной зоне Западной Сибири : сб. ст. Томск, 2003. С. 95–98.
41. Боброва А.И., Бодрова А.Ш. Пояса XVII века из Прикетья (технология и декор) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск ; Омск, 2013. С. 34–43.
42. Боброва А.И., Бодрова А.Ш. Реконструкция костюма девочки-подростка из погребального комплекса 17 века с Остяцкой Горы // Народный костюм в Сибири. Новосибирск, 2017. С. 154–157.
43. Боброва А.И. К вопросу о реконструкции селькупского костюма по материалам могильника XVII века на Остяцкой горе (к 60-летию исследований А.П. Дульзона на р. Оби у пос. Молчаново) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 1 (7). С. 82–94.

References

1. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [The origin of the Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII veka: (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii)* [The Selkups of the 17th century: (essays on socio-economic history)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Berezovskaya, N.V., Volkov, V.G. & Tuchkova, N.A. (2018) The origin of the Selkups in the light of an interdisciplinary approach (archaeology, genetics, linguistics, historical ethnology). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 54. pp. 128–138. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/54/21
4. Ushakov, D.N. (ed.) (n.d.) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <https://ushakov.slovaronline.com/>
5. Ozhegov, S.I. (ed.) (n.d.) *Bol'shoi sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large modern explanatory dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <https://ozhegov.slovaronline.com/>
6. Ryndina, O.M. (1995) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri* [Essays on the culturogenesis of the peoples of Western Siberia]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
7. Novitskii, G.I. (1884) *Kratkoe opisaniye o narode ostyatskom* [A brief description of the Ostyak people]. In: *Pamyatniki drevnei pis'mennosti* [Monuments of ancient writing]. Vol. 53. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
8. Kastren, M.A. (1860) *Puteshestvie po Laplandii, Severnoi Rossii i Sibiri v 1838–1844, 1845–1849 gg.* [Journey through Lapland, Northern Russia, and Siberia in 1838–1844, 1845–1849]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
9. Anuchin, D.N. (1889) *O zadachakh russkoi etnografii: (Neskol'ko spravok i obshchikh zamechanii)* [On the tasks of Russian ethnography: (Some references and general remarks)]. Moscow: Moscow University Press.
10. Ivanov, S.V. (1954) *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v.* [Materials on the visual art of the peoples of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
11. Ivanov, S.V. (1963) *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik* [The ornament of the peoples of Siberia as a historical source]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
12. Chindina, L.A. (1975) *O pogrebal'nom obryade pozdnykh mogil'nikov Narymskogo Priob'ya* [On the funeral rite of late burial grounds in the Narym Ob region]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Vol. 16. Tomsk. pp. 61–93.
13. Bobrova, A.I. (2007) *Sel'kupy XVIII–XIX vv. (po materialam Tiskinskogo mogil'nika)* [The Selkups of the 18th–19th centuries (based on materials from the Tiski burial ground)]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Prokof'eva, E.D. (1977) *Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov* [Some religious cults of the Taz Selkups]. In: *Pamyatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (second half of the 20th – early 20th century)]. Vol. 33. Leningrad. pp. 66–79.
15. Bobrova, A.I., Rykun, M.P., Tuchkov, A.G. & Chernova, I.V. (2016) *Narymskoe Priob'e vo II tysyacheletii n. e. (X–XX vv.)* [The Narym Ob region in the 2nd millennium AD (10th–20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulaiskaya kul'tura* [The ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age. The Kulai culture]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (ryolkinskaya kul'tura)* [The history of the Middle Ob region in the early Middle Ages (the Ryolkino culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Tsetlin, Yu.B. (2012) *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient ceramics. Theory and methods of the historical-cultural approach]. Moscow: Institute of Archaeology RAS.
19. Dul'zon, A.P. (1955) *Ostyatskie mogil'niki XVI i XVII vekov u sela Molchanovo na Obi* [Ostyak burial grounds of the 16th and 17th centuries near the village of Molchanovo on the Ob]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 13. pp. 97–154.
20. Matyushchenko, V.I. (ed.) (1970) *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri* [Problems of chronology and cultural attribution of archaeological sites in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Pletneva, L.M. (1990) *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam)* [The Tomsk Ob region in the late Middle Ages (based on archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Bobrova, A.I. & Mec, F.I. (1989) *Ladevidnye sosudy i sosudy s "ushkami" u srednevekovogo naseleniya Narymskogo Priob'ya* [Boat-shaped vessels and vessels with "ears" among the medieval population of the Narym Ob region]. In: *Pamyatniki istorii i kul'tury Omskoi oblasti* [Historical and cultural monuments of Omsk Oblast]. Omsk. pp. 52–54.

23. Bobrova, A.I. & Mec, F.I. (1991) Khronologiya pozdnesrednevekovoi keramiki iz pogrebal'nykh kompleksov Narymskogo Priob'ya [Chronology of late medieval ceramics from burial complexes of the Narym Ob region]. In: *Problemy khronologii i periodizatsii arkhеologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoi Sibiri* [Problems of chronology and periodization of archaeological sites of Southern Siberia]. Barnaul. pp. 182–184.
24. Bobrova, A.I. & Mec, F.I. (1997) Ladeevdnye sosudy i sosudy s "ushkami" u srednevekovogo naseleniya (Tiskinskii kompleks pamyatnikov) [Boat-shaped vessels and vessels with "ears" among the medieval population (the Tiski complex of sites)]. In: *Aktual'nye problemy drevnei i srednevekovoi istorii Sibiri* [Current problems of ancient and medieval history of Siberia]. Tomsk. pp. 304–316.
25. Bobrova, A.I. & Berezovskaya, N.V. (2007) Keramika Tiskinskogo poseleniya [Ceramics of the Tiski settlement]. In: *Arkheologicheskie materialy i issledovaniya Severnoi Azii, drevnosti i srednevekov'ya* [Archaeological materials and research of Northern Asia, antiquity and the Middle Ages]. Tomsk. pp. 101–113.
26. Bobrova, A.I., Grebneva, G.I. & Mec, F.I. (1998) Keramika II tys. n.e. iz Priket'ya (publikatsiya materialov) [Ceramics of the 2nd millennium AD from the Ket River region (publication of materials)]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk. pp. 46–67.
27. Ryndina, O.M. (1999) Beresta i dekorativnye traditsii sel'kupov [Birch bark and decorative traditions of the Selkups]. In: *Priob'e glazami arkhеologov i etnografov: Materialy i issledovaniya k "Entsiklopedii Tomskoy oblasti"* [The Ob region through the eyes of archaeologists and ethnographers: Materials and research for the "Encyclopedia of Tomsk Oblast"]. Tomsk. pp. 153–162.
28. Prokofeva, E.D. (1950) Ornament sel'kupov [Ornament of the Selkups]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii*. 10.
29. Ryndina, O.M. (1997) *Genezis ornamenta obskikh ugrov i samoditsev v kontekste ikh istorii* [The genesis of the ornament of the Ob-Ugric and Samoyedic peoples in the context of their history]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
30. Loktionova, A.A. (2017) *Berestyanaya utvar' yuzhnykh sel'kupov* [Birch bark utensils of the southern Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Bobrova, A.I. & Ryndina, O.M. (1985) Ornamentirovannye berestyanые погребальные чехлы Tiskinskogo могил'ника [Ornamented birch bark burial covers from the Tiski burial ground]. In: *Rerikhoyskie chteniya* [Roerich readings]. Novosibirsk. pp. 222–232.
32. Bobrova, A.I. & Loktionova, A.A. (2018) Izdeliya iz beresty u naseleniya Narymskogo Priob'ya i PriChulym'ya v XVII – pervoi polovine XIX veka (etnoarkheologicheskii aspekt) [Birch bark products among the population of the Narym Ob and Chulym regions in the 17th – first half of the 19th century (ethnoarchaeological aspect)]. In: *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic studies]. Omsk.
33. Khoroshikh, P.P. & Gemuev, I.N. (1980) Berestyanie izdeliya sel'kupov [Birch bark products of the Selkups]. In: *Etnografiya Severnoi Azii* [Ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk. pp. 171–185.
34. Milovanova, A.P. (2020) Ornament narodov Zapadnoi Sibiri po dannym arkhеologii i etnografii [Ornament of the peoples of Western Siberia according to archaeological and ethnographic data]. *Vestnik "Istoriya keramiki"*. 2. pp. 151–161.
35. Levin, M.G. & Potapov, L.P. (eds) (1961) *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of Siberia]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
36. Tsetlin, Yu.B. (2017) *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ceramics. Concepts and terms of the historical-cultural approach]. Moscow: Institute of Archaeology RAS.
37. Goryaeva, V.S. (1997) O nachale "brachnogo perioda" u zhenshchin irmenskogo obshchestva [On the beginning of the "marriage period" among women of the Irmen society]. In: *Chetvertye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [The Fourth Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk. pp. 39–41.
38. Archive of the Tomsk Regional Museum of Local Lore. Fund 3. List 9. File 17. Dul'zon, A.P. (1954) *Polevyie chertezhi raskopov na Ostyatskoi Gore okolo sela Molchanova na Obi* [Field drawings of excavations at Ostyatskaya Gora near the village of Molchanovo on the Ob].
39. Chindina, L.A. (1995) O ritual'noi odezhde sel'kupskoi zhenshchiny XVII veka [On the ritual clothing of a Selkup woman of the 17th century]. In: *Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroi mne ne zhit'* [My chosen science, the science without which I cannot live]. Barnaul. pp. 171–187.
40. Chindina, L.A. (2003) Komplekt torsovogo kostyuma narymskoi sel'kupki kontsa XVII v. [A set of torso clothing of a Narym Selkup woman from the late 17th century]. In: *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhnotaеzhnoi zone Zapadnoi Sibiri* [Archaeological and ethnographic research in the southern taiga zone of Western Siberia]. Tomsk. pp. 95–98.
41. Bobrova, A.I. & Bodrova, A.Sh. (2013) Poyasa XVII veka iz Priket'ya (tekhnologiya i dekor) [Belts of the 17th century from the Ket River region (technology and decoration)]. In: *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Irkutsk; Omsk. pp. 34–43.
42. Bobrova, A.I. & Bodrova, A.Sh. (2017) Rekonstruktsiya kostyuma devochki-podrostka iz pogrebal'nogo kompleksa 17 veka s Ostyatskoi Gory [Reconstruction of the costume of a teenage girl from a 17th-century burial complex at Ostyatskaya Gora]. In: *Narodnyi kostyum v Sibiri* [Folk costume in Siberia]. Novosibirsk. pp. 154–157.
43. Bobrova, A.I. (2015) K voprosu o rekonstruktsii sel'kupskogo kostyuma po materialam mogil'nika XVII veka na Ostyatskoi gore (k 60-letiyu issledovaniy A.P. Dul'zona na r. Obi u pos. Molchanovo) [On the reconstruction of Selkup costume based on materials from a 17th-century burial ground at Ostyatskaya Gora (on the 60th anniversary of A.P. Dul'zon's research on the Ob River near the village of Molchanovo)]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. 1 (7). pp. 82–94.

Информация об авторе:

Милованова А.П. – аспирант кафедры археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: annamil83@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.P. Milovanova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Postgraduate student. E-mail: annamil83@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.09.2024;
одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 13.09.2024;
approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья
УДК 903.023
doi: 10.17223/15617793/508/19

Качество обжига керамики раннего железного века (по материалам пазырыкской, саргатской, кулайской культур)*

Людмила Николаевна Мыльникова¹, Цзиньшань Му², Сергей Михайлович Киреев³,
Петр Константинович Дашковский⁴, Сергей Петрович Грушин⁵, Алексей Алексеевич Тишкин⁶

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

² Северо-Западный университет, Сиань, Китай

³ Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия

^{4, 5, 6} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ L.mylnikova@yandex.ru

² mujinshan@mail.ru

³ kireevsm2013@yandex.ru

⁴ dashkovskiy@fpn.asu.ru

⁵ gsp142@mail.ru

⁶ tishkin210@mail.ru

Аннотация. Проведено исследование качества обжига керамики раннего железного века пазырыкской, саргатской, кулайской (новосибирский вариант) культур. Выявлено, что мастера обладали примерно одинаковыми знаниями о процессе обжига. Основная масса изделий имела средний обжиг. Такая посуда обеспечивала комфортное обслуживание человека как при готовке пищи, так и при ее приеме и хранении продуктов. Но в хозяйстве также использовались изделия очень хорошего качества и плохо обожженные. Это может объясняться функциональным назначением посуды.

Ключевые слова: ранний железный век, дериватографиметрический анализ, качество обжига

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проекты № 22-18-00012 и № 22-18-00470.

Для цитирования: Мыльникова Л.Н., Цзиньшань Му, Киреев С.М., Дашковский П.К., Грушин С.П., Тишкин А.А. Качество обжига керамики раннего железного века (по материалам пазырыкской, саргатской, кулайской культур) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 177–185. doi: 10.17223/15617793/508/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/19

Quality of the Early Iron Age ceramics firing (based on materials of the Pazyryk, Sargat, Kulai cultures)

Lyudmila N. Myl'nikova¹, Mu Jinshan², Sergei M. Kireev³, Pyotr K. Dashkovskiy⁴,
Sergei P. Grushin⁵, Aleksei A. Tishkin⁶

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

² Northwest University, Xi'an, China

³ A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altai, Russian Federation

^{4, 5, 6} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

¹ L.mylnikova@yandex.ru

² mujinshan@mail.ru

³ kireevsm2013@yandex.ru

⁴ dashkovskiy@fpn.asu.ru

⁵ gsp142@mail.ru

⁶ tishkin210@mail.ru

Abstract. The aim of this work is to show the quality of firing of ceramics of the Early Iron Age of Siberia (Pazyryk, Sargat, Kulai cultures) based on the results of derivatogravimetric analysis. *Firing quality – comparative characteristics.* The essence of the method is that the quality of firing of ceramic products can be judged by the ratio of mass loss

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

of the sample at the stages of dehydration and dehydroxylation. The loss of mass by these two mechanisms occurs in different temperature ranges – 30–350 and 350–600 °C, respectively. *Pazyryk culture ceramics*. Samples of vessels come from sites of the Northern, Northwestern, Central and Southeastern regions of Altai. The culture dates back to the second half of the 6th – 3rd centuries BC. The ceramics are medium fired, and there are also vessels with very high quality shards. *Sargat culture ceramics*. To analyze the quality of firing of Sargat culture ceramic vessels, the collection of burial mound No. 51 of the Ust-Tartas site was selected. Sargatians used vessels of varying quality. The bulk of the products are characterized by average quality. These vessels served their owners during their lifetime and then – after their departure to another world – remained with them. But items of very good quality have been recorded. At the same time, rather poor-quality dishes participated in the burial rite. They could have been made specifically for participation in the burial action. *Kulai culture ceramics*. Firing data for the products has been published. Among the samples from the Dubrovinskii Borok-4 settlement, the Ordynskoye-9 settlement, the Dubrovinskii Borok-3 settlement and the Kamennyi Mys burial ground, there are very high-quality ones, most of all of average quality, and a few poorly-fired ones. The results of the derivatogravimetric analysis of the Early Iron Age three cultures sites show that masters had approximately the same knowledge about the firing process. The majority of products had medium firing. Such dishes provided comfortable service for a person, both when preparing food and when eating and storing products. The presence of very well-fired pottery means that potters knew how to make it, knew and used complex thermal engineering structures capable of maintaining a certain temperature for a long time to obtain a high-quality shard. But, obviously, vessels with poor-quality firing were also needed.

Keywords: Early Iron Age, derivatogravimetric analysis, firing quality

Financial support: The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, Projects No. 22-18-00012 and 22-18-00470.

For citation: Myl'nikova, L.N., Mu Jinshan, Kireev, S.M., Dashkovskiy, P.K., Grushin, S.P. & Tishkin, A.A. (2024) Quality of the Early Iron Age ceramics firing (based on materials of the Pazyryk, Sargat, Kulai cultures). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 177–185. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/19

Вопросами сбора информации о состоянии изучения обжига древней керамики, в том числе современными экспериментами, занималась И.С. Жушиховская [1]. Исследователь отметила следующие проблемы: реконструкции по археологическим прототипам обжигательных сооружений и принципов их работы [1. С. 10–11]; исследования технологических возможностей обжигательных устройств разного уровня сложности и диагностики вида устройства по признакам керамики [1. С. 11]; исследования термических реакций формовочных масс для реконструкции режимов и качества обжига древней керамики [1. С. 11–12]; реконструкции специализированных технологических приемов обжига древней керамики [1. С. 12]. Представлены и существующие сегодня составляющие операции обжига в разных устройствах [1. С. 12–17]. В этой же работе имеется краткий список литературы по отмеченным проблемам.

Температурный режим обжига для древней керамики сегодня реконструируется на основе рентгеноструктурного и ИК-спектроскопического исследования степени деструкции слоистых силикатов; электронной сканирующей микроскопии [2], некоторую информацию возможно получить методами бинокулярной микроскопии, петрографического анализа шлифов и общего рентгенофазового анализа [3]. Однако задача предложить «своего рода алгоритм приложения этих методов» [3. С. 87] до конца не выполнена и сегодня.

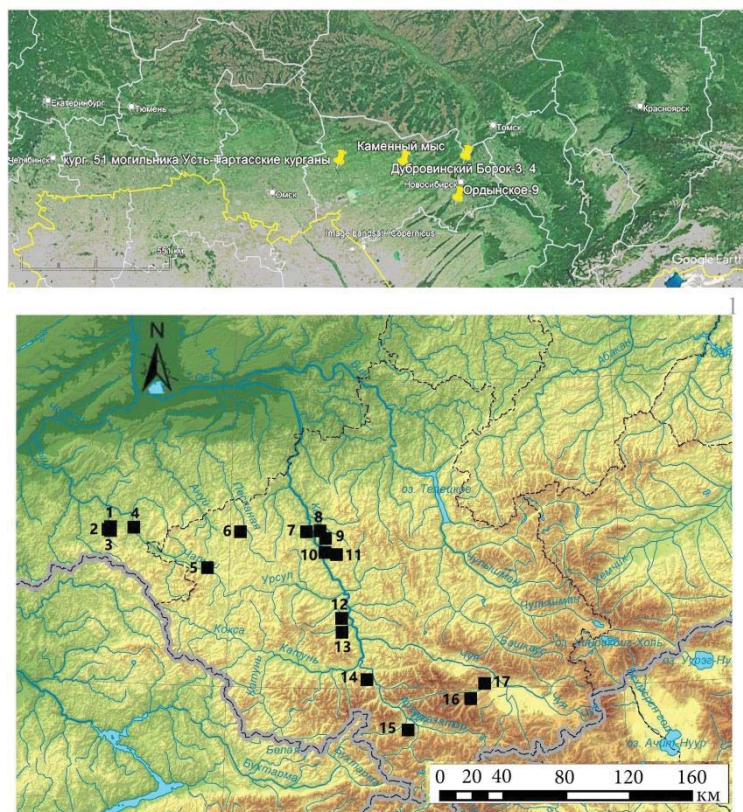
Протекание высокотемпературных реакций в любых теплотехнических сооружениях зависит не только от температуры, но и от длительности и от технологического алгоритма работы гончара с топливом, от его умения контролировать процесс горения [4, 5]. Но ис-

следователи пытаются определить только температуру, потому что температура обжига характеризует уровень развития технологий, а длительность обжига – нет. При этом все реконструкции температуры обжига носят предположительный характер, это не результат количественного расчета, а результат субъективного суждения аналитика [4, 5]. Это четко показывают экспериментальные работы [6–9]. В этом плане определенный интерес для археологов может представлять техника термического анализа, предложенная новосибирскими исследователями естественного и гуманитарного профиля [4].

Цель данной работы – показать качество обжига керамики раннего железного века Сибири (пазырыкская, саргатская, кулайская культур) (рис. 1) на основе результатов дериватографиметрического анализа (ДТГ).

Методика. Анализ ДТГ осуществлялся на термовесах Netzsch ТГ-209 в температурных интервалах от 30 до 850 °C. Анализ образцов в порошкообразном состоянии проводился в тигле массой 546 мг со скоростью нагрева 20 °C в минуту в атмосфере чистого аргона. Вес образца измерялся после каждого нагревания на электронных весах со шкалой в 1 г и ценой деления в 0,001 мг. Навеска образцов керамики составляла от 46,9 до 47,1 мг (термические определения выполнены З.А. Федоровой, канд. техн. наук, Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН). Далее анализ и интерпретация результатов проведены по методике, предложенной и апробированной на материалах разновременных культур: [4, 10–16].

Качество обжига – сравнительная характеристика. Суть методики заключается в том, что об особенностях процесса обжига керамических изделий можно судить по соотношению потери массы образцом на этапах дегидратации и дегидроксилирования [4, 17].

2

Рис. 1. Местонахождение памятников, участвующих в эксперименте.

- 1 – Местонахождение памятников саргатской (кург. 51 Усть-Тартасского могильника) и кулайской (Дубровинский Борох-3, 4; Ордынское-9; Каменный Мыс) (Google Earth, обращение 06.09.2024) культур;
 2 – Карта-схема распространения памятников пазырыкской культуры: 1 – Ханкаринский дол; 2 – Чинета-II; 3 – Инской дол;
 4 – Усть-Теплая; 5 – Ябоган-III; 6 – Барагаш; 7 – Тыткескень-VI; 8 – Чобурак-II; 9 – Бике-III; 10 – Чеба-V; 11 – Кок-Эдиган;
 12 – Усть-Кожолло-II, IV; 13 – Диньтык-II; 14 – Кызыл-Коир; 15 – Аргут-I; 16 – Кызыл-Джар-III; 17 – Талдура-II

Таблица 1

Потеря массы образцами керамики пазырыкской культуры на разных температурных интервалах

Район Алтая	№ образца	Наименование памятника и номер кургана	Температурные интервалы, °C				Датировка
			30–350	350–600	600–850	30–850	
Северный	20	Чеба-V, курган № 8	1,17	0,68	0,93	2,78	IV–II в. до н.э.
	21	Кок-Эдиган, курган № 20	2,95	1,58	1,86	6,39	середина VI–V в. до н.э.
	23	Чобурак-II, курган № 1	2,67	1,18	1,08	4,93	V–III в. до н.э.
	27	Чобурак-II, курган № 2	3,48	1,75	0,28	6,51	V–III в. до н.э.
	33	Тыткескень-VI, курган № 4	3,30	2,40	3,46	9,16	конец VI – V в. до н.э.
	26	Тыткескень-VI, курган № 82	1,47	0,58	0,03	2,01	2-я пол. VI – 1-я пол. V в. до н.э.
	28	Бике-III, курган № 14	2,15	0,95	1,64	4,73	V–III в. до н.э.
Северо- Западный	1	Ябоган-III, курган № 3	2,28	1,15	0,53	3,97	III в. до н.э.
	2	Барагаш, курган без номера	3,52	1,70	3,78	9,00	конец VI – V в. до н.э.
	42	Ханкаринский дол, курган № 7	3,10	1,50	1,25	5,84	IV в. до н.э.
	34	Ханкаринский дол, курган № 9	2,55	1,88	1,23	5,66	IV в. до н.э.
	37	Чинета-II, курган № 18	1,88	0,98	0,92	3,78	IV–III в. до н.э.
	35	Чинета-II, курган № 23	3,33	1,31	1,81	6,46	IV–III в. до н.э.
	45	Инской дол, курган № 1	1,41	0,99	0,88	3,28	2-я пол. IV – III в. до н.э.
	40	Усть-Теплая, курган № 4 (сосуд-1)	2,75	1,59	1,04	5,38	конец VI – IV в. до н.э.
Центральный	63	Усть-Теплая, выкладка № 23	4,21	2,39	1,25	7,85	V – IV в. до н.э. (?)
	64	Усть-Теплая, курган № 22 (сосуд-1)	3,94	1,95	8,30	14,19	конец VI – IV в. до н.э.
	18	Усть-Кожолло-II, курган № 4	2,12	0,62	0,66	3,39	конец IV–III в. до н.э.
	24	Усть-Кожолло-IV, курган № 10	4,31	2,20	0,93	7,44	конец IV–III в. до н.э.
Юго-Восточный	78	Диньтык-II, курган № 8	3,74	1,83	1,13	6,70	V–III в. до н.э.
	47	Аргут-I, курган № 1	1,73	0,95	0,92	3,60	V–III в. до н.э.
	46	Аргут-I, курган № 8	3,08	2,11	0,79	5,99	V–III в. до н.э.
	48	Кызыл-Джар-III, курган № 1	0,78	0,55	0,54	1,87	IV – 1-я пол. III в. до н.э.
	50	Талдура-II, курган № 5	1,13	0,56	0,39	2,08	IV–III в. до н.э.
	88	Кызыл-Коир, курган № 3	5,75	2,27	1,22	9,24	V–III в. до н.э.

Потеря массы по этим двум механизмам происходит в разных температурных интервалах – 30–350 и 350–600 °С, соответственно. Изначально при обжиге керамического изделия происходит удаление гидроксидов и, следовательно, повышение пористости и сорбционной емкости материала. При более интенсивном обжиге (осуществляемом при более высокой температуре или более длительно) происходит процесс спекания глины, объем пор материала снижается. В таком случае в ходе высокотемпературного ДТГ-исследования повышается количество выделяемой воды в керамике и уменьшается количество выделяемых гидроксидов (потеря массы при дегидратации увеличивается, а при дегидроксилировании снижается). Можно сказать, что при условии примерно одинакового химического состава образцов керамики, чем меньше выделяется гидроксидов при ТГ-исследовании, тем более интенсивно изначально был обожжен образец.

Для визуализации по результатам измерений строится диаграмма сохранности глинистого компонента [4]. На графике горизонтальная ось соответствует потере массы образцом в интервале температур 30–350 °С (дегидратация), вертикальная – в интервале 350–600 °С (разложение гидроксидов).

Керамика пазырыкской культуры. Образцы для исследования взяты от керамической посуды из погреб-

альных памятников Северного (7 ед.), Северо-Западного (10 ед.), Центрального (3 ед.) и Юго-Восточного (5 ед.) районов Алтая [18] (рис. 1, 2; табл. 1). Культура датируется 2-й половиной VI – III в. до н.э. [19. С. 149–151].

В большей своей массе образцы керамики характеризуются незначительной потерей массы на всем температурном интервале (30–850 °С) – от 2,01 до 7,85%. Практически для всех образцов большая часть потери массы приходится на этап дегидратации (в интервале температур 30–350 °С) (табл. 1). Во втором температурном интервале для всех образцов потеря массы относительно не велика (0,62–1,88%). Исключение составляют образцы № 2, 33, 64 и 88. Образец № 88 характеризуется более значительной потерей массы как на этапе дегидратации, так и дегидроксилирования (5,75 и 2,27% соответственно) (табл. 1; рис. 3). Из всех изученных образцов керамики пазырыкской культуры – он слабо обожженный, но все равно относится к изделиям с качественным обжигом.

Особенностью образцов № 2, 33 и 64 является то, что они характеризуются значительной потерей массы на третьем, самом высокотемпературном интервале исследования (600–850 °С) – от 3,46 до 8,30% (табл. 1), что может быть связано с наличием в формовочной массе особых включений, выгорание которых происходит после 650 °С, но уже сильно не влияет на определение качества обжига.

Рис. 2. Керамические сосуды из памятников пазырыкской культуры: 1 – Чеба-V, кург. № 8; 2 – Чобурак-II, кург. № 1; 3 – Чобурак-II, кург. № 2; 4 – Тыткескень-VI, кург. № 82; 5 – Бике-III, кург. № 14; 6 – Ябоган-III, кург. № 3; 7 – Барагаш, кург. без №; 8 – Инской дол, кург. № 1; 9 – Усть-Теплая, кург. № 4 (сосуд-1); 10 – Усть-Теплая, кург. № 22 (сосуд-1); 11 – Усть-Кожолу-II, кург. № 4; 12 – Усть-Кожолу-IV, кург. № 10; 13 – Диниртык-II, кург. № 8; 14 – Аргут-I, кург. № 8; 15 – Кызыл-Джар-III, кург. № 1; 16 – Талдура-II, кург. № 5

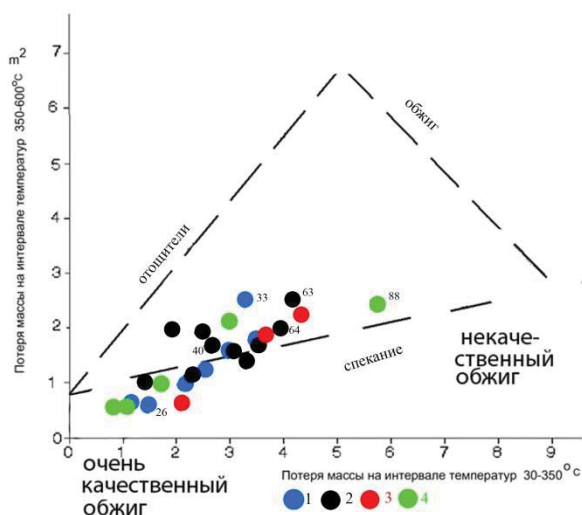

Рис. 3. Диаграмма потери массы образцами керамики пазырыкской культуры в интервалах температур 20–350°C (m_1) и 350–600°C (m_2): 1 – Северный; 2 – Северо-Западный; 3 – Центральный; 4 – Юго-Восточный районы Алтая

На диаграмме соотношения потери массы на интервале m_1 и m_2 точки образцов выглядят достаточно компактно. Керамика имеет средний обжиг, а также выделяются сосуды с очень качественным черепком (расположение точек ближе к началу координат).

Образцы № 63 и 64 из близких объектов (курган № 22 и выкладка № 23) памятника Усть-Теплая демонстрируют близость нахождения. Образцы керамики с одного и того же памятника могут находиться в разных точках диаграммы. Например, образцы № 64 и 40 из па-

мятника Усть-Теплая, а также образцы № 33 и 26 из памятника Тыткескень-VI. Надо учитывать, что обжиговые устройства имеют определенные размеры, все сосуды не могут быть расположены в одной точке. Соответственно в разных частях даже закрытого теплотехнического устройства будет поддерживаться разная температура при одной и той же выдержке. Но надо отметить, что из отобранных образцов (а это и погребальная, и поселенческая посуда) не выявлено ни одного плохого качества.

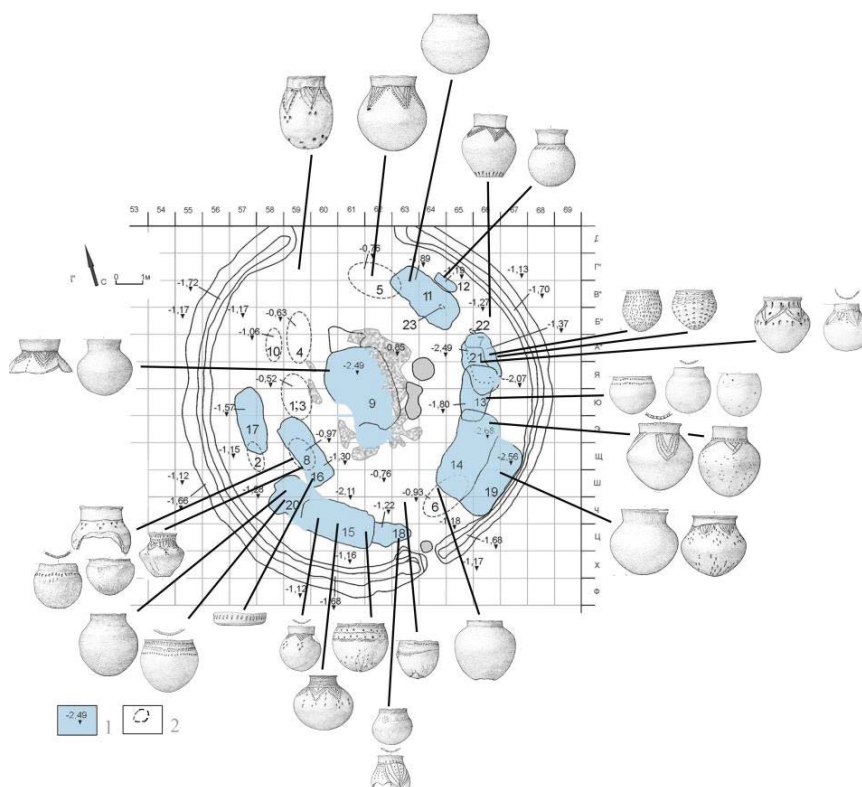

Рис. 4. Керамика саргатской культуры из кургана 51 могильника Усть-Тартасские курганы: 1 – погребения, углубленные в материк; 2 – погребения в насыпи

Таблица 2

Потеря массы образцами керамики саргатской культуры на разных температурных интервалах, %

№ п/п	Шифр образца	Местонахождение образца	Температурные интервалы, °C			
			30–350	350–600	600–900	30–900
1	УТК-1	Об. 6, с. 1	4,96	1,99	1,30	8,25
2	УТК-14	Объект 2	6,7	2,21	1,79	10,7
3	УТК-2-2	Погр. 20, с. 3	3,9	1,29	0,92	6,11
4	УТК-3	Погр. 14, у прав. ноги	2,52	1,52	2,24	6,28
5	УТК-4-3	Погр. 21, с. 1	7,01	3,37	1,05	11,43
6	УТК-5	Погр. 12	1,92	2,25	1,48	5,65
7	УТК-6	Погр. 13, с. 3	0,46	0,39	0,89	1,74
8	УТК-7	Погр. 21, с. 2	5,4	1,54	1,19	8,13
9	УТК-8	Погр. 7, с. 2	3,76	1,56	0,95	6,37
10	УТК-9	Погр. 19, у правой ноги	4,37	1,46	0,99	6,82
11	УТК-11	Погр. 5	5,36	2,39	1,52	9,27
12	УТК-13-2	Погр. 13, с. 2	0,22	0,37	0,86	1,45
13	УТК-15-2	Объект 4	4,87	1,89	0,95	7,71
14	УТК-10	Насыпь, Ц/63, гор. 4	6,27	1,46	1,41	9,14
15	УТК-17	Погр. 7, с. 3	4,79	3,48	2,15	10,42
16	УТК-18		3,1	2,35	1,1	6,55
17	УТК-19	Погр. 13, с. 1	3,24	2,48	1,23	6,95
18	УТК-20-1	Погр. 20, с. 1	5,42	1,25	1,19	7,86
19	УТК-21-3	Об. 6, с. 3	8,54	2,36	1,68	12,58
20	УТК-22	Погр. 6	4,52	1,49	0,93	6,94
21	УТК-23	Погр. 14, с. у черепа	4,04	1,71	1,02	6,77
22	УТК-24	Погр. 7, с. 1	3,61	1,86	1,29	6,76
23	УТК-25	Погр. 19, у левой ноги	2,8	1,72	1,43	5,95
24	УТК-26	Погр. 9, с. 1	2,03	2,06	1,38	5,47
25	УТК-27	Погр. 15, с. 1	3,26	1,76	0,89	5,91
26	УТК-28	Погр. 19, с. у черепа	3,28	2,18	1,18	6,64
27	УТК-29	Погр. 15, с. 3	3,5	1,78	1,61	6,89
28	УТК-30	Прокал 2, с. 1	1,96	1,49	1,55	5,0
29	УТК-31	Погр. 8	2,97	0,92	0,90	4,79

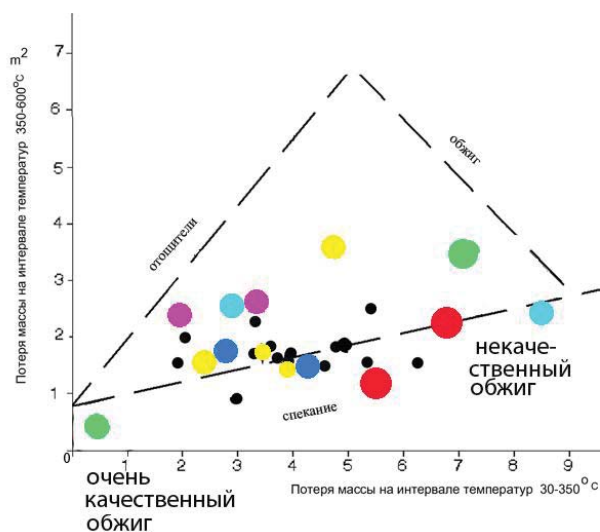

Рис. 5. Диаграмма потери массы образцами керамики саргатской культуры в интервалах температур 20–350°C (m¹) и 350–600°C (m²). Одинаковым цветом обозначены сосуды из одного погребения

Керамика саргатской культуры. Для анализа качества обжига керамических сосудов саргатской культуры была выбрана коллекция кургана № 51 памятника Усть-Тартасские курганы (Новосибирская обл.) (29 образцов) (см. рис. 1). Курган интересен тем, что здесь зафиксированы 22 захоронения и коллекция из 33 сосудов (рис. 4, табл. 2). Для кургана получен довольно представительный набор дат по 14С [20]. Байесовское KDE-моделирование хронологии указывает на кратковременное активное использование кургана в диапазоне между III и I вв. до н. э.

Анализ диаграммы показывает, что саргатцы пользовались сосудами разного качества. Основная масса изделий характеризуется средним качеством. Подобные по качеству изделия преобладали и для переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (см.: [13]). Очевидно, данные сосуды служили своим хозяевам при жизни и далее – после ухода в мир иной – оставались с ними. Но зафиксированы три сосуда, которые имеют очень хорошее качество (им могут позавидовать цветочные горшки нынешних небольших мастерских!). Одновременно, в погребальном обряде участвовали сосуды

довольно плохого качества. Они могли быть сделаны специально для участия в погребальном действе. Показательно, что сосуды разного качества могли находиться в одном погребении (см. рис. 4, табл. 2).

Керамика кулайской культуры. Данные по обжигу изделий новосибирского варианта кулайской КИО (в том числе – таблицы потери массы образцами керамики на разных температурных интервалах) опубликованы [21. С. 76–78]. Д.В. Селин, А.А. Максимова и

З.А. Федорова отмечают, что образцы с разных памятников показали различную потерю массы. Причем образцы из городища Дубровинский Борок-4, поселения Ордынское-9 и городища Дубровинский Борок-3 по общей потере массы разделились на две серии: более качественные и менее, среди которых выделены также образцы с большой потерей массы, т.е. плохо обожженные (отметим, что, ссылаясь на Т.Н. Троицкую, Дубровинский Борок-3 датирован I в. до н.э.).

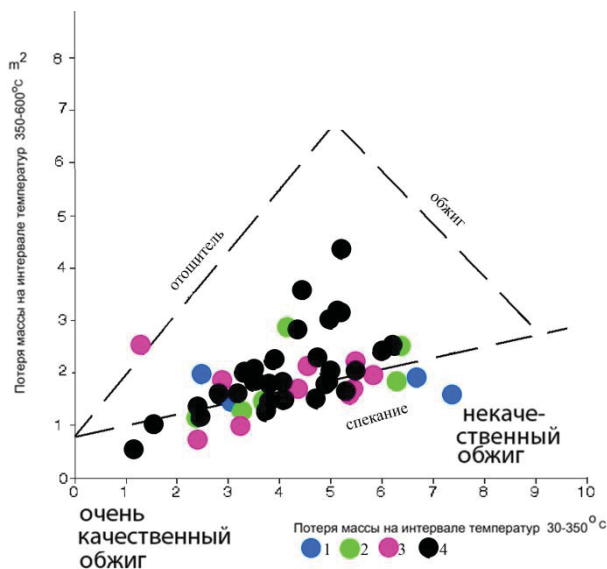

Рис. 6. Диаграмма потери массы образцами керамики кулайской культуры в интервалах температур 20–350°C (m^1) и 350–600°C (m^2). 1 – Дубровинский Борок-4; 2 – Ордынское-9; 3 – Дубровинский Борок-3; 4 – Каменный мыс. Подготовлено по: [21. С. 76–77, табл. 2–5]

Среди образцов из могильника Каменный Мыс, который датируется концом III в. до н.э. [21. С. 71], исследователи выделили три серии, связывая это с типом исходного пластичного сырья. Делая общий вывод, авторы отмечают, что на исследованных памятниках «часть сосудов имеет более интенсивный обжиг, по сравнению с другими. Это может косвенно указывать на различия в навыках у гончаров на разных поселениях» [21. С. 78].

Выводы

Анализ результатов ДТГ памятников трех культур раннего железного века показывает, что мастера обладали примерно одинаковыми знаниями о процессе обжига. Основная масса изделий имела средний обжиг. Такая посуда обеспечивала комфортное обслуживание

человека как при готовке пищи, так и при ее приеме и хранении продуктов. При этом наличие очень хорошо обожженной посуды означает, что гончары умели ее делать и знали и пользовались сложными теплотехническими сооружениями, способными поддерживать определенную температуру долгое время для достижения качественного черепка. Но, очевидно, нужны были и сосуды с некачественным обжигом.

Поэтому нельзя однозначно говорить только о различных традициях обжига. Возможно, здесь роль играла и функциональная принадлежность посуды (которая нами не всегда может фиксироваться). Об этом свидетельствует тот факт, что изделия разного качества имелись/изготавливались гончарами всех культур, независимо от датировки памятников. А также то, что изделия разного качества могли находиться в одной могиле.

Список источников

1. Жутиховская И.Ю. Экспериментальный обжиг керамики в археологии: современные подходы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 9–20. doi: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20
2. Жутиховская И.С. Опыт применения электронной микроскопии в изучении археологической керамики юга Дальнего Востока // Записки Института истории материальной культуры. 2017. № 16. С. 75–91.
3. Ламина Е.В., Лотова Э.В., Добрецов Н.Н. Минералогия древней керамики Барабы. Новосибирск, 1995.
4. Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / В.А. Дребущак, Л.Н. Мыльникова, Т.Н. Дребущак, В.В. Болдырев, В.И. Молодин, Е.И. Деревянко, В.П. Мыльников, А.В. Нартова. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. 86 с.
5. Livingstone Smith A. Bonfire II: The Return of Pottery Firing Temperatures // Journal of Archaeological Science. 2001. Vol. 28. P. 991–1003.
6. Волкова Е.В. Очаг или кострище? (экспериментальный обжиг посуды) // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 37–55.
7. Волкова Е.В., Цетлин Ю.Б. Некоторые проблемы экспериментального обжига сосудов // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 56–62.

8. Ther R. Experimental Pottery Firings in Closed Firing Devices from the Neolithic – Hallstatt Peri-od in Central Europe // *euroREA*. 2004. № 1. P. 35–82.
9. Ther R., Gregor M. Experimental reconstruction of the pottery firing process of Late Bronze Age pottery from north-eastern Bohemia // *Archaeological Ceramics: A Review of Current Research, BAR International Series*. Oxford : Archaeopress, 2011. № 2193. P. 128–142.
10. Дребущак В.А., Дребущак Т.Н., Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Болдырев В.В., Деревянко Е.И. Результаты и возможности термогравиметрии в изучении древней керамики (по материалам городища Чича-1) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры : сб. науч. тр. к юбилею профессора Т.Н. Троицкой. Новосибирск, 2005. С. 101–111.
11. Дребущак В.А., Мыльникова Л.Н., Дребущак Т.Н. Физико-химическое исследование керамики с поселения переходного времени от бронзового к железному веку Линёво-1: возможности методов и интерпретация результатов // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2010. № 4 (44). С. 60–75.
12. Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2015. 39 с.
13. Мыльникова Л.Н. Термический метод в определении качества обжига керамики из памятников Барабинской лесостепи: неолит – переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку // *Теория и практика археологических исследований*. 2017. № 4 (20). С. 67–81.
14. Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Бобров В.В., Стефанов В.И. Керамика эпохи раннего неолита Западной Сибири (результаты термического анализа) // *Уральский исторический вестник*. 2019. № 4. С. 17–29. doi: 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-17-29
15. Drebuschak V.A., Drebuschak T.N., Boldyrev V.V., Mylnikova L.N. The investigation of Ancient Pottery: application of thermal Analysis // *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. 2005. Vol. 82, № 3. P. 617–626.
16. Drebuschak V.A., Mylnikova L.N., Molodin V.I. Thermogravimetric investigation of Ancient Ceramics: Metrological Analysis of Sampling // *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. 2007. Vol. 90, № 1. P. 73–79.
17. Drebuschak V.A., Mylnikova L.N., Drebuschak T.N. Thermoanalytical investigations of Ancient ceramics: Review on Theory and Practice // *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. 2018. Vol. 133, № 1. С. 135–176.
18. Му Цзиньшань. Керамическая посуда из погребальных памятников пазырьской культуры скифо-сакского времени: комплексные исследования и реконструкции : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2023. Т. 1. 435 с.
19. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.
20. Мыльникова Л.Н., Пархомчук Е.В., Молодин В.И., Меньшанов П.Н., Бабина К.А., Ненахов Д.А., Чикишева Т.А. Радиоуглеродная хронология и данные изотопного анализа объектов кургана № 51 могильника Усть-Тартасские курганы в Барабинской лесостепи // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2024. Т. 52, № 3. С. 56–66. doi: 10.17746/1563-0102.2024.52.3.056-066
21. Селин Д.В., Максимова А.А., Федорова З.А. Гончарные традиции носителей новосибирского варианта кулайской культурно-исторической общности (по данным комплексного междисциплинарного анализа) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2024. Т. 52, № 1. С. 70–79. doi: 10.17746/1563-0102.2024.52.1.070-079

References

1. Zhushchikhovskaya, I.Yu. (2022) Eksperimentalnyy obzhig keramiki v arkhologii: sovremennyye podkhody [Experimental firing of ceramics in archaeology: Modern approaches]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 21 (3). pp. 9–20. doi:10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20
2. Zhushchikhovskaya, I.S. (2017) Opyt primeneniya elektronnoy mikroskopii v izuchenii arkhologicheskoy keramiki yuga Dalnego Vostoka [Experience in applying electron microscopy to the study of archaeological ceramics from the southern Far East]. *Zapiski Instituta istorii materialnoy kul'tury*. 16. pp. 75–91.
3. Lamina, E.V., Lotova, E.V. & Dobretsov, N.N. (1995) *Mineralogiya drevney keramiki Baraby* [Mineralogy of ancient Baraba ceramics]. Novosibirsk.
4. Drebuschak, V.A. et al. (2006) *Fiziko-khimicheskoye issledovaniye keramiki (na primere izdeliy perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu веку)* [Physico-chemical study of ceramics (based on materials from the transitional period from the Bronze to the Iron Age)]. Novosibirsk: SB RAS.
5. Livingstone Smith, A. (2001) Bonfire II: The Return of Pottery Firing Temperatures. *Journal of Archaeological Science*. 28. pp. 991–1003.
6. Volkova, E.V. (2015) Ochag ili kostrishche? (eksperimentalnyy obzhig posudy) [Hearth or bonfire? (Experimental firing of pottery)]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 3 (12). pp. 37–55.
7. Volkova, E.V. & Tsetlin, Y.B. (2015) Nekotoryye problemy eksperimentalnogo obzhiga sudov [Some problems of experimental firing of vessels]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 3 (12). pp. 56–62.
8. Ther, R. (2004) Experimental Pottery Firings in Closed Firing Devices from the Neolithic – Hallstatt Period in Central Europe. *euroREA*. 1. pp. 35–82.
9. Ther, R. & Gregor, M. (2011) Experimental reconstruction of the pottery firing process of Late Bronze Age pottery from north-eastern Bohemia. *Archaeological Ceramics: A Review of Current Research, BAR International Series*. 2193. Oxford: Archaeopress. pp. 128–142.
10. Drebuschak, V.A. et al. (2005) Rezultaty i vozmozhnosti termogravimetrii v izuchenii drevney keramiki (po materialam gorodishcha Chicha-1) [Results and possibilities of thermogravimetry in the study of ancient ceramics (based on materials from the Chicha-1 settlement)]. In: *Aktualnyye problemy arkhologii, istorii i kul'tury* [Current issues of archeology, history and culture]. Novosibirsk. pp. 101–111.
11. Drebuschak, V.A., Mylnikova, L.N. & Drebuschak, T.N. (2010) Fiziko-khimicheskoye issledovaniye keramiki s poseleniya perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu веку Linyovo-1: vozmozhnosti metodov i interpretatsiya rezultatov [Physico-chemical study of ceramics from the Linyovo-1 settlement of the transitional period from the Bronze to the Iron Age: Methodological possibilities and interpretation of results]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*. 4 (44). pp. 60–75.
12. Mylnikova, L.N. (2015) *Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu веку лесостепной зоны Западной Сибири: dialog kultur* [Ceramics of the transitional period from the Bronze to the Iron Age in the forest-steppe zone of Western Siberia: A dialogue of cultures]. Novosibirsk.
13. Mylnikova, L.N. (2017) Termicheskiy metod v opredelenii kachestva obzhiga keramiki iz pamyatnikov Barabinskoy лесостепи: neolit – perekhodnoye vremya ot epokhi bronzы k ran-nemu zheleznomu веку [Thermal method in determining the firing quality of ceramics from sites in the Baraba forest-steppe: Neolithic – transitional period from the Bronze Age to the Early Iron Age]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy*. 4 (20). pp. 67–81.
14. Mylnikova, L.N., Molodin, V.I., Bobrov, V.V. & Stefanov, V.I. (2019) Keramika epokhi rannego neolita Zapadnoy Sibiri (rezultaty termicheskogo analiza) [Early Neolithic ceramics of Western Siberia (results of thermal analysis)]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 4. pp. 17–29. doi:10.30759/1728-9718-2019-4 (65)-17-29
15. Drebuschak, V.A., Drebuschak, T.N., Boldyrev, V.V. & Mylnikova, L.N. (2005) The investigation of Ancient Pottery: application of thermal Analysis. *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. 82 (3). pp. 617–626.
16. Drebuschak, V.A., Mylnikova, L.N. & Molodin, V.I. (2007) Thermogravimetric investigation of Ancient Ceramics: Metrological Analysis of Sampling. *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. 90 (1). pp. 73–79.
17. Drebuschak, V.A., Mylnikova, L.N. & Drebuschak, T.N. (2018) Thermoanalytical investigations of Ancient ceramics: Review on Theory and Practice. *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. 133 (1). pp. 135–176.
18. Mu, J. (2023) *Keramicheskaya posuda iz pogrebalnykh pamyatnikov pazyrykskoy kul'tury skifo-sakskogo vremeni: kompleksnyye issledovaniya i rekonstruktsii* [Ceramic vessels from burial sites of the Pazyryk culture of the Scythian-Saka period: Comprehensive studies and reconstructions]. History Cand. Diss. Barnaul.

19. Tishkin, A.A. (2007) *Sozdaniye periodizatsionnykh i kulturno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya* [Creation of periodization and cultural-chronological schemes: Historical experience and modern concept of studying ancient and medieval peoples of Altai]. Barnaul: Altai State University.
20. Myl'nikova, L.N. et al. (2024) Radiouglerodnaya khronologiya i dannyye izotopnogo analiza obektov kurgana No. 51 mogilnika Ust-Tartasskiye kurgany v Barabinskoy lesostepi [Radiocarbon chronology and isotopic data from objects of mound No. 51 at the Ust-Tartas burial ground in the Baraba forest-steppe]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*. 52 (3). pp. 56–66. doi:10.17746/1563-0102.2024.52.3.056-066
21. Selin, D.V., Maksimova, A.A. & Fedorova, Z.A. (2024) Goncharnyye traditsii nositeley novosibirskogo varianta kulayskoy kulturno-istoricheskoy obshchnosti (po dannym kompleksnogo mezhdistsiplinarnogo analiza) [Pottery traditions of the Novosibirsk variant of the Kulai cultural-historical community (based on comprehensive interdisciplinary analysis)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*. 52 (1). pp. 70–79. doi:10.17746/1563-0102.2024.52.1.070-079

Информация об авторах:

Мыльникова Л.Н. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: L.myl'nikova@yandex.ru

Му Цзиньшань – канд. ист. наук, старший преподаватель Центра совместных археологических исследований Шелкового пути Северо-Западного университета (Сиань, Китай). E-mail: mujinshan@mail.ru

Киреев С.М. – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: kireevsm2013@yandex.ru

Дашковский П.К. – д-р ист. наук, зав. кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru

Грушин С.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: gsp142@mail.ru

Тишкин А.А. – д-р ист. наук, зав. кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: tishkin210@mail.ru

Вклад авторов:

Мыльникова Л.Н. – идея публикации, подготовка рукописи, научное редактирование, обработка результатов ДТГ-анализа, подготовка рис. 3–6, табл. 2, подписи к рисункам.

Му Цзиньшань – формирование базы образцов из памятников пазырыкской культуры, подготовка рис. 1 и 2, подписей к ним, участие в формировании табл. 1.

Киреев С.М., Дашковский П.К., Грушин С.П. – предоставление образцов, отражение археологического контекста.

Тишкин А.А. – научно-организационная работа, предоставление образцов, редактирование части рукописи и иллюстраций, участие в формировании табл. 1.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.N. Myl'nikova, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: L.myl'nikova@yandex.ru

Mu Jinshan, Cand. Sci. (History), senior lecturer, Northwest University (Xi'an, China). E-mail: mujinshan@mail.ru

S.M. Kireev, senior research fellow, A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: kireevsm2013@yandex.ru

P.K. Dashkovskiy, Dr. Sci. (History), head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru

S.P. Grushin, Dr. Sci. (History), professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: gsp142@mail.ru

A.A. Tishkin, Dr. Sci. (History), head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tishkin210@mail.ru

Authors' contribution:

L.N. Myl'nikova – publication idea, manuscript preparation, scientific editing, processing of DTG analysis results, preparation of Figures 3–6, Table 2, figure captions.

Mu Jinshan – formation of samples database from sites of the Pazyryk culture, preparation of Figures 1 and 2, captions to them, participation in the formation of Table 1.

S.M. Kireev, P.K. Dashkovskiy, S.P. Grushin – samples provision, archaeological context description.

A.A. Tishkin – scientific and organizational work, samples provision, editing of part of the manuscript and illustrations, participation in the formation of Table 1.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024;
одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 08.09.2024;
approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья
УДК 94(571.53)(1-22)"1936"
doi: 10.17223/15617793/508/20

Обсуждение проекта Конституции 1936 г. в приангарской деревне

Мария Анатольевна Проскурякова¹

¹ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, andreasha1205@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена специфика реализации государственной политики в приангарской деревне в 1936 г. на примере всенародного обсуждения проекта Конституции. Особое внимание уделяется освещению обсуждения проекта среди колхозников в местной печати (газета «Восточно-Сибирская правда»). Для сравнения мнений крестьян регионального и федерального уровня привлекаются опубликованные источники, показывающие наличие полярных точек зрения относительно проекта Конституции. Используются неопубликованные архивные материалы, иллюстрирующие политическую активность колхозников приангарской деревни.

Ключевые слова: Конституция, проект, обсуждение, колхозы, колхозники, крестьяне, политическая активность

Для цитирования: Проскурякова М.А. Обсуждение проекта Конституции 1936 г. в приангарской деревне // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 186–193. doi: 10.17223/15617793/508/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/20

Discussion of the draft Constitution of 1936 in the Angara village

Maria A. Proskuryakova¹

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, andreasha1205@mail.ru

Abstract. The specifics of the implementation of state policy in the Angara village in 1936 are considered using the example of a nationwide discussion of the draft Constitution. The territorial scope of the study is represented by the Angara region (the modern borders of Irkutsk Oblast, including the Ust-Orda Buryat Autonomous Okrug). The chronological framework is limited to 1936 – from June, when the draft Constitution was published, to December, when the text of the new Basic Law was adopted. Particular attention is paid to covering the discussion of the project among collective farmers in the local press (*Vostochno-Sibirskaya Pravda* [East Siberian Truth] newspaper). To compare the opinions of peasants at the regional and federal levels, published sources are used, showing the presence of polar points of view regarding the draft Constitution. Unpublished archival materials are used to illustrate the political activity of collective farmers in the Angara village. The historical-comparative method made it possible to correlate the opinions of peasants at the level of the USSR and the Angara region, to highlight the common and the different. The historical-systemic method allowed creating a holistic picture of public opinion and civic activity in the Angara region. The study analyzed the historiography of Soviet and post-Soviet times. Work with local historiography showed an almost complete absence of research on the discussion of the draft Constitution of 1936 in the Angara village. The novelty of the study lies in the coverage of this phenomenon from a regional perspective, the use of previously unpublished archival sources, as well as the widespread use of regional periodicals. The study showed that the local press presented exclusively loyal opinions and proposals of peasants on the draft Constitution, which were inferior in volume to the proposals of the workers. Nevertheless, the discussion of the draft Basic Law took place very actively among the peasants, despite the fact that it was carried out during the village harvest period – sowing, summer and harvesting campaigns. Archival materials that have not previously been introduced into scientific circulation testify to the political literacy of peasants, a critical attitude to socio-political reality, and a desire to express their own opinion regarding state policy. It was no coincidence that the new Constitution was adopted during the period of collectivization completion. It was by 1936 that the transition to collective ownership took place; the village became completely dependent on the state; the peasant opposition was practically eliminated. Discussion of the Constitution among the population gave it public legitimacy, showed the presence of civil society, the illusion of democracy and the rule of law.

Keywords: Constitution, draft, discussion, collective farms, collective farmers, peasants, political activity

For citation: Proskuryakova, M.A. (2024) Discussion of the draft Constitution of 1936 in the Angara village. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 186–193. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/20

Принятие Основного закона – Конституции – всегда особенный момент в истории государства. Конституция отражает государственное устройство и функционирование органов власти, взаимодействие ветвей

власти, является нормативно-правовой базой в вопросе прав и свобод человека и гражданина, закрепляет социально-политические, экономические и культурные достижения государства.

В истории советского периода было четыре конституции, каждая из которых характеризует свой этап его развития. Однако Конституция 1936 г. интересна тем, что проходила в условиях действительно всенародного обсуждения.

Кампания по обсуждению, корректировке и принятию нового Основного закона СССР отражает социально-политическую картину советской действительности 1930-х гг. Обсуждение проекта Конституции весьма интересное явление, которое позволяет проследить политическую активность, реакцию населения на проводимые властью мероприятия, отношение граждан к государству. Обсуждение Конституции 1936 г. среди населения придавало ей общественную легитимность, показывало наличие гражданского общества, иллюзию демократии и правового государства.

Изучением этого явления занимались советские исследователи С.Л. Ронин [1], Ю.С. Кукушкин и О.И. Чистяков [2], В.В. Кабанов [3], Б.В. Виленский [4], Б.П. Кравцов [5]. Среди постсоветских историков, изучавших обсуждение Конституции 1936 г., можно отметить Ю.Н. Жукова [6], Е.В. Куликову [7], А.Н. Медушевского [8], А.А. Исаева [9], Н.Б. Арнаутова [10].

Комплексного исследования процессов подготовки, обсуждения Конституции на региональном материале Приангарья на данный момент не существует. Местная историография обсуждения Конституции 1936 г. представлена достаточно узко: диссертацией Т.К. Пипченко [11], в которой обсуждению проекта Конституции в городах Приангарья отведен параграф, а также научной статьей А.И. Лаврова [12] и несколькими журналистскими публикациями.

По мнению некоторых историков, представители высших органов власти путем широкого обсуждения Конституции хотели уловить настроения в обществе, выявить недовольных, создать иллюзию единогласного одобрения проекта Конституции в условиях насаждения коллективистского сознания и борьбы с индивидуализмом. Обсуждение проходило как общественно-политическая кампания с трудовым подъемом, единодушной поддержкой и одобрением, о которых возвещала печать [13]. А.Н. Медушевский характеризует Конституцию 1936 г. как «полностью номинальную», установившую новые формы тирании, легитимировавшую массовый террор. Автор отмечает противоречивость содержания Основного закона с советской действительностью [8].

Обсуждение проекта Конституции проходило в контексте завершения процесса коллективизации. Уровень коллективизации дворов Приангарья вырос с 83% в 1935 г. до 94% в 1936 г. Сумма коллективизированных дворов увеличилась с 106,6 тыс. в 1935 г. до 112,6 тыс. в 1936 г.; на один колхоз соответственно приходилось 56 и 60 дворов. К 1936 г. было коллективизировано 100% посевов на территории современной Иркутской области [14. С. 89]. Новая Конституция неслучайно была принята в период завершения коллективизации. Именно к 1936 г. произошел переход к коллективной собственности, деревня стала полностью зависима от государства, а крестьянская оппозиция была практически ликвидирована.

12 июня 1936 г. проект Конституции СССР был опубликован для дальнейшего обсуждения в народе, что предполагало проведение массовой работы, агитаций, сбор предложений. Кампания продолжалась до открытия VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов 25 ноября [10].

14 июня газета Приангарья «Восточно-Сибирская правда» опубликовала проект Конституции для всенародного обсуждения. Данный номер был полностью посвящен Основному закону и изобилует положительными оценками проекта со стороны рабочих Куйбышевского завода, Обувной и Слюдяной фабрик, рабочих Усольского и Иркутского районов. Мнениям крестьян относительно проекта было уделено гораздо меньше места. В Черемховском районе крестьяне высказывались следующим образом: «Не узнать теперь нашего села: оно колхозное на 100%. Имеет клуб, ясли, школу, имеет в вечном пользовании землю – 3,418 га, много скота крупного и мелкого; на полях работают тракторы. Жить стало счастливо и весело. Такая жизнь возможна только в нашей стране. За границей сотни тысяч не имеют права избирать и быть избранными... Стирается неравенство между городом и деревней. По новой Конституции мы, колхозники, будем избирать на одинаковых правах с рабочими города. Спасибо тов. Сталину за такую Конституцию!» [15].

В номерах газеты «Восточно-Сибирская правда» с 14 по 19 июня первые полосы были заполнены исключительно информацией о проекте Конституции, об активном его обсуждении рабочими и колхозниками. Отмечалось полное одобрение трудящимися всего Основного закона при незначительных поправках. В следующих номерах газеты первые полосы освещали другие важные новости в стране, обсуждению Конституции отводилась, практически целиком, третья страница. Такая активность в прессе продолжалась до начала июля, после чего обсуждению остается все меньше места: от нескольких колонок летом до небольших заметок в октябре. Активизация общественно-политической кампании произошла в конце ноября в связи с открытием VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов и продолжалась до принятия и обнародования Конституции 1936 г., а также спустя несколько дней после этого.

Кампания обсуждения Конституции 1936 г. была разработана достаточно эффективно: выявлялись политически грамотные подготовленные кадры пропагандистов и агитаторов; организовывались беседы и читки в красных уголках, цехах, группах; колхозникам разъяснялись основные положения текста Конституции [9].

Обсуждение новой «сталинской» Конституции вызвало усиление политической активности и, несомненно, оказало одно из решающих влияний на взаимоотношения власти и общества во второй половине 1930-х гг. Конституция закрепила دستояния и особенности существующего строя, в том числе особенности «сталинской демократии». В Восточной Сибири проект Конституции обсуждался более чем на 5 тыс. собраний, где приняли участие 600 тыс. человек (1, 3 всего населения края), внесено 2 тыс. предложений с

поправками [16]. Обсуждение проекта Конституции проводилось на обеденных перерывах, после работы, и лишь немногие организации оставались от этого в стороне [17].

Для детального ознакомления с проектом Конституции в артелях Усольский райком ВКП (б) командировал в колхозы 45 человек районного партактива. В Усольском районе Приангарья колхозники сельхозартелей «Двигатель пятилетки», «Вперед к социализму» и «Прогресс» знакомилась с проектом Конституции на обеденных перерывах. Прямо на полевых станах устроили «громкую читку», где был разобран каждый пункт проекта, особенно о правах и обязанностях граждан: «Колхозники и колхозницы выражали горячую благодарность творцу проекта, вождю народов – великому Сталину и дали твердое обязательство получить в этом году самый высокий, отличный урожай и быстрее подготовиться к уборочной» [18].

В Заларинском районе райком и райисполком провели инструктивное совещание с активом, направив 17 июня 60 человек в колхозы для разъяснения проекта Конституции. В Зиминском районе райком партии выделил из числа партийного актива 10 пропагандистов, там же в первый день проект Конституции обсудили свыше тысячи человек. В Нижнеилимске районное партсовещание одобрило проект Конституции и постановило начать его обсуждение в массах. Райком партии собирал партторгов для инструктажа, проводил семинары пропагандистов в парткабинете. Изучение проекта Конституции было включено в программу обучения партийного и комсомольского актива. В колхозы для проведения собраний выехали 10 человек из числа районного партактива [19].

Информационные сводки облисполкома об обсуждении проекта Конституции СССР по Эхирит-Булагатскому району за 1936 г. иллюстрируют проявление политической активности колхозников Приангарья. Анализируя данные таблицы, можно отметить, что более 50% колхозников проявили активность – задавали вопросы, около половины обозначили свою гражданскую позицию в выступлениях [20. Л. 3].

Обсуждение проекта Конституции СССР по Эхирит-Булагатскому району (1936 г.)

Наименование сельсовета, колхоза	Количество присутствующих	Их них женщин	Поступило вопросов	Выступили
Усть-Ордынский с.с.	52	8	30	18
Артель им. Ворошилова	125	49	25	17
Им. Разумова	100	39	19	15
Им. Сталина	76	27	11	9
Им. Молотова	32	12	7	8
«17 парт съезд»	62	29	16	11
«Улан-Батхай»	60	28	15	12
«Красная Калина»	40	29	9	7
«Красная Усть-Орда»	94	22	17	14
«Свой труд»	86	22	14	10
Итого	727	256	163	121

В ходе обсуждения проекта Конституции по Баяндаевскому сельскому совету на 12 октября 1936 г. были проведены пленум, заседание депутатских групп, собрания. На пленуме присутствовало 80% членов и кандидатов сельсоветов, в том числе 46 человек не членов сельсовета, внесено 2 дополнения. Всего проведено 17 собраний, на которых присутствовало 83% населения трудящихся. Однако, предложений об изменениях отдельных статей Конституции на обсуждении не поступало, индивидуальных предложений не было.

В Усть-Ордынском сельсовете Эхирит-Булагатского аймака был проведен пленум по обсуждению Конституции, заседания, секции депутатских групп. На пленуме присутствовало 72% членов и кандидатов сельсоветов, в том числе 26 не членов. Внесено 3 предложения к вопросу об изменении проекта. Всего проведено 26 собраний, на которых присутствовало 82% трудящегося населения. Внесено 12 предложений на собраниях и 4 предложения в индивидуальном порядке [20. Л. 159]. Данные факты показывают высокий процент охвата населения кампанией по обсуждению Основного закона.

В ходе обсуждения проекта новой Конституции подавляющее большинство мнений и высказываний колхозников носили лояльный власти характер. Крестьяне верили в демократические идеи Основного закона, о чем свидетельствуют ниже представленные материалы (стилистика оригиналов сохранена).

«Я – дочь бедняка, воспитывалась сиротой при царском правительстве. Пришлось мне переживать очень трудные моменты, поэтому осталась неграмотной. Работала за то, что меня кормили, да кое-как одевали. Об отдыхе, учебе и развлечениях говорить не приходится. Открылась новая обеспеченная и счастливая жизнь. Проект новой Конституции дает трудящимся большое право на труд и отдых. Женщины наравне с мужчинами имеют права и выполняют обязанности, занимают одинаковые посты» [20. Л. 4].

«Мы, колхозники колхоза им. Красный путь до 1917 г, до октябрьской революции, мы – трудящиеся народов царской России никакого рассвета не видели кроме черной эксплуатации человека над человеком. Вследствие зяблого и подлого господства кулачества мы находились под гнетом капитала. Никакого культурного отдыха, никакой свободы для рабочих и крестьян не было» [20. Л. 25].

Выступления колхозников артели «Молотова»: «Мы – колхозники, заслушав проект закона нашей страны должны работать с еще большей энергией... За такие заботы о нас нашей партией мы должны показать свое удовольствие» [20. Л. 39].

«В царское правительство люди не выбирали, как мы сейчас проводим выбора. Я хочу остановиться на ст. 121 “право на образование”. То, несомненно, сразу можно сказать, что очень хорошо стал подходить к этому вопросу наш Советский Союз. Раньше обучали детей кулаков, богатых, даже и в начальной школе. Далее остановимся на разнице со старой Конституцией новой “Сталинской” Конституции. Теперь при Советской власти все

трудящиеся имеют право на образование, всех детей обучает советская власть, поставив перед ними задачу иметь среднее образование» [20. Л. 207].

Особенно хочется отметить тот факт, что на колхозных собраниях крестьяне не только пассивно воспринимали грядущие нововведения и высказывали лояльные мнения, но также вносили дополнения, коррективы, задавали вопросы. Поправки касались всех сторон жизни: политических, экономических и социальных, затрагивали союзные, региональные и местные вопросы.

«Слушали проработку проекта Конституции, колхоз “Красный пахарь” Хоготовского сельского совета. Одобрить Конституцию с дополнениями:

1. «Глава X статья 130. Вменить в обязанность каждого гражданина, что уважение правила социалистического общества есть прямой долг со строгим исполнением закона и не может быть нарушение такового. За нарушение этого правила карать по закону со всей строгостью.

2. Статья 131. Лица, допускающие от себя нецензурные слова, оскорбления, угрозы под видом хулиганства над гражданами, карать со всей строгостью закона, как нетактичное поведение» [20. Л. 26 об.].

«Протокол производственного совещания сотрудников Эхирит-Булагатского аймоно, 27 августа 1936 г.».

О проработке текста конституции: проработали, одобрили и внесли изменения.

Степанов И.Н. инспектор аймоно по ст. 121. «Граждане СССР имеют право на образование, это право обеспечивается всеобщим обязательным начальным образованием и т.д. Нужно, по-моему, с формулировкой следующим образом: это право осуществляется всеобщим обязательным начальным и неполным средним образованием и т.д., ибо введение всеобща диктуется быстрым ходом оснащения техники во всех отраслях социалистического хозяйства».

Михайлов А.А., Инспектор аймоно по ст. 146: «Принять в следующей формулировке «Изменение Конституции СССР проводится по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее двух третей голосов в каждой из его палат с последующим утверждением Съездом Советов».

Еронов Ф.Я., счетовод аймоно. Ст. 49 «Награждать орденом СССР и присваивать звание героев Советского союза» [20. Л. 80–81 об.].

При обсуждении в колхозе им. Сталина два колхозника внесли коррективы к ст. 123: «Лица, покушающиеся на социалистическую собственность, а также знающие о покушениях на общественную социалистическую собственность, но скрывающие это – являются врагами народа и предаются суду, как за расхищение социалистической собственности. Вношу еще предложения установить сроки отчетности депутатов перед избирателями не реже двух раз в год. Вношу предложения о том, чтобы включить в Конституцию пункт решительной борьбы с бюрократизмом, волокитой и шовинизмом» [21. Л. 35].

Поступали предложения и о лишении избирательных прав служителей религиозного культа; о недопустимости разглашения военной тайны и сурового наказания за подобные преступления [21. Л. 36–46].

Некоторые статьи проекта Конституции вызывали у колхозников закономерные и очень проницательные вопросы. По этим вопросам можно проследить проблемы, которые волновали крестьян.

На пленуме Курумчинского булучного совета Эхирит-Булагатского аймака 9 октября 1936 г., на котором присутствовало 26 человек, были заданы следующие вопросы по проекту Конституции:

«Как выбираются или же избраны в советы независимо от прошлого происхождения, например, кулаки, попы, лишенные избирательных прав?»

Как быть с такими рабочими фабрик и заводов, потерявших собственность, то известно, а насчет колхозников пострадавших от бедствий, потерявших трудоспособность?

Почему нельзя закрепить леса, как и землю, за колхозниками?

Чем объяснить сроки выбора районных и союзных советов?

Если колхозник командирован в город, то его расходы на питание кто берет оплачивать?

Какая разница Верховного совета и прокурора в сроках?

Если среди выборных лиц попал троцкист и др., то кто же может арестовать его или снять?

Кто выдвигает кандидатуру в Верховный совет Союза ССР?

Как быть, что при обсуждении народом проекта Конституции то добавляют, как учитывается это?

Кто подытоживает тайные голоса в избирательные Советы?» [20. Л. 205–206].

Крестьяне по всей стране писали письма с замечаниями, вопросами и поправками к проекту Конституции в «Крестьянскую газету». По итогам таких писем составлялись сводки, в которых отражены наиболее острые вопросы. Так, в июле 1936 г. среди советских крестьян вызвала дискуссию ст. 8 первой главы, согласно которой земля закреплялась за колхозами в вечное пользование. С одной стороны, крестьяне отмечали некорректность этой главы, так как коллективизация еще не закончилась, и не все единоличники вступили в колхозы. С другой стороны, не все артели обладали достаточным количеством земель для полноценного ведения сельского хозяйства, без чего Основной закон ограничивал землевладение колхозов [22. С. 795–796].

В Приангарье относительно землевладения колхозов были предложены следующие поправки сельхозартели «Красный маяк» Тулунского района: «Обсудив проект Конституции СССР, предлагаю статью 8-ю Конституции дополнить следующим: “Закрепить за колхозами леса, находящиеся на земельных участках колхозов, на вечное и бесплатное пользование колхозов”, в статью 9 внести изменения “Выбирать народных судей сроком на два года”. Придавая большое значение сельскому общественному суду, необходимо от назначения сельских судов сельсоветами перейти к выборам сельских общественных судов самим населением» [23].

В целом по СССР крестьяне отмечали противоречивость статей Конституции и целей построения социализма: задача коллективизировать 100% хозяйств

расходилась со статьей Конституции о разрешении частного, товарного хозяйства.

Другие вопросы касались труда, как «дела чести, дела славы, дела доблести и геройства», равенства в его оплате, нормированного рабочего дня для колхозников, права на отдых в санаториях, как у государственных служащих. Отмечалась особенность труда колхозника, который должен работать по 20 часов в день, без выходных. Статьи 119 и 120 об отдыхе и обеспечении по случаю болезни и старости вызывали у крестьян недоверие, поскольку формулировка текста допускала к этим правам только «рабочих и служащих». Колхозники предлагали предоставить им такие же права, а также создавать специальные фонды при колхозах для обеспечения инвалидов, больных и стариков [22. С. 798]. В Приангарье колхозники также поднимали вопрос о праве крестьян на отдых. Колхозник артели «Рассвет» Аларского аймака предлагал внести в Конституцию пункт: «Колхозникам, честно работающим в артелях, ежегодно предоставлять двухнедельный отпуск с сохранением среднего заработка (трудодней)»; шире организовать санитарно-курортное лечение и обслуживание колхозников [24]. Возможно, случайно в газете «Восточно-Сибирская правда» появилась статья с полярным мнением председателя Оёкского сельсовета Иркутского района: «есть люди, которые говорят, что якобы, у колхозников нет права на отдых, и что надо внести в Конституцию пункт об обязательных отпусках колхозников. Неверно это! Ведь колхозник – не наемный рабочий, а хозяин своего артельного производства. Если он уходит в отпуск и будет получать трудодни, то за счет своего же хозяйства. А отдыхом у нас колхозники и так пользуются в свободное от работы время. С увеличением механизации этого свободного времени будет все больше... В колхозе нуждающиеся в социальном обеспечении пользуются помощью из кассы взаимопомощи. У нас в прошлом году такую помощь получали 5 хозяйств. Но надо сказать, не везде кассы взаимопомощи работают по настоящему. По-моему, в статье 120-й надо предусмотреть социальное страхование потерявших трудоспособность и стариков-колхозников за счет колхоза» [25].

В своем письме в ЦК ВКП(б) и Президиум ЦИК СССР нарком социального обеспечения И.А. Наговицын статью 120 Конституции 1936 г. предлагал дополнить в интересах крестьян: «...общественного обеспечения: колхозников, кооперированных кустарей и кооперированных инвалидов – за счет общественных средств касс социального обеспечения колхозников...». Дополнения и предложения по статье 120 не были приняты во внимание при принятии Конституции [22. С. 840].

Поправки вызывала статья 12, в которой закреплялась обязанность трудиться по принципу «кто не работает, тот не ест». Крестьяне отмечали, что жены служащих, в том числе в деревнях, не работают, нанимают крестьянок на домашние работы, так как заработная плата служащих позволяла это делать. Вставал среди крестьян вопрос о пожилых колхозниках, которые не могли выполнять трудовые обязанности в силу возраста [22. С. 805].

Отмечалась нереальность права на образование для колхозников, которых председатели часто не отпускали учиться после 7-го класса, мотивируя это недостатком рабочей силы. Кроме того, для колхозников право на образование ограничивалось высокими ценами на книги, одежду и обувь. Крестьян Эхирит-Булагатского района также интересовали социальные права: право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности, право на отдых путем сокращения рабочего дня и др. [26].

Кроме того, по всей стране высказывались такие предложения, как введение многопартийности, независимость школы от государства, свобода критики высших органов власти, разбор причин огромного количества политзаключенных, необходимость свободы места жительства и проживания, отмены распределения молодых специалистов и даже создание Крестьянского союза, который бы выполнял функции профсоюза. Все это свидетельствует о многообразии политических мнений, неоднородности советского общества и наличии политической культуры крестьян [13. С. 148].

Предложения сельских жителей СССР в реформировании существующего строя рассматривались как враждебные. Они, как правило, затрагивали изменение государственного строя, политического режима, вплоть до устранения диктатуры пролетариата, которая считалась несовместимой с провозглашаемым в Конституции демократизмом: «Диктатура и демократия несовместимы. Либо диктатура, либо демократия» [22. С. 799].

Большинство населения страны проект Конституции одобряли, так как провозглашаемые в нем ценности соответствовали нуждам и надеждам советского общества. Лояльно настроенные крестьяне положительно отзывались относительно всего текста Конституции, отмечали улучшение жизни по сравнению с царским режимом, достижение «светлой, радостной жизни», освобождение «угнетенных народов», «избавление от ига капитализма». Обсуждение Основного закона вызывало небывалый подъем производительности труда, перевыполнения плана, ударничества [22. С. 805].

Житель Приангарья писал в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда»: «Я настолько воодушевлен проектом Конституции, что прочел ее уже несколько раз и к изучению отдельных статей то и дело возвращаюсь. Мне 63 года, работаю 45 лет. Проект Конституции меня, старика, возродил, придал мне бодрость и энергию. Хочется, очень хочется еще жить и работать. Проект Конституции составлен замечательно, в нем все продумано и предусмотрено. Остается только с чувством благодарности приветствовать его творца великого Сталина» [23].

Некоторые колхозники Усольского района не только поддерживали проект Конституции, но и предлагали усилить борьбу с «врагами народа». «При царе наша деревня была самой отсталой, самой темной. Кроме урядников, никто сюда не приезжал. Нас грабили, а бороться с произволом царских сатрапов мы не имели возможности... предложение: расширить пункт, касающийся борьбы с врагами народа, посягающими на социалистическую собственность... Собрание

одобрило проект сталинской Конституции и вынесло глубокую благодарность руководителям партии и правительства, товарищу Сталину, тт. Молотову, Калинину, Ворошилову» [27].

В октябре активно развивалась не только отчетность по предложениям народа к Конституции, но и кампания по подготовке к съездам советов – пленумы сельсоветов, отчетные собрания депутатских групп, работа с населением. Организацией агитаций и обсуждений Конституции, аккумуляции документов занимались крайкомы, райкомы, горкомы, сельсоветы. Агитационно-пропагандистской работой занимались конкретно крайисполкомы, а также крайизбиркомы. Партия предписывала выбирать кадры для обсуждения среди политически грамотных, проверенных, теоретически подготовленных коммунистов, которые бы боролись с «контрреволюционными» взглядами [10].

На обсуждениях ставились провокационные для власти вопросы относительно восстановления избирательных прав кулаков и других «врагов народа». Например, председатель колхоза «Имени Ворошилова» Черемховского района Приангарья говорил «о необходимости уточнения вопроса о том, можно ли после утверждения новой Конституции принимать в колхоз бывших кулаков, ранее лишенных избирательных прав, а также представителей религиозных культов» [28]. Многие высказывания носили «антисоветский» характер: неверие партии, указывание на проблемы социально-экономической и политической жизни. «Неправильные» трактовки Конституции, которые выявляли текущие проблемы деревни – колхозный строй, хлеб и мясopоставки, планы и др., советские органы трактовали как «враждебные вылазки» (преимущественно, кулаков). Эти высказывания фиксировались с указанием их автора и передавались в органы НКВД. С точки зрения Н.Б. Арнаутова, «Всенародное обсуждение» проекта Конституции, в данном случае имело цель выявить противоречия между «соцреальностью» и практикой, извлечь информацию о политическом поведении, управляемости и степени подконтрольности населения, мнении населения относительно политического режима. Также обсуждение решало задачу «внутренней фильтрации» номенклатуры на профессионализм и компетентность, а для народа это был своеобразный «тест на лояльность» [10].

5 декабря 1936 г. VIII Чрезвычайным съездом Советов Союза ССР была принята новая Конституция. СССР провозглашался социалистическим государством рабочих и крестьян (гл. 1, ст. 1). Социалистическая собственность имела форму государственной (крупные сельскохозяйственные предприятия, например, совхозы, МТС и др.) либо кооперативно-колхозной (общественная, социалистическая). Последняя представляла собой живой и мертвый инвентарь, производимую продукцию, общественные постройки. Отмечалось, что каждый колхозный двор, кроме основного дохода от колхозной работы, может иметь небольшой приусадебный участок, подсобное хозяйство

в личной собственности, жилой дом, скот, птицу, мелкий сельскохозяйственный инвентарь. Земля, занимаемая колхозами, закреплялась за ними в вечное пользование (гл. 1., ст. 5–8).

Номер «Восточно-Сибирской правды» от 7 декабря 1936 г., который по содержанию, идее и стилю оформления можно с уверенностью назвать «праздничным», был практически полностью посвящен новой Конституции. В нем напечатан полный текст Конституции, сообщение о внесении в проект 43 поправок, в том числе в ст. 10: «Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в *бесплатное* и бессрочное пользование, то есть, навечно».

После принятия Конституции газеты вещали о демонстрациях на Красной площади, митингах и собраниях в честь праздника Конституции по всей стране, в том числе, в Приангарье.

Проблемы того времени довольно ясно прослеживаются через анализ наиболее обсуждаемых статей Конституции. Так, 53% предложений приходилось на X главу основного закона «Права и обязанности граждан». Кроме того, большой процент предложений, по данным Президиума ЦИК СССР, приходился на 7–10 главы I главы, затрагивающей отношения собственности, и ст. 12, в которой говорилось о принципах социализма («кто не работает, тот не ест», «от каждого по его способности, каждому – по его труду»). Замечания, которые рассматривались органами как не имеющие отношения к Конституции, касались равного вознаграждения за равный труд (денежную оплату колхозникам как рабочим), одинакового количества времени на труд (около 20-часового труда колхозников против 8-часового рабочего дня рабочих) и других социальных прав, которых у колхозников не было. Таким образом, государство не устраняло противоречий между городом и деревней, но способствовало возникновению новых [13. С. 135–136].

Бросается в глаза разница между опубликованными в советской прессе высказываниями, поправками, предложениями крестьян и архивными материалами. В опубликованных материалах преобладают высказывания и предложения рабочих, причем исключительно положительного характера. Рабочие, как и крестьяне, на страницах печати единогласно одобряли проект Конституции, вносили несущественные поправки, благодарили партию и вождя. В свою очередь, архивные документы свидетельствуют о значительной активности крестьян, которые полагали, что обсуждение могло привести к изменениям в общественно-политической жизни. В большинстве протоколов, писем и высказываний колхозников также преобладали лояльные, написанные «коммунистическим» языком формулы. Однако встречаются неопубликованные материалы, иллюстрирующие наличие политически грамотных крестьян, которые критически оценивали проект Конституции, сравнивали его с существующей социально-экономической ситуацией и вносили существенные предложения.

Список источников

1. Ронин С.Л. История разработки, утверждения и развития Сталинской Конституции. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 144 с.

2. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1987. 364 с.
3. Кабанов В.В. Из истории создания Конституции СССР 1936 г. // История СССР. 1976. № 6. 117–119.
4. Виленский Б.В. К истории разработки и принятия Конституции СССР 1936 года. Саратов : Юрист, 1967. 178 с.
5. Кравцов Б.П. Советская конституция и ее историческое развитие. М. : Мысль, 1967. 53 с.
6. Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М. : Вагриус, 2003. 145 с.
7. Куликова Е.В. Формирование технологий воздействия на массы в советском обществе (на примере обсуждения проекта Конституции СССР 1936 г.) // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 3. С. 202–204.
8. Медушевский А.Н. Основной закон тоталитаризма: Конституция СССР 1936 года как инструмент социального конструирования // Исторический ракурс. 2015. № 3. С. 109–126.
9. Исаев А.А. Обсуждение Сталинской Конституции на Дальнем Востоке СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 92–104.
10. Арнаут Н.Б. «Враждебные вылазки» в период «всенародного обсуждения» советской Конституции 1936 года в Западной Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов регион. молодежной науч. конфер. Новосибирск : Параллель, 2007. С. 142–148.
11. Пипченко Т.К. Социально-политическая жизнь городов Восточной-Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005.
12. Лавров А.И. Обсуждение Сталинской конституции 1936 года в Братском районе // Global Science–2019 : сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конфер. Орск : SmartSkills, 2020. С. 106–111.
13. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. М. : Рос. политическая энцикл., 1998. 352 с.
14. МТС и колхозы в 1936 году. Статистический сборник. М. : Сельхозгиз, 1937.
15. Восточно-Сибирская правда. 1936. 14 июня.
16. Крестьянство в Сибири в период строительства социализма (1917–1937) / А.П. Окладников [и др.]. Новосибирск : Наука, 1983. 389 с.
17. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / А.П. Окладников [и др.]. Ленинград : Наука, 1968. Т. 4.
18. Восточно-Сибирская правда. 1936. 17 июня.
19. Восточно-Сибирская правда. 1936. 18 июня.
20. Усть-Ордынский филиал ОГКУ ГАИО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 85.
21. Усть-Ордынский филиал ОГКУ ГАИО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 88.
22. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 4: 1934–1936. М. : Рос. политическая энцикл. 1056 с.
23. Восточно-Сибирская правда. 1936. 27 июля.
24. Восточно-Сибирская правда. 1936. 4 ноября.
25. Восточно-Сибирская правда. 1936. 24 июня.
26. Усть-Ордынский филиал ОГКУ ГАИО. Ф. Р-26. Оп. 1. Л. 36–46.
27. Восточно-Сибирская правда. 1936. 3 июля.
28. Восточно-Сибирская правда. 1936. 15 июня.

References

1. Ronin, S.L. (1951) *Istoriia razrabotki, utverzhdeniia i razvitiia Stalinskoi Konstitutsii* [History of the development, approval, and evolution of the Stalin Constitution]. Moscow: USSR AS.
2. Kukushkin, Yu.S. & Chistiakov, O.I. (1987) *Ocherk istorii Sovetskoi Konstitutsii* [An outline of the history of the Soviet Constitution]. Moscow: Politizdat.
3. Kabanov, V.V. (1976) Iz istorii sozdaniia Konstitutsii SSSR 1936 g. [From the history of the creation of the 1936 USSR Constitution]. *Istoriia SSSR*. 6. pp. 117–119.
4. Vilenskii, B.V. (1967) *K istorii razrabotki i priniatiia Konstitutsii SSSR 1936 goda* [On the history of the drafting and adoption of the 1936 USSR Constitution]. Saratov: Iurist.
5. Kravtsov, B.P. (1967) *Sovetskaia konstitutsiia i ee istoricheskoe razvitie* [The Soviet Constitution and its historical development]. Moscow: Mysl'.
6. Zhukov, Yu.N. (2003) *Inoi Stalin* [A different Stalin]. Moscow: Vagrius.
7. Kulikova, E.V. (2009) Formirovanie tekhnologii vozdeistviia na massy v sovetskom obshchestve (na primere obsuzhdeniia proekta Konstitutsii SSSR 1936 g.) [The formation of mass influence technologies in Soviet society (based on the discussion of the draft 1936 USSR Constitution)]. *Problemy v rossiiskom zakonodatel'stve. Iuridicheskii zhurnal*. 3. pp. 202–204.
8. Medushevskii, A.N. (2015) Osnovnoi zakon totalitarizma: Konstitutsiia SSSR 1936 goda kak instrument sotsial'nogo konstruirovaniia [The fundamental law of totalitarianism: The 1936 USSR Constitution as a tool of social engineering]. *Istoricheskii rakurs*. 3. pp. 109–126.
9. Isaev, A.A. (2018) Obsuzhdenie Stalinskoi Konstitutsii na Dal'nem Vostoke SSSR [The discussion of the Stalin Constitution in the Far East of the USSR]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia*. 63 (1). pp. 92–104.
10. Arnaudov, N.B. (2007) "Vrazhdebnye vylazki" v period "vsennarodnogo obsuzhdeniia" sovetskoi Konstitutsii 1936 goda v Zapadnoi Sibiri ["Hostile outbursts" during the "nationwide discussion" of the 1936 Soviet Constitution in Western Siberia]. In: *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 142–148.
11. Pipchenko, T.K. (2005) *Sotsial'no-politicheskaia zhizn' gorodov Vostochnoi Sibiri v 1930-e gg. (na materialakh Krasnoarskogo kraia i Irkutskoi oblasti)* [The socio-political life of Eastern Siberian cities in the 1930s (based on materials from Krasnoyarsk Krai and Irkutsk Oblast)]. History Cand. Diss. Irkutsk.
12. Lavrov, A.I. (2020) [The discussion of the 1936 Stalin Constitution in Bratsk District]. *Global Science–2019*. Conference Proceedings. Orsk: SmartSkills. pp. 106–111. (In Russian).
13. Sokolov, A.K. (ed.) (1998) *Obshchestvo i vlast': 1930-e gody. Povestvovanie v dokumentakh* [Society and power: The 1930s. A narrative in documents]. Moscow: Ros. politicheskaiia entsikl.
14. Anon. (1937) *MTS i kolkhozy v 1936 godu. Statisticheskii sbornik* [Machine-Tractor Stations and collective farms in 1936. A statistical collection]. Moscow: Sel'khozgiz.
15. *Vostochno-Sibirskaiia Pravda*. (1936) June 14.
16. Okladnikov, A.P. et al. (eds) (1983) *Krest'ianstvo v Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937)* [The peasantry in Siberia during the construction of socialism (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka.
17. Okladnikov, A.P. et al. (eds) (1968) *Istoriia Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The history of Siberia from ancient times to the present day] (1968). Vol. 4. Leningrad: Nauka.
18. *Vostochno-Sibirskaiia Pravda*. (1936) June 17.
19. *Vostochno-Sibirskaiia Pravda*. (1936) June 18.
20. Ust-Orda Branch of the State Archive of Irkutsk Oblast. Fund R-26. List 1. Page 85.
21. Ust-Orda Branch of the State Archive of Irkutsk Oblast. Fund R-26. List 1. Page 88.

22. Anon. (2000) *Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. Documents and materials]. Vol. 4: 1934–1936. Moscow: Ros. politicheskaiia entsikl.
23. *Vostochno-Sibirskaiia Pravda*. (1936) July 27.
24. *Vostochno-Sibirskaiia Pravda*. (1936) November 4.
25. *Vostochno-Sibirskaiia Pravda*. (1936) June 24.
26. Ust-Orda Branch of the State Archive of Irkutsk Oblast. Fund R-26. List 1. Pages 36–46.
27. *Vostochno-Sibirskaiia Pravda*. (1936) July 3.
28. *Vostochno-Sibirskaiia Pravda*. (1936) June 15.

Информация об авторе:

Проскурякова М.А. – аспирант кафедры истории и методики Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).
E-mail: andreasha1205@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Proskuryakova, postgraduate student, Irkutsk State University (Irkutsk Russian Federation). E-mail: andreasha1205@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.01.2024;
одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 30.01.2024;
approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.1:371.3
doi: 10.17223/15617793/508/21

Цифровой методический конструктор для педагогического дизайна интегративной магистратуры по лингвистике и переводу

Елена Вадимовна Аликина¹, Дмитрий Викторович Мальцев²

^{1, 2} Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

¹ elenaalikina@yandex.ru

² mdv@pstu.ru

Аннотация. Представлена концепция педагогического дизайна интегративных образовательных программ на примере магистратуры «Инженерно-лингвистические технологии переводческой деятельности». В качестве основного инструмента для педагогического дизайна предлагается разработка цифрового методического конструктора на основе нейросетевого машинного обучения. Рассматриваются возможности реализации комплекса задач, среди которых автоматизированная обработка текстов в сфере индустрии перевода, вычленение востребованных на рынке труда компетенций, формулирование результатов обучения и другие.

Ключевые слова: педагогический дизайн, цифровой методический конструктор, образовательная программа, магистратура, лингвистика, инженерно-лингвистический профиль, машинное обучение, индустрия перевода, рынок лингвистических услуг

Для цитирования: Аликина Е.В., Мальцев Д.В. Цифровой методический конструктор для педагогического дизайна интегративной магистратуры по лингвистике и переводу // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 194–201. doi: 10.17223/15617793/508/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/21

Digital didactic constructor for pedagogical design of an integrative master's programme in linguistics and translation

Elena V. Alikina¹, Dmitriy V. Maltsev²

^{1, 2} Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

¹ elenaalikina@yandex.ru

² mdv@pstu.ru

Abstract. The concept of pedagogical design of integrative educational programmes is presented on the example of the Master's degree "Engineering and Linguistic Technologies of Translation Activity". An overview of the works of domestic and foreign authors in the field of pedagogical design, digital transformation of education, as well as a scientometric analysis of articles published in the period from 2000 to 2023 is presented. The main models of pedagogical design are analyzed: ADDIE, ALG, Backward Design, SAM, SMART. As the main tool for pedagogical design of integrative educational programme the development of digital didactic constructor is proposed. This constructor is created on the basis of neural network machine learning and is designed to perform a number of analytical, predictive, designing, controlling and regulating functions. The possibilities of realising such tasks of the digital didactic constructor as automated processing of pragmatic text corpora related to the sphere of translation industry and linguistic services market (job advertisements, tender applications, professional standards, interviews of specialists, company reports, scientific articles, etc.); identification of professional competences of engineering and linguistic specialists demanded in the labour market; formulation of planned learning outcomes; design of co-development of the professional competences of engineering and linguistic specialists, etc. are considered. The implementation of these tasks is demonstrated by the example of the master's program "Engineering and Linguistic Technologies of Translation Activity". It is concluded that the proposed concept of digital didactic constructor will allow the developers of basic and additional educational programmes of any training direction to analyse a large number of source texts and compare the results with the training content, promptly adapting it to ensure compliance with the principles of digital transformation of the economy.

Keywords: pedagogical design, digital didactic constructor, educational programme, master's degree, linguistics, linguistic engineering profile, machine learning, translation industry, linguistic market

For citation: Alikina, E.V. & Maltsev, D.V. (2024) Digital didactic constructor for pedagogical design of an integrative master's programme in linguistics and translation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 194–201. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/21

Введение

В конце XX в., когда во многих вузах России открывались новые факультеты и специальности гуманитарного, в том числе лингвистического профиля, активно развивалась концепция гуманитаризации технического образования, призванная обогатить профессиональные компетенции выпускников за счет развития их общего культурного уровня. Спустя 25–30 лет можно констатировать смену вектора и усиление значимости технологизации гуманитарного образования, связанную с автоматизацией, цифровизацией, цифровой трансформацией мировой экономики и многих сфер профессиональной деятельности. Что касается многогранной профессии переводчика, как показывают результаты форсайт-сессий, проведенных по инициативе Школы дидактики перевода под руководством профессора Н.Н. Гавриленко [1], она приобретает все более выраженный междисциплинарный характер, расширяет свой функционал как в антропологической, так и в цифровой среде, погружаясь в человеко-машинное взаимодействие в интересах устойчивого развития. Это требует от образовательных организаций своевременного выстраивания соответствующих прогностических и оценочных моделей профессиональной подготовки, обладающих в условиях чрезвычайной неопределенности достаточной надежностью.

Цифровая трансформация, являющаяся одним из стратегических направлений развития высшего образования в мире, базируется на высоком уровне «цифровой зрелости» научно-методических, административно-управленческих, практико-педагогических и технологических решений. Для гармонизации данных решений достаточно продуктивно используется инструментарий, который в педагогической науке и практике получил название «педагогический дизайн», активно обогащающийся в настоящее время уникальными цифровыми возможностями. В рамках данной статьи будет освещена проблема выстраивания педагогического дизайна интегративной образовательной программы инженерно-лингвистического профиля с учетом анализа сложившейся на рынке труда ситуации и на основе прогнозирования карьерных траекторий выпускников. В силу большого, иногда лавинообразного объема исходных данных и высокой скорости их обновления применение механизмов педагогического дизайна так называемой аналоговой эпохи (например, следование сложившимся традициям, ретроспекция и перенос лучшего опыта, проявление педагогической интуиции и др.) представляется недостаточным для реалий цифровой эры. В связи с этим выдвигается идея применения технологий машинного обучения нейросети для создания цифрового методического конструктора, обеспечивающего педагогический дизайн новой образовательной программы. В качестве примера предлагается рассмотрение логики создания

магистратуры «Инженерно-лингвистические технологии переводческой деятельности» по направлению 45.04.02 «Лингвистика» в политехническом вузе.

Материалы и методы

Методологическую базу исследования составили труды российских и зарубежных ученых в сфере педагогического дизайна, цифровой трансформации образования, нейросетевых технологий.

В исследовании применен комплекс теоретических и эмпирических методов, среди которых наукометрический анализ научных публикаций в периодических изданиях в период с 2000 по 2023 г.; автоматизированная обработка корпусов прагматических текстов, относящихся к сфере индустрии перевода и рынка лингвистических услуг; метод педагогического моделирования для проектирования цифрового методического конструктора.

Дискуссия

Понятие педагогического дизайна (англ. *instructional design, learning design, pedagogical design*) зародилось в начале XX в. [2, 3] и приобрело статус научно-прикладной дисциплины в 1960-х гг., когда трактовалось как разработка эффективных, рациональных и комфортных методов, средств и способов обучения [4]. Дальнейшее развитие педагогического дизайна было обусловлено совокупностью междисциплинарных научных и технологических факторов, среди которых интерес к когнитивным исследованиям, бихевиоризм, конструктивизм, появление телевидения, персональных компьютеров и интернета [5, 6]. Одной из ключевых характеристик педагогического дизайна признан «студентоцентризм», предусматривающий направленность на анализ потребностей, установок обучающегося с целью разработки адаптивных систем передачи знаний [7].

В российский научный дискурс термин «педагогический дизайн» вошел в начале 2000-х гг., закрепившись в предметном поле активной научной дискуссии относительно недавно – после 2017 г. Как показали результаты наукометрического анализа, проведенного нами по базе научной электронной библиотеки на портале www.e-library.ru, за два десятилетия наблюдается устойчивый рост интереса исследователей к проблемам педагогического проектирования на разных образовательных ступенях и применительно к различным предметным сферам. В поле нашего анализа вошли 1020 публикаций, в том числе 22 диссертационных работы. 95% из общего числа публикаций посвящено педагогическому дизайну на уровне вузовского образования. Хронологическое распределение публикационной активности отечественных авторов представлено на рис. 1.

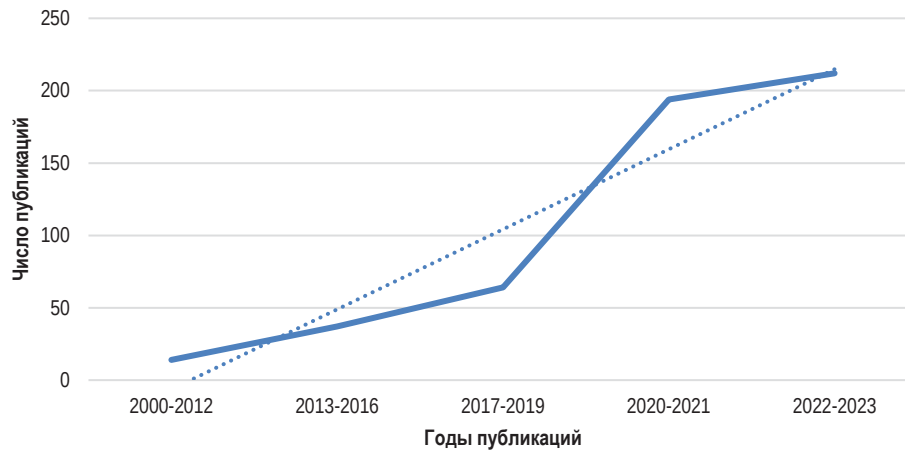

Рис. 1. Публикации по педагогическому дизайну в базе РИНЦ

Как видим из графика, в настоящее время фиксируется восходящий тренд интереса исследователей к проблемам педагогического дизайна (свыше 200 публикаций в год). Что касается ядра цитируемости, его составляют такие авторы, как С.Б. Велединская, М.Ю. Дорофеева (181 ссылка на работу 2014 г., посвященную проблемам смешанного обучения), С.В. Базилевич, Т.Б. Брылова, В.Р. Глухих, Г.Г. Левкин (96 цитирований статьи 2012 г. об инновационных интерактивных методах обучения), А.С. Фомина (81 ссылка на работу о технологиях онлайн-обучения в вузе), П.С. Рогачёва, С.В. Семергей (65 цитирований публикации о проблемах дистанционного обучения), Е.А. Демидова и Е.Д. Патаракин (более 40 цитирований у каждого автора на работы, в названиях которых включен термин «педагогический дизайн»). По количеству публикаций, непосредственно связанных с различными аспектами педагогического дизайна, к наиболее активным российским исследователям относятся С.А. Курносова (25 публикаций в период с 2009 по 2017 г.) и Е.Д. Патаракин (9 публикаций с 2013 по 2018 г., в том числе докторская диссертация). Упомянутые авторы продвигают такие плодотворные для современного образовательного пространства идеи, как научно-обоснованное создание объектов информационно-образовательной среды, социотехническое проектирование совместной сетевой образовательной деятельности и др. При этом авторами практически не рассматриваются технологические цифровые решения, позволяющие рационализировать процесс педагогического проектирования. Одним из пилотных исследований в этом направлении являются работы о возможностях интеграции инструментов искусственного интеллекта на различных этапах педагогического дизайна образовательного продукта [8, 9].

В качестве продукта педагогического дизайна исследователи обозначают образовательные программы (77 публикаций), образовательной среды (55 публикаций), учебные материалы (49 публикаций), образовательный / учебный процесс (41 публикация), учебные ресурсы, в том числе электронные, цифровые, мульти-

медийные (25 публикаций), средства обучения (12 публикаций). В связи с этим можно утверждать, что в современных концепциях педагогического дизайна выделяется его понимание в узком (дидактическом) и широком (педагогическом) контекстах.

В узком смысле под педагогическим дизайном подразумевается система процедур и сценариев, связанных с разработкой удобных (понятных, эстетичных, эргономичных, информативных и др.) способов доставки учебных продуктов обучающимся [10] с учетом принципов эффективного учения. Наиболее обобщенное, на наш взгляд, определение данной трактовки предложено М.Е. Вайндорф-Сысоевой и Е.О. Воробчиковой, согласно которым педагогический дизайн представляет собой «процесс преобразования информации в рамках отдельной предметной области в образовательный контент для достижения цели обучения в предлагаемых условиях» [11. С. 3].

В широком понимании речь идет о научном педагогическом направлении и организуемых видах педагогической деятельности, нацеленных на построение эффективного образовательного процесса, преобразование, совершенствование современных образовательных систем [12] и создание соответствующей образовательной (в том числе воспитывающей) среды [13]. В рамках нашего исследования мы рассматриваем широкий контекст применения педагогического дизайна, поскольку сосредоточены на механизмах проектирования не отдельного курса или дисциплины, а новой образовательной программы инженерно-лингвистического профиля.

На методологическом уровне можно выделить несколько моделей педагогического дизайна:

– ADDIE (*Analysis, Design, Development, Implementation, Evaluation*) – классическая модель, основанная на анализе, проектировании, разработке, реализации, оценке и, при необходимости, корректировке нового продукта;

– ALG (*Agile Learning Design*) – модель, предполагающая постоянную перестройку образовательного контента под целевую аудиторию и ориентацию на конкретные практические задачи;

- Backward Design – модель обратного дизайна, при котором проектирование происходит от конечного результата;

- SAM (Successive Approximation Model) – модель последовательной аппроксимации, предполагающая циклическую разработку путем расширения возможностей имеющегося образовательного продукта;

- SMART (Specific, Measurable, Attainable, Relevant, Time-bound) – модель, основанная на принципах проектного управления и достижения измеримых целей [14, 15].

Используя в рамках нашего исследования первую модель – ADDIE, мы обратились к анализу актуального спектра магистерских программ по направлению 45.04.02 «Лингвистика», в результате чего выявили, что в российских учреждениях высшего образования аналогов программы «Инженерно-лингвистические технологии переводческой деятельности» нет. Вместе с тем следует констатировать, что имеется богатый опыт реализации таких смежных программ, как «Ком-

пьютерная и прикладная лингвистика», «Инновационные технологии перевода» в Санкт-Петербургском государственном университете, «Теоретическая и компьютерная лингвистика» в Московском государственном университете, «Компьютерная лингвистика» в Высшей школе экономики, «Прикладное языкознание» в Казанском (Приволжском) федеральном университете, «Цифровые технологии в филологии. Компьютерная лингвистика» в Южном федеральном университете и др. При Северном (Арктическом) федеральном университете действует базовая кафедра технологий и автоматизации перевода. В мировом образовательном пространстве получили признание результаты работы консорциума европейских вузов по реализации магистерской программы “European Master’s in Technology for Translation and Interpreting”. При Женевском университете создан департамент «Многоязычная компьютерная обработка».

Контент-анализ представленных в открытом доступе образовательных программ позволил выделить следующие варианты их дисциплинарного наполнения (см. рис. 2).

Рис. 2. Варианты дисциплинарного наполнения магистерских программ по направлению 45.04.02 «Лингвистика»

Как показано на рисунке, имеющиеся специализации магистерских программ можно разделить на четыре группы:

1) лингвистически-ориентированные исследовательские программы с глубокой общенаучной и филологической базой;

2) лингвистически-ориентированные прикладные программы с опорой на математически обоснованную информационно-технологическую базу;

3) переводческо-ориентированные программы с широкой диверсификацией традиционных видов переводческой практики;

4) переводческо-ориентированные программы с опорой на технологическую базу автоматизации письменной переводческой практики.

Для того чтобы соотнести сложившуюся образовательную практику с реалиями индустрии перевода и лингвистических услуг, выделить требования рынка труда к выпускникам вуза и определить наиболее востребованные компетенции, мы предприняли попытку автоматизированного анализа текстов вакансий, размещенных на рекрутинговом портале www.hh.ru. С этой целью были решены следующие задачи:

- 1) выборка и парсинг текстов вакансий;
- 2) структурирование и определение значимости параметров текстов вакансий;
- 3) составление алгоритма обработки требований к соискателям и их обязанностям;
- 4) создание нейросети, прогнозирующей уровень заработной платы по заданным параметрам вакансии;

5) разработка программы, распределяющей требования работодателей по смысловым группам «знать», «уметь», «владеть»;

6) разработка программы, создающей эталонный профиль должности;

7) внедрение методики машинного обучения для обобщения требований работодателей к выбранной профессиональной сфере.

Отметим, что существующие сервисы (*Talantix*, *Mirapolis*, *FriendWork Recruiter*, *Хантфлоу* и др.), используемые в автоматизации рекрутинговых процессов, являются дорогостоящими и при этом не проводят семантический контент-анализ текстов вакансий. К существенным отличительным признакам создаваемого

нами продукта можно отнести применение семантического контент-анализа текстов вакансий в автоматическом режиме. При этом семантическая составляющая реализуется за счет перевода слов в векторное пространство и формирование предобученной нейронной сети, распознающей не только слова по группам, частям речи, числу, роду, но и определяющей смысл в части синонимов, принадлежности слов к конкретной профессии и видам деятельности исполнителя.

В процессе апробации разработанной программы было отобрано и автоматически обработано 2 439 текстов вакансий лингвистического (переводческого) профиля. Выдержки из некоторых текстов вакансий представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Примеры лингвистических (переводческих) вакансий

№	Название вакансии	Требования к кандидатам и функции
1	Ассистент менеджера переводческих проектов	Управление переводческими проектами: подготовка и планирование проектов, поиск и привлечение исполнителей, контроль сроков выполнения задач. Работа с CAT-программами
2	Переводчик (арабский язык)	Редактирование переводов и непосредственно перевод текстов общей направленности. Составление глоссариев. Работа с Translation Memory
3	Переводчик английского / китайского языков	Владение Trados или Memsource
4	Переводчик личных документов	Умение работать в CRM, вести учёт, документацию и отчеты. Распределение переводов по внештатным переводчикам. Проверка переводов за внештатными переводчиками. Отправка переводов на заверение
5	Переводчик французского языка	Готовность интенсивно изучать техническую терминологию и разобраться в устройстве оборудования для адекватного перевода инструктажа
6	Проект-менеджер в переводческой компании	Расчет стоимости, прием и выдача заказов, ведение базы QTRM
7	Редактор (технический английский)	Умение работать в Trados. Работа по редакторской правке текстов технической (нефтегазовой) тематики в соответствии с правилами оформления, глоссарием, регламентами, для сдачи заказчику
8	Редактор в отдел машинного перевода	Обязательное знание программы Memsource. Редактирование текстов различной тематики. Оценка качества постредактуры
9	Редактор локализации игр	Редактировать переводы игр
10	Редактор-корректор в бюро переводов	Навыки работы в компьютерных программах. Редактирование выполненных переводов. Проверка переводов и коррекция
11	Специалист по приемке качества перевода шаблонных документов	Навыки корректуры текстов на русском и английском языках. Проверка полноты перевода. Проверка правильности оформления под нотариальное заверение. Проверка соответствия глоссарию и требованиям заказчика
12	Технический писатель	Создавать и поддерживать в актуальном состоянии хорошо структурированную и понятную документацию для менеджеров, разработчиков и DevOps. Следить за изменениями в продуктах и собирать информацию от команды разработки. Знание IT-терминологии и стилистики технических текстов. Умение структурировать большие объёмы информации
13	Устный переводчик английского языка	Отличное знание устного английского языка, знание военно-технической терминологии. Устный последовательный перевод при поставке оборудования, проведение лекций, при гарантийном обслуживании, дообучении специалистов на территории заказчика
14	Устный переводчик китайского языка	Опыт перевода в онлайн формате. Устные переводы (в основном онлайн, MS Team, Skype, Zoom)
15	Фармацевтический редактор	Формировать, пополнять и отслеживать актуальность глоссариев. Формулировать обратную связь по результатам проверки заказов. Консультировать переводчиков по возникающим вопросам

Таким образом, анализ текстов вакансий позволяет выделить наиболее востребованные должности (например, *проект-менеджер*, *редактор-корректор*, *редактор локализации игр*, *технический писатель* и т.п.) и компетенции (например, *управление переводческими проектами*, *владение системами автоматизированного перевода*, *умение вести клиентские базы*, *составлять глоссарии*, *проводить постредактирование* и т.п.), которые могут быть конкретизированы запросами регионального рынка труда (например, *нефтегазовая*, *машиностроительная*, *фармацевтическая отрасли*) и специализацией вуза (например, *политехнический*, *медицинский*, *военный* и пр.).

Вычленение востребованных на рынке труда профессиональных компетенций специалистов позволяет в качестве следующего шага сформулировать планируемые результаты обучения, закладываемые в компетентностную модель выпускника, например:

– ПК₁ – способность создавать и поддерживать структурированную документацию на русском и иностранном языках;

– ПК₂ – способность управлять переводческими проектами;

– ПК₃ – способность осуществлять корректуру и редактуру технического текста.

Конструирование учебного плана по образовательной программе предполагает подбор для каждой из сформулированных компетенций соответствующей дисциплины. Так, профессиональная компетенция «Способность осуществлять корректуру и редактуру технического текста» может формироваться в рамках таких дисциплин, как «Стилистика и редактирование технических текстов», «Техническое письмо», «Автоматизация и постредактирование перевода» и др.

Для наполнения учебных модулей, дисциплин и практик конкретным содержанием обучения необходимо перейти далее к созданию онтологий, демонстрирующих междисциплинарную связь ключевых понятий и концепций. Отметим, что технологии описания онтологических предметных областей широко представлены в работах зарубежных исследователей [16].

Для извлечения знаний, их классификации и стратификации в настоящее время используются различные методы инженерии знаний, машинного обучения, автоматической обработки текстов на естественном языке [17]. Источниками исходных данных могут служить как рассмотренные ранее тексты вакансий, так и другие прагматические тексты (например, профессиональные стандарты, тендерная документация, интервью специалистов, отчеты компаний и т.п.). В табл. 2 приведены примеры онтологических единиц, релевантных для одной из профессиональных компетенций в переводческой сфере.

Каждая из онтологических единиц может быть соотнесена с определенными видами и объектами декларативных, процедурных, прагматических знаний (по классификации М.А. Холодной [18]), в результате чего выделяется тип объекта знаний (см. табл. 3).

Таблица 2

Примеры онтологического описания профессиональной компетенции

Планируемые результаты обучения	Индикаторы компетенций	Онтологические единицы
ПК ₃ – Способность осуществлять корректуру и редактуру технического текста	ИД-1ПК ₃ Знать виды и требования корректорской и редакторской правки технического текста	Виды и жанры технического текста
		Стилистические особенности технического текста
		Понятие и виды корректорской и редакторской правки
		Виды текстовых процессоров
		Стандарты оформления технической документации
	ИД-2ПК ₃ Уметь осуществлять корректуру и редактуру технического текста	Основы типографики
		Оценка степени соответствия / несоответствия технического текста установленным нормам
		Подготовка технических заданий
		Проверка достоверности материалов
	ИД-3ПК ₃ Владеть методиками корректорского чтения, правки и редактуры технического текста	Методики корректорской правки
		Программы редактирования
		Текстовые процессоры

Таблица 3

Примеры выделения объектов знаний

Вид знаний	Объекты знаний
Декларативные фактологические знания	Факты, сведения, терминология, элементы, детали, требования, нормативы, законы, субъекты и т.п.
Декларативные концептуальные знания	Определение, классификация, принципы, модели, структуры, функции, характеристики, свойства и т.п.
Процедурные инструментальные знания	Методы, алгоритмы, средства, инструменты, критерии оценки, параметры, процедуры и т.п.
Процедурные процессуальные знания	Процессы, последовательности, этапы, логика, связь между элементами или этапами, отношения и т.п.
Прагматические знания: применение для решения задач	Решение типовых задач, расчеты и т.п.
Прагматические знания: применение для анализа ситуаций	Анализ данных, анализ ситуаций и т.п.
Прагматические знания: синтез информации по ситуации	Обобщение информации, интерпретация данных, принятие решения и т.п.

Наконец, заключительным шагом в реализации педагогического дизайна образовательной программы является создание оценочных средств с возможностью автоматизированной генерации и проверки контрольно-измерительных материалов. В рамках исследования мы используем систему сопоставления концептов (*Concept Mapping*) [19], на основе которой в онтологическом описании дисциплин выделяются ключевые слова-маркеры, порождаются тестовые задания и эталонные ответы [20].

Таким образом, создаваемый цифровой методический конструктор позволяет реализовать идею педагогического дизайна новой образовательной программы,

основываясь на инструментарии машинного обучения нейросети, начиная от автоматизированного анализа исходных данных, извлекаемых из корпуса прагматических текстов, выстраивания компетентностно ориентированных результатов обучения до создания онтологии предметных областей и генерации оценочных средств. В связи с этим мы наделяем данный конструктор аналитическими, прогностическими, проектировочными, контролирующими и регулируемыми функциями, совокупность которых призвана помочь сотрудникам вузов принимать обоснованные научно-методические, административно-управленческие и собственно дидактические решения.

В качестве перспектив исследования считаем возможным постановку задачи визуализации данных, представляющих индивидуальные достижения обучающихся в режиме реального времени в формате электронного портфолио.

Заключение

Описываемый в статье цифровой методический конструктор как инструмент педагогического дизайна позволяет частично автоматизировать и ускорить анализ актуальных требований рынка труда к представителям индустрии перевода и лингвистических услуг за счет использования технологий машинного обучения. В качестве потенциальных пользователей данного

цифрового продукта мы видим широкий круг субъектов: абитуриентов, обучающихся и выпускников вузов, соискателей вакансий, руководителей образовательных программ, работодателей и представителей рекрутинговых агентств.

Развитие описанного проекта видится в функционировании новой магистерской программы «Инженерно-лингвистические технологии переводческой деятельности» в Пермском национальном исследовательском политехническом университете, в открытии сетевых программ с вузами-партнерами в рамках консорциума технических университетов, в применении цифрового методического конструктора для проектирования образовательных продуктов по другим направлениям и профилям.

Список источников

1. Гавриленко Н.Н. Форсайт-сессия «Переводчик 2040» // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 4. С. 49–63. doi: 10.15593/2224-9389/2021.4.5
2. Carey J.O., Carey L., Dick W. The systematic design of instruction. New York, NY : Pearson Education, 1978.
3. Sarzhanova G.B., Bobesh R.S., Smagulova G.Z., Turkel A., Serikbayeva N.B. Instructional design of smart technology use in teacher digital educational environment // The Education and Science Journal. 2023. № 25 (9). P. 197–230. doi: 10.17853/1994-5639-2023-9-12-45
4. Merrill M.D., Drake L., Lacy M.J. Reclaiming instructional design // Educational Technology. 1966. Vol. 36 (5). P. 5–7.
5. Reiser R.A. A History of Instructional Design and Technology: Part I: A History of Instructional Media // Educational Technology Research and Development. 2001. Vol. 49, № 1. P. 53–64.
6. Molenda, M.H. History and Development of Instructional Design and Technology // Handbook of Open, Distance and Digital Education. Springer, Singapore, 2022. doi: 10.1007/978-981-19-0351-9_4-1
7. Briggs L.J. Instructional design: Principles and applications. Englewood Cliffs, New Jersey, USA : Educational Technology Publication Inc., 1977. 532 p.
8. Токтарова В.И., Ребко О.В. Интеграция искусственного интеллекта в работу педагога: инструменты для педагогического дизайна и разработки образовательных продуктов // Информатика и образование. 2024. № 39 (1). С. 9–21. doi: 10.32517/0234-0453-2024-39-1-9-21
9. Palina A.A., Tieuzhanova G.K., Sarzhanova G.B. Pedagogical technology of constructing professional identity of pre-service foreign language teachers // The Education and Science Journal. 2023. № 25(9). P. 84–107. doi: 10.17853/1994-5639-2023-1-80-103
10. Чернобай Е.В., Корешникова Ю.Н. Педагогический дизайн: что общего и что особенного? // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. № 5 (78). С. 177–190.
11. Вайндорф-Сысоева М.Е., Воробчикова Е.О. «Педагогический дизайн» как системообразующая категория: подходы и определения // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 1 (42). doi: 10.26795/2307-1281-2023-11-1-3
12. Заир-Бек Е.С. Основы педагогического проектирования пособие для студентов педагогического бакалавриата, педагогов-практиков. СПб.: Просвещение, 1995. 234 с.
13. Абызова Е.В. Педагогический дизайн: понятие, предмет, основные категории // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 3. С. 12–16.
14. Токтарова В.И., Михеева Д.А. Педагогический дизайн и цифровое проектирование: принципы, модели, инструменты // Приоритетные направления психолого-педагогической деятельности в современной образовательной среде : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2021. С. 61–67.
15. Spatioti A.G., Kazanidis I., Pange J. A comparative study of the ADDIE instructional design model in distance education // Information. 2022. № 13(9). Art. no. 402. doi: 10.3390/info13090402
16. Tsai K.H., Wang T.I., Hsieh T.C. Dynamic computerized testlet-based test generation system by discrete PSO with partial course ontology // Expert Systems with Applications. 2010. Vol. 37, № 1. P. 774–786. doi: 10.1016/j.eswa.2009.05.090
17. Гимашева К.В., Гладких Е.А., Чуприна С.И. Унифицированное применение методов онтологического инжиниринга в задачах обработки текстовых данных // Вестник Пермского университета. Математика. Механика. Информатика. 2022. № 3(58). С. 49–58. doi: 10.17072/1993-0550-2022-3-49-58
18. Холодная М.А., Гельфман Э.Г. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М. : Институт психологии РАН, 2016. 200 с.
19. Alomari S., Abdullah S. Improving an AI-Based Algorithm to Automatically Generate Concept Maps // Computer and Information Science. 2019. № 12 (4). P. 72–83.
20. Кожевников В.А., Сабинин О.Ю. Система автоматической проверки ответов на открытые вопросы на русском языке // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Информатика. Телекоммуникации. Управление. 2018. Т. 11, № 3. P. 57–72. doi: 10.18721/JCSTCS.11306

References

1. Gavrilenco, N.N. (2021) Foresight session "Translator 2040" [Foresight session "Translator 2040"]. *Vestnik PNIU. Problemy iazykoznanii i pedagogiki*. 4. pp. 49–63. doi:10.15593/2224-9389/2021.4.5
2. Carey, J.O., Carey, L. & Dick, W. (1978) *The systematic design of instruction*. New York: Pearson Education.
3. Sarzhanova, G.B., Bobesh, R.S., Smagulova, G.Z., Turkel, A. & Serikbayeva, N.B. (2023) Instructional design of smart technology use in teacher digital educational environment. *The Education and Science Journal*. 25 (9). pp. 197–230. doi:10.17853/1994-5639-2023-9-12-45
4. Merrill, M.D., Drake, L. & Lacy, M.J. (1966) Reclaiming instructional design. *Educational Technology*. 36 (5). pp. 5–7.
5. Reiser, R.A. (2001) A history of instructional design and technology: Part I: A history of instructional media. *Educational Technology Research and Development*. 49 (1). pp. 53–64.
6. Molenda, M.H. (2022) History and development of instructional design and technology. In: *Handbook of open, distance and digital education*. Singapore: Springer. doi:10.1007/978-981-19-0351-9_4-1
7. Briggs, L.J. (1977) *Instructional design: Principles and applications*. Englewood Cliffs: Educational Technology Publication Inc.

8. Toktarova, V.I. & Rebko, O.V. (2024) Integratsiia iskusstvennogo intellekta v rabotu pedagoga: instrumenty dlia pedagogicheskogo dizaina i razrabotki obrazovatel'nykh produktov [Integration of artificial intelligence into teacher work: Tools for instructional design and educational product development]. *Informatika i obrazovanie*. 39 (1). pp. 9–21. doi:10.32517/0234-0453-2024-39-1-9-21
9. Palina, A.A., Tleuzhanova, G.K. & Sarzhanova, G.B. (2023) Pedagogical technology of constructing professional identity of pre-service foreign language teachers. *The Education and Science Journal*. 25 (9). pp. 84–107. doi:10.17853/1994-5639-2023-1-80-103
10. Chernobai, E.V. & Koresnikova, Iu.N. (2021) Pedagogicheskii dizain: chto obshchego i chto osobennogo? [Instructional design: What is common and what is special?]. *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika*. 5 (78). pp. 177–190.
11. Vaindorf-Sysoeva, M.E. & Vorobchikova, E.O. (2023) "Pedagogicheskii dizain" kak sistemoobrazuiushchaia kategoriia: podkhody i opredeleniia ["Instructional design" as a system-forming category: Approaches and definitions]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 11 (1). doi:10.26795/2307-1281-2023-11-1-3
12. Zair-Bek, E.S. (1995) *Osnovy pedagogicheskogo proektirovaniia posobie dlia studentov pedagogicheskogo bakalavriata, pedagogov-praktikov* [Fundamentals of instructional design: A manual for pedagogical bachelor students and practicing teachers]. St. Petersburg: Prosveshchenie.
13. Abyzova, E.V. (2010) Pedagogicheskii dizain: poniatie, predmet, osnovnye kategorii [Instructional design: Concept, subject, and main categories]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 12–16.
14. Toktarova, V.I. & Mikheeva, D.A. (2021) [Instructional design and digital design: Principles, models, tools]. *Prioritetnye napravleniia psikhologo-pedagogicheskoi deiatel'nosti v sovremennoi obrazovatel'noi srede* [Priority areas of psychological and pedagogical activity in the modern educational environment]. Conference Proceedings. Yoshkar-Ola. pp. 61–67. (In Russian).
15. Spatioti, A.G., Kazanidis, I. & Pange, J. (2022) A comparative study of the ADDIE instructional design model in distance education. *Information*. 13 (9). Art. no. 402. doi:10.3390/info13090402
16. Tsai, K.H., Wang, T.I. & Hsieh, T.C. (2010) Dynamic computerized testlet-based test generation system by discrete PSO with partial course ontology. *Expert Systems with Applications*. 37 (1). pp. 774–786. doi:10.1016/j.eswa.2009.05.090
17. Gimasheva, K.V., Gladkikh, E.A. & Chuprina, S.I. (2022) Unifitsirovannoe primeneniie metodov ontologicheskogo inzhiniringa v zadachakh obrabotki tekstovykh dannykh [Unified application of ontological engineering methods in textual data processing tasks]. *Vestnik Permskogo universiteta. Matematika. Mekhanika. Informatika*. 3 (58). pp. 49–58. doi:10.17072/1993-0550-2022-3-49-58
18. Kholodnaia, M.A. & Gelfman, E.G. (2016) *Razvivaiushchie uchebnye teksty kak sredstvo intellektual'nogo vospitaniia uchashchikhsia* [Developmental educational texts as a means of intellectual education for students]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
19. Alomari, S. & Abdullah, S. (2019) Improving an AI-based algorithm to automatically generate concept maps. *Computer and Information Science*. 12 (4). pp. 72–83.
20. Kozhevnikov, V.A. & Sabinin, O.Iu. (2018) Sistema avtomaticheskoi proverki otvetov na otkrytye voprosy na russkom iazyke [Automatic system for checking answers to open-ended questions in Russian]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Informatika. Telekommunikatsii. Upravlenie*. 11 (3). pp. 57–72. doi:10.18721/JCSTCS.11306

Информация об авторах:

Аликина Е.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой Иностранные языки, лингвистика и перевод Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: elenaalikina@yandex.ru. SPIN-код: 3661-9551. ORCID: 0000-0002-0908-1818

Мальцев Д.В. – канд. техн. наук, начальник отдела обеспечения учебного процесса учебно-методического управления Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: mdv@pstu.ru. SPIN-код: 5484-9395. ORCID: 0000-0001-5503-8784

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Alikina, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Foreign Languages, Linguistics and Translation Department, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: elenaalikina@yandex.ru. SPIN: 3661-9551. ORCID: 0000-0002-0908-1818

D.V. Maltsev, Cand. Sci. (Engineering), head of the Educational Process Support Office, Educational and Methodological Department, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: mdv@pstu.ru. SPIN: 5484-9395. ORCID: 0000-0001-5503-8784

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024;
одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 02.07.2024;
approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/508/22

Нечетко-логический подход к оценке деятельности организаций высшего образования

Аброр Давлатмирзоевич Аскаргов¹, Алмаз Мирзанурович Галимов², Надежда Бисеновна Жиенбаева³

¹ Образовательный университет Ренессанс, Ташкент, Узбекистан, 2007-abror@mail.ru

² Казанский федеральный университет, Казань, Россия, almazga@rambler.ru

³ Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Казахстан, zh_nadejda@mail.ru

Аннотация. Обсуждаются сущность, алгоритмические этапы и условия оптимизации множеств правил нечеткого моделирования, которые могут широко использоваться в высшем образовании в рамках технологической архитектуры профессионального развития кадров. Разработана нечеткая модель оценки качества деятельности организации высшего образования на основе алгоритма Мамдани и обоснована возможность ее применения в управлении деятельностью вуза. Доказано, что иерархическое множество нечетких моделей позволяет оценить качество основных направлений деятельности университета и сформулировать объективные выводы для принятия управленческих решений.

Ключевые слова: менеджмент качества, объективность, нечеткая логика, модель, качество образования, алгоритм Мамдани

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Казахского национального педагогического университета им. Абая (договор № 0.1.1.55-15/276/24 от 05.08.2024 г.).

Для цитирования: Аскаргов А.Д., Галимов А.М., Жиенбаева Н.Б. Нечетко-логический подход к оценке деятельности организаций высшего образования // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 202–210. doi: 10.17223/15617793/508/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/22

Fuzzy logic approach to assessing the activities of higher education organizations

Abror D. Askarov¹, Almaz M. Galimov², Nadezhda B. Zhiyenbayeva³

¹ Renaissance Educational University, Tashkent, Uzbekistan, 2007-abror@mail.ru

² Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, almazga@rambler.ru

³ Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, zh_nadejda@mail.ru

Abstract. Ensuring the objectivity of assessing the quality of education in universities and increasing the efficiency of their activities still remains a pressing scientific and practical problem. In this regard, the article discusses the essence, algorithmic stages and conditions for optimizing sets of fuzzy modeling rules that can be widely used in higher education within the framework of the technological architecture of professional development of personnel. The aim of the study is to develop and justify the management approach to applying a fuzzy model for assessing the quality of activities of a higher education organization based on the Mamdani algorithm. At the first stage of the study, a fuzzy model for quality assessment was proposed, including six areas of activity in the university: (1) regulatory framework for management, quality of decision-making; (2) quality of potential and professional development of the teaching staff; (3) content and validity of training, quality of organizational processes of educational activities; (4) the level of material and technical base, infrastructure, technological support; (5) quality of international cooperation; (6) level of knowledge, professional training of students and recognition. At the second stage of the study, based on the expert assessment method, the parameters and criteria for assessing the quality of education in an educational organization of higher education were determined. At the third stage of the study, an algorithm for optimizing the rules was developed based on the following principles: (1) comparison of intermediate values, (2) prevalence of large elements, (3) comparison of the output element, (4) reduction of uniformity, (5) expert assessment. At the fourth stage, the efficiency of the algorithm for optimizing the rule base for processing quality assessment parameters was assessed based on the Matlab software product. The accuracy and reliability of the indicators identified using fuzzy models were studied by comparing them with the values determined by the arithmetic mean method. For this purpose, the statistical method of the Mann–Whitney U-criterion was used. As a result of the study, a new management approach was proposed for using fuzzy logic in the quality assessment system of an educational organization, consisting of the following stages: determining the evaluation coefficient for each indicator in accordance with the linguistic criterion; determining the priority of the selected quality parameters; forming a rule base taking into account the priority level of the corresponding parameters; optimization of rules based on algorithmic principles of comparison of intermediate values, prevalence of large elements, comparison of the output element, reduction of uniformity, application of expert opinion. It has been

proven that a hierarchical set of fuzzy models, developed on the basis of fuzzy logic theory using the Mamdani algorithm, allows assessing the quality of the main areas of the university's activities and formulate objective conclusions for making management decisions.

Keywords: quality management, objectivity, fuzzy logic, model, quality of education, Mamdani algorithm

Financial support: The study was carried out with the financial support of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai (agreement No. 0.1.1.55-15/276/24 dated 08/05/2024).

For citation: Askarov, A.D., Galimov, A.M. & Zhiyenbayeva, N.B. (2024) Fuzzy logic approach to assessing the activities of higher education organizations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 202–210. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/22

Введение

Качество высшего образования выступает одним из основных факторов, определяющих стратегию развития общества, а также необходимым компонентом превосходства в мировой конкурентной борьбе. В условиях нарастающего влияния высшего образования на экономику и общественную жизнь качество образования становится как предметом научного обсуждения, так и фактором повышения эффективности образовательных процессов. В течение последних 2–3 десятилетий многие ведущие мировые высшие учебные заведения перешли к практике использования стандартных моделей управления качеством на основе принципов всеобщего управления качеством. Это позволило им совершенствовать процессы коммуникации, принятия решений и стратегического развития.

В настоящее время особое внимание уделяется исследованиям в области создания динамической организационно-управленческой структуры системы менеджмента качества. Такая структура направлена на обеспечение целостности функций управленческого цикла и взаимного соответствия критериев и методологий оценки качества. При этом на новом уровне возникают проблемы удовлетворения требований и потребностей рынка труда, нормативного обеспечения процессов взаимодействия, мониторинга и оценки эффективности преподавательской деятельности и др. По мере развития систем менеджмента качества в образовательных организациях становится очевидным, что качество образования в основном зависит от степени удовлетворения ожиданий и потребностей основных заинтересованных сторон. Другими словами, управленческие решения в образовательных организациях должны приниматься на основе различных фактов, имеющих отношение к желаниям и потребностям клиентов. Следовательно, для обеспечения точности административных, структурных, технических и других решений по управлению качеством информационная среда университета должна включать сбор, обработку и распространение необходимого набора информации субъектам сферы образования. Когда дело доходит до достижения желаемых результатов в области качества образования, надежность, объективность, точность и своевременное распространение информации имеют большое значение.

Сегодня существует множество наборов методов и инструментов для сбора, анализа и оценки управленческой информации, большинство из которых сосредоточено исключительно на использовании статистических

данных. Такие методы недостаточны в сфере образования, поскольку они не учитывают взгляды, мнения или предложения заинтересованных сторон.

Как правило, для представления требований субъектов образовательной деятельности к качеству профессиональной подготовки выпускников вузов используются лингвистические переменные, описанные в терминах естественного языка, т.е. нечеткого языка. В таких случаях применяются методы нечеткого моделирования, развивающегося в рамках прикладной математики. Этот тип моделирования лучше подходит для социальных областей, включая образовательную деятельность. Он позволяет переводить качественные характеристики, отраженные в лингвистической и вербальной информации, в количественные показатели.

В то же время недостаточность исследований применения методов нечеткого моделирования для решения вопросов в области контроля качества образования и управления вузами, а также практическая значимость результатов таких исследований для системы высшего образования обусловили актуальность нашего исследования.

Цель настоящего исследования – разработка и обоснование подхода разработки нечеткой модели оценки качества деятельности организации высшего образования на основе алгоритма Мамдани. Для достижения этой цели следует определить алгоритм оценки критериев качества образования на основе нечеткой логики, составить иерархию нечетких моделей оценки качества по ключевым видам деятельности, предложить коэффициенты оценки показателей по соответствующим лингвистическим переменным, а также определить последовательность работ с учетом принципов оптимизации баз правил.

Обзор литературы

Основу нечеткого моделирования составляют правила, которые представляют эмпирическую информацию или предметную экспертизу в области исследуемой проблемы [1]. При этом целью нечеткой логики является моделирование мыслительных процессов человека путем ввода событий или процессов в алгоритмы, которые состоят из правил типа ЕСЛИ «утверждение», ТО «результат». По этому поводу А. Пегат пишет, что «у людей действительно есть история формирования мнений об определенных обстоятельствах и поведения в соответствии с предыдущими представлениями, основанными на неясных или неоднозначных фактах» [2].

Естественно, что и в педагогике проводятся эксперименты для оценки элементов образовательных процессов с использованием данного подхода. В частности, З.Я. Вирьянский и С.О. Шапошников [3] использовали возможности этой модели для оценки формирования компетенций в ходе образовательного процесса. М.В. Марданов использовал содержательные компоненты модели нечеткой логики для подготовки профессорско-преподавательского состава в сфере образования [4]. А.И. Митин и Т.А. Филичева использовали ее для разработки информационно-аналитических систем мониторинга качества образовательных услуг [5]. И.Д. Рудинский применил возможностей этой модели для формально-структурного описания, исследования и организации педагогического тестирования знаний [6]. Исследование Б.Ш. Усманова [7] сосредоточено на использовании нечетко-логических методов в процессах управления и оценки научной и инновационной деятельности с целью внедрения кластерных подходов в процесс интеграции образования, науки и производства в инновационном развитии вузов.

Изучая теоретические основы разработки и опыт практического применения педагогических технологий оценки качества образования в высшей школе на основе инструментов и методов нечеткого моделирования, Н.В. Исмаилова [8] выделяет ряд противоречий:

а) между необходимостью обеспечения гарантированного вузом уровня качества образования, с одной стороны, и дефицитом инструментов и процедур оценки эффективности образовательного процесса – с другой;

б) между необходимостью использования количественных мер оценки качества образования и отсутствием признанных широким профессиональным сообществом методик обработки и анализа данных;

в) между требованиями использовать информационные технологии для комплексного, объективного измерения образовательных результатов и неразвитостью оценочных инструментов, позволяющих диагностировать эффективность высшего профессионального образования.

Действительно, использование нечетких технологий в управлении качеством образования в вузе становится все более необходимым в связи с ростом информационных технологий и автоматизации, быстрым развитием педагогических технологий, изменениями приоритетов заинтересованных сторон и др.

Требования к модернизации технологий принятия управленческих решений, связанных с архитектурой информационно-образовательной среды, математическим моделированием, оценкой и мониторингом качества образовательного процесса, изучены и научно обоснованы в трудах таких ученых, как У.С. Бегимкулов [9], А.Р.С. Chan [10], А.М. Галимов [11], J. Matthews [12], К. Siakas [13], И.В. Соловьев, С.В. Филатов [14], М.М. Вахобов [15].

Анализ литературы позволил выявить достаточно большое количество примеров разработки и апробации в университетах систем управления качеством образования с применением элементов нечеткого моделирования. Однако применимость методов нечеткого моде-

лирования в процессах принятия управленческих решений, внесения регулярных коррективов в систему управления вузом, модернизации практической деятельности на основе широкого круга показателей остается еще недостаточно обоснованной.

Действие математического моделирования неявных данных для создания моделей называется нечетким множеством. Суть этой концепции заключается в том, что элементы, составляющие определенный набор с общим свойством с разной степенью, принадлежат к этому множеству в разной степени. Следовательно, при таком подходе важно, насколько сильно данный элемент удовлетворяет свойствам множеств, а не просто принадлежит к ним [16].

В этих условиях механизм логического вывода обычно проходит следующие четыре этапа: введение нечеткости (фаззификация), нечеткий вывод, композиция, приведение к ясности, или дефаззификация. Здесь фаззификация – это путь к нечеткости. Она заключается в получении значения функции принадлежности для нечетких терминов на основе информации о четко определенных начальных образовательных параметрах. Фаззификация переменных для нечеткой системы, касающейся параметров контроля качества образования, является важным этапом в процессе ее внедрения. Обычно предполагается, что специфику этого этапа будут определять квалифицированные специалисты и эксперты в области высшего образования.

Этап фаззификации позволяет определить лингвистические переменные, задать количество лингвистических терминов, присвоить числовое значение каждому нечеткому термину, т.е. определить функцию принадлежности.

Дефаззификация – это заключительный этап, который включает в себя процесс достижения точности, т.е. все исходящие лингвистические переменные получают точное значение.

В настоящее время наиболее часто используются нечеткие системы Мамдани и Сугено [17–19]. В системах типа Мамдани база знаний состоит из правил вида: «Если x_1 = низкий и x_2 = средний, то y = высокий». В системах типа Сугено база знаний состоит из правил вида: «Если x_1 = низкий и x_2 = средний, то $y = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2$ ». Очевидно, что основное отличие между системами Мамдани и Сугено заключается в способах задания значений выходной переменной. Преимущество моделей типа Мамдани заключается в том, что правила базы знаний являются прозрачными и интуитивно понятными, тогда как для моделей типа Сугено не всегда ясно, какие линейные зависимости «входы–выходы» необходимо использовать.

Методы исследования

В ходе настоящего исследования были использованы методы изучения и анализа научно-методических источников в областях менеджмента качества высшего образования и математического моделирования.

На основе метода проектирования была разработана иерархическая структурная модель нечетких параметров оценки направлений деятельности вуза и контроля качества образования.

Для определения направлений деятельности вуза, по которым целесообразно проведение оценки качества в рамках нечеткой логики, мы выделили такие компоненты управления университетом, как концептуальные и стратегические планы развития, целевые показатели развития системы высшего образования, аналитические показатели внешнего контроля организации, параметры национальных и международных рейтингов, параметры эффективного контракта с сотрудниками, образовательные стандарты и т.д.

На основе метода экспертной оценки были определены направления, параметры и критерии оценки качества образования в образовательной организации высшего образования. В качестве экспертов были привлечены 38 представителей менеджмента верхнего и среднего уровней таких вузов, как Образовательный университет Ренессанс (Ташкент, Узбекистан); Казанский федеральный университет (Казань, Россия); Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан).

Для экспертов была сформирована анкета, охватывающая показатели и критерии оценки по 6 направлениям деятельности образовательных организаций высшего образования: нормативно-правовые основы управления, качество принятия решений; качество потенциала и профессионального развития профессорско-преподавательского состава; содержание и обоснованность обучения, качество организационных процессов учебной деятельности; уровень материально-технической базы, инфраструктуры, технологического обеспечения; качество международного сотрудничества; уровень знаний, профессиональная подготовка студентов и признание. Решение о включении или исключении конкретных показателей и критериев оценки принималось на основе простого большинства ответов «да», где «да» означает включать, «нет» – не включать.

Оценка эффективности алгоритма оптимизации базы правил обработки параметров оценки качества

осуществлялась на основе программного продукта Matlab. Для этого FIS-файлы с автоматической формулировкой множества правил по каждому лингвистическому критерию вводились в программу Matlab. Полученные в результате графические изображения поверхности зависимостей показывали влияние входных переменных на значение выходной переменной, доказывая или опровергая эффективность алгоритма оптимизации.

Результаты исследования и обсуждение

В целом, в соответствии с А.Р. Марахимовым [20], правило нечеткости параметров, связанных с качеством образования, может быть выражено в следующем виде:

$$(i): Q; P; A \Rightarrow B, \quad (1)$$

где (i) – имя нечеткого правила; Q – сфера применения нечеткого правила; P – условие применимости ядра нечеткого правила; $A \Rightarrow B$ – ядро нечеткого правила, в котором A – условие ядра, B – заключение ядра, $\Rightarrow$ – знак логического следования.

Если в классической логике используется в основном одна форма логической импликации, то в нечеткой логике таких импликаций может быть достаточно много. В этом случае должны быть выполнены следующие условия:

- в базе правил нечеткого вывода должно быть по крайней мере одно правило, которое использует любой термин из входной переменной в качестве требования;
- в базе правил нечеткого вывода должно быть по крайней мере одно правило для каждого лингвистического слова из выходной переменной.

В противном случае база нечетких правил будет неполной. Следовательно, механизм логического вывода относительно параметров, связанных с качеством образования, осуществляется по следующей схеме (рис. 1).

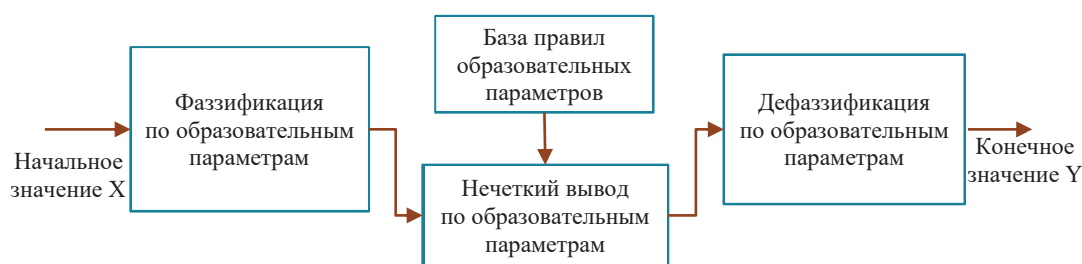

Рис. 1. Алгоритм оценки критериев качества образования на основе нечеткой логики

Для формирования нечеткой модели оценки качества образования было выделено шесть направлений деятельности в вузе: 1) нормативно-правовые основы управления, качество принятия решений; 2) качество потенциала и профессионального развития профессорско-преподавательского состава; 3) содержание и обоснованность обучения, качество организационных процессов учебной деятельности; 4) уровень материально-технической базы, инфраструктуры, технологического обеспечения; 5) качество международного сотрудничества; 6) уровень

знаний, профессиональная подготовка студентов и признание.

В рамках указанных направлений были определены 21 параметр качества и 85 показателей, которые позволяют проводить раздельную оценку и обобщение областей контроля качества. Их отбор на основе строгой принадлежности служит систематическому внедрению процессов мониторинга.

При определении этих направлений мы исходили из основных компонентов, которые включают в себя задачи по управлению университетом, такие как концептуальные и стратегические планы, целевые

показатели развития системы высшего образования, аналитические направления по аттестации образовательных учреждений, параметры национальных и международных рейтингов, параметры надбавки к заработной плате, стандарты и требования образования и т.д.

Полученные результаты были помещены в 28 моделей, разработанных в ходе исследования на основе нечетких методов оценки педагогического объекта. По всем моделям было определено состояние уровня качества оцениваемых объектов.

На основе всех вышеуказанных положений нами была предложена иерархия нечетких моделей для оценки направлений и параметров контроля качества (рис. 2). Она демонстрирует логику формирования нечетких моделей, состоящих из отдельных частей по каждому направлению и параметрам качества образования.

Применение нечеткой логики в системе оценки качества образования в вузе на основе предложенной нами модели предполагает выполнение определенной последовательности работ.

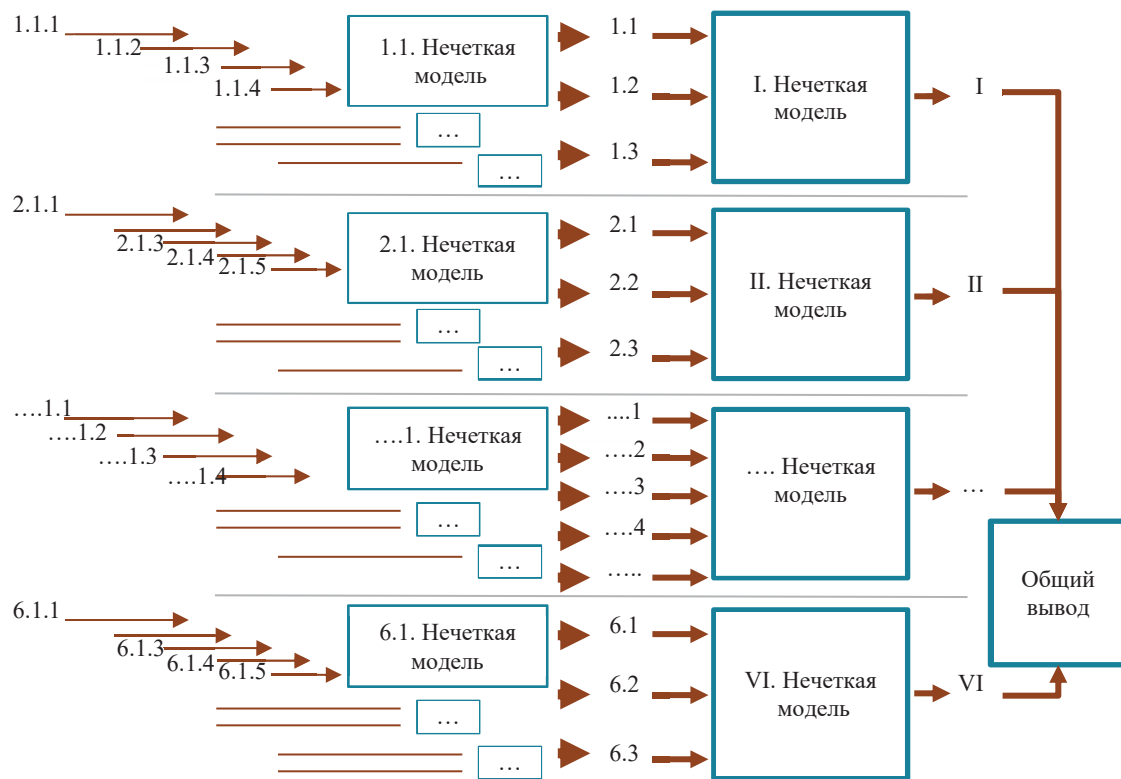

Рис. 2. Иерархия нечетких моделей для оценки направлений и параметров качества образования

Коэффициенты оценки показателя по соответствующему лингвистическому критерию

Порядковый номер критерия	Лингвистический критерий	Коэффициент оценки
1	Плохо	0–0,3
2	Неудовлетворительно	0,3–0,6
3	Средне	0,6–0,8
4	Хорошо	0,8–0,9
5	Отлично	0,9–1

Вначале следует определить оценочный коэффициент в соответствии с лингвистическим критерием для каждого показателя. Например, в рамках эксперимента оценочный коэффициент для параметра «качество организационных процессов учебной деятельности» нами был определен следующим образом (таблица).

Далее следует уточнить уровень приоритетности соответствующих параметров. Определение уровня приоритета заключается в отображении в цифрах степени отличия одного параметра от другого. То есть надо найти ответ на вопрос: является ли один параметр более значимым, чем другой, и по какому показателю он выше? Главное здесь – быстрое и эффективное формирование

приоритетов. Это достигается с использованием возможностей процесса анализа иерархий.

В дальнейшем формируется база данных правил с учетом уровня приоритетности соответствующих параметров. Множество оценок, относящееся к показателям, упорядоченным по значению приоритета в соответствии с лингвистическим критерием, рассчитывается по формуле

$$\{x_{ij}\} = a_i * b_j, i = \overline{1, n}, j = \overline{1, m}.$$

Сумма значений в множестве оценок (в количестве m^n), в свою очередь, рассчитывается с использованием $\sum_1^j x_{ij}$.

Условия проверки этой суммы можно определить, установив средний диапазон значений коэффициента оценки.

Для оценки эффективности предложенного алгоритма оптимизации правил нами был применен программный продукт Matlab, в который поместили полученные FIS-файлы с автоматической формулировкой множества правил по каждому лингвистическому критерию. Программа Matlab позволила нам представить

в графическом виде поверхности зависимостей, показывающие влияние входных переменных на значение выходной переменной.

На рис. 3 на примере параметра «Регламентирующие документы о деятельности» представлены поверхности зависимостей, показывающие влияние входных переменных на значение выходной переменной.

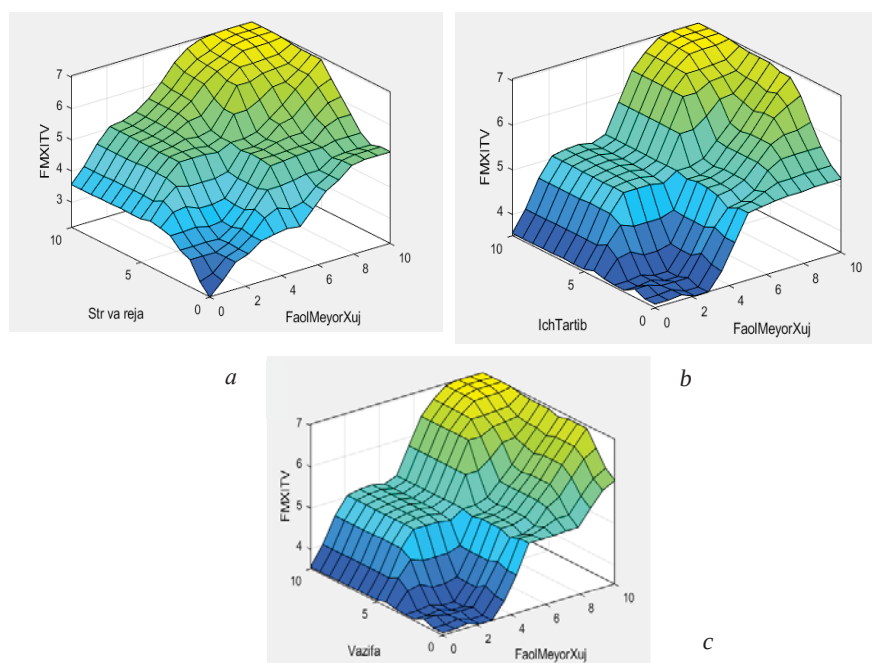

Рис. 3. Диаграммы поверхностей зависимостей, показывающие влияние входных переменных на значение выходной переменной (a, b, c – критерии одного параметра)

Необходимо сказать, что в процессах оценки педагогических объектов с использованием методов нечеткой логики существует риск увеличения количества правил. Известно, что если мы определим количество показателей, относящихся к одному параметру, как n , и оценим их на основе m критериев, выполнив циклы разделения, каждый из которых отличается по меньшей мере на один элемент, то, согласно правилу, количество множеств будет равно $A_m^n = m^n$. Увеличение количества показателей и принятие еще большего значения n и, соответственно, количества критериев оценки m также приведет к увеличению количества правил. Это негативно влияет на быстроту и качество выполнения общего процесса оценки, а также на внедрение автоматизации процессов менеджмента качества. Поэтому на следующем этапе работ необходимо максимально оптимизировать количество правил в зависимости от фактического состояния.

К сожалению, в научно-методической литературе отсутствуют рекомендации по технологии оптимизации базы правил в процессе оценки педагогического объекта при использовании подходов нечеткой логики. В связи с этим нами был составлен алгоритм оптимизации правил на основе следующих принципов: 1) сопоставление промежуточных значений; 2) преобладание крупных элементов; 3) сопоставление выходного

элемента; 4) снижение единообразия; 5) экспертная оценка. Следовательно, на следующем этапе оценки качества образования методом фаззи-технологий осуществляется оптимизация правил перевода лингвистических описаний в строгие количественные значения на основе вышеперечисленных принципов.

Таким образом, описанный алгоритм оптимизации базы правил оценки качества образования позволил сократить общее количество правил на 70% и избежать необоснованного увеличения количества правил. Полученные результаты были помещены в 28 моделей, разработанных в ходе исследования на основе нечетких методов оценки педагогического объекта.

Точность и достоверность показателей, выявленных с использованием нечетких моделей, изучались путем сравнения их со значениями, определенными методом среднего арифметического. Для этого применялся статистический метод U-критерия Манна-Уитни. В этом методе если $U_{\text{эмп}} < U_{\text{кр}} (0,05)$ и $U_{\text{эмп}} < U_{\text{кр}} (0,01)$, то подтверждается приемлемость разницы между выборками, в противном случае ($U_{\text{эмп}} < U_{\text{кр}} (0,05)$ и $U_{\text{эмп}} > U_{\text{кр}} (0,01)$ или $U_{\text{эмп}} > U_{\text{кр}} (0,05)$ и $U_{\text{эмп}} > U_{\text{кр}} (0,01)$) приемлемость разницы между выборками отвергается. Полученные выборки были признаны приемлемыми, что подтвердило достоверность показателей, выявленных с использованием нечетких моделей.

Дискуссия

Алгоритм Мамдани, который рассматривается как системный подход и метод теории нечеткой логики, несомненно, обладает высоким потенциалом для разработки модели оценки качества организации и реализации образовательных процессов в вузах. Однако его применение требует вовлечения в процедуру оценки эффективности деятельности вуза экспертов – специалистов высокого уровня, что может вызвать дополнительные организационные сложности в образовательных организациях. Тем не менее, если необходимо погрузиться вглубь процессов в образовательной организации, без экспертной оценки не обойтись. По этому поводу Ю.А. Малюков, А.О. Недосекин, З.И. Абдулаева [21] пишут, что «чем имплицитнее факторы, чем тяжелее их собирать – тем большие на них можно возложить надежды».

Еще одним аспектом, усложняющим применение нечетких моделей при оценке качества высшего образования, является необходимость учета специфики и особенностей деятельности конкретного вуза. Специфика вуза может влиять на цели его деятельности, что, в свою очередь, будет определять различные условия применения модели и критерии оценки качества. Следовательно, оценивать эффективность деятельности вузов стоило бы по-разному. Возможно, предложенный в настоящей работе подход может попасть под критику научно-академического сообщества из-за отсутствия вариативности. Можно было бы, например, использовать предложенную Г.Н. Мотовой [22] методику кластеризации вузов в формате таблиц лиг по данным мониторинга. Однако это не входило в круг задач на данном этапе исследования.

Еще одним дискуссионным вопросом остается возможность применения предложенного подхода для прогнозирования развития образовательной организации. Конечно, можно было бы добавить в описанную нами модель вероятностную составляющую. В научно-практической литературе есть такие работы. Например, Ю.А. Дорофеева, К.В. Правдин и В.И. Михайлов [23] предлагают

вероятностную модель прогнозирования эффективности образовательного процесса в вузе на примере учета дополнительных образовательных технологий. Это интересная тема для дальнейших исследований.

Выводы

В рамках настоящего исследования проведен анализ научно-методической литературы на предмет теории и практики применения нечетких технологий для оценки параметров контроля качества образования. Выяснено, что наиболее подходящим для разработки нечеткой модели оценки качества деятельности организации высшего образования является алгоритм Мамдани. Определено, что использование моделей, разработанных с использованием алгоритма Мамдани, позволяет формализовать различные направления и соответствующие показатели контроля качества.

Предложен авторский подход применения нечеткой логики в системе оценки качества образования в вузе, состоящий из следующих этапов:

- определение оценочного коэффициента для каждого показателя в соответствии с лингвистическим критерием;
- определение приоритетности выбранных параметров качества;
- формирование базы правил с учетом уровня приоритетности соответствующих параметров;
- оптимизация правил на основе алгоритмических принципов сопоставления промежуточных значений, преобладания крупных элементов, сопоставления выходного элемента, снижения единообразия, применения экспертного заключения.

Использование алгоритма Мамдани, а также предложенный нами подход применения нечеткой логики на основе иерархии нечетких моделей в системе оценки качества образования в вузе позволяют оценивать каждое направление контроля качества. Такая модель имеет решающее значение для измерения факторов, влияющих на качество образования, оценки состояния результатов и формулирования объективных выводов для принятия управленческих решений.

Список источников

1. Волкова Т.Н., Исмаилова Н.В., Усманов С.М. Математическое моделирование в системе мониторинга качества образования // Обозрение прикладной и промышленной математики : тез. X Всерос. симпозиума по прикладной и промышленной математике. Сочи–Дагомыс, 2009. Т. 16, № 5. С. 825–826.
2. Пегат А. Нечеткое моделирование и управление. Адаптивные и интеллектуальные системы / пер. с англ. 2-е изд. М. : БИНОМ, Лаборатория знаний, 2013. 798 с.
3. Вирьянский З.Я., Шапошников С.О. Применение фаззи-технологий в менеджменте качества // XXII Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям (SCM-2019, С.-Петербург, 23–25 мая 2019 г. : сб. докл. СПб. : СПбГЭТУ «ЛЭТИ». С. 340–343.
4. Марданов М.В. Системообразующие компоненты содержания общепедагогической подготовки преподавателя вуза : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1999. 171 с.
5. Митин А.И., Филичева Т.А. Оценка качества образовательных услуг: моделирование на базе теории нечетких множеств и нечеткой логики // Оценка качества образовательных услуг. 2016. № 1. С. 3–20.
6. Рудинский И.Д. Подготовка специалистов в области формально-структурного описания, исследования и организации педагогического тестирования знаний: на примере специальности «Прикладная информатика в образовании» : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005. 265 с.
7. Усманов Б.Ш. Инновационное развитие интеграции высшего образования, науки и производства на основе кластерных подходов : дис. ... д-ра пед. наук. Ташкент, 2020. 260 с.
8. Исмаилова Н.В. Оценка качества образования в вузе средствами нечеткого моделирования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2012. 33 с.
9. Бегимкулов У.С. Теория и практика организации и управления информатизацией педагогических образовательных процессов : дис. ... д-ра пед. наук. Ташкент, 2007. 305 с.
10. Chan A.P.C., Chan A.P.L. Key performance indicators for measuring construction success. // Benchmarking: An International Journal. 2004. Vol. 11, is. 2. P. 203–221.
11. Галимов А.М. Адаптивное управление инновационным развитием вуза: концептуальные основы. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2019. 256 с.

12. Matthews J. Assessing Organizational Effectiveness: The Role of Performance Measures // *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. 2011. Vol. 81, is. 1. P. 83–110.
13. Siakas K. The Design of a Quality Assurance System in Higher Education – Selecting Key Performance Indicators // *Global Integration of Graduate Programmes IV (GIGP) International Conference*, 17th – 20th October 2007, Split, Croatia. Split, 2007. P. 68–75.
14. Соловьев И.В., Филатов С.В. Интегральные оценки качества образования // *Интеграция образования*. 2014. № 2 (75). С. 14–19.
15. Вахобов М.М. Совершенствование модели мониторинга качества обучения в системе общего среднего образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ташкент, 2016. 81 с.
16. Shtovba S.D. Ensuring the accuracy and transparency of the Mamdani fuzzy model when learning from experimental data // *Problems of Management and Informatics*. 2007. Vol. 4. P. 102–114.
17. Marakhimov A.R., Khudaibergenov K.K. Fuzzy MLP Approach for Recognizing Nonlinear Systems // *Modern Problems of Mathematics and Physics*. 2019. Vol. 65 (1). P. 44–53.
18. Mukeshimana K. Application of a fuzzy logic model to assess the quality of data transmission in industrial Internet of Things stores // *Computer Tools in Education*. 2019. Vol. 1. P. 29–42.
19. Усманов Б.Ш. Инновационное развитие интеграции высшего образования, науки и производства на основе кластерных подходов : дис. ... д-ра пед. наук. Ташкент, 2020. 260 с.
20. Marakhimov A.R., Sapaev M. Synthesis of control systems for dynamic objects based on fuzzy logic // *Chemical Technology. Control and Management*. 2009. Vol. 6. P. 53–59.
21. Малиюков Ю.А., Недосекин А.О., Абдулаева З.И. Анализ управленческих команд предприятия нечетко-логическими методами // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 3, № 11 (140), С. 39–45.
22. Мотова Г.Н., Наводнов В.Г. От институциональной аккредитации к мониторингу эффективности // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27, № 4. С. 9–21.
23. Дорофеева Ю.А., Правдин К.В., Михайлов В.И. Моделирование и прогнозирование эффективности образовательного процесса в университете // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 11 (137). С. 1–6.

References

1. Volkova, T.N., Ismailova, N.V., & Usmanov, S.M. (2009) Matematicheskoe modelirovanie v sisteme monitoringa kachestva obrazovaniya [Mathematical modeling in the system of education quality monitoring]. *Obzrenie prikladnoi i promyshlennoi matematiki*. 16 (5). pp. 825–826.
2. Pegat, A. (2013) *Nechetkoe modelirovanie i upravlenie. Adaptivnye i intellektual'nye sistemy* [Fuzzy modeling and control. Adaptive and intelligent systems]. Moscow: BINOM, Laboratoriya znaniy.
3. Vir'yanskii, Z.Ya., & Shaposhnikov, S.O. (2019) [Application of fuzzy technologies in quality management]. *XXII Mezhdunarodnaya konferentsiya po myagkim vychisleniyam i izmereniyam (SCM-2019)* [KSII International Conference on Soft Computing and Measurement (SCM-2019)]. Conference Proceedings. St. Petersburg: SPbGETU "LETI". pp. 340–343. (In Russian).
4. Mardanov, M.V. (1999) *Sistemobrazuyushchie komponenty sodержaniya obshchepedagogicheskoi podgotovki prepodavatelya vuza* [System-forming components of the content of general pedagogical training of a university teacher]. Pedagogics Cand. Diss. Kazan.
5. Mitin, A.I., & Filicheva, T.A. (2016) Otsenka kachestva obrazovatel'nykh uslug: modelirovanie na baze teorii nechetkikh mnozhestv i nechetkoi logiki [Assessment of the quality of educational services: modeling based on the theory of fuzzy sets and fuzzy logic]. *Otsenka kachestva obrazovatel'nykh uslug*. 1. pp. 3–20.
6. Rudinskii, I.D. (2005) *Podgotovka spetsialistov v oblasti formal'no-strukturnogo opisaniya, issledovaniya i organizatsii pedagogicheskogo testirovaniya znaniy* [Training specialists in the formal-structural description, research, and organization of pedagogical knowledge testing]. Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
7. Usmanov, B.Sh. (2020) *Innovatsionnoe razvitie integratsii vysshego obrazovaniya, nauki i proizvodstva na osnove klasternykh podkhodov* [Innovative development of the integration of higher education, science, and production based on cluster approaches]. Pedagogics Dr. Diss. Tashkent.
8. Ismailova, N.V. (2012) *Otsenka kachestva obrazovaniya v vuze sredstvami nechetkogo modelirovaniya* [Assessment of the quality of education in universities using fuzzy modeling]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Izhevsk.
9. Begimkulov, U.S. (2007) *Teoriya i praktika organizatsii i upravleniya informatizatsiei pedagogicheskikh obrazovatel'nykh protsessov* [Theory and practice of organizing and managing the informatization of pedagogical educational processes]. Pedagogics Dr. Diss. Tashkent.
10. Chan, A.P.C., & Chan, A.P.L. (2004) Key performance indicators for measuring construction success. *Benchmarking: An International Journal*. 11 (2). pp. 203–221.
11. Galimov, A.M. (2019) *Adaptivnoe upravlenie innovatsionnym razvitiem vuza: kontseptual'nye osnovy* [Adaptive management of innovative development of a university: conceptual foundations]. Kazan: KFU.
12. Matthews, J. (2011) Assessing Organizational Effectiveness: The Role of Performance Measures. *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. 81 (1). pp. 83–110.
13. Siakas, K. (2007) The Design of a Quality Assurance System in Higher Education – Selecting Key Performance Indicators. *Global Integration of Graduate Programmes IV (GIGP) International Conference*. pp. 68–75. Split.
14. Solov'ev, I.V., & Filatov, S.V. (2014) Integral'nye otsenki kachestva obrazovaniya [Integral assessments of the quality of education]. *Integratsiya obrazovaniya*. 2 (75). pp. 14–19.
15. Vakhobov, M.M. (2016) *Sovershenstvovanie modeli monitoringa kachestva obucheniya v sisteme obshchego srednego obrazovaniya* [Improving the model of monitoring the quality of education in the general secondary education system]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Tashkent.
16. Shtovba, S.D. (2007) Ensuring the accuracy and transparency of the Mamdani fuzzy model when learning from experimental data. *Problems of Management and Informatics*. 4. pp. 102–114.
17. Marakhimov, A.R., & Khudaibergenov, K.K. (2019) Fuzzy MLP Approach for Recognizing Nonlinear Systems. *Modern Problems of Mathematics and Physics*. 65 (1). pp. 44–53.
18. Mukeshimana, K. (2019) Application of a fuzzy logic model to assess the quality of data transmission in industrial Internet of Things stores. *Computer Tools in Education*. 1. pp. 29–42.
19. Usmanov, B.Sh. (2020) *Innovatsionnoe razvitie integratsii vysshego obrazovaniya, nauki i proizvodstva na osnove klasternykh podkhodov* [Innovative development of the integration of higher education, science, and production based on cluster approaches]. Pedagogics Dr. Diss. Tashkent.
20. Marakhimov, A.R., & Sapaev, M. (2009) Synthesis of control systems for dynamic objects based on fuzzy logic. *Chemical Technology. Control and Management*. 6. pp. 53–59.
21. Malyukov, Yu.A., Nedosekin, A.O., & Abdulaeva, Z.I. (2023) Analiz upravlencheskikh komand predpriyatiya nechetko-logicheskimi metodami [Analysis of enterprise management teams using fuzzy-logical methods]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 3:11 (140). pp. 39–45.
22. Motova, G.N., & Navodnov, V.G. (2018) Ot institutsional'noi akkreditatsii k monitoringu effektivnosti [From institutional accreditation to effectiveness monitoring]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 27 (4). pp. 9–21.
23. Dorofeeva, Yu.A., Pravdin, K.V., & Mikhailov, V.I. (2023) Modelirovanie i prognozirovaniye effektivnosti obrazovatel'nogo protsesssa v universitete [Modeling and forecasting the effectiveness of the educational process at a university]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 11 (137). pp. 1–6.

Информация об авторах:

Аскарров А.Д. – д-р пед. наук, проректор по научной работе и инновациям Образовательного университета Ренессанс (Ташкент, Узбекистан). E-mail: 2007-abror@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8374-8262

Галимов А.М. – д-р пед. наук, заместитель директора по образовательной деятельности Института психологии и образования Казанского федерального университета (Казань, Россия). E-mail: almazga@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-7911-4937

Жиенбаева Н.Б. – д-р психол. наук, профессор кафедры специального образования Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы, Казахстан). E-mail: zh_nadejda@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1868-2743

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.D. Askarov, Dr. Sci. (Pedagogics), vice-rector for scientific affairs and innovations, Renaissance Educational University (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: 2007-abror@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8374-8262

A.M. Galimov, Dr. Sci. (Pedagogics), deputy director for education, Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: almazga@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-7911-4937

N.B. Zhiyenbayeva, Dr. Sci. (Psychology), professor, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan). E-mail: zh_nadejda@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1868-2743

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.10.2024;
одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 31.10.2024;
approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 37:159.9:004(045)
doi: 10.17223/15617793/508/23

Педагогические подходы к регламентации допуска искусственного интеллекта в образовании

Юлия Владимировна Варданян¹, Людмила Валерьевна Варданян², Наталья Владимировна Рябова³,
Татьяна Ивановна Шукшина⁴

^{1, 2, 3, 4} Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия

¹ julia_vardanyan@mail.ru

² ljudmila_v@mail.ru

³ ryabovanv@bk.ru

⁴ tishukshina@yandex.ru

Аннотация. Охарактеризованы современные проблемы, возникающие при форсированной цифровизации образования. Сфокусировано внимание на усилении конкуренции между искусственным и естественным интеллектом, составлен прогноз возможных рисков выработки и реализации образовательной политики государства. Обоснованы педагогические подходы к регламентации допуска искусственного интеллекта в образовании с учетом возможного усиления его борьбы с естественным интеллектом при динамике цифровизации образования.

Ключевые слова: образование, цифровизация, интеллект, искусственный интеллект, развитие обучающихся, образовательная стратегия, образовательная политика, педагогический подход

Источник финансирования: грант вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет и Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева) на тему «Методология и технологии развития психологической безопасности обучающихся в интернет-среде» (руководитель – Ю.В. Варданян).

Для цитирования: Варданян Ю.В., Варданян Л.В., Рябова Н.В., Шукшина Т.И. Педагогические подходы к регламентации допуска искусственного интеллекта в образовании // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 211–220. doi: 10.17223/15617793/508/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/23

Pedagogical approaches to regulating the use of artificial intelligence in education

Yulia V. Vardanyan¹, Lyudmila V. Vardanyan², Natalia V. Ryabova³, Tatyana I. Shukshina⁴

^{1, 2, 3, 4} Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev, Saransk, Russian Federation

¹ julia_vardanyan@mail.ru

² ljudmila_v@mail.ru

³ ryabovanv@bk.ru

⁴ tishukshina@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to substantiate new pedagogical approaches to regulating the use of artificial intelligence in education with an increase in the pace and multiplication of aspects of digitalization. To achieve it, problems arising in the modern educational environment and its Internet segment are reviewed; risks for subjects of education are identified and characterized; new solutions using the increasing resource and technological possibilities of digitalization are presented. Based on a generalization of ideas about the current state of the problem reflected in publications, as well as research and teaching experience, the authors propose a forecast of the change in education with strengthening the trend of increasing competition between artificial and natural intelligence. With an optimistic forecast, the possibility of a significant improvement in the quality of education is assumed through the effective use of digital resources and technologies with a harmonious interaction of artificial and natural intelligence. With a pessimistic forecast, the possibility of significant problems may arise due to the uncontrolled use of artificial intelligence in the development and implementation of educational policy. In order to prevent the likelihood of the pessimistic forecast realization, new pedagogical approaches to regulating the use of artificial intelligence in education are justified. The list of them includes the following: (1) a parity approach to the assessment and selection of solutions of natural and artificial intelligence in forecasting and choosing strategies for education and development of future generations of students; (2) a protective approach to the interests of future generations of students in solving conflicts between natural and artificial intelligence on the implementation of educational strategies; (3) a competitive approach to applying the potential of natural and

artificial intelligence in implementing the strategies of future generations of students' development; (4) a priority approach to delegating the right to resolve issues of morality and culture in the interests of future generations of students to natural intelligence; (5) a controlling and prohibitive approach to using information about a person's digital footprints to build psychological traps and manipulate the consciousness of the oncoming generation of students. The authors advocate the idea of the need to clarify the guidelines of educational policy, taking into account the emerging risks and threats associated with digitalization. They propose to introduce reasonable pedagogical approaches that, on the one hand, ensure the parity of artificial and natural intelligence in operational and tactical matters, and, on the other hand, guarantee the control of natural intelligence over the implementation of the strategy of education and development of students. This is done to prevent artificial intelligence from making key decisions on strategic issues by reducing the proportion of its use during the transition from solving operational and tactical tasks to developing strategic educational guidelines.

Keywords: education, digitalization, intelligence, artificial intelligence, student development, educational strategy, educational policy, pedagogical approach

Financial support: Grant from partner universities in network interaction (South Ural State Humanitarian Pedagogical University and M.E. Evseyev Mordovian State Pedagogical University) on the topic "Methodology and technologies for the development of psychological safety of students in the Internet environment" (head – Yu.V. Vardanyan).

For citation: Vardanyan, Yu.V., Vardanyan, L.V., Ryabova, N.V. & Shukshina, T.I. (2024) Pedagogical approaches to regulating the use of artificial intelligence in education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 211–220. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/23

Введение

Для современного мира характерен усиленный поиск теоретико-методологической основы, позволяющей исследовать и объяснять изменения, происходящие с поведенческими характеристиками и социальными отношениями человека в условиях цифровизации. И.Б. Бовина и Н.В. Дворянчиков обратили внимание на теорию социальных представлений С. Московичи, с позиции которой показали влияние доминирующей визуальной культуры на трансформации, происходящие с современниками в условиях массовой виртуальной коммуникации. Они считают, что Интернет и социальные сети позволяют любому желающему стать удаленным участником мировых событий и автором моментально транслируемых экспертных авторских оценок даже по вопросам, в которых данный человек является дилетантом, а это порождает переживание эффекта присутствия и подпитывает иллюзию влияния на происходящее [1]. Это делает виртуальный мир притягательным прибежищем, усиливая вероятность возникновения интернет-аддикций [2. Р. 423] и порождая обоснованный поиск технологий снижения этой склонности [3. С. 15].

Наличие большого количества публикаций, содержащих доказательства влияния интернет-среды на прогрессирование ряда дезадаптивных проявлений обучающихся, требует определенной систематизации и обобщения. Плодотворной оказалась попытка содействовать решению этого вопроса, предпринятая в работе С.Л. Ленкова и соавт., которыми представлена и охарактеризована структура факторов риска возникновения дезадаптивного поведения обучающихся в интернет-среде. Ими выделены «2 типа, 6 классов и 30 видов» риска, влиянию которых подвержены обучающиеся в интернет-среде, в том числе дифференцированы особенности асоциального или антисоциального типов поведения, уточнены классы рисков (для асоциального – зависимость, виктимизация и аутоагрессия; для антисоциального – агрессия, киберпреступность и трансляция деструктивности) и показана связь между

ними [4. С. 18]. В предложенной и доказанной авторами идее, которая обеспечивает концептуализацию представлений о факторах, усиливающих риск появления и закрепления в интернет-среде деструктивных признаков поведения обучающихся, предлагается эффективный методологически обоснованный подход к исследованию этих сложных современных виртуальных явлений, и тем самым открывается перспектива для сосредоточения в дальнейшем на диагностических и операционально-технологических аспектах, обеспечивающих психологическую и педагогическую базу решения характеризуемой проблемы.

Результатом многих современных исследований стали констатация остроты проявления зависимости современных обучающихся от гаджетов, признание необходимости ее компетентной профилактики и обоснование вариативных путей ее снижения. Ю.В. Варданыан и М.А. Кечина обращают внимание на амбивалентность функций гаджетов, являющихся, с одной стороны, эффективным инструментом для мгновенного добывания необходимой информации, ее переработки и трансляции, а с другой стороны, выступающих отвлекающим фактором при живом общении, «поглотителем» свободного времени, связанным с «риском самопревращения в раба виртуального мира» [5. С. 195]. Для профилактики возможности превращения гаджета в источник киберзависимости в указанной публикации обоснована комплексная психолого-педагогическая программа, которая предназначена для работы с обучающимися и включает три модуля. Первый из них – это тематическое просвещение, обеспечивающее осознание рисков при гаджет-зависимости и понимание способов их предотвращения. Второй модуль включает интенсив-занятия, способствующие освоению психологической основы преодоления последствий разрушения познавательных и личностных ресурсов под влиянием пребывания в виртуальном мире. В третьем модуле предусмотрено вовлечение в просоциальные виды разнообразных активностей, приводящее к освоению опыта отношения к гаджету как к инструменту, обслуживающему общение и совместную деятельность [5. С. 197–198].

В современных исследованиях выработаны плодотворные решения образовательных проблем в условиях новой цифровой действительности. К примеру, представлены цифровые инструменты педагога (в работах М.Е. Вайдорф-Сысоевой и М.Л. Субочевой [6], У.А. Савченко и Н.И. Прокопенко [7] и др.). Выделены теоретические основы диссеминации инновационного опыта педагогического сопровождения обучающихся (в работах Е.А. Александровой [8], Г.Я. Гревцовой и соавт. [9], Л.Г. Паршиной и Л.П. Карпушиной [10] и др.), а также родителей обучающихся (в работах Y.V. Vardanyan и соавт. [11], З.И. Лаврентьевой [12] и др.). Вместе с этим в ряде публикаций (В.Л. Назарова и соавт. [13], В.В. Серикова и Р.Р. Закиевой [14] и др.) все чаще признается острота противоречий, возникающих в процессе цифровизации образования. Соглашаясь с утверждением А.А. Вербицкого: «...в мире нет педагогической или психолого-педагогической теории цифрового обучения» [15], – одновременно приходится признавать отсутствие обоснованных и общепризнанных педагогических подходов к развитию обучающихся в новых цифровых реалиях.

В исследовании А.Л. Журавлёва и Д.А. Китовой, респондентами которого стали пользователи социальных сетей, выявлены современные представления об образовании. С одной стороны, авторы признают существование высокой оценки функциональных возможностей образования, выраженной в объективном признании его роли в развитии общества и государства в разных аспектах: социальных, экономических, политических. Тем не менее ими получены сведения об оценке государственной образовательной политики и доказательстве того, что выявленная при этом некоторая неудовлетворенность связана респондентами с «недооценкой роли образования в глобальном, общегосударственном, региональном и личностном аспектах» [16. С. 266]. Это стало основанием для рекомендации шире применять возможности цифровых инструментов и социальных сетей для сбора значимой социогуманитарной информации, полнее отражающей существующие представления и возникающие тенденции, требующие определенной конкретизации.

Во многих исследованиях рассматривается неоднозначность и значительная неопределенность влияния социальных сетей на обучающихся. Для обозначения современных сообществ в сети Интернет применяются разные термины. Некоторые из них рассматриваются в качестве синонимического ряда и обозначают только те разновидности сообществ, которые существуют лишь в виртуальной среде (интернет / виртуальные / онлайн сообщества). Вместе с ними используется термин «сетевое сообщество», подразумевающий социальное объединение, имеющее двойную комбинированную локализацию (реальную и виртуальную) и использующее цифровые инструменты, дополняющие непосредственное взаимодействие. В настоящее время достаточно хорошо изучены особенности реальных сообществ, существующих в образовательной среде. Это объясняет смещение угла зрения в сторону исследования особенностей виртуальных или комбинированных сообществ.

Оказываемое значительное влияние на современных обучающихся интересно как с точки зрения применения несомненных развивающих возможностей сетевых сообществ, так и с точки зрения выявления направленности таких сообществ на усиление существующих рисков и создание их новых вариаций.

Е.М. Харланова и соавт. взяли за основу определения сущности виртуальных сообществ подростков, возникающих в социальных сетях, классический подход Л.С. Выготского к объяснению роли социального окружения ребенка для его развития, рассматриваемый в новой цифровой действительности. Это позволило уточнить биполярность модальности влияния виртуальных сообществ на детей, позитивный вектор которой действует в трех разных аспектах: «фактора культуры цифрового общества и средства ее освоения и самореализации» [17. С. 108], имеющих безусловный воспитательный потенциал. Также выделена тенденция обращения подростками виртуальных сообществ к искусственному интеллекту для выполнения им ряда исследовательских функций «с целью обоснования рекомендаций для педагогов по навигации в воспитательном виртуальном пространстве» [17. С. 125].

В рассматриваемом контексте вызывает беспокойство прогнозируемая перспектива, требующая дополнительного изучения. Подобная перспектива значительно расширяет границы применения искусственного интеллекта в образовании. Она опасна распространением в педагогическом сообществе мысли о допустимости принятия искусственным интеллектом решений относительно формулировки рекомендаций для педагогов в воспитательной сфере деятельности. Важно помнить, что воспитательная сфера связана не только с логикой (в которой силен искусственный интеллект), но и с интерпретацией виртуального поведения в социальном взаимодействии, а также с оценкой ценностно-ориентационного потенциала цифрового воспитательного пространства, для которых искусственному интеллекту необходим отсутствующий у него на данном этапе эмоциональный интеллект.

На основе анализа первых результатов проекта AI100, реализуемого в Стэнфордском университете с 2015 г. и нацеленного на исследование достижений, связанных с внедрением искусственного интеллекта и ростом его влияния на происходящее в жизни и мире (свершившихся, а также предстоящих в ближайшие 100 лет), Н.П. Копцева и соавт. подчеркивают необходимость в подобном отечественном проекте и формулируют ряд принципиальных выводов:

- бесспорно положительное влияние прогрессирующего применения технологий искусственного интеллекта для оказания человеку помощи в решении повседневных задач («преобразование речи в текст, языковой перевод, GPS-навигация, веб-поиск» и др.), однако остается опасность «потери значимого контроля» над системами, оснащенными этими возможностями [18. С. 1498];

- соблазн применения искусственного интеллекта для анализа социальных проблем, существовавших до его возникновения или обладающих слишком конкретной современной детализацией, может привести к существенным ошибкам в оценке масштаба задач за счет

преувеличенного восприятия их несущественных видов или к подмене интеграции новых технических систем их развертыванием без учета имеющегося при этом социокультурного контекста [18. С. 1499];

– тенденция усиления мер государственной поддержки, связанных с повышением доверия к искусственному интеллекту, должна сопровождаться инвестициями и вложениями в решение проблем профилактики рисков, возникающих при его массовом внедрении (в том числе рисков недофинансирования процесса решения других возникающих и обостряющихся социальных проблем) [18. С. 1500];

– важно своевременно предусмотреть необходимость особой подготовки специалистов для преобразовываемых сфер трудовой деятельности (которые понадобятся для командной работы искусственного интеллекта в содружестве с человеком) и обеспечения готовности новых поколений людей жить в условиях, в которых применяется множество приложений искусственного интеллекта, часть которых, тем не менее, требует тщательного разнообразного сопровождения (нормативно-правового, этического и др.) со стороны людей [18. С. 1501].

Значительную актуальность приобрели исследования, в которых рассматриваются границы допуска искусственного интеллекта к решению проблем, характерных для разнообразных видов деятельности. Так, Н.О. Никурадзе и соавт. рассмотрели ряд аспектов, проясняющих подходы к решению проблем, вызванных потребностью определить пределы допуска искусственного интеллекта в такой традиционно консервативной сфере деятельности, как юридическая. Результатом анализа отечественной и зарубежной правоприменительной практики (включая ныне действующий китайский проект «умный суд») стала систематизация ими представлений о неоднозначной возможности применения искусственного интеллекта в юридической деятельности, начиная с этапа дознания и завершая принятием решения. Такая осторожность в оценках вызвана необходимостью соблюдения баланса при неизбежном сочетании двух взаимосвязанных сторон. Отмечено, что положительная сторона связана с возможностью делегирования искусственному интеллекту обязанностей по выполнению вместо человека рутинной работы, что, с одной стороны, способствует экономии ресурсов человека (времени, сил), а с другой – повышает объективность и беспристрастность решений за счет опоры на алгоритмы, исключающие субъективизм, возможный при этом для человека. Также отмечена возможность привлечения искусственного интеллекта к выполнению ряда вспомогательных работ, призванных «облегчить контроль и оценку работы судей» [19. С. 1139].

Этими же исследователями обоснован ряд противоположных аргументов, в которых, скорее всего, отсутствует призыв к закрытию искусственному интеллекту двери в этой сложной сфере деятельности, но ясно выдвинуто настойчивое требование к определению «разумных пределов его допустимости». Такая осторожность продиктована стремлением избежать возможности появления ошибок, вызванных разными

обстоятельствами, создающими препятствия для искусственного интеллекта: от технических и технологических сбоев до трудностей в восприятии и понимании психических особенностей людей. Особым образом отмечена возможность недобросовестного использования искусственного интеллекта некоторыми сотрудниками, которые владеют алгоритмами генерации им решений. Дело в том, что такие сотрудники могут специально вводить лишь те данные, которые обеспечат выдачу решения, выгодного именно им; это фактически является предостережением от своеобразного соединения технологии искусственного интеллекта «с элементом “фабрикации” уголовных дел». Поэтому особое звучание приобретает необходимость соблюдения этических требований к соблюдению интересов добросовестных граждан, общества и государства, а также к обеспечению их безопасности при выполнении работ с привлечением искусственного интеллекта [19. С. 1141–1143].

В исследовании Е.А. Масуфрановой и соавт. рассмотрены четыре основных подхода к решению вопроса о правовом статусе искусственного интеллекта. В них за искусственным интеллектом закреплен один из четырех разных статусов: объект права, животное, человек (физическое лицо) или юридическое лицо. Обобщая возможности, предоставляемые этими статусами, авторы утверждают, что наличие у искусственного интеллекта как минимум двух особых свойств (специфичность и безграничность), отличающих его от вещи, животного или человека, требует признания в отношении него необходимости «в особом и индивидуально направленном правовом регулировании» [20. С. 213–214]. Опираясь на анализ опыта регулирования отношений, связанных с применением искусственного интеллекта, рядом стран и сообществ (Китай, США, Великобритания, Россия, Европейский союз), а также рядом кампаний (включая отечественные), выявлено, что в основном «все страны стремятся к лидерству» в данной сфере [20. С. 215]. Для более эффективного решения возникающих в этом процессе проблем указанная группа авторов предлагает закрепить за сильными интеллектуальными системами определенные права и обязанности, обеспечивая тем самым «наделение искусственного интеллекта ограниченной правосубъектностью» [20. С. 216].

Большой пласт современных зарубежных исследований посвящен разным аспектам рассмотрения искусственного интеллекта в контексте решения проблем образования. Так, в работе J. Persson представлен анализ ситуации, сложившейся в Великобритании в связи с интеграцией искусственного интеллекта в образовательную практику [21. Р. 62]. Исследователем высказаны опасения по поводу того, что перераспределение полномочий может обусловить изменение образовательного ландшафта, вызванное участием искусственного интеллекта в процессах управления и принятия решений. На материале анализа системы образования Индии P. Sihag и V. Vibha констатируют, что «искусственный интеллект доказал свою полезность для всех заинтересованных сторон (AI has proven to be of benefit to all stakeholders)» [22. Р. 98],

связанных с управленческой образовательной деятельностью, автоматизацией работы по созданию учебных материалов, репетиторством, прогнозом сохранности контингента обучающихся и т.д. Эту позитивную оценку дополняют выводы, к которым пришли I. Pont-Niclos и соавт. на основе исследования в одном из колледжей Испании. Изучая «потенциал искусственного интеллекта с образовательной точки зрения (the potential of AI from an educational point of view)», им удалось выявить у него способности в такой деликатной для него сфере, как развитие креативности будущих учителей начальных классов [23. Р. 91]. Это подтверждено тем, что искусственный интеллект в указанном исследовании справлялся как с оценкой результата выполнения будущими учителями творческих заданий, так и с оценкой творческого процесса, протекающего при их выполнении.

В зарубежных исследованиях обнаружены разноплановые оценки возможности применения искусственного интеллекта в образовании. В работе S.F. Ahmad и соавт. представлен обширный обзор приложений, обеспечивающих применение технологий искусственного интеллекта в современной системе образования, и призыв к их внедрению [24]. Рядом исследователей (А. Trifonova и соавт. [25] и др.) обращено внимание на необходимость подготовки обучающихся к применению инструментов искусственного интеллекта. Другая группа авторов (J.-C. Mateus и соавт.) заняла более нейтральную позицию. С одной стороны, ими высказано оправданное беспокойство по поводу антропоморфизации технологий оценки искусственным интеллектом учебных заданий, но при этом они же признают важность «расширения возможностей студентов в использовании инструментов генеративного искусственного интеллекта (emphasizing the need to empower students in GenAI tool usage)» [26. Р. 106]. Это приводит к необходимости решения еще одной сложной этической проблемы, возникающей в образовательном процессе и обсуждаемой во многих публикациях. Так, в работе J. Flores-Vivar и F. García-Peñalvo приводятся размышления, раскрывающие «этические аспекты использования систем искусственного интеллекта в образовательном контексте (the ethical aspects of using artificial intelligence systems in educational contexts)» [27. Р. 37]. Также обнаружена предостерегающая позиция, представленная в публикации J. Chatterjee и N. Dethlefs. Характеристика модели разговора искусственного интеллекта дала этим авторам основание для призыва «к совместной работе по предотвращению потенциального злоупотребления такими мощными моделями ИИ (to work together on preventing potential misuse of such powerful AI models)» [28. Р. 1].

Рассмотренные с позиции проблем культуры и общества, возникающих в связи с расширением темпов и глубины внедрения искусственного интеллекта в современную жизнь, эти вопросы его применения затрагивают в том числе и ряд аспектов, актуализирующих педагогическую проблематику (образование, своевременность подготовки детей к предстоящим измене-

ниям, государственную политику в области образования и др.). В отечественной науке имеются выверенные классические подходы к исследованию и решению педагогических проблем, обоснованные В.В. Краевским [29] и рядом других уважаемых ученых, создавших основу педагогической методологии. Все заметнее становится появление новых путей. Так, Е.В. Бережновой и Г.Н. Скударевой продвигается идея о необходимости освоения в вузе основ методологии педагогики [30], М.А. Галагузовой и соавт. прогнозируются кардинальные технологические изменения, для успешности которых «методология и теория трансформации ИИ в образование становится важной задачей ученых» [31. С. 54].

В самой педагогике понятие «подход» конкретизирует методологические основы исследования определенной проблемы педагогической науки и / или образовательной практики. Этот термин имеет разные трактовки, два значения которых наиболее распространены. В первом значении подход понимается как исследовательская основа, обеспечивающая всемерное изучение проблемы. Данная статья базируется на втором понимании, в котором значение подхода включает «совокупность определенных принципов и теоретических положений», а также «соответствующие им способы деятельности» [32. С. 162–163]. Опора на такое понимание подтверждает необходимость решения исследуемой проблематики в меняющихся образовательных условиях с учетом тенденции, определяемой расширением зоны применения искусственного интеллекта, при минимизации возникновения с его стороны непреодолимых рисков для будущих поколений людей. Поэтому в современных условиях цифровизации образования претерпевают существенные изменения педагогические подходы, выработанные ранее. Это вызвано необходимостью в новых идеях и положениях, не только обеспечивающих исследование и решение педагогических проблем в условиях цифровизации с учетом интересов будущих поколений граждан нашей страны, но и гарантирующих им возможность полноценного развития в условиях возрастающей конкуренции между естественным и искусственным интеллектом.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования стали теоретические идеи и обобщения отечественных и зарубежных авторов, отражающие современное представление о состоянии и тенденциях изменения образования под влиянием усиления процесса цифровизации основных аспектов жизни. Исследовательский инструмент представлен рядом сочетающихся и дополняющих друг друга методов. Методы анализа и синтеза позволили изучить и систематизировать информацию для решения разнообразных исследовательских задач: а) составления обзора проблем, возникающих в современной изменяющейся образовательной среде и ее интернет-сегменте; б) выделения и сравнения меры риска для субъектов образования (опасности возникновения

интернет-аддикций, своевременности распознавания деструктивной направленности влияния некоторых сетевых сообществ на обучающихся, возможности ее корректировки и др.); в) поиска и характеристики новых решений, использующих возрастающие ресурсные и технологические возможности цифровизации. Метод прогноза обеспечил отбор доказательств и обоснование возможности усиления конкуренции между искусственным и естественным интеллектом по мере углубления процесса цифровизации образования. Метод моделирования сделал возможным выделение и обоснование новых педагогических подходов к регламентации допуска искусственного интеллекта в образовании (включая уменьшение доли этого допуска при переходе от решения оперативных и тактических задач к выработке стратегических образовательных ориентиров).

Обсуждение результатов исследования

Прогноз вариантов взаимодействия искусственного и естественного интеллекта показывает, что форсированное усиление первого из них происходит за счет второго. Из такого понимания вытекает вывод о зависимости темпов и уровней развития искусственного интеллекта от естественного, принадлежащего его создателю. Также подобное понимание приводит к мысли о том, что уровень развития естественного интеллекта выше, так как он является создателем искусственного интеллекта.

Однако известно, что при определенных условиях количественные приращения могут переходить в качественные приобретения. В рассматриваемом контексте тиражирование искусственного интеллекта может породить ситуацию, при которой он проникнет во все сферы и постепенно начнет выполнять вместо естественного интеллекта все большее количество функций. В художественной фантастике создано много образов подобного исторического развития человека и созданной им техники. Рассматриваемые сценарии показывают разные варианты развития событий. Среди них встречаются варианты, предвещающие деградацию человечества и предостерегающие от бесконтрольной передачи техническим устройствам аналитико-прогностических, управленческо-распорядительных и контрольно-оценочных функций.

Значительно тоньше может выглядеть сценарий передачи подобных функций искусственному интеллекту, представляющему собой вершину технического совершенства. Поэтому важно оградить человечество от наделения искусственного интеллекта аналитико-прогностическими, управленческо-распорядительными и контрольно-оценочными функциями в вопросах выработки и реализации образовательной политики государства. С учетом неопределенности возникшей ситуации нами разработаны и предложены новые педагогические подходы к регламентации допуска искусственного интеллекта в образовании. Они вытекают из необходимости предусмотреть гарантии для качественного и полноценного развития обучающихся в условиях возможного усиления борьбы между искусственным и

естественным интеллектом при росте темпов и мультипликации аспектов цифровизации образования. Рассмотрено обоснование предлагаемых подходов:

1. Паритетный подход к оценке и отбору решений естественного и искусственного интеллекта в прогнозе и выборе стратегий образования и развития будущих поколений обучающихся. Использование цифровых технологий при реализации прогностических функций на этапе разработки и реализации государственной образовательной политики может привести к девальвации вклада естественного интеллекта в формирование и выбор стратегии развития будущих поколений. Это усиливает риск выстраивания антигуманных деперсонализирующих стратегий и завышения их оценки при делегировании отборочных функций искусственному интеллекту. Поэтому при обосновании и реализации образовательной политики государства необходимо выработать и соблюдать процедуры достижения паритетности в оценке и отборе решений естественного и искусственного интеллекта в прогнозе стратегий развития будущих поколений.

2. Защитный подход к интересам будущих поколений обучающихся при решении конфликтов между естественным и искусственным интеллектом по вопросам реализации стратегий образования. Массовое внедрение большого количества дифференцированных и индивидуализированных стратегий развития личности сдерживается в значительной степени из-за большой себестоимости их реализации. Привлечение искусственного интеллекта к решению этих вопросов может быстрыми темпами снизить себестоимость и увеличить доступность реализации таких стратегий. Однако это приведет к усилению риска появления разобщенного поколения, имеющего слаборазвитые социальные навыки реального общения и взаимодействия, ориентированного на достижение эгоцентричных целей и лишённого навыков заботы о соблюдении интересов окружающих людей (от ближайшего окружения до страны и мира). Могут потеряться цивилизационные достижения человечества, поэтому необходимо обеспечивать баланс между индивидуальными, дифференцированными и групповыми формами организации процесса реализации стратегий образования при усилении их воспитывающих функций в интересах достижения преемственности и наращивания цивилизационного опыта человечества.

3. Соревновательный подход к применению потенциала естественного и искусственного интеллекта в реализации стратегий развития будущих поколений обучающихся. Активное внедрение цифровых технологий в образование и прогрессирующее влияние социальных сетей на социализацию личности может привести к уменьшению каналов влияния естественного интеллекта на образование и становление личности. Являясь создателем искусственного интеллекта, естественный интеллект передает искусственному интеллекту функции самообразования и саморазвития, благодаря совершенствованию которых может потерять контроль над ним. Поэтому необходимо при целенаправленной государственной поддержке создать, зарезервировать и использовать в образовании и становлении личности

развивающие каналы, функционирующие без использования цифровых технологий (включая запрет на использование в этих каналах технологий виртуальной и дополненной реальности), контроль над которыми ни при каких условиях недопустимо передавать искусственному интеллекту.

4. Приоритетный подход к делегированию естественному интеллекту права на решение вопросов морали и культуры в интересах будущих поколений обучающихся. Проникновение цифровых технологий во все сферы современной жизни приводит к ускоренному развитию техногенной культуры, расширению уровней ее допуска в разные сферы жизни и усилению угрозы вытеснения позитивного влияния традиционной морали и культуры, вымывание основ которых составляет угрозу для человечества. Естественный интеллект в ответе за соблюдение этого баланса, однако у него должны быть для этого права, соответствующие такой ответственности. Поэтому необходимо выработать и реализовать требования соблюдения приоритетного права естественного интеллекта в решении вопросов морали и культуры в интересах будущих поколений обучающихся.

5. Контролирующе-запретительный подход к использованию информации о цифровых следах человека для выстраивания психологических ловушек и манипулирования сознанием подрастающего поколения обучающихся. Возможности современного искусственного интеллекта позволяют выявить цифровые следы человека и использовать информацию о них во благо или во вред. Обладание этой информацией позволяет отследить увлечения обучающихся в цифровой среде, личную притягательность определенных тематических контентов и просчитать персональные предпочтения. Однако наряду с использованием этой информации во благо для предложения обучающемуся возможности многообразного выбора того, что соответствует его образовательным интересам и предпочтениям, возможен противоположный вариант намеренного введения в заблуждение неопытного подрастающего поколения с целью попирания его интересов, а при крайней форме – превращения его в марионетку для исполнения чуждых интересов. Поэтому необходимы выработка и принятие протоколов мониторинга виртуальной среды, усиливающих контроль над сбором и применением информации о цифровых следах человека, а также предотвращающих ее использование для выстраивания психологических ловушек и манипулирования сознанием подрастающего поколения обучающихся.

Заключение

В современных условиях форсированной цифровизации образования усиливается конкуренция между искусственным и естественным интеллектом. При оптимистическом прогнозе предполагается возможность существенного повышения качества образования за счет эффективного применения цифровых ресурсов и

технологий. При пессимистическом прогнозе допускается возможность возникновения существенных проблем из-за бесконтрольного допуска искусственного интеллекта к выработке и реализации образовательной политики.

Для содействия предотвращению реализации пессимистического прогноза обоснованы новые педагогические подходы к регламентации допуска искусственного интеллекта в образовании. Они призваны обеспечивать решение проблем развития обучающихся с учетом возможного усиления борьбы между искусственным и естественным интеллектом при росте темпов и мультипликации аспектов цифровизации образования. Изменение образовательной ситуации, скорее всего, приведет к необходимости уточнения, дополнения и изменения выработанных педагогических подходов с учетом новых реалий. На данном этапе перечень указанных педагогических подходов включает:

1. Паритетный подход к оценке и отбору решений естественного и искусственного интеллекта в прогнозе и выборе стратегий образования и развития будущих поколений обучающихся.

2. Защитный подход к интересам будущих поколений обучающихся при решении конфликтов между естественным и искусственным интеллектом по вопросам реализации стратегий образования.

3. Соревновательный подход к применению потенциала естественного и искусственного интеллекта в реализации стратегий развития будущих поколений обучающихся.

4. Приоритетный подход к делегированию естественному интеллекту права на решение вопросов морали и культуры в интересах будущих поколений обучающихся.

5. Контролирующе-запретительный подход к использованию информации о цифровых следах человека для выстраивания психологических ловушек и манипулирования сознанием подрастающего поколения обучающихся.

Своевременное уточнение ориентиров образовательной политики государства с учетом возникающих рисков и угроз, связанных с цифровизацией образования, способно обеспечить востребованность предлагаемых новых педагогических подходов к развитию обучающихся в условиях усиления конкуренции между искусственным и естественным интеллектом, а также их качественное дополнение с учетом динамики возникающих изменений.

Крайне важно не допустить принятия искусственным интеллектом ключевых решений по вопросам образования и развития обучающихся, обеспечивая ему паритетность с естественным интеллектом в оперативных и тактических вопросах при одновременном обязательном достижении подконтрольности естественному интеллекту в выборе и реализации стратегии образования и развития обучающихся.

Список источников

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 143–157.

2. Kechina M.A., Vardanyan Y.V., Savinova T.V., Vdovina N.A. Psychological Prevention of Internet Addiction Disorders in Students of Higher Education Institutions // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. Vol. 8, is. 12. P. 417–425.
3. Савинова Т.В., Федосейкина Т.В. Проектирование социально-психологического тренинга как технологии снижения склонности студентов к интернет-зависимому поведению // *Учебный эксперимент в образовании*. 2019. № 2 (90). С. 12–17.
4. Ленков С.Л., Рубцова Н.Е., Ефремова Г.И. Концептуализация структуры факторов риска интернет-среды // *Психолого-педагогический поиск*. 2020. № 4 (56). С. 7–22.
5. Варданыан Ю.В., Кечина М.А. Исследование психологической основы профилактики гаджет-зависимости студентов // *Педагогическое образование в России*. 2023. № 5. С. 191–199.
6. Вайдорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Дидактика цифровой эпохи // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 490. С. 160–168. doi: 10.17223/15617793/490/18
7. Савченко У.А., Прокопенко Н.И. Цифровые инструменты преподавателя: организация смешанного обучения в вузе // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 489. С. 173–180. doi: 10.17223/15617793/489/17
8. Александрова Е.А. Форматы педагогического сопровождения в цифровой образовательной среде // *Сибирский педагогический журнал*. 2022. № 2. С. 30–43.
9. Гревцова Г.Я., Циулина М.В., Фахрутдинова А.В. Инновационные виды педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся в информационно-образовательной среде // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 489. С. 173–180. doi: 10.17223/15617793/489/17
10. Паршина Л.Г., Карпушина Л.П. Возможности цифровых технологий в подготовке будущих педагогов-музыкантов // *Гуманитарные науки и образование*. 2023. Т. 14, № 2 (54). С. 70–74.
11. Vardanyan Y.V., Kechina M.A., Savinova T.V., Sergunina S.V., Fadeeva O.V. Developing parental psychological competencies by means of online training // *Apuntes Universitarios*. 2021. Vol. 11, is. 3. P. 358–370.
12. Лаврентьева З.И. Педагогические основы создания цифрового сервиса для будущих замещающих родителей // *Сибирский педагогический журнал*. 2022. № 1. С. 33–43. doi: 10.15293/1813-4718.2201.03
13. Назаров В.Л., Жердев Д.В., Буйначева А.В. Актуальные проблемы цифровой трансформации среднего образования // *Образование и наука*. 2023. Т. 25, № 4. С. 109–166. doi: 10.17853/1994-5639-2023-4-109-166
14. Сериков В.В., Закеева Р.Р. Выявление трудностей и рисков реализации цифровых технологий в образовании // *Ценности и смыслы*. 2022. № 4 (80). С. 99–110. doi: 10.24412/2071-6427-2022-4-99-110
15. Вербичий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // *Номо Cyberus : электронный научно-публицистический журнал*. 2019. № 1 (6). URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (дата обращения: 07.09.2024).
16. Журавлёв А. Л., Китова Д. А. Образование как ресурс социально-экономического развития России: представления пользователей социальных сетей // *Вестник Института социологии*. 2023. Т. 14, № 4. С. 251–270. doi: 10.19181/vis.2023.14.4.14
17. Харланова Е.М., Сиврикова Н.В., Рослякова С.В., Черникова Е.Г. Воспитание цифрового поколения: роль виртуальных сообществ // *Образование и наука*. 2024. Т. 26, № 1. С. 103–132. doi: 10.17853/1994-5639-2024-1-103-132
18. Копцева Н.П., Замаева Ю.С., Менжуренко Ю.Н. Анализ экспертных мнений проекта «Столетнее исследование искусственного интеллекта (АИ100) 2021 г.» // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2024. № 17 (8). С. 1494–1503.
19. Никурадзе Н.О., Мищенко Е.В., Марина Е.А. Искусственный интеллект в уголовном процессе: перспективное будущее или утопия? // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2024. № 17 (6). С. 1134–1143.
20. Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г. Искусственный интеллект: игнорировать или регулировать? // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 500. С. 211–217. doi: 10.17223/15617793/500/23
21. Persson J. Artificial Intelligence and UK Education: Research, the Redistribution of Authority, and Rights // *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. 2024. Vol. 34. P. 62–72. doi: 10.1007/s40593-023-00347-0
22. Sihag P., Vibha V. Transforming and Reforming the Indian Education System with Artificial Intelligence // *Digital Education Review*. 2024. Vol. 45. P. 98–105. doi: 10.1344/der.2024.45.98-105
23. Pont-Niclos I., Echegoyen-Sanz Y., Orozco-Gómez P., Martín-Expeleta A. Creativity and artificial intelligence: A study with prospective teachers // *Digital Education Review*. 2024. Vol. 45. P. 91–97. doi: 10.1344/der.2024.45.91-97
24. Ahmad S.F., Rahmat M.K., Mubarik M.S., Alam M.M., Hyder S.I. Artificial Intelligence and its Role in Education // *Sustainability*. 2021. Vol. 13 (22). doi: 10.3390/su132212902
25. Trifonova A., Destéfano M., Barajas M. Teaching AI to the Next Generation: A Humanistic Approach // *Digital Education Review*. 2024. Vol. 45. P. 115–123. doi: 10.1344/der.2024.45.115-123
26. Mateus J.-C., Lugo N., Cappello G., Guerrero-Pico M. Communication Educators Facing the Arrival of Generative Artificial Intelligence: Exploration in Mexico, Peru, and Spain // *Digital Education Review*. 2024. Vol. 45. P. 106–114. doi: 10.1344/der.2024.45.106-114
27. Flores-Vivar J., García-Peñalvo F. Reflections on the ethics, potential, and challenges of artificial intelligence in the framework of quality education (SDG4) // *Comunicar*. 2023. Vol. 74. P. 37–47. doi: 10.3916/C74-2023-03
28. Chatterjee J., Dethlefs N. This new conversational AI model can be your friend, philosopher, and guide... and even your worst enemy // *Patterns*. 2023. Vol. 4 (1). P. 1–3. doi: 10.1016/J.PATTER.2022.100676
29. Краевский В.В. Методологические характеристики научного исследования // *Народное образование*. 2010. № 5 (1398). С. 135–143.
30. Бережнова Е.В., Скударева Г.Н. Методология педагогики в структуре новых стандартов и образовательных программ (бакалавриат, магистратура) // *Гуманитарные науки и образование*. 2019. Т. 10, № 4 (40). С. 7–13.
31. Галагузова М.А., Галагузова Ю.Н., Штинова Г.Н. Искусственный интеллект в педагогике: от понятия к функции // *Педагогическое образование в России*. 2024. № 2. С. 48–55.
32. Методология научного исследования в педагогике / под ред. Р.С. Бозиева, В.К. Пичугиной, В.В. Серикова. М. : Планета, 2016. 208 с.

References

1. Bovina, I.B. & Dvoryanchikov, N.V. (2020) Chelovek v tsifrovom obshchestve: ob'yasnitel'nyy potentsial odnoy sotsial'no-psikhologicheskoy teorii [Humans in a digital society: Explanatory potential of a socio-psychological theory]. *Psikhologiya i pravo*. 10 (3). pp. 143–157.
2. Kechina, M.A., Vardanyan, Y.V., Savinova, T.V. & Vdovina, N.A. (2018) Psychological Prevention of Internet Addiction Disorders in Students of Higher Education Institutions. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 8 (12). pp. 417–425.
3. Savinova, T.V. & Fedoseykin, T.V. (2019) Proektirovanie sotsial'no-psikhologicheskogo treninga kak tekhnologii snizheniya sklonnosti studentov k internet-zavisimomu povedeniyu [Designing a socio-psychological training as a technology to reduce students' tendency toward internet-addictive behavior]. *Uchebnyy eksperiment v obrazovanii*. 2 (90). pp. 12–17.
4. Len'kov, S.L., Rubtsova, N.E. & Efremova, G.I. (2020) Kontseptualizatsiya struktury faktorov riska internet-sredy [Conceptualization of the structure of risk factors in the internet environment]. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk*. 4 (56). pp. 7–22.
5. Vardanyan, Y.V. & Kechina, M.A. (2023) Issledovanie psikhologicheskoy osnovy profilaktiki gadzhet-zavisimosti studentov [Study of the psychological basis for preventing gadget addiction among students]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 5. pp. 191–199.
6. Vaydorf-Sysoeva, M.E. & Subocheva, M.L. (2023) Didactics of the digital age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 490. pp. 160–168. (In Russian). doi:10.17223/15617793/490/18

7. Savchenko, U.A. & Prokopenko, N.I. (2023) Digital tools for teachers: Organizing blended learning in higher education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. (In Russian). pp. 173–180. doi:10.17223/15617793/489/17
8. Aleksandrova, E.A. (2022) Formaty pedagogicheskogo soprovozhdeniya v tsifrovoy obrazovatel'noy srede [Formats of pedagogical support in a digital educational environment]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 2. pp. 30–43.
9. Grevtsova, G.Y., Tsiulina, M.V. & Fakhruddinova, A.V. (2023) Innovative types of pedagogical support for students' independent work in the information-educational environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 173–180. (In Russian). doi:10.17223/15617793/489/17
10. Parshina, L.G. & Karpushina, L.P. (2023) Vozmozhnosti tsifrovyykh tekhnologiy v podgotovke budushchikh pedagogov-muzykantov [Opportunities of digital technologies in training future music teachers]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 14. 2 (54). pp. 70–74.
11. Vardanyan, Y.V., Kechina, M.A., Savinova, T.V., Sergunina, S.V. & Fadeeva, O.V. (2021) Developing parental psychological competencies by means of online training. *Apuntes Universitarios*. 11. 3. pp. 358–370.
12. Lavrent'eva, Z.I. (2022) Pedagogicheskie osnovy sozdaniya tsifrovogo servisa dlya budushchikh zameshchayushchikh roditel'ey [Pedagogical foundations for creating a digital service for future foster parents]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 33–43. doi:10.15293/1813-4718.2201.03
13. Nazarov, V.L., Zherdev, D.V. & Buynacheva, A.V. (2023) Aktual'nye problemy tsifrovoy transformatsii srednego obrazovaniya [Current problems of digital transformation in secondary education]. *Obrazovanie i nauka*. 25. 4. pp. 109–166. doi:10.17853/1994-5639-2023-4-109-166
14. Serikov, V.V. & Zakieva, R.R. (2022) Vyyavlenie trudnostey i riskov realizatsii tsifrovyykh tekhnologiy v obrazovanii [Identifying challenges and risks of implementing digital technologies in education]. *Tsenosti i smysly*. 4 (80). pp. 99–110. doi:10.24412/2071-6427-2022-4-99-110
15. Verbitskiy, A.A. (2019) Tsifrovoe obucheniye: problemy, riski i perspektivy [Digital learning: Problems, risks, and prospects]. *Homo Cyberus*. 1 (6). [Online] Available from http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019
16. Zhuravlyov, A.L. & Kitova, D.A. (2023) Obrazovanie kak resurs sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii: predstavleniya pol'zovateley sotsial'nykh setey [Education as a resource for Russia's socio-economic development: Social media users' perceptions]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 14 (4). pp. 251–270. doi:10.19181/vis.2023.14.4.14
17. Harlanova, E.M., Sivrikova, N.V., Roslyakova, S.V. & Chernikova, E.G. (2024) Vospitanie tsifrovogo pokoleniya: rol' virtual'nykh soobshchestv [Raising the digital generation: The role of virtual communities]. *Obrazovanie i nauka*. 26 (1). pp. 103–132. doi:10.17853/1994-5639-2024-1-103-132
18. Koptseva, N.P., Zamaraeva, Y.S. & Menzhurenko, Y.N. (2024) Analiz ekspertnykh mneniy proekta "Stoletnee issledovanie iskusstvennogo intellekta (AI100) 2021 g." [Analysis of expert opinions from the "One Hundred Year Study on Artificial Intelligence (AI100) 2021" project]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 17 (8). pp. 1494–1503.
19. Nikuradze, N.O., Mishchenko, E.V. & Marina, E.A. (2024) Iskusstvennyy intellekt v ugolovnom protsesse: perspektivnoye budushchee ili utopiya? [Artificial intelligence in criminal proceedings: A promising future or utopia?]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 17 (6). pp. 1134–1143.
20. Masufanova, E.A., Dubrovskiy, N.S. & Balashov, K.G. (2024) Artificial intelligence: Ignore or regulate?. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 211–217. doi:10.17223/15617793/500/23
21. Persson, J. (2024) Artificial Intelligence and UK Education: Research, the Redistribution of Authority, and Rights. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. 34. pp. 62–72. doi:10.1007/s40593-023-00347-0
22. Sihag, P. & Vibha, V. (2024) Transforming and Reforming the Indian Education System with Artificial Intelligence. *Digital Education Review*. 45. pp. 98–105. doi:10.1344/der.2024.45.98-105
23. Pont-Niclòs, I., Echegoyen-Sanz, Y., Orozco-Gómez, P. & Martín-Expeleta, A. (2024) Creativity and artificial intelligence: A study with prospective teachers. *Digital Education Review*. 45. pp. 91–97. doi:10.1344/der.2024.45.91-97
24. Ahmad, S.F., Rahmat, M.K., Mubarik, M.S., Alam, M.M. & Hyder, S.I. (2021) Artificial Intelligence and its Role in Education. *Sustainability*. 13 (22). doi:10.3390/su132212902
25. Trifonova, A., Destéfano, M. & Barajas, M. (2024) Teaching AI to the Next Generation: A Humanistic Approach. *Digital Education Review*. 45. pp. 115–123. doi:10.1344/der.2024.45.115-123
26. Mateus, J.-C., Lugo, N., Cappello, G. & Guerrero-Pico, M. (2024) Communication Educators Facing the Arrival of Generative Artificial Intelligence: Exploration in Mexico, Peru, and Spain. *Digital Education Review*. 45. pp. 106–114. doi:10.1344/der.2024.45.106-114
27. Flores-Vivar, J. & García-Peñalvo, F. (2023) Reflections on the ethics, potential, and challenges of artificial intelligence in the framework of quality education (SDG4). *Comunicar*. 74. pp. 37–47. doi:10.3916/C74-2023-03
28. Chatterjee, J. & Dethlefs, N. (2023) This new conversational AI model can be your friend, philosopher, and guide... and even your worst enemy. *Patterns*. 4 (1). pp. 1–3. doi:10.1016/j.PATTERN.2022.100676
29. Kraevskiy, V.V. (2010) Metodologicheskie kharakteristiki nauchnogo issledovaniya [Methodological characteristics of scientific research]. *Narodnoye obrazovanie*. 5 (1398). pp. 135–143.
30. Berezhnova, E.V. & Skudareva, G.N. (2019) Metodologiya pedagogiki v strukture novykh standartov i obrazovatel'nykh programm (bakalavriat, magistratura) [Pedagogical methodology in the structure of new standards and educational programs (bachelor's, master's)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 10:4 (40). pp. 7–13.
31. Galaguzova, M.A., Galaguzova, Y.N. & Shtinova, G.N. (2024) Iskusstvennyy intellekt v pedagogike: ot ponyatiya k funktsii [Artificial intelligence in pedagogy: From concept to function]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2. pp. 48–55.
32. Boziev, R.S., Pichugina, V.K. & Serikov, V.V. (eds) (2016) *Metodologiya nauchnogo issledovaniya v pedagogike* [Methodology of scientific research in pedagogy]. Moscow: Planeta.

Информация об авторах:

Варданян Ю.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой психологии Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева (Саранск, Россия). E-mail: julia_vardanyan@mail.ru. SPIN-код: 8085-3255. ORCID: 0000-0001-8261-6543

Варданян Л.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и методик обучения Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева (Саранск, Россия). E-mail: ljudmila_v@mail.ru. SPIN-код: 6649-8242. ORCID: 0000-0002-9321-0247

Рябова Н.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой специальной педагогики и медицинских основ дефектологии Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева (Саранск, Россия). E-mail: ryabovanv@bk.ru. SPIN-код: 9482-1973. ORCID: 0000-0002-0697-483X

Шукишина Т.И. – д-р пед. наук, проректор по научной работе Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева (Саранск, Россия). E-mail: tishukshina@yandex.ru. SPIN-код: 1744-9380. ORCID: 0000-0001-7786-9589

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Vardanyan, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Psychology, Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseiev (Saransk, Russian Federation). E-mail: julia_vardanyan@mail.ru. SPIN: 8085-3255. ORCID: 0000-0001-8261-6543

L.V. Vardanyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseiev (Saransk, Russian Federation). E-mail: ljudmila_v@mail.ru. SPIN: 6649-8242. ORCID: 0000-0002-9321-0247

N.V. Ryabova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Special Education and Medical Foundations of Defectology, Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseiev (Saransk, Russian Federation). E-mail: ryabovanv@bk.ru. SPIN: 9482-1973. ORCID: 0000-0002-0697-483X

T.I. Shukshina, Dr. Sci. (Pedagogics), vice-rector for science, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseiev (Saransk, Russian Federation). E-mail: tishukshina@yandex.ru. SPIN: 1744-9380. ORCID: 0000-0001-7786-9589

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.10.2024;
одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 25.10.2024;
approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 81'27
doi: 10.17223/15617793/508/24

Иноязычные коммуникативные практики в образовательной городской экосреде: мониторинг дискурсивных барьеров

Ирина Александровна Савченко¹, Анна Владимировна Сахарова², Максим Игоревич Золотарев³

^{1, 2, 3} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

² Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

¹ savchenko-514@mgpu.ru

² hanna.lazareva@gmail.com

³ maksbrain@gmail.com

Аннотация. Городское пространство иноязычного образования концептуализируется как коммуникативно-дискурсивная экосреда обмена информацией и культурными ценностями. Презентуется программно-методический комплекс, направленный на диагностику эмоционально-психовегетативных реакций на иностранную речь, а также на речь с акцентом. Раскрывается образовательный потенциал алгоритмизированной цифровой методики для коррекции дискурсивных барьеров, возникающих при обучении иностранному языку, в частности русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: иноязычные речевые практики, обучение иностранному языку, городская образовательная экосреда, русский язык как иностранный, поликультурный город, цифровые образовательные технологии, межкультурная коммуникация, дискурс, алгоритмизированная методика, психовегетативные реакции, мониторинг дискурсивных барьеров

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Благодарности: авторский коллектив выражает благодарность научному сотруднику НИУ ВШЭ кандидату психологических наук, доценту Ирине Сергеевне Булановой за консультационную помощь при подготовке исследования.

Для цитирования: Савченко И.А., Сахарова А.В., Золотарев М.И. Иноязычные коммуникативные практики в образовательной городской экосреде: мониторинг дискурсивных барьеров // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 221–231. doi: 10.17223/15617793/508/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/24

Foreign language communication practices in the educational urban environment: Monitoring discursive barriers

Irina A. Savchenko¹, Anna V. Sakharova², Maksim I. Zolotarev³

^{1, 2, 3} Moscow City University, Moscow, Russian Federation

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

² Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

¹ savchenko-514@mgpu.ru

² hanna.lazareva@gmail.com

³ maksbrain@gmail.com

Abstract. The urban space of foreign language education is conceptualized as a communicative and discursive environment for an exchange of information and cultural values. Multilingual cities face certain challenges due to the diversity of cultures, languages and socio-cultural norms, which places new demands on the development of intercultural communicative language competencies. Cultural and linguistic communities in urban environments develop unique discursive practices that can make it difficult for representatives of these communities to understand each other. This can lead to contradictions and conflicts. The cognitive-discursive analysis of urban life allows us to conceptualize the role of cities as eco-formats for shaping strategies and trends of future socio-cognitive and emotional interactions and exchange between cultures. Active intercultural interactions take place in the urban environment, leading to the mutual enrichment of cultural heritage and the creation of a diverse mosaic of socio-cultural practices and norms. A

scientific understanding of how representatives of different cultures perceive foreign languages in various urban locations and institutions is crucial for the development of a harmonious multicultural society. Understanding these differences not only at the level of humanities, but also at the level of social and pedagogical psychology and psychophysiology, we can work towards creating a more inclusive and respectful environment where all cultures can thrive. This article describes a software and methodology complex designed to diagnose visual and psychophysiological reactions to speech in a foreign language, as well as in the recipient's native language with an accent. The complex is designed to study cross-cultural speech perception in a multi-ethnic city. The digital method, in addition to technical equipment, includes guidelines for using the software and interpreting the results. On the basis of discourse theory, a system has been developed and validated for evaluating various types of barriers to perception in different discursive modalities. The prospects of organizing training procedures using an algorithmic method are discussed. The theoretical and methodological potential of this technique, as well as the possibilities of applying it to support the concept of a discourse barrier as an unconscious form of speech rejection, are explored. The presented software product and its methods can be used to identify triggers of discourse tension and develop strategies to enhance intercultural understanding and reduce discourse tension in a multicultural city. This knowledge finds practical application in the field of foreign language education, where it can help identify "methodological gaps" in language teaching, primarily Russian as a foreign language, which cause tension in communication, and correct them in order to increase the effectiveness of language acquisition. It can also help migrants to adapt to a new language environment when mastering the language of the host community.

Keywords: foreign language speech practices, foreign language teaching, urban educational environment, Russian as a foreign language, multicultural city, digital educational technologies, intercultural communication, discourse, algorithmized methodology, psychovegetative reactions, monitoring of discursive barriers

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288; <https://rscf.ru/project/23-18-00288>). The project "Discursive transformations of a modern city: coordinates of Russian Urban Studies" is being implemented at the Moscow City University.

For citation: Savchenko, I.A., Sakharova, A.V. & Zolotarev, M.I. (2024) Foreign language communication practices in the educational urban environment: Monitoring discursive barriers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 221–231. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/24

Введение

Иноязычное образование в условиях поликультурного города обнаруживает перед собой ряд сложных вызовов, связанных с многообразием культур, языков и социокультурных норм. Один из ключевых вызовов – это необходимость обеспечения эффективного и безопасного межкультурного взаимодействия и успешной коммуникации представителей различных городских сообществ. Различные культурные и языковые группы в городе развивают свои уникальные дискурсивные практики, которые не всегда могут быть взаимопонятны, что способно привести к противоречиям или конфликтам. Жизнь в поликультурной языковой среде требует от горожан умения интерпретировать и понимать различные культурные контексты, чтобы успешно функционировать в многоязычной и мультикультурной среде. Это важно и для поддержания гармонии, социальной стабильности и развития городской культуры в условиях многообразия. Мультикультурные контексты динамичны: они опираются на инвариантную, ядерную часть, которой обычно является сам язык, но при этом дискурсивные практики и социальные правила их взаимодействия постоянно меняются, адаптируясь к внешнему контексту.

Постановка проблемы

Динамичность многоязычного города создает вызовы в сфере иноязычного образования: для практик обучения языку и адаптации в новой языковой среде. Становятся актуальными не только собственно лингвистические, но и специфические социокультурные

умения и навыки коммуникативной активности в урбанизированной культурно-гетерогенной языковой среде. Современные подходы к обучению языку должны учитывать новые реалии общения в многоязычном городском пространстве и развивать межкультурные компетенции, способствующие интеграции в культурно-мозаичную жизнь города.

Применительно к поликультурному городу неизменно поднимается вопрос об обучении мигрантов языку принимающего сообщества, а также о повышении толерантности принимающего языкового большинства к проявлениям иных культур. При этом сложности, связанные с качественным усвоением языка, нередко описываются без использования дискурсивно-психологических интерпретаций. Точно так же и реакции представителей принимающего социума на речь мигрантов часто не подвергаются исследовательскому анализу. Социокультурный компонент обучения мигрантов русскому языку (в рассматриваемом нами случае) ограничивается лингвострановедческим материалом, а необходимость лингвопсихологической адаптации к смыслам нового дискурса остается без внимания. С представителями принимающего социума не ведется адаптационная работа. Результатом этого становятся конфликты на этнической почве. Предлагаемое исследование призвано восполнить данный пробел в методике преподавания иностранных языков и поставить вопросы о необходимости педагогической и методической работы с сообществами, принимающими мигрантов. Второй вопрос кажется нам наиболее перспективным в связи с его меньшей исследованностью, а также меньшим количеством практик обучения носителей доминирующего в сообществе языка межкультурным

коммуникациям. В рамках настоящей работы при помощи программного комплекса мы сможем отследить и предложить способы проведения коррекции этих реакций.

Проблемы восприятия неродной речи становились объектом внимания российских (Е.И. Михалева [1], А.Т. Бозиев [2], О.Е. Фролова [3], Е.Н. Полякова [4], Е.Е. Серова и Л.В. Заманщикова [5]) и западных ученых (Б. Шотен [6], Л.У. Сэйдж и Ю.Дж. Такешита [7], П. Корпал и М. Собковьяк [8]). При этом исследовательский интерес зачастую акцентирован на аккультурации [4] и психологической адаптации [6] детей из иммигрантских семей. В большинстве исследований особенности кросскультурного речевосприятия не получают эмпирического уточнения. В редких случаях проводились опросные исследования [7] и наблюдения [8] на материале различных языковых групп и социальных условий. Эмпирические исследования с использованием автоматизированного программного комплекса до сих пор не проводились.

При этом наибольшее значение, на наш взгляд, имеет как раз эмпирическое исследование факторов, вызывающих трудности в коммуникации, в частности исследование психофизиологических реакций жителей города на различные речевые и дискурсивные особенности других культур. Оценка подобного рода реакций может осуществляться и при помощи автоматизированных методов, позволяющих провести комплексную оценку реакций на различные особенности речи: интонации, акцент, окружающие социальные обстоятельства и пр.

Особенную актуальность исследования дискурсивных особенностей кросскультурной коммуникации имеют для задач обучения языку и адаптации к новой языковой среде. Помимо собственно понимания иностранной речи – лексики и грамматических конструкций, для эффективной коммуникации необходимо учитывать и экстралингвистические факторы – особенности восприятия речевых и неречевых компонентов высказывания различных модальностей: использование общего языка в разных культурах не всегда гарантирует взаимопонимание. Многие исследователи указывают на связанный с этим существенный смысловой сдвиг, происходящий сейчас в понимании принципов обучения языку. Вместо анализа модели последовательного овладения языком современные исследования «рассматривают институт обучения с точки зрения историко-критического анализа, подчеркивая его социальную функцию, критикуя его одноязычный образ жизни и отстаивая подход, который связывает методы преподавания и обучения с конкретными социальными условиями» [9]. Иными словами, во многих исследованиях, посвященных преподаванию и изучению языков, фокус внимания сместился с преимущественно психолингвистической ориентации на более социолингвистический подход [10, 11]. Исследователи указывают, в частности, на то, что обучение языку происходит не только в ситуации обучения, но и в ситуации естественной среды функционирования языка – в городском метадискурсе. При этом практики и особенности

обучения языку с учетом его функционирования в городской среде, «естественной» среде обитания различных дискурсов, активно изучается, однако эмпирические методики проверки эффективности такого обучения недостаточно развиты. Эту лауну и призван заполнить наш программный продукт.

В настоящей статье будет описан программный комплекс, который способен помочь в решении указанных задач на поле межкультурного взаимодействия. В частности, программный комплекс позволит проанализировать эмоциональные и психофизиологические реакции человека на речь на иностранном языке и речь с акцентом. В работе также будет сформулирована методика оценки различных выявленных препятствий в восприятии иноязычной речи и речи с акцентом. Представленный в статье программный комплекс также может быть использован для диагностики «слабых мест» при обучении языку, создающих дискурсивное напряжение, и их коррекции для повышения эффективности усвоения языка.

Разработанное программное обеспечение и методика исследования позволят диагностировать потенциально конфликтные случаи проявления дискурсивного напряжения при межкультурной коммуникации в городской среде. Использование указанного комплекса для кросскультурной коммуникации поможет сделать шаг к пониманию характера индивидуальных и групповых реакций на изменения в системе интеркультурного вербального взаимодействия в условиях города и на основании этого выработать рекомендации для внесения модификаций в языковую политику города, снизить вероятность межэтнических конфликтов и способствовать формированию более инклюзивного и диверсифицированного городского дискурса.

Методология и методы исследования

Обнаружить и проанализировать эти вопросы позволяет подход к городу как к комплексу дискурсивных практик, или метадискурсу, объединяющему голоса различных городских сообществ. В частности, в настоящей работе мы предлагаем обратиться к изучению кросскультурного взаимовосприятия жителей полиэтнического города. Указанный подход обозначен как теоретическая рамка исследования и подробно описан в следующих разделах.

Одним из основных методологических концептов нашего исследования стало понимание «города как учебной лаборатории» [12], которая формирует экосистему динамики иноязычных речевых практик. Имманентное свойство сетевой лаборатории – внеаходимость [13] – выявляет дихотомные свойства этой экосистемы, которая, с одной стороны, обнаруживает себя в образовательных учреждениях и, с другой стороны, экстраполируется во внешние дискурсивные среды.

Фундамент исследования сформировали когнитивно-дискурсивные технологии обучения иноязычной межкультурной коммуникации [14]. Взгляды авторов сформированы новыми подходами в лингводидактике [15] и концепциями модернизации иноязычного

образования [16], где обоснованы методы интегративно-развивающего обучения [17], личностно-деятельностный подход [18], инновационные форматы совместной работы в образовательном процессе [19], среди которых особое место занимают интерактивные [20] и коммуникативно-тренинговые обучающие системы [21].

В процессе разработки диагностико-тренингового комплекса авторы обобщают и используют имеющийся в науке опыт алгоритмизированных методик фиксации психофизиологических и эмоциональных реакций человека на речь, а также учитывают опыт использования техник замера индивидуальных функциональных состояний в обстоятельствах «языкового переключения» [22]. Используется опыт нейросетевого анализа культурно-лингвистических феноменов [23].

При разработке программного комплекса принимался во внимание опыт таксономии голосовых индексов эмоций [24–26].

Методика, представленная в нашей статье, принципиально отличается от предыдущих тем, что интегрирует в себе диагностический и тренинговый компоненты.

Теоретические основания методической модификации. Город как дискурсивная образовательная экосистема

Существование и функционирование городов могут быть рассмотрены исходя из различных модусов:

- пространственного, ориентированного на географическую и пространственную инвариантность города, затрагивающего физическое пространство [27, 28]. Наиболее известным примером такого подхода могут быть названы работы Яна Гейла [29, 30], изменившие подходы к проектированию городского пространства во многих городах. Практическим итогом такого модуса восприятия города становятся планирование и проектирование городской среды;

- коммуникативно-сетевого, рассматривающего город как сеть акторов и их отношений (об этом мы, опираясь на работы Бруно Латура [31, 32], писали в нашей предыдущей работе [12]). Это социологический модус исследования города, ведущий свою историю от работ Макса Вебера [33]. В его основе лежит подход к городу как к системе социальных связей, являющихся точкой отсчета для исследований города;

- семиотического (или знакового), анализирующего город как текст или дискурс [34, 35] и рассматривающего его «как сложную многоуровневую систему с характерными текстами и кодами, принадлежащими разным языкам культуры» [36];

- виртуального (цифрового), выводящего город за пределы физического мира, репрезентирующего различные социальные и семиотические отношения в нем, однако и привносящего новое, специфическое цифровое измерение городской среды. В рамках этого модуса формируются концепции цифрового города [37].

Конечно, все эти модусы редко могут быть рассмотрены отдельно друг от друга: семиотическое переплетается с коммуникативным, пространственное –

с социальным. Вспомним, в частности, тезис Роберта Парка о том, что «социальные отношения часто и неизбежно коррелируют с пространственными отношениями; потому что физические расстояния настолько часто бывают или кажутся индексами социальных расстояний» [38. Р. 18]. Или тезис У. Эко о городе-тексте, в рамках которого функциональная составляющая города всегда оказывается совмещена со знаковой [35], или исследование города как семиотической интерпретации связей различных человеческих и нечеловеческих акторов, предпринятое Джоном Ло [39].

Понимание города как дискурсивного феномена позволяет охватить инструментарий различных теорий города: коммуникативной, семиотической и, в меньшей степени, пространственной, и с их помощью отразить происходящие в городе многочисленные взаимодействия с учетом вклада каждой культурной или языковой группы в общий городской метадискурс. Город как дискурсивное явление отражает сложные социокультурные, политические и экономические процессы, а его интерпретация становится возможной через анализ взаимодействия различных городских дискурсов.

Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как речь, «погруженную в жизнь» [40], т.е. как единство лингвистической (текстовой) составляющей и экстралингвистических – прагматических, социокультурных, психологических – факторов, как феномен, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). В теории Выготского–Лурии [41] была обоснована социальная природа развития языка и речи, с одной стороны, и ключевая роль языка и речи в развитии индивидуального и общественного сознания – с другой. И сегодня мы можем говорить о том, что речевые практики, с одной стороны, обеспечивают социальную коммуникацию, в частности в пространстве города, с другой стороны, интериоризируясь, они и формируют то, что принято называть общественным сознанием. Характеристики и особенности дискурса при этом формируют определенную парадигму общественного сознания. Соответственно, для комплексного изучения городских (да и любых других) дискурсов нам необходим комплексный подход, учитывающий различные компоненты дискурсивной природы города. Мы предлагаем комплексное понимание дискурса, интегрирующее лингвистические [42], психолингвистические [43], социолингвистические [44] и (пост)структуралистские [45] интерпретации. Дискурс, таким образом, определяется как текст и, с другой стороны, как система социокультурных практик. Дискурс предстает как «живая знаково-эпистемическая реальность» которая вкупе с текстом и контекстом проявляет себя в пространственной синхронности и динамической темпоральности [46. С. 113].

Город – это не гомогенное образование, не единый монолитный дискурс, но пространственное взаимодействие и пересечения различных дискурсивных практик – дискурсов, свойственных различным акторам и контекстам коммуникации. Эти стыки, границы дискурсов – слабые места в межкультурной коммуникации, источник дискурсивных напряжений и барьеров коммуникации, потенциальный источник конфликтов

и источник трудностей при обучении иностранному языку. Чаще всего исследователи обращались к рассмотрению границ дискурсов при анализе методик обучения языку. Обзор социокультурных и когнитивных барьеров при обучении дан, например, в [47].

Эти границы дискурсов не обозначены непосредственно в языке, они могут не фиксироваться изменениями в лексических или грамматических особенностях говорящего, но наличие данных «стыков» можно определить эмпирически, по реакции реципиента на дискурсивные изменения. При этом такие задачи могут решаться не просто эмпирическими, но и алгоритмизированными, роботизированными, нейросетевыми методами.

Указанная теоретическая оптика, на наш взгляд, позволяет обосновать использование программного комплекса для анализа моментов возникновения дискурсивного напряжения, коммуникативных барьеров на основе интерпретации психофизиологических реакций реципиентов и, в частности, в ситуации межкультурного взаимодействия в городской среде и выработки рекомендаций, позволяющих обнаружить и сгладить дискурсивную напряженность в процессе межъязыкового взаимодействия. Тренинговый компонент программы формирует личностные готовности для интеграции в городскую социокультурную экосистему.

Программный комплекс: технические характеристики и принцип действия

Алгоритмизированный программный комплекс основан на моделировании процесса коммуникативного взаимодействия с учетом возможных психологических барьеров и соответствующего стрессора. Технические характеристики алгоритмизированного программного комплекса подробно раскрыты в статье авторского коллектива [48], опубликованной в журнале «Социология науки и технологий». В самом общем виде отметим, что интерфейс методики составили аудиовизуальные стимулы, презентующие речевую деятельность на 22 языках, включая русский. Основной принцип действия программного комплекса: корреляция маркеров динамики восприятия речи с трансформацией гемодинамических (пульс, вариабельность сердечного ритма, артериальное давление и т.д.) и дыхательных психофизиологических функций организма (ритмичность, частота, глубина дыхательных действий) [49]. Характер восприятия речи находится в диапазоне позитивного–нейтрального–стрессового. Алгоритмизированная система состоит из экшн-камеры (как дополнительного инструмента профайлинга испытуемого), наушников, микрофона и фитнес браслета (анализ биологических показателей испытуемого). Нейросетевая система алгоритмизированного комплекса способна диагностировать дискурсивно-стрессовые состояния и, что важнее всего, фиксировать барьеры (сочетание барьеров) восприятия речи в дискурсе полилингвального города.

Система позволяет оценить уровень агрессии при демонстрации того или иного объекта. В качестве объектов, к которым необходимо выработать толерантность, используются аудио- и видеозаписи речи на

иностранном языке, речи с акцентом, а также текстовое описание различных ситуаций.

В процессе тренинга сначала демонстрируется базовый объект (аудио / видео / текст). Система оценивает реакцию испытуемого на этот базовый объект. Затем, в соответствии с планом тренинга, испытуемому показываются другие объекты, аналогичные базовому. Проводятся опросы участника эксперимента по различным вопросам, при этом активная обратная связь обязательно используется для вовлечения его в процесс. Снова демонстрируется базовый объект, и система оценивает реакцию испытуемого на него. В зависимости от полученных результатов тренинг продолжается с показа других объектов или заканчивается, если сила реакции значительно снизилась.

Параллельно основному алгоритму информация о реакциях участника эксперимента на объекты используется для их сортировки по силе реакции, какую в среднем они вызывают. Сортировка объектов по этому принципу используется для определения того, какие объекты будут продемонстрированы в зависимости от уровня реакции испытуемого. То есть если реакция на объект несиловая, то изначально демонстрируется именно он с последующим переходом к более эмоционально заряженным объектам.

Эффект снижения агрессии при помощи тренинговой методики основан на привыкании человека к тому, что ему регулярно демонстрируется, и к ситуациям, в которые он часто попадает [43].

Программный комплекс: критерии интерпретации результатов

Как мы уже отмечали ранее, город как образовательное пространство не является однородной экосредой, а скорее – экосредой взаимодействия и пересечения различных дискурсов. Эти точки соприкосновения, границы дискурсов, являются уязвимыми местами в межкультурной коммуникации, источником дискурсивных напряжений, потенциальным источником конфликтов, а также такие моменты представляют трудность при изучении иностранного языка. Эти границы дискурсов неявно выражены в языке, они могут не отражаться изменениями в лексических или грамматических особенностях говорящего, но наличие таких «соприкосновений» можно выявить эмпирически, основываясь на психофизиологических реакциях реципиента. При этом такие задачи могут решаться не просто эмпирическими, но и алгоритмизированными, роботизированными, нейросетевыми методами, один из которых и представлен в нашей статье.

Коммуникации в городской среде чаще всего происходят в рамках различных типов дискурсов. В частности, мы предлагаем выделять бытовой дискурс – «диалогическое общение между хорошо знающими друг друга людьми» [50. С. 28], и статусно-ориентированный дискурс, который разделяется на две разновидности: ситуативно-ролевую и институциональную. «Ситуативно-ролевой дискурс – это вербальное поведение в соответствии с ожиданиями людей по определенным моделям (например, психологические типы –

лидер, аутсайдер, «маленький человек» и др. [50. С. 28]. Институциональный дискурс сводится к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения [51. С. 190–191].

В ситуации городской межкультурной коммуникации мы имеем дело в основном с различными институциональными типами дискурса и их пересечениями. Иными словами, коммуникация и возможные барьеры в ней могут быть оценены с позиций соответствия или несоответствия различным компонентам дискурсивной коммуникации, и реакции реципиента могут быть связаны с нарушениями привычных для него компонентов дискурсивных практик. На основе классификации компонентов дискурсивных практик могут быть сформулированы представления о возможных источниках дискурсивного напряжения и барьеров в коммуникации, а также сформулированы рекомендации для отбора звуковых и видеоматериалов для проведения исследования и проведен анализ степени влияния нарушений в каждом из компонентов на психовегетативные реакции реципиента.

В.И. Карасик отмечает такие основные компоненты институционального дискурса, как «цели, участники, хронотоп, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы» [50. С. 29]. Барьеры в восприятии могут быть классифицированы в соответствии с этими компонентами: они возникают, когда ситуация коммуникации выходит за рамки того или иного институционального дискурса, и происходит пересечение дискурсивных особенностей различных практик.

(1) Барьеры, связанные с ситуацией общения: целями коммуникации, хронотопом, отношениями участников коммуникации. В частности, на реакцию реципиента могут оказывать влияние статусно-ролевые характеристики участников социального общения. Реакция реципиента может быть вызвана неравенством в коммуникации. Характерным примером может выступать педагогический дискурс, который характеризуется «принципиальным неравенством основных участников общения (сравните с научным дискурсом, где в основу коммуникации положена идея о принципиальном равенстве всех, кто находится в поиске истины)» [50. С. 30]. Пространственно-временные характеристики ситуации общения также способны оказывать влияние на реакцию реципиента и формирование дискурсивных барьеров: в частности, имитация городской среды с ее шумом и другими особенностями даже в рамках эксперимента может приводить усложнению процесса коммуникации.

(2) Барьеры, связанные с участниками общения: помимо характеристик особенностей речи они в случае межкультурной коммуникации включают особенности языкового менталитета, т.е. ценности и стратегии коммуникации. В процессе коммуникации поведение партнеров обычно оценивается по критериям, принятым в собственной культуре, которые для другой стороны могут оказаться неизвестными и скрытыми. Так, например, североевропейцы (финны и скандинавы) говорят менее громко и менее эмоционально, нежели

средиземноморские народы (испанцы, португальцы, итальянцы). Но жители Кавказа и Закавказья, Турции и арабских стран говорят еще громче, чем средиземноморцы [52. С. 240]. Непривычное речевое поведение может стать причиной возникновения дискурсивного барьера.

(3) Барьеры, связанные с собственно содержательной стороной высказывания: тематика, жанровые и стилистические особенности, соответствие прототипическим текстам, использование (верное или ошибочное) дискурсивных формул. Такие барьеры обусловлены, как правило, культурными и социально-бытовыми различиями субъектов коммуникации. В нашем случае они отражены в содержательных характеристиках презентуемого материала. В презентуемом материале присутствуют «триггерные темы», которые содержательно могут быть связаны с культурными, религиозными или социально-бытовыми отличиями.

В дополнение к барьерам, свойственным ситуации институционального бытования дискурса в городской среде, необходимо выделить личностно-психологические барьеры (личностные акцентуации, например эпилептоидная, интроверсия, аддикции и пр.) и барьеры, свойственные ситуации исследования (процедурные: тревожность и страх перед самой процедурой исследования) [48].

Все указанные барьеры диагностируются посредством индивидуальных реакций на соответствующий барьерам стимульный материал. Высокая личностная тревожность диагностируется при наличии высоких показателей стресса на все задания, вне зависимости от их дифференциации.

Нейросеть программного комплекса обучена таким образом, что она может устанавливать и дифференцировать степень выраженности в стимульном материале культурно-бытового, социально-бытового своеобразия, а также специфику речевого поведения говорящего, что в последующем позволяет соотнести индивидуальные психофизиологические и эмоциональные реакции на фрагмент речи с определенным вербальным и невербальным барьером и установить степень их выраженности.

Перспективы тренинга: лингвокультурная адаптация

Инструментарий программного комплекса способен создавать тренинги общения исследователя и испытуемых с использованием текстовой, графической, аудио- и видеoinформации. Тренинг основан на принципе положительного подкрепления. В тренинг включены ситуации городской жизни, в которых лингвокультурное взаимодействие становится гармонизирующим экосистемным фактором. Иными словами, речь органично включается в виртуальную экосреду города. В тренинге используются технология повтора близких по содержанию ситуаций взаимодействия и механизм так называемого «привыкания», который в научной литературе принято называть адаптацией.

Несмотря на то, что проблемы адаптации иммигрантов широко изучаются в современной науке (В.В. Гриценко [53], И.А. Мнацаканян [54], Г.У. Солдатова [55],

А.Н. Татарко [56], Е.В. Рягузова [57], И.А. Шолохов [58], С. Бокнер [59], К. Оберг [60] и др.), многие психолого-педагогические прикладные задачи адаптации и инкультурации прибывшего населения по-прежнему остаются актуальными и значимыми.

Одной из задач, не имеющих окончательного решения, является задача языковой адаптации мигрантов. Фокус внимания исследователей и практиков, как правило, смещен в сторону адаптации детей-мигрантов, психолого-педагогического сопровождения иностранных студентов либо на отдельные аспекты адаптации, не учитывая при этом другие ее составляющие. Немногие существующие программы языковой адаптации учитывают сложность данного процесса, в комплекс которого входят психологическая, социальная, культурная составляющие. Однако именно учет комплекса факторов в программах обучения обеспечивает их успешность.

Рассматривая исследования, в которых учитывается сложный адаптационный комплекс в процессе изучения русского языка как иностранного, можно отметить, что акцент в них смещен в сторону социокультурного компонента.

Так, например, Н.Л. Федотова и Л.В. Миллер считают, что необходимо говорить о лингвосоциокультурной адаптации, под которой они понимают лингводидактический компонент социокультурной адаптации. Рассматривая данный компонент адаптации как многоступенчатый процесс, авторы выделяют несколько этапов: получение информации о культуре страны изучаемого языка, формирование инокультурной компетентности как фрагмента языковой картины мира, развитие способности к правильной интерпретации коммуникативных проявлений русских, формирование практических навыков и умений учебно-профессионального и культурно-бытового общения с носителями русского языка [61].

Под лингвокультурной адаптацией Н.В. Поморцева понимает сложный, многогранный и многосторонний процесс знакомства, привыкания и приспособления личности иностранного студента к инокультурной среде обитания, образования, взаимодействия (личностного и группового) и подготовки к осуществлению будущей профессиональной деятельности [62, С. 71]. Это процесс вхождения в ценностно-смысловое поле иной социокультурной среды. Важными факторами, облегчающими процесс адаптации, являются языковая среда, усвоение когнитивной базы (под ней автор понимает совокупность знаний и представлений, общих практически для всех членов лингвокультурного сообщества). Таким образом, по мнению автора, программу языковой подготовки необходимо строить с учетом данных факторов.

Не снижая значимости и ценности учета социальных и культурных факторов адаптации при языковой подготовке мигрантов, с нашей точки зрения, недостаточно учтен психологический компонент. Лишь отдельные исследования сфокусированы на психологических процессах, сопутствующих адаптации мигрантов: культурном шоке (С. Бокнер [59], К. Уорлд [63],

К. Оберг [60]), трансформациях культурной идентичности (В.В. Константинов [64], Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко [65]), динамике социальной и культурной дистанции (I.E. Babiker [66] E.S. Bogardus [67], Л.М. Дробижева [68]), индексах этнической толерантности (Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко). Адаптация к другой культуре подразумевает поведенческие, эмоциональные и когнитивные сложности. Важность учета индивидуально-личностного фактора в процессе изучения иностранного языка нельзя игнорировать. В совокупности с другими, социально-психологическими и культурными, он определяет успешность всего процесса адаптации мигранта к новой среде. Вместе с тем в существующих программах языковой подготовки мигрантов такой аспект отсутствует.

Таким образом, созданная тренинговая программа обучения мигрантов имеет целью оптимизацию процесса обучения мигрантов русскому языку как иностранному с учетом сложного комплекса индивидуальных реакций обучающегося.

Заключение

В работе описаны методические и теоретические подходы, принцип действия, актуальность и перспективы внедрения в иноязычное образование автоматизированного программного комплекса для диагностики и коррекции реакций на иностранную речь и речь с акцентом. Разработанный программный комплекс может стать основой для выявления языковых барьеров и разработки тренинговых процедур по адаптации жителей мультиязычного города в процессе иноязычного образования. В качестве теоретической и методологической рамки исследования предлагается понимание города как дискурсивного феномена. При помощи дискурсивной теории выделяются и классифицируются барьеры в коммуникации в урбанизированной культурно-гетерогенной языковой среде, которые могут быть выявлены при помощи разработанного программного комплекса. Предлагаются варианты диагностики различных дискурсивных барьеров посредством индивидуальных реакций на соответствующий стимульный материал, и далее предлагаются варианты тренинговой адаптации и снижения лингвистической агрессии при взаимодействии с иноязычной языковой и культурной средой.

Разработанный программный комплекс открывает новые ракурсы исследований и деятельности по улучшению городской образовательной экосреды, уменьшению количества конфликтов и повышению толерантности к представителям различных культур. В частности, возможно и необходимо обращение к вопросам адаптации доминирующих языковых групп к языковым практикам языковых меньшинств в городской среде. При помощи представленного комплекса может быть подобрана тренинговая система выявления и преодоления напряженного отношения к мигрантам и представителям языковых меньшинств. Указанный вопрос не может быть решен в рамках настоящей публикации, однако может быть обозначена перспективность работы в данном направлении.

Список источников

1. Михалева Е.И. Основные особенности и трудности восприятия диалектально-окрашенной речи на английском языке // Иностранные языки в школе. 2007. № 1. С. 81–84.
2. Бозиев А.Т. О некоторых факторах восприятия иноязычной речи // Инновационные технологии в науке и образовании. 2016. № 1–2 (5). С. 124–126.
3. Фролова О.Е. Речевая агрессия и реакция на нее // Русская речь. 2021. № 4. С. 45–60. doi: 10.31857/S013161170016214-4
4. Полякова Е.Н. Речевая адаптация детей-билингвов в ДОУ // Молодой ученый. 2022. № 34 (429). С. 114–119.
5. Серова Е.Е., Замашикова Л.В. Исследование поликультурных качеств у иностранных военнослужащих (ИВС) в процессе профессиональной речевой адаптации // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 5-1. С. 486–497.
6. Schouten B. The Nature of Speech Perception (the Psychophysics of Speech Perception III) // Speech Communication. 2003. Vol. 41 (1). P. 1–6.
7. Gage L.W., Takeshita Y.J. Coping with stress in a cross-cultural setting: the case of Japanese and American employees of a Japanese plant in the United States // AAOHN Journal. 1996. Vol. 44 (6). P. 278–287.
8. Korpil P., Sobkowiak M. The perception of native vs. non-native danish speech: bent and bradlow's matched interlanguage speech intelligibility benefit revisited // Scandinavian Philology. 2020. Vol. 18 (2). P. 284–296.
9. Busch B. Trends and innovative practices in multilingual education in Europe: An overview // International Review of Education. 2011. Vol. 57 (5-6). P. 541–549.
10. Budach G., Erfurt J., Kunkel M. Zweisprachig lehren und lernen. Begehung eines Forschungs- und Praxisfelds // E'coles plurilingues – multilingual schools: Konzepte, Institutionen und Akteure. Internationale Perspektiven / G. Budach, J. Erfurt, M. Kunkel (eds.). Frankfurt / M. : Peter Lang GmbH, 2008. P. 7–51.
11. Nicolaou A., Parmaxi A., Papadima-Sophocleous S., Boglou D. Language education in a multilingual city: The case of Limassol // London Review of Education. 2016. Vol. 14 (2). P. 174–185. doi: 10.18546/LRE.14.2.12
12. Савченко И.А., Козлова Ю.В. Речевые практики в дискурсе цифрового города: «пересборка» иноязычного образования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 33–43. doi: 10.17223/15617793/496/4
13. Жарков Е.А. Лаборатория как внеаходимая сущность // Социология науки и технологий. 2020. № 4. С. 175–190. doi: 10.24411/2079-0910-2020-14010
14. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305. doi: 10.17223/19996195/44/18
15. Безукладников К.Э., Гитман Е.К., Глумова Е.П. и др. Новые подходы в лингводидактике и педагогическом образовании. Н. Новгород : Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2022. 312 с.
16. Обдалова О.А., Соболева А.В., Минакова Л.Ю. Модернизация иноязычного образования в эпоху социальных вызовов и технологических трансформаций: кейс-исследование трансформации образовательной программы магистратуры // Перспективы науки и образования. 2023. № 2 (62). С. 102–124. doi: 10.32744/pse.2023.2.6
17. Обдалова О.А., Жарова Ю.В. Интегративно-развивающее обучение будущих инженеров иноязычной публичной речи на основе технологии междисциплинарного ассемблирования // Философия образования. 2023. Т. 23, № 2. С. 158–177. doi: 10.15372/PHE20230210
18. Обдалова О.А., Харাপудченко О.В. Личностно-деятельностный подход как основа совершенствования иноязычной профессиональной компетенции студентов магистратуры // Система непрерывного филологического образования: школа–колледж–вуз. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования : сб. науч. тр. по материалам XXII Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., Уфа, 14–15 апреля 2022 г. / под ред. В.Ф. Антова, Х.Х. Галимовой, Н.У. Халиуллиной, Ю.А. Шаниной. Уфа : Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2022. С. 286–288.
19. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 37–47. doi: 10.17223/15617793/488/4
20. Obdalova O.A., Kharapudchenko O.V., Soboleva A.V., Minakova L.Y. Interactive Technology in Teaching English Oral Academic Discourse to Master Students // Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEEHIP 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. Cham : Springer, 2022. Vol. 499. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_6
21. Cam M.F., Obdalova O.A. The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. P. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1
22. Парина И.С., Парин С.Б. Исследование уровня стресса у начинающих переводчиков-синхронистов в рамках когнитивной парадигмы // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 124–134.
23. Pilgun M.A., Kharlamov A.A. Information retrieval and analysis of digital conflictogenic zones by social media data // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 236. P. 677–685.
24. Cao H., Cooper D.G., Keutmann M.K., Gur R.C., Nenkova A., Verma R. CREMA-D: Crowd-sourced Emotional Multimodal Actors Dataset // IEEE Transactions on Affective Computing. 2014. № 5 (4). P. 377–390. doi: 10.1109/TAFFC.2014.2336244
25. Mirsamadi S., Barsoum E., Zhang C. Automatic speech emotion recognition using recurrent neural networks with local attention // IEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing (ICASSP). 2017. P. 2227–2231. doi: 10.1109/ICASSP.2017.7952552
26. Сергунов Д.И., Артемова А.А., Гришунов С.С. Система распознавания эмоций по голосу на основе сверточной нейронной сети // E-Scio. 2019. № 7 (34). С. 44–51.
27. Эллард К. Среда обитания как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие : пер. с англ. 3-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2022. 288 с.
28. Jiang Bin, Huang Ju-Tzu. A new approach to detecting and designing living structure of urban environments // Computers, Environment and Urban Systems. 2021. Vol. 88. Art. 101646. doi: 10.1016/j.compenvurbsys.2021.101646
29. Гейл Я. Города для людей. М. : Альпина Паблишер, 2012. 276 с.
30. Gehl J., Svarre B. How To Study Public Life. Island Press : Center for Resource Economics, 2013. doi: 10.5822/978-1-61091-525-0
31. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2013. 414 с.
32. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
33. Вебер М. Город / пер. Б.Н. Попов; ред. Н.И. Кареева. М. : Юрайт, 2024. 158 с.
34. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М. : Новое литературное обозрение, 1992. 55 с.
35. Эко У. Отсутствующая структура. La struttura assente: введение в семиологию. М. : Корпус ; АСТ, 2019. 698 с.
36. Берестовская Д.С., Петренко А.П. Архитектурное пространство города: семиотический подход // Урбанистика. 2017. № 1. С. 24–34. doi: 10.7256/23108673.2017.1.22489
37. Козлова Ю.В., Савченко И.А. Умный город: проблема цифрового доверия // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4, № 5. С. 23–27.
38. Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The City. University of Chicago Press, 1967. 239 p.
39. Law J. After ANT: Topology, Naming and Complexity // Actor-Network and After / ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford : Blackwell and the Sociological Review, 1999. P. 1–14.
40. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.
41. Лурья А.Р. Язык и сознание. СПб. : Питер, 2020. 448 с.

42. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : УРСС, 2002. 446 с.
43. Выготский Л.С. Мышление и речь. М. : АСТ, 2022. 576 с.
44. Fishman J.A. Sociolinguistics a brief introduction. New York : Newbury House Publishers, 1970. 126 p.
45. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет / пер. с франц. М. : Касталь, 1996. С. 47–96.
46. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М. : Канон+, 2008. 544 с.
47. Hallberg D. Sociocultural and cognitivist perspectives on language and communication barriers in learning // International Journal of Behavioral, Cognitive, Educational and Psychological Sciences. 2010. Vol. 2 (2). P. 111–120.
48. Савченко И.А., Золотарев М.И., Буланова И.С. Алгоритмизированный анализ речевосприятия в дискурсивных исследованиях города // Социология науки и технологий. 2024. № 2. С. 162–177.
49. Rankin C.H., Abrams T., Barry R.J., Bhatnagar S., Clayton D.F., Colombo J., Coppola G., Geyer M.A., Glanzman D.L., Marsland S., McSweeney F.K., Wilson D.A., Wu C.F., Thompson R.F. Habituation revisited: an updated and revised description of the behavioral characteristics of habituation // Neurobiology of Learning and Memory. 2009. Vol. 92 (2). P. 135–138. doi: 10.1016/j.nlm.2008.09.012
50. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Саратов. нац. исслед. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2000. С. 25–33.
51. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1998. С. 185–197.
52. Белянин В.П. Психолингвистика. М. : Флинта : Моск. психол.-соц. ин-т, 2008. 226 с.
53. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М. : Ин-т психологии РАН, 2002. 251 с.
54. Мнацаканян И.А. Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004. 26 с.
55. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 389 с.
56. Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 24 с.
57. Рязузова Е.В. Методологическая рамка для исследования адаптации иностранных студентов // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Константинов. М. : Перо, 2018. С. 320–328.
58. Шолохов И.А. Психологические проблемы адаптации учащейся молодежи за рубежом. Психологическая помощь молодежи в межкультурных отношениях // Развитие личности. 1999. № 4. С. 72–85.
59. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Bochner S. Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction. Oxford : Pergamon, 1982. P. 5–44.
60. Oberg K. Culture Shock: Adjustment to New Cultural Environments (reprint) // Practical Anthropology. 2006. Vol. 29. P. 142–146.
61. Федотова Н.Л., Миллер Л.В. Особенности адаптации иностранных студентов к русской лингвокультурной и образовательной среде // Русистика. 2018. № 2. С. 191–206.
62. Поморцева Н.В. Лингвокультурная адаптация иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку в условиях языковой среды: социально-психологический аспект // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 5. С. 69–74.
63. Ward C., Bochner S., Furnham A. Psychology of culture shock. London : Routledge, 2001. 384 p. doi: 10.4324/9781003070696
64. Константинов В.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе : дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2018. 535 с.
65. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Теоретико-методологический подход к исследованию этнической толерантности в поликультурных регионах России // Толерантность в межкультурном диалоге / отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М. : ИЭА РАН, 2005. С. 10–41.
66. Babiker I.E., Cox J.L., Miller P. McC. The Measurement of Culture Distance and Its Relationship to Medical Consultation, Symptomatology and Examination Performance of Overseas Students at Edinburgh // Social Psychiatry. 1980. № 15. P. 109–116.
67. Bogardus E.S. Racial Distance Changes in the United States during the Past Thirty Years // Sociology and Social Research. 1958. Vol. 43. P. 127–135.
68. Дробизева Л.М. Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России / Ин-т этнологии и антропологии РАН; авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М. : Ин-т социологии, 1998. 385 с.

References

1. Mikhaleva, E.I. (2007) Osnovnyye osobennosti i trudnosti vospriyatiya dialektno-okrashennoy rechi na angliyskom yazyke [Main features and difficulties in perceiving dialect-colored speech in English]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1. pp. 81–84.
2. Boziyev, A.T. (2016) O nekotorykh faktorakh vospriyatiya inoyazychnoy rechi [On some factors in the perception of foreign speech]. *Innovatsionnyye tekhnologii v nauke i obrazovanii*. 1–2 (5). pp. 124–126.
3. Frolova, O.E. (2021) Rechevaya agressiya i reaktsiya na neye [Speech aggression and reaction to it]. *Russkaya rech'*. 4. pp. 45–60. doi:10.31857/S013161170016214-4
4. Polyakova, E.N. (2022) Rechevaya adaptatsiya detey-bilingvov v DOU [Speech adaptation of bilingual children in preschool]. *Moloday uchenyy*. 34 (429). pp. 114–119.
5. Serova, E.E. & Zarnashchikova, L.V. (2022) Issledovaniye polikul'turnykh kachestv u inostrannykh voyennosluzhashchikh (IVS) v protsesse professional'noy rechevoy adaptatsii [Study of multicultural qualities in foreign military personnel during professional speech adaptation]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 12 (5–1). pp. 486–497.
6. Schouten, B. (2003) The Nature of Speech Perception (the Psychophysics of Speech Perception III). *Speech Communication*. 41 (1). pp. 1–6.
7. Gage, L.W. & Takeshita, Y.J. (1996) Coping with stress in a cross-cultural setting: The case of Japanese and American employees of a Japanese plant in the United States. *AAOHN Journal*. Vol. 44 (6). pp. 278–287.
8. Korpil, P. & Sobkowiak, M. (2020) The perception of native vs. non-native Danish speech: Bent and Bradlow's matched interlanguage speech intelligibility benefit revisited. *Scandinavian Philology*. 18 (2). pp. 284–296.
9. Busch, B. (2011) Trends and innovative practices in multilingual education in Europe: An overview. *International Review of Education*. 57 (5–6). pp. 541–549.
10. Budach, G., Erfurt, J. & Kunkel, M. (2008) Zweisprachig lehren und lernen. Begehung eines Forschungs- und Praxisfelds. In Budach, G., Erfurt, J. & Kunkel, M. (eds) *Écoles plurilingues – multilingual schools: Konzepte, Institutionen und Akteure. Internationale Perspektiven*. Frankfurt/M.: Peter Lang GmbH. pp. 7–51.
11. Nicolaou, A., Parmaxi, A., Papadima-Sophocleous, S. & Boglou, D. (2016) Language education in a multilingual city: The case of Limassol. *London Review of Education*. 14 (2). pp. 174–185. doi:10.18546/LRE.14.2.12
12. Savchenko, I.A. & Kozlova, Yu.V. (2023) Speech practices in the discourse of the digital city: "Reassembling" foreign language education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. (In Russian). pp. 33–43. doi:10.17223/15617793/496/4
13. Zharkov, E.A. (2020) Laboratoriya kak vnenakhodimaya sushchnost' [The laboratory as an externalized entity]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 4. pp. 175–190. doi:10.24411/2079-0910-2020-14010
14. Obdalova, O.A. (2018) Kognitivno-diskursivnaya tekhnologiya v obuchenii inoyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii [Cognitive-discursive technology in teaching foreign intercultural communication]. *Yazyk i kul'tura*. 44. pp. 279–305. doi:10.17223/19996195/44/18

15. Bezukladnikov, K.E. et al. (2022) *Novyye podkhody v lingvodidaktike i pedagogicheskom obrazovanii* [New approaches in linguodidactics and pedagogical education]. N. Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod.
16. Obdalova, O.A., Soboleva, A.V. & Minakova, L.Yu. (2023) Modernizatsiya inoyazychnogo obrazovaniya v epokhu sotsial'nykh vyzovov i tekhnologicheskikh transformatsiy: keys-issledovaniye transformatsii obrazovatel'noy programmy magistratury [Modernization of foreign language education in the era of social challenges and technological transformations: A case study of master's program transformation]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2 (62). pp. 102–124. doi:10.32744/pse.2023.2.6
17. Obdalova, O.A. & Zharova, Yu.V. (2023) Integrativno-razvivayushcheye obucheniye budushchikh inzhenerov inoyazychnoy publichnoy rechi na osnove tekhnologii mezhdistsiplinarnogo assemblirovaniya [Integrative-developmental teaching of foreign public speech to future engineers based on interdisciplinary assembly technology]. *Filosofiya obrazovaniya*. 23 (2). pp. 158–177. doi:10.15372/PHE20230210
18. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2022) Lichnostno-deyatelnostnyy podkhod kak osnova sovershenstvovaniya inoyazychnoy professional'noy kompetentsii studentov magistratury [Personality-activity approach as a basis for improving foreign language professional competence of master's students]. In: Aitov, V.F. et al. (eds) *Sistema nepreryvnogo filologicheskogo obrazovaniya: shkola–kolledzh–vuz. Sovremennyye podkhody k prepodavaniiyu distsiplin filologicheskogo tsikla v usloviyakh polilingval'nogo obrazovaniya* [System of continuous philological education: school–college–university. Modern approaches to teaching philological subjects in the context of multilingual education]. Ufa: BSPU. pp. 286–288
19. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2023) System-forming results of integrative formats of collaborative work in foreign language training of future engineering specialists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 37–47. (In Russian). doi:10.17223/15617793/488/4
20. Obdalova, O.A., Kharapudchenko, O.V., Soboleva, A.V. & Minakova, L.Yu. (2022) Interactive Technology in Teaching English Oral Academic Discourse to Students. In: *Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEEHGIP 2022*. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 499. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-11435-9_6
21. Cam, M.F. & Obdalova, O.A. (2023) The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 5–13. (In Russian). doi:10.17223/15617793/488/1
22. Parina, I.S. & Parin, S.B. (2019) Issledovaniye urovnya stressa u nachinayushchikh perevodchikov-sinkhronistov v ramkakh kognitivnoy paradigmy [Study of stress levels in novice simultaneous interpreters within the cognitive paradigm]. *Voprosy psikhologicheskoy nauki*. 2 (40). pp. 124–134.
23. Pilgun, M.A. & Kharlamov, A.A. (2022) Information retrieval and analysis of digital conflictogenic zones by social media data. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 236. pp. 677–685.
24. Cao, H. et al. (2014) CREMA-D: Crowd-sourced Emotional Multimodal Actors Dataset. *IEEE Transactions on Affective Computing*. 5 (4). pp. 377–390. doi:10.1109/TAFFC.2014.2336244
25. Mirsamadi, S., Barsoum, E. & Zhang, C. (2017) Automatic speech emotion recognition using recurrent neural networks with local attention. *IEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing (ICASSP)*. pp. 2227–2231. doi:10.1109/ICASSP.2017.7952552
26. Sergunov, D.I., Artemova, A.A. & Grishunov, S.S. (2019) Sistema raspoznavaniya emotsiy po golosu na osnove svertochnoy neyronnoy seti [Emotion recognition system based on a convolutional neural network]. *E-Scio*. 7 (34). pp. 44–51.
27. Ellard, C. (2022) *Sreda obitaniya: kak arkhitektura vliyayet na nashe povedeniye i samochuvstviye* [Habitat: How architecture affects our behavior and well-being]. 3rd ed. Moscow: Al'pina Publisher.
28. Jiang, B. & Huang, J.-T. (2021) A new approach to detecting and designing living structure of urban environments. *Computers, Environment and Urban Systems*. 88. Art. 101646. doi:10.1016/j.compenvurbsys.2021.101646
29. Gehl, J. (2012) *Goroda dlya lyudey* [Cities for people]. Moscow: Al'pina Publisher.
30. Gehl, J. & Svarre, B. (2013) *How To Study Public Life*. Washington, DC: Island Press. doi:10.5822/978-1-61091-525-0
31. Latour, B. (2013). *Nauka za deystviyem: sleduy za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action: Following scientists and engineers through society]. St. Petersburg: Izd-vo Yevropeyskogo un-ta v S.-Peterburge.
32. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network theory]. Moscow: HSE.
33. Weber, M. (2024) *Gorod* [The city]. Moscow: Yurait.
34. Augé, M. (1992) *Ne-mesta. Vvedeniye v antropologiyu gipermoderna* [Non-places: An introduction to the anthropology of hypermodernity]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
35. Eco, U. (2019) *Otsutstvuyushchaya struktura. La struttura assente: vvedeniye v semiologiyu* [The absent structure: Introduction to semiology]. Moscow: Corpus; AST.
36. Berestovskaya, D.S. & Petrenko, A.P. (2017) Arkhitekturnoye prostranstvo goroda: semioticheskiy podkhod [Architectural space of the city: A semiotic approach]. *Urbanistika*. 1. pp. 24–34. doi:10.7256/23108673.2017.1.22489
37. Kozlova, Yu.V. & Savchenko, I.A. (2021) Umnyy gorod: problema tsifrovogo doveriya [Smart city: The problem of digital trust]. *Russian Economic Bulletin*. 4 (5). pp. 23–27.
38. Park, R.E., Burgess, E.W. & McKenzie, R.D. (1967) *The City*. Chicago: University of Chicago Press.
39. Law, J. (1999) After ANT: Topology, Naming and Complexity. In: Law, J. & Hassard, J. (eds) *Actor-Network and After*. Oxford: Blackwell and the Sociological Review. pp. 1–14.
40. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 136–137.
41. Luriya, A.R. (2020) *Yazyk i soznaniye* [Language and consciousness]. St. Petersburg: Piter.
42. Benveniste, E. (2002) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: URSS.
43. Vygotsky, L.S. (2022) *Myshleniye i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: AST.
44. Fishman, J.A. (1970) *Sociolinguistics a brief introduction*. New York: Newbury House Publishers.
45. Foucault, M. (1996) Poryadok diskursa [The order of discourse]. In: Foucault, M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow: Kastal'. pp. 47–96.
46. Kasavin, I.T. (2008) *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedeniye v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. Introduction to social epistemology of language]. Moscow: Kanon+.
47. Hallberg, D. (2010) Sociocultural and cognitivist perspectives on language and communication barriers in learning. *International Journal of Behavioral, Cognitive, Educational and Psychological Sciences*. 2 (2). pp. 111–120.
48. Savchenko, I.A., Zolotarev, M.I. & Bulanova, I.S. (2024) Algoritmizirovannyy analiz rechevospriyatiya v diskursivnykh issledovaniyakh goroda [Algorithmic analysis of speech perception in urban discourse studies]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2. pp. 162–177.
49. Rankin, C.H. et al. (2009) Habituation revisited: An updated and revised description of the behavioral characteristics of habituation. *Neurobiology of Learning and Memory*. 92 (2). pp. 135–138. doi:10.1016/j.nlm.2008.09.012
50. Karasik, V.I. (2000) Struktura institutsional'nogo diskursa [The structure of institutional discourse]. In: *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication]. Saratov: Saratov National Research State University. pp. 25–33.
51. Karasik, V.I. (1998) O kategoriakh diskursa [On discourse categories]. In: *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskiye i emotivnyye aspekty* [Language personality: sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd: Peremena. pp. 185–197.
52. Belyanin, V.P. (2008) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Flinta; MPSI.

53. Gritsenko, V.V. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya pereselentsev v Rossii* [Socio-psychological adaptation of migrants in Russia]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
54. Mnatsakanyan, I.A. (2004) *Adaptatsiya uchashchikhsya v novykh sotsiokul'turnykh usloviyakh* [Adaptation of students in new socio-cultural conditions]. Yaroslavl: YaSU.
55. Soldatova, G.U. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow: Smysl.
56. Tatarko, A.N. (2004) *Vzaimosvyaz' etnicheskoy identichnosti i psikhologicheskikh strategiy mezhkul'turnogo vzaimodeystviya* [The relationship between ethnic identity and psychological strategies of intercultural interaction]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
57. Ryaguzova, E.V. (2018) Metodologicheskaya ramka dlya issledovaniya adaptatsii inostrannykh studentov [Methodological framework for studying the adaptation of foreign students]. In: Konstantinov, V.V. (ed.) *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v sovremennom mire* [Social and psychological adaptation of migrants in the modern world]. Moscow: Pero. pp. 320–328.
58. Sholokhov, I.A. (1999) Psikhologicheskiye problemy adaptatsii uchashcheysya molodezhi za rubezhom. Psikhologicheskaya pomoshch' molodezhi v mezhkul'turnykh otnosheniyakh [Psychological problems of student adaptation abroad. Psychological assistance to youth in intercultural relations]. *Razvitiye lichnosti*. 4. pp. 72–85.
59. Bochner, S. (1982) The social psychology of cross-cultural relations. In: Bochner, S. (ed.) *Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction*. Oxford: Pergamon. pp. 5–44.
60. Oberg, K. (2006) Culture Shock: Adjustment to New Cultural Environments (reprint). *Practical Anthropology*. 29. pp. 142–146.
61. Fedotova, N.L. & Miller, L.V. (2018) Osobennosti adaptatsii inostrannykh studentov k russkoy lingvokul'turnoy i obrazovatel'noy srede [Features of adaptation of foreign students to Russian linguocultural and educational environment]. *Rusistika*. 2. pp. 191–206.
62. Pomortseva, N.V. (2008) Lingvokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh uchashchikhsya v protsesse obucheniya russkomu yazyku v usloviyakh yazykovoy sredy: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [Linguocultural adaptation of foreign students in the process of learning Russian in a language environment: Socio-psychological aspect]. *Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 5. pp. 69–74.
63. Ward, C., Bochner, S. & Furnham, A. (2001) *Psychology of culture shock*. London: Routledge. doi:10.4324/9781003070696
64. Konstantinov, V.V. (2018) *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v prinyimayushchem polikul'turnom obshchestve* [Socio-psychological adaptation of migrants in a receiving multicultural society]. Saratov: Saratov National Research State University.
65. Lebedeva, N.M. & Tatarko, A.N. (2005) Teoretiko-metodologicheskii podkhod k issledovaniyu etnicheskoy tolerantnosti v polikul'turnykh regionakh Rossii [Theoretical and methodological approach to the study of ethnic tolerance in multicultural regions of Russia]. In: Lebedeva, N.M. & Tatarko, A.N. (eds) *Tolerantnost' v mezhkul'turnom dialoge* [Tolerance in intercultural dialogue]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. pp. 10–41.
66. Babiker, I.E., Cox, J.L. & Miller, P.McC. (1980) The Measurement of Culture Distance and Its Relationship to Medical Consultation, Symptomatology and Examination Performance of Overseas Students at Edinburgh. *Social Psychiatry*. 15. pp. 109–116.
67. Bogardus, E.S. (1958) Racial Distance Changes in the United States during the Past Thirty Years. *Sociology and Social Research*. 43. pp. 127–135.
68. Drobizheva, L.M. (1998) *Sotsial'naya i kul'turnaya distantsii: opyt mnogonatsional'noy Rossii* [Social and cultural distances: The experience of multinational Russia]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.

Информация об авторах:

Савченко И.А. – д-р социол. наук, руководитель проектного офиса гуманитарной аналитики, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: savchenko-514@mgpu.ru

Сахарова А.В. – канд. филол. наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); младший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: hanna.lazareva@gmail.com

Золотарев М.И. – эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: maksbrain@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Savchenko, Dr. Sci. (Sociology), head of the Project Office for Humanitarian Analytics, professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); head of the International Cross-Disciplinary Laboratory "Research Methods in Social Science", Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: savchenko-514@mgpu.ru

A.V. Sakharova, Cand. Sci. (Philology), expert of the Project Office for Humanitarian Analytics, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); junior research fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: hanna.lazareva@gmail.com

M.I. Zolotarev, expert of the Project Office for Humanitarian Analytics, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: maksbrain@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.06.2024;
одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 08.06.2024;
approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 30.11.2024.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/508/25

Еще раз о методологических началах криминалистической тактики

Рамиль Линарович Ахмедшин¹, Николай Трофимович Ведерников²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ raist@sibmail.com

² tsu-crime@mail.ru

Аннотация. Раскрывается комплекс проблем теоретической направленности, существующих в методологической части, одного из разделов науки о расследовании преступлений – криминалистической тактики. Основная идея статьи – совместить две противоположные тенденции. Первая – сохранить достижения, имеющиеся на сегодняшний день. Вторая – выявить системные ошибки, нивелирующие глубину исследований, характерные для отечественной криминалистической тактики. Именно смещение исследовательского акцента с малопродуктивных в плане прикладной ценности теоретических подходов на более продуктивные актуально для современной криминалистической тактики.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, методология, понятие, предмет, структура, задачи, принципы

Для цитирования: Ахмедшин Р.Л., Ведерников Н.Т. Еще раз о методологических началах криминалистической тактики // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 232–238. doi: 10.17223/15617793/508/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/25

Revisiting the methodological principles of forensic tactics

Ramil L. Akhmedshin¹, Nikolay T. Vedernikov²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ raist@sibmail.com

² tsu-crime@mail.ru

Abstract. The article reveals a set of theoretically oriented problems existing in the methodological part of one of the sections of the science of crime investigation – forensic tactics. The range of problems affects the methodological, historical, tactical and forensic aspects. The subject of the study was the basic methodological provisions that form the theoretical foundations of forensic tactics. The following general scientific methods were used in the study: analysis, synthesis, system-structural. The following specific scientific methods were used in the study – modeling, expert assessment. The article received a number of the following conclusions. The overwhelming majority of definitions of the concept of forensic tactics are excessively cumbersome, and if we take the most successful elements from the proposals of different authors, it turns out that forensic tactics is a system of recommendations for organizing preliminary and judicial investigation. The history of forensic tactics is the history of tactical and forensic discoveries reflected in the practice of investigating crimes, and not the history of the declared theoretical constructs in the space of tactical and forensic knowledge. Unique methods characteristic only of forensic tactics have not been found. What is usually referred to as such methods are either research methods, or types of activity, or other categories that do not fit into the system of tools with which the object is cognized. It is advisable to talk about the connection between forensic science and other sciences in the full sense of the word in an intradisciplinary sense as about the connection of forensic tactics with forensic technology and forensic methodology. Probably, this would be fair if the various sections of forensic science were not so heterogeneous. The norms of criminal procedural legislation regulating the conduct of individual investigative and judicial actions as a source of forensic tactics are significant and important. However, the researcher should always remember that legal norms are systemically grounded in the space of establishing relations based on power and subordination. So, there is an opinion that knowledge adapted from other sciences would be processed by forensic science both in form and content in relation to the specifics of the borrowing science. Conceptually, this is correct, but how can we organically transform both in form and content I.P. Pavlov's teaching on temperament in research practice, solving the problem of finding the most optimal form of interaction dynamics with the person being interrogated? We cannot. One should not confuse the good wishes of methodologists and reality. In general, the result of the study was the conclusion that shifting the research focus from theoretical approaches that are unproductive in terms of applied value to more productive ones is relevant for modern forensic tactics.

Keywords: forensic tactics, methodology, concept, subject, structure, tasks, principles

For citation: Akhmedshin, R.L. & Vedernikov, N.T. (2024) Revisiting the methodological principles of forensic tactics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 232–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/25

О понятии криминалистической тактики

В отношении понятия криминалистической тактики выработалось достаточно большое количество точек зрения. На первый взгляд было бы рационально привести эти точки зрения, систематизированные в рамках типовых подходов, и тем самым раскрыть их объективность и состоятельность. Однако мы пойдем путем более экономичным.

На первом этапе необходимо отсеять фрагменты определений, которые несут в себе разумеющуюся природу.

Достаточно давно прозвучала идея о том, что криминалистика должна восприниматься как искусство, а не наука, «так как ее содержание образуют методы (заимствованные из биологии, физики, химии, математики), а не законы» [1. С. 9]. И несмотря на то, что у этой идеи был ряд последователей, подавляющим большинством исследователей-криминалистов она была признана устаревшей [2. С. 13]. Скажем больше: данная идея была отвергнута еще в момент становления криминалистики как науки. Основатель криминалистики однозначно отметил, что «труд СС (судебного следователя) не есть искусство, а есть искусная деятельность» [3. С. 13].

Научное положение всегда носит теоретически обоснованный характер, поэтому упоминать об этом можно только при одном условии: если мы пытаемся в исследуемом явлении сделать перекоп в область теоретических суждений, фактически целенаправленно ориентируя криминалистику на то, чтобы она давала «знание не для действия, а знание ради знания» [4. С. 3]. В конечном результате возникнет ситуация, когда будет «мало охотников создавать авторские модели объектов научного анализа и как следствие, не получается конкретного выхода на те или иные новые закономерности» [5. С. 35]. Нет смысла и в указании на то, что практические рекомендации разрабатываются на основе теоретических положений. В конце концов, даже если мы опираемся на голую эмпирику, мы всегда можем сослаться на теоретические положения, которые проистекают из принципа детерминизма, свойств системности и прочее.

Относительно правомерности тактико-криминалистических рекомендаций как свойства, определяющего природу криминалистической тактики, следует понимать следующее: не бывает неправомερных тактико-криминалистических приемов, можно говорить о неправомερности процесса их экспериментального исследования как минимум и неправомερности их применения в практике расследования как максимум. Разве непосредственно разработка тактических рекомендаций в области использования в процессе расследования гипнотических, фармакологических, инструментальных (полиграф) приемов является неправомερной? Если их разработка происходит без нанесения ущерба испытуемому, то не является.

Есть ли необходимость указания в определении криминалистической тактики на то, что она по своей природе руководствуется уголовно-процессуальными нормами? Если есть, то только в контексте диалога с теми, кто оспаривает правовую природу расследования преступлений.

На втором этапе необходимо соблюдать ряд правил методологического характера. В любом определении необходимо стремиться к минимализму и простоте. Именно поэтому в определении предмета не используется перечислительный подход. Помимо сказанного, перечислительный подход это явный признак разнородности предметного пространства, а значит, искусственности самого научного знания в рассматриваемой области.

Методологическая целостность области знания присутствует, если в определении предмета отсутствуют указания на задачи, методы и систему знания. Предметная неопределяемость через вышеописанные объекты проистекает из того, что если мы будем описывать впоследствии каждый из этих объектов (задачи, методы и систему знания), то мы тем самым возвратимся к понятийному образу. Естественно, нельзя определять предметное пространство области знания через специальные термины, которые производны от предмета (например, определять криминалистическую тактику через понятие «тактический прием»).

На третьем этапе мы определяем область, на которую собираемся распространить наш предмет исследования. В нашем случае мы должны ответить на вопрос, решает ли криминалистическая тактика только проблемы расследования преступлений на предварительном следствии или затрагивает также и судебное следствие и дознание.

Изначально раздел криминалистики, контурно повторяющий криминалистическую тактику по традиции использования понятия «уголовная техника», назывался уголовной тактикой. Впоследствии научным сообществом было принято решение о том, что термин «следственная тактика» более соответствует логике науки о расследовании преступлений. В середине XX в. было впервые озвучено предложение о большей рациональности использования термина «криминалистическая тактика» [6. С. 82–88], который и был вскоре принят большинством криминалистов.

Вероятно, время подтвердило необходимость отказа от мнения А.Н. Васильева о том, что «криминалистика не имеет своей задачей специальную разработку каких-то особых тактических приемов проведения судебного следствия» [7. С. 47].

Широко известен аргумент о том, что «следственная тактика» как название одного из разделов криминалистики является результатом смешения двух понятий: тактики как формы практической деятельности следователя и тактики как раздела науки криминалистики, изучающей эту сторону практической деятельности.

Но ведь формой практической деятельности будет как следственная тактика, так и розыскная или судебная тактика. Однако если первый раздел науки криминалистики закономерно носит наименование криминалистической техники, то вполне логично второй раздел именовать криминалистической тактикой, что полностью соответствует сущности предмета науки криминалистики и кругу вопросов, ею рассматриваемых [8. С. 8].

Можно усомниться, что в криминалистическую тактику входит тактика оперативно-розыскных мероприятий, так как последняя является пространством теории оперативно-розыскной деятельности. Однако, с другой стороны, само название «теория оперативно-розыскной деятельности» говорит о ее окончательной (хотя правильнее сказать полной) несформированности как самостоятельного знания, в отличие от ее зарубежного аналога, известного как «полицейская тактика».

Таким образом, видно, что подавляющее большинство определений, дающих понятие криминалистической тактики, избыточно громоздки, и если взять наиболее удачные элементы из предложений разных авторов, то получится, что криминалистическая тактика – это система [9. С. 11–12] рекомендаций [10. С. 71] по организации предварительного и судебного следствия [11. С. 40].

Здесь в организацию мы включаем как тактико-криминалистическое обеспечение отдельного следственного действия, так и планирование расследования в целом. Остальные понятия приведенного определения понимаемы даже интуитивно.

О структуре криминалистической тактики

Структура рассматриваемого раздела криминалистической науки достаточно традиционна для нее и подразделяется на две части: общие положения криминалистической тактики и тактика отдельных следственных действий.

К общим положениям криминалистической тактики относятся:

- методологические аспекты криминалистической тактики (предмет, методы, цель и задачи, система);
- история возникновения и развития криминалистической тактики;
- алгоритмы адаптации знаний иных наук в криминалистическую тактику;
- учение о планировании расследования;
- учение о тактическом приеме (далее мы объясним, почему не выделяем отдельно тактические операции и комбинации);
- отдельные концепции, не достигшие еще уровня как теоретического знания, так и уровня внятной прикладной реализации (концепция следственных ситуаций, концепция тактического решения и тактического риска, концепция тактической комбинации и операции);
- система тактических приемов по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств;

– система рекомендаций по взаимодействию следователя с органами дознания и иными государственными органами и организациями;

– система рекомендаций по использованию специальных познаний и помощи специалистов;

– система рекомендаций по привлечению общественности к расследованию преступлений.

Отдельно отметим предельную важность исторического исследования криминалистической тактики. «Изгнание» из предмета криминалистики ее истории приводит к тому, что игнорируются закономерности ее возникновения и развития как самостоятельной науки, а также взаимосвязи различных ее школ и моделей. Кроме того, затрудняется понимание ее нынешнего состояния и направлений дальнейшего развития как сложного социально-культурного и институционального явления, а не только лишь как некой совокупности систематизированных научных криминалистических знаний [12. С. 169]. Помним, что история криминалистической тактики – это история тактико-криминалистических открытий, нашедших отражение в практике расследования преступлений, а не история заявляемых теоретических конструкций в пространстве тактико-криминалистического знания.

Большинство исследователей выделяют в криминалистической тактике также криминалистическое учение о розыске. Не оспаривая в целом их правоту, видится более разумным исследование учения о розыске в контексте алгоритмов расследования конкретных видов преступления, если розыск имеет свою видовую специфику, или не рассматривать его вовсе, если он эту специфику не имеет.

Учение о версиях имеет характер межструктурный для криминалистического знания, поэтому его исследование видится целесообразным в общетеоретическом разделе криминалистики.

Подраздел «Тактика отдельных следственных действий», как ясно из названия, включает в себя рекомендации по организации (подготовке, проведению и фиксации результатов) следственных и судебных действий.

Об источниках криминалистической тактики

Рассматриваемые источники формируют достаточно четкую систему, оспорить в которой можно только приоритетность элементов ее структуры. Нам она видится в нижеописанном виде.

Обобщенный опыт раскрытия и расследования преступлений как источник криминалистической тактики должен выступать приоритетным источником. Однако необходимо понимание, что практика расследования в силу естественных причин, как и любая человеческая деятельность, тяготеет к объективно значимому количеству ошибок. В криминалистической науке теории ошибок расследования, подтвержденной глубокой эмпирикой, пока не создано, поэтому восприятие результатов практики расследования и судебного рассмотрения уголовного дела должно быть предельно критичным. Обобщение имеющегося опыта расследо-

вания целесообразно в контексте однородных социополитических условий, поэтому критично важно выделять этапы, в которых преступность характеризовалось уникальными системными свойствами, как производными от эпохи своего существования. Учитывая актуальность идеи мониторинга тенденций расследования преступлений в целом и их отдельных видов в частности, понятно, что результативное обобщение опыта расследования – это «удел» не исследователей-одиночек, а коллективов исследователей под эгидой государства.

Положение иных наук, в первую очередь – научной организации труда, правовой (юридической) психологии, криминологии, науки уголовного процесса, уголовного права и др., выступает еще одним системообразующим источником криминалистической тактики. Мы ранжировали научные дисциплины по убывающей исходя из их степени обособленности от текущей доктринальности («повестки»), т.е. субъективного компонента.

Положение иных разделов науки криминалистики – общей теории; криминалистической техники; криминалистической методики – источник традиционно признаваемый, но несколько неоднозначный. Ведь если бы связь между разделами действительно была бы глубинной, то не было бы необходимости в их обособлении друг от друга. Если же они обособились, то область заимствования достижений из других разделов криминалистики достаточно эпизодична, за исключением, пожалуй, криминалистической теории. Однако последняя включает в себя настолько обобщенные положения (например теория отражения), что реального выхода на конкретную теорию не имеет.

Нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие проведение отдельных следственных и судебных действий, как источник криминалистической тактики значимы и важны. Однако исследователь всегда должен помнить о том, что правовые нормы системно базируются в пространстве установления отношений, основанных на власти и подчинении, хотя есть мнение что априори исследовательской позицией ученого-юриста должна быть установка, что «действующее право в общем и целом является правильным» [13. С. 20]. Без сомнения, в практике применения тактико-криминалистических рекомендаций следователь должен безоговорочно ориентироваться на нормы уголовно-процессуального законодательства. Однако при проведении криминалистических исследований не нужно переоценивать роль нормы уголовно-процессуального законодательства, ведь «всякая природа тактического приема определяется той наукой, которая лежит в основе его формирования... То обстоятельство, что тактические приемы осуществляются в рамках уголовно-процессуальной деятельности, еще не означает, что они имеют юридическую природу» [14. С. 66].

К основным задачам криминалистической тактики относятся:

- методологический мониторинг состояния развития криминалистической тактики;
- мониторинг достижений иных наук, которые возможно адаптировать для решения тактико-криминалистических задач;

- анализ направления развития криминалистической тактики и оценка эффективности этого развития;
- разработка частных тактико-криминалистических учений;
- разработка рекомендаций по планированию расследования;
- разработка новых подходов к систематизации тактических приемов;
- разработка тактических приемов подготовки и производства отдельных следственных и судебных действий;
- разработка системы рекомендаций по взаимодействию следователя с органами дознания и иными государственными органами и организациями;
- разработка системы рекомендаций по использованию специальных познаний и помощи специалистов;
- разработка системы рекомендаций по привлечению общественности к расследованию преступлений.

К системе принципов криминалистической тактики относятся:

- принцип прикладной выраженности теоретических исследований, характерный именно для основных структурных криминалистических разделов (техники, тактики, методики) («Теорию отличает то, что она представляет собой систематизированное знание, получившее практическое подтверждение и логическое обоснование. В общей теории криминалистики это содержится только в ее компонентах – частных теориях») [15. С. 24–25];
- принцип законности использования тактико-криминалистических средств;
- принцип единства руководства при проведении расследования в целом и следственного действия в частности;
- принцип стадийности;
- принцип ситуационности;
- принцип объектной оптимизации (инструментальной, программно-технической, технико-криминалистической);
- принцип субъектной оптимизации (использование помощи специалистов, сотрудников оперативно-розыскных подразделений, общественности).

О методах криминалистической тактики

Мы не нашли уникальных методов, свойственных криминалистической тактике. Что обычно выдается за них, это либо исследовательские методики, либо виды деятельности, либо иные категории, которые не вписываются в систему «конкретный способ достижения какой-либо цели». Примем за исходное положение, что для самостоятельной науки достаточно наличие уникального предмета науки [16. С. 225], который у криминалистики вообще и криминалистической тактики в частности имеется.

О связи криминалистической тактики с иными науками

Рассматриваемая связь крайне многообразна и как любое проявление сложной системы неоднозначна.

Говоря о заимствовании знаний из других наук, прежде всего необходимо помнить, что в науке «ее разделение на отдельные области обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способности человеческого познания... существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу» [17. С. 183].

Существует мнение, что проблемы адаптации знаний из иных наук должны происходить в контексте принципов взаимодействия с ними криминалистической науки в целом. О связи же в полном смысле этого слова целесообразно говорить во внутридисциплинарном плане, как о связях криминалистической тактики с криминалистической техникой и криминалистической методикой. Вероятно, это было бы справедливо, если бы различные разделы криминалистики не были бы столь разнородны, как и не были бы многообразны знания из заимствуемых наук. К примеру, при заимствовании психологических знаний в криминалистическую технику для нас более интересны такие области психологии, как нейрофизиология, нейропсихология, в криминалистическую методику – техники профайлинга. Криминалистическую тактику же более интересуют такие разделы, как психология деятельности и дифференциальная психология, такие направления, как бихевиоризм и психоанализ и др.

Криминалистическая тактика и правовые науки. Нельзя говорить о том, что криминалистика есть наука, определяемая от ряда правовых наук более высокого уровня. «Соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом можно определить как соотношение самостоятельных элементов единой системы юридических наук уголовно-правового цикла» [18. С. 17].

Криминалистическая тактика и уголовный процесс. С одной стороны, уголовно-процессуальное право предопределяет обязательные модели поведения следователя при проведении следственных и судебных действий. С другой стороны, криминалистическая тактика влияет на уголовный процесс, вырабатывая отдельные новые приемы работы с доказательствами, и даже следственные действия, которые в дальнейшем закрепляются в нормах права. Примерами таких следственных действий, которые возникли в силу потребностей практики расследования, а не выступали исторически сложившимися простыми формами получения доказательств, являются следственный эксперимент и проверка показаний на месте.

В идеале криминалистическая тактика определяет и тенденции развития уголовного права. Именно наличие средств для установления обстоятельств деяния в одну из первых очередей должно влиять на криминализацию деяний. Бессмысленно криминализировать деяние, расследование которого невозможно или затруднительно обеспечить доказательственной базой.

Криминалистическая тактика и научная организация труда. Криминалистическая тактика ориентирована на выбор наиболее эффективного способа решения текущей задачи, что предопределяет ее взаимосвязь с целой группой наук организационного плана.

Приоритетна здесь, конечно, связь с наукой организации труда и такими ее отраслевыми проявлениями, как инженерная психология, эргономика и менеджмент. Оптимизация процесса подготовки к деятельности и оценки ее результатов, нормирование труда следователя и использование комплекса средств оптимизации этого труда – вот области, в которых происходит адаптация значимого для криминалистической тактики знания из науки об организации труда.

Криминалистическая тактика и иные разделы криминалистики находятся в неразрывной предметной связи, в какой-то своей части взаимообуславливая эффективность рекомендаций, разработанных каждым разделом криминалистической науки.

Криминалистическая тактика и социальные науки о человеке (психология, социология, конфликтология). В отношении заимствования знаний о человеке в криминалистической тактике до сих пор нет единого мнения. «Интегральный характер природы науки криминалистики, по нашему мнению, обусловлен не тем, что криминалистика использует широкий спектр научных знаний, а сущностью ее синтетического объекта. Познание объекта, обладающего синтетическими свойствами, лежащего и в естественнонаучной сфере, и в общественнонаучной области, невозможно без привлечения знаний различного рода и типа наук» [19. С. 57]. С другой стороны, к подобному заимствованию предъявляются требования, которые нелегко, а порой и невозможно реализовать. Так, есть мнение, что «особенное значение придается такому условию, чтобы перенос идей и представлений из одной области науки в другую сопровождался глубоким и органическим преобразованием используемых знаний как по форме, так и по содержанию применительно к специфике заимствующей науки» [19. С. 13–14]. Концептуально это правильно, но как в практике исследований мы можем «органически преобразовать как по форме, так и по содержанию» учение И.П. Павлова о темпераменте, решая задачу поиска наиболее оптимальной формы динамики взаимодействия с допрашиваемым? Вероятно, каждый исследователь, заявляя о необходимости адаптации, а не простом механическом заимствовании знаний о человеке для решения задач криминалистической тактики, должен привести пример адаптации конкретного знания. Данный пример будет выступать свидетельством того, что исследователь понимает, о чем говорит, а не повторяет академически традиционные мантры. В противном случае о проблеме адаптации знаний не стоит и говорить.

Сложность алгоритмов заимствования психологического знания для решения тактико-криминалистических задач может сформировать даже своеобразных методологических кадавров вроде «двойной научной адаптации», сводящихся к представлению оптимальности перехода психологического знания в криминалистику лишь как знания юридической психологии. Вероятно, следующим пожеланием сторонников такого подхода будет пожелание рассматривания в судебной физике знаний перед их заимствованием из физики в криминалистическую технику.

В целом в рассматриваемом вопросе первостепенно понимание, что при заимствовании знания исследователь должен помнить, что «знание закономерностей низшего порядка (физических или психологических – *Авт.*)

ничего не дает в плане понимания закономерностей высшего порядка» [16. С. 230].

Криминалистическая тактика и этика. Как и любое знание в области межличностного взаимодействия, криминалистическая тактика часто «вторга-

ется» в пространство нравственно должного поведения. Неудивительно, что критерий этичности всегда учитывается при использовании тактико-криминалистических средств в практике исследований и практики расследования преступлений.

Список источников

1. Локар Э. Руководство по криминалистике / пер. проф. С.В. Познышева, Н.В. Терзиева; под ред. С.П. Митричева. М. : Юриздат, 1941. 544 с.
2. Лапин Е.С. Философия криминалистики. 2-е изд. М. : Юрайт, 2018. 166 с.
3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
4. Александров А.С. Судебная лингвистика и судебная криминалистика // Использование достижений иных наук в криминалистике : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участием. Краснодар : Кубанский гос. аграрный ун-т, 2008. С. 3–6.
5. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности : Методология криминалист. исслед. Н. Новгород : НЮИ, 1997. 334 с.
6. Винберг А.И. О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы // Советское государство и право. 1955. № 8. С. 82–88.
7. Васильев А.Н. Следственная тактика и ее место в системе криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия: сб. ст. Вып. 15. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1961. С. 5–47.
8. Криминалистика : учебник для юрид. вузов / под ред. проф. Р.С. Белкина, доц. Г.Г. Зуйкова. Т. 2 [Авт. проф. Р. С. Белкин, канд. юрид. наук А.Я. Гинзбург, Л.П. Дубровицкая и др.]. М., 1970. 478 с.
9. Васильев А.Н. Основы следственной тактики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1960. 31 с.
10. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М. : Высш. школа МВД СССР, 1970. 130 с.
11. Коновалова В.Е. Криминалистическая тактика: принципы и функции // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 22 / редкол.: А.Е. Яворский (отв. ред.) [и др.]. Киев : Лыбидь, 1981. 136 с.
12. Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017. 332 с.
13. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К.В. Нама. М. : М-Логос, 2024. 357 с.
14. Величко С.А. О систематизации и классификации тактических приемов расследования // Оптимизация расследования преступлений : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. С. 64–70.
15. Шаров В.И. Формализация в криминалистике. Вопросы теории и методологии криминалистического исследования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 54 с.
16. Челышева О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики: Теоретико-прикладное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 300 с.
17. Планк М. Единство физической картины мира : сб. ст. М. : Наука, 1966. 287 с.
18. Смахтин Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла : теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2010. 342 с.
19. Игошин В.В. Интегральная природа науки криминалистики и ее проявление в криминалистической технике : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 192 с.

References

1. Lokar, E. (1941) *Rukovodstvo po kriminalistike* [Guide to criminalistics]. Moscow: Yurizdat.
2. Lapin, E.S. (2018) *Filosofiya kriminalistiki* [Philosophy of criminalistics]. 2nd ed. Moscow: Yurait.
3. Gross, G. (2002) *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei, kak sistema kriminalistiki* [Guide for forensic investigators as a system of criminalistics]. Reprint of 1908 ed. Moscow: LeksEst.
4. Aleksandrov, A.S. (2008) [Forensic linguistics and forensic criminalistics]. *Ispolzovanie dostizhenii innykh nauk v kriminalistike* [Use of achievements of other sciences in criminalistics]. Conference Proceedings. Krasnodar: Kuban State Agrarian University. pp. 3–6. (In Russian).
5. Lubin, A.F. (1997) *Mekhanizm prestupnoi deyatel'nosti: Metodologiya kriminalisticheskogo issledovaniya* [The mechanism of criminal activity: Methodology of criminalistic research]. Nizhny Novgorod: NLI.
6. Vinberg, A.I. (1955) O sushchnosti kriminalisticheskoi tekhniki i kriminalisticheskoi ekspertizy [On the essence of criminalistic techniques and criminalistic examination]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 82–88.
7. Vasilev, A.N. (1961) *Sledstvennaya taktika i ee mesto v sisteme kriminalistiki* [Investigative tactics and its place in the system of criminalistics]. In: *Sovetskaya kriminalistika na sluzhbe sledstviya* [Soviet criminalistics in the service of investigation]. Vol. 15. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury. pp. 5–47.
8. Belkin, R.S., & Zuikov, G.G. (eds) (1970) *Kriminalistika: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov* [Criminalistics: Textbook for law schools]. Vol. 2. Moscow.
9. Vasilev, A.N. (1960) *Osnovy sledstvennoi taktiki* [Fundamentals of investigative tactics]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
10. Belkin, R.S. (1970) *Leninskaya teoriya otrazheniya i metodologicheskie problemy sovetskoi kriminalistiki* [Lenin's theory of reflection and methodological problems of Soviet criminalistics]. Moscow: Vysshaya shkola MVD SSSR.
11. Konvalova, V.E. (1981) *Kriminalisticheskaya taktika: printsipy i funktsii* [Criminalistic tactics: Principles and functions]. In: *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza* [Criminalistics and forensic examination] (Vol. 22) Kyiv: Lybid.
12. Sokol, V.Yu. (2017) *Krizis otechestvennoi kriminalistiki* [The crisis of domestic criminalistics]. Krasnodar.
13. Larenz, K., & Canaris, K.-W. (2024) *Metodologiya yurisprudentsii* [Methodology of jurisprudence]. Translated from English by K.V. Nam. Moscow: M-Logos.
14. Velichko, S.A. (1992) O sistematsizatsii i klassifikatsii takticheskikh priemov rassledovaniya [On systematization and classification of investigative tactics]. In: *Optimizatsiya rassledovaniya prestuplenii* [Optimization of crime investigation]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 64–70.
15. Sharov, V.I. (2003) *Formalizatsiya v kriminalistike. Voprosy teorii i metodologii kriminalisticheskogo issledovaniya* [Formalization in criminalistics: Issues of theory and methodology of criminalistic research]. Abstract of Law Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
16. Chelysheva, O.V. (2003) *Gnoseologicheskie osnovy otechestvennoi kriminalistiki: Teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Epistemological foundations of domestic criminalistics: Theoretical and applied research]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
17. Planck, M. (1966) *Edinstvo fizicheskoi kartiny mira* [The unity of the physical picture of the world]. Moscow: Nauka.
18. Smakhtin, E.V. (2010) *Kriminalistika v sisteme yuridicheskikh nauk ugovolno-pravovogo tsikla: teoriya i praktika* [Criminalistics in the system of legal sciences of the criminal law cycle: Theory and practice]. Law Dr. Diss. Tyumen.
19. Igoshin, V.V. (2005) *Integral'naya priroda nauki kriminalistiki i ee proyavlenie v kriminalisticheskoi tekhnike* [The integral nature of criminalistics and its manifestation in criminalistic techniques]. Law Cand. Diss. Izhevsk.

Информация об авторах:

Ахмедшин Р.Л. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: raist@sibmail.com

Ведерников Н.Т. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.L. Akhmedshin, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

N.T. Vedernikov, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

The authors declare no conflicts of interests..

*Статья поступила в редакцию 13.11.2024;
одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 13.11.2024;
approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 349
doi: 10.17223/15617793/508/26

Эколого-правовой режим Российской Арктики

Давид Давидович Барамидзе¹

¹ Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, baramidze.david12@gmail.com

Аннотация. Исследуются вопросы становления специального правового режима охраны окружающей среды и рационального природопользования Арктической зоны Российской Федерации. Проведен анализ отдельных методологических основ становления и развития специального правового режима Арктической зоны России и его неотъемлемых элементов: международно-правового режима, национального и регионального правовых режимов, представленных совокупностью нормативных правовых актов и государственных программ. Обосновывается вывод о необходимости продолжения формирования специального правового режима охраны окружающей среды Арктической зоны России, несмотря на отсутствие подобной задачи в современных государственных арктических программах.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, Российская Арктика, охрана окружающей среды, экологическое законодательство, правовой режим, эколого-правовой режим Арктической зоны Российской Федерации

Для цитирования: Барамидзе Д.Д. Эколого-правовой режим Российской Арктики // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 239–249. doi: 10.17223/15617793/508/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/26

The ecological and legal regime of the Russian Arctic

David D. Baramidze¹

¹ Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, baramidze.david12@gmail.com

Abstract. The modern state Arctic policy of the Russian Federation, which was finally formed with the adoption of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2020 and Beyond in 2008, is represented, among other things, by a set of system-forming state strategic planning documents. In addition to the most important goals and objectives of socio-economic development in the long term, including those related to the prospective use of the resource potential of the Russian Arctic, ensuring the environmental safety of the macroregion, protecting the unique natural environment and implementing rational environmental management, are of serious concern. The article examines and analyzes the current Russian environmental legislation and the main international agreements and conventions related to certain aspects of environmental protection in the Arctic. The provisions of the current and expired main state programs of the Russian state of the Arctic orientation are analyzed. Separate works of researchers in the field of law and natural sciences are used in relation to the Arctic region. The methodological basis of the work consists of general scientific methods of cognition: theoretical analysis, dialectical method, deductive method, historical method. The special historical and legal method, allowed adding some retrospective information and considering the international experience of interaction in the field of environmental protection of the Arctic. The applied method of comparative jurisprudence (comparative legal method) made it possible to compare the environmental policies of the Arctic and non-Arctic states. The special formal legal method made it possible to study in detail certain provisions of the environmental legislation of the Russian Federation, in relation to the Arctic focus of the study. The study has a definite structure, set by the author's analysis of the problem of the incompleteness of the formation of a special environmental regime of the Russian Arctic as a methodological basis for the development and adoption of special techniques, methods and mechanisms for the legal protection of the unique natural environment of the studied object. The work reflects the main enlarged elements of the complex legal regime of the Russian Arctic, which require special attention: the international legal regime of the Arctic, the national legal regime of environmental protection of the Russian Arctic, the regional legal regime of environmental protection of the Russian Arctic. The conclusions relate to the systematization of the elements of the special ecological and legal regime of the Russian Arctic and the enumeration of the main problems of each highlighted element.

Keywords: Arctic, Arctic Zone of Russian Federation, Russian Arctic, environmental protection, environmental legislation, legal regime, ecological and legal regime of Arctic Zone of Russian Federation

For citation: Baramidze, D.D. (2024) The ecological and legal regime of the Russian Arctic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 239–249. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/26

Введение

Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 18.09.2008 № Пр-1969 (далее – Основы 2020) [1], ставилась задача создания особого правового режима природопользования и охраны окружающей среды в арктическом макрорегионе. Подобное направление конкретизировалось отдельными положениями Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. (далее – Стратегия 2020) [2]. Так, п. 24 как механизм реализации Стратегии 2020 предусматривалось совершенствование нормативно-правовой базы в области установления особых режимов природопользования и охраны окружающей среды, государственного регулирования по трассам Северного морского пути. Кроме того, в рассматриваемом пункте отмечалась необходимость совершенствования правовой базы в целях формирования основ государственного управления Арктической зоной Российской Федерации, законодательного закрепления ее статуса как особого объекта государственного регулирования с уточнением перечня муниципальных образований, территорий, включаемых в состав Российской Арктики. Действительно, принятым в 2020 г. Федеральным законом от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [3], помимо Указа Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [4], конкретизировались территории северных субъектов России, полностью или частично включенных в Российскую Арктику. Последним Федеральным законом от 23.03.2024 № 56-ФЗ [5] включены два муниципальных образования Ханты-Мансийского автономного округа. Соответственно, положения Основ 2020 и Стратегии 2020 в части законодательного регулирования с уточнением перечня муниципальных образований, включаемых в Арктическую зону России, действительно реализуются. Однако задача становления особых правовых режимов природопользования и охраны окружающей среды Арктической зоны России фактически отошла на второй план.

Современные Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. (далее – Основы 2035) [6], пришедшие на смену Основам 2020, содержат природоохранную составляющую, выраженную в задачах охраны окружающей среды, защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктической зоны России, как национальный приоритет. Кроме того, в сравнении с целевыми положениями Основ 2020, использование ресурсного потенциала арктического макрорегиона перенесено с лидирующих позиций на средние, стоящие после приоритета обеспечения суверенитета, территориальной целостности России и высокого качества жизни и благосостояния населения Российской Арктики. Наличие

взаимосвязанных приоритетов социально-экономического развития арктического макрорегиона, переплетенного с общими задачами охраны окружающей среды, несомненно, отсылает к важнейшему принципу устойчивого развития. Однако стоит отметить отсутствие в действующих Основах 2035 упоминания механизма совершенствования нормативно-правовой составляющей для становления и успешного функционирования особых правовых режимов природопользования и охраны окружающей среды в Российской Арктике. Конечно, можно утверждать, что отмеченные п. 15 Основ 2035 задачи в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, связанные с внедрением наилучших доступных технологий, обеспечения минимизации выбросов и сбросов загрязняющих веществ при осуществлении хозяйственной или иной деятельности, развитие комплексной системы обращения с отходами всех классов опасности подразумевают предпосылки совершенствования отечественного экологического законодательства. К примеру, задача становления системы мониторинга окружающей среды в Российской Арктике частично реализована посредством создания на основании Постановления Правительства от 08.12.2023 № 2088 [7] подсистемы государственного фонового мониторинга состояния многолетней (вечной) мерзлоты системы государственного экологического мониторинга. Тем не менее непосредственной задачи совершенствования нормативно-правовой базы в области охраны окружающей среды Арктической зоны действующими Основами 2035 не предусматривается, несмотря на то что предыдущие Основы 2020 формулировались как «...и дальнейшую перспективу». Сегодня единственными областями, нуждающимися согласно государственным арктическим программам в нормативном закреплении, выступают создание специального экономического режима Арктической зоны России (п. 30 Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., далее – Стратегия 2035) [8] и совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере образования, создание условий для получения образования представителями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (пп. «м» п. 11 Стратегии 2035). Целесообразно, по нашему мнению, несмотря на закончившийся срок действия Основ 2020, отдельные положения рассматривать как имеющие силу, особенно отсутствующие в действующих государственных арктических программах.

Особенности эколого-правового режима Российской Арктики

Приступая к характеристике рассматриваемого определения «правовой режим природопользования и охраны окружающей среды Российской Арктики» или «эколого-правовой режим Арктической зоны Российской Федерации», следует обратиться к непосредственным особенностям Арктической зоны России, составляющим методологическую основу его существования. Арктическая зона становится местом сосредоточения повышенного внимания многих заинтересованных гос-

ударств и международных организаций всего мира. Несмотря на природоохранную составляющую отдельных международных взаимодействий, к примеру, в Арктическом совете, некогда лидирующем в арктическом регионе, преимущественно страны заинтересованы в освоении природоресурсного потенциала Арктики. Поскольку, по оценкам экспертов, разведанный запас природных ископаемых в легкодоступных местностях стремительно сокращается [9. С. 72], становится наиболее актуальной разведка и добыча перспективных месторождений полезных ископаемых. Происходящие природно-климатические процессы, с одной стороны, создают выгодные условия осуществления хозяйственной и иной деятельности в регионах, продолжительное время оставшихся труднодоступными. Последствия развала Советского Союза, вкладывавшего огромные усилия в развитие северной инфраструктуры государства, постепенно нивелируются. Российская Федерация огромное внимание уделяет поддержанию крупных инвестиционных проектов, связанных с развитием многоаспектной транспортной инфраструктуры Северного морского пути, преимущественно проходящего в водах российской юрисдикции. Ранее называемый Федеральным закон «О поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», несмотря на наличие отдельных недостатков, направлен на стимулирование осуществления хозяйственной и иной деятельности арктическими резидентами.

Особый интерес вызывают природно-климатические особенности Арктики, составляющие основной методологический элемент специального правового режима охраны окружающей среды в Арктической зоне России. Суровые природно-климатические условия удивительным образом перекликаются с низкой устойчивостью природной среды перед антропогенным воздействием [10. С. 179]. Обычное загрязнение окружающей среды, не говоря о случаях аварийных выбросов и сбросов загрязняющих веществ, способно продолжительное время концентрироваться в природной среде, нанося значительный вред окружающей среде, здоровью и имуществу проживающего населения. Стоит учитывать, что, поскольку арктический макрорегион выступает местом традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в значительной степени проживающих в российском сегменте Арктики, негативное воздействие на окружающую среду непосредственно воздействует на малочисленные народы Севера России. Кроме того, открывающиеся перспективы экономического освоения Российской Арктики способны нивелироваться дестабилизацией природно-климатических процессов и явлений, поскольку, по оценкам Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (АНИИ), Арктика оказывает стабилизирующее общепланетарное воздействие на климатические процессы [11. С. 62].

Серьезную озабоченность вызывает наличие значительного числа объектов накопленного вреда окружающей среде, образовавшихся в результате прошлой хозяйственной и иной деятельности. Министерством обороны Российской Федерации проведены мероприятия по очистке территорий о. Новая Земля и Вайгач,

продолжаются работы по ликвидации отходов на материковой части Российской Федерации. Продолжительное время отношение к Арктике оставалось преимущественно потребительское. Нуукской декларацией об окружающей среде и развитии в Арктике 1993 г. [12] подчеркивается существовавший продолжительное время подход к арктическому региону как к территории, пригодной для постоянного проведения военных испытаний и захоронения радиоактивных и токсичных отходов, с незначительным числом проживающего населения. Современные подходы арктических и неарктических государств указывают на исправление существовавшей ошибки и понимание необходимости применения эколого-ориентированных механизмов.

Важной составляющей специального эколого-правового режима Арктической зоны Российской Федерации выступает стремительное таяние многолетней (вечной) мерзлоты – последствия глобальных климатических преобразований. Если общее направление климатических общепланетарных изменений имеет постоянный стабильный характер, то преобразование климата в арктическом регионе значительно превышает общие показатели [13. С. 51]. Именно с освобождением акватории Северного Ледовитого океана и возможностью круглогодичного использования Северного морского пути связывают стремление арктических и неарктических государств осваивать арктические пространства. Однако обратной стороной медали выступает нарастающее таяние многолетнемерзлого грунта, способного привести к значительным неблагоприятным последствиям. Помимо непосредственно экологических последствий, связанных с изменением ландшафта, образованием термокарстовых озер, подтоплением населенных пунктов и последующей экологической миграцией, под серьезной угрозой находятся крупные инвестиционные проекты и средства, вложенные в реализацию проектов. Стремление российского государства и арктических резидентов к получению экономической выгоды способно нивелироваться возможностью наступления неблагоприятных экологических последствий. Таяние многолетней (вечной) мерзлоты сопровождается разрушением производственных и бытовых объектов, подтоплением значительных площадей территорий, повреждением трубопроводов и прочей транспортной инфраструктуры.

Становление эколого-правового режима Арктической зоны невозможно в отрыве от геополитической конъюнктуры и учета геополитической составляющей арктического региона. Арктика, как верно отмечают исследователи международно-правового сотрудничества в регионе, распределена между арктическими государствами, «обладающими правом на нахождение в данной зоне» [14. С. 14]. Важное значение в государственных арктических программах занимает обеспечение военной безопасности государства, необходимость нарастания военного присутствия ВС РФ в Арктике с целью защиты государственных границ и национальных интересов. Стоит отметить, что Стратегия 2035, помимо закрепления непосредственно арктического направления, в наименовании имеет указание на обеспечение национальной безопасности. Тем самым российское государство проводит строгую взаимосвязь

между обеспечением национальной безопасности и реализацией планируемых государственными арктическими программами задач. И как в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента России от 02.07.2021 № 400 [15], национальная безопасность представляет многоаспектное явление, подразделяемое на информационную, экономическую и экологическую безопасность, так и обеспечение национальной безопасности в Арктической зоне переплетено подобными национальными приоритетами. Важность присутствия военного контингента в Арктической зоне Российской Федерации, несмотря на повышение антропогенного воздействия на природную среду, в долгосрочной перспективе способно минимизировать риски наступления более неблагоприятных последствий обострения борьбы за природные ресурсы. Подобная проблематика неоднократно поднималась государственными программами, обозначавшими основные вызовы и угрозы отдельным аспектам национальной безопасности российского государства. Поэтому, анализируя необходимость становления специальных режимов охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации, отличающихся от «общих правовых режимов», предусмотренных комплексом нормативных правовых актов и государственных программ различных уровней, следует исходить из продолжающегося нарастания присутствия вооруженных сил в макрорегионе.

Говоря о правовом режиме, следует исходить из теоретических пониманий правового режима как определенной совокупности приемов и способов, урегулированных системой нормативных правовых актов, взаимодействие которых приводит к достижению итогового правового состояния. Подобное правовое состояние определяется целями и задачами, реализация которых в процессе функционирования правового режима помогает достигать искомое итоговое состояние, определенную степень регулирования общественных отношений. Правовой режим обладает определенными признаками, достаточно подробно рассмотренными и проанализированными исследователями в области теории государства и права. Однако преимущественно, в особенности учитывая специфику эколого-правового режима Арктической зоны Российской Федерации, основным элементом правового режима следует назвать целеполагание, представление конечного итогового результата применения специальных правовых приемов и способов, составляющих систему правового инструментария в правовой системе Российской Федерации. Особенность правового режима Арктической зоны Российской Федерации, вне зависимости от направления и рассматриваемых общественных отношений (экономические, внешнеполитические, социальные, промышленные, информационные и т.д.), заключается в наличии уникальных природно-климатических факторов, требующих правового осмысления и отражения в законодательстве. Игнорирование существующих экологических проблем макрорегиона, второстепенное отношение к природоохранной составляющей освоения северных территорий

России способны привести исключительно к деградации природной среды Российской Арктики и экономическим потерям.

Эколого-правовой режим Арктической зоны Российской Федерации целесообразно рассматривать как комплексное правовое явление, подразделяющееся на несколько взаимосвязанных правовых режимов, направленных на отражение специфики, прежде всего, природно-климатической составляющей макрорегиона.

Международно-правовой режим Арктики

Первым составляющим звеном эколого-правового режима Российской Арктики выступает международный правовой режим Арктики, представленный многочисленными международными декларациями и соглашениями, отражающими уникальность природной среды арктических широт. Универсальными нормами международного права, прежде всего Конвенцией по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982) [16], закреплён общий правовой режим водоемов планеты, устанавливаются предельные границы государств и ограничиваются права прибрежных государств относительно исключительной экономической зоны и континентального шельфа.

Однако ст. 234 Конвенции 1982 предусматривается возможность прибрежных государств принимать и соблюдать недискриминационные законы и правила, направленные на предотвращение загрязнения морской среды и обеспечения экологической безопасности государства. Рассматриваемая статья международной конвенции отражает сохранявшийся продолжительное время секторальный подход к территориальному делению Арктики. Конечно, сухопутные территории Арктики вызывают определенный научный и практический интерес, например, в проблематике определения южных границ Арктической зоны России, однако наибольшие проблемы возникают с определением правового статуса акваторий Северного Ледовитого океана.

Согласно секторальному подходу, Арктика представляет собой поделенный между арктическими государствами, в силу значительных вложенных усилий первооткрывателей и исследователей Арктики, пирог, крупнейшая часть которого принадлежит Российской Федерации.

Поэтому не только сухопутные территории Арктики, несомненно, являющиеся неотъемлемой составляющей самих арктических государств, находятся в юрисдикции прибрежных арктических государств, но и последующие акватории, вплоть до окраинной точки на Северном Полюсе. Подобная концепция представляла собой определенный международно-правовой обычай, специфика которого заключается в негласном исполнении имеющихся обычаев и традиций. В случае несогласия с выработанными общими правилами государству следует заявить о несоблюдении и отсутствии приверженности подобным обычаям. Однако в отношении секторального подхода в акватории Арктики подобных заявлений не поступало. Наоборот,

прослеживаются неоднократные ноты и сообщения иностранных государств в адрес России с просьбой о судоходстве в северных широтах [17]. Секторальный подход просуществовал вплоть до принятия Конвенции 1982 г., конкретно обозначившей границы прибрежных государств и отдельные права на исключительную экономическую зону и континентальный шельф.

Однако интересен опыт взаимодействия государств в рамках Арктического совета. Несмотря на приверженность универсальным конвенциям, включая Конвенцию 1982 г., неоднократно обозначавшуюся в многочисленных международных декларациях, изданных под эгидой Совета, следует обратить внимание на несколько достаточно интересных примеров. Так, Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (Нуук, 2011) [18] предусматривает разграничение подпадающей под регулирование акватории на поисково-спасательные районы, при этом заявляется отсутствие задачи делимитации пространства и строгое следование положениям Конвенции 1982 г. Подобным образом Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (Кирун, 2013) [19] распределяет зоны ответственности арктических государств, устанавливая конкретные географические координаты. Положения Соглашения о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана (Илулиссат, 2018) [20] продолжают выработанную предыдущими соглашениями тенденцию. Рассматриваемыми международными договорами, имеющими юридическую силу и обязывающими договаривающиеся стороны поступать определенным образом, прослеживается приверженность принципу секторального подхода в определении арктических секторов. В российском законодательстве практически отсутствуют правовые нормы, направленные на отражение или применение подобного подхода. Однако подобные положения можно встретить в законодательстве Канады, устанавливающей строгие правила судоходства в полярных водах для иностранных государств.

Обратной стороной рассматриваемого секторального подхода выступают существенные геополитические условия, которые необходимо учитывать. Все государства Арктического совета сегодня являются членами НАТО, придерживающимися агрессивной враждебной политики по отношению к Российской Федерации. Именно в период председательства России в Арктическом совете арктические государства продолжили работу без российского присутствия, тем самым дискредитировав многолетний опыт взаимодействия и научных исследований, проводившихся под эгидой Арктического совета. Учитывая складывающуюся ситуацию, Российская Федерация переориентирует вектор сотрудничества в арктических широтах на неарктические государства. Поскольку Конвенция 1982 г. распространяет положения на арктическую акваторию, неарктическими государствами серьезное внимание на национальном уровне уделяется проработке основ арктической политики. Многочисленными государственными

программами Китая и Индии [21] Арктика рассматривается как потенциальный судоходный путь, способный значительно сократить продолжительность морских грузоперевозок. Достаточное внимание уделяется научным исследованиям, поощряются и поддерживаются неарктическими государствами арктические экспедиции. Россия выстраивает отношения с неарктическими государствами в Арктике преимущественно посредством ШОС и БРИКС. Однако в отсутствие международно-правовых основ сотрудничества в арктическом регионе, основным способом взаимодействия выступают разнообразные двусторонние соглашения. Несмотря на значительную удаленность, определенный интерес к арктическому сотрудничеству с Россией проявляют Бразилия и Южная Африка. Национальная арктическая политика рассматриваемых государств, по сравнению с Китаем или Индией, представлена не столь значительным комплексом документов, однако продолжает активно развиваться.

В противовес секторальному подходу арктических государств в арктических программах неарктических государств прослеживается стремление к реализации принципа «terra et aqua nullius» («ничья земля и вода»). Интернационализация арктических пространств неоднократно становилась предметом научных дискуссий, особенно среди зарубежных исследователей международно-правового режима Арктики. Отдельными авторами предлагается разработка и принятие международного соглашения, сторонами которого в равной степени выступали бы арктические и неарктические государства, способного удовлетворить интересы обеих сторон в последующем освоении арктических пространств. Примером международного документа называется Договор об Антарктике 1959 г., провозгласивший нераспространение юрисдикции государств и наделение особым правовым статусом континент, преимущественно используемый для научных исследований. Однако очевидно, что, несмотря на определенную схожесть, преимущественно в природно-климатическом понимании и географическом расположении, сухопутные территории Арктики выступают составными частями арктических государств, включая крупнейшую часть, принадлежащую Российской Федерации. Представляется затруднительным принятие подобного соглашения, способного в необходимой степени учесть не только интересы неарктических государств, но и национальные интересы Российской Федерации. Стремление отдельных неарктических государств к использованию Арктики, в частности Северного морского пути, конечно, значительно стимулирует развитие российской транспортной инфраструктуры в Арктике, причем не только портовой. Однако следует учитывать, что повышение антропогенной нагрузки в арктическом регионе отразится негативно на прибрежных государствах, т.е. в первую очередь на природной среде Российской Арктики. Поэтому, поскольку Россия является своего рода «воротами в Арктику» для неарктических государств, следует на уровне международно-правового режима Арктической зоны Российской Федерации создать определенные природоохранные механизмы, снижающие экологические и эколого-правовые риски в макрорегионе.

Мягкость международно-правового регулирования нивелируется жесткостью национального законодательства, поэтому важной составляющей специального правового режима охраны окружающей среды Арктики выступают правовые основы, представленные в законодательстве Российской Федерации.

Национальный правовой режим охраны окружающей среды Российской Арктики

Продолжительное время отдельными исследователями тематики представлялось значимым принятие системообразующего федерального закона, способного охватить комплекс особенностей Арктической зоны, представленный гармоничным сочетанием природно-климатических, социально-экономических, геополитических и прочих особенностей макрорегиона. Неоднократно подготавливались законопроекты, проблематика принятия которых упиралась в определение предмета правового регулирования. Проблема определения предмета достаточно сложна, поскольку специфика общественных отношений, складывающихся территориально в пределах Арктической зоны, многогранна. Представляется проблематичным охватить одним нормативным правовым актом многогранный спектр общественных отношений, складывающихся в отношении учета природно-климатических особенностей макрорегиона, осуществления хозяйственных и иных процессов в подобных климатических условиях, сочетающихся с международно-правовой составляющей сотрудничества в Арктике. Возможно, в условиях прева-лирования на имеющихся этапах государственного развития с преобладанием отдельных направлений, к примеру, развитие транспортной инфраструктуры Северного морского пути, с последующим круглогодичным использованием транспортной артерии для международных грузоперевозок и судоходства, целесообразнее подготовить и принять на уровне федерального законодательства закон об охране морской среды Северного морского пути. Принятие подобного закона, с одной стороны, предоставляет возможность отражения в отечественном законодательстве особенностей судоходства в акватории Северного морского пути с необходимым уровнем правового инструментария, направленного на сохранение морской среды от загрязнения. Однако, с другой стороны, появление в правовой системе нормативного правового акта, отражающего специфику отдельного макрорегиона, пускай имеющего стратегическое значение в долгосрочной перспективе для социально-экономического благополучия России, сталкивается с проблематикой имеющейся системы нормативных правовых актов. Тем не менее в качестве подобного примера специального правового регулирования с установлением особенностей правового режима может выступать законодательство о Байкальской природной территории. Законодательство Российской Федерации, судя по принятию Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», пошло именно по пути принятия отраслевых нормативных правовых

актов. Однако, к сожалению, первый арктический федеральный закон не называет природно-климатическую специфику арктического макрорегиона, поскольку полностью посвящен поддержке экономической деятельности. Заслугой рассматриваемого Закона, несомненно, выступает комплекс мер государственной поддержки арктических резидентов. Однако следует обратить внимание, что в описательную часть, ограничивающую территорию Российской Арктики, неоднократно вносились изменения, что говорит об отсутствии научно обоснованного подхода к определению южной границы арктического макрорегиона. Подобная ситуация представляется опасной для реализации задач государственной арктической политики, поскольку в отдельных арктических субъектах и муниципальных образованиях в конечном итоге результаты будут достигнуты на разном уровне.

Однако нельзя полностью утверждать, что особенности специального правового режима Арктической зоны Российской Федерации не отражены в российском законодательстве. Так, исходя из рискориентированного подхода при проведении государственного экологического контроля (надзора), объекты значительного, среднего и умеренного риска, размещенные в Арктической зоне России, подлежат отнесению к категориям высокого, значительного и среднего риска соответственно [22].

Распоряжением Правительства РФ от 29.10.2022 № 3219-р (вступившим в силу с 01.01.2024) [23] предусмотрен комплекс мероприятий, направленных на охрану окружающей среды Российской Арктики, в частности: разработка предложений по установлению повышающих коэффициентов платы за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросы загрязняющих веществ в водные объекты Арктической зоны России, проработка предложений по установлению экологических нормативов качества окружающей среды для Арктической зоны России. Федеральным законом от 10.07.2023 № 297-ФЗ [24] внесены определения в Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [25], посвященные качественному состоянию многолетней (вечной) мерзлоты и осуществлению государственного фонового мониторинга состояния многолетней (вечной) мерзлоты. Сегодня в Российской Арктике реализуется государственный фоновый мониторинг состояния многолетней (вечной) мерзлоты, распределены полномочия его осуществления и совершенствуется система стационарных точек наблюдения в северных широтах.

Особое внимание в отечественной научной литературе уделяется исследованию политико-правовых источников, определяющих направления государственной арктической политики. Помимо рассматриваемых выше непосредственно арктических государственных программ, перечень включает общие государственные программы, закрепляющие цели и задачи российской государственной политики в Арктике. К примеру, Стратегией экологической безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176 [26], отмечается повышенная опасность разливов нефти и нефтепродуктов в Арктической зоне Российской Федерации. На состояние экономической безопасности, согласно положениям одноименной

Стратегии, утвержденной Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 [27], оказывают воздействие последствия глобального изменения климата, связанные с дефицитом продовольствия, пресной воды, обострением конкуренции за доступ к ресурсам Арктики. Особую значимость приобретают государственные программы, закрепляющие общие цели и задачи долгосрочного и краткосрочного развития российского государства, имеющие прямое влияние на охрану окружающей среды в стране и косвенное влияние на становление особого правового режима Российской Арктики. Так, Указом Президента от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [28] устанавливаются целевые показатели достижения национальной цели «экологическое благополучие», включающей поэтапное снижение выбросов загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека, а также ликвидацию опасных объектов накопленного вреда окружающей среде.

Весь комплекс природоохранных механизмов, называемых экологическим законодательством, включая экологическую экспертизу, оценку воздействия на окружающую среду, осуществление контрольно-надзорных мероприятий, предоставление экологической информации и т.д., распространяющихся вне зависимости от территориальных особенностей на юрисдикцию Российской Федерации, несомненно, образует пласт правовых способов охраны окружающей среды Российской Арктики. Однако особого внимания заслуживает механизм, называемый отечественным законодательством, но не раскрытый полностью, не отражающий подробного описания субъектного состава или непосредственных объектов общественных отношений – этнологическая экспертиза. Поскольку Российская Арктика является местом жительства и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, на создание благоприятных условий проживания которых направлена этнологическая экспертиза, становится актуальным вопрос дальнейшей проработки механизма на федеральном уровне. В Федеральном законе от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [29] под этнологической экспертизой понимается научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса.

Относительно слабое регулирование общественных отношений, складывающихся вокруг осуществления этнологической экспертизы, купируется опытом регионального законодательства, выступающего, в свою очередь, следующим неотъемлемым элементом особого эколого-правового режима Российской Арктики.

Региональный правовой режим охраны окружающей среды Российской Арктики

Региональным законодательством, в силу ст. 72 Конституции Российской Федерации, регламентированы отношения в области охраны окружающей

среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности. Особый интерес представляет опыт нормотворчества субъектов Севера России, зачастую предвосхищающих федеральный уровень законодательства в отдельных областях. Примером выступают вышеназванные отношения в области организации и проведения этнологической экспертизы. В отсутствие на федеральном уровне должной степени проработанности механизма этнологической экспертизы, Законом Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 № 820-З № 537-IV [30] регламентирована процедура этнологической экспертизы, включая установление принципов процедуры и подробного порядка проведения. Подробнее порядок проведения, права и обязанности сторон экспертизы отмечены в Постановлении Правительства Республики Саха (Якутия) от 06.09.2011 № 428 [31]. Кроме того, Административным регламентом, утвержденным Приказом Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия) от 24.03.2021 № 58-ОД [32], устанавливается порядок предоставления заказчикам рассматриваемой государственной услуги.

Позитивным примером регионального нормотворчества следует рассматривать принятие Ямало-Ненецким Автономным округом Закона от 22.12.2023 № 105-ЗАО «О многолетней (вечной) мерзлоте в Ямало-Ненецком Автономном округе» [33]. Подобный закон в 2018 г. принят на территории вышеназванной Республики Саха (Якутия). Обοими нормативными правовыми актами, несмотря на отдельные недостатки, рассматриваются правовые способы охраны качественного состояния многолетней (вечной) мерзлоты, способной обеспечить использование располагающейся на ней разнообразной инфраструктуры. Примеры опережающего регионального законодательства не только закладывают основы эколого-правового режима, способного в должной мере учитывать специфику отдельных аспектов арктического региона, но способны выступить как правовая основа принятия и разработки полезных и эффективных федеральных законов.

Рассматривая особый правовой режим охраны окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации стоит отметить незаконченный процесс его становления. Несомненно, Российская Арктика выступает неотъемлемой частью российского государства, поэтому действующее экологическое законодательство со множеством правовых способов охраны окружающей среды, обеспечения рационального природопользования и экологической безопасности распространяются на арктический макрорегион. Однако в отечественном законодательстве необходимо учитывать специфику Российской Арктики, представленной сегодня исключительно в Федеральном законе «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» как макрорегион, требующий специального экономического режима. Приведенных, преимущественно подзаконных нормативных правовых актов, устанавливающих дополнительные требования к осуществлению управленческих функций органов государственной власти и

ограничений для хозяйственной и иной деятельности недостаточно. Практически не отражены природно-климатические особенности арктического макрорегиона, а имеющиеся представлены исключительно фрагментарно. К примеру, помимо вышеназванного Закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», отдельные необходимые к учету особенности Севера России отражены в Федеральном законе от 04.08.2023 № 441-ФЗ «О северном завозе» [34]. Целью рассматриваемого Закона выступает создание правовых и организационных основ осуществления завоза грузов на территории с ограниченными сроками завоза грузов, расположенные в границах муниципальных образований, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям.

Вывод

Таким образом, эколого-правовой режим Российской Арктики – комплексное правовое явление, включающее взаимодействующие и переплетающиеся правовые режимы:

1. Международный правовой режим Арктики, представленный универсальными, региональными и двусторонними соглашениями международных организаций и форумов различных уровней. Сложность заключается в нахождении компромисса интересов арктических и неарктических государств. Россия попадает в непростую ситуацию: с одной стороны, арктические государства, осуществляющие хозяйственную, научную и иную деятельность в границах Арктики, находятся в одинаково уязвимом положении. Экологические проблемы Севера России (например, последствия продолжающегося таяния многолетней (вечной) мерзлоты) свойственны арктическим государствам. Крупные техногенные аварии или природные катастрофы способны привести к неблагоприятным экологическим последствиям и поставить под угрозу возможность реализации экономических проектов не только России, но и остальных арктических государств. Неспроста за период международного экологического сотрудничества под эгидой Арктического совета и других площадок международного сотрудничества (Арктический совет пока не является организацией) арктическими государствами принят пакет важнейших международных деклараций и соглашений, в том числе отражающих секторальный подход к определению юрисдикции прибрежных государств в северных широтах. Однако, кроме Российской Федерации, все арктические государства выступают членами НАТО, откровенно враждебно относящегося к России и к реализации национальных интересов в Арктике. С другой стороны, меняющийся вектор сотрудничества России в Арктике сегодня преимущественно ориентируется на Китай, Индию и прочие страны БРИКС и ШОС. Россия для неарктических государств способна выступать «воротами в Арктику» благодаря совместной реализации крупных инвестиционных проектов и проведению научных исследований, включая охрану уникальной окружающей среды Арктики. Однако неарктические государства в меньшей степени способны

пострадать в результате чрезвычайных происшествий природного или техногенного характера, отделяясь исключительно экономическими последствиями. В отличие от международного сотрудничества России с арктическими государствами, правовых основ сотрудничества с неарктическими государствами в Арктике практически не выработано. Имеющиеся международные соглашения по экономическому сотрудничеству или сотрудничеству в научных областях не отражают минимального уровня природно-климатической специфики Арктики. России, поскольку последующее взаимодействие с неарктическими государствами, помимо прочего, предполагает судходство по Северному морскому пути, необходимо стать инициатором международных соглашений, направленных на регулирование судходства и охраны морской среды полярных вод вообще.

2. Национальный правовой режим Арктической зоны Российской Федерации, представленный комплексом государственных программ, непосредственно закрепивших как арктические направления политики России, так и общие государственные программы, общие цели и задачи развития государства. Множество нормативных правовых актов, направленных на реализацию общей экологической политики государства в Российской Арктике, включая такие насущные вопросы, как ликвидация накопленного вреда окружающей среде, обращение с отходами производства и потребления, к сожалению, в недостаточной степени учитывают природно-климатическую специфику арктического макрорегиона. Вместо основополагающего системообразующего федерального закона, способного охватить широкий спектр основных проблемных общественных отношений в Российской Арктике, появился закон, закрепивший правовые основы экономического режима Арктической зоны, не учитывающий практически никаких природно-климатических особенностей макрорегиона. Стоит отметить продолжающиеся шаги, предпринимаемые законодателем в направлении отражения отдельных особенностей Российской Арктики, пускай достаточно фрагментарно. Нормативы качества окружающей среды Арктической зоны, принятые в 2024–2025 гг., должны стать следующим шагом после развития системы экологического мониторинга в северных широтах. Методологической основой последующей разработки и принятия основ нормативно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в Российской Арктике, должны стать многочисленные научные исследования о состоянии природной среды Арктики и сформулированные государственными программами цели и задачи.

3. Региональный правовой режим Арктической зоны Российской Федерации. Поскольку Российская Арктика территориально представляет совокупность северных субъектов и муниципальных образований Российской Федерации, исключительное значение приобретает опыт нормативного закрепления арктической специфики в региональном законодательстве и комплексе региональных государственных программ. В отсутствие проработанных федеральных нормативных правовых актов с арктической специализацией, региональные нормативные правовые акты следует рассматривать как положительный опыт опережающего регионального нормотворчества.

Продолжительный опыт законодательного регулирования тех областей общественных отношений, которые представляют специфику арктического макрорегиона, например организация и проведение этнологической экспертизы, мониторинг и правовая охрана качественного состояния многолетней (вечной) мерзлоты, становится сегодня положительным примером, служащим федеральному законодательству опорой для разработки и принятия подобных актов на общероссийском уровне.

Позитивный опыт достаточно скорой реализации экономического режима в Российской Арктике, закреплённого как задача в Стратегии 2035, в то же время

оставляет надежду на понимание необходимости формирования подобного режима в отношении охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности в арктическом макрорегионе. Несмотря на закрепление в действующих государственных арктических программах экологической направленности государственной политики, подобная задача формирования эколого-правового режима отсутствует. Однако утратившие силу Основы 2020 г. формулировались как «и на дальнейшую перспективу», предполагающую сохранение значимости отдельных целей и задач в природоохранном комплексе.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 18.09.2008 № Пр-1969 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» // Российская газета. 2009. № 53п. (30 марта) (разделы I–IV).
2. Указ Президента РФ от 20.02.2013 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». Документ опубликован не был.
3. Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 29 (20 июля). Ст. 4503.
4. Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. I). (5 мая). Ст. 2136.
5. Федеральный закон от 23.03.2024 № 56-ФЗ «О внесении изменений в статью 7.1 Федерального закона «Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области» и статью 2 Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 13 (25 марта). Ст. 1679.
6. Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 10 (9 марта). Ст. 1317.
7. Постановление Правительства РФ от 08.12.2023 № 2088 «О создании подсистемы государственного фонового мониторинга состояния многолетней (вечной) мерзлоты системы государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды)» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 50 (11 декабря). Ст. 9090.
8. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 44 (2 ноября). Ст. 6970.
9. Петенко А.В. Развитие нефтедобывающего сектора на территории Арктической зоны России: проблемы и перспективы // Прогрессивная экономика. 2023. № 2. С. 70–84.
10. Волков А.Д., Каргинова-Губинова В.В., Тишков С.В. Экологические проблемы и особенности эколого-экономического развития Ненецкого автономного округа // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 172–194.
11. Отчет научно-исследовательской работы Арктического и Антарктического Научно-исследовательского Института. «Гидрометеорологическое обеспечение Арктики». 2013.
12. Нуукская декларация об окружающей среде и развитии в Арктике (принята в г. Нууке 16.09.1993). Документ опубликован не был.
13. Саенко В.В., Колпаков А.Ю. Систематизация ключевых направлений и индикаторов адаптации отраслей топливно-энергетического комплекса России Каргинова-Губинова В.В., Тишков С.В. Экологические проблемы и особенности эколого-экономического развития Ненецкого автономного округа // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 172–194.
14. Отчет научно-исследовательской работы Арктического и Антарктического научно-исследовательского института. «Гидрометеорологическое обеспечение к последствиям климатических изменений // Окружающая среда и энергетика. 2023. № 3. С. 50–65.
15. Смирнова А.А., Шевченко К.В. Особенности международно-правового регулирования сотрудничества при обеспечении безопасности населения и территории в Арктической зоне // Аграрное и земельное законодательство. 2023. № 8 (224). С. 14–17.
16. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
17. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Принята 10.12.1982 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 48 (1 декабря). Ст. 5493.
18. Визе В.Ю. Моря советской Арктики. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 396 с.
19. Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. Принято 12.05.2011 // Бюллетень международных договоров. 2013. № 9.
20. Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике. Принято 15.05.2013 // Бюллетень международных договоров. 2016. № 7.
21. Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана. Принято 03.10.2018 // Бюллетень международных договоров. 2021. № 9.
22. The State Council Information Office of the People's Republic of China published a white paper titled "China's Arctic Policy" on Jan 26. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm
23. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1096 «О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (ч. I). (12 июля). Ст. 5526.
24. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2022 № 3219-р «Об утверждении комплекса мероприятий по минимизации выбросов в атмосферный воздух, сбросов в водные объекты загрязняющих веществ при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 45 (7 ноября). Ст. 7775.
25. Федеральный закон от 10.07.2023 № 297-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 29 (17 июля). Ст. 5315.
26. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2 (14 января). Ст. 133.
27. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17 (24 апреля). Ст. 2546.

28. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20 (15 мая). Ст. 2902.
29. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20 (13 мая). Ст. 2584.
30. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18 (3 мая). Ст. 2208.
31. Закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 № 820-З № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Ил Тумэн. 2010. № 22 (11 июня).
32. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 06.09.2011 № 428 «О Порядке организации и проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов» // Якутские ведомости. № 60. 10.09.2011.
33. Административный регламент, утв. Приказом Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия) от 24.03.2021 № 58-ОД.
34. Закон от 22.12.2023 № 105-ЗАО «О многолетней (вечной) мерзлоте в Ямало-Ненецком Автономном округе». URL: <https://yanao.ru/upload/iblock/ede/moyvb63yixuwyk4jwr6h42v30fc3tg3z.pdf>
35. Федеральный закон от 04.08.2023 № 441-ФЗ «О северном завозе» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. I) (7 августа). Ст. 6143.

References

1. Rossiiskaya gazeta. (2009) Decree of the President of the Russian Federation No. Pr-1969 of September 18, 2008, "On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2020 and Beyond". 53p (30 March) (Sections I–IV). (In Russian).
2. Russian Federation. (2013) Decree of the President of the Russian Federation No. 20.02.2013 "On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2020". Unpublished. (In Russian).
3. Russian Federation. (2020) Federal Law No. 193-FZ of July 13, 2020, "On State Support for Entrepreneurial Activity in the Arctic Zone of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29 (20 July). Art. 4503. (In Russian).
4. Russian Federation. (2014) Decree of the President of the Russian Federation No. 296 of May 2, 2014, "On the Land Territories of the Arctic Zone of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 18 (I) (5 May). Art. 2136. (In Russian).
5. Russian Federation. (2024) Federal Law No. 56-FZ of March 23, 2024, "On Amendments to Article 7.1 of the Federal Law 'On the Special Economic Zone in the Magadan Region and on the Territories of the South Kuril, Kuril, and North Kuril Urban Districts of the Sakhalin Region' and Article 2 of the Federal Law 'On State Support for Entrepreneurial Activity in the Arctic Zone of the Russian Federation'". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 13 (25 March). Art. 1679. (In Russian).
6. Russian Federation. (2020) Decree of the President of the Russian Federation No. 164 of March 5, 2020, "On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 10 (9 March). Art. 1317. (In Russian).
7. Russian Federation. (2023) Decree of the Government of the Russian Federation No. 2088 of December 8, 2023, "On the Creation of a Subsystem of State Background Monitoring of the State of Permafrost Within the System of State Environmental Monitoring (State Monitoring of the Environment)". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 50 (11 December). Art. 9090. (In Russian).
8. Russian Federation. (2020) Decree of the President of the Russian Federation No. 645 of October 26, 2020, "On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 44 (2 November). Art. 6970. (In Russian).
9. Petenko A.V. (2023) Razvitie nefte dobyvayushchego sektora na territorii Arkticheskoi zony Rossii: problemy i perspektivy [Development of the Oil Sector in the Arctic Zone of Russia: Problems and Prospects]. *Progressivnaya ekonomika*. 2. pp. 70–84.
10. Volkov A.D., Karginova-Gubina V.V. & Tishkov S.V. (2023) Ekologicheskie problemy i osobennosti ekologiko-ekonomicheskogo razvitiia Nenet'skogo avtonomnogo okruga [Environmental Problems and Features of the Ecological and Economic Development of the Nenets Autonomous Okrug]. *Arktika i Sever*. 51. pp. 172–194.
11. Arctic and Antarctic Research Institute. (2013) *Otchet nauchno-issledovatel'skoi raboty Arkticheskogo i Antarkticheskogo Nauchno-issledovatel'skogo Instituta. "Gidrometeorologicheskoe obespechenie Arktiki"* [Report on the Research Work of the Arctic and Antarctic Research Institute. "Hydrometeorological Support of the Arctic"].
12. Anon. (1993) *Nuuk Declaration on Environment and Development in the Arctic* (Adopted in Nuuk on September 16, 1993). Unpublished. (In Russian).
13. Saenko V.V. & Kolpakov A.Iu. (2023) Sistematizatsiya kluchevykh napravlenii i indikatorov adaptatsii otraslei toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii [Systematization of Key Directions and Indicators of Adaptation of the Fuel and Energy Sectors of Russia]. *Okruzhaiushchaya sreda i energovedenie*. 3. pp. 50–65.
14. *Okruzhaiushchaya sreda i energovedenie*. (2023) *Otchet nauchno-issledovatel'skoi raboty Arkticheskogo i Antarkticheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. "Gidrometeorologicheskoe obespechenie k posledstviyam klimaticeskikh izmenenii"* [Report on the Research Work of the Arctic and Antarctic Research Institute. "Hydrometeorological Support for the Consequences of Climate Change"]. 3. pp. 50–65.
15. Smirnova A.A. & Shevchenko K.V. (2023) Osobennosti mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniia sotrudnichestva pri obespechenii bezopasnosti naseleniia i territorii v Arkticheskoi zone [Features of International Legal Regulation of Cooperation in Ensuring the Safety of the Population and Territory in the Arctic Zone]. *Agrarnoe i zemel'noe zakonodatel'stvo*. 8 (224). pp. 14–17.
16. Russian Federation. (2021) Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 27 (II). Art. 5351. (In Russian).
17. Russian Federation. (1997) United Nations Convention on the Law of the Sea. Adopted December 10, 1982. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 48 (1 December). Art. 5493. (In Russian).
18. Vize V.Iu. (1948) *Moria sovetskoi Arktiki* [Seas of the Soviet Arctic]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi.
19. *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*. (2013) Agreement on Cooperation on Aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic. Adopted May 12, 2011. 9. (In Russian).
20. *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*. (2016) Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution Preparedness and Response in the Arctic. Adopted May 15, 2013. 7. (In Russian).
21. *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*. (2021) Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean. Adopted October 3, 2018. 9. (In Russian).
22. The State Council Information Office of the People's Republic of China. (2018) *China's Arctic Policy*. Jan 26. [Online] Available from: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm
23. Russian Federation. (2021) Decree of the Government of the Russian Federation No. 1096 of June 30, 2021, "On Federal State Environmental Control (Supervision)". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 28 (I) (12 July). Art. 5526. (In Russian).

24. Russian Federation. (2022) Order of the Government of the Russian Federation No. 3219-r of October 29, 2022, "On Approval of a Set of Measures to Minimize Emissions into the Atmospheric Air, Discharges of Pollutants into Water Bodies in the Course of Economic and Other Activities in the Arctic Zone of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 45 (7 November). Art. 7775. (In Russian).
25. Russian Federation. (2023) Federal Law No. 297-FZ of July 10, 2023, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29 (17 July). Art. 5315. (In Russian).
26. Russian Federation. (2002) Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002, "On Environmental Protection". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2 (14 January). Art. 133. (In Russian).
27. Russian Federation. (2017) Decree of the President of the Russian Federation No. 176 of April 19, 2017, "On the Strategy for the Environmental Security of the Russian Federation for the Period up to 2025". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 17 (24 April). Art. 2546. (In Russian).
28. Russian Federation. (2017) Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017, "On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 20 (15 May). Art. 2902. (In Russian).
29. Russian Federation. (2024) Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of May 7, 2024, "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and the Perspective up to 2036". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 20 (13 May). Art. 2584. (In Russian).
30. Russian Federation. (1999) Federal Law No. 82-FZ of April 30, 1999, "On Guarantees of the Rights of Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 18 (3 May). Art. 2208. (In Russian).
31. *Il Tumen*. (2010) Law of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 820-Z of April 14, 2010, "On Ethnological Expertise in Places of Traditional Residence and Traditional Economic Activity and on Territories of Traditional Nature Use of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia)". 22 (11 June). (In Russian).
32. *Yakutskie vedomosti*. (2011) Decree of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 428 of September 6, 2011, "On the Procedure for Organizing and Conducting Ethnological Expertise in Places of Traditional Residence and Traditional Economic Activity and on Territories of Traditional Nature Use of Indigenous Small-Numbered Peoples". 60. 10 September. (In Russian).
33. Anon. (2021) *Administrative Regulations, approved by Order of the Ministry for the Development of the Arctic and Affairs of the Peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia)* No. 58-OD of March 24, 2021. (In Russian).
34. Yanao.ru. (2023) Law No. 105-ZAO of December 22, 2023, "On Permafrost in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug". [Online] Available from: <https://yanao.ru/upload/iblock/ede/moyvb63yixuwyk4jwp6h42v30fc3tg3z.pdf> (In Russian).
35. Russian Federation. (2023) Federal Law No. 441-FZ of August 4, 2023, "On Northern Supply". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 32 (I) (7 August). Art. 6143. (In Russian).

Информация об авторе:

Барамидзе Д.Д. – канд. юрид. наук, доцент кафедры экологического, трудового, административного права, основ права и российской государственности Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: baramidze.david12@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.D. Baramidze, Cand. Sci. (Law), associate professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: baramidze.david12@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.08.2024;
одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 01.08.2024;
approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 343.2
doi: 10.17223/15617793/508/27

Уголовно-правовые последствия неуплаты судебного штрафа

Сергей Александрович Корнеев¹

¹ Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания, Рязань, Россия, kornei_lam@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено вопросам оптимизации применения и законодательного регулирования судебного штрафа как вида освобождения от уголовной ответственности и иной меры уголовно-правового характера. Автор приходит к выводу о целесообразности законодательного закрепления запрета неоднократного прекращения уголовного дела и уголовного преследования в отношении определенной категории граждан.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, иные меры уголовно-правового характера, судебный штраф, лицо, впервые совершившее преступление, последствия неуплаты судебного штрафа

Для цитирования: Корнеев С.А. Уголовно-правовые последствия неуплаты судебного штрафа // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 250–257. doi: 10.17223/15617793/508/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/27

Criminal legal consequences of non-payment of a court fine

Sergey A. Korneev¹

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, kornei_lam@mail.ru

Abstract. In accordance with current legislation, the fact of non-payment of a court fine imposed as part of the exemption from criminal liability in accordance with Article 76.2 of the Criminal Code and Article 25.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is the basis for its cancellation and bringing a person who violated a criminal prohibition to criminal liability under the relevant article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of investigative and judicial practice presented in this study in a number of cases indicates the absence of criminal legal consequences for a person who has evaded the obligation imposed on him to pay a monetary penalty, which indicates the need for a comprehensive doctrinal study of the stated issue. The aim of the study is to develop author's proposals and recommendations concerning the optimization of the application and legislative regulation of a court fine as a type of exemption from criminal liability and other measures of a criminal nature. The objectives of the research are: to study the natural dialectical connections of the development of criminal law, due to the broad interpretation of the provisions of the criminal law by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; to determine the problems of implementing the norms of the Criminal Code of the Russian Federation defining the procedure and conditions for exemption from criminal liability with the imposition of a court fine; to revisit the grounds for the onset of criminal legal consequences in relation to a person who evaded the fulfillment of the obligation imposed by the court to pay a monetary penalty within the time limits set for this. An analysis of the current legislation defining the procedure for the appointment and execution of a court fine, investigative and judicial practice of its application, statistical data of authorized state authorities, as well as doctrinal studies of the issue in specialized literature, allowed the author to state the need for a legislative consolidation of the prohibition of repeated termination of a criminal case and criminal prosecution against a certain category of citizens. We are talking about a person who was previously released from criminal liability with the imposition of a court fine in accordance with Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 25.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, but without good reason did not pay it in a certain amount and within the prescribed period. The methodological basis of the research is presented by the dialectical method of scientific cognition. In the course of the research, special scientific methods of cognition used in the legal science were also applied, including comparative analysis, synthesis, analogy, induction, the formal logical method.

Keywords: exemption from criminal liability, other measures of criminal law nature, court fine, first-time offender, consequences of non-payment of court fine

For citation: Korneev, S.A. (2024) Criminal legal consequences of non-payment of a court fine. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 250–257. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/27

Введение

В настоящее время внимание общества, а равно представителей высших органов государственной власти сконцентрировано на сложностях социально-

экологического, политического, экономического, гуманитарного характера, среди которых не является исключением проблема чрезмерной репрессивности положений отечественного уголовного законодательства.

Глава государства, указывая на необходимость дифференцированного подхода к реализации уголовной ответственности, отметил важность скрупулезного анализа положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Речь идет о конкретных нормах, где ужесточение санкций ведет к снижению преступности, а наказание не соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, является несоизмеримо строгим и не выполняет своих функций [1].

Это свидетельствует о неизменности вектора уголовной политики в сторону гуманизации действующего законодательства. В унисон изложенному укажем, что в 2023 г. был расширен перечень лиц, в отношении которых может быть применено наказание в виде принудительных работ, за счет исключения ранее указанных конкретных границ пенсионного возраста, при достижении которых нельзя было применять эту меру государственного принуждения [2]; укрупнен перечень преступлений в ст. 76.1 УК РФ [3]; учтены интересы осужденных женщин, имеющих ребенка в возрасте до четырех лет [4]; смягчено наказание по квалифицированным составам ряда преступлений (ч. 2 ст. 199, ч. 2 ст. 199¹, ч. 2 ст. 199², ч. 3 ст. 322 УК РФ и др.); сокращен перечень отягчающих наказание обстоятельств и т.д.

Обозначенный вектор уголовной политики государства подразумевает планомерную и последовательную работу по гуманизации правоприменительной практики, которая, как отметил глава высшей судебной инстанции Вячеслав Лебедев, продолжится в ближайшем будущем [5, 6]. Кроме этого, социально-правовая потребность дальнейшей гуманизации уголовного законодательства подкрепляется необходимостью «справедливизации» правосудия, которая все чаще выступает предметом публичного обсуждения в официальных средствах массовой информации [7].

Очевидно, что выполнение обозначенных установок уполномоченными органами государственной власти подразумевает экономию мер уголовной репрессии, которая, как нам кажется, может быть достигнута в том числе за счет смещения акцента на институт иных мер уголовно-правового характера, как альтернативного способа разрешения уголовно-правового конфликта, среди которых приоритетное место занимает судебный штраф.

На сегодняшний день денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в специально предусмотренных УК РФ случаях, достаточно востребовано в правоприменительной практике, удовлетворяет социально-правовые потребности общества и государства, соответствует современному вектору развития уголовной политики и вписывается в общую канву гуманизации действующего законодательства.

Судебный штраф неоднократно выступал предметом ряда доктринальных исследований, в том числе фундаментального характера. Представители юридической науки акцентировали внимание на теоретико-прикладных аспектах меры государственного принуждения [8–11], ее соотношении с иными видами освобождения от уголовной ответственности [12], наказании в виде штрафа [13], обеспечении принципа справедливости при

прекращении уголовного дела и уголовного преследования с его назначением [14] и других вопросах, касающихся законодательного регулирования и практики его применения.

Несмотря на значительную научную базу, многие из представленных путей решения исследованных проблем не получили правовой регламентации на уровне норм уголовного закона, а равно всеобщего признания и одобрения со стороны научного сообщества. Часть же из них остаются неразрешенными. Прежде всего, речь идет о сложностях, возникающих при отмене судебного штрафа в установленном законом порядке и привлечении лица к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ.

Основное исследование

Говоря о юридической природе судебного штрафа, стоит констатировать условный характер данного вида освобождения от уголовной ответственности. В отличие от деятельного раскаяния (ст. 75 УК РФ), примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), возмещения ущерба (ст. 76.1 УК РФ), истечения сроков давности (78 УК РФ), окончательное освобождение от уголовной ответственности наступает с момента уплаты назначенного судом денежного взыскания в установленные для этого сроки.

В соответствии с положениями Федерального закона «Об исполнительном производстве» отсутствие у специализированного государственного органа по истечении десяти календарных дней со дня окончания срока уплаты судебного штрафа информации об уплате должником соответствующей суммы без уважительных причин является основанием направления в суд представления об отмене указанной меры уголовно-правового характера и, соответственно, о решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности (п. 6 ст. 103.1 ФЗ) [15].

Удовлетворяя представление судебного пристава-исполнителя, суд отменяет ранее вынесенное в порядке ст. 446.3 УПК РФ постановление и рассматривает уголовное дело в общем порядке либо направляет его руководителю следственного органа или прокурору для дальнейшего производства – если решение о прекращении уголовного преследования было принято в порядке ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ.

Согласно статистическим данным Федеральной службы судебных приставов, количество окончанных исполнительных производств по исполнительному листу об уплате судебного штрафа в связи с направлением в суд представления об его отмене в среднем составляет 34,8% от числа исполнительных производств, окончанных в связи с выплатой искомого денежного взыскания в доход государства за год (таблица).

Представленные данные свидетельствуют о низкой реализации судебного штрафа, обусловленной высокой долей неисполнения судебных решений по его уплате, а равно об отсутствии положительной динамики в этом направлении, что, по нашему мнению, оказало непосредственное влияние на практику его применения. Так, если в 2020 г. судебный штраф был

назначен в отношении 56 979 лиц, то в 2023 г. этот показатель сократился в 3,8 раза и составил 14 957 (–73,7%) [17].

Количество окончанных исполнительных производств по исполнительному листу об уплате судебного штрафа в период с 2016 по 2023 г. [16]

Год	В связи с выплатой судебного штрафа в полном объеме (п. 1 ч. 7 ст. 103.1 ФЗ)	В связи с направлением в суд, выдавший исполнительный документ, представления об отмене судебного штрафа (п. 3 ч. 7 ст. 103.1 ФЗ)
2016	778	105
2017	6 102	1 758
2018	11 001	3 329
2019	17 730	6 002
2020	22 165	10 636
2021	14 663	6 558
2022	7 706	3 255
2023	4 201	1 554

Для всестороннего исследования рассматриваемого вопроса следует учесть тот факт, что далеко не все представления об отмене судебного штрафа подлежат безусловному удовлетворению со стороны суда (рис. 1). В большинстве случаев уполномоченные органы государственной власти усматривают в действиях лица, уклонившегося от уплаты денежного взыскания, уважительные причины такого поведения. При этом сама детерминированность невыплаты денежного взыскания, обусловленная определенными факторами, позволяет представителям доктрины уголовного права разграничить такие категории, как «неуплата» судебного штрафа и «уклонение» от его уплаты. Под последним следует понимать неисполнение возложенного на лицо обязательства в силу неуважительных причин [18. С. 82].

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, уважительными являются независимые от лица причины, возникшие после вынесения судебного решения об освобождении от уголовной ответственности, вследствие которых оно лишено возможности выполнить соответствующие действия. Речь идет, например, об утрате источника дохода, госпитализации и т.д. [19]. Вероятно, что рассматриваемые факторы, будучи оценочной категорией, подлежат расширительному толкованию в правоприменительной деятельности, а вопрос исследования указанных обстоятельств зависит от судебного усмотрения. Как справедливо отмечают Е.И. Кильдюшова и С.В. Анощенкова, толкование уважительных причин Верховным Судом РФ является слишком широким для понимания, что может привести к неправильному применению закона [20. С. 95].

Как отмечалось ранее, неуважительные с точки зрения суда причины несвоевременной уплаты лицом судебного штрафа выступают в качестве основания отмены решения о его освобождении от уголовной ответственности. Так, например, Курганский городской суд, установив юридически значимые обстоятельства уголовного дела, указывающие на присутствие всех предусмотренных законом оснований для прекращения уголовного преследования, постановил освободить С., обвиняемого в совершении преступления,

предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере десяти тысяч рублей с установлением шестидесятидневного срока для его уплаты [22].

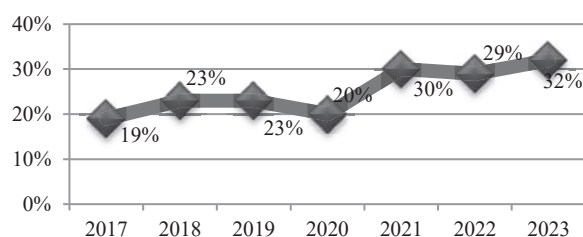

Рис. 1. Удовлетворено представлений об отмене постановления о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа в период с 2016 по 2023 г. [21]

При вынесении постановления подсудимому в соответствии с ч. 2 ст. 446.3 УПК РФ был разъяснен порядок и сроки предоставления судебному приставу-исполнителю документов, подтверждающих факт уплаты судебного штрафа, а равно последствия его неуплаты в установленный судом срок. Вопреки сказанному, лицо, освобожденное от уголовной ответственности, проигнорировало исполнение возложенной на него обязанности, в связи с чем указанное постановление по представлению специализированного государственного органа было отменено. Суд апелляционной инстанции, констатируя отсутствие уважительных причин подобного поведения, оставил принятое решение без изменения [23].

Факт неуплаты денежного взыскания лицом, ранее освобожденным от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, не имеет юридического значения при дальнейшем судебном разбирательстве по уголовному делу в общем порядке и не упоминается в решении суда. Однако это не свидетельствует о неосведомленности уполномоченного органа государственной власти. Информация о возврате уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору, а также причина такого возврата содержится в справке по уголовному делу.

Так, спустя определенный промежуток времени, уголовное дело по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, в очередной раз оказалось в производстве Курганского городского суда. Рассмотрев представленные материалы, суд приговорил признать С. виновным в совершении преступления и назначил ему наказание в виде 300 часов обязательных работ [24].

Приведенный пример, а равно иные примеры из судебной практики свидетельствуют об обоснованной и объективной реакции уполномоченного органа государственной власти в части отмены судебного штрафа и привлечения лица к уголовной ответственности в соответствии с положениями уголовного законодательства.

В контексте сказанного необходимо обратить внимание на тот факт, что осуждение лица не исключает возможности его освобождения от уголовной

ответственности в будущем, если на момент совершения нового преступления судимость будет снята или погашена. К примеру, гражданин Т. был трижды освобожден Благовещенским городским судом Амурской области от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) [25]. Иркутский районный суд, подобным образом, трижды прекратил уголовное дело по тому же основанию [26].

Горно-Алтайский городской суд Республики Алтай трижды освободил Р. от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием [27]. Гражданин Ш., в свою очередь, был дважды освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [28].

Представленные судебные решения не противостоят действующему законодательству и коррелируют с позицией Пленума Верховного Суда РФ в части расширительного толкования понятия «лицо, впервые совершившее преступление» [19], которому уделяется особое внимание в теории уголовного права.

Отдельные исследователи приходят к выводу о том, что повторное освобождение лица от уголовной ответственности на основании норм гл. 11 УК РФ не противоречит фундаментальным институтам уголовного права и позволяет обеспечить достижение целей, регламентированных ч. 2 ст. 43 УК РФ [14. С. 117]. Другие же занимают диаметрально противоположную позицию по этому поводу [29. С. 84].

Так, к примеру, А.Г. Соловьев полагает, что лицо, ранее освобождавшееся от уголовной ответственности и в очередной раз умышленно нарушившее уголовно-правовой запрет, является неблагонадежным. Сам же факт повторного отказа государства от реализации уголовной ответственности в отношении одного лица, по мнению автора, является индульгенцией от порицания (осуждения) со стороны уполномоченных органов государственной власти [11. С. 185–187].

Не вдаваясь в научную полемику по представленному вопросу, следует согласиться с мнением большинства ученых, считающих, что такое толкование приводит к несоответствию первоначального замысла законодателя, создает возможность неоднократного освобождения от уголовной ответственности лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, не соответствует задачам и принципам уголовного права [30. С. 250].

Кроме этого, расширительное понимание лица, впервые совершившего преступление, является предпосылкой возникновения определенного рода сложностей в деятельности правоприменительных органов. «Возможно ли повторно удовлетворить ходатайство об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, если по этому уголовному делу уже имело место быть отмена постановления об освобождении уголовной ответственности с назначением судебного штрафа?» [31]. Возникшая дилемма, сформулированная Иркутским областным судом по результатам обобщения судебной практики, на сегодняшний день не нашла своего разрешения на уровне норм уголовного законодательства, а равно разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

В плоскости же настоящего исследования подобное восприятие лица, впервые совершившего преступления, действительно дает возможность повторного (неоднократного) освобождения лица, не исполнившего решение суда в части уплаты назначенного судебного штрафа, от уголовной ответственности.

Так, Благовещенский городской суд Амурской области, установив факт неуплаты должником судебного штрафа в установленные сроки, а равно констатировав отсутствие в материалах уголовного дела документов, подтверждающих уважительность данного обстоятельства, признал состоятельность и обоснованность представления судебного пристава-исполнителя об отмене меры уголовно-правового характера. В резолютивной части своего решения суд пришел к выводу об отмене постановления Благовещенского городского суда Амурской области о прекращении уголовного дела на основании ст. 25.1 УПК РФ и направлении материалов уголовного дела руководителю следственного органа для осуществления дальнейшего производства в общем порядке [32].

Спустя определенный промежуток времени в Благовещенский городской суд Амурской области в очередной раз поступило уголовное дело по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Отсутствие судимости, а равно претензий материального характера от лица, чьи права были нарушены, позволили суду во второй раз прекратить уголовное дело, но уже на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ – в связи с примирением с потерпевшим [33]. При схожих обстоятельствах К., уклонившаяся от уплаты судебного штрафа, в последующем была освобождена от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) [34].

Отметим, что ни в одном из представленных судебных решений факт неуплаты денежного взыскания лицом, которое ранее уже освобождалось от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, не получил необходимой правовой оценки со стороны уполномоченного органа государственной власти.

Более неоднозначной видится судебная практика в части повторного освобождения лица, не уплатившего судебный штраф в установленные сроки по неважным причинам, от уголовной ответственности по тому же основанию (ст. 76.2 УК РФ) [35–37]. Подобные решения довольно редко встречается в деятельности уполномоченных органов государственной власти, однако имеют место быть.

Сугубо противоположная позиция по этому поводу представлена Благовещенским городским судом Амурской области. Так, 24 августа 2018 г. суд постановил прекратить уголовное дело в отношении К, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, с назначением судебного штрафа в размере 30 000 рублей с установлением трехмесячного срока для его оплаты. По представлению судебного пристава-исполнителя 28 июня 2019 г., ввиду неисполнения возложенной обязанности, данное судебное решение было отменено, а уголовное дело направлено руководителю следственного отдела для осуществления производства по уголовному делу в общем порядке. Позднее уголовное

дело с ходатайством о его прекращении по тем же основаниям (ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ) вновь поступило в производство Благовещенского городского суда.

В рамках рассмотрения дела по существу, судьей С.С. Станишевским было отмечено, что неоднократное направление подобных ходатайств по одному уголовному делу и в отношении одного и того же лица может повлечь нарушение предусмотренных законодательством прав обвиняемого. Отказывая в удовлетворении заявленного ходатайства, суд акцентировал внимание на отсутствии у следователя предусмотренных законом оснований для повторного направления уголовного дела в суд с аналогичным ходатайством [38].

В целом поддерживая позицию С.С. Станишевского, следует акцентировать внимание на отсутствии законодательного запрета на повторное положительное разрешение ходатайства о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа. Приведенный пример, а равно и иные из следственно-судебной практики, касающиеся повторной реализации норм, определяющих основания освобождения от уголовной ответственности, по одному уголовному делу и в отношении одного и того же лица соответственно, с одной стороны, коррелирует с приведенными ранее разъяснениями Верховного Суда РФ [19].

С другой стороны, подобное решение вступает в явное противоречие с положениями уголовного закона. Буквальное толкование нормы УК РФ, определяющей последствия неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок (ст. 104.4 УК РФ), подразумевает его отмену и *привлечение лица к уголовной ответственности* (курсив наш. – С.К.). Более того, предоставление подобных преференций отдельной категории лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, не свидетельствует о равенстве граждан, совершивших преступление, перед законом, тем самым вступает в противоречие с принципами уголовного права (ст. 4 УК РФ).

Вместе с тем повторное освобождение от уголовной ответственности лица, уклонившегося от уплаты судебного штрафа по неуважительным причинам, лишено превентивного воздействия, не способствует достижению целей, стоящих перед мерами уголовно-правового характера, а равно реализации задач уголовного права. Полагаем, что факт неисполнения решения суда должен получить справедливую оценку со стороны уполномоченных органов государственной власти, представленную в обвинительном приговоре.

Уголовно-правовые последствия лица, уклонившегося от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии с положениями уголовного законодательства, неоднократно выступали предметом для обсуждения на страницах юридической литературы.

Так, например, С.П. Андреев акцентировал внимание на сложностях теоретико-прикладного характера, возникающих при отмене судебного штрафа, назначенного за совершение двух и более преступлений небольшой или средней тяжести, а равно тяжкого преступления при изменении его категории в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. В обоих случаях, по мнению автора, отмена денежного взыскания по причине его неуплаты и привлечение лица к уголовной

ответственности или к назначенному наказанию соответственно не вступает в противоречие с принципом справедливости и является обоснованной реакцией со стороны государства на факт уклонения от принятого судебного решения [14. С. 108, 126].

Другие авторы подобным образом констатируют эффективность и достаточность реализации ретроспективной ответственности в виде возобновления уголовного преследования в связи с нарушением уголовно-правового запрета в отношении лица, не исполнившего предписанных уполномоченным органом государственной власти условий исполнения судебного штрафа [8. С. 136]. При этом одни исследователи, поддерживая данную позицию, настаивают на безусловном привлечении лица к уголовной ответственности в независимости от причин неисполнения иной меры уголовно-правового характера [39. С. 91]. Другие авторы не исключают иной, отличной от наказания, реакции государства на факт неуплаты денежного взыскания, однако избегают конкретизации форм ее реализации [40. С. 58].

Развивая изложенный довод, следует обратить внимание на исследование А.Г. Соловьева. Ссылаясь на положения уголовного законодательства, определяющего последствия неуплаты судебного штрафа, автор предполагает, что возвращенное в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством уголовное дело может быть вновь прекращено как с назначением судебного штрафа, так и по иным основаниям, предусмотренным гл. 11 УК РФ, ввиду отсутствия прямого законодательного запрета. По мнению ученого, подобная вариативность суда является непоследовательной, что свидетельствует о необходимости законодательного урегулирования обсуждаемого процесса по аналогии со ст. 52 УК РСФСР 1960 г., определяющей запрет повторной передачи лица на поруки [11. С. 185].

По мнению Д.О. Михайлова, сам факт неисполнения решения суда обладает достаточной для криминализации степенью общественной опасности. Как результат – автор констатирует необходимость установления уголовной ответственности за подобное деяние путем внесения соответствующих изменений в ст. 314 УК РФ. Данное решение поспособствует усилению охраны интересов правосудия и обеспечению уголовно-правовых гарантий исполнения решения суда [10. С. 10].

Большинство из приведенных доктринальных воззрений, предметом которых выступают уголовно-правовые последствия неуплаты судебного штрафа, относятся к разряду дискуссионных. С учетом имеющихся точек зрения стоит заключить, что обеспечение надлежащего исполнения денежного взыскания, назначаемого в рамках освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ, возможно путем:

- повторного отказа государства от осуждения и освобождения лица от уголовной ответственности по тому же или иному основанию, предусмотренному гл. 11 УК РФ;

- привлечения лица к уголовной ответственности, что предписано нормой уголовного закона (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ);

– дополнительной криминализации самого факта неисполнения судебного решения.

Полагаем, что последняя точка зрения уязвима в аспекте юридической природы судебного штрафа, а равно вектора современной уголовной политики. Во-первых, ст. 314 УК РФ определяет пределы уголовной ответственности за уклонение от отбывания конкретных видов наказания (ч. 1–2), а равно назначаемых совместно с ним принудительных мер медицинского характера к определенной категории граждан (ч. 3). Судебный штраф, будучи видом освобождения от уголовной ответственности, имеет явные социально-правовые различия с указанными мерами государственного принуждения. Во-вторых, уголовно-правовая регламентация последствий неисполнения судебного решения, касающегося уплаты денежного взыскания (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ), а равно вектор современной уголовной политики ставят под сомнение необходимость предложенной криминализации. Субсидиарная уголовная ответственность лица, уклонившегося от уплаты судебного штрафа, по «совокупности преступлений» представляет собой чрезмерную репрессию со стороны государства, что вступает в противоречие с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ).

Заключение

Учитывая положения действующего законодательства, определяющего порядок назначения и исполнения судебного штрафа, материалы следственно-судебной практики его применения, позицию Верховного Суда РФ, официальные статистические данные, а равно доктринальные исследования заявленного вопроса, следует отметить следующее.

1. Низкая реализация судебного штрафа, обусловленная высокой долей неисполнения судебных решений по его уплате, а равно отсутствие положительной

динамики в этом направлении свидетельствуют о необходимости принятия обеспечительных мер по его исполнению со стороны уполномоченных органов государственной власти.

2. Невыполнение обязанности лица, постановление о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа в отношении которого отменено по представлению судебного пристава-исполнителя в связи с неуплатой денежного взыскания по неуважительной причине, является основанием его привлечения к уголовной ответственности. При этом акцессорная уголовная ответственность является излишней мерой уголовно-правового воздействия, противоречащей фундаментальным институтам уголовного права.

3. Повторное (неоднократное) освобождение от уголовной ответственности лица, уклонившегося от уплаты судебного штрафа по неуважительным причинам, лишено превентивного воздействия, не способствует достижению целей, стоящих перед мерами уголовно-правового характера, а равно реализации задач, стоящих перед уголовным законодательством. Полагаем, что факт неисполнения решения суда должен получить справедливую оценку со стороны уполномоченных органов государственной власти, представленную в обвинительном приговоре суда.

4. В целях оптимизации применения и законодательного регулирования судебного штрафа, как вида освобождения от уголовной ответственности и иной меры уголовно-правового характера, считаем целесообразным закрепить на уровне Постановления Пленума ВС РФ запрет неоднократного прекращения уголовного дела и уголовного преследования в отношении определенной категории граждан. Речь идет о лице, которое ранее освобождалось от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, но без уважительных причин не уплатило его в определенном уполномоченным органом государственной власти объеме и в установленные сроки.

Список источников

1. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Президент России. 04.12.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72905> (дата обращения: 15.01.2024).
2. Федеральный закон от 03.04.2023 № 111-ФЗ «О внесении изменения в статью 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 14.04.2023 № 116-ФЗ «О внесении изменений в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 12.12.2023 г. № 591-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50081> (дата обращения: 15.01.2024).
5. Гуманизм и чуткость: векторы российского правосудия – 2024 // Российское агентство правовой и судебной информации. 01.01.2024. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20240101/309517424.html (дата обращения: 15.01.2024).
6. Верховный суд не отступит от стремления к гуманизации закона и практики – Лебедев // Российское агентство правовой и судебной информации. 05.12.2023. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20231205/309441538.html (дата обращения: 15.01.2024).
7. Симоньян заявила о необходимости «справедливизации» правосудия // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20240218/simonyan-1928130540.html> (дата обращения: 21.02.2024).
8. Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 210 с.
9. Луценко Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2019. 237 с.
10. Михайлов Д.О. Судебный штраф в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 246 с.
11. Соловьев А.Г. Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022. 234 с.
12. Хлебникова Е.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 26 с.
13. Мурашова А.В. Дифференциация штрафа в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2021. 231 с.
14. Андреев С.П. Обеспечение принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022. 227 с.
15. Об исполнительном производстве : Федеральный закон № 229-ФЗ от 02.10.2007 // СПС КонсультантПлюс.

16. Раздел 5. Сведения об исполнении судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера // Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnojj_sluzhby_sudebnykh_prstavov/statistics (дата обращения: 08.02.2024).
17. Раздел 10.1. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 02.05.2024).
18. Пласкина Т.А., Матаева М.Х. Спорные вопросы условий наступления и реализации уголовно-правовых последствий неуплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76-2 УК РФ // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2 (26). С. 80–83.
19. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 // СПС КонсультантПлюс.
20. Кильдюшова Е.И., Анощенко С.В. Причины неуплаты судебного штрафа и их уголовно-правовые последствия // Социально-экономические и гуманитарные науки : сб. избранных ст. по материалам Международ. науч. конф. СПб., 2020. С. 94–99.
21. Форма № 1 Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции / Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 02.05.2024).
22. Постановление по уголовному делу № 1-1500/2017 от 20 декабря 2017 г. // Архив Курганского городского суда Курганской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tOWeg2iRjNWK/> (дата обращения: 1.02.2024).
23. Апелляционное постановление по уголовному делу № 22-1375/2018 от 16 октября 2018 г. // Архив Курганского областного суда Курганской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0ll3tqlYXCHC/> (дата обращения: 01.02.2024).
24. Приговор по уголовному делу № 1-666/2018 от 23 октября 2018 г. // Архив Курганского городского суда Курганской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fMu5OBHWYUdn/> (дата обращения: 01.02.2024).
25. Уголовное дело № 1-382/18, у/д № 1-388/2019, у/д № 1-1023/2021 // Архив Благовещенского городского суда Амурской области.
26. Уголовное дело № 1-226/2019, у/д № 1-495/2022, у/д № 1-865/2022 // Архив Иркутского районного суда Иркутской области.
27. Уголовное дело № 1-112/2019, у/д № 1-469/2019, у/д № 1-234/2020 // Архив Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай.
28. Уголовное дело № 1-1020/2017, у/д № 1-1323/18 // Архив Благовещенского городского суда Амурской области.
29. Суверов С.С. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 257 с.
30. Равнюшкин А.В., Нагорный А.П. О совершенствовании правовых норм уголовного закона, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон и назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2 (40). С. 250–256.
31. Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Иркутской области законодательства, регламентирующего основания и порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования, освобождения от уголовной ответственности, за 2016 год // Иркутский областной суд: официальный сайт. URL: http://obsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=557 (дата обращения: 14.02.2024).
32. Постановление № 1-1527/2018 9.4-87/2018 от 21 ноября 2018 г. по уголовному делу № 1-1527/2018 // Архив Благовещенского городского суда Амурской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HIB1BLEL7uWm/> (дата обращения: 23.01.2024).
33. Постановление по уголовному делу № 1-896/2019 от 16 июля 2019 г. // Архив Благовещенского городского суда Амурской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DxM2KZyaNIUd/> (дата обращения: 24.01.2024).
34. Уголовное дело № 1-1002/2021 // Архив Благовещенского городского суда Амурской области.
35. Архив Дербентского городского суда Республики Дагестан. URL: <http://derbent-gs.dag.sudrf.ru> (дата обращения: 14.02.2024).
36. Архив Рославльского городского суда Смоленской области. URL: <http://rosavl.sml.sudrf.ru/> (дата обращения: 14.02.2024).
37. Архив Басманного районного суда города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj> (дата обращения: 14.02.2024).
38. Уголовное дело № 1-758/2020 // Архив Благовещенского городского суда Амурской области.
39. Борисова О.В. Правовое регулирование исполнения судебного штрафа // Lex Russica. 2017. № 9. С. 86–92.
40. Симбагаев С.М.Р. Штраф как вид уголовного наказания: проблемы законодательной регламентации и практики применения : дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2022. 236 с.

References

1. *Prezident Rossii* [President of Russia]. (2023) Meeting of the Council for Civil Society and Human Rights]. (2023, December 4). [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/72905> (In Russian).
2. *SPS Konsul'tantPlyus* [Consultant Plus]. (2023) Federal Law No. 111-FZ of April 3, 2023, "On Amending Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation". (In Russian).
3. *SPS Konsul'tantPlyus* [Consultant Plus]. (2023) Federal Law No. 116-FZ of April 14, 2023, "On Amending Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 28.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". (In Russian).
4. *Prezident Rossii* [President of Russia]. (2023) Federal Law No. 591-FZ of December 12, 2023, "On Amending the Criminal Code of the Russian Federation". [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50081> (In Russian).
5. *Rossiyskoye agentstvo pravovoy i sudebnoy informatsii* [Russian Legal and Judicial Information Agency]. (2024) Gumanizm i chutkost': vektory rossiyskogo pravosudiya – 2024 [Humanism and Sensitivity: Vectors of Russian Justice – 2024]. (2024, January 1). [Online] Available from: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20240101/309517424.html
6. *Rossiyskoye agentstvo pravovoy i sudebnoy informatsii* [Russian Legal and Judicial Information Agency]. (2023) Verkhovnyy sud ne otstupit ot stremleniya k humanizatsii zakona i praktiki – Lebedev [The Supreme Court Will Not Retreat from the Aspiration to Humanize Law and Practice – Lebedev]. (2023, December 5). [Online] Available from: https://rapsinews.ru/judicial_news/20231205/309441538.html
7. *RIA Novosti*. (2024) Simonyan zayavila o neobkhodimosti "spravedlivizatsii" pravosudiya [Simonyan Stated the Need for "Justification" of Justice]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20240218/simonyan-1928130540.html>
8. Poluektov, A.G. (2018) *Osvobozhdeniye ot ugovolnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty* [Exemption from Criminal Liability with the Imposition of a Judicial Fine: Theoretical and Applied Aspects]. Law Cand. Diss. Moscow.
9. Lutsenko, N.S. (2019). *Sudebnyy shtraf: problemy teorii i pravoprimereniya* [Judicial Fine: Problems of Theory and Law Enforcement]. Law Cand. Diss. Khabarovsk.
10. Mikhaylov, D.O. (2021). *Sudebnyy shtraf v ugovolnom prave Rossii* [Judicial Fine in Russian Criminal Law]. Law Cand. Diss. Moscow.
11. Solov'yev, A.G. (2022). *Sudebnyy shtraf v rossiyskom ugovolnom sudoproizvodstve* [Judicial Fine in Russian Criminal Proceedings]. Law Cand. Diss. Saint Petersburg.
12. Khlebnitsyna, E.A. (2018). *Osvobozhdeniye ot ugovolnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa* [Exemption from Criminal Liability with the Imposition of a Judicial Fine]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
13. Murashova, A.V. (2021). *Differentsiatsiya shtrafa v ugovolnom prave* [Differentiation of the Fine in Criminal Law]. Law Cand. Diss. Kursk.
14. Andreyev, S.P. (2022). *Obespecheniye printsipa spravedlivosti pri osvobozhdenii ot ugovolnoy otvetstvennosti v svyazi s naznacheniyem sudebnogo shtrafa* [Ensuring the Principle of Exemption from Criminal Liability in Connection with the Imposition of a Judicial Fine]. Law Cand. Diss. Saint Petersburg.
15. *SPS Konsul'tantPlyus* [Consultant Plus]. (2007) On Enforcement Proceedings: Federal Law No. 229-FZ of October 2, 2007. (In Russian).

16. FSSP. (n.d.) Razdel 5. Svedeniya ob ispolnenii sudebnogo shtrafa, naznachennogo v kachestve mery ugolovno-pravovogo kharaktera [Section 5. Information on the Execution of a Judicial Fine Imposed as a Criminal-Legal Measure]. *Ivedomstvennaya statisticheskaya otchetnost' Federal'noy sluzhby sudebnykh pristavov* [Departmental Statistical Reporting of the Federal Bailiff Service]. [Online] Available from: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoy_sluzhby_sudebnykh_pristavov/statistics
17. *Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii* [Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. (n.d.) Razdel 10.1. Otchet o chisle privlecheniy k ugolovnoy otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya [Section 10.1. Report on the Number of Persons Brought to Criminal Responsibility and Types of Criminal Punishment]. [Online] Available from: <http://cdep.ru/?id=79> (In Russian).
18. Plaksina, T.A. & Mataeva, M.Kh. (2019) Spornyye voprosy usloviy nastupleniya i realizatsii ugolovno-pravovykh posledstviy neuplaty sudebnogo shtrafa, naznachennogo v sootvetstviy so st. 76-2 UK RF [Controversial Issues of the Conditions for the Occurrence and Implementation of Criminal-Legal Consequences of Non-Payment of a Judicial Fine Imposed in Accordance with Art. 76-2 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. 2 (26). pp. 80–83.
19. SPS *Konsul'tantPlyus* [Consultant Plus]. (2013) On the Application by Courts of Legislation Regulating the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 27, 2013. (In Russian).
20. Kil'dyushova, E.I. & Anoshchenkova, S.V. (2020) [Reasons for Non-Payment of a Judicial Fine and Their Criminal-Legal Consequences]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye i gumanitarnyye nauki* [Socio-Economic and Humanitarian Sciences]. Collection of Selected Articles Based on the Proceedings of the International Scientific Conference. Saint Petersburg. pp. 94–99. (In Russian).
21. *Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii* [Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. (n.d.) Forma № 1 Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del po pervoy instantsii / Razdel 4. Rassmotreniye predstavleniy, khodataystv i zhalob (po chislu lits) [Form No. 1 Report on the Work of Courts of General Jurisdiction in Considering Criminal Cases at First Instance / Section 4. Consideration of Submissions, Petitions, and Complaints (by Number of Persons)]. [Online] Available from: <http://cdep.ru/?id=79>
22. Archive of the Kurgan City Court of Kurgan Oblast. *Ruling in Criminal Case No. 1-1500/2017 of December 20, 2017*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/tOWeg2iRjNWK/> (In Russian).
23. Archive of the Kurgan City Court of Kurgan Oblast. *Appellate Ruling in Criminal Case No. 22-1375/2018 of October 16, 2018*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/0Il3tqLYXCHC/> (In Russian).
24. Archive of the Kurgan City Court of Kurgan Oblast. *Sentence in Criminal Case No. 1-666/2018 of October 23, 2018*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/fMu5OBHWYUdn/> (In Russian).
25. Archive of the Blagoveshchensk City Court of Amur Oblast. *Criminal Case No. 1-382/18, Case No. 1-388/2019, Case No. 1-1023/2021*. (In Russian).
26. Archive of the Irkutsk District Court of Irkutsk Oblast. *Criminal Case No. 1-226/2019, Case No. 1-495/2022, Case No. 1-865/2022*. (In Russian).
27. Archive of the Gorno-Altaysk City Court of the Republic of Altai. *Criminal Case No. 1-112/2019, Case No. 1-469/2019, Case No. 1-234/2020*. (In Russian).
28. Archive of the Blagoveshchensk City Court of Amur Oblast. *Criminal Case No. 1-1020/2017, Case No. 1-1323/18*. (In Russian).
29. Suverov, S.S. (2022). *Primireniye s poterpevshim kak osnovaniye osvobodzheniya ot ugolovnoy otvetstvennosti* [Reconciliation with the Victim as a Ground for Exemption from Criminal Liability]. Law Cand. Diss. Omsk.
30. Ravnuyshkin, A.V. & Nagornyy, A.P. (2020) On Improving the Legal Norms of Criminal Law Regulating Exemption from Criminal Liability in Connection with Active Repentance, Reconciliation of the Parties, and Imposition of a Criminal-Legal Measure in the Form of a Judicial Fine. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 11 (2). pp. 250–256. (In Russian).
31. *Irkutskiy oblastnoy sud: ofitsial'nyy sayt* [Irkutsk Regional Court: Official Website]. (2016) [Reference on the Results of Summarizing Judicial Practice of the Application by Courts of the Irkutsk Region of Legislation Regulating the Grounds and Procedure for Termination of a Criminal Case and Criminal Prosecution, Exemption from Criminal Liability, for 2016]. [Online] Available from: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=557 (In Russian).
32. Archive of the Blagoveshchensk City Court of Amur Oblast. *Ruling No. 1-1527/2018 9.4-87/2018 of November 21, 2018, in Criminal Case No. 1-1527/2018*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/HIB1BLEL7uWm/> (In Russian).
33. Archive of the Blagoveshchensk City Court of Amur Oblast. *Ruling in Criminal Case No. 1-896/2019 of July 16, 2019*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/DxM2KZyaNIUd/> (In Russian).
34. Archive of the Blagoveshchensk City Court of Amur Oblast. *Criminal Case No. 1-1002/2021*. (In Russian).
35. Archive of the Derbent City Court of the Republic of Dagestan. [Online] Available from: <http://derbent-gs.dag.sudrf.ru>
36. Archive of the Roslavl City Court of Smolensk Oblast. [Online] Available from: <http://roslavl.sml.sudrf.ru/>
37. Archive of the Basmany District Court of Moscow. [Online] Available from: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmanyj>
38. Archive of the Blagoveshchensk City Court of Amur Oblast. *Criminal Case No. 1-758/2020*. (In Russian).
39. Borisova, O.V. (2017) Pravovoye regulirovaniye ispolneniya sudebnogo shtrafa [Legal Regulation of the Execution of a Judicial Fine]. *Lex Russica*. 9. pp. 86–92.
40. Simbagayev, S.M.R. (2022). *Shtraf kak vid ugolovnogo nakazaniya: problemy zakonodatel'noy reglamentatsii i praktiki primeneniya* [Fine as a Type of Criminal Punishment: Problems of Legislative Regulation and Application Practice]. Law Cand. Diss. Grozny.

Информация об авторе:

Корнеев С.А. — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказания (Рязань, Россия). E-mail: kornei_lam@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Korneev, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: kornei_lam@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 19.03.2024;
approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/508/28

К вопросу об оценке «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве в контексте российского и зарубежного опыта

Наталья Олеговна Никурадзе¹

¹ Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, nikinatali2012@yandex.ru

Аннотация. Предпринята попытка разобраться в специфике оценки «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве сквозь призму российского и зарубежного опыта. Исследование опыта Вьетнама и Китая позволило сформулировать унифицированные правила оценки «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве, а также осветить методы и средства такой оценки, применяемые в странах, регламентировавших данный вид доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, «электронные доказательства», электронные данные, аудио- и видеоматериалы, оценка доказательств, цифровизация, информатизация, свойства доказательств, аутентификация данных

Для цитирования: Никурадзе Н.О. К вопросу об оценке «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве в контексте российского и зарубежного опыта // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 258–269. doi: 10.17223/15617793/508/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/28

On assessing "electronic evidence" in criminal proceedings in the context of Russian and foreign experience

Natalya O. Nikuradze¹

¹ Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, nikinatali2012@yandex.ru

Abstract. Today, global digitalization processes have made the use of information about the circumstances included in the subject of proof in electronic form in criminal procedural evidence an important task, which causes many difficulties in collecting, verifying and evaluating them, due to their special nature. The specifics of "electronic evidence" require the development of special rules for their assessment, and as practitioners note, this is one of the dominant problems today, which the author has attempted to understand by referring to the experience of countries that regulated the electronic form of evidence in criminal proceedings, namely using the example of the Socialist Republic of Vietnam and the People's Republic of China. The study is carried out with the aim of studying problematic issues of assessing electronic evidence in the practice of foreign countries and Russia, proposing a set of criteria for conducting such an assessment, allowing to determine the legal force of such evidence in criminal proceedings. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition, which made it possible to comprehensively study the problematic issues of assessing electronic evidence and present logical conclusions in a logical sequence. Foreign experience was examined through a comparative legal analysis of regulatory regulation and the emerging practice of criminal procedural evidence in terms of assessing electronic data as evidence. Using formal legal and logical methods, the main conclusions of the study were formulated. The study showed that the criminal procedural legislation and practice of Vietnam and China have developed appropriate criteria for assessing electronic data as a source of evidence that is as similar as possible, which may indicate their universality and applicability in the criminal proceedings of other countries, regardless of the specifics of their legal system. The considered methods and means of such assessment may be of interest to the domestic legislator and law enforcement: conducting a forensic examination to assess electronic data in Vietnam; use of blockchain technology, notarization, time stamp in China. The most problematic aspects of domestic practice and legal regulation are identified, namely: the lack of legal regulation of electronic evidence, requirements for their verification and evaluation, admissibility criteria to ensure legality in criminal proceedings; contradictions in the practice of investigative and judicial authorities in formal issues of applying electronic data to case materials; problems of using electronic data from IT systems in proving. The study of foreign and domestic experience made it possible to formulate unified rules for the assessment of electronic evidence in criminal proceedings, as well as to highlight the methods and means of such assessment used in countries that regulated this type of evidence.

Keywords: criminal proceedings, electronic evidence, electronic data, audio and video materials, evaluation of evidence, digitalization, informatization, properties of evidence, data authentication

For citation: Nikuradze, N.O. (2024) On assessing "electronic evidence" in criminal proceedings in the context of Russian and foreign experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 258–269. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/28

Введение

Глобальные процессы цифровизации привели к качественному изменению уклада жизни современного общества, где «цифра» и «данные» стали ключевым ресурсом, выполняющим доминантную роль в социально-экономической и правовой сфере. Цифровые технологии проникают во все сферы жизнедеятельности общества, становясь все более портативными и удобными, способными легко и доступно аккумулировать, создавать, хранить, обрабатывать и передавать большие объемы данных. С целью их повсеместного использования и увеличения спроса Тесх-индустрия упрощает выполнение различных функциональных задач, например с помощью голосовых команд, одним нажатием и т.п.

Цифровая эпоха трансформирует современную формацию общества, что неизбежно приводит к коренным изменениям государственного управления и правового регулирования. Современные государства ориентированы: на поддержание LegalTech-индустрии, специализирующейся на разработке технологий, обеспечивающих обслуживание профессиональной юридической деятельности, а также предоставление потребителям различных услуг юридического сектора как частными компаниями, так и государственными, муниципальными органами власти; на разработку государственных (национальных) стратегий и приоритетных направлений информационного и цифрового развития общества, развития искусственного интеллекта; на определение стратегических направлений цифровой трансформации науки и высшего образования и пр.¹; на создание условий внутриведомственного и межведомственного взаимодействия органов государственной власти; на использование технологий облачных хранилищ, баз данных, экспертных систем, нечетких технологий, искусственного интеллекта, автоматизированных систем в работе органов государственной власти; на создание единого информационного пространства и т.д. Обратной стороной медали становится обязанность государства создавать условия, гарантирующие защиту прав и законных интересов лиц и организаций от несанкционированного доступа к охраняемой законом информации, от преступных посягательств в сфере ИТ, от распространения ложной информации, информации преступного характера (например, призывы к экстремистской, террористической деятельности) и т.д.

В огромном потоке информации, которая по своим свойствам является субстанционально несамостоятельной, т.е. не может существовать вне своего материального носителя, все больший приоритет остается за ее электронной формой, оставляющей цифровые следы как на электронных носителях, так и в самом киберпространстве. Таким образом, цифровое общество и концепция цифровых (электронных) доказательств приобретают глобальные масштабы. Именно этот ас-

пект привлекает внимание ученых-юристов к исследованию актуальных вопросов «электронных доказательств» в уголовном процессе. Бесспорно, что современные электронные устройства представляют интерес в доказывании по уголовным делам, прежде всего, как хранилища личной, коммерческой, служебной и иной электронной информации, содержащей сведения о событии преступления, виновности лица, личности обвиняемого и других обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Другими словами, такая форма доказательств занимает особое место в системе доказательств по уголовным делам.

Однако в науке уголовного процесса не сложилось единства взглядов относительно концепции «электронных доказательств» в уголовном процессе. Мнения ученых разделились: одни настаивают на самостоятельности нового вида доказательств – «электронных доказательств» (некоторые ученые расходятся во мнениях относительно наименования категории и предлагают использовать термины «цифровые доказательства», «компьютерная информация» как доказательство и т.п.), и необходимости их правовой регламентации [1, 2]; другие отрицают такую необходимость, обосновывая свою позицию достаточностью действующей системы доказательств и порядка приобщения электронных носителей и содержащейся на них информации в качестве вещественных доказательств к материалам уголовного дела [3, 4]. Мы же относим себя к группе ученых, выделяющих особый характер «электронных доказательств», не позволяющий отождествлять их с вещественными или иными документами, обусловленный спецификой составляющей их содержание электронной информации, а именно: субстанциональная несамостоятельность (электронная информация не способна материализоваться и остается идеальной для субъектов, ее использующих, материален лишь носитель информации); латентность (электронная информация может иметь скрытое доказательственное значение, например установление «цифровых следов» ранее удаленных электронных файлов с электронного носителя информации и возможности их последующего восстановления); трансграничность (киберпространство позволяет электронной информации легко преодолевать пределы государственной юрисдикции, поскольку глобальная сеть Интернет аккумулирует трансграничные потоки частной, государственной, профессиональной информации, мультимедийного контента, а также метаданные, которые могут иметь значение для доказывания по уголовным делам); селективность (возможность выбора из огромного множества электронной информации нужной, т.е. имеющей доказательственное значение для расследования уголовного дела); подверженность модификации, копируемость, временная зависимость (электронная информация легко поддается стороннему воздействию, различным изменениям, правкам, уничтожению, ее ко-

пирование позволяет сохранять идентичность содержания, зависимость от времени обусловлена временными интервалами обновления) и, конечно, бинарность электронной информации (двоичное кодирование электронных импульсов техническими устройствами для трансформации их в пригодный для человеческого восприятия вид). Изложенное позволяет сделать вывод, что работа с «электронными доказательствами» в уголовном процессе требует владения элементарными цифровыми навыками, а в исключительных случаях привлечения специалистов, обладающих специальными знаниями, позволяющими обеспечивать подлинность, аутентичность, воспроизводимость, допустимость электронных сведений, используемых в доказывании, а также их хранение, передачу, копирование, восстановление и т.п. Приведенные свойства говорят о самостоятельности «электронных доказательств» как отдельного вида в уголовном процессе, что свидетельствует о необходимости правовой регламентации не только категории «электронные доказательства», но и порядка их собирания, проверки и оценки.

Следует учитывать, что ценность в доказывании по уголовным делам представляет не электронный материальный носитель, а содержащаяся на нем электронная информация, представленная в виде, пригодном для человеческого восприятия. Поскольку в науке уголовного процесса не сложилось единого подхода к определению «электронных доказательств», в контексте данной статьи под «электронными доказательствами» будем понимать любые сведения, представленные в электронной форме, собирание, фиксация, обработка, хранение и передача которых обеспечиваются посредством соответствующих электронных носителей информации, программного обеспечения и аппаратных средств, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Специфика «электронных доказательств» требует разработки особых правил их оценки, и в целях разработки оптимального алгоритма важно учитывать позицию практических работников в этом вопросе, что потребовало от нас проведения анкетного опроса. Его участниками стали 25 следователей и дознавателей органов предварительного расследования Оренбургской области. Сотрудники изложили собственное видение проблемных аспектов собирания, проверки и оценки электронных данных в доказывании по уголовным делам, порядка их приобщения к материалам уголовного дела, проверки их достоверности и аутентичности, а также правовой регламентации. Оценка электронных доказательств — одна из доминантных проблем сегодня; постараемся разобраться в ней, обращаясь к опыту стран, регламентировавших электронную форму доказательств в уголовном судопроизводстве, а именно на примере Социалистической Республики Вьетнам (далее —

Вьетнам) и Китайской Народной Республики (далее — Китай).

Оценка «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве: опыт Вьетнама

2015 год ознаменовал целую систему дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам (далее — УПК СРВ) [5], касающихся правовой регламентации доказательств и доказывания по уголовным делам в условиях цифровой трансформации общества и государства. Изменения в правовом регулировании обусловлены возникновением двойственной ситуации, вызванной стремительным развитием современной науки и техники: с одной стороны, цифровые технологии стали многофункциональными и многоцелевыми средствами жизнеустройства общества, важными и полезными инструментами государственного управления, с другой — цифровой прогресс является одним из важнейших детерминантов не просто роста количественных показателей ИТ-преступности, но ее качественной трансформации: технологический прогресс и постоянное совершенствование технологий привели к большей изоциренности, опасности преступлений, совершаемых с применением цифровых технологий, также появлению новых, что осложняет методы расследования и доказывания по уголовным делам. До принятия кардинальных изменений в уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама в качестве источников доказательств использовались преимущественно их письменная форма и вещественные доказательства, что со временем перестало отвечать тенденциям цифрового развития общества. В результате такие средства доказывания, как электронные носители, аудио- и видеозаписи, не могли признаваться в качестве таковых, что приводило к неполноте расследования, отсутствию всесторонности исследования доказательств. Соответственно, страдала доказательственная база, обстоятельства, подлежащие доказыванию, оставались не выявленными или не установленными. С целью повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием высоких технологий, на 10-й сессии Национального Собрания 13-го созыва 27 ноября 2015 г. уголовно-процессуальное законодательство было дополнено положениями, определяющими правила использования в доказывании «электронных данных» [6].

Статья 87 УПК СРВ регламентирует исчерпывающий перечень источников доказательств и наряду с традиционными, привычными нам (например, вещественные доказательства, иные документы, свидетельские показания, протоколы следственных, судебных действий), предусматривает «электронные данные» [5]. *Народная прокуратура округа Кьен Суонг* дает официальный комментарий относительно нововведений в УПК СРВ: «Уникальность электронных данных как доказательств в уголовном процессе требует особого внимания со стороны законодателя и строгой правовой регламентации, поскольку на них

легко воздействовать намеренно или непреднамеренно: стереть, изменить (отредактировать), уничтожить и т.д.

Отсутствие в законе четкой регламентации порядка их собирания, проверки и оценки может привести к различного рода злоупотреблениям со стороны участников уголовного дела, направленным на искажение или уничтожение электронных данных, в собственных интересах, в том числе и со стороны должностных лиц, в чем производстве находится дело, что отрицательным образом повлияет на установление истины и правосудность приговора. Оценка таких доказательств должна отвечать критериям, позволяющим установить их объективность, оригинальность и проверяемость» [6].

Правовая регламентация электронных данных как источника доказательств в уголовном процессе Вьетнама достаточно системна. Так, ст. 99 УПК СРВ закрепляет норму-дефиницию «электронные данные», к которым относит «сигналы, буквы, цифры, изображения, звук и иные подобные элементы, которые создаются, хранятся, передаются и предоставляются с использованием электронных технических средств». Важно выделить ряд специфических черт электронных данных как доказательств в уголовном процессе, имеющих значение для их правовой оценки. Во-первых, электронные данные – это не обычный (традиционный) источник доказательств, не само событие, объект или предмет совершенного преступления, не лицо, ставшее свидетелем, потерпевшим, обвиняемым и т.д., как считалось ранее, это оцифрованные символы, т.е. информация, представленная двоичным кодом, хранящаяся на электронных носителях или устройствах, в глобальной сети Интернет и иных сетях (локальные, компьютерные), в результате обработки которой специальными электронными устройствами, аппаратными программными средствами создаются данные в виде цифр, букв, изображений, звуков и т.д., пригодные для восприятия человеком и содержащие сведения о преступном событии и иных обстоятельствах, входящих в предмет доказывания или имеющих значение для уголовного дела. Во-вторых, электронные данные имеют доказательственную ценность (могут быть использованы в качестве доказательств) только при условии их получения, изъятия, копирования, воссоздания, обработки и тому подобного экспертом или специалистом в области науки и техники, оказывающим содействие при работе с электронными устройствами и программным обеспечением с целью гарантированности их полноты, аутентичности, подлинности или копии и иных свойств, отвечающих допустимости использования их в доказывании по уголовным делам. В-третьих, природа электронных данных, как ранее уже отмечалось, характеризуется подверженностью различным модификациям, обработке, копированию, уничтожению и, наоборот, восстановлению, в этой связи использование их в качестве доказательств требует применения программного обеспечения, цифровых технологий, позволяющих восстанавливать данные, обеспечивать их объективность, статус-кво, допустимость, а также привлечения для этого соответствующих специалистов.

Правовая регламентация электронных данных в УПК СРВ обусловлена не только стремлением удовлетворить требования борьбы с преступностью в целом и преступностью с использованием ИТ в частности, но и необходимостью приведения действующего законодательства в соответствие с темпами процесса цифровизации. Для этого разработана концепция электронных данных как доказательств, определены источники электронных данных и критерии оценки их доказательственной ценности в уголовном процессе. К электронным данным относятся символы, буквы, цифры, изображения, звуки и т.д., как создаваемые, хранящиеся и передаваемые электронными средствами, так и восстановленные, обработанные, обнаруженные, удаленные или перезаписанные в скрытом виде, которые с помощью бинарного кодирования становятся воспринимаемыми человеком и содержат свидетельства об обстоятельствах уголовного дела.

В доказывании по уголовным делам применяют два типа электронных данных:

- электронные данные, сгенерированные компьютерными устройствами: файлы cookies, адреса URL, журналы (история) электронной почты, веб-серверов, веб-сайтов, брандмауэра, IP-адреса, информацию о доступе (root-доступ, или рутинг), коды, электронные следы атак на веб-сайты, электронную почту, аккаунты, хранилища баз данных и системы управления ими, следы преступной несанкционированной активности (вирусные атаки, установка трояна, кейлоггера, прослушивающих устройств, кража данных, распространение данных и т.п.);

- электронные данные, созданные в виде текста, таблиц, изображений, а также файлы, содержащие метаданные, сведения о физических или юридических лицах, связанных с данными (например, доказательства о человеке и компьютере, сгенерировавшем данные, исходные данные) [7].

Согласно ст. 108 УПК СРВ, электронные данные подлежат оценке с точки зрения их законности (допустимости), связанности с преступным событием (относимости) и подлинности (аутентичности).

Электронные данные так же, как и любое другое доказательство, должны отвечать требованиям законности. Соответственно, правила их оценки учитывают положения ч. 2 ст. 87 УПК СРВ, согласно которым «любые сведения, полученные из доказательственных источников с нарушением требований настоящего Кодекса, не имеют юридической силы и не могут использоваться в качестве основания для разрешения уголовного дела по существу». Требования к оценке электронных данных как доказательств, отвечающих законности, регламентированы положениями ст.ст. 107, 192, 196, 199 УПК СРВ и предусматривают, что электронные данные должны собираться, храниться, проверяться в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Критерии оценивая электронных данных с точки зрения законности ориентированы на определение надлежащего источника и надлежащего субъекта получения электронных данных, надлежащего порядка собирания и оформления электронных данных. Это общее правило, обеспечивающее правильное разрешение уголовного дела по существу.

Согласно требованиям уголовно-процессуального закона Вьетнама (ст. 99 УПК СВР), к надлежащим источникам получения электронных данных относятся: электронные носители информации внешние и внутренние, компьютерные, локальные сети, глобальная сеть Интернет и иные сети, электроника, линии электропередач и другие электронные источники. Другими словами, электромагнитные данные могут быть собраны с различных электронных цифровых устройств, компьютерной техники и в режиме онлайн (например, хранящиеся на сервере поставщика услуг, веб-сайте, в базе данных, текущей трансляции онлайн и т.д.). Допустимость электронных данных и законность их получения гарантируются требованием об обязательном привлечении специалистов для восстановления, обработки, анализа и оценки электронных следов, существующих в виде электронных сигналов (бит-байт) на магнитной ленте, магнитном диске, электронных чипах и т.д., а также для собирания сохраненных, удаленных, перезаписанных, существующих в скрытом или зашифрованном виде электронных данных, посредством применения специальных технологий, технического оборудования, программных средств, преобразующих их в объективно читаемую форму (электронные документы), слышимые (аудио- и видеозаписи), видимые (фото, видеозаписи) доказательства.

При этом их доказательственное значение в уголовном процессе Вьетнама зависит от способа создания, методов и средств передачи, а также хранения, которые должны обеспечивать полноту и целостность, сохранность, идентификацию, воспроизводимость, аутентификацию, проверяемость составителя (создателя), пользователя, подлинности источника, идентичности копии и других требований, влияющих на возможность использования электронных сведений в доказывании. Электронные данные признаются допустимыми доказательствами при установлении их подлинности и аутентичности. Подлинность электронных данных – это свойство, позволяющее установить, что сведения об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, обнаружены на электронных устройствах (компьютер, мобильный телефон и т.д.) или в сети (локальные сети, Интернет и т.д.), не имеют модификации и сохранили аутентичность, они реальны и их можно увидеть, услышать или прочесть. Для оценки аутентичности электронных данных необходимо установить: их происхождение и соответствие предъявляемым требованиям (например, к электронным документам, видеофайлам и т.п.); идентификацию создателя, а также отправителя или пользователя; время и место создания и передачи; методы, средства и способы создания, обработки, хранения и передачи. Например, если при оценке электронных данных как допустимых доказательств не проводилась соответствующая судебная экспертиза с целью установления изменений, производимых после создания, достоверность, надежность такого источника ставится под сомнение, и их юридическое значение может быть утрачено, или, наоборот, если электронные данные заверены элек-

тронной цифровой подписью, позволяющей установить все метаданные и возможные внесения изменений, то их доказательственная сила сохраняется. При этом должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, принимают меры по сохранности их целостности и обеспечению условий, исключающих преднамеренное или непреднамеренное воздействие на них, способное привести к повреждению данных, уничтожению, изменению, так как это может повлиять на допустимость их использования в доказывании на последующих стадиях уголовного процесса [7].

Для соблюдения изложенных требований уголовно-процессуальный закон Вьетнама регламентирует: порядок изъятия электронных носителей и электронных данных органами, в чьем производстве находится уголовное дело, с привлечением специалиста, а также условия копирования электронных данных на материальные носители с последующим их изъятием, включая подключенные к нему периферийные устройства и сопутствующую документацию (ст. 196 УПК СВР); основания проверки электронных данных, обусловленные наличием достаточных данных полагать, что они могут содержать сведения об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, о разыскиваемых лицах, и способствующих спасению потерпевших, находящихся в условиях, угрожающих их жизни и здоровью (ст. 192 УПК СВР); ответственность должностных лиц за сохранность, целостность и неприкосновенность электронных данных и их электронных носителей, изъятых, опечатанных и хранящихся при материалах уголовного дела (ст. 199 УПК СВР, согласно которой лицо, нарушившее целостность электронных данных или их носителей, сокрывшее, подменившее, уничтожившее, передавшее третьим лицам или воспользовавшееся ими в собственных интересах, интересах третьих лиц, подлежит уголовной ответственности); особенности проверки электронных данных (ст.ст. 107, 207–206 УПК СВР).

Судебную экспертизу проверки электронных данных можно разделить на два типа: сравнительную и поисково-аналитическую. В первом случае проверка электронных данных проводится посредством сопоставления электронных данных, содержащихся на электронных носителях информации и приобретенных к материалам уголовного дела, с электронными файлами для сравнительного исследования с целью установления происхождения и прослеживаемости проверяемых электронных данных. Проверочные действия проводятся в отношении установления характеристики и содержания электронных данных, функционального назначения, хэш-функции, метаданных, журналов истории и т.д. Второй тип экспертизы электронных данных, в отличие от первого, предназначен исключительно для поиска, анализа и восстановления электронных данных с целью собирания зашифрованных, скрытых или удаленных электронных данных, перехвата данных с устройств или в сети, а также их анализа и преобразования в читаемые, слышимые и видимые [8].

Несмотря на достаточно подробную регламентацию использования электронных данных в доказыва-

нии по уголовным делам, практики отмечают некоторые сложности в правовой реализации рассмотренных положений. Во-первых, они связаны с недостаточным уровнем знаний в области цифровых технологий лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, что отражается на эффективности доказывания по уголовным делам с использованием электронных данных и их носителей, недостаточным уровнем владения цифровыми навыками, необходимыми для правильного собирания, изъятия, копирования и хранения электронных данных. Во-вторых, недостатком правовой регламентации считаются положения ст. 206 УПК СБР, согласно которым судебная экспертиза электронных данных проводится не в обязательном порядке, а по усмотрению суда (даже при наличии соответствующего ходатайства сторон); без нее осложняется оценка доказательственной силы электронных данных ввиду проблематичности точного установления личности создателя, отправителя или иного пользователя электронных данных, их аутентичности и целостности при хранении. В-третьих, электронные данные, содержащие аудио- и видеоматериалы, подлежат непосредственному просмотру сторонами уголовного дела. Протоколы осмотра электронных данных, их носителей, изъятых и приобщенных к материалам уголовного дела, просматриваются участниками уголовного процесса для подтверждения аутентичности и других подлежащих оценке критериев. При этом, если участники предоставят иное подтверждение, влияющее на подлинность электронных данных, они должны быть учтены лицом, ведущим производство по уголовному делу, с целью разрешения вопроса о допустимости использования таких электронных данных в качестве доказательств, что приводит к необходимости повторных экспертиз и проверок электронных доказательств [8].

Проведенное в данном разделе исследование позволяет сделать вывод, что электронные данные в уголовном процессе Вьетнама имеют доказательственное значение и могут быть положены в основу обвинения, если в ходе оценки установлены:

- допустимость (электронные данные собраны, изъятые и опечатаны в порядке, установленном УПК СБР; обеспечена целостность при их хранении; электронные данные и их электронные носители изъятые своевременно, в полном объеме и опечатаны (это особенно важно, поскольку цифровые следы совершенного преступления могут быть утрачены с течением времени, например в результате обновления памяти записей камер наружного наблюдения, обновления хранилища больших данных и автоматического удаления устаревших сведений и т.п., умышленно уничтожены заинтересованными лицами, повреждены или изменены, модифицированы в результате несанкционированного доступа, незащищенного хранения, непреднамеренно удалены и т.д.); электронные данные приобщены к материалам уголовного дела с соблюдением процессуального порядка производства осмотра электронного носителя, хранящейся на нем информации и протоколирования; электронные данные получены надлежащими субъектами, наряду с должностными лицами, осуществляющими расследование по уголовному

делу, к ним относятся судебные органы и защитники; копирование, обнаружение удаленных, скрытых, зашифрованных данных и их восстановление, а также осмотр осуществлялись с обязательным привлечением специалиста и последующим назначением соответствующей судебной экспертизы; произведена судебная экспертиза оценки электронных данных на определение подлинности, аутентичности, модификации, происхождения, создателя и т.д.; электронные данные изъятые обоснованно (основаниями являются достоверные данные полагать, что они содержат сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу или имеющих значение для спасения потерпевших, а также о разыскиваемых лицах), а их владельцам разъяснены права, цель и порядок использования электронного носителя; соблюдена процессуальная форма протоколирования хода проверки электронных данных и их электронного хранилища с указанием средств, методов и способа проверки);

- подлинность и аутентичность (проведена идентификация электронных носителей, а именно определены: происхождение электронных данных, их владельцы, создатели, отправители или иные пользователи (точное установление лица); функциональное назначение и происхождение, наименование, технические параметры и характеристика электронного устройства, являющегося материальным носителем электронных данных, его техническое состояние (исправность / неисправность, повреждения и т.п.) на момент изъятия и правила эксплуатации, а также защита паролем, биометрией, идентифицирующие (уникальные, особые) приметы устройства и т.д.; метаданные электронных данных, а также фактические время, дата изъятия носителя и время, число, месяц, год, зафиксированные на электронном носителе в момент изъятия);

- преобразование (модификация) или восстановление электронных данных и их электронных носителей (поврежденные, удаленные, измененные, кодированные (зашифрованные) и скрытые электронные данные могут быть восстановлены, а также подвергнуты модификации для их преобразования в читаемые, видимые или слышимые посредством привлечения соответствующих специалистов и проведения судебной экспертизы оценки электронных данных; эксплуатация поврежденных электронных носителей информации может быть восстановлена с целью извлечения электронных данных и их копирования на другой электронный носитель информации; все действия по модификации, восстановлению электронных данных, электронных носителей, а также время, место, дата их совершения и сведения о привлекаемых экспертах и специалистах должны быть зафиксированы соответствующим протоколом или экспертным заключением);

- результаты проверки электронных данных по материалам уголовного дела (электронные данные сопоставлены с имеющимися доказательствами в материалах уголовного дела, определена их относимость к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовным делам или имеющим значение для его расследования прямым или косвенным образом);

– результаты судебной экспертизы оценки и проверки электронных данных и их электронных носителей (проведение судебной экспертизы оценки и проверки электронных данных и их электронных носителей является важным для их использования в доказывании по уголовным делам; данная экспертиза производится соответствующими экспертами с применением необходимого оборудования и технологий с целью осуществления поиска скрытой, зашифрованной или удаленной информации, ее последующего восстановления, анализа, копирования на резервные носители, а также модификации в читаемую, слышимую или видимую, что, в свою очередь, согласуется с лицами, в чьем производстве находится уголовное дело, для определения доказательственной ценности и значимости для уголовного дела электронных данных).

Оценка «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве: опыт Китая

Уголовно-процессуальный закон Китая в числе источников доказательств регламентирует «аудиовизуальные материалы и электронные данные». Правила использования в уголовно-процессуальном доказывании Китая электронных данных и аудиовизуальных материалов как источников доказательств впервые были регламентированы в 2010 г., с тех пор с развитием общественных отношений в условиях цифровизации и изменениями качественных показателей преступности с применением ИТ постоянно совершенствуется правовое регулирование их собирания, проверки и оценки. Несмотря на то, что практика Китая использования в доказывании по уголовным делам доказательства в электронной форме постоянно совершенствуется, все же, как и во многих других странах, наиболее острым остается вопрос оценки таких доказательств с точки зрения их аутентичности и допустимости, при этом особую сложность в оценке представляют электронные данные, полученные трансграничным путем. Правила собирания электронных данных в уголовном процессе Китая, которые, безусловно, определяют правила их проверки и оценки, прошли несколько этапов серьезных изменений: первые регламентировали саму возможность собирания электронных данных в сети Интернет, но касающихся только преступлений, связанных с проведением азартных игр онлайн, при этом отсутствовала регламентация конкретных методов собирания; вторые произошли в 2014 г. и определили два способа собирания электронных данных – изъятие онлайн из сети и облачных хранилищ и с исходных электронных устройств, категории дел теперь не ограничивались; третьи связаны с принятием в 2016 г. Положения о порядке собирания, изъятия, проверки и оценки электронных данных в уголовном процессе, согласно которому теперь строго определены способы и методы собирания и изъятия электронных данных, обязательность оценки их аутентификации и допустимости; четвертые усовершенствовали действующий порядок; наконец, в 2019 г. приняты новые правила, расширившие полномочия

органов полиции по трансграничному получению доказательств в сети Интернет, а в 2021 г. были установлены некоторые ограничения с целью соблюдения суверенитета других стран (установлен запрет на трансграничное получение открыто не опубликованных данных) [9]. Приведенная динамика развития законодательства Китая достаточно планомерна, что вызывает интерес относительно его опыта в оценке электронных данных как доказательств в уголовных делах.

Китай стремится к стандартизации уголовно-процессуального порядка собирания, проверки и оценки доказательств по уголовным делам о киберпреступлениях в целях повышения эффективности защиты прав и законных интересов своих граждан и поддержания «чистоты» киберпространства. Верховная народная прокуратура и Министерство общественной безопасности Китая сообщают, «что с развитием цифровой экономики не только растут количественные показатели преступлений в сфере ИТ, но и меняются криминальные способы и средства их совершения, кроме того, киберпреступность приобретает многогранный характер, становится трансграничной, чем осложняются расследование и раскрытие преступлений. По состоянию на 2017–2021 гг. разрешено по существу 282 тысячи уголовных дел о киберпреступлениях, количество потерпевших составило 660 тысяч человек, и эти показатели ежегодно растут» (перевод с китайского) [10]. Наряду с положениями Уголовно-процессуального кодекса Китая (далее – УПК КНР) [11] действуют нормы собирания, проверки и оценки доказательств по уголовным делам о киберпреступлениях, а также о телекоммуникационном и интернет-мошенничестве [12, 13].

Положения позволяют органам расследования получать электронные данные из сети посредством межрегионального доступа, при этом не нарушая личных и имущественных прав лиц, являющихся владельцами электронных данных или устройств, на которых они хранятся. Оценка электронных данных как допустимых доказательств по уголовным делам предполагает:

- соблюдение порядка собирания, копирования, изъятия и хранения, предусмотренного УПК КНР;

- соблюдение порядка получения трансграничных электронных данных без нарушения суверенитета другого государства, в частности на основании заключенного соглашения о взаимной правовой помощи или по поручению международной организации (органы общественной безопасности Китая могут инициировать запрос на представление иностранным государством соответствующих электронных данных (например, когда случаи кибермошенничества в отношении граждан Китая совершались с территории иностранного государства), который подписывается центральным органом общественной безопасности Китая или Министерством иностранных дел Китая и заверяется посольством или консульством Китая, расположенным на территории страны, принимающей запрос);

- соответствие электронных данных формальным требованиям, а именно: надлежащее оформление протокола осмотра, описи представляемых электронных

данных, описание электронных носителей информации, соответствие всех описанных данных изъятых электронным носителям информации и содержащимся на них электронным данным;

- соблюдение оснований изъятия электронных данных и их носителей у законных владельцев, которыми являются достаточные данные полагать, что они содержат сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу или имеющих значение для него прямо или косвенно, являющихся средством или способом совершения преступления, необходимы для защиты интересов потерпевших;

- соответствие полученных электронных данных требованиям полноты, всесторонности и объективности;

- соответствие электронных данных требованиям аутентичности, а электронных носителей – идентификации (для этого оцениваются подлинность и достоверность электронных данных, наличие или отсутствие признаков их модификации, искажения или повреждения, а также устанавливаются источник происхождения, способы, средства и методы создания, передачи и хранения, владельцы, исходные носители, метаданные);

- проверку электронных данных посредством их сопоставления с другими имеющимися в уголовном деле доказательствами [9].

Так, например, судебной практике Китая известны случаи признания допустимыми доказательствами электронных данных, хранение которых осуществлялось на сторонней платформе с использованием системы блокчейна. Из практики суда Ханчжоу: «С целью сохранения электронных данных, подтверждающих противоправность действий владельца веб-сайта, потерпевший передал URL-адрес соответствующей веб-страницы на платформу хранения данных. Это позволило не допустить удаления веб-страницы владельцем веб-сайта» [14]. Хранение электронных данных с помощью технологии блокчейна позволяет сохранять подлинность электронных данных и обеспечивать их защиту от повреждения, уничтожения или модификации. В общих чертах, это происходит следующим образом: первоначально платформа использует подключаемый модуль для программы с открытым исходным кодом, позволяющим сделать снимок веб-страницы и сгенерировать журнал операций, отражающий дату и время создания и обработки контента; затем платформа получает сам исходный код и всю информацию, связанную со страницей; после этого платформа фиксирует в базе снимок экрана, исходный код веб-страницы, вычисляет хеш-код и загружает данные в блокчейн. Для решения вопроса о допустимости использования в доказывании таких электронных данных суд Ханчжоу исходил из ряда оцениваемых факторов: надежность сторонней платформы и используемых технических средств для захвата веб-страницы, а также целостность электронных данных после их хранения на сторонней платформе. Судом было установлено, что, во-первых, владельцы платформы не имеют заинтересованности в исходе дела и абсолютно объективны, поскольку не связаны с участниками процесса, во-вторых, используемая платформа безопасна, так как

имеет сертификацию уполномоченного китайского ведомства в области сетевой безопасности, и ее облачное хранилище не подвергалось вирусным атакам и троянам, в-третьих, исключена подделка электронных данных в процессе захвата веб-страницы платформой благодаря технологии получения исходного кода. Оценка целостности электронных данных проводилась судом с точки зрения их идентификации и загрузки в полном объеме, отсутствия удаленных, поврежденных фрагментов. Для этого в ходе судебного следствия установлено, что хеш-значения загруженных электронных данных и электронных данных, представленных суду, идентичны, а значит, не подвергались постороннему воздействию, сохранены полностью и без изменений с момента загрузки [14]. Установить допустимость и признать юридическую силу электронных данных как доказательств китайским судам значительно проще в случае их изъятия и хранения с использованием технологии блокчейн, более того, в практике такой способ и метод признается одним из приоритетных, поскольку доминантным остается проблемный вопрос сохранения подлинности электронных данных и предотвращения их изменения или подделки.

Что же касается оценки аутентичности электронных данных, аудио- и видеоматериалов по критериям, указанным нами выше, то в судебной практике применяются: во-первых, метод их проверки путем сопоставления с другими источниками доказательств, во-вторых, посредством нотариального заверения или фиксирования отметки времени. В последнем случае речь идет о выдаче сертификата Службой отметок времени, подтверждающего метаданные, достоверность существования электронных данных в конкретный момент времени, их полноту и подлинность. Оспорить такое доказательство возможно только при предоставлении опровергающих доказательств [4. С. 140–142].

Зарубежный опыт показал, что электронные данные подлежат оценке так же, как и другие источники доказательств, с точки зрения допустимости их использования в уголовном судопроизводстве, достоверности содержащихся в них сведений и относимости к расследуемому уголовному делу. Однако специфика электронных данных как доказательств требует особых правил использования их в доказывании, а именно применения средств и методов обеспечения сохранности, подлинности, целостности, предупреждения преднамеренного или непреднамеренного уничтожения, повреждения, изменения, а также установления аутентификации и т.д. Исследование подтверждает, что уголовно-процессуальное законодательство и практика Вьетнама и Китая выработали соответствующие критерии оценки электронных данных как источника доказательств, которые максимально схожи, что может свидетельствовать об их универсальности и применимости в уголовном судопроизводстве других стран независимо от специфики их правовой системы. Интерес для отечественного законодателя и правоприменения могут составлять рассмотренные нами методы и средства такой оценки: проведение судебной экспертизы по оценке электронных данных во Вьетнаме; использование технологии блокчейн, нотариальное заверение, отметка времени в Китае.

Позиции ученых и практиков относительно оценки «электронных доказательств» в российском уголовном процессе (по результатам проведенного анкетирования в форме интервьюирования и изученных архивных уголовных дел)

Рассмотрев зарубежный опыт оценки и проверки электронных данных, являющихся источником доказательств, важно отметить некоторые проблемные аспекты российского подхода. Во-первых, стоит учесть, что российское уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует «электронные доказательства» (или схожие по смыслу категории, такие как «электронные данные», «цифровые доказательства», «электронные материалы» «электронные документы» и т.п.) в качестве источника доказательств, а практика идет по пути признания изъятых, опечатанных электронных носителей информации, содержащих электронные данные, имеющие значение для уголовного дела, вещественными доказательствами. Об этом свидетельствует анализ изученных архивных уголовных дел (более 30), где изъятые электронные данные на электронном носителе информации признавались вещественным доказательством. Например, по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, сведения о месте нахождения наркотического вещества, отправленные с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет через мобильное интернет приложение Telegram на мобильный телефон обвиняемого, признаны вещественным доказательством, поскольку в протоколе указано, что в качестве таковых признается мобильный телефон и содержащиеся на нем электронные сведения [15]. По другому уголовному делу «в ходе расследования уголовного дела были получены детализации банковских переводов ПАО «Сбербанк» по картам Л. и Ж., которые были осмотрены, после чего компакт-диск и содержащиеся на нем указанные детализации признаны в качестве вещественного доказательства» [16]; «в ходе расследования уголовного дела был изъят и осмотрен следователем мобильный телефон В. iPhone 11. В ходе осмотра была обнаружена переписка в мессенджере WhatsApp между В. и несовершеннолетней потерпевшей К., которая была признана в качестве вещественного доказательства по данному уголовному делу» [17]. Также, по результатам проведенного нами анкетирования, практические работники в подавляющем большинстве (89%) указали на приобщение электронных носителей информации и содержащихся на них электронных данных в качестве вещественных доказательств, в остальных случаях это могут быть иные документы.

В теории сложилось немало подходов, справедливо обосновывающих противоречивость такой практики и необходимость соответствующих изменений действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего институт доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве. Кроме того, проблемный вопрос коренится не столько в правильном признании доказательств, полученных в электронном виде, в качестве вещественных, сколько в том, что

практика сама признает назревшую необходимость регламентации нового вида доказательств – «электронных», существенно отличающихся от традиционных и механизмом образования, и спецификой изъятия, хранения и т.д. Из анализа результатов анкетирования следует, что возникают противоречия в работе судебных и следственных органов.

Последние настаивают на удобстве использования в протоколах различного рода таблиц, особенно по экономическим и налоговым преступлениям, где табличная форма представления информации является более наглядной для восприятия, систематизирует данные, упорядочивает их, в то время как суды нередко недовольны таким подходом и требуют исключительно текстового изложения табличных данных. Отвечая на вопрос о путях решения подобных проблем, большинство опрошенных настаивают на возможности хранить таблицы в электронном виде, приобщая их к протоколу, без надобности дублирования данной информации в нем, поскольку «электронные формы» должны упрощать, а не усложнять уголовно-процессуальную деятельность.

Во-вторых, стоит отметить, что электронная информация доказательственного значения, которая сегодня, согласно требованиям ч. 2 ст. 74 УПК РФ, составляет содержание соответствующих видов доказательств (вещественные, иные документы), может быть получена посредством ведения в ходе следственных и судебных действий аудио-, видео-, кино- и фотофиксации, представляющей собой файлы данных, обладающих всеми свойствами электронной информации, полученной цифровыми техническими средствами. Такие данные играют важную роль в доказывании. Например, по факту совершения преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ в отношении К. было возбуждено уголовное дело. В ходе расследования уголовного дела с несовершеннолетними потерпевшими производились следственные действия с использованием средств видеофиксации. Видеозаписи были записаны на компакт-диск, после чего приобщены к протоколам следственных действий [17]. Специфика природы электронных данных свидетельствует о невозможности их отождествления с вещественными доказательствами или иными документами, требует особых методов, средств и способов их изъятия, хранения, обработки, представления, которые гарантируют сохранность, подлинность, целостность, неизменность и т.д., а также правил их оценки и проверки, позволяющих определить их доказательственное значение, допустимость использования, а соответственно, и юридическую силу, о чем свидетельствуют и научные аргументы, и складывающаяся практика правоприменения.

В-третьих, с ростом IT-преступности и преступлений, совершаемых с использованием IT, увеличивается распространенность использования в доказывании по уголовным делам электронных данных из IT-систем. На возможность их использования оказывают влияние средства, методы и способы создания, изъятия, обработки и хранения. Электронные данные IT-систем мо-

гут храниться на локальных устройствах, стационарных серверах, облачных серверах и т.д., создаваться путем ввода определенного объема данных при посещении сайта, открытии приложения, регистрации аккаунта, которые часто шире по своему содержанию, так как включают еще метаданные, сведения интеллектуального анализа корпоративных данных (например, таргетированная реклама на основе анализа поисков пользователя или личные данные, запрашиваемые приложением при запуске мобильного телефона, приложений, GPS-инструментов и т.п.); соответственно, доступ к электронным данным можно получить, например, локально, а хранить их удаленно, что потребует определенного порядка их изъятия. Доказательственное значение для расследования преступлений могут иметь электронные данные, содержащие сведения из социальных сетей, облачных хранилищ, журналов маркетплейсов и прочего о дате, времени, месте совершаемых действий, соединениях между пользователями, участниках групп, а также журналы (история) чатов и т.д. Такие данные можно получить как с локального устройства, обеспечивающего доступ к социальным сетям, так и с серверов самих социальных сетей, при этом доказательственная ценность извлекаемых данных будет различаться в зависимости от устанавливаемых обстоятельств, подлежащих доказыванию (например, опубликованные посты, история запросов, содержание чатов и т.п.). Анкетирование показало, что, по мнению 72% опрошенных, проблемным является вопрос получения электронных данных из облачных хранилищ ввиду физической недоступности, смешанности данных, множества пользователей, множества цепочек хранения, сложности определения местоположения сервера и т.д. Специалисты в сфере ИТ разрабатывают методы, а также комбинации методов изъятия («захвата») данных облачных хранилищ с целью их последующего изъятия, обеспечивая при этом их сохранность, целостность, полноту, ясность и подлинность. Таким образом, востребованность применения электронных данных ИТ-систем в целях доказывания по уголовным делам не просто высока, а, вероятно, открывает новые возможности для продвижения концепции «электронных доказательств» в российском уголовном процессе.

Заключение

Зарубежный опыт показал, что постоянное совершенствование правового регулирования вопросов, связанных с использованием в доказывании по уголовным делам электронных доказательств, повышает эффективность расследования преступлений, борьбы с преступностью в целом и раскрываемость. Инновационность правового механизма доказывания, заключающаяся в применении особых методов и средств поиска, захвата, изъятия, восстановления, хранения электронных данных как источника доказательств, обусловлена развитием науки и техники, цифровой экономики, ростом технологичности совершаемых преступлений в условиях цифровизации общества, государства и права. Поскольку доказательства и

сам процесс доказывания – это ключевой аспект уголовно-процессуальной деятельности, нормативные положения нуждаются в постоянном совершенствовании правового регулирования использования электронных данных в качестве источника доказательств по уголовным делам, а именно: обеспечении равноправия сторон в собирании электронных данных, объективности всесторонности доказывания; закреплении правил оценки и проверки электронных данных; определении правомочий субъектов собирания электронных данных и т.д.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие правовой регламентации «электронных доказательств» как самостоятельного вида, электронные данные используются в доказывании по уголовным делам, а значит, требуют разработки унифицированных правил их оценки в уголовном судопроизводстве. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта полагаем, что критерии, по которым следует оценивать доказательства, представленные в электронной форме, можно унифицировать следующим образом:

- допустимость – предполагает соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства, предъявляемых к собиранию, изъятию, упаковке, хранению, обнаружению, восстановлению и модификации (в читаемые, слышимые, видимые) электронных данных; обеспечение целостности, сохранности, полноты, ясности электронных данных; своевременность изъятия и приобщения к материалам уголовного дела; соблюдение требований надлежащего оформления таких доказательств и надлежащего субъекта их получения, изъятия и хранения, проведения экспертизы; установление обоснованности изъятия электронных данных, подлинности, аутентичности, манипуляций по модификации; применение соответствующих средств, методов и способов их собирания, проверки и оценки;

- аутентичность – предполагает проведение идентификации электронных данных путем установления: происхождения электронных данных, их владельцев, создателей, отправителей или иных пользователей; функционального назначения и происхождения, наименования, технических параметров и характеристики электронного устройства, являющегося материальным носителем электронных данных, а также его технического состояния на момент изъятия и правил эксплуатации, средств и методов защиты данных, идентифицирующих примет устройства;

- подлинность – предполагает выявление наличия или отсутствия преобразующих манипуляций, а также восстановление поврежденных, удаленных, измененных, зашифрованных, скрытых электронных данных и их электронных носителей;

- относимость – предполагает сопоставление электронных данных с имеющимися доказательствами в материалах уголовного дела, установление содержащихся сведений, указывающих на наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию или имеющих значение для уголовного дела, а также подтверждающих или опровергающих имеющиеся доказательства;

– обязательность судебной экспертизы оценки электронных данных и их электронных носителей – предполагает производство судебной экспертизы соответствующими экспертами с применением необходимого оборудования и технологий с целью осуществления поиска скры-

той, зашифрованной или удаленной информации, ее последующего восстановления, анализа, копирования на резервные носители, модификацию в читаемую, слышимую или видимую, а также оценки подлинности, аутентичности, целостности и полноты сведений.

Примечание

¹ Сегодня в Российской Федерации действуют следующие нормативно-правовые акты: Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования : распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3759-р // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (ч. IV). Ст. 265; О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; Об утверждении Положения об информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов : постановление Правительства РФ от 17.02.2022 № 198 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 8. Ст. 1193; О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901 и др.; О Концепции правовой информатизации России : Указ Президента РФ от 28.06.1993 № 966 (ред. от 22.03.2005) // Российские вести. 1993. № 132.

Список источников

- Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 46–51.
- Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 86–88.
- Зигура Н.А. Природа компьютерной информации как доказательства // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2009. № 28 (161). С. 50–52.
- Никурадзе Н.О. «Электронные доказательства» в уголовном процессе: о целесообразности правового регулирования // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 132–144.
- Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27.11.2015 № 101/2015/QH13. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477> (дата обращения: 18.06.2024).
- Trần Thị Thủy Nga. Một số điểm mới về chế định chứng cứ và chứng minh trong bộ luật tố tụng hình sự năm 2015 [Некоторые новые положения о регулировании доказательств и доказательств в уголовно-процессуальном кодексе 2015 года]. URL: <https://clck.ru/3BNoCi> (дата обращения: 20.06.2024).
- Bình luận về dữ liệu điện tử trong Bộ luật Tố tụng Hình sự năm 2015 [Комментарии к электронным данным в УПК 2015 года]. URL: <https://clck.ru/3BebBk> (дата обращения: 28.06.2024).
- Giám định dữ liệu điện tử và quy trình sao lưu, phục hồi, phân tích dữ liệu điện tử trong tố tụng hình sự [Проверка электронных данных и процесс резервного копирования, восстановления и анализа электронных данных в уголовном судопроизводстве]. URL: <https://luatminhkhue.vn/giam-dinh-du-lieu-dien-tu-va-quy-trinh-sao-luu-phuc-hoi-phan-tich-du-lieu-dien-tu-trong-to-tung-hinh-su.aspx> (дата обращения: 28.06.2024).
- How China Addresses Cross-border Access to Electronic Data in Criminal Matters? // China Justice Observer. 2022. Sept. 18. URL: <https://china-justiceobserver.com/a/how-china-addresses-cross-border-access-to-electronic-data-in-criminal-matters> (accessed: 28.06.2024).
- “两高一部”发文规范信息网络犯罪案件管辖取证等问题 [The Supreme People's Court, the Supreme People's Procuratorate and the Ministry of Justice issued a document to regulate the jurisdiction and evidence collection of information network crime cases]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-08/30/content_5707501.htm (accessed: 28.06.2024).
- 中华人民共和国刑事诉讼法 [Criminal Procedure Law of the People's Republic of China]. URL: https://www.gov.cn/flfg/2012-03/17/content_2094354.htm (accessed: 26.06.2023).
- 中华人民共和国反电信网络诈骗法 [Anti-Telecom Network Fraud Law of the People's Republic of China]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-09/02/content_5708119.htm accessed: 28.06.2023).
- 依法从重打击境外电信网络诈骗和境内协同犯罪人员最高检、公安部启动第三批5起特大跨境电信网络诈骗犯罪案件联合挂牌督办 [The Supreme People's Procuratorate and the Ministry of Public Security launched the third batch of five major cross-border telecommunications and network fraud cases for joint supervision]. URL: https://www.spp.gov.cn/xwfbh/wsfbt/202309/t20230912_627903.shtml#1 (accessed: 26.06.2023).
- How Chinese Courts Review Electronic Evidence Stored on Blockchain? // China Justice Observer. 2021. Aug. 29. URL: <https://chinajusticeobserver.com/a/how-chinese-courts-review-electronic-evidence-stored-on-blockchain?ysclid=ly33dmfe4v554121567> (accessed: 28.06.2023).
- Уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ // Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга. 2023.
- Уголовное дело по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ // Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга. 2021.
- Уголовное дело по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ // Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга. 2022.

References

- Zuev, S.V. (2020) Elektronnye dokazatelstva v ugovnom sudoproizvodstve: ponyatie i znachenie [Electronic evidence in criminal proceedings: Concept and significance]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 3 (26). pp. 46–51.
- Kalinovskii, K.B. & Markelova, T.Yu. (2001) Dokazatelstvennoe znachenie "elektronnoi" informatsii v rossiiskom ugovnom protsesse [Evidentiary value of "electronic" information in Russian criminal procedure]. *Rossiiskii sledovatel'*. 6. pp. 86–88.
- Zigura, N.A. (2009) Priroda kompyuternoi informatsii kak dokazatelstva [The nature of computer information as evidence]. *Vestnik YuUrGU. Ser. Pravo*. 28 (161). pp. 50–52.
- Nikuradze, N.O. (2024) "Elektronnye dokazatelstva" v ugovnom protsesse: o tselesoobraznosti pravovogo regulirovaniya ["Electronic evidence" in criminal proceedings: On the advisability of legal regulation]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 4. pp. 132–144.
- WIPO. (2015) *Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam dated November 27, 2015 No. 101/2015/QH13*. [Online] Available from: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477> (Accessed: 18.06.2024). (In Russian).

6. Tran Thi Thuy Nga. (2024) *Một số điểm mới về chế định chứng cứ và chứng minh trong bộ luật tố tụng hình sự năm 2015* [Some new provisions on the regulation of evidence and proof in the 2015 Criminal Procedure Code]. [Online] Available from: <https://clck.ru/3BN0Ci> (Accessed: 20.06.2024).
7. Clck.ru. (2024) *Bình luận về dữ liệu điện tử trong Bộ luật Tố tụng Hình sự năm 2015* [Comments on electronic data in the 2015 Criminal Procedure Code]. [Online] Available from: <https://clck.ru/3BebBk> (Accessed: 28.06.2024).
8. Luatminhkhue.vn. (2024) *Giám định dữ liệu điện tử và quy trình sao lưu, phục hồi, phân tích dữ liệu điện tử trong tố tụng hình sự* [Examination of electronic data and the process of backing up, restoring, and analyzing electronic data in criminal proceedings]. [Online] Available from: <https://luatminhkhue.vn/giam-dinh-du-lieu-dien-tu-va-quy-trinh-sao-luu-phuc-hoi-phan-tich-du-lieu-dien-tu-trong-to-tung-hinh-su.aspx> (Accessed: 28.06.2024).
9. China Justice Observer. (2022) How China Addresses Cross-border Access to Electronic Data in Criminal Matters? Sept. 18. [Online] Available from: <https://chinajusticeobserver.com/a/how-china-addresses-cross-border-access-to-electronic-data-in-criminal-matters> (Accessed: 28.06.2024).
10. Gov.cn. (2022) *The Supreme People's Court, the Supreme People's Procuratorate and the Ministry of Justice issued a document to regulate the jurisdiction and evidence collection of information network crime cases*. [Online] Available from: https://www.gov.cn/xinwen/2022-08/30/content_5707501.htm (Accessed: 28.06.2024). (In Chinese).
11. Gov.cn. (2022) *Criminal Procedure Law of the People's Republic of China*. [Online] Available from: https://www.gov.cn/flfg/2012-03/17/content_2094354.htm (Accessed: 26.06.2023). (In Chinese).
12. Gov.cn. (2022) *Anti-Telecom Network Fraud Law of the People's Republic of China*. [Online] Available from: https://www.gov.cn/xinwen/2022-09/02/content_5708119.htm (Accessed: 28.06.2023). (In Chinese).
13. Spp.gov.cn. (2023) *The Supreme People's Procuratorate and the Ministry of Public Security launched the third batch of five major cross-border telecommunications and network fraud cases for joint supervision*. [Online] Available from: https://www.spp.gov.cn/xwfbh/wsfbt/202309/t20230912_627903.shtml#1 (Accessed: 26.06.2023). (In Chinese).
14. China Justice Observer. (2021) How Chinese Courts Review Electronic Evidence Stored on Blockchain? Aug. 29. [Online] Available from: <https://chinajusticeobserver.com/a/how-chinese-courts-review-electronic-evidence-stored-on-blockchain?ysclid=ly33dmfe4v554121567> (Accessed: 28.06.2023).
15. Archive of the Leninsky District Court of Orenburg. (2023) *Criminal case against A. for committing a crime under Part 2 of Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation*. (In Russian).
16. Archive of the Leninsky District Court of Orenburg. (2022) *Criminal case against Zh. for committing a crime under Part 3 of Article 30, Part 1 of Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation*. (In Russian).
17. Archive of the Leninsky District Court of Orenburg. (2022) *Criminal case against K. for committing a crime under point "b" of Part 4 of Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation*. (In Russian).

Информация об авторе:

Никурадзе Н.О. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: nikinatali2012@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.O. Nikuradze, Cand. Sci. (Law), associate professor, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: nikinatali2012@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.07.2024;
одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 03.07.2024;
approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.*

Научная статья
УДК 347.51
doi: 10.17223/15617793/508/29

Современное состояние российского деликтного права и перспективы его развития

Тамара Викторовна Шепель¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, tomaser@mail.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в выяснении соответствия норм о деликтах современным условиям развития общественных отношений. Сделан вывод о том, что правила главы 59 Гражданского кодекса РФ применимы только при нарушении абсолютных субъективных гражданских прав потерпевших при причинении физического (наличного) вреда их жизни, здоровью или вещи и не рассчитаны на возмещение чисто экономических убытков, возникших при нарушении относительных прав. Автором предлагаются способы устранения законодательного пробела.

Ключевые слова: деликтная ответственность, новые специальные деликты, возмещение чисто экономических убытков

Для цитирования: Шепель Т.В. Современное состояние российского деликтного права и перспективы его развития // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 270–277. doi: 10.17223/15617793/508/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/508/29

The current state of Russian tort law and prospects for its development

Tamara V. Shepel¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tomaser@mail.ru

Abstract. The Civil Codes of Russia of the Soviet period established the norms on classical tort, which were applied in the case of violation of absolute civil rights by causing physical (existent) harm to the life, health or property of the victim. In the current Civil Code of the Russian Federation, the fundamental provisions on it are preserved. During the reform of civil legislation in 2013–2015, tort law was not subject to significant changes. At the same time, it does not correspond to the modern level of development of social relations and has long been in need of updating. Firstly, the rules on torts are not adapted to the digital age, to cases of harm caused by violation of digital rights; robots, including unmanned vehicles; artificial intelligence, etc. Secondly, in the overwhelming majority of cases in Russian practice, losses that did not arise in connection with causing actual harm, as a result of the behavior of third parties outside the contract, remain uncompensated. Such losses are called purely economic losses, which we consider only as a legal category – a measure of non-contractual liability. Losses are distinguished: (1) as a monetary form of physical harm caused to life, health or things – they are subject to compensation according to the rules of Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation; (2) as a consequence of unlawful interference of third parties in contractual legal relations; (3) as a result of violation of other relative rights (corporate, pre-contractual, etc.) In the civilistic doctrine, there are two approaches to the possibility of compensation for purely economic losses based on current legislation. According to the majority of authors, they are not subject to compensation; first, changes in the rules on torts are necessary. Others believe that this method of protecting relative rights can be used in judicial practice even now. There is no uniformity in judicial practice on disputes about compensation for losses caused to relative rights, but, as a rule, courts refuse to compensate them. It appears that at present the Civil Code of the Russian Federation does not provide for the possibility of compensation for damages caused to relative rights: (1) general rules on civil liability cannot be applied; they are simply absent in the Civil Code of the Russian Federation, with rare exceptions; (2) Chapter 25 of the Civil Code of the Russian Federation is not applicable to such cases; (3) Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation on obligations arising from causing harm is also not designed to compensate for damages in question. The application of the rules on torts to the parties to the contract is possible only if harm is caused to their life or health (Article 1084 of the Civil Code of the Russian Federation). Thus, it is at least naive to hope for the sufficiency of the legal instruments of tort law. Several options for solving the problem of recovery of purely economic losses are possible. It seems preferable to enshrine in a separate paragraph of Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation a special tort on compensation for damage caused to relative rights. Special conditions for its application are proposed.

Keywords: tort liability, new special torts, compensation for purely economic losses

For citation: Shepel, T.V. (2024) The current state of Russian tort law and prospects for its development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 270–277. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/29

Гражданские кодексы советского периода закрепляли нормы о классических деликтах. В ГК РСФСР 1922 г. [1] деликтной ответственности был посвящен отдельный раздел XIII «Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда», в котором устанавливались, хотя довольно схематично и размыто, общие условия возмещения причиненного вреда. Из анализа ст. 403 и других статей названного раздела следует, что к таким условиям относились имущественный вред, противоправность поведения причинителя, причинная связь между вредом и таким поведением (вред должен быть *причинен*, по общему правилу, причинителем) и его вина.

В главе 40 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. [2] была конкретизирована модель классического (обычного) деликта:

1) нормы о деликтах должны носить строго императивный характер и не могут быть изменены соглашением сторон;

2) они применяются при нарушении абсолютных субъективных гражданских прав потерпевших при причинении *физического (наличного)* вреда их жизни, здоровью или вещам;

3) стороны деликтного обязательства не находятся до причинения вреда в договорных правоотношениях, что объяснялось признанной в литературе разницей между деликтной и договорной ответственностью. Деликтная ответственность наступает за нарушения, не связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением уже существующего обязательства, договорная – за нарушения договорного обязательства;

4) возложение на причинителя вреда обязанности возместить причиненный потерпевшему вред является мерой деликтной ответственности; исключение – случаи причинения вреда правомерными действиями;

5) основанием такой ответственности является правонарушение с полным составом: а) наличием имущественного вреда; б) противоправностью поведения причинителя вреда, при этом действует принцип генерального деликта; в) прямой причинной связью между поведением причинителя и вредом; г) виной причинителя вреда, кроме случаев ответственности независимо (без) вины (ст. 454 ГК РСФСР). При этом действует презумпция вины причинителя.

Такое понимание основания правовой ответственности было присуще дореволюционным ученым. Советское гражданское право лишь заимствовало эту конструкцию из уголовного права царской России.

В действующем Гражданском кодексе РФ наблюдаются некоторые отступления от классического деликта, в частности:

1) в абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ установлено, что не только законом, но и договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда;

2) нормы о деликтах могут применяться и тогда, когда потерпевший и причинитель находились в договорных правоотношениях до причинения вреда. Однако это возможно только при причинении вреда *жизни или здоровью* стороны договора (ст. 1084 ГК РФ);

3) применение норм о деликтах стало возможным при причинении не только имущественного, но и морального вреда (§ 4 главы 59 ГК РФ);

4) если ранее нормы о деликтах могли применяться только при причинении имущественного или морального вреда, то в действующем ГК РФ появилась ст. 1065 ГК РФ о правовых последствиях создания опасности причинения вреда в будущем;

5) в ГК РФ расширены случаи возложения на неделиктоспособного причинителя вреда обязанности по его возмещению, которая является только мерой защиты, а не мерой деликтной ответственности (абз. 2 п. 4 ст. 1073; п. 3 ст. 1076; абз. 2 п. 1 ст. 1078).

Вместе с тем принципиальные положения деликтного права в ГК РФ сохранились:

1) нормы главы 59 ГК РФ, как и прежде, применимы при нарушении абсолютных субъективных гражданских прав потерпевших;

2) должен быть причинен физический вред жизни, здоровью или вещам потерпевших;

3) основанием возникновения деликтной ответственности все так же признается правонарушение с полным составом, кроме случаев ответственности независимо (без) вины.

При реформировании гражданского законодательства в 2013–2015 гг. подверглись существенному изменению общие нормы обязательственного права, в том числе договорного права. Но реформа не повлияла на фундаментальные категории деликтного права. Оно продолжает существовать как относительно стабильный институт отечественного гражданского права, не подвергающийся существенным изменениям. Наряду с общим деликтом в ГК РФ закреплён традиционный перечень специальных деликтов, который не изменялся с момента его введения в действие.

Однако нормы деликтного права не соответствуют современному уровню развития общественных отношений и уже давно нуждаются в обновлении.

Во-первых, специальные деликты, закреплённые в ГК РФ, давно известны. Некоторые из них были предусмотрены ещё Гражданским кодексом РСФСР 1922 г.: ответственность за вред, причинённый деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих (ст. 404); недееспособным (ст. 405); неправильными служебными действиями должностного лица (ст. 407).

Их перечень был существенно расширен в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г., появились специальные правила об ответственности за вред, причинённый: по вине работников организации (ст. 445); гражданину в результате незаконного осуждения, привлечения к уголовной ответственности, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ (ст. 447); несовершеннолетним, не достигшим пятнадцати лет (ст. 450) или несовершеннолетним в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет (ст. 451); гражданином, неспособным понимать значения своих действий (ст. 453); были закреплёны более детальные правила о возмещении вреда, причинённого повреждением здоровья (ст. 459–466) и др.

В действующем ГК РФ не только увеличилось количество статей о специальных случаях возмещения причиненного вреда: о предупреждении причинения вреда (ст. 1065 ГК РФ), об ответственности за вред, причиненный ограниченно дееспособным (ст. 1077 ГК РФ). Нормы о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, закреплены в отдельном параграфе. Появились не существовавшие ранее параграфы о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг и о компенсации морального вреда.

Однако деликтное право оказалось не приспособленным к эпохе цифровых технологий, ядром которых является искусственный интеллект. К ключевым цифровым технологиям XXI в. относят беспроводной интернет, Wi-Fi 6 и 5G, беспилотные системы, в том числе автомобили, робототехнику и др. Обладая несомненными достоинствами, они приводят к повышению рисков негативных последствий их использования, в том числе к причинению вреда. Это вызывает потребность исследования проблем правового регулирования неизвестных ранее общественных отношений. В доктрине активно обсуждается возможность специального правового регулирования при причинении вреда: а) нарушением в сети Интернет нематериальных благ граждан [3. С. 107–108]; б) нарушением цифровых прав [4]; в) роботами [5, 6], в том числе беспилотными транспортными средствами [7, 8]; г) искусственным интеллектом [9, 10] и т.д.

Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев в российской практике убытки, возникшие не вследствие причинения физического вреда жизни, здоровью или вещам, а *в результате поведения третьих лиц за пределами договора*, остаются не возмещенными.

Такие убытки называют *чисто экономическими убытками*, поскольку при их возникновении наличный вред имуществу не причиняется, «уменьшается лишь кошелек потерпевшего» [11. С. 139]. Как отмечает Ю.Е. Туктаров, общепризнанного определения понятия «чисто экономические убытки» пока не выработано, что обусловлено отрицанием такой юридической категории многими правовыми системами, хотя «концепция чисто экономических убытков принята германским правом и правовыми порядками англосаксонской семьи» [11. С. 140].

Не следует путать *убытки в экономическом смысле* и *чисто экономические убытки*. Под убытками в экономическом смысле понимаются любые потери в имуществе независимо от породивших их причин; под убытками в юридическом смысле – те невыгодные имущественные последствия, которые наступают для потерпевшего вследствие противоправного нарушения обязательства либо причинения вреда его личности или имуществу. Мы рассматриваем возмещение чисто экономических убытков как правовую категорию – меру внедоговорной ответственности, которая вызывает дополнительные отрицательные последствия в имущественной сфере правонарушителя.

Природа возмещения убытков неоднозначно понимается в доктрине. Господствует подход, согласно которому возмещение убытков является универсальной

формой гражданско-правовой ответственности. Некоторые ученые считают, что возмещение убытков мерой ответственности не является, убытки представляют собой любые потери в имуществе независимо от породивших их причин, смешивая тем самым убытки в экономическом и юридическом смысле. Так, по мнению О.И. Кучеровой, под убытками в гражданском праве следует понимать любой ущерб, имущественный вред, имущественные потери лица, причинение которых влечет установленные законом правовые последствия. Автор полагает, что упрочившийся в цивилистической доктрине взгляд на убытки как результат правонарушения является необоснованным, а доктринальный взгляд на убытки только как на результат правонарушения требует пересмотра [12. С. 6]. Такой же широкий подход к убыткам высказан Д.А. Торкиным [13. С. 85–88].

Однако о возмещении убытков в значении меры ответственности говорится в преобладающем большинстве норм ГК РФ. Широкое понимание возмещения убытков противоречит и судебной практике. Из анализа п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» [14] следует, что основанием возмещения убытков Верховный Суд признает *полный состав правонарушения*, за исключением ответственности независимо от вины. Такой же подход к основанию возмещения убытков был изложен в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [15].

Убытки могут быть:

1) денежной формой физического вреда, причиненного жизни, здоровью или вещам – они подлежат возмещению по нормам главы 59 ГК РФ;

2) следствием противоправного вмешательства третьих лиц в договорные правоотношения. Этим поведением создаются условия для неисполнения или ненадлежащего исполнения договора;

3) результатом нарушения иных относительных прав (корпоративных, преддоговорных и др.).

В литературе приводятся многочисленные примеры *убытков как следствия вмешательства третьих лиц в договорные правоотношения*:

1) аптеки, магазины вынуждены конкурировать с рядом находящимися крупными сетевыми предпринимателями, которые, сознательно занижая цены, в конечном итоге вызывают убытки мелких аптек и магазинов [16. С. 121];

2) вторжение в договорные отношения третьих лиц: например, крупный арендатор помещений в торговом центре ставит арендодателю условие, чтобы тот в будущем запретил другим арендаторам продавать на этих площадях определенные товары. У мелких арендаторов возникают убытки, причиненные другим арендатором [17. С. 24];

3) переведенные убытки имеют место, например, при случайном причинении вреда имуществу собственника, переданного им в аренду. Если по условиям

договора аренды риск случайной гибели или повреждения арендованного имущества был перенесен на арендатора, то его убытки носят чисто экономический характер [16. С. 122–123];

4) рикошетные убытки, которые возникают, например, из-за задержки транспортных средств в пробке, у торговых предприятий, не получивших своевременно груз; или лидеру хоккейной команды причинен вред здоровью в результате ДТП, что лишило его возможности выступать в чемпионате. Владелец команды пострадавшего игрока терпит чисто экономические убытки [11. С. 142]. Рикошетные убытки имеют место при причинении вреда линейным объектам ресурсоснабжающих организаций, в результате чего останавливается работа конечного потребителя или потребитель вынужден приобретать дорогостоящий генератор для обеспечения электричеством и отоплением [16. С. 123];

5) закрытие объектов инфраструктуры. Например, закрытие рынков, шоссе, морских путей и других аналогичных объектов приводит к невозможности исполнения договорных обязательств потерпевших [11. С. 143; 16. С. 122] и др.

Чисто экономические убытки могут быть следствием нарушения не только договорных, но и *иных относительных прав*. О.В. Гутников приводит примеры причинения таких убытков при нарушении корпоративных прав, например при рейдерском захвате предприятия, который приводит к резкому падению рыночной стоимости акций, из-за чего акционеры терпят убытки, или при создании препятствий участнику корпорации в осуществлении его корпоративных прав и т.д. [17. С. 25–26]. В случаях, прямо предусмотренных ГК РФ, допускается возмещение убытков, возникших не в связи с причинением *наличного* вреда: убытков, причиненных незаконным отказом в государственной регистрации прав на имущество, уклонением от государственной регистрации или убытков, причиненных преддоговорным правам и др.

Их объединяет следующее: в договорные или иные относительные правоотношения вторгается третье лицо, именуемое в литературе интервентом [17. С. 24; 18. С. 54], и своими действиями вызывает невозможность исполнения или надлежащего исполнения обязанностей. Иными словами, третье лицо причиняет вред договорным и иным относительным правам.

В *цивилистической доктрине* существует два подхода к возможности возмещения чисто экономических убытков на основании действующего законодательства.

По мнению большинства авторов, такие убытки возмещению не подлежат. В.А. Белов справедливо отмечает: «...в отсутствие законодательного регулирования такого рода отношений на них не следует натягивать не рассчитанную и не приспособленную для этого категорию деликта. До внесения соответствующих законодательных изменений их следует признавать не попадающими в правовое поле» [19. С. 11].

Другие полагают, что такой способ защиты относительных прав, как возмещение чисто экономических убытков, можно применять в судебной практике и сейчас. В советский период такая мысль высказывалась, в

частности, Е.А. Флейшиц [20. С. 330–331]. В настоящее время этой позиции придерживаются некоторые авторы (Д.Е. Богданов, О.В. Гутников, А.Г. Карапетов, О.Н. Садилов и др.). По мнению О.Н. Садилова, хотя споры о чисто экономических убытках имеют определенные особенности, «однако не требуют введения необычной экономико-технической терминологии и могут успешно разрешаться в рамках традиционных категорий гражданского права, основными из которых являются правонарушение, причинная связь, реальный ущерб и упущенная выгода» [21. С. 19]. О.В. Гутников считает, что принципиальная возможность или невозможность нарушения деликтами относительных прав в современных условиях не должна играть никакой роли для решения вопроса о допустимости возмещения вреда, причиненного имущественным правам [17. С. 33]. В то же время автор отмечает, что сохраняются определенные сомнения, вызванные отсутствием прямых норм в законе и однозначных разъяснений высших судов, а также доктринальными представлениями о том, что деликтная ответственность наступает только за нарушение абсолютных прав [17. С. 34].

Различия в научных подходах в основном базируются на оценке понятия «имущество», данного в п. 1 ст. 1064 ГК РФ, согласно которому вред, причиненный личности или *имуществу* гражданина, а также вред, причиненный *имуществу* юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Те, кто понимает под имуществом не только вещи, но имущественные права (ст. 128 ГК РФ), считают, что деликтное право применимо и при нарушении относительных прав. По мнению других, под имуществом по ст. 1064 ГК РФ следует понимать только вещи, поэтому нормы о деликтах не распространяются на случаи нарушения относительных прав.

В *судебной практике* по спорам о возмещении убытков, причиненных относительным правам, отсутствует единообразие. Как правило, суды отказывают в их возмещении. Однако не так давно Верховным Судом РФ было вынесено несколько определений [22–24], которые ученые расценивают как «своеобразное тестирование самой возможности решения дел» о возмещении чисто экономических убытков [16. С. 116]. В каждом из названных дел истцы не смогли взыскать убытки с контрагента договора, поэтому были вынуждены обратиться с иском к третьему лицу, которое стороной договора не являлось, но убытки возникли именно в результате его поведения. Такая нетрадиционная судебная практика послужила поводом для активизации научной дискуссии о чисто экономических убытках.

Позволю предложить свое видение проблемы возмещения чисто экономических убытков.

Представляется, что в настоящее время Гражданский кодекс РФ не предусматривает возможность возмещения убытков, причиненных относительным правам.

Во-первых, нельзя применить общие нормы о гражданско-правовой ответственности, в Гражданском кодексе РФ они просто отсутствуют, за редким исключением (ст. 15 ГК РФ о возмещении убытков).

Во-вторых, глава 25 ГК РФ к таким случаям неприемима. Она называется «Ответственность за нарушение обязательств». В нормах, содержащихся в этой главе, речь идет об ответственности за нарушение уже существующего обязательства, т.е. о договорной ответственности.

В-третьих, глава 59 ГК РФ об обязательствах из причинения вреда также не рассчитана на возмещение таких убытков. Можно предложить следующие аргументы в пользу данного вывода.

1. Широкое понимание некоторыми учеными термина «имущество», используемого в п. 1 ст. 1064 ГК РФ, противоречит содержанию правил главы 59 ГК РФ. В данной главе деликт понимается узко, как нарушение абсолютных гражданских прав путем причинения физического вреда жизни, здоровью или вещам потерпевших.

Не секрет, что многие термины используются законодателем в различных смыслах. Как пишет Р.Р. Лутманов, далеко не всегда законодатель особенно беспокоится о чистоте словоупотребления. В таких случаях определять их содержание следует, исходя из соответствующего правового поля [16. С. 141]. В дополнение к сказанному отмечу, что такое утверждение относится не только к имуществу, но и к убыткам, гражданско-правовой ответственности и другим правовым понятиям, которым законодатель придает различный смысл, о чем неоднократно указывалось в литературе [21. С. 6, 7].

2. Если согласиться с учеными, допускающими возможность их возмещения на основании уже существующих норм о деликтах, то нужно признать, что чисто экономические убытки должны взыскиваться во всех случаях их причинения при наличии традиционных условий деликтной ответственности. Однако в судебной практике такой подход не наблюдается; наоборот, суды, как правило, убытки, причиненные относительным правам, не возмещают. В противном случае это могло бы привести к краху всей системы правосудия: росту судебных исков и сумм исковых требований, безграничному расширению круга потерпевших, чрезмерному усугублению имущественных последствий для причинителя вреда вплоть до его банкротства и др. [11. С. 147].

3. Очевидно, что условия возмещения убытков, причиненных относительным правам, обладают особенностями, требующими специальной правовой регламентации. Однако предусмотренные главой 59 ГК РФ специальные деликты определяют особые условия возмещения только физического вреда, причиненного жизни, здоровью или вещам. Ни в одном из специальных деликтов не указаны условия возмещения вреда, причиненного относительным правам. Применение норм о деликтах к сторонам договора возможно *только при причинении вреда их жизни или здоровью* (ст. 1084 ГК РФ). Следовательно, логичен вывод о том, что при причинении вреда имущественным правам сторон договорного обязательства нормы о деликтах не применяются.

Интересно, что при отсутствии общих норм о возмещении чисто экономических убытков, в то же время

в Гражданском кодексе существует множество особых правил об их возмещении в отдельных случаях: а) при недействительности сделок (абз. 3 п. 1 ст. 171, абз. 2 и 3 п. 6 ст. 178, п. 4 ст. 179 ГК РФ и т.д.); б) при нарушении преддоговорных относительных прав (п. 4 ст. 165, п. 5 ст. 429, п. 4 ст. 445 ГК РФ); в) при неосновательном обогащении (п. 2 ст. 1104, п. 1 ст. 1105, ст. 1107 ГК РФ) и др.

В процессе реформирования ГК РФ появились новые правила о возмещении убытков, возникших не в связи с причинением *наличного* вреда: а) при отказе в государственной регистрации прав на имущество или при уклонении от нее, а также в связи с внесением в государственный реестр незаконных или недостоверных данных о праве (п. 9 ст. 8.1 ГК РФ); б) при привлечении к ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица (ст. 53.1. ГК РФ); в) при предоставлении стороне недостоверных заверений об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (ст. 431.2 ГК РФ); г) при недобросовестном вступлении стороны в переговоры о заключении договора, их проведении и по их завершении или при передаче информации, которая передается ей другой стороной в качестве конфиденциальной (ст. 434.1. ГК РФ). Это далеко не полный перечень специальных норм о возмещении чисто экономических убытков.

Существование в ГК РФ отдельных правил о чисто экономических убытках лишь усугубляет проблему их возмещения, поскольку они расположены в ГК РФ так, что трудно вообще понять, являются ли они формой гражданско-правовой ответственности, и если являются, то к какому именно виду такой ответственности их следует отнести. Анализ этих правил позволяет утверждать, что основанием возмещения признается правонарушение. В то же время закон называет различные основания и условия возмещения рассматриваемых убытков, несмотря на общность природы. Например, в п. 3 ст. 165 ГК РФ основанием их взыскания является *необоснованное уклонение* от нотариального удостоверения или государственной регистрации сделки. В абз. 2 п. 4 ст. 431.2. ГК РФ условием ответственности названо *знание* стороны, предоставившей при заключении договора либо до или после его заключения недостоверные заверения об обстоятельствах, либо о том, что другая сторона будет полагаться на такие заверения. В соответствии с п.п. 2 и 3 ст. 434.1 ГК РФ основанием возмещения преддоговорных убытков является недобросовестное поведение стороны переговоров о заключении договора. Иногда субъективным условием возмещения убытков вне договора законодатель называет состояние лица, *при котором оно знало или должно было знать* о нарушении условий сделки в момент ее заключения, т.е. его вину. Так, дееспособная сторона сделки обязана возместить другой стороне убытки в полном объеме или в части реального ущерба, если дееспособная сторона знала или должна была знать о дефектах сделки (абз. 3 п. 1 ст. 171, абз. 2 п. 1 ст. 175, абз. 2 п. 1 ст. 176, п. 3 ст. 177, п. 4 ст. 179 ГК РФ) и т.д.

Такой разноречивой в формулировках основания и условий возмещения чисто экономических убытков при полном отсутствии общих норм, конечно, не способствует формированию единообразной правоприменительной практики.

Таким образом, за рамками правового поля остается огромный пласт общественных отношений, которые нуждаются в каком-либо законодательном регулировании.

Возможны два основных варианта решения проблемы взыскания чисто экономических убытков.

Согласно *первому варианту* вносить изменения в Гражданский кодекс не нужно, а судебные споры о возмещении убытков, причиненных относительным правам, следует разрешать на основании ст. 1064 ГК РФ, исходя из конкретных обстоятельств дела. Применение по аналогии правил главы 25 ГК РФ о договорной ответственности не представляется возможным, так как оно нарушало бы незыблемый постулат договорной ответственности – это ответственность перед стороной договора, а не перед третьими лицами. *Таким образом, надеяться на достаточность правового инструментария деликтного права по крайней мере наивно.*

Поэтому предпочтительным представляется *второй вариант* – расширить рамки деликтной ответственности путем закрепления в главе 59 ГК РФ еще одного специального деликта. Такое предложение уже было высказано в литературе. Так, С.А. Сеницын отмечает, что «вмешательство интервента в чужое обязательство является особым и самостоятельным противоправным действием, от совершения которого нормами законодательства целесообразно максимально оградить кредитора, сохраняющего возможность привлечения к ответственности интервента в случае совершения последним действий, повлекших нарушение договорных обязательств должником. Действия интервента нуждаются в самостоятельной юридической квалификации», «мотивы и намеренное поведение интервента должны быть квалифицированы как особая разновидность гражданско-правового деликта» [18. С. 54]. О.В. Гутников поддерживает это мнение и считает, что, несмотря на наличие в законе общей возможности применения деликтной ответственности при причинении вреда относительным правам, целесообразно все же нормативно сформулировать основания и

условия применения деликтной ответственности за причинение им вреда [17. С. 34].

Особенности предлагаемого специального деликта должны быть четко регламентированы.

Во-первых, основанием ответственности за нарушение относительных прав должно признаваться *правонарушение с полным составом*, элементы которого существенно отличаются от элементов обычного (классического) деликта:

1. Не должен действовать принцип генерального деликта. Противоправность поведения третьего лица должна быть доказана истцом. В связи с этим Р.Р. Лугманов указывает, что «если же мы пойдем против здравого смысла и будем настаивать на презумпции противоправности, в том числе для случаев, когда под воздействием внешних факторов становится неисполнимым обязательство (представляющее собой относительное правоотношение), то мы ввергнем в масштабный коллапс весь экономический оборот» [16. С. 144].

2. Следует согласиться с авторами, которые считают, что ответственность за причинение вреда относительным правам должна строиться только на началах вины, с возложением бремени ее доказывания на потерпевшего. По общему правилу причинитель вреда должен действовать умышленно [11. С. 166–167; 17. С. 35]. Хотя, по мнению О.В. Гутникова, «возможна также дифференциация формы вины в зависимости от вида причинной связи между противоправным действием и наступившим вредом: умысел и грубая неосторожность, если действие повлекло наступление вреда; только умысел – если действие лишь создало необходимые условия для наступления вреда» [17. С. 34–35].

3. Потерпевший должен доказать, что именно в результате поведения интервента стало невозможным исполнение должником своих обязанностей полностью или в части и привело к возникновению у него убытков.

Во-вторых, пределом деликтной ответственности должно выступать правило о недопустимости неосновательного обогащения потерпевшего.

В-третьих, необходимо предусмотреть вид ответственности при множественности лиц на стороне причинителя вреда (солидарная или долевая).

В-четвертых, требуется закрепить основания уменьшения размера возмещаемых убытков, а также основания отказа в иске.

Список источников

1. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. : введен в действие Постановлением ВЦИК от 11.11.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
2. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. : утв. Законом РСФСР от 11.06.1964 // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.
3. Курбанова П.К. Проблема защиты нарушенных в сети Интернет нематериальных благ граждан // Экономическая безопасность и права человека в контексте гражданского и арбитражного судопроизводства : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (27 ноября 2021). Махачкала : АЛЕФ, 2021. С. 105–109.
4. Василевская Л.Ю. Деликтная ответственность за нарушение цифровых прав: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2024. № 2. С. 2–5.
5. Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10. С. 63–72.
6. Ибрагимов Р., Сурагина Е. Право машин. Как привлечь робота к ответственности // Корпоративный юрист. 2017. № 11. URL: <http://e.korpurist.ru/article.aspx?aid=599113> (дата обращения: 17.10.2024).
7. Ли Ч., Менг С. Внедоговорная ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами // Закон. 2020. № 3. С. 49–56.
8. Федоров Д.В. Безвиновная ответственность за причинение вреда при эксплуатации высокоавтоматизированного и полностью автоматизированного транспортного средства как источника повышенной опасности // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 191–211.

9. Гайворонская Я.В., Гальчун Е.А. Вред, причиненный искусственным интеллектом: аспекты ответственности и правосубъектности // *Advances in Law Studies*. 2021. Т. 9, № 4. С. 76–80.
10. Никитенко С.В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2023. № 1. С. 156–174.
11. Туктаров Ю.Е. Чисто экономические убытки // *Убытки и практика их возмещения* : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2006. С. 138–168.
12. Кучерова О.И. Убытки по российскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 27 с.
13. Торкин Д.А. Возмещение убытков и гражданско-правовая ответственность в условиях рыночной экономики // *Современное право*. 2014. № 2. С. 85–89.
14. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2016. № 5.
15. О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2015. № 8.
16. Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019. № 2. С. 115–153.
17. Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // *Закон*. 2017. № 1. С. 22–37.
18. Синицын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 61 с.
19. Белов В.А. Интервью журналу «Закон» // *Закон*. 2020. № 3. С. 8–23.
20. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения // Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2015. Т. 2. С. 309–443.
21. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М. : Статут, 2009. 121 с.
22. Определение Верховного суда РФ от 22.05.2017 № 303-ЭС16-19319 // Верховный Суд РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1545006
23. Определение Верховного суда РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368 // Верховный Суд РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1650220
24. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.07.2018 № 4-КГ18-44 // *Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации*. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07072018-n-4-kg18-44/>

References

1. RSFSR. (1922) Civil Code of the RSFSR 1922: put into effect by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 11.11.1922. *SU RSFSR*. 71. Art. 904. (In Russian).
2. RSFSR. (1964) Civil Code of the RSFSR 1964: approved by the Law of the RSFSR of 11.06.1964. *Vedomosti VS RSFSR*. 24. Art. 406. (In Russian).
3. Kurbanova, P.K. (2021) [The problem of protecting violated intangible benefits of citizens on the Internet]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i prava cheloveka v kontekste grazhdanskogo i arbitrazhnogo sudoproizvodstva* [Economic security and human rights in the context of civil and arbitration proceedings]. Conference Proceedings. Makhachkala: ALEF. pp. 105–109. (In Russian).
4. Vasilevskaya, L.Yu. (2024) Deliktная ответственность за нарушение цифровых прав: проблемы и перспективы развития [Tort liability for violation of digital rights: Problems and development prospects]. *Grazhdanskoe pravo*. 2. pp. 2–5.
5. Iriskina, E.N. & Belyakov, K.O. (2016) Pravovye aspekty grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za prichinenie vreda deistviyami robota kak kvazisub"ekta grazhdansko-pravovykh otnoshenii [Legal aspects of civil liability for harm caused by the actions of a robot as a quasi-subject of civil legal relations]. *Gumanitarnaya informatika*. 10. pp. 63–72.
6. Ibragimov, R. & Suragina, E. (2017) Pravo mashin. Kak privlech' robota k otvetstvennosti [The law of machines: How to hold a robot accountable]. *Korporativnyi yurist*. 11. [Online] Available from: <http://e.korporist.ru/article.aspx?aid=599113>
7. Li, Ch. & Meng, S. (2020) Vnedgovornaya otvetstvennost' za vred, prichinenny bespilotnymi transportnymi sredstvami [Non-contractual liability for harm caused by unmanned vehicles]. *Zakon*. 3. pp. 49–56.
8. Fedorov, D.V. (2020) Bezvinovnaya otvetstvennost' za prichinenie vreda pri ekspluatatsii vysokoavtomatizirovannogo i polnost'yu avtomatizirovannogo transportnogo sredstva kak istochnika povyshennoi opasnosti [No-fault liability for harm caused by highly automated and fully automated vehicles as a source of increased danger]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 6. pp. 191–211.
9. Gaivoronskaya, Ya.V. & Gal'chun, E.A. (2021) Vred, prichinennyi iskusstvennym intellektom: aspekty otvetstvennosti i pravosub"ektnosti [Harm caused by artificial intelligence: Aspects of liability and legal personality]. *Advances in Law Studies*. 9 (4). pp. 76–80.
10. Nikitenko, S.V. (2023) Kontseptsii deliktnoi otvetstvennosti za vred, prichinennyi sistemami iskusstvennogo intellekta [Concepts of tort liability for harm caused by artificial intelligence systems]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*. 1. pp. 156–174.
11. Tuktarov, Yu.E. (2006) Chisto ekonomicheskie ubytki [Pure economic losses]. In: Rozhkova, M.A. (ed.) *Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya* [Damages and the practice of their compensation]. Moscow: Statut. pp. 138–168.
12. Kucheroval, O.I. (2006) *Ubytki po rossiiskomu grazhdanskomu pravu* [Damages in Russian civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
13. Torkin, D.A. (2014) Voymeshchenie ubytkov i grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' v usloviyakh rynochnoi ekonomiki [Compensation for damages and civil liability in a market economy]. *Sovremennoe pravo*. 2. pp. 85–89.
14. Supreme Court of the Russian Federation. (2016) Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 7: On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 5. (In Russian).
15. Supreme Court of the Russian Federation. (2015) Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25: On the application by courts of certain provisions of Section 1 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 8. (In Russian).
16. Lugmanov, R.R. (2019) Deliktное право как средство взыскания чисто экономических убытков [Tort law as a means of recovering pure economic losses]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*. 2. pp. 115–153.
17. Gutnikov, O.V. (2017) Deliktная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве [Tort liability for the violation of relative rights: Prospects for development in Russian law]. *Zakon*. 1. pp. 22–37.
18. Sinitsyn, S.A. (2017) *Obshchee uchenie ob absol'yutnykh i otnositel'nykh sub"ektivnykh grazhdanskikh pravakh* [General doctrine of absolute and relative subjective civil rights]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
19. Belov, V.A. (2020) Interv'yū zhurnal "Zakon" [Interview with the journal "Zakon"]. *Zakon*. 3. pp. 8–23.
20. Fleishits, E.A. (2015) Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya [Obligations from tort and unjust enrichment]. In: Fleishits, E.A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected works on civil law]. Vol. 2. Moscow: Statut. pp. 309–443.
21. Sadikov, O.N. (2009) *Ubytki v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii* [Damages in the civil law of the Russian Federation]. Moscow: Statut.
22. Supreme Court of the Russian Federation, (2017) *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 22, 2017 No. 303-ES16-19319*. [Online] Available from: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1545006 (In Russian).

23. Supreme Court of the Russian Federation. (2018) *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 11, 2018 No. 306-ES17-18368*. [Online] Available from: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1650220 (In Russian).
24. Supreme Court of the Russian Federation. (2018) *Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 17, 2018 No. 4-KG18-44*. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07072018-n-4-kg18-44/> (In Russian).

Информация об авторе:

Шепель Т.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tomaser@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Shepel, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomaser@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.10.2024;
одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.*

*The article was submitted 21.10.2024;
approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.*